СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОНТ

СЕРИЯ
«РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МИРОВОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ»

Главный Редактор
Академик Российской Академии Наук
Г. М. Бонгард-Левин

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОНТ

С.КАРПОВ

Российские исследования
по мировой истории и культуре
Том 15

The Edwin Mellen Press
Lewiston-Queenston-Lamperter

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

A CIP catalog record for this book is available from the British Library

ISBN 0-7734-3167-5

This is volume 15 in the continuing series
Russian Studies in World History and Culture
Volume 15 ISBN 0-7734-3167-5
RSWHC Series ISBN 0-7734-7191-X

Copyright © 2001 Sergei Pavlovich Karpov

All rights reserved. For information contact

The Edwin Mellen Press
Box450
Lewiston, New York
USA 14092-0450

The Edwin Mellen Press
Box67
Queenston, Ontario
CANADA L0S 1L0

The Edwin Mellen Press, Ltd.
Lampeter, Ceredigion, Wales
UNITED KINGDOM SA48 8LT

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 1

Глава 1. Очерк истории Понта от античности до образования Трапезундской империи 5

Глава 2. Образование Трапезундской империи /1204 – 1215 гг./ 85

Глава 3. Трапезундская империя и Византия 127

Глава 4. Трапезундская империя и русские земли 179

Глава 5. Культура Трапезундской империи 195

Глава 6. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города 253

Глава 7. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-восточного Причерноморья (XIV—середина XV в.) 263

Глава 8. О торговых привилегиях итальянских морских республик в Трапезундской империи 275

Глава 9. Венецианско-трапезундский конфликт 1374-1376 гг. и неизвестный мирный договор 1376 г. 289

Глава 10. Генуэзский нотарий в Трапезундской империи: Guirardo di San Donato 303

Глава 11. Между Западом и Востоком. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? 309

Глава 12. Причерноморье в XV веке по материалам собрания Diversorum, Filze Секретного Архива Генуи 327

Глава 13. Возникновение Таны 343

Глава 14. От Таны – в Ургенч. Эти трудные дороги средневековья 363

Глава 15. Гражданский статус и этнический состав населения итальянских факторий Причерноморья в XIV-XV вв. 373

Глава 16. Новые данные о православном приходе в Азове в XIV -XV вв. 381

Глава 17. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. 397

Summary 427

Указатель имен собственных и географических названий 431

CONTENTS

Introduction 1

Chapter 1. Outline of the history of the Pontos from antiquity to the foundation of the Empire of Trebizond 5

Chapter 2. The Foundation of the Empire of Trebizond /1204 – 1215/ 85

Chapter 3. The Empire of Trebizond and Byzantium 127

Chapter 4. The Empire of Trebizond and Russian principalities 179

Chapter 5. Culture of the Empire of Trebizond 195

Chapter 6. Italian trade in Trebizond and its influence on the economic development of the late Byzantine town 253

Chapter 7. Taxation of Italian trade and the volume of commodity circulation in the towns of Southern and South-Eastern Black Sea area (14th - mid 15th centuries) 263

Chapter 8. On the trade privileges of the citizens of Italian maritime republics in the Empire of Trebizond 275

Chapter 9 The confrontation of Venice and Trebizond in 1374-1376 and an unknown peace treaty of 1376 289

Chapter 10. A Genoese notary in the Empire of Trebizond: Guirardo di San Donato 303

Chapter 11. Between West and East. The crisis of the mid 14th century: an underestimated turning-point? 309

Chapter 12. The Black Sea area in the 15th century according to documents of Diversorum, Filze of the Secrete Archives of Genoa 327

Chapter 13. On the origin of Tana 343

Chapter 14. From Tana to Urgenj. Those difficult routes of the middle ages 363

Chapter 15. Civil status and ethnic composition of the population of Italian Black Sea trading stations in the 14th-15th centuries 373

Chapter 16. New data on the Orthodox parish in Azov in the 14th-15th centuries 381

Chapter 17. Documents for the history of Venetian Tana in the second half of the 14th century 397

Summary 427

Index of Names 431

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	Античная древность, средние века. Свердловск/Екатеринбург.
АП	Ἀρχεῖον Πόντου
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВИ	Вопросы истории
ВО	Византийские очерки
ЗООИД	Записки Одесского Общества Истории и Древностей
ЗРВИ	Записки Радова Византолошког Института
ИРАИК	Известия Русского Археологического Института в Константинополе
ИТУАК	Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии
ИФЖ	Историко-филологический журнал. Ереван
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
НЭ	Нумизматика и Эпиграфика
СВ	Средние века
УЗ	Ученые записки
ASLSP	Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova
BF	Byzantinische Forschungen
BMGS	Byzantine and Middle Greek Studies
BS	Byzantinoslavica
Byz	Byzantion

DOP	Dumbarton Oaks Papers
EO	Echos d'Orient
GGM	Geographi graeci minores / ed. C. Müller. Paris, 1855; 1861. T. 1-2.
HDSE	*Rosenqvist J.O.* The Hagiographic Dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996.
JA	Journal Asiatique
JÖB	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
ΚΕΦΣ	Ο εν Κωνσναντινουπόλει Ελληνικός Φιλολογικός Σύλλογος.
LPP	*Lampros Sp. P.* Παλαιολόγεια και Πελοποννησιακά. Athenai, 1912-1930. T.1-4.
MGH	Monumenta Germaniae Historica.
MHR	Mediterranean Historical Review, Tel Aviv – London
MM	*Miklošich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana
NC	Numismatic Chronicle
NE	Νέος Ελληνομνήμων
OCP	Orientalia Christiana Periodica
PLP	Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Fasc.1-12, Addenda. Wien, 1976-1996.
PRK	Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. I-II Teil. Wien, 1981; 1995.
REB	Revue des Études Byzantines
RESEE	Revue des études sud-est européennes
RHC, DA	Recueil des Historiens des Croisades, Documents Arméniens. Paris.
RHC, HOcc.	Recueil des Historiens des Croisades, Historiens Occidentaux. Paris
RHC, HOr.	Recueil des Historiens des Croisades, Historiens Orientaux. Paris
RIS	Rerum Italicarum scriptores, ed. L. Muratori.
ROL	Revue de l'Orient Latin
SV	Studi Veneziani.
TM	Centre de Recherche d'Histoire et du Civilisation de Byzance. Travaux et Mémoires.

TT *Tafel G.L.F., Thomas G.M.* Urkunden zur älteren Handels-und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante vom neunten bis zum Ausgang des fünfzehnten Jahrhunderts. Wien, 1856-1857. Bd. 1 – 3 [Repr.: Amsterdam, 1964].

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю книга посвящена истории Причерноморья, берега которого в средние века были перекрестком разных цивилизаций, оживленным торговым мостом между Западом и Востоком, зоной противоборства между Византией, миром степей, все более подчиняемым исламской культуре, и итальянскими морскими республиками, прежде всего – Генуей и Венецией, активно пробивавшимися на рынки всего Средиземноморья. Пик этих контактов приходится на XIII – XV вв., образующие как бы хронологический центр книги. Ее географическим центром являются две узловые области – Северо-Восточная Анатолия (Понт) и Приазовье. Там заканчивались морские дороги Средиземноморья и начинались караванные пути Востока. Приазовье и Крым (с главнейшими городами – Каффой и Таной, на месте современных Феодосии и Азова) – Трапезунд – Константинополь образовывали своеобразный треугольник, по сторонам которого шли морские трассы, волны западноевропейской колонизации и линии напряжения в борьбе за политическую гегемонию в регионе.

Как кажется, именно Понт и Приазовье оказываются и менее изученными, хотя бы при сопоставлении круга уже опубликованных и неизданных архивных материалов. Круг источников вообще необычайно широк – от византийской исторической литературы – до сочинений восточных авторов и русских летописей, но сами сведения в них, как правило, фрагментарны. Наиболее плодоносный слой, наряду с хорошо изученными хронистикой и агиографией Трапезундской империи, представляют малоисследованные документы из итальянских архивов конца XIII – XV столетий.

Слово Понт употребляется в научной литературе в нескольких смыслах: 1) Черное море как таковое, древний Понт Эвксинский; 2) все

области, прилегающие к Черному морю; 3) побережье Южного Причерноморья, примерно от Синопа до реки Чорох с центром в Трапезунде. Мы пользуемся этим термином и во втором, и, главным образом – в третьем, техническом значении.

Называя книгу «Средневековый Понт», я прежде всего стремился обрисовать разные стороны складывания и исторического бытия средневекового Понтийского государства, ставшего в 1204 г. Трапезундской империей или империей Великих Комнинов (по имени правящей там династии). Это еще не полная история Трапезундской империи (1204 – 1461 гг.), цель наших многолетних исследований, но как бы введение в эту тему, с анализом истоков Понтийской государственности, его анаэробного вызревания в эпоху античности и в недрах Византии, его значения в мировой культуре и в системе международных экономических и политических связей средневековья. Но по мере продвижения к цели мне все яснее становилась глубокая органическая связь Северо-Востока и Юга Причерноморья, взаимодополняющих друг друга областей, нередко, как при Митридате VI, во времена римского, византийского и османского владычества входивших в состав единых держав. И даже когда этого не происходило, Трапезунд духовно окормлял греческое население Приазовья, был его церковной метрополией (и, временами, митрополией тоже), снабжал его вином и оливковым маслом, ремесленными изделиями, получая взамен зерно, соль, рыбу, важнейшие для Понта продукты, учитывая узость аграрной периферии области, отрезанной от остальной Анатолии горами.

Не случайно, что с началом итальянской колонизации Причерноморья во второй половине XIII в. Трапезунд и Тана были связанными направлениями деловой активности Генуи и Венеции. Тема роли и места итальянских морских республик в истории Причерноморья также является центральной в книге.

Наконец, мне хотелось объяснить суть глубоких перемен, потрясших экономику всего этого (и не только этого) региона в середине XIV в. Попыткой такого объяснения и стал раздел о всеобщем кризисе 30-х – 50-х гг. XIV столетия, подорвавшем окончательно силы и ресурсы Византии и обрекшем ее на гибель.

Итак, после экскурса в античную и ранневизантийскую историю Понта, носящего характер исторического введения, речь пойдет о почти трех бурных веках классического (или позднего) средневековья. Этот период открывается почти тектоническими событиями в судьбах

Евразии: захватом Константинополя крестоносцами в 1204 г. и образованием Латинской Романии и греческих государств на развалинах Византии; татаро-монгольскими завоеваниями в Азии и Европе в 20-х – 40-х гг. XIII в.; основанием могущественных монгольских империй Юга (ильханов) и Севера (Золотая Орда). Он заканчивается османскими завоеваниями Византии и областей Причерноморья в 1453 – 1475 гг. и постепенным вытеснением итальянских морских республик из их прежних факторий с «закрытием» османами Черного моря в экономическом смысле, как перекрестка международной торговли. Несмотря на это, огромный след и ключевое значение византийской культуры, понтийского эллинизма, итальянской колонизации, попыток симбиоза греков и славян с тюркскими народами нуждаются в более детальном и конкретном рассмотрении, чем это было сделано до сих пор. В специальной оценке нуждается и синкретический стиль в искусстве этого региона.

Часть вошедших в книгу глав публиковалась ранее в виде статей. Иные издаются впервые. Некоторые работы увидели свет только на иностранных языках и здесь представлены в моем авторизованном переводе. На предшествующие публикации сделаны указания в ссылках к каждой из глав или разделов. Во все изданные ранее тексты были внесены большие или меньшие дополнения и уточнения, было произведено посильное обновление библиографии с учетом основной литературы, вышедшей в последние годы. Я не стремился при этом к исчерпывающей полноте охвата материала, и в виду невозможности этого при почти безграничном расширении информационных потоков, и ради того, чтобы сохранить концептуальную целостность написанного ранее текста.

Я благодарен издательству Эдвин Меллен Пресс и академику Г.М. Бонгард-Левину за предложение подготовить и осуществить эту публикацию. Работа над рядом разделов осуществлялась при поддержке гранта Института Открытое общество (RSS, No: 297/1999).

Глава 1

ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОНТА ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ

Основное ядро античного и средневекового Понта в большей или меньшей степени совпадало с замкнутым естественно-географическим районом протянувшимся с востока на запад от устья реки Акампсис (Чорох) до устья реки Галис (Кызыл Ырмак). Омываемый с севера морем, с юга Понт был ограничен двумя горными цепями. Первая из них – Понтийские горы – цельное орографическое образование, с общими ботаническими характеристиками (зона распространения понтийской азалии и рододендрона) серпообразно протянулись от устья реки Чорох до устья реки Йешил Ырмак[1]. Три хребта Понтийских гор: Лазистанский (Париадр), Зигана и Джаник, а также среднее течение рек Чорох (линия тектонического разрыва) и Ликий (Келькит) были первой, ближней, естественной южной границей Понта. Вдоль нее легко строилась оборона. Параллельно этой цепи гор южнее, пересекая верховья Евфрата, проходила следующая горная цепь и при благоприятных обстоятельствах границы Понта могли достигать и этих, более дальних, рубежей. Понтийские горы, особенно на востоке, довольно высокие и трудно проходимые. Их скалистые пики достигают 3 – 4 тыс. м, в то время как к западу они понижаются до 2 – 3 тыс. м. Пересечь эти горы можно были лишь минуя несколько трудных горных перевалов, как правило, надежно защищаемых в случае нападения с суши. На пути к Трапезунду это были Зиганский проход (2025 м) и, восточнее, Понтийские ворота (2400 м), чаще используемые в летнее время. Вся территория Понта гористая, прибрежная полоса узка, и подчас горы прямо подходили к берегу и круто обрывались в море.

Единственные значительные долины образовывали наносы рек Галис и Ирис (Йешил Ырмак) на западе Понта[2].

В античности Понт считали относительно холодным районом. Аристотель, например, писал, что из-за зимнего холода на Понте не разводят ослов, чувствительных к морозам, а птицы зимой улетают оттуда в более южные места[3]. Он же отмечал резкие перепады между зимними холодами и летним зноем[4].

Однако, рассматривая Понтийскую область в целом, можно выделить три климатических зоны. Первая из них – прибрежная полоса влажных субтропиков. В Трапезунде в год выпадает в среднем 875 мм осадков, а на восточной границе, в Батуми, даже 2500 мм. Средняя температура воздуха в Трапезунде составляет весной 12°, летом – 22,5°, осенью – 17 °, зимой – 7,5° . Весна особенно капризна, с резкими перепадами давления, сменами направления ветра, иногда – бурями и грозами. Лето стабильно жаркое, но влажное, осенью облачность уменьшается, солнечных и ясных дней становится больше, частные дожди, как правило короткие, сменяются хорошей погодой. Зима относительно мягкая, хотя временами ветер с гор приносит кратковременное понижение температуры до нулевых отметок. Такие погодные условия нередко способствовали эрозии почв, порождали те странные, разделяемые оврагами, небольшими речками и протоками столовидные возвышения, на одном из которых и был построен Трапезунд. Буйная, яркая растительность поражала взгляд путешественника, прибывавшего с моря или из внутренних областей Анатолии. Климат благоприятствовал виноградарству и виноделию, садоводству, но не выращиванию злаков из-за сильно пересеченной местности.

Вторую зону составляла полоса высокогорных пастбищ (яйл) с плавным переходом от смешанных лесов к альпийской природе, с ее азалиями и рододендронами, придававшими особую красоту горам весной и особый пьянящий вкус горному понтийскому меду. Леса изобиловали дичью, а охота на куропаток, особенно в период их миграции, была легким и распространенным занятием. Эта полоса в средние века как бы отделяла оседлых земледельцев, греков и лазов, от полукочевого тюркского населения скотоводов. Здесь, на яйлах, шла длительная борьба за летние выпасы скота, за обладание высокогорными пастбищами, нередко совпадавшая с защитой границ Трапезундской империи. В эту борьбу были вовлечены не только местные жители, но и войска Трапезундской империи и ее тюркских

соседей[5]. Она получила отражение как в «Трапезундской хронике»[6], так и в огузском героическом эпосе «Деде Коркут»[7].

За перевалами, лежала третья зона, засушливое плато, с резко континентальным сухим климатом, значительными перепадами температур между зимой и летом и скудной растительностью. Она начиналась уже сразу, как только путник спускался с южных склонов Понтийских гор. С самим Трапезундом экономически были более всего связаны лежавшие в этой зоне район Пайперта и Халдии. Хотя там издавно выращивали злаки и даже превратили селения в житницы приморских городов, район был безлесным, и даже тростник (как топливо и строительный материал), собираемый по течению неблизких рек, например, Сирмены, представлял большую ценность и мог служить подарком даже епископу Пайперта[8].

В приморских областях Понта, как отмечалось, холодные зимы случались редко. Но тогда его города, включая и Трапезунд, оказывались в бедственном положении. Падеж скота, гибель плодовых деревьев, блокирование путей, разрушение домов из-за ветра и обильного снегопада были подлинной катастрофой. Она усугублялась, если бурное море препятствовало подвозу хлеба. К холоду добавлялся и голод, избавление от которого происходило только через открытие навигации и подвоз продовольствия морем. Но такие ситуации были необычными, и именно их экстраординарность и заставала неподготовленных жителей врасплох, оставляя им надежду лишь на заступничество своего святого патрона – Евгения[9]. Суровые зимы, однако, отмечены за перевалами, в области Пайперта и Халдии, где, начиная с октября, проливные дожди и сильные ветры или дожди со снегом и, затем, обильные снегопады могли прервать сообщение, на целые месяцы задерживая путешествующих[10].

Сильные засухи, иногда – следствие суховеев, происходили в понтийских долинах, вызывая пересыхание рек, гибель посевов и падеж скота. Но они не были частыми, и именно как чрезвычайные отмечаются агиографом в Хериане[11]. Трапезундцы внимательно следили за погодой, часто менявшейся на Понте. Поэтому и в трапезундском анонимном гороскопе 1336 г. так много сказано о холодной и дождливой весне, сухом и теплом лете, ветреной осени, сгущении весенних и осенних туманов, влажной и снежной зиме, благодатных дождях и добрых ветрах. Болезнетворным временем назван декабрь, с дождем и снегом, сильным ветром и холодом, в

январе ожидался сильный мороз, а в августе – умеренная жара, громы и молнии (без дождей) и облако пыли [12].

Источники изредка упоминают землетрясения на Понте; впрочем, ни одно из них не было катастрофичным. Если они были небольшими и происходили на чтимый праздник, они истолковывались как знак присутствия и благословения святого[13].

Неурожаи подчас были связаны с саранчой. Михаил Сириец, например, как страшное бедствие, вызвавшее голод, отмечает нашествие саранчи на территории от Египта до Персии, Ивирии и берегов Понта в 1195 г.[14] Трапезундский гороскоп прогнозирует появление саранчи в Газарии (Крыму) и пишет о влиянии этого на хлебные цены на Понте. Подобные же беды ожидали от крыс[15].

Гористый рельеф Понта и Пафлагонии создавал немалые трудности для сообщения по суше. На всем протяжении от Амастриды до Трапезунда лишь из района Амиса и Самсунского залива открывался удобный путь вглубь материка. Здесь две основных реки – Галис и Ирис – впадали в море, как бы образуя водораздел между Пафлагонскими горами и Париадром. Именно путь на юг от Амиса до Амасии, Зелы и Кесарии использовался со времен античности и пересекал главную артерию шедшую с запада на восток и соединявшую три основные плодородные долины Западного Понта – Фемискиры, Фанарии и Дазимона (ныне Чаршамба, Ташова и Казова)[16]. Пути от Трапезунда на юг были гораздо менее удобными и шли по ущелью реки Дегирмен дере, затем – через Зиганский проход или через урочище Кара Капан – Понтийские ворота[17]. Эти пути имели особое стратегическое значение со времен Римской империи и были главной торговой магистралью в XIII – XV вв. После османских завоеваний их значение резко упало[18]. Использовался также торговый путь от Синопа к Кесарии или к Гангре и Анкире, от Инея – к Никсару и Токату, от Триполи (Тиреболу) по течению р. Филабонит (Харшит) до Цанихи (Цанха, близ совр. Гюмюшхане), от Ризе к Испиру и, имевший второстепенное значение, путь через Пафлагонию – от Амастриды – на юг[19].

Теоретически был возможен и путь по суше от Пропонтиды до Понта, вдоль морского берега[20], но он редко использовался в античности и средневековье на всем протяжении из-за необходимости преодолевать многочисленные горные отроги и реки. Чаще использовались отрезки этого пути между главными портами, а от Трапезунда до Вати (Батуми) вплоть до XIX в. сколько-нибудь

пригодных сухопутных дорог не было вовсе и сообщение осуществлялось по морю[21]. Тем не менее, Прокопий Кесарийский измерял расстояние от Халкедона до реки Фасис 52 днями пути человека налегке, возможно, преуменьшая время возможного перехода[22]. Основной же северный сухопутный путь через Анатолию, известный еще с доисторических времен и используемый римскими и византийскими армиями, пролегал значительно южнее Понта – от Константинополя по долинам рек Амний (Гёк су), Галис и Ликий (Келькит) к Амасии, Неокесарии, Колонии, Феодосиуполю (Эрзеруму) При этом район Саталы, лежащей на этом пути, играл ключевую стратегическую роль. Он контролировал «проход» как к понтийским областям, так и в центр Анатолии. Поэтому в Сатале размещались значительные римские и византийские гарнизоны, а близ нее происходили многие кровопролитные сражения, решавшие судьбы региона (битвы Византии с персами в 530 и 623 гг., битва сельджуков с татаро-монголами при Кёседаг в 1242 г., столкновения Мехмеда II с Ак-Коюнлу в 60 – 70-е гг. XV в.). Путь от Трапезунда через Пайперт к Сатале позволял снабжать гарнизоны продовольствием и вооружением, доставляемыми по морю[23]. В IX в. через Пайперт проходили пути паломников (с Кавказа и из Трапезунда) в Иерусалим. В Пайперте старцы получали подаяние на этот нелегкий и дальний путь[24].

Торговые пути с севера на юг по суше не были лишены опасности как от нападения врагов, разбойников, так и даже от диких зверей. Волки и медведи могли испугать скот и загнать его в горы или загрызть на ночных стоянках[25]. Даже трехдневное путешествие по трудным горным дорогам казалось длинным[26]. Большим препятствием в пути были частые, густые туманы и низкая облачность, особенно в восточной части Понта[27].

Морские пути были зачастую удобнее сухопутных. Лежащие друг против друга мысы Карамбис на Анатолийском берегу и Криуметопон (Бараний лоб) – на Крымском лежали на оси в самом узком месте Черного моря и как бы делили его на два моря[28]. Именно вдоль этой оси шли нисходящее и восходящее течения, с древности используемые мореходами для быстрейшего пересечения Эвксинского Понта. Уже с конца V – начала IV в. до н.э. этот кратчайший морской путь был освоен греками и активно использовался в течение всего средневековья[29]. Столь же привычной была навигация вдоль северного побережья Анатолии и в Азовское море[30].

К сложностям плавания в Черном море античные и средневековые авторы относили туманы «по всей окружности» Понта, большое число отмелей и оледенение северной части моря в зимнее время[31]. Осенние бури с сильным встречным ветром также представляли опасность; плотная пелена дождя, волны, захлестывающие палубу, и вздымающиеся до неба, невидимого для плавающих – таким рисует шторм у берегов Пафлагонии агиограф, описывающий путь из Константинополя в Трапезунд. Чтобы спасти людей и судно, капитан был вынужден прибегать к традиционному средству – выбрасыванию всего груза за борт[32]. Опасными для навигации в бурю считались и устья рек, например, Сангария, при впадении в море образовывавших воронки, сложные и опасные течения[33]. Зимнее плавание еще в IX в. казалось делом исключительным и рискованным, требующим мужества, причем даже путь между Амастридой и Трапезундом расценивался агиографом как долгий[34]. Ситуация сильно изменилась с XIII в., когда иные корабли и мореходный опыт генуэзцев и венецианцев фактически расширили сезонные рамки навигации, всегда не лишенной риска, сделав и зимние перерывы все более короткими и подчас не обязательными[35].

Желая обезопасить себя в плавании, византийцы полагались и на высшие силы, и на накопленный навигационный опыт. Сплав этих двух компонент на огне астрологии привел к появлению любопытного жанра морских календарей. Два из них, относящиеся к X в., сохранились в рукописи, принадлежащей выходцу из Трапезунда кардиналу Виссариону, но касаются они плавания в Восточном Средиземноморье, а не в понтийских водах[36]. Аналогичных материалов для Причерноморья мне неизвестно.

Некоторые понтийские реки были судоходными в нижних течениях и по ним также можно было перевозить грузы на небольших судах – до 6 – 8 т. По реке Чорох, например, в середине XIX в. такие суда могли подняться примерно до 40 англ. миль вглубь суши, а по Йешил Ырмаку – почти до Амасии, на 60 миль[37]. Разумеется, эта навигация не была всесезонной и по экономическому значению не могла сравниваться с морскими или сухопутными путями.

* * *

В древности[38] область Юго-восточного Причерноморья, где позднее возникла Трапезундская империя, именовалась Понтом. Топоним был производным от принятого у греков названия Черного моря – Понт Эвксинский («море гостеприимное»). Однако, представления о пределах Понтийской области в античности были расплывчатыми и не раз менялись. То Понт считали частью Каппадокии[39], то относили его западную часть к Пафлагонии, а восточную – к Колхиде[40], то рубежами на западе определяли Босфор («устье Понта») и Пропонтиду[41]...

И все же, наиболее принятой следует считать традицию, у истоков которой стояли Геродот, а затем и Страбон. Они писали, что границей между Понтом и Пафлагонией является река Галис[42]. Устье Галиса[43] и районы западнее него[44] и считались большинством античных авторов рубежом двух областей. При передвижении границы к западу от Синопа учитывалась генетическая связь этого города с Понтом. "Последними пределами Понта" Аполлоний Родосский в III в. до н.э. именовал Фасис (Риони)[45], но реальные границы Понта на востоке совпадали с рубежами царства Митридата или Римской империи, т.е., как и в византийские времена, проходили по реке Чорох или немного западнее от нее. Южные же границы определялись горной цепью, пролегавшей чуть южнее верховьев реки Галис[46].

Южное Причерноморье до и в период Великой греческой колонизации (VIII – VI вв. до н.э.) населяли племена разного этнического происхождения: пафлагонцы и каппадокийцы (как иногда считают, родственные хеттам), тибарены, моссинойки, дрилы, халибы, мосхи, макроны, колхи (затем отпочковавшиеся от них лазы, принадлежащие к той же мегрело-чанской языковой группе[47]), чаны[48]. Основой их хозяйства было скотоводство. Халибы, жившие на территориях от реки Галис до р. Акампсис (Чорох), отличалось храбростью и во времена Ксенофонта имели укрепленные поселения, штурмовать которые не решались даже хорошо обученные и вооруженные греческие наемники Кира[49]. Халибы, по преданию, не занимались ни земледелием, ни скотоводством, но были известны как племя металлургов, издавна занимавшихся плавкой, ковкой и обработкой железа и серебра[50]; они оставили по себе память и в средневековье. Область к юго-западу от Трапезунда именовалась Халивией. Равным образом, и племя чанов (родственное картвелам) передало свое имя средневековому поселению Цаниха, и феодальному клану Цанихитов[51]. Эллинизация этих племен во второй половине I

тысячелетия до н.э. была заметной лишь на побережье и вокруг греческих полисов. Условия жизни понтийских долин, холмов и гор мало изменились, как писал М.И. Ростовцев, с возникновением греческих городов. В то же время, он отмечает заметные, но малоизученные следы хеттского, а затем иранского влияния в регионе[52]. Постепенно, особенно в византийское время, эллинизация нарастала, охватывала все большие территории и становилась решающим фактором политического и культурного развития Понта. Вместе с тем, на южных и юго-восточных границах Понта усиливалось армянское присутствие. Не случайно Плиний уже писал не о халибах, а об армянохалибах[53]. В долине Фемискиры древняя мифология размещала страну Амазонок с их столицей в городе Фемискира на Термодонте, куда приплыл Геракл, чтобы получить пояс царицы Ипполиты[54].

Трапезунд в древности отнюдь не был самым крупным и значительным городом этой области. Большую роль играли Синоп и Амис (Самсун). Синоп[55] был лучшей и наиболее важной естественной гаванью, хорошо защищенной от преобладающих северных и северо-восточных ветров. К тому же его окружали плодородные земли и защищали горы от нападений с юга. Он был основан греками как небольшое поселение в VIII в. до н.э.[56], затем разрушен киммерийцами, а позднее изгнанники из Милета в 631 г. до н.э. образовали там свою колонию, превратившуюся в процветающий полис. Город находился на узком перешейке, соединявшем гористый мыс Педалион с полуостровом Сириады (Инджебурун), имея две бухты, северную и южную. Последняя и была основной гаванью города. На рубеже V и IV вв. флот Синопа был многочисленным и обеспечивал городу морское господство в регионе[57]. Страбон упоминал мощные стены Синопа, великолепный гимнасий, агору и портики[58]. Слабостью положения города был недостаток питьевой воды и отрезанность от периферии. Прочные материальные условия существованию Синопа как в античности, так и в средневековье, давали его морские связи, прежде всего с близлежащим Амисом, с Северным Причерноморьем, а также (в древности) с островами Эгеиды, особенно Родосом и Делосом, наряду с его ролью порта Каппадокии и терминала сухопутных путей, шедших из Приевфратья через Кесарию[59], впрочем, уступленной сначала Амису, а затем – Трапезунду.

В отличие от Синопа, у Амиса, как свидетельствуют археологические находки, какое-то поселение видимо, существовало еще до греческой колонизации. Основание же полиса античными

авторами приписывается как милетянам, так и фокейцам и даже афинянам. Вероятно, было несколько волн колонизации, как о том свидетельствует несколько испорченный текст Страбона[60]. Город возник в VII в. до н.э. на небольшом плато западнее современного турецкого города Самсун. Амис был лишен хорошей гавани (бухта была мелкой, открытой ветрам), но зато контролировал главную сухопутную торговую дорогу Анатолии с севера – на юг, к Амасии, имел неплохую естественную защиту и источники питьевой воды. Кроме того, он постепенно подчинил себе плодородные земли долин Фемискиры и Сидены. Горные области Понта славились диким медом. Мед, собираемый с деревьев вблизи Трапезунда обладал резким специфическим дурманящим запахом и вкусом и имел репутацию целебного свойства от эпилепсии[61], но Аристотель особо отмечал качества «белого» меда долины Фемискиры, зимнего производства, привозимого для продажи в Амис[62].

Трапезунд был колонией Синопа[63]. Основание его хроника Евсевия Кесарийского (260е гг. – 339 г. н.э.) относит к 757/6 г. до н.э.[64] Вслед за ним, сирийские историки XII – XIII вв. Михаил Сириец и Григорий Абульфарадж Бар Эбрей писали об основании Трапезунда на Понте во время правления Ромула (754/753 – 717/716 гг. до Р.Х.) в Италии, т.е. также помещали возникновение города в VIII в.[65] Не имея подтверждений даты Евсевия в античных источниках, можно принять ее как условную, связывая это событие с первой волной милетской колонизации Понта. Неоспоримый terminus ante quem относится к середине VI в. до н.э. В любом случае, представление о Трапезунде как о древнейшем городе на греческом востоке прочно укоренилось в трапезундской средневековой литературе[66].

Место основания Трапезунда[67], в трех километрах от устья речушки Мачка Дере (Дегирмен дере) нельзя считать географически удачным во всех отношениях. Естественная гавань была небольшой, открытой сильным зимним ветрам (норд-вест и норд – норд-вест) и годилась лишь для летней навигации[68] (лишь впоследствии, в римское время, порт был значительно укреплен и расширен). С юга к городу близко подступали горы, а с запада и востока защищали глубокие овраги, вдоль которых в античности и в средневековье возводили стены. Основные торговые магистрали проходили западнее. И все же именно выход к морю, относительная естественная защита[69], удачное место на обрывистой скале, имевшей вверху форму стола (отсюда и название города, от греч. τράπεζα – стол), для акрополя, обилие рыбы в

окрестных водах, хорошие условия для виноделия и, особенно, активная торговля с окрестными племенами и связи с Колхидой способствовали медленному росту города и повышению его значения в округе. Все большее значение приобретала и эксплуатация залежей и рудников полезных ископаемых: железа, серебра, квасцов.

На рубеже V и IV вв., когда Ксенофонт посетил город, затем описав его в «Анабасисе», Трапезунд уже был многолюдным процветающим центром с собственным флотом (из которого пятидесяти – и тридцативесельная галеи, а также торговые суда были сразу предоставлены отряду Ксенофонта). Не случайно, что именно по дороге к Трапезунду шли «десять тысяч»: она уже была известна как грекам, так и персам. Трапезунд поддерживал союзные отношения и торговал с окружавшими его колхами, с избытком обеспечивал себя продовольствием и вином. С другой стороны, врагами трапезундцев были незамиренные колхи, а также дрилы с которыми время от времени трапезундцы конфликтовали, пытаясь использовать против них иные племена или тех же греческих наемников Кира, возвращавшихся из Персии, когда те стояли лагерем в деревнях близ Трапезунда[70].

Заметными городами Понта были другие колонии Синопа: Керасунт (Гиресун) и Котиора (Орду), а также город Каруса (Герце). Даты их основания нам неизвестны. Во времена Ксенофонта все эти города, как и Трапезунд, платили дань Синопу и находились под его главенством и защитой. В Котиоре был синопский наместник (гармост), а отношения города с соседними тибаренами и мосинойками были в основном мирными. Однако первоначально территория Котиоры (как, видимо, и других колоний Синопа) была отнята насильственно синопцами у варваров[71]. Затем отношения наладились. Керасунт, как и Трапезунд, заключал дружественные соглашения с близлежащими варварскими поселениями в горах и покупал у них скот и другие продукты[72].

Понтийские полисы вели активную внутреннюю и внешнюю торговлю, осуществляли посредничество между анатолийскими племенами и, затем, государствами, и греческим миром. Используя уже упомянутое течение от мыса Карамбис до мыса Бараний Лоб в Крыму, античные мореходы быстро, иногда даже за сутки, переплывали Черное море[73]. Предметами экспорта были: знаменитый корабельный лес, соль, вино, тарная керамика, металлы (медь, серебро, железо, свинец). Из самой Греции ввозили художественные изделия, оружие, дорогие вина,

первоначально, пока производство не было налажено на месте – оливковое масло, посуду разного типа, качества и предназначения. В экономике Синопа большую роль играли рыбные промыслы и работорговля[74]. Устье р. Термодонт, по Аристотелю, было особенно благоприятным местом для нереста[75]. У местных племен греческие полисы закупали зерно, мясо, соль, руду, сельскохозяйственное сырье. Именно жителям Синопа приписывалось изобретение знаменитой натуральной красной краски – синопы, производимой на Понте и в Африке[76].

Во второй половине VI в. до н.э. экспансия державы Ахеменидов изменила политическую жизнь понтийских полисов. Дарий I (522 – 486 гг. до Р.Х.) включил Сев. Анатолию в состав своих сатрапий[77]. Но города Понта не были завоеваны или разрушены, они лишь были вынуждены признать сюзеренитет персидских царей, принимать в качестве правителей поддерживаемых Ахеменидами тиранов, платить персам дань и поставлять воинские отряды и корабли во время войны. Попытка лидийского царя Креза перейти с войсками Галис, считавшийся границей с Персией[78], и захватить понтийские города вызвала его войну с персидским царем Киром. Крез потерпел поражение при Птерии, а затем и сама его столица – Сарды была захвачена персами (ок. 547 г. до н.э.)[79]. Города Понта остались под властью Кира. Флот Синопа участвовал и в греко-персидской войне на стороне Ксеркса. Видимо, именно поэтому Афины направили в Черное море эскадру во главе с Периклом[80]. Целью экспедиции было не только внушить страх персам, но и изменить политический строй зависимых от персов греческих полисов Понта. К Синопу было послано 30 афинских судов и воинский отряд, свергнувшие местного тирана Тимесилая. В городе было установлено демократическое управление, а затем из Афин направлена клерухия из 600 добровольцев, которым были предоставлены дома, земли и иная собственность прежних тиранов[81]. Вероятно, процессу афинской колонизации подвергся и Амис, переименованный в Пирей[82]. Пелопоннесская война (431 – 404 гг. до н.э.) и последующее ослабление Афин не сказались существенно на судьбе Синопа и Трапезунда. Синоп властвовал в той или иной форме над всем побережьем от Гераклеи Понтийской до Трапезунда и, судя по «Анабасису» Ксенофонта, процветал. Амис же изведал другую судьбу. В первой половине V в. он был захвачен одним из каппадокийских вождей и довольно долго им удерживался[83]. Угрозу местных племен и правителей, прежде всего – пафлагонцев, испытывал

и Синоп. Существенную перемену принесла Коринфская война (395 – 386) и усиление персидского влияния в Греции. В 386 г. до н.э., после Анталкидова мира, понтийские города, как и ионические, оказались снова под властью Персии. Истощенные распрями полисы Греции не могли оказать понтийским городам значительной помощи.

Во время похода Александра Македонского против Дария Синоп (а вероятно и другие понтийские города), выражая на словах лояльность Персии, сохраняли фактически нейтралитет, отказавшись поддержать антимакедонскую коалицию греческих противников Александра. После разгрома державы Ахеменидов, понтийские города, видимо, обрели автономию. Имеется прямое указание Аппиана, что свобода и демократический строй были возвращены Амису Александром[84]. С другой стороны, Синоп, судя по полулегендарному сообщению Тацита, управлялся в то время царем Скидрофемидом.

Новые государственные образования в Анатолии стали создаваться диадохами и бывшими персидскими сатрапами, оспаривавшими власть друг у друга. Как Плутарх, так и Квинт Курций Руф недвусмысленно писали, что в результате раздела наследия Александра между диадохами Каппадокия вместе с Пафлагонией и землями по побережью Черного моря вплоть до Трапезунда достались дипломату и полководцу Александра Македонского Евмену, который должен был оборонять весь этот район, но его еще предстояло отобрать у царя Ариарата, для чего македонцы готовили значительное войско. Ариарат в результате похода, возглавленного Пердиккой, был взят в плен, а Евмен назначен сатрапом, однако он правил областью в основном через назначаемых им правителей и опираясь на небольшие сторожевые гарнизоны и вскоре погиб в войне с другим диадохом Антигоном в 316 г. до Р.Х.[85]. Города Понта были вновь предоставлены своей собственной судьбе. Однако интерес к Понту эллинистических монархов повышался. Египетский царь Птолемей Сотер (305 – 283 гг. до н.э), один из диадохов (наследников) Александра Македонского, установил связь с Понтом и несколько лет подряд посылал туда корабли, желая, по легенде, получить храмовую статую Юпитера Дита (под этим именем Зевс почитался как покровитель подземного царства), чего, в конце концов и добился[86]. Это свидетельство Тацита заслуживает внимания как возможное указание на начало прямых морских связей Синопа с Африкой, ведь, как писал Тацит, до этих плаваний египетские жрецы ничего не знали о Понте, а сведения о нем и его городах сообщил Птолемею афинянин Тимофей.

Непосредственным соседом греческих полисов с юга становится Понтийское царство, образованное в 297/96 г. до н.э. эллинизированным потомком знатных персидских династов Митридатом Ктистом[87]. Изначально это государство не имело выхода к Черному морю. Однако его столица – Амасия – лежала на основном торговом пути от Амиса в Центральную Анатолию и Персию. Это само по себе, наряду с вовлеченностью Митридата в борьбу диадохов за раздел Малой Азии, создавало предпосылки для постепенной экспансии Понтийского царства в сторону полисов Южного Причерноморья. В 279 г. до н.э. Понтийское царство, в борьбе с Селевком I, опираясь на союз с городами Пафлагонии, дипломатическим путем присоединило первый приморский город – Амастриду[88]. Митридат Ктист (302 – 266 до н.э.) и его сын Ариобарзан (266 – ок.255 г. до н.э.) выступали в роли защитников понтийских городов. Это стало особенно важным, когда, в 278 г., кельтские племена галатов вторглись в Анатолию и несколько десятилетий подряд опустошали ее области. Между Амисом и Понтийским царством поддерживались тесные экономические связи. В малолетство Митридата II (ок.255 – 220 гг. до н.э.), когда галаты усилили набеги на территорию Понтийского царства, именно через Амис государство снабжалось хлебом, присылаемым из Гераклеи[89]. На основании этого свидетельства Мемнона, а также косвенных признаков монетной чеканки статеров Митридата I, М.И. Максимова, а затем и С.Ю. Сапрыкин сделали предположение, что Амис ранее 266 г. вошел в сферу влияния Понта или даже стал владением понтийских царей[90]. Эти аргументы были поставлены под сомнение Н.Ю. Ломоури, обратившим внимание на расплывчатость датировки статеров Амиса и на перемену их атрибутики позднее, когда Амис бесспорно находился в составе Понтийского царства[91]. Вопрос остается пока открытым, и с уверенностью можно лишь утверждать, что Амис входил в состав державы внука Митридата II Фарнака (ок.190 – 159 гг. до н.э.).Вплоть до римского завоевания в 71 г. город процветал и Плутарх не без оснований называл его процветающим и богатым[92].

Возможно, на рубеже 60-х и 50-х гг. III в., как предположил, опираясь на текст Мемнона, С.Ю. Сапрыкин, пергамский царь Евмен передал Ариобарзану Амастриду[93]. У Понтийского царства появился выход к Черному морю. В конце своего царствования Митридат II делает прямые попытки захвата крупнейшего причерноморского полиса – Синопа. Заключив династический союз с могущественным Антиохом III Селевкидом, Митридат II (или, скорее, его преемник

Митридат III[94]) в 220 г. напал на Синоп и повел его осаду с суши. Ему не удалось взять город из-за недостатка флота и помощи Синопу средствами и метательным оружием со стороны Коса и Родоса[95]. Синоп оставался независимым до 183 г., когда царь Фарнак I, внезапно напав и осадив город, овладел им, включив в состав Понтийского царства[96]. Вслед за Синопом Фарнак присоединил Керасунт и Котиору. Синоп становится с тех пор столицей Понтийского царства, превратившегося в эллинистическую монархию[97]. Восточнее Котиоры, предположительно на мысе Ясон (на территории совр. деревни Фернек) путем синойкизма переселенцев из Котиоры и Керасунта был основан новый город – Фарнакия[98]. Все это облегчило экспансию Понтийского царства в восточном направлении и включение в него богатых рудами и лесом областей, населенных халибами, тибаренами, макронами. Укрепляя старые полисы, способствуя развитию их торговли, поддерживая элементы самоуправления (однако, под жестким контролем, лишавшим полисы политической самостоятельности), понтийские цари основывают ряд новых городов и крепостей: Кабиру, Команду Понтийскую, Лаодикею, Талауру и др.[99]

История Трапезунда в это время не вполне ясна. Страбон в двух местах сообщает, что ко времени вступления на престол Митридата VI Евпатора (121 – 63 гг. до н.э.) граница Понтийского царства проходила на востоке до области тибаренов и Малой Армении, т.е. западнее Трапезунда. Колхида и земли халдов (халивов) и тибаренов были уступлены Митридату VI правителем Малой Армении Антипатром[100]. Несомненно, включение Трапезунда в состав Понтийского царства с этого времени. М.И. Максимова предполагала, что это произошло раньше, при Фарнаке, когда его союзник правитель Малой Армении, также Митридат по имени, уступил Фарнаку прилегающие к Трапезунду области[101]. Такая гипотеза не имеет подтверждения в источниках. Принадлежность Трапезунда Малой Армении в то время сомнительна, как не очевидно и его подчинение царям Колхиды[102].

Экономическое развитие понтийских городов, входивших в державу Митридатов, было благоприятным. Ремесленное производство Синопа и Амиса расширялось, ареал товарообмена охватывал не только все Причерноморье, но и сопредельные области Малой Азии и Эгеиды[103]. При Митридате VI Понтийское царство достигло пика своего могущества. К 110 г. до н.э. им были окончательно завоеваны Малая Армения и Колхида. Сначала Херсонес и Боспорское царство, а затем, к 107 г. до н.э., и все Северное Причерноморье вошли в состав

Понтийской державы. Впервые в рамках одного государства находилось почти все побережье Черного моря. Консолидирующим фактором были прочные и давние экономические связи городов Южного и Северного Причерноморья. Создание мощного эллинистического государства, включавшего греческие полисы и земли, населенные варварскими племенами, произошло на основе неуклонного роста внутрипонтийских связей. При этом разные территории входили в состав Понтийского царства на разных условиях, подчас оставаясь обособленными политико-административными единицами[104]. Внутренние районы Понта оставались сравнительно мало урбанизированными. Административными центрами там чаще были большие села или крепости. Исключение составляли лишь царская столица Амасия, и, до определенной степени, Кабира, Комана и Зела[105]. Цари и знать владели не только этими резиденциями и обслуживающими их селами, охотничьми угодьями (например, у Митридата Евпатора у Кабиры), но и значительными поместьями, приносившими как доход, так и необходимую сельскохозяйственную продукцию. Немало земель, особенно близ Команы и Зелы, находилось в храмовой собственности и обрабатывались многочисленными храмовыми рабами[106].

Уже с момента захвата Синопа начинается вмешательство Рима в дела Понта. На первых порах, правда, речь шла о посредничестве, причем достаточно благожелательном к Фарнаку. Рим признал аннексию Синопа, даже после поражения Фарнака в войне с оспаривавшими это Пергамом и Вифинией, союзниками Рима (183 – 179 гг.). С другой стороны и Фарнак, особенно после Апамейского мира 179 г., проводил проримскую и филэллинскую политику, покровительствуя греческим полисам Причерноморья и Эгеиды. Эту политику продолжали и его преемники Митридат IV Филопатор Филадельф (159 – 150 гг. до н.э.), получивший титул друга и союзника Рима, и Митридат V Евергет (150 – 121 гг. до н.э.), посылавший даже несколько кораблей и воинов на помощь Риму в войне с Карфагеном[107]. Следствием была резкая интенсификация торговых связей городов Северного и Южного Причерноморья, а также активизации связей Амиса и Синопа с Делосом, Афинами и Восточным Средиземноморьем в целом. Происходил подъем экономики понтийских городов и укрепление их полисного строя под властью Митридатов[108]. Под эгидой Рима осуществлялась экспансия Понта на Запад и приобретение Митридатом V в 133 – 129 гг. до н.э. Великой Фригии и части

Пафлагонии. Затем, однако, понтийский царь ввел войска и в Каппадокию, установив там свое влияние[109]. Реакцией Рима был пересмотр в 123 г. договора о передаче Фригии Понту и отторжение области в 119/16 г. после неожиданного убийства царя ок. 123 или 121 г. в результате заговора его придворных, среди которых были "друзья" Рима[110].

Сыну и наследнику Митридата Евергета Митридату VI Евпатору (121 – 63 гг. до н.э.) в год убийства отца было около 11 лет. Его мать Лаодика узурпировала престол, и вернуть его Евпатору удалось лишь через 7 лет, которые он, видимо, провел в изгнании. Открытая борьба с Римом была еще не по силам молодому монарху ослабленного государства. Он продолжил политику предков, в основе которой лежал традиционный союз с Римом и поддержка греческих городов. При этом он опирался в основном на выходцев не из Синопа, но из Амиса, оказавших ему решающую поддержку. Два фактора способствовали внешнеполитическим успехам Митридата VI: возросший натиск варварских племен, прежде всего – скифов и сарматов, на города Северного и Северо-Западного Причерноморья и усилившаяся тенденция полисов к экономическому и политическому объединению. Покровительствуя эллинам и защищая их от варваров, Митридат способствовал расширению своего государства. Не посягая на владения Рима и его союзников в Малой Азии, Митридат VI приступил к созданию могущественной Причерноморской державы. В 113 – 111 гг. полководец Митридата Диофант, пришедший на помощь Херсонесу, по просьбе этого города, практически разгромил и подчинил Понту Скифское царство. Во власти Митридата оказались и греческие полисы – Ольвия и Херсонес. Боспорский царь Перисад V добровольно отказался от власти в пользу Митридата. Оказав помощь городам Боспора, прежде всего – Нимфею, в борьбе с сарматами, Митридат окончательно присоединил эти области к 90/89 гг. Чтобы обезопасить себя от скифов на будущее и превратить их в союзников, Митридат вернул скифским царям их родовые владения и заключил с ними союзные договоры, которым стороны не изменяли и в годы войны с Римом[111]. Северопричерноморские владения, с центром в Пантикапее, обеспечивали Митридату значительные продовольственные, людские и иные стратегические ресурсы. На рубеже II и I вв. до н.э. Митридат осуществлял протекторат также над городами Западного Причерноморья, от Истрии до Месемврии, и Восточной Фракией. Тогда же были присоединены Колхида, уже давно входившая в орбиту

торговых интересов полисов Южного Причерноморья, и Малая Армения. В 108 – 103 гг. до н.э. Пафлагония была разделена между монархами Понта и Вифинии, причем Митридату досталась ее большая восточная часть. По свидетельству Страбона, Митридат владел всем побережьем от Колхиды до Гераклеи, вследствие чего и после его разгрома Гераклея была отнесена римлянами к Понту, а области западнее нее – к Вифинии[112].

Продолжая экспансию, в 101/100 г. Митридат Евпатор захватил и Каппадокию, устранив местную династию и передав власть своему сыну Ариарату IX. Правда, под давлением римлян и, возможно, местной знати, после нескольких военных экспедиций, ему все же пришлось в 93/92 гг. покинуть Каппадокию, правителем которой стал римский ставленник Ариобарзан I. Становилось очевидной неизбежность столкновения Рима проводившего политику divide et impera по отношению к анатолийским правителям, и Митридата, стремившегося к воссозданию державы Ахеменидов, потомком которых он себя (и не без оснований) считал по отцовской линии, в то время как по материнской, через Селевкидов, он происходил от Александра Македонского. Это было изменением курса на создание собственно Причерноморской державы и претензий на основание нового большого царства в Азии[113]. И, очевидно, было не по силам Понтийскому царству. Однако, шаг за шагом Митридат укреплял свою державу, добившись невиданных геополитических результатов и приготовившись к открытому столкновению с Римом. При этом он желал выступить перед эллинами как жертва Римской агрессии, отнимавшей у царя его наследственные и законные владения.

В 89 – 85 гг. велась так называемая Первая Митридатова война[114], в которой союзником Рима выступала Вифиния. Начало ее было успешной для Митридата. Разгромив союзников, он к 88 г. подчинил всю Малую Азию и перенес столицу в Пергам. Митридат умело использовал ненависть местного населения к римским гражданам. Римлян, италийцев, их жен, детей и даже отпущенников италийского рода по приказу Митридата убивали повсеместно в городах Азии, трупы бросали без погребения, а имущество конфисковывали. За донос на господ-римлян Митридат давал рабам свободу, а должникам отпускал половину долга. В Эфесе, Пергаме, Траллах и других городах убийства совершались даже в храмах[115]. В Вифинии сжигали села, с которых собирали подати римские всадники. Многие граждане Рима, как говорил Цицерон, потеряли в Азии большие деньги[116]. В 87 г.

Митридат начал военные действия в Греции и быстро занял почти всю Элладу. Однако в 86 г. римские войска под командованием Суллы нанесли ему решающие поражения при Херонее и Орхоменах, после чего боевые действия были перенесены в Азию, где армии Митридата также терпели поражения. Война велась с большой жестокостью и сопровождалась огромными разрушениями, как в Греции, так и в Малой Азии. Она существенно подорвала силы соперников и ресурсы западно-анатолийских городов. Понт не был непосредственно затронут военными действиями. По мирному договору 85 г. Митридат лишился всех своих завоеваний, включая Вифинию и Каппадокию, и обязался выплатить римлянам значительную контрибуцию в 2000 талантов и передать Сулле 70 триер. Судя по всему, ряд условий договора, в частности, о возвращении захваченных Митридатом земель, не был выполнен[117]. Во Второй войне в 83 – 82 г. Митридату удалось отразить нападение уже на его собственную территорию и разгромить войска римского полководца Луция Мурены, спровоцировавшего конфликт[118]. Затем Митридат провел существенную модернизацию и перевооружение своей армии, взяв за образец римские порядки и снаряжение. Это позволило ему усилить прежде всего регулярные части армии и существенно укрепить ее[119]. Но реформа вряд ли коснулась, как справедливо полагает Н.Ю. Ломоури[120], основного, пестрого по составу, варварского войска. Вплоть до 75 г. Митридат всячески стремился избежать новой войны с Римом, понимая, что она станет тяжелым и решительным столкновением. Однако, после подавления мятежа Сертория, которому Митридат пытался оказать помощь, Сенат Рима был полон решимости покончить с могуществом Понтийского царя. В 74 г. оба консула, Котта и Лукулл, стремились получить командование над армиями в Азии. Начало войны было делом решенным[121]. Упреждая римлян, в Третьей войне (73 – 63 гг. до н.э.) Митридат, в союзе с царем Армении Тиграном II, сначала сумел захватить Вифинию и Мисию, разгромил римский флот и армию Аврелия Котты у Халкедона, но затем потерпел сокрушительные поражения от Луция Лукулла в Вифинии, на суше и на море, и в Каппадокии[122]. Только после того, как разгромленный Митридат бежал в Армению, Лукулл и Котта смогли приступить к захвату блокированных с суши, но отчаянно сопротивлявшихся понтийских городов. В 71 г. римляне, после длительной осады, овладели Амисом, в 70 – Гераклеей, Синопом и Амасией. При этом, как показала М.И. Максимова, малоимущие слои города, разоряемые войной, были склонны

к покорности Риму, в то время как торгово-ремесленная верхушка и гарнизоны городов сохраняли верность Митридату и организовывали решительный отпор[123]. Сдаче Гераклеи и Синопа способствовало бегство его стратегов, а также измена правителя Боспора сына Митридата Махара, прекратившего снабжение города Синопа продовольствием, заключившего с Лукуллом соглашение о дружбе и даже продававшего ему зерно[124]. Несмотря на потерю столицы и важнейшей военно-морской базы, Митридат не сдался. Ведя партизанскую войну, чему способствовали интриги в Риме против Лукулла и его отзыв в 67 г., он фактически вернул себе многие области Понта, за исключением городов. В 66 г. римляне прислали новую армию под командованием Гнея Помпея. Помпей разгромил Митридата на р. Евфрат завершил завоевание Понта и вынудил Митридата бежать сначала в Колхиду, а затем на Боспор[125]. Последний план Митридата обрушиться силами варваров на Рим через Подунавье[126] не осуществился. В ходе восстания, вызванного ростом налогообложения, насильственной вербовкой в армию свободного населения и даже рабов и блокадой римлянами городов Боспора, царь капитулировал перед своим сыном Фарнаком и в 63 г. в Пантикапее (Керчи) приказал верному ему командиру отряда кельтов заколоть его[127]. Понтийское царство прекратило свое существование. Силы противников были несоизмеримы. Филэллинство Митридата не смогло скрыть истинный характер власти – смесь восточной деспотии и эллинистической монархии, а непоследовательность социальной политики укрепило и сплотило оппозицию. Разнородность интересов провинций и городов внутри самого царства Митридата, конъюнктурный характер его внешнеполитических союзов, отказ от идеи создания собственно Понтийской державы, мечты о наследии Ахеменидов привели Митридата VI к краху. Потеря Синопа и Амиса лишила его возможности воссоздать флот, обеспечивавший дотоле преимущество Понтийского царя на море.

Фарнак изъявил полную покорность Риму, дал многих заложников и даже отправил Помпею тело отца, похороненное затем по приказу римского полководца со всеми почестями в Синопе в царских гробницах[128]. Взамен Фарнак получил титул друга и союзника римлян, часть Боспорского царства, вместе с Херсонесом. Вифинское царство, Пафлагония и западные области Понта, включая Синоп и Амис, были объединены Помпеем в одну римскую провинцию: Вифиния – Понт[129]. Как правильно замечает А.Б. Ранович, это было «искусственное

соединение»[130]. Однако остальные части бывшего царства присоединить к себе (а значит, и наладить собственную администрацию) Римская Республика еще не могла. Рим пошел по пути дробления державы и ее раздела между союзными или зависимыми местными династами. Колхида была передана римскому сателлиту Аристарху. Юго-восточный Понт (Понтийская Каппадокия) с Трапезундом и (с 52 г.) Малая Армения – галатскому тетрарху Дейотару (63 – 40 гг.), получившему царский титул. Впоследствии римляне неоднократно проводили переделы этих владений[131].

При Митридатидах понтийские города имели ограниченные права самоуправления и небольшую территорию округи, размер и распределение которой были в ведении царей, которым принадлежала верховная собственность на землю в государстве. Для защиты городов (а также и для контроля над ними) цари возводили поблизости от них укрепления[132] и даже основывали новые города, как, например Евпаторию близ Амиса[133]. Митридат заботился об украшении храмами и о расширении понтийских городов, прежде всего – Синопа и Амиса[134]. Но и в небольших городах, как, например, в Котиоре, и доныне заметны следы работ по расширению порта или укреплению гавани[135].

После завоевания, сопровождавшегося грабежами и пожарами, римские полководцы приняли меры к восстановлению разрушенных зданий и заселению городов. Городам была дарована свобода, упрочена их самостоятельность[136]. Лукулл и Помпей увеличили сельскохозяйственную округу Амиса и Синопа. В Синоп, кроме того, в середине I в. до н.э., при Цезаре, была выведена римская колония[137]. Таким образом, делались попытки привязать богатые города Понта к Римской республике. Вокруг городов создавались административные единицы – политии. По lex Pompeia, наделенные собственностью полисы сами собирали налоги и распоряжались ими, создавали небольшие воинские формирования. Полисные привилегии ограничивались властью Сената (затем императора), осуществляемой через проконсула или префекта провинции, и цензора в каждом из городов, осуществлявшего надзор за выборными магистратурами городов. Существовавшая ранее при Митридатидах централизованная военно-административная система постепенно ликвидировалась. Политика предоставления римского гражданства за заслуги также активно использовалась Римом для расширения социальной базы в понтийских городах.

И все же корни эллинистической монархии на Понте были глубоки. Попытка возродить Понтийское царство была вновь предпринята сыном Митридата VI царем Боспора Фарнаком II в годы гражданской войны в Риме Цезаря с Помпеем. В 48 г. до н.э. в разгар войны Фарнак переправился на Южный берег Черного моря и занял Колхиду, часть Понта, включая Синоп, и Малую Армению[138]. Однако он столкнулся с сопротивлением греческих городов. В частности, ему пришлось долго осаждать Амис, взятый затем штурмом. Все мужское население города было казнено или обращено в рабство[139]. Фарнак прежде всего уничтожал установленные римлянами порядки, истреблял римлян и их сторонников, разрушал римские укрепленные пункты. Но если Фарнака поддержала часть сельского населения, то города как Понта, так и Боспора (поднявшие против него мятеж) не пожелали восстановления царской власти и потери данных римлянами привилегий. В 47 г. Фарнак был разгромлен Цезарем у г. Зела на Понте. Об этом сражении Цезарь написал Сенату: «Пришел, увидел, победил»[140]. Фарнак бежал на Боспор и погиб там в бою с главой мятежников, своим бывшим военачальником Асандром. При последующих переделах территории Южного Причерноморья римляне создали некое подобие эллинистического царства. В 39 – 37 гг. таковым было эфемерное царство во главе с царем Дарием, сыном Фарнака II, платившее Риму дань. В его состав входили лишь Амис, Амасия и прилегающие территории. В 37/36 г. Марк Антоний заменил на понтийском престоле преемника Дария Аршака, поднявшего мятеж против римлян, человеком, не связанным с Митридатидами, Полемоном из Лаодикии, сыном ритора, отличившимся в борьбе с Парфией[141]. Так возникла новая династия понтийских царей – Полемонидов, правивших под эгидой Рима. Однако, до окончания гражданских войн в Римском государстве положение понтийских городов было незавидным: их постоянно облагали контрибуциями, временами в них (как, например, в Амисе) утверждались тиранические режимы, ресурсы городов были истощены[142].

Небольшое государство Полемонидов было нужно Риму как буфер и опорная база в борьбе с Парфией. Столицей Понта стала одна из любимых крепостей и резиденций Митридата древняя Кабира (позднее переименованная в Неокесарию). В награду за установление союза между Марком Антонием и царем Мидии в этой борьбе, Полемон I даже получил в управление в 35 г. Малую Армению. С установлением принципата Августа Малая Армения была выведена из состава Понта,

и государство занимало территорию от реки Ликий до Трапезунда, однако Понт по-прежнему находился под эгидой Рима, компенсировавшего Полемона передачей ему Боспорского царства после заключения им брака с царицей Боспора Динамией в 14 г. Посредником и инициатором этого был назначенный Августом верховный правитель восточных областей Римской империи Марк Випсаний Агриппа[143]. Амису император Август (как ранее это сделал и Цезарь) предоставил свободу и автономию. Полемон продолжал политику покровительства городам Понта и Крыма, но ему пришлось вести длительную войну с местными племенами Северного Причерноморья. Не подчинился ему и Танаис, «торговый центр азиатских и европейских кочевников... и прибывающих на кораблях... с Боспора» купцов, как писал Страбон, за что был разрушен на рубеже нашей эры[144].

Объединение Понта с Боспором также оказалось непрочным, и после смерти Полемона I на Боспоре утвердился у власти правнук Митридата Аспург. Признав это, Рим в 3/2 г. до н.э. объединил Понт, Каппадокию и Малую Армению в единое государство, устроив династический брак вдовы и наследницы Полемона (во втором браке, после смерти Динамии) Пифодориды с царем Каппадокии Архелаем. Такое объединение было необходимо Риму как антипарфянский буфер, но просуществовало оно недолго, до смерти Архелая в 17/18 гг.[145] Преемники Полемона I придерживались полностью проримской политики и зависели от Рима. Когда необходимость в буферном государстве у Рима отпала, Нерон в 63/64 гг. н.э. присоединил бывшее Понтийское царство к римской провинции Галатия[146].

Крупнейшие города Южного Причерноморья, особенно Амис и Синоп, сильно пострадали во время III Митридатовой войны, походов Фарнака II и частой смены алчных и корыстных правителей или боровшихся за власть в Риме и на Понте группировок. Возможно, временный упадок бывших столиц способствовал подъему Трапезунда и возрождению Керасунта, которых Помпоний Мела называл «rarae urbes... maxime illustres», в то время, как еще Страбон считал Керасунт незначительным селением[147]. В III в. н.э. Зосим именует его «большим и многолюдным городом» (πόλει μεγάλῃ καὶ πολυανθρώπῳ), обнесенным уже в то время двумя стенами.[148] Равным образом и Амастриду Плиний Младший называл городом красивым и благоустроенным и, с согласия императора Траяна, для оздоровления города проводил работы по засыпке протекавшего через центр грязного и зловонного ручья[149].

Период относительной стабильности и процветания для городов Понта продолжался с правления Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) до варварских набегов середины III в. н.э. Римская провинция Вифиния и Понт, к западу от царства Полемона, в которую входили Синоп и Амис, до 165 г. считалась сенатской и управлялась проконсулом. Затем, видимо, при Марке Аврелии, она перешла под юрисдикцию императора и управлялась его легатом. По реформе Диоклетиана Вифиния и Понт составили Второй понтийский диоцез, во главе администрации которого был викарий. Наконец, при Константине I была учреждена специальная провинция, названная по имени матери государя Елленопонтом. Юстиниан I расширил ее границы до Трапезунда. Восточные же и южные области Понта после аннексии Римом Полемоновского Понта в 64 г. н.э. образовали так называемый Средиземный Понт[150]. Римское правительство придавало ему особое стратегическое значение. Ведя войну с Парфией на территории Армении, Рим снабжал свои армии продовольствием и снаряжением через Трапезунд[151], превращенный постепенно в морскую и военную базу империи на Востоке. В этом контексте и следует рассматривать предоставление Трапезунду статуса свободного города[152], и строительство в нем после 129 г. н.э. по распоряжению императора Адриана гавани.

Создавая оборонительный лимес на Востоке, римляне располагали один из своих легионов в Мелитине (Малатье), другой – в Сатале (Садаг), на Понте и третий – в Самосате. Эти войска контролировали важнейшую стратегическую дорогу Восточной Анатолии, шедшую от Трапезунда к Мелитене и Самосате, с ответвлениями[153]. Значительная ее часть была построена римлянами к 76 г. н.э. и использовалась с тех пор в течение античности, средневековья и нового времени. Крупные римские гарнизоны, первоначально – для защиты от пиратов, располагались и на многочисленных укрепленных пунктах побережья от Трапезунда до Апсара в устье р. Чорох и Себастополиса (Сухуми)[154]. В самом Трапезунде размещались сначала получившие римское гражданство и реорганизованные в кагорты войска Полемона, а затем – вексилляции римских XII и XV легионов, чьи лагеря были в Сатале и Мелитине[155]. Риму был передан и значительный флот Полемона, который был впоследствии усилен[156]. По предположению М.И. Максимовой, главной его базой стал не Трапезунд, как при Полемоне, а Синоп, обладавший лучшей бухтой, хотя и Трапезунд сохранил значение торгового и военного порта[157].

И все же, установление римского господства на Понте встречало сопротивление как части населения греческих городов, так и окружавших их племен. Проявлением этого стало пестрое социальное движение под руководством Аникета в Трапезунде в 69 г. н.э. Воспользовавшись борьбой за власть в империи Вителлия и Веспасиана, бывший раб, вольноотпущенник последнего Полемона и командующий его флотом Аникет, от имени Вителлия призвал к восстанию соседние с Трапезундом мегрело-чанские племена. Ему удалось ворваться в Трапезунд и перебить не оказавший серьезного сопротивления и состоявший в основном из греков, бывших воинов Полемона римский гарнизон. Аникет сжег римские суда и добился господства на море, строя быстроходные малые суда с поднятыми бортами и одинаково острой кормой и носом, позволяющими причаливать к берегу любой стороной корабля. Только посланные императором Веспасианом отборные подразделения легионов во главе с опытным полководцем Вирдием Гемином смогли подавить восстание. Аникет бежал к одному из местных чанских (лазских) племенных вождей, который сначала поддержал его, но затем, под угрозой войны с римскими войсками, выдал Гемину. Примечательно, что Тацит называет эти события «войной с рабами», подчеркивая социальный характер движения[158]. Политическая ориентация Аникета не была случайной, учитывая, что все провинции Понта и Армении присягнули на верность Веспасиану, а понтийские корабли принимали участие в гражданской войне на его стороне[159].

Восстание Аникета лишь углубило интеграцию Понта в Римскую империю и усилило роль Трапезунда как военно-морской базы империи на Востоке. Консолидация империи способствовала развитию торговых связей и укреплению понтийских городов. Синопа, Амис, Трапезунд торговали на обширном пространстве от Италии до Меотиды. Особенно активными были их связи с городами Крыма. В торговле Херсонеса, например, товары, привозимые из Южного Причерноморья или транзитом через его порты преобладали[160]. Города стали центрами значительных земельных округов, их хора была существенно увеличена римлянами, по сравнению с эпохой Понтийского царства. Но если наиболее крупные города, как Амис, Синоп, Трапезунд испытывали подъем, то меньшие, как Котиора, аграризовывались и постепенно утрачивая прежнее значение становились деревнями[161]. Римляне возлагали на города многие функции по управлению провинциями и сбору налогов[162]. Города в римское время обеспечивали себя зерном,

вином, фруктами, рыбой, а оливковое масло, вино, мед, воск, квасцы, медь и корабельный лес широко экспортировали. Насаждения олив покрывали, по Страбону, почти всю возделываемую территорию Синопиды[163]. А с вишнями римляне впервые познакомились именно во время Митридатовых войн, когда Лукулл вывез их из окрестностей Керасунта. От имени города и происходит латинское название вишни – cerasus[164]. В плодородных долинах Фемискиры и Сидены в изобилии выращивали просо, сахарный тростник; травы могли прокормить, как писал Страбон, стада коров и табуны лошадей. Окрестные горы изобиловали дикорастущими, а позднее и культивируемыми, виноградом и фруктовыми деревьями. Благодаря обилию кормов можно было охотиться и на многочисленных диких животных[165]. Это позволяло обеспечивать города Понта продуктами.

В Синопе и Амисе работали кузнечные, литейные, ювелирные мастерские, монетные дворы, работали скульпторы и резчики по камню, мебельщики, аптекари. Известен по имени и историк III в. родом из Трапезунда, софист Никострат[166].

Города были также центрами экспорта (или, точнее – реэкспорта) рабов. Трапезунд и Керасунт, по мнению М.И. Максимовой, не вели сколько-нибудь значительной самостоятельной внешней торговли[167]. Однако роль всех городов во внутренней торговле возросла. Все они имели права внутреннего самоуправления и привилегии, однако находились под контролем властей провинции и императорской администрации, осуществлявшей также роль верховной апелляционной и контрольной инстанции. Постепенно городские советы (курии), состоящие из зажиточной верхушки городов монополизируют в них власть. Формируется, как и повсеместно в империи, сословие куриалов, на которое, наряду со значительными полномочиями, возлагаются и многие расходы по поддержанию городской жизни, благотворительности и пр., материальная ответственность за сбор налогов и распоряжение финансами. Как и везде, при Константине I завершился процесс прикрепления куриалов к их магистратурам[168].

Основным языческим культом в Трапезунде (наряду с культами Гермеса, Диониса, Артемиды, Асклепия, Ареса Сераписа, Тихи и других классических божеств греко-римского пантеона) был культ древневосточного солнечного божества Митры, иногда отождествляемого с Аполлоном[169]. Святилище Митры с его статуей находилось на горе Митрион (Боз Тепе), возвышающейся над Трапезундом. Там устраивались мистерии[170]. Митра изображался на

трапезундских монетах, и упоминался в надписях. Именно ниспровержение статуи Митры св. Евгением при помощи двух крестьян действенно проявило силу первой проповеди христианства в Трапезунде в III в.[171] (если не считать ее началом легендарную проповедь Апостола Андрея Первозванного в I в. н.э., не имевшую успеха, по свидетельству византийского автора, монаха Епифания, из-за невежества тамошних жителей[172]). Восточные и варварские влияния отмечались и Аррианом в трапезундских надписях и грубых скульптурах, изображавших бога Гермеса и императора Адриана. Лучшего мнения был Арриан о постройках[173]. Культура Синопа и Амиса, по мнению М.И. Максимовой, была менее варваризированной и античные традиции (в том числе, научные) были устойчивее, а пантеон языческих богов представлен значительно шире сохранившимися памятниками[174]. К ним можно добавить упоминаемый позднейшим агиографом храм Сераписа и храм называемый Петассос, храм Аполлона в Комане[175]. Вместе с тем, понтийские цари унаследовали от персидских предков обряд приношения жертв на вершинах гор. Они заместили культ военного божества Ахеминидов Ахурамазды новым культом Зевса Стратия, особенно почитавшегося в Амасии и ее окрестностях[176].

Восточнее Трапезунда греческие поселения располагались лишь на побережье и имели для римских властей значение крепостей и военно-морских баз. Таковыми являлись, например, описанные Аррианом Афины (Пазар), Апсар, а далее, на побережье уже Колхиды – более значительные города Фасис (близ Поти), Диоскурия/Себастополис (Сухуми) и ряд поселений, таких как Анакопия (Новый Афон), Питиунт (Пицунда, с III в.) и др.[177] Все они были теснейшим образом экономически и политически связаны с Понтом. Роднила их подчас и общность происхождения. Диоскурия, например, как и многие другие города Понта, была также колонией Милета. Римляне не стремились проникать далее, вглубь территории Колхиды, и эта политика была унаследована Византией[178].

Период с середины II до середины III вв. был, видимо, достаточно благоприятен для городов Понта. Ситуация круто изменилась с наступлением кризиса III в. и началом набегов варваров из Северного Причерноморья на города Анатолии. В 254 г. или 255 г. начинаются нападения готов и союзных с ними боранов (как сейчас считают, племени не германского, но скорее сарматского происхождения) на города Восточного и Южного Причерноморья. Сначала они неудачно

штурмовали Питиунт, затем, в 256 г. на судах, взятых у жителей Боспора, напали на святилище Кибеллы на Фасисе и захватили крепость Питиунта[179]. В 257 г. или 258 г. и сам Трапезунд был захвачен боранами. Гарнизон хорошо защищенной крепости города, с двумя поясами стен, по (очевидно завышенным) оценкам Зосима, состоял из 10000 воинов, не считая местного ополчения. Тем не менее, он был взят ночью приступом из-за беспечности оборонявших[180]. Добыча варваров была огромна: почти все окрестные жители бежали под защиту его укреплений. Многие из них были взяты в плен. Святыни города, его памятники, жилища были истреблены. Варвары опустошили и городскую округу (хору), а также захватили большое количество судов, видимо, стоявших в его гавани[181]. После такого разгрома Трапезунд вряд ли смог быстро оправиться. Набег 257/8 г. не был последним. В 264 г. готы переправились с Боспора в Трапезунд, опустошили Каппадокию и Вифинию, а в 266 г. с моря взяли и разграбили Гераклею Понтийскую[182]. В 275 – 276 гг. примеотийские готы вновь нападают на Понт. Они не смогли взять Фасиса, но двинулись вглубь Малой Азии, на сей раз, видимо, уже не только с целью грабежа, но и с целью расселения. Однако, они были разгромлены сначала императором Тацитом (275 – 276 гг.), вскоре погибшем на Понте, а затем – на суше и на море – Пробом (276 – 282 гг.)[183]. Возможно, эти поражения остановили их натиск на Анатолию. Дальнейшие их походы и передвижения осуществлялись в сторону Балкан. Интересное свидетельство канонического письма епископа Неокесарийского св. Григория Чудотворца (ум. ок. 270 г.), современника событий, приведенное и истолкованное О. Лампсидисом, показывает еще одну, менее известную, сторону варварских вторжений на Понт: местные жители-христиане, как захваченные в плен, так и перешедшие на службу к варварам, служили проводниками и наводчиками в их вторжениях и участвовали в грабежах и присвоении имущества своих соотечественников[184]. Возможно, это также одно из объяснений легкого взятия хорошо укрепленного Трапезунда в середине III в.

Другой угрозой римскому Понту были Сасаниды Ирана, опустошавшие и захватывавшие города понтийской периферии. Во время походов 252/53 и 259/60 гг. персы захватывали Саталу, Тиану, Команду, Севастию, составляя угрозу городам Понта с юга[185].

В ходе и после готских набегов и походов иранских войск, понтийские города оставались важными военными и экономическими центрами. Аммиан Марцеллин в IV в. называл Тиос и Амастриду

значительными городами, а Трапезунд (наряду с Питиунтом) «oppidum non obscurum»[186], что, пожалуй, не столь выразительно, как характеристика города у Зосима, но все же с признанием важности крепости. Синоп поздней античности Астерий Амасийский, писатель к. IV – начала V в. именовал «древним и знаменитым, εὔπορος γενναιῶν (καρτερῶν) καὶ φιλοσόφων ἀνδρῶν[187]. Охрану городов осуществляли не только регулярные войска, но и специальная городская стража, участвовавшая также в выявлении и преследовании христиан[188].

В эпоху Диоклетиана восточные провинции Римской империи: Понт Полемониак (с городами Трапезунд, Керасунт, Неокесария, Зела, Севастия, Полемоний) и Малая, затем Первая, Армения (с Никополем, Саталой и Колонией) находились под управлением римского консульского легата Каппадокии, что в определенной мере способствовало сохранению хозяйственно-административной целостности Понта[189].

К правлению императора Траяна (98 – 117) относится мученическая смерть первого собственно понтийского святого – Фоки. Это был епископ города, обративший в христианство многих язычников, и отличавшийся удивительным гостеприимством старый садовник из Синопа, открыто исповедовавший веру, сам открывший себя преследователям, претерпевший мученичество за Христа и похороненный в Амасии. В начале V в. Астерий Амасийский посвятил ему гомилию, а мученик стал покровителем моряков Понта, Эгеиды и Адриатики, был почитаем и в Константинополе, и в Риме, и на Боспоре (скифами, живущими от Меотийского залива и реки Танаиса до реки Фасиса, приносившими дары к его гробнице). Примечательно, что культ святого включил элементы античного культа Диоскуров Митридатовского царства. Храм и монастырь св. Фоки в Кордиле близ Трапезунда известен по источникам XIV – XV вв.[190]

С III в. начинается активная миссионерская деятельность христианских проповедников и в Трапезунде. В эпоху Диоклетиана (284 – 305 гг.) наиболее известными из них стали свв. Евгений, Валериан, Канидий и Акила, первый из которых почитался позднее как святой покровитель Трапезундской империи. Все четверо, ниспровергнувшие идол Митры и боровшиеся с его почитателями, были схвачены, преданы суду и казнены римским наместником Лисием[191]. Но еще до казни этих святых, Лисий, а также другой римский наместник Агрикола, предали смерти христиан внутренних областей Малой Азии – Севастии и Никополя. Лисий устроил трибунал

в городке Сатала близ границ Халдии. Сорок Севастийских мучеников, сорок пять мучеников Никополя, св. Евстратий из Араураки и четверо его сподвижников (свв. Авксентий, Евгений, Мардарий и Орест)[192], св. Орентий и шестеро его братьев, убитых в разных городах Лазии и Питиунте, стали жертвами массовых расправ над христианами, а их складывающийся культ (включая и версии житий) повлиял на формирование культа и написание мартириев собственно трапезундских святителей. Их культ впоследствии как бы затенил культ других местных мучеников, хотя близ Трапезунда и в XIII в. существовал храм св. Евстратия[193]. В городе Комана был прославлен другой христианский мученик – Василиск, казненный наместником Амасии Агриппой. Именно при Агриппе, сменившем менее рьяного преследователя христиан Асклепиодота, гонения на христиан охватили не только города, но и небольшие деревни. Мартирий Василиска пополняет и наши знания позднеантичной топонимики Понта. Он называет село Хумиала, родину святителя, а также небольшое село Дакозара на пути от Амасии к Комане, где Василиск явил чудо и способствовал принятию христианства владелицей этого села Трояной и римскими воинами, предместье Команы Диоскора, где Василиску отрубили голову по приговору Агриппы[194].

Преследования, как сообщают агиографические тексты, были следствием декретов Диоклетиана и Максимиана, предписывавших всем подданным империи приносить жертвы языческим богам и грозивших карами христианам[195]. Римские власти особенно волновало то, что обращение в христианство затрагивало и армию, особенно так называемых «лимитанов», отряды охранявшие границы. К воинам, правда, нередко поначалу применяли и менее жестокие кары – ссылая в далекие крепости, как Питиунт[196]. В эпоху этих гонений далеко не все население Понта симпатизировало христианам. Было, и немало, доносителей на них. Сами трапезундские святители также были выданы Лисию доносчиками[197]. Преследования христиан на Понте продолжались и в правление Лициния, велевшего предать мучительной смерти епископа Амасийского Василия (ок.309 г.) и закрывавшего местные церкви[198]. Но эпоха катакомбного христианства завершалась. С победой христианства в империи при Константине начиналась и новая, византийская, страница истории Понта.

Итак, уже в античности были установлены прочные экономические и политические связи между городами и государствами,

лежащими на противоположных берегах Черного моря и постепенно произошло объединение причерноморских областей. Вместе с тем, при Митридате VI эти тенденции столкнулись с иной линией на воссоздание крупного универсалистского государства. Эта линия потерпела поражение, в том числе из-за противоречия объективным закономерностям развития регионального понтийского государства. Через тринадцать веков зарождающейся Трапезундской империи придется повторить тот же путь и испытать горечь такого же поражения. Но следствием его станет не ликвидация понтийского государства, а формирование его в исторических границах, где консолидирующую роль, как и в античности, будет играть понтийский эллинизм.

* * *

С образованием Восточно-римской (Византийской) империи Понт вошел в ее состав. Этническая характеристика населения Понта в его историко-географическом понимании (как области примерно от Ионополя, чуть западнее р. Галис, до реки Акампсис[199]) радикально не изменилась. Его основу сохраняли греки и эллинизированные местные племена, значительная часть которых была картвельского происхождения. Феодорит Киррский (393 – 457) различал лазов, саннов (чанов) и авасгов, подчинившихся римлянам, как три разных племени[200]. Прокопий корректирует мнение античной историографии о расселении чанов, указывая, что в его время они жили не на побережье, а в глубине материка, по соседству с армянами, в то время как лазы (отождествляемые Прокопием по сути с колхами) жили по берегам Фасиса[201]. Лишь часть чанов проживала на территории империи, другая же – за ее пределами. Отношения с этими чанами были, судя по сочинениям византийских авторов, далеко не всегда мирными. Византийцы посылали им деньги, чтобы они не нападали на их землю, но это не всегда помогало, и чаны время от времени совершали грабительские набеги на византийские и армянские земли, в том числе, и на регион Понта, например, в 505/06 г.[202] Большего византийцы достигли включая отряды воинственных чанов в свои войска и добившись значительных успехов в их христианизации[203]. На рубеже IV и V вв. интенсифицировалась экспансия лазов в северном и восточном направлениях, что, также, особенно со второй половины V в., усилило внимание Византии к Лазике[204]. Юстин I (518 – 527)

короновал царя лазов в Константинополе, предварительно крестив его, что было сочтено враждебным актом со стороны персидского шаха Кавада, считавшего Лазику подвластной ему территорией, и привело к началу длительной борьбы Византии и Ирана за эти земли[205]. Для укрепления византийских гарнизонов в Лазике Юстиниан I пополнял их пленными болгарами, разгромленными в Иллирике в 539/40 г. полководцем Мундом[206].

Значительные перемены происходили в административном устройстве южночерноморского региона. С конца IV в., в результате реформ императоров Валента (364 – 378) и Феодосия Великого (379 – 395) в рамках префектуры Востока существовал Понтийский диоцез с провинциями (епархиями) Вифиния, Пафлагония, Элленопонт, Понт Полемониак, Галатия Первая и Вторая, Каппадокии и Армении Первая и Вторая. Трапезунд и Керасунт, вместе с Неокесарией (Никсар), Команой и Полемонием принадлежал к 5 городам провинции Понта Полемониака. Амасия, Амис и Синоп, а также Ивора (совр. Иверёми), Зила (Зиле), Салтон Залихион (Везиркёпрю) были включены в состав Элленопонта, в то время как города внутренних областей – Севастия (Сивас), основанный Помпеем Никополь, Колония (Шебин Карахиссар), Сатала (Садаг) и Севастополь (не Сухуми, а небольшой город юго-западнее древнего Дазимона (Токата), на месте турецкого селения Сулусарай) входили в провинцию Армения Первая[207]. В Трапезунде в V в. стоял Первый понтийский легион, что само по себе придавало городу особую роль в как в обороне, так и в жизни восточных границ империи[208]. Осознавая особое стратегическое значение провинций Армении и Понта Полемониака, император Юстиниан I назначает туда единого военного командующего с титулом magister militum и значительно усиливает его войско. Малала отмечает, что именно с этого времени ромеи создали там свой могучий форпост[209]. Затем, в 535 г. Юстиниан объединяет две понтийских провинции (Полемониак и Элленопонт) в одну под общим названием Элленопонт во главе с модератором, имевшим резиденцию в Неокесарии. Модератор носил высокий титул перивлепта и был наделен широкими административными и военными полномочиями[210]. Однако уже в следующем году Юстиниан проводит новую реорганизацию управления, учреждая четыре восточных провинций под названием Армении I, II, III IV. Это, видимо, вызывалось соображениями усиления защиты пограничных с Персией областей и превращения их в оплот византийской экспансии в Закавказье. Все

города Восточного Понта, как лежащие на побережье, так и находящиеся во внутренних областях (Феодосиуполь, Сатала, Никополь, Колония), вошли в состав вновь организованной Первой (или Внутренней) Армении со столицей в Юстианополе (ранее Вазанис или Леонтополь, Вижан на берегу Евфрата). Во главе этой провинции стоял чиновник наиболее высокого ранга – проконсул[211]. Города к западу от Керасунта (Синоп, Амис, Амасия и др.) остались в составе Елленопонта. Прибрежные Трапезунд и Керасунт, переданные из бывшего Понта Полемониака в Армению I, не имели особого статуса, но были рядовыми городами провинции, хотя и являлись военно-морскими базами флота и снабжения армии. Буферное государство Лазика, за обладание которой и велись тяжелые византийско-персидские войны, снабжалось продовольствием (солью, вином, зерном) именно через Трапезунд[212]. Из Трапезунда Юстиниан организовывал морские и сухопутные экспедиции на Западный Кавказ. В частности, по его приказу там были срыты прежние римские крепости из боязни, что эти укрепления могли стать легкой добычей персов[213]. Главными узлами обороны в Восточном Причерноморье стали, таким образом, Трапезунд, заново отстроенный и укрепленный Севастополис, а также Питиунт[214].

Военные действия на востоке сопровождались большой строительной деятельностью. При Юстиниане по границам Понта, особенно в стране чанов, в Армении, а также Лазике строились новые стратегические дороги, расчищались леса, возводились новые и укреплялись старые крепости, в труднопроходимых ущельях (клисурах) запирались проходы, дававшие доступ в контролируемые ромеями земли. Мощной крепостью на южных границах, близ стен которой персы потерпели сокрушительное поражение в 530 г. стала Сатала, заново отстроенная Юстинианом на месте существовавшего до V в. римского castra stativa[215]. Важным средством обеспечения лояльности чанов, неоднократно совершавших набеги на местности Понта и Армении и грабивших купцов и путешественников, была их христианизация, заселение греками ранее покинутых земель, а также размещение ромейских гарнизонов[216]. Впрочем, византийцам приходилось усмирять чанов и с оружием в руках, как это сделал таксиарх Феодор в 557 г. Византийцы действовали из укрепленного лагеря близ крепости Ризе. После победы над чанами, которую сам Юстиниан оценивал как выдающееся деяние, чаны, потерявшие более

2000 воинов, согласились платить дань империи и окончательно признали ее власть[217].

На расстоянии одного перехода к северу от реки Акампсис, на побережье Грузии Юстиниан построил крепость Петру, контролировавшую Западную Лазику и торговлю с ней. В определенной степени Петра взяла на себя ту распределительную и стратегическую роль, которая ранее принадлежала Трапезунду. Однако ее положение было трудным, в том числе, и ввиду враждебности окружающего лазского населения. Осажденная персидским войском, Петра капитулировала в 541 г.[218] и роль основного военного форпоста и тыловой базы снабжения для войны в Лазике вновь вернулась к Трапезунду. Попытка персов доставить в Петру корабельный лес и сделать ее своим морским портом, способным противостоять византийскому флоту, окончилась неудачно из-за пожара[219]. Но и византийцам не удалось после длительной осады в 549 г. вновь овладеть Петрой, хотя в то время симпатии лазов склонились на их сторону и, кроме того, в составе их войск успешно действовали чаны Восточного Понта[220]. Лишь в 551 г. византийский полководец Бесса взял Петру, но ее укрепления были срыты, так как византийцы не рассчитывали удержать крепость[221]. Вплоть до вечного мира 561 г. Иран стремился заставить византийские войска отойти к Трапезунду, считая его рубежи естественными границами Византии[222]. Эта цель не была достигнута, и по мирному договору, заключенному на 50 лет, Лазика была оставлена в византийской сфере влияния[223]. Начиная с VII в. этноним лазы и топоним Лазика уже почти не употребляется в применении к территории Зап. Грузии, но под Лазикой, затем Лазистаном, понимают район Восточного Понта, от Трапезунда до р. Чорох[224].

Военно-политическая ситуация заставляла Юстиниана придавать особое значение Трапезунду и его области. В Трапезунде велась значительная градостроительная деятельность, был построен акведук Мученика Евгения, решивший проблему снабжения города водой и устойчиво функционировавший вплоть до начала XX в.[225] В Трапезунде и в Амасии были восстановлены пришедшие в упадок храмы[226]. В Трапезунде и в Ризе возводились новые крепостные стены и башни, строились церкви, о чем свидетельствуют надписи времени Юстиниана с его полным титулом. Традиция приписывала участие в этом и знаменитого полководца Велисария (видимо, безосновательно), а также епископа Трапезундского Ириния[227]. В эпоху Юстиниана города

Восточного Понта, Ризе и Атини, и другие, вплоть до Трапезунда, были многолюдными (χωρία τε πολυάνθρωπα)[228].

При новой реорганизации восточных провинций в правление императора Маврикия (582 – 602) Трапезунд стал столицей провинции Великая Армения. В нее вошли также города: Юстианополь, Камаха, Колония, Никополь, Сатала и Керасунт[229]. В первой половине VII в. значительных изменений в положении Трапезунда и Понта в целом не произошло. Роль города определялась его стратегическим значением военно-морской базы в борьбе Византии с Персией. Несмотря на тяжелые поражения византийских войск в 602 – 615 гг., захват персами Саталы, Феодосиуполя, Кесарии и других городов Восточной Анатолии, а также Галатии и Пафлагонии[230], императору Ираклию (610 – 641) удалось переломить ситуацию и к 627/8 г. полностью вытеснить персов из Малой Азии. По крайней мере дважды, в 622/3 и 626 – 628 гг., он посещал Трапезунд во время кампаний против Ирана. По всей видимости, это пребывание императора и его свиты не было кратковременным: войска оставлялись на Понте на зимние квартиры, а в самом Трапезунде императрица Мартина, сопровождавшая василевса в походе, ок. 622 г. родила мужу сына Ираклиона[231].

Разгромив Иран, Ираклий открыл дорогу на Запад новому страшному врагу империи – арабам. Натиск арабов на византийскую территорию, усилившийся после сокрушительного поражения ромеев в битве при Ярмуке (636 г.) не мог не сказаться на положении приграничных византийских провинций. В 640 г. арабы захватили Двин, в 641 г. – Евхаиту и вплотную подошли к Понту[232]. Разгромив византийские войска в Армении и преследуя их, арабы, возможно в 653 или 654 г. на короткий срок захватили и сам Трапезунд, взяв большое количество добычи и пленных, как о том писал армянский историк VII в. епископ Себеос[233]. Однако, как полагал еще Я. Фальмерайер, арабское завоевание способствовало увеличению населения Трапезунда из-за бегства туда христиан из завоеванных арабами областей и содействовало последующему процветанию города[234]. Он продолжал быть главным портом, связывавшим Кавказ с Византией[235]. Однако, во второй половине VII – начале VIII в. положение Понта было более, чем тревожное. В 711 г. арабы взяли Камаху, в 712 г. – Амасию и Гангру. После отвоевания ромеями, в 727 г. и в 732 г. Гангры вновь была дважды взята арабами и разрушена, а вся Пафлагония опустошена[236]. В дальнейшем основные военные действия велись южнее, нередко вокруг Камахи, переходившей из рук в руки, но

подчас арабы прорывались и к черноморским берегам, главным образом, к Амастриде, Амису (например, в 794 г.) и Синопу (860 г.) [237]. В 863 г. эмир Мелитины Амр занял и разграбил Амис, пройдя с войском через западные области Понта, но в дальнейшем у местечка Посон севернее р. Галиса, на границах Понта и Пафлагонии был разгромлен и убит византийским стратигом Петроной при помощи войск нескольких фем[238]. Эта победа, достигнутая в немалой степени благодаря результатам военно-административных реформ конца VII – IX вв., обозначила перелом в пользу Византии.

С 30-х – 40-х гг. IX в. определенную угрозу приморским городам Южного Причерноморья, особенно Пафлагонии, стали представлять морские походы варяго – русских дружин, как это было, например, в случае с временно захваченной и ограбленной ими Амастридой[239].

Фемная реформа, проводимая византийскими императорами начиная с VIIв.[240], в числе прочих, преследовала цель укрепления обороны византийских провинций, подчиняя их управлению стратига, как правило, в сане патрикия, реже – протоспафария, представлявшего особу государя на месте и командовавшего расквартированными в провинции войсками[241]. Все понтийские земли вошли с середины VII в. в состав одной из трех малоазийских фем – Армениак[242], разделенной на новые небольшие военно-территориальные единицы – турмы во главе с турмархами. Халдия[243] была тогда одной из турм Армениака[244]. На первом этапе фемной реформы произошло несомненное возрастание роли стратигов, командовавших местными воинскими ополчениями из крестьян – стратиотов. Решая задачи обороны, реформа объективно усиливала также центробежные силы, проявлением чего, например, был воинский мятеж в феме Армениак в 790 – 793 гг., с трудом подавленный императором Константином VI[245]. Чтобы не допустить этого, императоры, начиная с VIII в., стали делить фемы на более мелкие образования. Около 819/820 г. Лев V выделил фему Пафлагония[246]. К ней была отнесена и Амастрида. Река Галис, как указывает Константин Багрянородный, стала рубежом между ней и фемой Армениак[247]. Ранее 863 г. из старой фемы Армениак были выделены новые фемы: Харсиана, Армениак, Колония и Халдия (последняя – до 824 г.)[248]. Столицей Халдии был Трапезунд, на востоке она граничила с Малой Арменией, на юге – с фемой Колония[249]. В состав фемы Халдия входили и укрепленные оборонительные районы – клисуры в долинах реки Акампсис (Чорох) и ее притока Мургули (Мургул-су)[250]. К рубежу IX – X вв. стратиг фемы Халдия занимал

12 место среди стратигов 26 византийских фем (Армениак, для сравнения – второе, Пафлагония – 9, Колония – 8)[251]. С дальнейшим дроблением фем к концу X в. стратиг Халдии занимал 10 место из 31, стратиг Колонии – 7, Пафлагонии – 8. В принципе соотношение не изменилось, и малоазийские стратиги были в первой половине списка высших военных администраторов империи[252]. Стратигу Халдии назначалось жалование в 10 либр золота в год, что казалось бы малым (в сравнении с 40 либрами у стратига Армениака), если бы не одно добавочное обстоятельство: он также получал все поступления от таможенных сборов в Трапезунде, что было крупным довеском в период расцвета византийско-арабской торговли через Понт. Военными командирами, подчиненными стратигам, были архонты, получавшие свои титулы от императора и включаемые в тактиконы, но уже тогда имевшие широкую автономию в местном военном управлении[253]. Войско фемы Халдия арабские авторы ал-Гарми и Кудама ибн Джафар исчисляли в 4000 солдат, а ибн ал-Факих, с возможным преувеличением – в 10000 человек[254]. Войско Пафлагонии оценивалось арабскими авторами в IX – X вв. от 5 до 10 тыс. человек[255].

Реформы императоров-иконоборцев, укрепление центрального аппарата империи, умаление роли стратигов через разукрупнение фем с ликвидацией угрозы арабского завоевания Малой Азии, привели к консолидации Византийской империи, включая и ее понтийские области. Армениак, в частности, отказал в повиновении мятежнику Вардану Турку, восставшему против императора в 803 г.[256], а затем оказал сопротивление и другому мятежнику – Фоме Славянину (820 – 823)[257]. Вначале Фоме, видимо, опираясь и на отряды арабов, персов, ивиров, армян и авасгов, как о том пишет (быть может, не без преувеличений) император Михаил II, удалось подчинить Армениак и Халдию и даже разгромить стратига фемы Армениак[258]. Однако затем он, видимо, не удержался там, не пользуясь поддержкой населения этих фем и не имея опоры в войсках. Стратиг Армениака Ольвиан был последовательно на стороне Константинополя. Он сохранил контроль над портами Амиса и Синопа и вытеснил отряды Фомы[259].

В награду за верность, как сообщает источник, или «в страхе перед народным движением», как предлагает А.П. Каждан[260], император Михаил II сократил вдвое (с двух до одного милиарисиев) подымный налог – капникон[261]. Продолжатель Феофана уточняет, что это было пожалованием стратигам, но, очевидно, оно распространялось на население фемы (1 милиарисий в год – ничтожная сумма для одного

только полководца, вряд ли бы заслужившая упоминания в хронике). Помимо стратигов и дук, в основном военных командиров, во главе администрации фем стояли и гражданские чиновники – судьи, нередко носившие тот же титул, что и стратиги – протоспафария. Один из судей Халдии протоспафарий Константин (к. IX – X в.) известен по печати[262].

При императоре Романе I Лакапине (920 – 944), ок.922 г., и фема Халдия оказалась затронутой сепаратистскими (или узурпаторскими?) поползновениями местных стратигов, имевших поддержку среди недовольного (усилением налогового бремени или притеснениями динатов?) местного населения. По наущению стратига Варды Воилы, халд Адриан и богатый армянин Тацак подняли восстание и даже захватили крепость Пайперта (Байбурта) на юге фемы. Мятеж был решительно подавлен доместиком схол Иоанном Куркуасом, главари его лишились имущества, некоторые были ослеплены (Тацак) или пострижены в монахи (Варда Воила). Восстание имело, видимо, социальную базу и в низах: источники упоминают «убогих и незнатных», которых, однако, Куркуас отпустил не подвергнув наказанию[263]. Восстание, видимо, не затронуло Трапезунда и приморских городов Халдии. Сам магистр и доместик схол Куркуас, армянин по происхождению, был виднейшим полководцем Византии, он одержал немало побед в войне с арабами, восстановил границу Византии на Востоке по Евфрату и Тигру, а на Кавказе – по р. Фасис (Аракс) и даже породнился с императором Романом. Его сын, патрикий Роман, был стратигом многих фем, а род Куркуасов[264] сумел укорениться в феме Халдия, где двоюродный брат Иоанна, патрикий Феофил (дед императора Иоанна Цимисхия) стал стратигом и, как и Иоанн Куркуас, одержал много славных побед, в частности, отвоевал у арабов Феодосиуполь (Карин)[265]. Быть может именно при императорах Македонской династии, или даже раньше, и началась традиция правления наследственных полководцев – стратигов и дук Халдии – связанных с Понтом, владевших там землей, или происходивших из тех мест. Иоанн Лазаропул сообщает, например, что при Василии I дукой Халдии и Трапезунда являлся Иоанн Халд, чей отец был основателем известного и почитаемого монастыря Спасителя в Сирмене[266].

В X в. боевые действия против арабов велись значительное южнее рубежей Понта, хотя время от времени из пограничных арабских эмиратов Эрзерума, Мелитины, Самосаты, Тарса предпринимались нападения на византийское порубежье[267]. Попытка сирийского эмира Сайф ад-даулы Хамданида, прорвавшись к Колонии и опустошив ее

окрестности, взять эту крепость в 939/40 г. закончились неудачей[268]. Но и этот поход не представлял для понтийских городов серьезной опасности. Опираясь на территорию Халдии, Византия проводила наступательные кампании в Закавказье и Месопотамии. В 949 г. византийцам покорился Феодосиуполь (Карин, Эрзерум) и наступление продолжилась в направлении Армении. Не случайно, что знатные армяне предводительствовали византийскими войсками, ассимилировались в составе византийской элиты, выражением чего стало и возникновение на рубежах Византии и в самой империи заметного слоя армян-халкидонитов, то есть принявших православие[269]. Русские дружины также появляются в это время на Понте, участвуя, сначала по договору князя Владимира с византийским императором, в подавлении восстания Варды Фоки (см. ниже), в воинах Василия II на Кавказе и в Восточной Анатолии. Тагма в 6000 человек упомянута армянским историком Асоликом при описании похода Василия II в Ивирию в 1000/01 г.[270] В правление Константина VIII (1025 – 1028) в Трапезунд был отправлен отряд варяго-русской дружины (Иоанн Ксифилин называет ее скифами, а принадлежащего к ней одного одержимого бесами воина – росом)[271]. Отряд варягов находился в Халдии и Ивирии и в середине XI столетия, когда им командовал патрикий Михаил[272].

С постепенной стабилизацией византийской границы на востоке[273], некоторые изменения произошли в управлении фемами. Возросла роль дук. Первоначально они командовали отрядами войск, размещенными в одном городе или феме и подчинялись стратигу, но с последней четверти X в., по мере упадка фемного ополчения и замены его регулярными тагмами и иностранными наемниками, их роль повысилась. Дуки, как правило, назначавшиеся из Константинополя, сосредотачивали все больше как военное, так и административное управление провинциями, заменяя статигов[274]. Ок. 1000 г. дукой Халдии был патрикий Василий, обладавший военным опытом и сведущий в науках. Однако большую часть времени он проводил не в Трапезунде, а в Кельтцине (Эрзинджане), ближе к театру военных действий, особенно во время похода Василия II в Ивирию. Одной из его задач было попечение за сбором налогов в царскую казну[275]. Сама же турма Кельтцины была сначала в ведении дуки Халдии, а затем, с образованием при Льве VI, как сообщает Константин Багрянородный, новой фемы Месопотамии, отошла, наряду с турмой Камахи, к ней[276].

В Трапезунде и на территории фемы Халдия были земли императорского фиска, служившие фондом для пожалований василевсами стратигов, оборонявших рубежи империи[277]. В Синоп и Амастриду императором Феофилом были переселены бежавшие в конце 833 г. из халифата персы-хуррамиты. Из них была создана «персидская» тагма, примерно в 2000 человек[278], для борьбы с арабами. Впрочем, при попытке этих персов подняв мятеж в 838 г. провозгласить императором их предводителя, свояка василевса и известного полководца патрикия Насра (именуемого греческими историками Феофобом), Феофил, подавив мятеж, расселил их из приморских городов, имевших особое стратегическое значение, в различные фемы, преимущественно Малой Азии[279].

Жители богатых внутренних областей Халдии, например, долины Пайперта, приезжали в Трапезунд на праздники и снабжали монастыри (да видимо, и города) морского побережья продуктами. Они, как явствует из сочинения Иоанна Лазаропула, занимали важные посты, например, в церковном управлении, как настоятель монастыря св. Евгения Антоний, окруженный многочисленными и состоятельными родственниками, своего рода семейным кланом[280]. По косвенным данным можно судить, что отношения этих «пайпертцев» или, шире, «халдов» и жителей Трапезунда и его округи не были, несмотря ни на что, слишком хорошими. Антоний долго боялся открыть трапезундцам чудо с откровением св. Евгения о дате его рождения, опасаясь их недоверия и противодействия. Праздник сначала готовился Антонием лишь при содействии брата, племянника, иных кровных родственников, приглашенных на торжество и обеспечивших его деньгами. Лишь затем, при участии дуки Халдии и епископа Афанасия Демонокаталита, «изгонятеля бесов», праздник обрел свой официальный статус[281]. Но и тогда не обошлось без столкновения «местных» с «приезжими». Дело дошло до оскорблений настоятеля и монахов и попыток расправиться с «пайпертцами» (τούς τ' 'εκ Παΐπερτ). Конфликт имел и социальную окраску. Трапезундцы из низов упрекали настоятеля в том, что он созывал лишь знать и клириков, отвергая тех простых людей, которые много лет заботились о раке святого. Лишь вмешательство и вразумление мудрого архиерея, почитаемого чудотворцем, предотвратило кровавые эксцессы[282]. Не изгнание ли и этих бесов утвердило за ним прозвище, с которым он вошел в историю? Удивительно, что исследователи, как кажется, не оценили должным образом эти уникальные сведения о социальных антагонизмах на Понте

в IX в., закрепившихся в памяти трапезундцев (а, вероятно, и не изжитых) и в веке XIV, когда писал хлебнувший немало горя в гражданской войне преемник владыки Афанасия митрополит Иоанн Лазаропул. Между тем, он называет их достаточно выразительно – ’ένστασις – это еще не мятеж или выступление, но противоборство, протест[283]. Постепенно монастырь приобрел в свою непосредственную собственность и значительные земельные угодья: в IX – XII вв. игумены монастыря св. Евгения приезжали в районы Пайперта и Халдии для надзора за уборкой урожая на полях монастыря и доставки зерна в Трапезунд, прикупали новые проастии и земли, в том числе – у местных клириков, собирали пожертвования и ренту[284].

Правление Македонской династии (867 – 1056) было временем подъема экономики Понта, возрастания военно-административного и церковного значения Трапезунда. Не случайно, видимо именно при Василии I (867 – 886) трапезундская епископская кафедра повышается до ранга митрополии[285]. В эпоху Македонской династии культ св. Евгения переживает свое второе рождение. Отстраивается монастырь святителя, откровением устанавливается дата его рождения, пишется распространенное Житие святого и, затем, два других агиографических сочинения, принадлежащих перу будущего патриарха трапезундца родом Иоанна Ксифилина[286]. Наконец, ведя кампанию в Ивирии в 1000 г., Василий II посетил Трапезунд (возможно, не единственный раз[287]), одарил и перестроил храм св. Евгения (агиограф отмечает сооружение двух больших апсид, двух высоких колонн и купола)[288]. Победа, одержанная императором над совместными силами грузинского царя Георгия I и примкнувших к нему армянских Багратидов и Арцрунидов и последующее установление верховного сюзеренитета империи над Тао были, естественно, связаны агиографом с помощью святителя, прибывшего из Трапезунда в лагерь Василия близ Котиэя[289]. Трапезунду выпала при этом особая роль: именно сюда к Василию II в 1021/2 г. прибыло посольство каталикоса Армении Петроса с завещанием бездетного анийского царя Йовханнэса-Смбата Багратида, уступавшего Византии права на наследство, а затем – переселившийся в Византию после опустошительного тюркского набега на его владения васпураканский царь Сенекерим Арцруни, передавший Византии власть над Васпураканом. Именно в Трапезунде, в резиденции императора, были утверждены условия этих договоров[290]. Последующее образование фем Васпуракан и Ивирия[291] существенно отодвинуло границы Византии на юго-востоке от Понта, обеспечило

ему на время более стабильное положение, а длительное пребывание императорского двора в Трапезунде, несомненно, способствовало его экономическому и политическому подъему. Именно X – первая половина XI вв. были временем расцвета международной торговли Трапезунда[292].

Однако несколько ранее территория Халдии оказалась вовлеченной в мятежи динатов против центральной власти, сначала во главе с Вардой Склиром, затем – Вардой Фокой (976 – 989)[293]. Трапезунд сохранял при этом ориентацию на Константинополь, отправляя туда, вместе с другими понтийскими городами, корабли с хлебом[294]. Чтобы отвлечь Варду Фоку от Константинополя и нанести ему удар с тыла, император Василий поручил своему полководцу Григорию Тароните высадиться в Трапезунде[295]. Именно эти два обстоятельства побудили мятежника к решительным действиям против Трапезунда. Он склонил правителя Тао/Тайка Давида Куропалата на свою сторону. Два его полководца и сына, чьи имена сохранились и у Лазаропула, Панкратий (Баграт) и Чурванелис[296] (магистр Чордванел), были отправлены из Персамении через Пайперт и Понтийские Альпы к Трапезунду. Сначала Григорий Таронит потерпел поражение. Однако, узнав о гибели Фоки, войска вернулись. Чудесное спасение Трапезундский агиограф объяснил заступничеством святого патрона Евгения[297]. Император покарал Давида за помощь мятежникам. Войско патрикия Иоанна разгромило Чордванела в феврале-марте 990 г. в Дердзине-Терджане, а сам он погиб в бою. Район Терджана вернулся под власть Византии[298]. Казалось бы, внешняя опасность и с этой стороны была отодвинута.

Но с середины XI в. Понт вновь испытал угрозу внешних вторжений. На сей раз ее представляли сельджуки, вторгавшиеся в Малую Азию и расселявшиеся в ее долинах и на плато. В 1048 и 1054 гг. сельджукские вожди Ибрахим Инал и Тогрул-бек опустошают территорию вокруг Феодосиуполя (Эрзерума) и, взяв Пайперт, доходят до Джаника, южных границ Понта, а также опустошают земли по реке Чорох и Восточную Халдию и лишь варяжский отряд византийского войска разгромил у Пайперта один из отрядов сельджуков и освободил часть пленных[299]. Сельджукскому натиску и его успехам способствовала политика самих византийских императоров середины 11 столетия. В частности, Константин IX Мономах (1042 – 1055) заменил службу в ополчении уплатой денег, чем, по мнению византийских историков, нанес большой урон обороне восточных

провинций, в том числе, Халдии, Мелитины, Колонии и Ивирии[300]. Гарнизоны ключевых крепостей стали формироваться из "франков"[301], что было чревато мятежами. К тому же позиции империи ослаблялись и из-за внутренних конфликтов, обострения борьбы столичной и провинциальной военной знати за власть. При императоре Михаиле VI Стратиотике (1056 – 1057) видя бессилие центральной власти, турки опустошали своими набегами всю территорию Понта, прорываясь и к побережью и начиная расселяться на обезлюдивших землях. В 1057 г. сельджуки разоряют земли от Джаника до Эрзерума, а затем нападают на Камаху и Колонию. С тех пор их вторжения становятся чуть ли не ежегодными и сопровождались захватами городов и многочисленного полона[302]. Но подлинная катастрофа разразилась в 70-е гг. Осенью 1070 г. войско Мануила Комнина было разгромлено сельджуками близ Севастии, а византийские полководцы (Михаил Таронит, Мануил Комнин и Никифор Мелиссин) попали в плен[303]. Большая армия, предводительствуемая самим императором Романом IV Диогеном, в которую входили и подразделения из Трапезунда[304], терпит вслед за этим сокрушительное поражение при Манцикерте в августе 1071 г.[305] И хотя император был освобожден, подписав почетный мир с султаном, его свержение и дипломатические просчеты преемников привели к катастрофе. С 1072 г. начинается последовательный захват тюрками Малой Азии, чему способствовала и гражданская война в Малой Азии между сторонниками Романа Диогена и свергнувшей его столичной группировки Михаила VII[306]. В 1072 или 1073 г. сельджуки взяли сам Трапезунд[307] и удерживали его не позднее 1075 г., когда не армия василевса, а местное ополчение во главе с дукой Халдии Феодором Гаврой отвоевало понтийскую столицу, а также крепость Пайперт на южных рубежах фемы[308]. Успехи Гавры помогли и императорской армии. Через Трапезунд византийцы в 1075 г. уже смогли направить экспедицию Никифора Палеолога против тюрок. Тюрки взяли и Синоп, но ок. 1086/87 г. там уже был водворен в качестве губернатора византийский полководец Константин Далассин[309]. Защита Понта стала делом местных династических группировок. Особую роль среди них играли Гавры[310] и Тароните, возможно, потомки княжеского рода таронских Багратидов, выселенные после смерти князя Ашота и аннексии Тарона Византией в 966/7 г. в Халдию и, вероятно, наделенные там поместьями[311].

Ситуацию в регионе существенно осложняли мятежи, поднимаемые командирами «франкских» тагм. Сначала это был мятеж

Криспина в Армениаке, с опорой на мощную крепость Колонии, в 1069 г.[312], а затем, особенно опасный – Русселя де Байоля, охвативший территорию от Галатии до Армениака и подавленный с большим трудом византийским полководцем стратопедархом Алексеем Комнином (1072/73 – 1074/75 гг.). Понтийскими эпицентрами мятежа была Амасия и Неокесария. При этом часть жителей Амасии, в том числе представителей городской верхушки, и после прибытия в город Алексея, вместе с выданным ему турками Русселем, была если не на стороне Русселя, то во всяком случае сочувствовала ему. Алексею пришлось прибегнуть к хитрости – ложному ослеплению Русселя – чтобы избежать прямой конфронтации с городом и вывезти оттуда своего пленника[313]. Все это свидетельствовало о нарастании сепаратистских сил как на Понте, так и вокруг него.

С конца XI в. Трапезунд испытывает очевидный упадок, проявлением которого было и прекращение (из-за нехватки средств, как сообщает Лазаропул, и, добавим, из-за потери халдийской периферии) торжественного празднования рождества св. Евгения в одноименном монастыре[314].

Владения тюрок, доходивших до Пафлагонии и окрестностей Константинополя, все же, располагались чересполосно, и стабилизация положения империи, достигнутая с воцарением Алексея I Комнина (1081 – 1118) позволила мобилизовать все силы и существенно потеснить сельджуков. Примечательно, что при этом Комнины в значительной мере использовали и свои собственные, родовые, ресурсы в Пафлагонии. Однако Понт, особенно Западный, оставался уязвимым местом, о чем свидетельствует ограбление и кратковременный захват Синопа отрядом некоего Каратыка или Каратегина, возможно, одного из эмиров Меликшаха[315], в 1084 г., а также принадлежность туркам ряда прибрежных земель и крепостей, о чем недвусмысленно писала Анна Комнина. Захват Синопа был спровоцирован тем, что там находилась часть царской казны, видимо, необходимой для оплаты войск или результат сбора торговых налогов[316]. Синоп удалось вернуть Алексею I дипломатическим путем и, возможно, склонив к переходу на сторону византийцев некоего чауша, ивира по матери, принявшего затем христианство. Тот, будучи послом султана, использовал данную ему грамоту для вывода войск сельджуков из припонтийских городов, включая Синоп. Грамота должна была иметь силу при согласии Алексея I на династический брак, о чем Алексей сначала даже не стал вести переговоров, а затем затянул их, вплоть до смерти султана

династии Великих Сельджукидов Малик-шаха I (1072 – 1092). После возвращения Синопа губернатором туда был назначен родственник императора Константин Далассин[317].

Тем не менее, ослабление центра и отдаленность Халдии позволили Гаврам создать на территории Понта полусамостоятельное феодальное княжество. Интересно, что сепаратизм Понта не проявлялся до этого времени, а Трапезунд, как мы видели, сохранял проимперскую позицию во фремя феодальных мятежей. Что же изменилось? Во-первых, все очевидней сказывалась неспособность центра отстоять Понт от внешних врагов. Во-вторых, росла и укреплялась местная знать, не занимавшая значительных постов в столице и связанная своими экономическими и политическими интересами с Понтом. В-третьих, подъем городов, обозначившийся с X в. давал некоторые дополнительные ресурсы для автономистских сил. В-четвертых, была сохранена система локальной обороны фемы, опиравшаяся на местные военные отряды и хорошо защищаемые крепости и горные проходы. Реально в этой ситуации и произошло, видимо, соединение интересов местных динатов и городской верхушки и выразителем этого стала династия Гавров, прославленная подвигами и освященная ореолом мученичества за веру и родину ее основателя дуки Халдии и севаста св. Феодора Гавры. Алексей I, вместе с тем, мирился с полунезависимостью Гавры, понимая его роль в защите рубежей империи.

Феодор Гавра происходил, возможно, из семьи армянского происхождения[318] и родился, как сообщает Анна Комнина, в горных районах Халдии[319]. Один из источников (правда, более поздний) указывает даже место: селение Атра (Эдра) близ Трапезунда[320]. Уточнить это пока не представляется возможным. Еще в юности он поклялся изгнать «агарян» из области Трапезунда и выполнил затем эту клятву[321]. После освобождения Халдии Алексей I утвердил Феодора дукой[322], но он правил на Понте фактически самостоятельно с 1075 г. вплоть до смерти, вероятно - 2 октября 1098 г. Выражением этого стала и чеканка им монеты с изображением его св. патрона Феодора или, иногда, св. Димитрия. Собственную монету продолжал чеканить и племянник Феодора Константин Гавра. При этом трапезундские монеты не следовали принципам реформы Алексея I 1092 г. и сохраняли нерегулярный весовой стандарт[323]. Византийские источники отмечали богатство, храбрость и непобедимость Гавры (до его гибели он не знал поражений), а Алексей I, назначая его дукой, стремился

удалить Феодора из столицы, опасаясь его дерзости и энергии, как писала Анна Комнина[324].

На явно сепаратистские устремления Гавров указывает и история сына Феодора Григория. В раннем возрасте он был отправлен отцом в Константинополь, где он был обручен с дочерью севастократора Исаака, брата императора Алексея I. Однако, из-за того, что сам Феодор вступил во второй брак со знатной аланкой, родственницей жены севастократора, планируемый матримониальный союз сына стал невозможен. Тогда император Алексей предложил юноше руку своей дочери Марии. За этим крылся тонкий расчет василевса привязать к себе талантливого полководца и потенциального мятежника. Фактически он стал заложником, хотя и получил полное военное образование под руководством самого императора. Однажды, когда император был в походе в Филиппополе в 1091/92 гг., юноша устроил заговор, опираясь на поддержку нескольких византийских военачальников (Георгия Декана, Евстафия Камицы и Михаила Ехансона). Заговор был раскрыт, Григорий сначала брошен в тюрьму под надзор дуки Филиппополя Георгия Месопотамита, а затем, получив прощение, был вынужден жениться на дочери императора Марии, связав свой род с Комниновским кланом[325]. Император Алексей получил тем самым определенный рычаг влияния на сепаратиста-дуку, впрочем, объективно действующего в интересах обороны рубежей Византии. Но брак этот после гибели Феодора Гавры был расторгнут[326].

Помимо сельджуков, Гаврам пришлось отражать и нападения туркменских эмиров династии Данишмендидов, овладевших территорией от Севастии и Кесарии до Южного Понта[327]. Не без преувеличения, византийский писатель начала XII в. архиепископ Феофилакт Охридский писал, что Данишмендиды облагали данью всю территорию от Приазовья и Колхиды до Армении, Галатии и Каппадокии[328]. Вероятно, Феодору Гавре удалось отвоевать у туркменов и удерживать земли от Трапезунда до Неокесарии включительно[329].

В одной из битв Феодор Гавра, был все же разбит и взят в плен. Его отвезли в Феодосиуполь и там предали мучительной смерти, после отказа перейти в ислам. Прах святого, за исключением черепа, из которого сначала сделали чашу, был сожжен[330]. Э. Брайер датировал это событие 1098 г.[331] По предположению Д.А. Коробейникова[332], убийцей был амир Али (Абу-л Касим Салтук), правитель Эрзерума и Двина (ум. в 1132 г.). Последнее свидетельство о Феодоре Гавре у Анны Комнины

сопряжено с рассказом о недавнем захвате им Пайперта и об осаде его затем Исмаилом амиром Гази Данишмендидом[333]. Д.А. Коробейников полагает, однако, что в 1098 г. произошло лишь столкновение Гавры с Данишмендидом, а гибель же от рук эмира Али произошла позже: terminus ante quem – 1103 г.[334] Думается, что более прав Брайер: Синаксарий св. Феодора Гавры указывает, что поражение Гавры и его казнь произошли сразу же и от рук Амира Али[335]. И почти тотчас же Феодор Гавра стал почитаться как мученик и местный святой[336]. А длительная борьба понтийских греков с Данишмендидами нашла отражение в тюркском героическом эпосе[337].

После смерти Гавры его преемником на короткое время становится полководец Даватин (его преном неизвестен, между 1098 и 1103 гг.)[338], а затем власть переходит к Григорию Тароните. Таронит был женат на сестре императора Алексея I Марии и давно был известен как хороший полководец[339]. Он был назначен командовать войском в Малой Азии, действовавшим против Данишмендидов в 1103 г. Тароните выпал успех: он серьезно потеснил эмира Сиваса и создал угрозу захвата Неокесарии (Никсара). Это склонило Амира Гази Данишмендида (1084 – 1134) к мирным переговорам и даже, как намекает Феофилакт Охридский, к установлению между ними дружественных отношений[340]. Ему, в частности, удалось, заключив мир или перемирие с Данишмендидом, договориться об освобождении из плена в Никсаре в начале 1103 г. «железовыйного франка», претендовавшего на роль освободителя Востока, но испытавшего иную судьбу. Переговоры о выкупе Таронит вел по поручению императора и, видимо, существенно продвинулся в них, хотя, вопреки похвале Феофилакта, и не достиг цели[341]. Речь шла об основателе Антиохийского княжества Боэмунде Тарентском, захваченном в плен летом 1100 г. Меликом-Гази. Попытка крестоносцев в 1101 г. прорваться через Никомидию-Гангры к Амасии-Никсару и разгромить туркоманов в области Понта, освободив Боэмунда, закончилась сокрушительным поражением их войск близ Мареша (Мерзифон, к северо-западу от Амасии) от сельджуков и Данишмендидов. Лишь немногие из рыцарей смогли пробиться и бежать а Павру (Бафру) и Синоп, а оттуда – в Константинополь[342]. Боэмунд был, однако, выкуплен в 1103 г. «франками»[343]. Завершив летнюю кампанию, в конце 1103 г. Таронит вернулся в Константинополь[344]. Хотя византийцы добились успехов, корреспондент Таронита высказывает опасение, что с его возвращением в столицу дела на Понте вновь могут ухудшиться и

тамошние города подвергнутся опасности[345]. Данишменднаме повествует в этой связи о союзе византийцев, армян и грузин против туркменов. Во главе союза стоял «султан» (дука) Трапезунда Григорий. Именно этой коалиции эпос приписывает победу над Данишмендом близ Никсара летом 1104 г., когда погиб и сам тюркский воитель[346].

Видимо, в награду за успешное проведение похода весны-лета 1103 г. Григорий Таронит был назначен дукой Трапезунда[347]. Возвращение Таронита на Понт, скорее всего, преследовало цель развить успех и стабилизировать положение на границе с тюрками. Однако, еще по пути на Понт, Григорий вскоре поднял мятеж и бросил в темницу г. Тивенны бывшего дуку Даватина, возвращавшегося в Константинополь, и других знатных трапезундцев. Тивенна находится между Севастией и Амасией, т.е. либо там был византийский гарнизон, либо крепость была предоставлена как место заключения врагов Исмаилом амиром Гази Данишмендидом, теперь уже союзником Таронита. Пленникам однако удалось освободиться от оков, изгнать стражников, поставленных Таронитом, и даже овладеть Тивенной. Возможность заговора трапезундцев, о чем прямо упоминает Анна Комнина, имелась только в случае наличия у них сторонников в городе, поэтому вероятнее, что их поддержал византийский гарнизон[348].

Таронит не ставил перед собой целей узурпации власти в Константинополе, но добивался укрепления своей самостоятельности на Понте, опираясь на поддержку и прежних врагов – Данишмендидов эмиров Севастии. После того, как призывы Алексея I к повиновению не возымели действия и на письма императора Таронит отвечал лишь оскорблениями членов синклита, военачальников и родственников государя, мятеж был подавлен в 1105 – 06 гг. по приказу василевса двоюродным братом Григория Иоанном Таронитом[349]. Григорий Таронит попытался отойти к Колонии, рассчитывая на помощь Амира Гази Гюмюштегина Данишмендида, но был пленен. Император сначала намеревался ослепить его, но затем, Иоанн Таронит уговорил его не делать этого. Обрив Григория наголо и лишив бороды, василевс заключил его в Анемскую башню Константинополя. Таронит не сразу раскаялся, он пугал стражей ужасными пророчествами, осмеивал и оскорблял врагов, за что срок его заключения был продлен. Получив через некоторое время прощение, Таронит, возможно, достиг высших должностей, вплоть до протовестиария, в начале царствования Иоанна II (если только Никита Хониат не пишет о другом лице, тезке нашего героя)[350].

В 1114 – 1133 между Византией и Данишмендидами ведется ожесточенная борьба за Кастамон и Гангры[351]. Полководец Константин Гавра, родственник, возможно – племянник св. Феодора[352], сражался с Гюмюштегином Амиром Гази, опираясь при этом на гарнизоны в Восточной Анатолии, вплоть до Камаха. Амир Гази, вместе с атабеком Малатьи Булаком в 1119 г. атаковали Камаху, а затем разромили понтийских греков и их союзников тюрок-огузов и взяли в плен Гавру (позднее он был выкуплен и отпущен). Поражение было серьезным: восточные хронисты (видимо, не без преувеличений) писали о 5000 убитых понтийцах[353]. Одновременно Данишмендиды завоевывают византийскую провинцию Кастамону.

Константин Гавра, ранее губернатор Филадельфии (1112 г.), разгромивший Малек-шаха, командующий авангардом или флангом войска Алексея I в походах 1113 и 1116 гг., был назначен между 1116 и 1119 гг. дукой Трапезунда. Возможно, короткое время, после 1118 г., его сослуживцем, которому было вверено управление правосудием и собирание налогов в области «халивов», был племянник императора Алексея I Адриан Комнин, будущий архиепископ Болгарский Иоанн. Однако сообщение об этом энкомиаста Никифора Василики крайне расплывчато и неконкретно. Василаки отмечает, с одной стороны строгость правления Адриана над «халивами», в ином месте – над «колхами», а с другой – его приверженность нормам законов и бескорыстие[354]. Характер власти Адриана неоднократно определен обобщенным термином ’αρχή [355], однако в качестве главной функции выделяются сбор налогов и судебные функции, что не позволяет нам разделить мнение издателя, что скорее всего Адриан был дукой[356]. Такого рода полномочия потребовали бы другого акцента – на командовании войсками, да и более высоких и определенных энкомиастических клише. Кроме того, функции дуки в то время принадлежали Константину Гавру, лишившемуся их в 1140 г., примерно тогда, когда Адриан, давно уже принявший монашество, становится архиепископом Болгарии. Упоминание халивов в одном контексте и параллельно с колхами, как представляется, намекает на Восточные области Понта, но возможно и расширительное толкование всего Понта как страны халивов (=халдов) и колхов (=лазов), особенно в риторическом произведении.

С 1126 г. Константин Гавра провозгласил себя независимым правителем на Понте[357]. Независимость его простиралась столь далеко, что он принял устроившего заговор против Иоанна II и затем

изгнанного брата императора севастократора Исаака Комнина[358]. Основные ресурсы для своей небольшой, но мобильной армии Константин черпал исключительно из местных источников. Когда их не хватало, он был вынужден, подобно Алексею I Комнину, наложить руку на церковное имущество, что вызвало решительное противодействие трапезундского митрополита Стефана Скилицы, а Продром даже сравнил действия дуки с «агарянским разбоем»[359]. Тем не менее, именно Константин Гавра выкупил и перенес мощи (череп) дяди в Трапезунд, где и построил храм святого Феодора. Иоанну II стоило больших трудов подчинить Константина Гавру. Он не смог сделать это во время похода на Понт против сельджуков в 1139 г. И лишь в 1140 г. один из не названных по имени византийских полководцев Иоанна смог разгромить дуку Халдии, о судьбе которого с тех пор ничего не известно[360].

Д.А. Коробейников полагает, что к концу 20=х гг. возникло два противостоящих союза: с одной стороны – Амира Гази Данишмендида, Иконийского султана Мас'уда и Константина Гавры, с другой – византийского императора Иоанна II и Грузии. По неопубликованной хронике ал-Азими в 524 г.Х. (1129/30 г.) грузины имели столкновение с господином («сахибом») Трабзуна и были им разгромлены[361]. С другой стороны, ок. 1127 г. Амир Гази отвоевал Анкиру, Кастамон и Гангру, в 1129 г. напал на побережье Армениака, где византийский губернатор Кассиан сдал ему несколько крепостей побережья и перешел к нему на службу[362]. Иоанну II удалось почти сразу же вернуть две из них, но он не смог закрепить успех, вынужденный вернуться в Константинополь перед угрозой династического переворота[363]. Позже, в 1133 г., Иоанн II мирным путем вернул Кастамон, вскоре вновь осажденный и отвоеванный Амиром Гази, вырезавшим его греческое население. После этого Кастамон и Гангры оставались пограничными центрами и переходили из рук в руки[364]. Однако, в результате похода Иоанна II на Западный Понт, до р. Ириса, ему, удалось овладеть Пафлагонией, Вифинией и, возможно, рядом понтийских территорий[365], хотя они и в дальнейшем подвергались нападениями сельджуков, как, например, в 1139 г.[366] Дальнейшему успеху византийцев сначала сопутствовал распад в 1142 г. эмирата Данишмендидов и, первоначально успешная, военно-дипломатическая деятельность Мануила I Комнина. При этом Константин Гавра в 1162 – 63 гг. выступает уже не как самостоятельный правитель, а как посол императора к султану Икония, нарушившему позднее (в 1174 г.) соглашение о мире и союзе с Византией[367].

Мануилу удалось также путем переговоров вернуть у сельджуков временно захваченные в результате набегов города Иней и Павры (Бафру)[368]. Ситуация (не к пользе Византии) изменилась с поглощением частей эмирата Данишмендидов Иконийским султанатом в 1172 – 1175 гг.[369] и с неудачей попыток Византии участвовать в разделе этого эмирата. Именно на этой почве и произошел разрыв бывших союзников. Василевс поручает севасту из рода Гавров Михаилу набирать войска в Пафлагонии, Трапезунде и Инее и захватить Амасию. Нерешительность севаста открыла ворота города султану Икония Кылыч Арслану[370]. Неудачи Мануила в Северной Анатолии и консолидация Иконийского султаната предопределили страшное поражение византийцев в битве при Мириокефале в 1176 г. Эта битва имела прямые последствия и для истории Северной Анатолии. Районы Кастамона и Амиса переходят под контроль Румского султаната, притязающего также и на южные области Понта. В 1187 г., например, при разделе султаната между сыновьями Кылыч Арслана II (1156 – 1192) Рукн ал-дин получил Амис другие, не названные Хониатом, города побережья, Кутб ал-дин – Колонию, а Гийяс ал-Дин – Амасию[371]. С конца XII в. династия Гавров уходит на периферию понтийской истории. Одна из ветвей рода ради сохранения владений на понтийской периферии переходит на службу к иконийским султанам и постепенно мусульманизируется, причем некоторые Гавры даже участвуют в войнах против Византии[372], другая переселяется в Крым и образует новые линьяжи правителей Феодоро (Мангупа), третья вливается в ряды византийской знати и постепенно мельчает[373], четвертая, как показал Р.М. Бартикян, существовала в Армении[374]. Влияние Гавров на Понте, как справедливо отметил Э. Брайер, сходит на нет[375]. Последний эпизод военной активности одного из Гавр, Михаила, полководца на византийской службе, посланного в 1175 г. в Джаник с войсками Пафлагонии, Инея и Трапезунда, из-за нерешительности воеводы, по описанию Киннама, закончился сдачей Амасии султану Кылыч Арслану II[376].

В 70-е же годы 12 в. начинается понтийская история Андроника I Комнина и его потомков, будущих основателей Трапезундской империи. Враждуя с Мануилом I и странствуя по Востоку, после посещения Грузии в 1170 – 73 гг., Андроник отправился во владения эмира Из ал-дина Салтука, врага Византии, и получил от него в удел замок близ Колонии. Оттуда он стал нападать на византийские земли, включая Халдию, уводить полон и подвергся за это даже церковной анафеме[377].

В 1176/78 г., после того, как дука Халдии Никифор Палеолог[378] захватил в плен жену Андроника Феодору и его детей, Андроник покорился, вернулся в Константинополь, покаялся и получил от императора в управление и кормление земли в Пафлагонии, включая город Иней[379]. После смерти Мануила I в 1180 г. и воцарения его малолетнего сына Алексея, воспользовавшись династическими распрями, из Пафлагонии Андроник в 1182 г. отправился с войсками в Константинополь и вскоре стал единодержавным василевсом Византии (1183 – 85)[380]. Его энергичное, но тираническое правление вскоре закончилось свержением и убийством самого василевса и гибелью двух его сыновей, Мануила и Иоанна, хотя первый из них осуждал поведение и правление отца[381]. Лишь двум сыновьям Мануила удалось спастись и стать в скором будущем основателями новой, Трапезундской империи. Интересно, что Гийом Тирский приводит не подтвержденное другими источниками сведение, что Андроник, узнав о коронации узурпировавшего власть Исаака Ангела, пытался было бежать на галее по морю в Трапезунд, но не смог этого сделать (ne onques ne post passer), возвратился во Влахернский дворец и был затем подвергнут мучительной казни[382]. Описание последней довольно близко к описанию у Никиты Хониата[383], что позволяет думать, что источником сведений Гийома Тирского могли быть сообщения очевидцев. В любом случае симптоматично, что местом бегства хронист определил именно Трапезунд, где семья Андроника, как мы увидим из дальнейшего, обладала ресурсами.

После свержения Андроника области Понта вернулись под власть Византии и там, до 1204 г., управляли византийские губернаторы. Впрочем, они постоянно находились в опасности. Ок. 1194 г. туркменам удалось захватить Амис (Самсун) и он входил в состав Иконийского государства до 1204 г., а около 1200 г., возможно, Бафру[384]. Не исключено, что Керасунт был также захвачен, ибо товары разбившегося близ этого города византийского корабля были похищены подданными сельджукского султана, за что Алексей III пытался в 1200 г. применить к ним право марки[385]. В Трапезунде при Ангелах продолжал существовать монетный двор, чеканивший скифатные монеты по Константинопольскому образцу[386].

Исследуя феномен Понтийского сепаратизма, нельзя не отметить притягательность этого примера и его обусловленность ситуацией в Северной Анатолии, находящейся в известной изоляции от византийской столицы в эпоху натиска сельджуков и Данишмендидов.

В 20-е гг. XII столетия, например, рядом с Халдией, видимо, в Пафлагонии, также полунезависимо правил упомянутый выше Кассиан, при угрозе подчинения Византией перешедший на службу Амиру Гази Данишмендиду в 1130 г.[387]

Несколько знатных византийских семейств были связаны с Понтом и имели там прочные позиции. Ж. – К. Шейне с полным основанием выделяет три лидирующих фамилии – Халды, Тароните и Гавры[388]. К ним можно добавить Плевстов и Генесиев[389], ветви Кекавменов, выходцев из Колонии (родиной Катакалона Кекавмена Колонию называет Иоанн Зонара)[390], Ксифилинов, благодаря патриаршеству Иоанна[391]. Однако, первые три династии имели высшие посты в управлении Халдией. В середине IX в. отец дуки Иоанна Халда основал монастырь Спасителя в Сирмене. Дука Иоанн Халд известен в связи с первым обретением и учреждением праздника рождества св. Евгения, о чем уже шла речь. Адриан Халд, участник мятежа Варды Воилы против Романа Лакапина, пытался, но безуспешно, укрепиться в Пайперте и был захвачен Иоанном Куркуасом[392]. Другой Иоанн Халд был дукой Армениака при Василии II[393]. Тароните были выходцами из пограничного с Халдией района Армении[394]. При Василии II, по его приказу, Григорий Таронит собрал в районе Трапезунда значительное войско[395]. При Алексее I его тезка, как мы видели, стал дукой фемы. Гавры оказались наиболее влиятельными, и не случайно именно они добились создания там полунезавимого княжества, хотя сам Феодор в 1072 г. был еще носителем скромного титула ипата и являлся топотеритом Колонии, что показывает скорее на его роль как местного архонта, а не столичного вельможи, хотя в 1067 г. он, наряду с титулом топотерит, обладал и титулом патрикия[396]. Такое же положение военачальников среднего звена занимали другие Гавры до середины XI в. [397] Тем не менее, Трапезундский агиограф называет семейство Гавров «благороднейшим», а владения Гавров на Понте, видимо, были значительны. Род основывает монастырь св. Георгия в Хериане, дает ему значительные средства и плодородные земли, ктиторским уставом обязывая настоятеля и монахов снабжать продуктами неблизкий Трапезундский монастырь св. Евгения, что исполнялось многие годы[398]. [Не вполне ясно однако, был ли в какой-либо форме монастырь в Хериане подчинен мон. св. Евгения.]

Из фемы Армениак выдвинулся на высшие посты и стал императором бывший дука этой фемы Лев V Армянин[399]. Из Пафлагонии и фемы Армениак происходили и сами Комнины.

Кастамон назван прародительским городом Алексея I[400]. Там находились родовые владения Комнинов. Именно опираясь на пафлагонское войско Андроник овладел Константинополем в мае 1182 г.[401] Имения в феме Армениак принадлежали и известному полководцу Григорию Пакуриану (Бакуриани)[402]. Выходцами из Пафлагонии были аристократические семейства Куркуасов, Далассинов, Лалаков, Докианов, Диаватинов, Вринг, Мавроподов. Многие знатные евнухи также происходили из Пафлагонии[403]. Впрочем, пафлагонцы имели дурную славу в империи. Евстафий Солунский вообще именовал их народом варваров, по сравнению с эллинами, не в последнюю очередь из-за их поддержки узурпатора Андроника I и учиненных их войском антилатинских погромов в Константинополе в 1182 г.[404] Но если пафлагонцы составляли влиятельную группировку в столице при Македонской династии и вошли в военно-административную и церковную элиту империи при Комнинах, и особенно при Андронике I, опиравшемся на их войско[405], то попытки инкорпорировать в нее понтийских архонтов, видимо, не увенчались успехом, за исключением (и то относительным) Гавров и Таронитов. Схоларии и Мицоматы, Цанихиты и Каваситы, известные при Великих Комнинах, не представлены среди константинопольской знати и не занимали высоких постов в столице в XI – XII вв.[406] Быть может, это еще один показатель автономистских устремлений Понта в то время, приведших затем к созданию Трапезундской империи.

[1] См., напр.: *Стебницкий Н.* Понтийский хребет (отрывок из орографии Малой Азии) // Изв. Кавказского Отдела имп. Географического общества. 1881. Т. 7. С. 52 – 62; *Planhol X., de.* À travers les chaînes pontiques // Bulletin de l'Association de Géographes Français. 1963, N 311 – 312. P. 2 – 12.

[2] Наилучшими историко-географическими очерками о Понте являются работы: *Hamilton W.J.* Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. London, 1842. Vol. 1 – 2; *Fallmerayer J.Ph.* Fragmente aus dem Orient. Stuttgart; Tübingen, 1845; *Ritter K.* Die Erdkunde im Verhältniß zur Natur und zur Geschichte des Menschen. 18 Theil: Kleinasien. Berlin, 1858. Bd I. S. 806 – 967; *Planhol X., de.* Geographica Pontica, I – II // JA. 1963. T. 251. P. 293 – 309; *Janssens E.* Le pays de Trébizonde // Byz., 1966. T. 36. P. 97 – 126; *idem.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969. P. 7 – 31; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington. 1985. T. 1. P. 2 – 16.

[3] Aristot. Historia Animalium, VIII, 12; VIII, 25.

[4] Aristot., Problemata, XXV,6.

[5] *Bryer A.* Greeks and Türkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. T. 29. P. 113 – 148; *Zachariadou E.A* Trebizond and the Turks (1352 – 1402) // АП. 1979. Т. 35. P. 333 – 358; *Planhol X, de.* La signification géographique du Livre de Dede Korkut // JA. 1966. T. 254. P. 225 – 244.

[6] Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Ekd. *O. Lampsides* // АП. 1958. Т. 22. (далее-Panaretos).

[7] См.: Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.; Л., 1962; *Коroглы X.* Огузский героический эпос. М., 1976; *Mélikoff I.* La Geste de Melik Danişmend. Étude critique du Danişmendname. Paris, 1960. T. 1 – 2; *eadem.* Géorgiens, Turcomans et Trébizonde: notes sur le "Livre de Dede Korkut" // Bedi Kartlisa. 1964. T. 17/18. P. 27 – 35; *Planhol X., de.* La signification géographique du Livre de Dede Korkut // JA. 1966. T. 254. P. 225 – 244; *Bryer A.* Greeks and Türkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. T. 29. P. 113 – 148.

[8] HDSE, P. 304.1062 – 306.1086.

[9] HDSE, P. 198.473 – 200.526.

[10] HDSE, P. 294.870 – 877.

[11] HDSE, P. 260. 259 – 263.

[12] *Lampros Sp. P.* Τραπεζουντιακὸν ὡροσκόπιον τοῦ ἔτους 1336 // Νέος Ἑλληνομνήμων, 1916. Т. 13. Σ. 39 - 45; *Mercier R.* An Almanac for Trebizond for the year 1336. Louvain, 1994. P. 147 – 154.

[13] Напр.: HDSE, P. 272.486 – 274.513.

[14] Chronique de *Michel le Syrien,* patriarche Jacobite d' Antioche (1166 – 1199) / ed. et trad. par J. – B. Chabot. Paris, 1910. T. III. P. 413.

[15] *Lampros Sp. P.* Τραπεζουντιακὸν ὡροσκόπιον...Σ. 41.21-22, 42.7 – 8; *Mercier R.* An Almanac... P.148, 150.

[16] *Munro J.A.R.* Roads in Pontus, Royal and Roman // JHS. 1901, T. 21. P. 52 – 54; *Ramsay W.M.* The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890. P. 27 – 57; *Vryonis Sp.* The Decline of medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971.[repr.: 1986]. P. 30 – 33.

[17] Хорошее изображение профиля этих путей и их характеристика содержится в работе: *Маевский В.* Заметки о Понтийском хребте в районе караванных путей от Трапезонда к Байбурту // Изв. Штаба Кавказского военного округа. 1906. № 17 – 18. С. 1 – 25.

[18] *Winfield D.* The Northern Routes Across Anatolia // Anatolian Studies, 1977. Vol. 27. P. 153 – 155; *Ochoa J.A.* The way towards the Orient: the *Embajada a Tamorlán* from Trebizond to Tabriz // Η Επικοινωνία στο Βυζάντιο. Athena, 1993. P. 565 – 575.

[19] *Belke K.* Paphlagonien und Honorias. Wien, 1996. S.118 (пути B4 и B5), 133 – 135; *Winfield D.* The Northern Routes, P. 155.

[20] Он прослеживается, в частности, по Певтингеровой таблице: Miller K. Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. Stuttgart, 1916 [Nachdruck: Bregenz, 1988], S. 631 – 646, ср.: *Belke K.* Paphlagonien...S.127 – 130.

[21] *Winfield D.* The Northern Routes, P. 157 – 158.

[22] Procopii Caesariensis Opera omnia. Lipsiae, 1963. Vol. 2. De bello gothico (далее – Procop., De bello goth.), IV,2, P. 509; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 389.

[23] Ср.: *Winfield D.* The Northern Routes, P. 158 – 162.

[24] HDSE, P. 280.626 – 628.

[25] HDSE, P. 270 – 272.

[26] HDSE, P. 272.483 – 484.

[27] *Маевский В* Заметки о Понтийском хребте...С. 9 – 10.

[28] Ср.: Strab., XII, 3, 10. *Страбон.* География в 17 кн. М., 1994. С. 512.

[29] См.: *Агбунов М.В* Античная лоция Черного моря. М., 1987 С 54 – 55.

[30] См. подробнее: *Карпов С.П* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII – XV вв. М.,1994. С.31 – 49.

[31] См., напр.: Amm.Marc., XXII, 8, 46 – 48= *Ammianus Marcellinus.* Römische Geschichte / hrsg. v. W.Seyfahrt. Bd 3. Berlin, 1970. S.32; Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб.: «Алетейя», 1996. С.258 – 259.

[32] HDSE, P. 262.305 – 316.

[33] *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского…С. 54 – 55.

[34] *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского… С.43.

[35] *Карпов С.П* Путями… С.31 – 32.

[36] *Dagron J.* Das Firmament soll christlich werden. Zu zwei Seefahrtskalendern des 10. Jahrhunderts // Fest und Alltag in Byzanz. München, 1990. S.145 – 156.

[37] Отчет о провинциях Трапезондской, Сивасской, Кастамунийской и части Ангорской консула В. Джиффорда Пальгрэва // Изв. Кавк. Отдела имп. Русского Геогр. Общества. Приложение к Т. 7. Тифлис, 1882. С.16 – 17.

[38] Основные труды по истории Понта в древности: *Meyer E.* Geschichte des Königreichs Pontos. Leipzig, 1879; *Моммзен Т.* История Рима. Т.2. М., 1937, С.248 – 285; Т.3. М., 1941. – passim.; *Reinach Th.* Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig, 1895 (repr.: Hildesheim; NY, 1975); *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Princeton, 1950, Vol. 1 – 2; *Максимова М.И* Античные города Юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М. – Л., 1956; *Карасев В.Н.* Северное Причерноморье и политика Митридата VI Эвпатора. Автореф. канд. дис. М., 1972; *Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: the Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley; Los Angeles; London, 1976; *Молев Е.А.* Митридат Евпатор. Саратов, 1976; *он же.* Черноморская держава Митридата Евпатора (Процесс создания и роль в борьбе Понта с Римом). Автореф. канд. дис. Л., 1977; Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979; *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства. Ч.1. Тбилиси, 1979; Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический: взаимоотношения метрополии и колонии в VI – I вв. до н.э. М., 1986; *он же.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.,1996; *idem.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination. /VI – I Centuries B.C./ Amsterdam, 1997.

[39] Claudii Ptolemaei Geographia / ed. C.Müller. Parisiis, 1901. V,6, P. 866 – 867. Географ Клавдий Птолемей включал Понт в состав Каппадокии, различая Понт Полемониак и собственно Понт Каппадокийский. О древнем делении Каппадокии на 3 части писали и византийские авторы. См.: *Costantino Porfirogenito* De thematibus / a cura di A.Pertusi. Città del Vaticano, 1952. P. 63.12 – 64.23. *Константина Багрянородного* сочинение «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio)/ изд. с предисл. Г. Ласкина // ЧОИДР. 1899. № 1. С.24.

[40] Примечательно, например, замечание Ксенофонта, что синопцы живут в стране пафлагонцев, а Трапезунд находится в стране колхов: Xenoph., Anab., VI,1,15, IV,8,22; *Ксенофонт.* Анабасис. М. – Л., 1951. С.160, 124. Трапезунд «Колхидский» также в: Scholia in Apollonium Rhodium / rec. *C. Wendel.* Berlin, 1958. P.199.5. Дионисий Периегет, а вслед за ним и аттикизирующий византийский автор XIII в. Никифор Влеммид, (впрочем, на выборе его дефиниций могло отразиться и недавнее противоборство

Никейской и Трапезундской империй в Пафлагонии) писали, что пафлагонцы живут на берегах рек Ирис и Галис: GGM, T.II, P.153.783 – 787; P. 464.26 – 32. Плиний в «Естественной истории» относил к Пафлагонии области до Амиса и Синопа включительно: Plin., Nat.Hist., VI, 2. *Belke K.* Paphlagonien... S.43.

[41] Claudii Ptolemaei Geographia...V, 1, P. 792. В «Географии» Птолемея отразились реалии римского завоевания, когда Помпей объединил провинции Понта и Вифинии (см. ниже).

[42] Herod., I, 72; *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972. С.33. Геродот, правда не употребляя топонима Понт, писал, что река Галис образует границу между каппадокицами и пафлагонцами. Strab., XII, 3, 9. *Страбон.* География... С.511.

[43] Scholia in Apollonium Rhodium, II, 366a, P. 158.3 – 4. Также и у Константина Багрянородного: *Costantino Porfirogenito* De thematibus.. P. 63.12 – 64.23; 72.12 – 15. *Константина Багрянородного* сочинение «О фемах»... С.24, 33.

[44] Римский географ нач. I в. н.э. Помпоний Мела окончанием Пафлагонии на Востоке считал Армене (на полуострове Иджебурун, западнее Синопа): *Pomponius Mela* De Chorographia libri tres / ed. G.Ranstrand. Göteborg, 1971. I,104, P. 21.11 – 12. В Периплах – у Псевдо-Скилака, Мениппа и в Анонимном Перипле Черного моря – границей между Каппадокией (Понтом) и Пафлагонией обозначена река Евархон в 80 стадиях от Синопа (между Синопом и Герзе): Ps.Skylax // GGM, I, P. 66; Periplus Ponti Euxini, Menippi Pergameni Periplus //*Diller A.* The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster; Oxford, 1952. P. 122.23; 153.6003 – 6009; *Stephani Byzantii* Ethnicorum quae supersunt / ex rec. A. Meinekii. Berlin, 1849. P. 356.12 – 14.

[45] *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика / перев., введ. и прим. Г.Ф. Церетели. Тбилиси, 1964. II, 1261. С.136 – 137.

[46] *Magie D.* Roman Rule... T.1. P.178, 200.

[47] См.: *Жордания Э.* Этнический состав населения Понта в XIII – XV вв. Ч.1: Лазы // BS, LVII/1. 1996. P. 125 – 139. Стефан Византийский называл лазов «скифским племенем»: *Steph. Byz.* Ethnicorum... P. 406.12.

[48] Суммируя античную и византийскую литературную традицию, митрополит Евстафий Солунский (XII в.) считал предками саннов или, в просторечии, чанов, не колхов, но древних макронов: Областью их проживания была Чаниха (Цаниха): Eust.Thess. Commentarii , 765// *Müller C.* Geographi graeci minores. T. 2. Paris, 1861, P. 349.

[49] Xenoph., Anab., IV, 8, 15 – 17; *Ксенофонт.* Анабасис... С.120.

[50] Илиада, II, 856 – 857. Халибскому и амисскому железу в античности приписывали особые качества: оно не ржавело. См.: Ps. – Aristot. De mirabilibus auscultationibus, 48; *Псевдо-Аристотель.* Рассказы о диковинах // ВДИ. 1987. № 4. С.230; *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1: Греческие писатели. СПб., 1890. С.380. *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика, II, 1001 – 1008. С. 122 – 123 (греч. текст и русск. перев.). Выплавлялся этот металл из гематито – магнетитовых песков, причем промысел этот был известен и в средневековье: Iohannes Tzetzes Historiae. Napoli, 1968, P.409, X, 516 – 519; *Παπαδοπουλο-Κεραμεως А.И.* Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν Τραπεζοῦντος // ВВ. Т. 12. 1906. С.140.10 – 18; Eust. Thess. Commentarii 767 //GGM, T. 2. P. 350; *Латышев В.В.* Известия... Т. 1. С.208 – 209; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики....С.144. О серебре халибов см. также: *Steph.Byz.* Ethnicorum... P. 685.15 – 20.

[51] *Bryer A* Some Notes on Laz and Tzan, I – II // *Bryer A.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800 – 1900. London: Variorum Reprints, 1988, NN XIVa, XIVb

Мы бы не рискнули атрибуировать как ханские многочисленные патронимы на Τζα-, встречающиеся в актах трапезундского монастыря Иоанна Предтечи Вазелон XIII – XVвв., как это делает Э. Брайер (ibid., XIVa, P. 190). Среди них есть немало антропонимов как тюркского (например, Чака, Чакерис), так и чисто греческого происхождения, встречающихся во многих отдаленных от Понта областях Византийского мира. Это может быть наглядно продемонстрировано материалами анкеты Просопографического словаря Палеологовского времени. См.: Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit [Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik der Österreichischen Akademie der Wissenschaften]. Fasz. 11: Σκαβαλέρος – Τιχόμηρος. / Erstellt von Erich Trapp unter Mitarbeit von Hans-Veit Beyer, I.G. Leontiades und S.Kaplanares. Wien, 1991. S.191 – 212. См. также: *Шукуров Р.М.* Тюрки на православном Понте в XIII – XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып.2. М., 1995. С. 81 – 83.

[52] *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. T. 1. P. 573.

[53] Plin. Hist. Nat., VI, 4, 12.

[54] Сведения античных авторов, реальные и мифологизированные. о регионе собраны в ст.: *Argoud G., Courtils, des, J., Rémy B.* Les sites côtiers du Pont-Euxin de Thémiskyra à Trapézous dans l'antiquité // Anatolia Antiqua. Eski Anadolu 1987. Istanbul-Paris, 1988. P 69 – 82.

[55] Древние греки город именовали Синопа. Мы используем лишь в целях унификации более принятый в русском языке поздний топоним.

[56] Дискуссионная проблема времени основания первых греческих колоний Южного Причерноморья наиболее убедительно рассмотрена Р.Дрюзом, собравшим аргументы в пользу того, что Синоп был основан ок. середины VIII в. до н.э., а Трапезунд возник как эмпорий Синопа чуть позднее. Вопрос о греческом мореплавании в Черном море в VIII в. до н.э. теперь уже можно считать решенным. По мнению Дрюза, главной причиной освоения греками этих мест были близлежащие рудники серебра и железа. См.: *Drews R.* The Earliest Greek Settlements on the Black Sea // Journal of Hellenic Studies. 1976. Vol. 96. P. 18 – 31, ос. см. P.29.

[57] Xenoph., Anab., V,5,7 – 11; V,6,1; *Ксенофонт.* Анабасис...С. 140 – 141, 143.

[58] Strab., XII, 3, 11. *Страбон.* География...С.512. О возведении оборонительных сооружений и оснащении их метательными устройствами при обороне города от Митридата III писал также Полибий: Polyb., IV, 56; *Полибий.* Всеобщая история. СПб., 1994. Т.1. С.382.

[59] См.: *Ramsay W.M.* The Historical Geography... P. 28.

[60] Strab., XII, 3, 14. *Страбон.* География ... С.513; Periplus Ponti Euxini // *Diller A.* The Tradition, P. 123.27. Ср.: *Максимова М.И.* Античные... С.52 – 65.

[61] Ps. – Aristot., De mirabilibus auscultationibus. 18.

[62] Aristot. Historia Animalium, V, 22.

[63] Об этом недусмысленно писал Ксенофонт: Xenoph..Anab., IV,8,22; *Ксенофонт.* Анабасис...С.124. См. также: *Steph. Byz.* Ethnicorum... P. 631.6 – 10; *Diller A.* The Tradition... P. 125.36. Аттическое происхождение Трапезунда от афинян через промежуточные звенья колонизации – Милет и Синоп – отстаивал затем Виссарион Никейский (*Bessarion.* Enkomion...P. 24 – 32). Вслед за ним и писатели эпохи Возрождения выстраивали на этом основании многозначительную последовательность: Трапезунд-колония Синопа. Синоп – Милета, а Милет – Афин. Так, например,

определялась историческая наследственность Платиной. См.: Platina // PG, T. 161, col.CIV.

[64] Eusebi Chronicorum Canonum quae supersunt / ed. A.Schoene. Berolini, 1866. T. II, P. 80. Об основании Трапезунда, но без упоминания точной даты писал и Георгий Синкелл: *Georgius Syncellus/* ex. recogn. G.Dindorfii. Bonnae, 1829. Vol. 1. P. 401.1.

[65] *Michel le Syrien,* Paris, 1899. T. 1. P. 81; The Chronography of Gregory Abu'l Faraj, the son of Aaron, the Hebrew Physician, commonly known as Bar Hebraeus / ed. E.A.W. Budge. London, 1932. Vol. 1. (далее – *Bar Hebr.)* P. 24.

[66] *Bessarion.* Enkomion... P. 24.7 – 8; *Johannes Eugenikos.* Ekphrasis, P. 25.1 – 2 ("древнейший и благороднейший из всех городов Востока").

[67] Представления о существовании «другого» Трапезунда в Крыму или на Боспоре, как убедительно показал А.В. Подосинов, являются ошибкой, восходящей к ненадежной традиции римских картографов: *Подосинов А.В.* Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // Древнейшие государства Восточной Европы 1996 – 1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М.,1999. С. 237 – 252.

[68] *Olshausen E.* Feste Grenzen und wandernde Völker: Trapezunt und die Boraner. Ein Beitrag zur Migrations – und zur Grenzraumproblematik // Pontica I. Recherches sur l'histoire du Pont dans l'antiquité. Istabul, 1991 [Varia Anatolica, V]. P. 26.

[69] Это отмечали и античные авторы, в частности, Плиний: Plin. Hist.Nat., VI, 4: "monte vasto clausum".

[70]Xenoph., Anab., IV,8.23 – 24; V,1,15 – 17; V,2,1 – 32, V,5.14 – 18; Ксенофонт. Анабасис...С.124 – 125, 128 – 133, 141.

[71] Xenoph.,Anab., V,3,2; V,5,3; V,5,7; V,5,10; V,5,19; *Ксенофонт.* Анабасис...С.133, 140 – 142, Ср.: *Максимова М.И.* Античные города... С.75 – 76, 138; *Diller A.* The Tradition, P. 124.32.

[72] Xenoph.,Anab., V,7, 13 – 18; *Ксенофонт.* Анабасис...С.151.

[73] См.: *Агбунов М.В.* Античная лоция ... С.54 – 55 (с ук. литературы вопроса).

[74] См., напр.: *Максимова М.И.* Античные города...С.85 – 96, 210 – 236, 325 – 353; *Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 1984. С.113 – 117,166 – 167 и др.

[75] Aristot. Historia Animalium, VI, 13.

[76] Plin. Nat. Hist., XXXV, 6, 13.

[77] *Jones A.H.M.* The Cities of Eastern Roman Provinces. Oxford, 1971. P. 147.

[78] *Diller A.* The Tradition, P. 122.25.

[79] Herod.,I,76 – 86. *Геродот.* История. С. 34 – 39.

[80] Реконструкцию маршрута плавания флота Перикла недавно предпринял И.Е. Суриков. По его мнению, флот Перикла посетил и полисы Северного Причерноморья, осуществляя навигацию из Византия к Аполлонии-Тире-Ольвии-Нимфею-Пантикапею-Торику-Амису-Синопу-Гераклее. Реконструкция северопричерноморской части плавания остается гипотетической. См.: *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98 – 114.

[81] Plut., Pericl., XX; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в трех томах. М., 1961. Т.1. С. 211; *Максимова М.И.* Античные города...С.98 – 99.

[82] Strab., XII,3,14; *Страбон* География ... С.513; ср: *Diller A.* The Tradition, P. 123.27 (замечание анонимного портулана об основании города афинянами). Название Пирей продержалось до конца IV в. до н.э.: *Максимова М.И.* Античные города...С.102.

[83] *Максимова М.И.* Античные города...С.103.

[84] Appian, Mithr, 8; 83; *Аппиан.* Римские войны. СПб: «Алетейя», 1994. Митридатовы войны: С.707, 756. Имеется также иное новейшее издание текста Аппиана в русском переводе: *Аппиан Александрийский.* Римская история. М.: «Наука», 1998.

[85] Q. Curti Rufi. Historiarum Alexandri Magni, X, 10, 3; Plut. Eumen.,III – IV;. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания... Т. 2. С.289 – 290.

[86] Tacit., Hist, IV,83 – 84; *Корнелий Тацит.* Сочинения. Л., 1969. Т.2. С.186 – 187.

[87] О происхождении Понтийского царства и династии Митридатидов (с ук. соотв. литературы и источников) см.: *Максимова М.И.* Античные города...С.172 – 176; *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства... С. 13 – 33; *Молев Е.А.* Митридат Ктист – правитель Понта // Причерноморье в эпоху эллинизма...С.581 – 589; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.17 – 38.

[88] Memn.,XIII, 16; Мемнон. О Гераклее // ВДИ.1951. №1. С.296; *Magie D.* Roman Rule... T.1, P. 189; *Максимова М.И.* Античные города...С.175; *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства... С.26.

[89] Memn.,XIII – XIV,24; Мемнон. О Гераклее... С. 299.

[90] *Максимова М.И.* Античные города...С.176 – 177; *Сапрыкин С.Ю* Понтийское царство... С.49 – 50. Мнение о том, Амис был присоединен к Понтийскому царству примерно на столетие ранее Синопа, т.е. в к. III в. выдвигал ранее М.И. Ростовцев, не приведя, однако, обоснования источниками: *Rostovtzeff M.* The Social... T.1. P.592.

[91] *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства... С.35 – 38.

[92] Plut., Lucull.,14; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания... Т. 2.М.,1963, С.183.

[93] Memnon, XIII, 26; Мемнон. О Гераклее... С.296. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.50 – 52.

[94] *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History...T. 2. P. 674; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.64 – 67.

[95] Polyb., IV, 56; *Полибий.* Всеобщая история...Т.1. С.382.

[96] Strab., XII,3,11; *Страбон.* География ... С. 512 – 513; Polyb., XXIII,9; *Полибий.* Всеобщая история. СПб., 1995. Т.2.С.392; Liv.,XL,2,6; Тит Ливий. История Рима от основания города. Т.3.М., 1993. С.360. Тит Ливий добавляет, что Синоп был не только взят, но и разгромлен Фарнаком.

[97] *Magie D.* Roman Rule... T.1. P. 190 – 191; *Rostovtzeff M.* The Social...T. 2. 1941. P. 665.

[98] Arrian. PPE, 16,4 = Arrien. Périple du Pont'Euxin /éd. A.Silberman. Paris, 1995. P. 14; Strab., XII, 3,17; *Страбон.* География ... С. 514. См. подробнее: *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства... С.59 – 60. Определение места поселения (с отказом от отождествления Фарнакии с древним Керасунтом) см. в кн.: *Bryer A., Winfield D.* Byzantine Monuments...P. 119.

[99] *Максимова М.И.* Античные города..., см. С.187,196.

[100] Strab , XII, 3,1; XII.3,28; *Страбон.* География ...С.508, 521.

[101] *Максимова М.И.* Античные города...С.193 – 194.

[102] *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.83 – 84.

[103] Лучшим очерком экономической и культурной жизни городов остается по-прежнему кн.: *Максимова М.И* Античные города..., см. С.181 – 254.

[104] См.: *Шелов Д.Б.* Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма... С.551 – 572.

[105] *Jones A H.M.* The Cities... P. 155.

[106] См., напр.: *Magie D.* Roman Rule... T. 1. P. 179 – 182.

[107] Appian, Mithr, 10. Аппиан. Римские войны. С.708.

[108] См.: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.71 – 97.

[109] Appian, Mithr., 9 – 10. Аппиан. Римские войны. С.708.

[110] *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.97 – 103.

[111] Strab., VII, 4, 3 – 4; *Страбон.* География ... С.282 – 283; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.127 – 151.

[112] Strab., XII, 3, 2; XII, 3, 9; *Страбон.* География ... С. 508 – 509, 511.

[113] См.: *Zeev Rubinsohn W* Mithridates VI Eupator Dionysos and Rome's Conquest of the Hellenistic East // MHR,1993, Vol. 8, N 1, P. 7 – 9.

[114] Войны Рима с Понтийским царством подробно описаны античными и современными историками. В античности специальное сочинение о Митридатовых войнах создал Аппиан: Appian, Mithr. Аппиан. Римские войны, С.704 – 781. История и историография войн содержится в работах, ук. в прим.3, см. также: *Zeev Rubinsohn W.* Mithridates VI... P.5 – 54.

[115] Appian, Mithr., 22 – 23; Аппиан. Римские войны. С.716 – 717; Vell. Pat., II,18; Веллей Патеркул. Римская история // ВДИ. 1983. № 3. С.227; Memnon, XV,31; Мемнон. О Гераклее...С.302.

[116] Cic. De Imp. Gn. Pomp.,II, 4 – 5, III,7, V,11, VII,19; *Марк Туллий Цицерон.* Речи. М., 1962. О предоставлении империя Гнею Помпею. С.168 – 169, 171.

[117] Appian, Mithr., 53 – 58. Аппиан. Римские войны. С.736 – 740; Memn., XV,35; Мемнон. О Гераклее... С.304; Vell. Pat., II, 23; Веллей Патеркул. Римская история... С. 230; Plut. Sylla, 11 – 24; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания...С.128 – 139.

[118] Appian, Mithr., 64 – 65. Аппиан. Римские войны. С.743 – 745; Memn., XV,36; Мемнон. О Гераклее... С.304 – 305.

[119] Plut.,Lucull.,7; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания...Т.2. С.177 – 178.

[120] *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства... С.164.

[121] *Zeev Rubinsohn W.* Mithridates VI... P.42 – 43.

[122] Appian, Mithr., 71 – 77. Аппиан. Римские войны. С.748 – 752; Memn., XV,39 – 44; Мемнон. О Гераклее... С.305 – 308.

[123] *Максимова М.И.* Античные города...С.254 – 285.

[124] Memn., XVI,51 – 54; Мемнон. О Гераклее... С.311 – 313. Plut., Lucull.,24; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания... Т.2. С 192. App., Mithr.,83; Аппиан. Римские войны. С.756 – 757.

[125] App., Mithr.,99 – 101; Аппиан. Римские войны. С.766 – 768.

[126] App., Mithr.,102; Аппиан. Римские войны. С.768; Dio Cass., XXXVII,11; *Латышев В.В.* Известия... Т.1. С.616; Plut., Pomp.,41; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания... Т. 2. С. 362.

[127] Эпизод подробно описан Аппианом: App., Mithr.,111 – 112; Аппиан. Римские войны. С.774 – 775; Dio Cass., XXXVII,12 – 13; *Латышев В.В.* Известия... Т.1. С.617. О кознях Фарнака против отца как об одной из причин поражения Митридата писал римский историк Веллей Патеркул: Vell. Pat.,II, 40, Веллей Патеркул. Римская история // ВДИ. 1984. №3. С.204.

[128] App., Mithr.,113; Аппиан. Римские войны С.776 – 777; Dio Cass., XXXVII,14; *Латышев В.В.* Известия... Т.1. С.617; Plut., Pomp.,42; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания... Т. 2. С 363. (Плутарх добавляет, что кроме Митридата Помпею в Амис были присланы и трупы других членов царской семьи).

[129] См. о ней: *Marek C.* Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia. Tübingen, 1993.

[130] *Ранович А.* Восточные провинции Римской империи в I – III вв. М. – Л., 1949. С 70.

[131] Strab., XII, 3,1; *Страбон* География ...С.508; Dio Cass., XLI, 63; *Ломоури Н.Ю.* Восточное Причерноморье и Рим в I в. н.э // Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1980. Ч.1. С. 128 – 137; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С. 290 – 291.

[132] См. подробнее: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.218 – 222.

[133] Plin. Hist.Nat., VI,2, 7. После завоевания римлянами Понтийского царства, оба города, Амис и Евпатория, были объединены в один город, названный в честь Гнея Помпея Помпейополь. Название это не удержалось, однако, два стоящих друг против друга городских ядра существовали в течение всего средневековья, нередко имея разных хозяев (греческий город Амис и тюркский Самсун).

[134] Strab., XII, 3,11; XII,3.14; *Страбон.* География ...С.512 – 513.

[135] *Courtils, des. J, Rémy B.* Vestiges antiques sur le littoral Sud de la Mer Noire (d'Ünye à Trabzon) // Anatolia Antiqua. Eski Anadolu 1987. Istanbul-Paris, 1988. P. 62.

[136] Appian, Mithr, 83. Аппиан. Римские войны. С.756. Ср.: *Jones A.H.M.* The Cities... P. 157 – 159.

[137] Strab., XII, 3,11,14; *Страбон.* География ...С.512 – 514. App., Mithr.,120; Аппиан. Римские войны. С.780 – 781.

[138] Dio Cass., XLII, 45.

[139] Strab., XII, 3.14; *Страбон.* География ...С.513 – 514; App.,Bell. Civ.,II, 91; *Аппиан.* Римские войны. С.147. Dio Cass.,XLII,46; *Латышев В.В.* Известия... Т.1. С.619.

[140] App.,Bell. Civ.,II, 91 – 92; *Аппиан.* Римские войны. С.147 – 148. C.Suet., Iul.,37; *Гай Светоний Транквилл* Жизнь Двенадцати цезарей. М., 1964. С.17; Plut. Moralia, 90,12; Плутарх. Моралии // ВДИ. 1981 №1. С.245.

[141] *СапрыкинС.Ю.* Понтийское царство... С.300 – 303.

[142] *Максимова М.И.* Античные города...С.302 – 306.

[143] *Машкин Н.А.* Принципат Августа. М. – Л., 1949. С.529 – 535; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.308 – 313.

[144] Strab., XI, 2,3; *Страбон.* География ...С.468 – 469. Об археологических подтверждениях этого см.: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С.318.

[145] *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство... С. 327 – 328.

[146] C.Suet., Nero, 18; *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь...С.154.

[147] *Pomponius Mela.* De Chorographia... I, 107, P. 21.22 – 23; Strab., XII, 3,17; *Страбон.* География... С. 515.

[148] Zosimos, Historia Nova, I.33.1 = Zosime. Histoire Nouvelle. Paris, 1971. T. 1. P. 31; *Латышев В.В.* Известия... Т.1. С. 791.

[149] Plin., Epist.,X, 98 – 99; Письма Плиния Младшего. М., 1983. С. 206.

[150] *Максимова М.И* Античные города...С. 308 – 309.

[151] Tacit.,Ann, XIII,39; *Корнелий Тацит* Сочинения. Л., 1969. Т.1. С. 241.

[152] Plin. Nat. Hist.,VI, 4, 11; *Максимова М.И.* Античные города...С. 314, 361.

[153] Ср.: Studia Pontica, II. Cumont F., Cumont E. Voyage d'exploration archéologique dans le Pont et la Petite Arménie. Bruxelles, 1906. P. 343 – 344; *Munro J.A R.* Roads... P.62 – 63.

[154] Arrien. Périple, P. 1 – 21; *Максимова М.И.* Античные города... С. 312 – 317; *Bryer A , Winfield D.* Byzantine Monuments... P. 24 – 37, 180 – 181.

[155] Tacit., Hist., III, 47; *Корнелий Тацит.* Сочинения...Т.2. С. 118. *Максимова М.И.* Античные города...С.316.

[156] Tacit., Hist., III, 47; *Корнелий.* Сочинения...Т.2. С.118; Joseph Flav., Bell.Jud., II, 16, 4; *Иосиф Флавий.* Иудейская война. Минск, 1991. С.181. Иосиф Флавий называет численность римских гарнизонов на Черном море: 3000 тяжеловооруженных воинов и 40 боевых кораблей. Этих сил было достаточно для подчинения местных племен от Понта и Босфора до Меотиды.

[157] *Максимова М.И.* Античные города...С.318.

[158] Tacit., Hist., III, 47 – 48; *Корнелий Тацит.* Сочинения...Т.2. С.118 – 119; *Болтунова А.И.* Восстание Аникета // ВДИ. 1939. №2. С.57 – 67; *М.И.* Античные города...С.393 – 394; *Ломоури Н.Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Ч.1: политические взаимоотношения. Тбилиси, 1981. С.210 – 211; *он же.* Восточное Причерноморье и Рим в I в. н.э... С.138 – 146.

[159] Tacit., Hist., II, 82 – 83; *Корнелий Тацит.* Сочинения...Т.2. С.86 – 87.

[160] *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э – V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.

[161] Periplus...// *Diller A.* The Tradition, P. 124.32: νῦν δε κώμη ἐστὶ καὶ οὐδ' αὐτὴ μεγάλη.

[162] *Максимова М.И.* Античные города...С.325 – 326.

[163] Strab., XII, 3,12; *Страбон.* География ...С.513.

[164] Plin.Hist.Nat., XV, 30, 102; Amm.Marc., XXII, 8, 16, S.24; Аммиан Марцеллин. Римская история... С.254.

[165] Strab., XII, 3,15 – 16; *Страбон.* География ...С.514.

[166] The Ecclesiastical History of *Evagrius* with the scholia / ed. J. Bidez, L. Parmentier. Amsterdam, 1964. V, 24. P. 218.31 – 219.2; *Евагрий Схоластик.* Церковная история. М., 1997. С.217.

[167] *Максимова М.И.* Античные города...С.342, прим.1.

[168] О городском управлении см.: *Максимова М.И.* Античные города...С.353 – 398; *Шмалько А.В.* Римское управление Вифинией-Понтом в I в. н.э. // Вестник Харьковского ун-та. 1985. № 268. С.115 – 122.

[169] Трапезундский энкомиаст начала XIV в. Константин Лукит упоминает, помимо культа Митры, идентичного многоименному Аполлону, Артемиду и Ареса, как бы составлявших лжетроицу: HDSE, P. 126.213 – 218. О культе Асклепия (помимо Зевса, Аполлона и Артемиды, чьи статуи в храме были разрушены по молитве св. Евгения) сообщают древнейшие греческая и армянская версии Жития св. Евгения, а также «Мартирий св.Евгения» Иоанна Ксифилина : *Lampsides O.* Ἅγιος Εὐγένιος... Σ. 35 - 36, 65 - 67; *Martin-Hisard B.* Les textes...P. 134 – 137, 177 – 178. Эти версии Жития ничего не говорят о ниспровержении святым и его сподвижниками капища и идола Митры. Возможно, легенда о разрушении статуй Зевса и других божеств в храме повлияла на рождение иной версии – о разрушении статуи Митры.

[170] HDSE, P. 220.306 – 310.

[171] HDSE, P. 126 – 130, 220, 268; Panaretos, P. 64.31 – 65.1, 74.19; *Cumont F.* Textes et Monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. Bruxelles, 1896. T. 1. P. 189 – 191;

Успенский Ф.И. Очерки... С.12; *он же* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // ИРАН, сер. VI, №5. 1918. С 234; *Максимова М.И* Античные города...С.399 – 404; *Rosenquist J.O.* The Hagiographical Evidence of Mithraism in Trebizond: Local Tradition or Learned Design? // Eranos, 1991. T. 89. P. 107 – 121 (о литературных обработках легенд о разрушении капища идола Митры в трапезундской литературе XIV в.). Примечательно, что ранние Жития св. Евгения не сообщают о разрушении капища Митры (*Lampsides O* Ἅγιος Εὐγένιος...; *Martin-Hisard B* Les textes...).

[172] Epiphanii monachi et presbiteri De Vita et actibus... inter apostolosos Andreae // PG,T. 120, P. 228 – 229, 241; См. также ук. в: HDSE, P. 208.92 – 96. *Chrysanthos.* Ἐκκλησία...P. 113.

[173] Arrien. Périple...,1 – 2, P. 1 – 2.

[174] *Максимова М.И.* Античные города . С.411 – 440.

[175] *Halkin F* Saints de Byzance et du Proche-Orient. Seize textes grecs inédits. Genève, 1986. P.67, 68.

[176] Studia Pontica, II... P. 176 – 184.

[177] Arrien. Périple..., 4 – 11, 17 – 18, P. 3 – 10, 15. *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М., 1980.

[178] Martin-Hisard B. Continuité et changement dans le bassin Oriental du Pont Euxin (IVe – Ve s.) // From Late Antiquity to Early Byzantium. Proceedings of the Byzantinological Symposium in the 16th Int. EIRENE Conference. Praha, 1985. P. 143.

[179] См.: *Olshausen E.* Die Anfänge der großen Völkerwanderung im 3.Jh. n. Chr. am Schwarzen Meer. // Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter /hrsg. Pillinger R., Pülz A.,Vetters H. Wien, 1992. S.9 – 10; *Schwarcz A* Die gotischen Seezüge des 3. Jh. // Ibid., S.49 – 50.

[180] Именно отсутствие дисциплины у гарнизона Э.Олсхаузен считает основной причиной падения хорошо укрепленного города, чей гарнизон, по его оценке, состоял из примерно 2000 воинов: *Olshausen E.* Feste Grenzen... S. 36.

[181] Zosimos, Historia Nova, I, 32 – 33 P. 30 – 32; *Латышев В.В.* Известия... Т.1. С. 791. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С.92 – 93. Датировка события 255 г.: *Alföldi A.* Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. Darmstadt, 1967. S. 142, 323, 348; *Lampsidis Od.* Ergänzung zum Kommentar zu Zosimos NEA ΙΣΤΟΡΙΑ A XXXIII // АП. 1988 – 89. Т. 42. S.3. Датировка 257 г., более традиционная, см., напр.: *Brandes W.* Die Städte Kleinasiens...S. 128 – 129. Датировка: лето 258 г.: *Schwarcz A* Die gotischen Seezüge... S. 10; *Olshausen E.* Feste Grenzen... S.30.

[182] *Максимова М.И* Античные города...С.307; *Буданова В.П.* Готы...С. 96.

[183] Ioannis Malalae Chronographia /ex rec. L.Dindorfii. Bonnae,1831. P. 301.15 – 17; *Буданова В.П.* Готы... С.101 – 102.

[184] *Lampsidis Od.* Ergänzung...S.3 – 6.

[185] *Brandes W.* Die Städte Kleinasiens im 7. und 8. Jahrhundert. Berlin, 1989. S. 46.

[186] Amm.Marc., XXII, 8, 16, S. 24; Аммиан Марцеллин. Римская история...С.254.

[187] *Asterius of Amasea.* Homilies I – XIV. Text, Introduction and Notes / ed. C. Datema. Leiden, 1970. В двух версиях текста – употреблены почти одинаковые клише, с разницей одного синонима: P. 118.7 – 8 (γενναιῶν), 119.7 – 8 (καρτερῶν).

[188] *Lampsides O* Ἅγιος Εὐγένιος... Σ.58.177 - 186; *Martin-Hisard B.* Les textes...P. 124: ἀμφοδράκτοι.

[189] Jones A.H.M. The Cities, P. 181 – 183.

[190] *Van de Vorst Ch.* S.Phocas // Analecta Bollandiana. 1911. T. 30. P. 252 – 295; *Asterius of Amasea.* Homilies ... P. 116 – 127. См.: *Oikonomides N.A.* Ἅγιος Φωκᾶς ὁ Σινωπεὺς // ΑΠ 1953. Τ. 17. Σ. 184 – 219; *Martin-Hisard B.* Continuité et changement dans le bassin Oriental du Pont Euxin (IVe – Ve s.) // From Late Antiquity to Early Byzantium. Proceedings of the Byzantinological Symposium in the 16th Int. EIRENE Conference. Praha, 1985. P. 144. Сохранился также канон св. Фоке Иосифа Гимнографа из Сиракуз (816 – 886): *Oikonomides N.A.* Κανὼν Ἰωσὴφ τοῦ Ὑμνογράφου εἰς ἅγιον Φωκᾶν τὸν Σινωπέα // ΑΠ 1953. Τ.18. Σ. 218 – 240 и энкомии св. Иоанна Златоуста и написанный в XIV в. в Трапезунде Андреем Ливадином: *Lampsides O.* Ἀνδρέου Λιβαδηνοῦ Βίος καὶ Ἔργα. Athenai, 1975. Σ.117 – 128, 241 – 244. Часть исследователей была склонна считать, что существовало 2 синопских святых, носивших имя Фоки : один, епископ, замученный при Траяне ок. 117 г., и другой – гостеприимный садовник, претерпевший мученическую смерть при Диоклетиане (см., напр.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Т. 36. СПб.,1902. С.199; *Halkin F.* Novum Auctarum Bibliothecae Hagiographicae Graecae. Bruxelles, 1984. P. 179). Большинство же авторов, цитированных выше, равно как и Э. Брайер (*Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... P.71) считают, что епископ и садовник – одно лицо. Возможно, что первоначальный культ двух местных святых постепенно еще в ранневизантийское время слился воедино, оставив в качестве следа разные даты дня памяти святого – 22 июля и 22 сентября.

[191] Местная традиция совершенно определенно называла св. Евгения Свидетелем, Глашатаем и Учителем веры, укоренившим ее на Понте после св. Андрея (HDSE, P. 208.90 – 102).

[192] *Halkin F.* Saints de Byzance et du Proche-Orient...P.133 – 144.

[193] *Lampsides O.* Ἅγιος Εὐγένιος... Σ.22, 55 – 58; *Martin-Hisard B.* Les textes... P. 121 – 124; HDSE, P. 124.168 – 126.203, 364 (комментарий); *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... P. 166 – 169, 225, 325 – 326; *Martin-Hisard B.* Trébizonde et le culte de Saint'Eugène (6e-11e s) // REA, 1980, NS, 14. P. 324 – 330; *Rosenqvist J.O.* Some Remarks on the Passions of St.Eugenios of Trebizond and their Sources // Analecta Bollandiana, 107, 1989, P. 39 – 64.

[194] *Halkin F.* Saints de Byzance et du Proche-Orient... N VI, P. 66 – 70.

[195] См.: *Martin-Hisard B.* Trébizonde et le culte... P.325.

[196] *Lampsides O.* Ἅγιος Εὐγένιος... Σ.57 – 58; *Martin-Hisard B.* Les textes... P. 122 – 124.

[197] *Lampsides O.* Ἅγιος Εὐγένιος... Σ.58 – 59; *Martin-Hisard B.* Les textes...P.124 – 126, 167 – 168; HDSE, P. 132.290 – 326.

[198] *Eusebius* Werke. Bd I,1: Über das Leben des Kaisers Konstantin/ hrsg. F.Winkelmann. Berlin, 1975. II, 1 – 2, S.47.12 – 14; *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С.62 – 63; Theophanis Chronographia / rec. C.de Boor. T. 1. Leipzig, 1883. P. 17.

[199] Определяя пределы Понтийской области, Прокопий Кесарийский писал, что она лежит восточнее земель пафлагонцев, с их главными городами Ираклия и Амастрида, и простирается до города Трапезунда и его границ. Собственно Трапезундская область имела восточными рубежами деревню (κώμην) Сусурмену и городок (χωρίον) Ризе. Синоп и Амис Прокопий включал в состав Понта, употребляя наречие ἐνταῦθα, неточно переведенное С.П. Кондратьевым как «затем», вместо «здесь, тут». Тем самым был искажен смысл текста византийского автора, писавшего о понтийской области, а не о землях за границами Трапезунда, как можно было понять из перевода. Procop., De bello

goth.,IV,2, P. 490.6 – 14; Прокопий из Кесарии Война с готами. . С. 377. Поскольку Синоп и административно был отнесен к провинции Элленопонт (см. ниже, прим.207), западными границами средневекового Понта (как и античного) можно считать территорию между Ионополем и Синопом. Ср.: *Belke K.* Paphlagonien... S.42. К востоку от Ризе лежали районы, уже более не контролируемые византийцами, хотя там и находились, видимо, признававшие власть империи городки Атини и Апсар. Procop., De bello goth., IV,2, P. 492; Прокопий из Кесарии. Война с готами...С. 378.

[200] Theodoreti episcopi Cyri Graecarum affectionum curatio // PG, T. 83, Col.1037; *Латышев В.В.* Известия... Т.1. С.783.

[201] Procop., De bello goth.,IV,1, P. 488 – 489; Прокопий из Кесарии. Война с готами...С. 376. Ср.: *Адонц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана. 2е изд. Ереван, 1971, С. 61 – 62.

[202] *Theodoros Anagnostes* Kirchengeschichte / hrsg. von G.C. Hansen, 2te Aufl. Berlin, 1995. S. 134.5 – 6; *Brandes W.* Die Städte Kleinasiens...S.47.

[203] Procopii Caesariensis Opera omnia. Lipsiae, 1962. Vol. I. De bello persico (далее – Procop. De bello pers.), I, 15, P. 77 – 78; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история /перев. А.А. Чекаловой. М.,1993. С.48.

[204] Martin-Hisard B. Continuité... P.144 – 146; *Esbroeck, van, M* Lazique, Mingrélie, Svanétie et Aphkhazie du IVe au IXe siècle //Il Caucaso: cerniera fra culture dal Mediterraneo alla Persia (secoli IV – XI). Spoleto, 1996. Vol. 1. P. 212 – 213.

[205] Theophanis Chronographia...T. 1. P. 168.14 – 169.13.

[206] Theophanis Chronographia...T. 1. P. 219.8 – 16; *Чичуров И.С* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 28, 52.

[207] *Honigmann E.* Le Synecdémos d'Hiérokles. Bruxelles, 1939. P. 33, 37, N 701 – 703. *Адонц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана... С. 85 – 89.

[208] Notitia dignitatum / ed. O. Seeck. Berolini, 1876. P. 84, Or., XXXVIII,16.

[209] Cod Just., I, 29, 5. Ioannis Malalae Chronographia... P. 429.16 – 430.9; *Vasiliev A.A.* Zur Geschichte von Trapezunt unter Justinian dem Grossen // BZ. 30. 1930. S.381.

[210] CJC, Novella XXVIII; *Vasiliev A.A.* Zur Geschichte... S.381 – 383. Перечисляя города провинции Элленопонт, новелла (XXVIII рг.) указывает Амасию, Эбору, Евхаиту, Зелу, Леонтополь, Синоп, Амис (2 последних названы civitates antiquae). Из городов провинции Понт Полемониак названы Неокесария, Комана, Трапезунд, Керасунт, Полемоний, а также крепости, но не города (inter castra magis adnumeramus quam civitates, ἐν φρουρίοις μᾶλλον ἀριθμητέον ἢ πόλεσιν) Восточного Причерноморья – Питиунт и Севастополь. Далее этих рубежей находилась Лазика.

[211] CJC, Novella XXXI: 18/III 536; *Vasiliev A.A.* Zur Geschichte... S.383; *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenvervassung // Abh. der philos. – hist. Classe der königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig, 1899. Bd 18/5. S. 66; *Адонц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана...С.164 – 172 (с переводом 31 новеллы), 144 – 145. Перемену названия провинций Н. Адонц объясняет «натиском» армянского населения, распространявшегося на север и запад от Великой Армении (Там же, С.202 – 203). Однако нам трудно оценить истинные масштабы этих переселений.

[212] Procop.,De bello pers., II,28, P. 285 – 286; Прокопий Кесарийский. Война с персами...С.165 – 166; *Vasiliev A.A.* Zur Geschichte... S.384.

[213] Procop., De bello goth.,IV,4, P. 500; Прокопий. Война с готами... С.383 – 384.

[214] Procopii Caesariensis Opera omnia. Lipsiae, 1964. Vol. 4. De aedificiis (далее – Procop. De aedif.), III,7,8 – 9, P. 100; Прокопий. О постройках // ВДИ. 1939. № 4. С.249.

[215] Studia Pontica. .II, P. 344 – 351; *Адонц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана... С.145 – 146.

[216] Procop. De aedif., III, 4, 6 – 7; P. 91 – 92, 95 – 100; Прокопий. О постройках... С. 245, 247 – 249; Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque/ rec. R. Keydell. Berolini, 1967, (далее – Agath.,Hist.),1.P. 164; Агафий. О царствовании Юстиниана. М. – Л., 1953. С.137.

[217] Agath.,Hist.,V,1 – 2. P. 164 – 166; Агафий. О царствовании Юстиниана... С.137 – 138.

[218] Procop. De bello pers.. II, 15, 17 – 18, P. 216, 224 – 227; Прокопий Кесарийский. Война с персами...С.125, 130 – 131; Procop. De aedif., III,7,7; P. 100; Прокопий. О постройках... С. 249.

[219] Procop. De bello pers., II, 29, P. 289 – 290; Прокопий Кесарийский. Война с персами... С.167.

[220] Procop. De bello pers., II, 29 – 30, P. 293 – 298; Прокопий Кесарийский. Война с персами... С.168 – 172.

[221] См.: История Византии. М., 1966. Т.1. С.333.

[222] Он назван Агафием «городом Понтики»: Agath., Hist.,III, 19.3. P. 108.30; Агафий. О царствовании Юстиниана... С.91.

[223] История Византии...Т.1. С.334.

[224] *Жордания Э.* Этнический состав... Лазы. С.128.

[225] Proc. De aedif.,III,7,1, P. 99; Прокопий. О постройках... С.248; Studia Pontica, II, P. 366; *Vasiliev A.A.* Zur Geschichte... S.385.

[226] Proc. De aedif.,III,7,2, P. 99; Прокопий. О постройках... С.249.

[227] Proc., De aedif., III,7,3, P. 99; Прокопий. О постройках... С.249; Corpus Inscriptionum Graecarum. Berlin, 1877, Vol. 4, P. 297 – 298, N 8636: надп. 542 г.; P. 298, N 8637; *Evangelidis Tr.* Ἱστορία τῆς Ποντικῆς Τραπεζοῦντος. Одесса, 1898. P. 29 – 30; *Vasiliev A.A.* Zur Geschichte... S.385 – 386; *Bryer A., Winfield S.* The Byzantine Monuments...P. 182; 331.

[228] Procop. De bello pers., II, 29, P. 216.4 – 6; Прокопий Кесарийский. Война с персамиС.169.

[229] *Gelzer H.* Die Genesis... S.66; *Brandes W.* Die Städte Kleinasiens... S.129.

[230] Theophanis Chronographia. T. 1. P. 296.6 – 9. О войнах Византии и Ирана в нач. VII в. см.: *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М. – Л., 1946. С. 191 – 205.

[231] Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History /Text, transl. and commentary by C. Mango. Washington, 1990. 11,12. P. 54.13 – 16; *Липшиц Е.Э.* Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени царствования Маврикия// ВВ. Т.3. 1950. С. 355; *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения...С. 152, 159; Chronicon Paschale / ed. L.Dindorf. Bonn, 1832. T. 1. P. 714.1 – 8; Georgii Monachi Chronicon / ed. C.de Boor.Lipsiae,1904, Vol. II, P. 670.15 – 17; PG, T. 92, col.1349; Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales // PG, T. 111, col. 1087 – 8; Georgius Cedrinus / ed. I.Bekker, T. I. Bonnae, 1839. P. 719.3 – 16; Джанашвили М.Г. Осада Константинополя скифами, кои суть русские, и поход императора Ираклия в Персию // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т.27. 1900. С.17, 49; Себеос. История императора Иракла. СПб., 1862. С.101 – 102. *Vasiliev A.A.* Notes on the History of

Trebizond in the Seventh Century // Εις μνήμην Σπυρίδωνος Λάμπρου. Athenai, 1935. P. 29 – 34; *Stratos A.* Byzantium in the Seventh Century. Amsterdam, 1968. T. 1: 602 – 634. P 139 – 143, 152 – 155, 197 – 199; *idem.* Studies in 7th-Century Byzantine Political History. London, 1983. N II. P. 44 – 48. По вопросу о датировке (terminus ante quem – 624, наиболее вероятная дата – 622) см.: Nikephoros, Patriarch of Constantinople. Short History... P. 179 – 180.

[232] *Lilie R – J.* Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jhd. München, 1976. S. 60 – 67, 88.

[233] Себеос. История...С.158 – 159; *Vasiliev A.A.* Notes...P.34; *Lilie R. – J.* Die byzantinische Reaktion...S.67.

[234] *Fallmerayer J.* Geschichte... S.14; *Vasiliev A A.* Notes...P. 34.

[235] Ср.: Theophanis Chronographia ... T. 2. Leipzig, 1885. P. 394; *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 67.

[236] *Brandes W.* Die Städte Kleinasiens...S. 65, 69, 75 – 77; *Lilie R. – J.* Die byzantinische Reaktion... S.145 – 155; *Belke K.* Paphlagonien... S.71.

[237] Напр.: *Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus* / rec.J. Bekker. Bonn, 1838: *Georg. Monach.* Vitae, P. 824.12 – 13; *Васильевский В.Г.* Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. XXXIV – XXXV, 37 – 41; *Canard M.* Byzantium and the Muslim World to the Middle of the Eleventh Century // The Cambridge Medieval History. Vol. IV/1. Cambridge, 1966. P. 705 – 710.

[238] *Iosephi Genesii* regum libri quattuor/ rec. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. Berlin; NY, 1978. IV, 15, P. 67 – 69; *Theoph. Cont.*, P. 179.13 – 184.12. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей /изд. подг. Я.Н. Любарский. СПб., 1992. С. 78 – 79; *Ioannis Scylitzae* Synopsis Historiarum / ed. princeps rec. I. Thurn. Berlin; NY, 1973. P. 99 – 101; *Ioannis Zonarae* Epitomae historiarum libri XVIII/ ex rec. M.Pinderi. T.III: libri XIII – XVIII / ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. P. 396.7 – 397.14; *Vasiliev A.A.* Byzance et les Arabes. T. 1: La Dynastie d'Amorium (820 – 867). Bruxelles, 1935. P. 250 – 256, 277, 325; *Ostrogorsky G.* History of the Byzantine State. Revised ed. New Brunswick, 1969. P. 227; История Византии... Т.2. С.188 – 189; *Belke K.* Paphlagonien... S.77.

[239] *Васильевский В.Г* Русско-византийские исследования. Житие свв. Георгия Амастридского... С. 64 – 69, CVIII – CXLI. *Vasiliev A A.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946. P. 71 – 88 (попытка пересмотра датировки В.Г. Васильевского и отождествления набега россов на Амастриду с походом князя Игоря на Константинополь и др. города в 941 г.). Ср. *Литаврин Г.Г.* Византия и Русь в IX – X вв. // История Византии. М., 1967. Т.2. С.227 – 228 и прим.5 на С.444 (там и литература вопроса).

[240] Новые данные, позволяющие относить начало фемной реформы, по крайней мере, на территории Сирии, еще к царствованию императора Ираклия, собраны И. Шахидом: *Shahid I.* Heraclius and the theme system: new light from the arabic // Byz. 1987. T. 57. P. 391 – 406; *idem.* Heraclius and the theme system: further observations // Byz. 1989. T. 59. P. 208 – 243; *idem.* Heraclius and the unfinished themes of Oriens, some final observations // Byz. 1994. T. 64, fasc. 2. P. 352 – 376.

[241] *Gelzer H.* Die Genesis.. S.32; *Karayannopoulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959; *Glykatzi – Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe – XIe siècles // BCH 1960. T. 84. P. 36 – 37; *Lilie R. – J.* Die

byzantinische Reaktion...S.287 – 338; *idem.* Die zweihundertjährige Reform. Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // BS, 1984, T. 45. S. 27 – 39, 190 – 201.

[242] Стратиг Армениака впервые упоминается в 667/8 г., турмарх – уже в 627 г. : *Belke K.* Paphlagonien, S. 69. Сведения, приводимые арабским историком ал-Баладури позволяют отнести создание фемы Армениак к периоду между 639/40 и 653/54 гг.: *Kaegi W.* Al-Baladhuri and the Armeniak theme // Byz. 1968. T. 38. P. 273 – 277; *Savvides A.G.C.* The importance of Moslem sources concerning the history of Byzantine Asia Minor and the thematic system // Mésogeios. 1998. T. 2. P. 116 – 117. Рассуждая о названии фемы, Константин Багрянородный замечает, что оно не древнее, исконное (таковым было название Каппадокия) и было введено во времена императора Ираклия или позже. Принято же оно было от «соседних и пограничных армян», которые, впрочем, ко времени Константина уже прочно были расселены и составляли большинство на юго-востоке, в районах Колонии. См. *Costantino Porfirogenito* De thematibus / a cura di A.Pertusi. Città del Vaticano, 1952. P. 63.1 – 5, 64.31 – 32. *Константина Багрянородного* сочинение «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio)/ изд. с предисл. Г. Ласкина // ЧОИДР. 1899. № 1. С.23 – 24. Стратиги и дуки Армениака известны по печатям VIII – X вв.: *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884. P. 295 – 296.

[243] Константин Багрянородный возводит топоним Халдия к персидскому именованию первородины переселенцев – *Costantino Porfirogenito* De thematibus... P. 73.1 – 10. *Константина Багрянородного* сочинение «О фемах»... С.34. Видимо, большее историческое основание имеет объяснение Страбона, писавшего, что древние халивы стали позднее именоваться халдами, отсюда и название области: Strab., XII, III, 19 – 21; *Страбон.* География... С.515 – 516.

[244] *Gelzer H.* Die Genesis...S.96. Турмархи и комиты фемы Халдии известны по печатям: *Schlumberger G.* Sigillographie... P.289 – 290.

[245] *Treadgold W.* The Byzantine Revival, 780 – 842. Stanford, California, 1988 P. 95 – 103.

[246] *Belke K.* Paphlagonien, S.74. *Treadgold W.* The Byzantine Revival, P. 223, 295, 420 – 421, 440. У. Трэдголд отметил, что из фемы Армениак, а не из фемы Вукелариев, в 819/20 г. была выделена фема Пафлагония, равно как и дукат Халдия, позже, ок. 837 г., преобразованный в фему. При этом из войска Армениака в 14 тыс. человек 2000 были размещены в Халдии и 3000 – в Пафлагонии. А. Саввидис относит выделение фем как Пафлагония, так и Халдия к 824 – 826 гг.: *Savvides A.G.K.* Παραστηρήσεις γιά τά βυζαντινά Θέματα Παφλαγονίας καί Χαλδίας κατά τήν μεταγενέστερη περίοδο της ιστορίας τους (Τέλη 11ου-αρχές 13ου αιώνα) // Πρακτινά Γ΄ Πανελληνίου Συνεδρίου γιά τον Ελληνισμό της Μικράς Ασίας. Thessaloniki, 1996. Σ.35 – 36 [391 – 392].

[247] *Costantino Porfirogenito* De thematibus... P. 72.12 –22. *Константина Багрянородного* сочинение «О фемах»... С.33 – 34. Столицей фемы была Гангра. *Gelzer H.* Die Genesis... S.100 – 103.

[248] Известия о разделе Армениака появляются и у византийских, и у арабских авторов: *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Перев. с арабск., комм., иссл. Н. Велихановой. Баку, 1986. С.99 – 100 (ранее 885 г.; Ибн Хордадбех сообщает, что в состав провинции Халдия входило 6 крепостей); *Brooks E.W.* Arabic Lists of Byzantine Themes // JHS, 1901. T. 21. P. 67 – 77. Так называемый Тактикон Успенского (842 – 843) упоминает патрикия и стратига Халдии: *Oikonomides N.* Les listes des préséances byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. P. 48 – 49. См. также: *Theoph. Cont.*,

P. 181.12 – 15. Продолжатель Феофана. С.79 (упоминание стратигов фем Армениака, Колонии, Пафлагонии в рассказе о событиях 863 г.). *Costantino Porfirogenito* De thematibus, P. 73.1 – 10. *Константина Багрянородного* сочинение «О фемах»... С. 34; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / текст. перев. и комм. под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 226 – 227 и комментарий – С.409 – образование фемы Халдия отнесено к 863 г. Подробное обоснование датировки (ранее 863 г.) по данным печатей и письменных источников см. в: *Costantino Porfirogenito* De thematibus...P. 137 – 140. Г.А. Острогорский датировал основание фемы, вслед за Дж. Бьюри, 837 г.: *Bury J.B* The History of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I (A.D. 802 – 867).London, 1912. P. 223, 261; *Ostrogorsky G.* Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure // Byz. 1953. T. 23. P. 61. Другие авторы относят это событие к 824 г. (Ср. *Лев Диакон.* История / перев. М.М. Копыленко, ст. М.Я. Сюзюмова, комм. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова, отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988, С.194, прим.12.; *Honigmann E* Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935. S.53 – 54; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... T. 1. P. 301; *Belke K.* Paphlagonien, S.74. См. также аргументы в пользу создания фемы до 824 г. в прим.258 .

[249] О ней см.: *Costantino Porfirogenito* De thematibus... P. 73.1 – 74.13. *Константина Багрянородного* сочинение «О фемах»... С. 35.

[250] См.: *Honigmann E.* Die Ostgrenze... S.54.

[251] *Oikonomides N.* Les listes...P.100 – 105, 136 – 139 (клеторологий Филофея 899 г.).

[252] *Oikonomides N* Les listes...P. 264 – 265 (Эскориальский типикон 971 – 975 гг.).

[253] *Oikonomides N.* Les listes... P. 52 – 55, 342 – 343.

[254] *Treadgold W* Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth-Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies, 1980. T. 21. P. 269 – 288; *idem.* Remarks on the Work of Al-Jarmi on Byzantium // BS, 1983. T.LIV/2. P. 205 – 212 (проверка цифровых соотношений войск фем; *Winkelmann F.* Probleme der Information des al-Ğarmi über die byzantinischen Provinzen // BS. 1982. T.LIII/1. P. 18 – 29); *Cheynet J. – Cl.* Les effectifs de l' armée Byzantine aux Xe-XIIe s. // Cahiers de civilisation médiévale Xe-XIIe siècles. 1995. N 4. P. 321; *Savvides A.G.C.* The importance... P.121. А.Саввидис предполагает, что в числе 4 тыс. 2 тыс. могли составлять переселенные при Феофиле персидские хуррамиты. См. ниже. прим. 279.

[255] *Savvides A.G.C.* The importance... P.122.

[256] *Theoph. Cont*, P. 8. Продолжатель Феофана...С.8. *Ios. Genes.*, II, 2, P. 23 – 24.

[257] *Theoph. Cont.*, P. 53 – 54. Продолжатель Феофана...С.27; *Ioann. Scyl.*, P. 31.83 – 90.

[258] MGH, Legum Sectio III. Concilia. T.II, Pars 2. 1908. P. 476.20 – 25: «...cum idem Thomas exiens de Perside cum Sarracenis et Persis, Hiberis, Armenis et Avasgis et reliquis gentibus alienigenarum tempore predicti Leonis subito cum praedicta manu valida perprodiaret, direptione sibi subdidit totum Armoeniae ducatum, simil et ducatum Chaldae, quae gens montem Caucasum incolit, necnon et ducam Armeniacorum cum manu valida devicit». Это сообщение письма Михаила II франкскому государю Людовику Благочестивому от 10 апреля 824 г. вызвало оживленную полемику в литературе. А.А. Васильев, а вслед за ним и Е.Э. Липшиц, сочли указание на "ducatus Armoeniae" как на географическую Армению, а не фему Армениак. (*Vasiliev A.A.* Byzance et les Arabes...T. 1. P. 30 – 31; *Липшиц Е.Э.* Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII – IX вв. // ВДИ. 1939. № 1 = *ее же.* Очерки истории византийского общества и культуры (VIII – первая половина IX в.). М. – Л., 1961. С.212 – 228, ос. С. 219; *ее же.* Некоторые

вопросы истории Византии VIII – первой половины IX в. (Ответ рецензенту) // ВВ 1965. Т. XXVI. С. 264 – 265). А.П. Каждан и П. Лемерль, напротив, считали, что речь шла именно о феме Армениак (*Каждан А П.* Деревня… С.350; *он же.* Рецензии в: ВВ 1963. Т.23. С.245; ВВ 1969. Т.30. С.279; *Lemerle P.* Thomas le Slave // TM, I, 1965. P. 286). Последняя точка зрения кажется нам более убедительной. Во-первых, фему Армениак никак нельзя отнести к «северо-западной Малой Азии», как утверждала Е.Э. Липшиц (ВВ 1965. Т. XXVI. С. 264), ища аргумент для исключения возможности ее «пограничности» с Персией. Во-вторых, император явно подразумевает захват *византийских,* а не каких-либо чужих владений и называет Армениак (в латинском переводе письма) дукатом, что странно было бы для Великой Армении. В-третьих, как Армениак, так и Халдия характеризуются одним административно-территориальным термином – ducatus. Это отнюдь не принижение статуса фемы, как думала Е.Э. Липшиц, а указание на ее составные части, во главе с дуками, на которые, позднее фема и была разделена – в том числе, Армениак в узком смысле слова и Халдию. Из этого может следовать, что восстание Фомы Славянина охватило не всю большую фему Армениак, а две его турмы (дуката). Если же признать, что под дукатом латинский переводчик письма Михаила имел в виду фему (переводя термин более понятным западным эквивалентом, чем неизвестная во Франкском королевстве thema), появляются основания отнести время создания фемы Халдия к периоду до 824 г. Во всяком случае, источник явно указывает на одинаковость статуса Халдии и Армениака. Противоречия же сказанному Генесием и Продолжателем Феофана о верности, сохраненной Армениаком императору в письме нет: речь идет о событиях до и после 821 г. и о разгроме, а не о добровольном присоединении Армениака к мятежникам в 820/21 г. Другой современный источник, Житие св. Симеона, сообщает лишь о «появлении» мятежника в феме Армениак: Acta graeca SS.Davidis, Symeonis et Georgii Mitylenae in insula Lesbo // Analecta Bollandiana, 18, 1899. P. 232.7 – 13; *Lemerle P.* Thomas le Slave…P. 262.

[259] *Treadgold W* The Byzantine Revival, P. 229 – 230.

[260] *Каждан А.П.* Деревня… С. 351.

[261] См. о нем: *Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII – XIV вв. М., 1952. С. 149 – 151; *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der Byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Hildesheim, 1960. S. 51 – 53.

[262] *Bryer A.* A molybdobull of the Imperial Protospatharios Constantine, krites of the Thema of Chaldia // АП. 1965 – 66. Т.27. P.244 – 246.

[263] *Theoph. Cont.,* P. 404. Продолжатель …С.168; *Symeon Magister.* P. 734.8 – 18. *Каждан А.П.* Деревня и город в Византии. IX – X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960, С.359 – 360.

[264] См. о нем: *Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI – XII вв. Ереван, 1975. С.13 – 14; *он же.* Социальный состав господствующего класса Византии XI – XII вв. М., 1974. С. 96, 105, 120, 125, 149, 176, 179, 201, 212.

[265] *Theoph. Cont.,* P. 426 – 428. Продолжатель Феофана…С.176 – 177; Константин Багрянородный. Об управлении империей … С.194 – 203.

[266] HDSE, P. 212.154 – 157.

[267] *Jenkins R.* Byzantium. The Imperial Centuries, AD 610 – 1071. London, 1966. P. 245 – 247.

[268] *Vasiliev A.A.* Byzances et les Arabes… T. 1. Part 2. P. 123 (перевод текста арабского историка Ибн-Зафира).

[269] *Арутюнова-Фиданян В.А* Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980; *она же.* Армяно-византийская контактная зона (X – XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

[270] Всеобщая история Степаноса Таронского Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия / перев. Н. Эмина. М., 1864. С. 200 – 201.

[271] HDSE, P. 182.206 – 208; 184.262 – 264. Издатель текста О. Розенквист полагает, что речь идет только о варяжской тагме (P.376). Однако, сочетание этнонимов свидетельствует скорее в пользу наемной русской или варяго-русской дружины. Обстоятельный комментарий происхождения, значения и эволюции термина «рос» в византийской историографии (без учета, однако, данного агиографического сочинения Иоанна Ксифилина) дан в: Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 293 – 308.

[272] *Ioan Scyl.*, P. 474.4 – 475.12; Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века / изд. Г.Г. Литаврин. М , 1972.С.403.

[273] См.: *Oikonomidès N.* L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe – XIe siècles et le Tacticon de l'Escorial // Actes du XIVe Congr. Int. des Études Byzantines. Bucarest, 1974. T. 1. P. 285 – 302.

[274] См. *Glykatzi – Ahrweiler H.* Recherches... P.52 – 55, 61 – 64; *Winkelmann F.* Byzantinische Rang – und Ämterstruktur im 8. und 9. Jh. Berlin, 1985. S. 106 – 107; *Cheynet J – C.* Du stratège de thème au duc: chronologie de l'évolution au cours du XIe siècle // TM, 9, 1985, P. 181 – 182. Печати дук Халдии встречаются с к.VIII в. Список стратигов, дук, турмархов и иных официалов фемы Халдия см. в: *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments...T. 1. P.316 – 318.

[275] В «Слове» Иоанна Лазаропула, рассказывается, что патрикий Василий, отличавшийся великодушием и благонравием, управлял территорией Халдии, от Трапезунда до Сотерополя (Борчка, на границе с Ивирией) и приходился родственником императору Василию II Болгаробойце: HDSE, P. 234 и комментарий – P. 399.

[276] *Costantino Porfirogenito* De thematibus P. 73.1 – 6. *Константина Багрянородного* сочинение «О фемах»... С. 34. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей... С.226.126 – 130.

[277] Константин Багрянородный... С.226 – 227.

[278] См. разбор данных источников и литературы и количественные оценки в ст.: *Cheynet J. – C.* Théophile, Théophobe et les perses // Η Βυζαντινή Μικρά Ασία. Αθήνα, 1998. P. 41 – 44.

[279] *Theoph. Cont.*, P. 112, 124 – 125. Продолжатель Феофана...С. 51 – 52, 57. *Georg. Monach.* Vitae... P. 803.6 – 16. *Ioan. Scyl.*, P. 74 – 76; *Ios. Genes.*, III, 2 – 8. P.37 – 43; *Symeon Mag.*, P. 625.22 – 627.9; *Ioan. Zonar.*, T. 3, P. 368 – 369, 376 – 377, 380 – 381. Ср.: *Vasiliev A.A* Byzance et les Arabes, T. 1. P. 124 – 126, 159, 413 – 417; *Glykatzi – Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration...P.33. Анализируя эти сведения, Э.Арвейлер неточно именует этих персов «турками». *Ditten H.* Etnische Verschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien vom Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. Berlin, 1993. S. 27 – 28, 97 – 106, 118 – 119; *Rosser J.* Theophilus' Khurramite Policy and its Finale: the Revolt of Theophobus' Persians Troop in 838 // Βυζαντινά, 1974. T. 6. P. 263 – 271; *Treadgold W.* The Byzantine Revival, P. 295, 315, 440 – 441. У. Трэдголд замечает, что благодаря персам армия Халдии возросла с 2 до 4 тыс. человек, а Пафлагонии – с 3 до 5 и считает создание тагм наибольшим военным достижением императора Феофила. Ср.

соображения Ж. – К.Шейне, считавшего тагму обычным для Византии контингентом воинов-иноземцев: *Cheynet J – C.* Théophile… P. 39 – 50.

[280] HDSE, P. 206 – 212.

[281] HDSE, P. 210.127 – 212.163.

[282] HDSE, P. 212.170 – 214.189.

[283] Я. Розенквист предполагает возможность того, что эти столкновения имели этнический характер из-за влияния армян-халкидонитов в монастыре и возможности (ничем, впрочем, не подкрепленной) армянского происхождения игумена и его родственников. См.: HDSE, P.72. Но Лазаропул не называет армян, а напротив, более абстрактно говорит об обитателях Пайперта, жителях окрестных мест и пограничья и о «халдеях»: HDSE. P.210.124 – 125, что не дает оснований для слишком смелых заключений, хотя, конечно, армянское население было значительным в долине Пайперта в течение всего средневековья.

[284] HDSE P. 270.448 – 272.485; 274.530 – 533; 278.574 – 282.662; 282.665 – 667; 292.826 – 827.

[285] *Grumel V.* Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I, fasc.2: 715 – 1043. Paris, 2 ed.,1989, N 440; *Chrysanthos.* Ἡ Ἐκκλησία Τραπεζοῦντος,P. 153 – 154, 201, 789 (относит событие к 787 г., связывая его с присутствием на VII Вселенском соборе трапезундского епископа Христофора, представлявшего одновременно митрополию Фасиды. На самом деле – это типичный пример locum tenens, практиковавшийся и раньше, в VI – VII вв.; см. о нем подробнее ниже, в гл. 3). – Обоснование датировки: *Laurent V.* // EO, XXXIV, P. 140 – 141; *Beck H. – G* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959. S.170.

[286] HDSE P. 21 – 85; *Martin-Hisard B.* Trébizonde et le culte de Saint Eugène (VIe – XIe siècles) // REA. 1980. T.XIV. P. 333 – 343; *eadem.* Les textes anonymes grec et arménien de la *Passion d'Eugène; Valérien, Canidios et Akylas* de Trébizonde // REA, 1981, T.XV. P. 115 – 185; *Lampsides O.* Ἅγιος Εὐγένιος ὁ πολιοῦχος τῆς Τραπεζοῦντος. Athenai, 1984. Σ. 9 – 100. О трапезундском происхождении и высокой образованности патриарха Иоанна Ксифилина см.: *Mich. Attal.*, P. 92.15 – 17; *Ioan Zonar.*, III, XVIII, 9, P. 680.13 – 16; *Ioannes Skylitzes Continuatus.* P. 117.13 – 14.

[287] См.: *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского // Записки имп. АН, 1883. Т.44. Прилож. № 1. С.62 – 63; Аристакэс Ластивертци, вардапет. Повествование / перев., вст. ст. и комм. К.Н. Юзбашяна. М., 1968.С.62 – 63 (о зимовке на Понте в 1021/2 г.). Барон В.Р. Розен и Г.Шломберже отнесли длительную зимовку Василия II в Трапезунде к 1021/2 г., а Ж. – К.Шейне – к 1022 – 23 г. (*Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 373; *Schlumberger G.* L'épopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Seconde partie: Basile II le Tueur de Bulgares. Paris, 1900. P. 489 – 500; *Cheynet J. – C.* Pouvoir, P. 335). О маршруте первого похода Василия II через трапезундские земли см.: *Даниелян Е.Л.* Цель и направление восточного похода Василия II в 1000 г. // Вестник Общ. наук АН Армянской ССР. 1973. № 10. С. 61 – 74 (на арм. яз.).

[288] HDSE, P. 256.193 – 202..

[289] HDSE, P. 256.203 – 258.240. Интересно, что святой не поражает православных ивиров, как это неоднократно делал с врагами-мусульманами, но лишь внушает им ужас и принуждает к подчинению василевсу. О событиях см. подробнее: *Toumanoff C.* Armenia and Georgia // The Cambridge Medieval History. Vol. IV/1… P. 618 – 619; Аристакэс

Ластивертци. С. 18 – 22, 56 – 69; *Юзбашян К.Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX – XI вв. М., 1988. С.142 – 148.

[290] *Schlumberger G.* L'épopée Byzantine..., 2, P. 498 – 500; *Юзбашян К.Н.* Армянские государства ... С. 150 – 159.

[291] См.: *Бартикян Р.М.* О феме Иверия // Вестник Общ. наук АН Армянской ССР. 1974. № 12. С. 68 – 79; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Фема Васпуракан // ВВ, 1977, Т.38. С. 80 – 93; *она же.* Еще раз о феме «Иверия» // Кавказ и Византия. Ереван, 1979. Вып. 1. С.36 – 55; *она же.* Армяно-византийская контактная зона (X – XI вв.). М., 1994. С.31 – 45; *Степаненко В.П.* К дискуссии о дате образования фемы Иверия // ВВ, 1983. Т. 44. С. 211 – 214; *Варданян В.М.* Аннексия Юго-Восточной Армении Византийской империей // Кавказ и Византия. Ереван, 1988. Вып. 6. С. 37 – 49; *Юзбашян К.Н.* Армянские государства... С.179 – 215.

[292] См. об этом гл. 3.

[293] См. о них (с ук. источников и литературы): *Cheynet J. – C.* Pouvoir et contestations à Byzance (963 – 1210). Paris, 1990. P.24, 27 – 29, 31 – 33.

[294] HDSE, P. 250.101 – 252.106.

[295] См.: *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 24. *Adontz N.* Les Taronites en Arménie et à Byzance // Byz. 1935. T. 10. P. 543.

[296] *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С.24. См. комментарий: HDSE, P. 406 – 407; *Adontz N.* Les Taronites en Arménie et à Byzance...P.543; *Юзбашян К.Н.* Армянские государства... С.137 – 138; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская... С. 28 – 30, 109.

[297] HDSE, P. 252.113 – 254.140; *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 24.

[298] Асолик, С. 178 – 180. См.: *Schlumberger G.* L'épopée Byzantine...,2, P. 32 – 35; *Adontz N.* Les Taronites en Arménie et à Byzance... P.543 – 544; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская...С.109.

[299] Аристакэс Ластивертци. С. 86 – 87, 97 – 100; Michaelis Attaliotae Historia / rec. I.Bekker. Bonnae, 1853, P. 78, 105; *Ioan Scyl.*, P. 449 – 452, 462 – 464. Армянский хронист Матфей Эдесский описывает осаду Манцикерта Тогрулом: Matthieu d'Édesse, Chronique (962 – 1136). Paris, 1858. P. 98 – 102; *Cahen C.* La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XIe siècle) // Idem. Turcobyzantina et Oriens Christianus. London, 1974, N 1. P. 14 – 16; *idem.* Pre-Ottoman Turkey. London, 1968. *Vryonis Sp.* The Decline ... P. 6 – 87; *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия в XI – XV вв.: наследие Византии в эпоху тюркских завоеваний. Дисс.... канд. (рукопись) М., 1998. С.65 – 66.

[300] *Attal.*,44.15 – 45.2; 78.9 – 17; *Ioannes Skylitzes Continuatus.* Ἡ συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη / ed.E.Tsolakes. Thessaloniki, 1968. P. 112.17 – 113 2. Ср. также: Аристакэс Ластивертци, С.104 – 105.

[301] Новые данные о них, в частности, об англичанах на службе Византии в сер. XI в., включая и область Понта, см.: *Cheynet J. – C.* Le rôle des Occidentaux dans l'armée byzantine avant la Première Croisade // Byzanz und das Abenland im 10. und 11. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1997. P. 114 – 115.

[302] Аристакэс Ластивертци... С.115 – 117; *Michel le Syrien*, T. III. P. 160; HDSE, P. 215.192 – 197; *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия... С.67.

[303] *Nicéphore Bryennios.* Histoire / ed. P.Gautier. Bruxelles, 1975, P. 100 – 103; *Mich.Attal.*, P. 136 – 139; ScylCont, C. 139; *Ioan. Zonar.*, T.III. P. 694 – 695; *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия... С.70.

[304] *Matthieu d'Édesse*, P.166.

[305] *Bryennios*, P. 113 – 119; Attaliat., P. 166 – 168; Аристакэс Ластивертци, С. 130 – 133.

[306] См.: История Византии... Т.2. С.287 – 288; *Cahen Cl* La campagne de Manzikert d'après des sources musulmans // Idem. Turcobyzantina... N II. P. 641. См. также: *Michel le Syrien*, T. III. P. 172, 175 – 176.

[307] *Anne Comnène.* Alexiade / ed. B. Leib. 2 ed. T. 2. Paris, 1967, VIII, 9, P. 151.17 – 28; Анна Комнина. Алексиада / перев. и комм. Я.Н. Любарского. М., 1965. (далее-АнКомн.), С.242; о датировке захвата Трапезунда сельджуками см: *Fischer W.* Trapezunt, S.182 – 186; *Cahen C* La première pénétration...P. 33 – 34; *Savvides A.* Ο βυζαντινός Πόντος, οι Σελτζούκοι και οι Ντανισμεντίδες Τούρκοι // ΑΠ 1996 – 97.Τ.47. Σ.92 – 93, 104 (без дополнительных аргументов датирует захват Трапезунда сельджуками и туркоманами 1071/2, а отвоевание его Феодором Гаврой – 1074/5 г.).

[308] *An. Comn.* Alex., T. 2, VIII, 9, P. 151.20 – 21,26 – 27; T. 3, XI, 6, P. 29.31 – 30.4; АнКомн., С. 242, 306; *Bryer A* A Byzantine Family. the Gabrades. c. 979 – c.1653 // *idem.* The Empire of Trebizond and the Pontos. London, 1980, N III. P. 175. Известна печать дуки Феодора Гавры: *Schlumberger G.* Sigillographie... P.665.

[309] См. прим. 316; *Skoulatos B.* Les personnages byzantins de l'Alexiade. Analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980. P.61.

[310] О роде Гавров см.: *Bryer A.* A Byzantine Family...; *Bryer A., Fassoulakis St., Nicol D.M* A Byzantine Family: the Gabrades. An Additional Note // BS 1975, T. 36, Fasc.1. P. 38 – 45; *Cahen C.* Une famille byzantine au service des Seldjuquides d'Asie Mineur // Polychronion. Festschrift F. Dölger. Heidelberg, 1966. S. 145 – 149; *Hoffmann J.* Rudimente... S. 21 – 27, 92 – 85; *Бартикян Р.М.* О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ.1987, № 3. С.190 – 200; № 4. С.181 – 193; 1988. № 1. С.163 – 178; *Bartikian Hr.* Η βυζαντινή αριστοκρατική οικογένεια των Γαυράδων (Γαβράδων). Athenai, 1993; *Bartikian Hr.* Les Gabrades à travers les sources arméniennes // L'Arménie et Byzance: histoire et culture. Paris, 1996. P. 19 – 30.

[311] См., напр.: *Laurent V.* Alliances et filiations des premiers Taronites, princes arméniens médiatisés // EO, 1938. T. 37, N 189 – 190. P. 127 – 135; *Каждан А.П.* Армяне... С.17 – 25; *Юзбашян К.Н.* Армянские государства ... С.117 – 125, 175 – 178; Армянское происхождение Таронитов, впрочем, иногда ставится под сомнение: *Cheynet Cl. Les* Arméniens de l'Empire en Orient de Constantin X à Alexis Comnène (1059 – 1081) // L'Arménie et Byzance: histoire et culture. Paris, 1996. P. 67.

[312] См.: *Vryonis Sp* The Decline... P.91 – 92.

[313] *Mich Attal*, P. 198 – 200, 206; *Bryennios*, lib.II, 14 – 25, P. 167 – 195; *Ioannes Skylitzes Continuatus*... P. 157 – 161, 178; *Ioan.Zonaras*, T. III, P. 709 – 712; *An. Comn.* Alex., T. 1, 1,1 – 3, P. 10.4 – 16.30; АнКомн, С.57 – 61; Ср.: *Vryonis Sp.* The Decline... P. 107 – 111; *Hoffmann J.* Rudimente von Territorialstaaten im Byzantinischen Reich (1071 – 1210). München, 1974. S.13 – 20, 80 – 82; *Cahen C.* La première pénétration... P. 33; *Cheynet J. – C.* Pouvoir et contestations... P. 78 – 79.

[314] HDSE, P. 214.203 – 205.

[315] *Mélikoff I.* La Geste de Melik Danişmend. Étude critique du Danişmendname. Paris, 1960. T. 1. P. 84 – 85.

[316] *An Comn.* Alex., T. 2, VI, 9, P. 64.29 – 31, 66.9 – 12; АнКомн., С. 190 – 191. *Cahen C.* La première pénétration...P.47.

[317] *An. Comn.* Alex., T. 2, VI, 9, P. 65.25 – 66.32; Анн. Комн., С. 196 – 198. Обоснование датировки возвращения Синопа (ок.1086 г.) см.: *Коробейников Д.А.*

Северная Анатолия. С. 92 Чауш – не имя собственное, но титул эмира, который затем перенимается и в Трапезундской империи (см. ниже).

[318] См. прим.310.

[319] *An Comn.* Alex T. 2, VIII, 9, 1, P.151.22 – 23 (комментарий к тексту: *Lampsides O.* Ἡ ἐκ τῶν "ἀνωτέρω μερῶν" καταγωγὴ Γρηγορίου τοῦ Γαβρᾶ // ΑΠ 1975 – 76, T.33. P51 – 53): Анн.Комн. С. 242; позднейший синаксарий: *Παπαδοπυλο-Керамевс А* Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν Τραπεζοῦντος // ВВ, 1906. Т. 12, С.135.

[320] *Miliopoulos I P.* Τραπεζουντιακά αρχαιολογήματα // ΕΕΒΣ, 1930, Т. 7, Σ.73 – 74; *Mystakides B A.* Τραπεζουντιακά. Κώδικες Φροντιστηρίου Γαβράς Θεόδωρος // ΕΕΒΣ, 1930, Т. 7, Σ. 88 – 89; ср.: *Bryer A.* A Byzantine Family…P. 169, Note 22.

[321] *Παπαδοπυλο-Керамевс А.И.* Συμβολαὶ...С. 135.

[322] *An. Comn.,* Alex. T. 2, VIII,9,1, P. 151.18 – 21; АнКомн. С. 242 – 243.

[323] *Bendall S.* The Mint of Trebizond under Alexios I and the Gabrades // NC, 7th Series, 1977, T.XVII, P. 126 – 136; *Bendall S.* Some Further Notes on the Mint of Trebizond under Alexius I // NC. 7th Series, 1979. T.XIX. P. 211, Plate 30B; *idem.* A Follis of Alexius I of Trebizond // NC. 1981. T.LXXXIX, N 7 – 8. P. 237; *Hendy M.* Studies in the Byzantine Monetary Economy c.300 – 1450. Cambridge, 1985. P. 438; *Гурулева В.В.* Монеты Трапезунда конца XI – начала XII в. в собрании Государственного Эрмитажа // ВВ 1991, Т. 52. С.233 – 235.

[324] *An. Comn.,* Alex., T. 2, VIII, 9,1, P. 151.19 – 22; АнКомн. С. 242 – 243; *Skoulatos B.* Les personnages…P.295 – 298; *Cheynet J. – C.* Pouvoir, P. 92 – 93. N 117.

[325] *An Comn.,* Alex., T. 2, VIII, 9, P. 151.28 – 154.3; АнКомн, 243 – 245; *Ioan. Zonaras,* T. III. P. 739; *Cheynet J. – C.* Pouvoir, P. 95 – 96 № 123; *Skoulatos B.* Les personnages.. P. 107 – 108.

[326] *Ioan. Zonaras,* T.III. P.739.

[327] *Bar Hebr,* P. 229 (1084/85 г.); *Michel le Syrien,* T. III P. 176. Михаил Сириец относит начало захвата Данишмендами греческих земель к 1366 г.эры Селевкидов, т.е. к 1055 г., а усиление династии, утвердившейся в Кесарии и Севастии и посягавшей на «Каппадокию» – к 1396/ 1085 г. (ibid., P. 357, 173).

[328] *Théophylacte d'Achrida.* Lettres / éd. par P. Gautier. Thessalonique, 1986 [CFHB,XVI/2].№ 81, P.427.13 – 20: письмо лета 1103 г. О борьбе Византии с Данишмендидами см. также: *Успенский Ф.И* Мелик Гази и Дзул-Нун Данишменды // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 229 – 268.

[329] *Mélikoff I.* La Geste de Melik Danişmend… T.1. P. 110.

[330] См.: *Vryonis Sp.* The Decline… P. 360.

[331] *Bryer A.* A Byzantine Family…P. 175.

[332] *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия… С.112.

[333] *An. Comn,* T. 3, XI, 6. P. 29.30 – 30.7; АнКомн., С.306.

[334] *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия… С.113 – 114.

[335] *Παπαδοπυλο-Керамевс А.И.* Συμβολαὶ... С.136.

[336] HDSE, P. 215.198 – 203.

[337] *Mélikoff I.* La Geste de Melik Danişmend…

[338] *An. Comn.,* T. 3, XII, 7. P. 75.18 – 23; *Skoulatos B.* Les personnages…P.74.

[339] На полководческие и административные дарования Таронита указывает и самое раннее из известных писем к нему архиепископа Охридского Феофилакта, которое издатель, П.Готье, датирует временем ранее лета 1094 г.: *Théophylacte d'Achrida.* Lettres…

P.123; № 65. P. 362 – 363; *Mullett M.* Theophylact of Ochrid. Reading the Letters of a Byzantine Archbishop. Birmingham; Aldershot, 1997. P. 318.

[340] *Théophylacte d'Achrida* Lettres...№ 81, P.429.45 – 431.58; *Mullett M* Theophylact of Ochrid.. P. 325.

[341] *Théophylacte d'Achrida* Lettres...№ 81. P 431.59 – 71.

[342] Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana // RHC, HOcc., 1874. T. 4. lib.VIII. cap. 566 – 574; *Bar Hebr*, P. 237; *Setton K. (ed).* A History of the Crusades. Philadelphia, 1955, T. I, P. 354 – 358.

[343] Alberti Aquensis...lib.IX, cap.XXXIII – XXXVIII, P. 610 – 614; *Théophylacte d'Achrida.* Lettres ...P. 122; *Setton K. (ed).* A History, T. 1, P. 388 ; *Skoulatos B.* Les personnages...P.116 – 117; *Balard M.* Les Croisades. Paris, 1988. P. 71.

[344] *Théophylacte d'Achrida.* Lettres...№ 92. P.473.3 – 11.

[345] *Théophylacte d'Achrida.* Lettres...№ 92. P.473.8 – 475.33.

[346] *Mélikoff I.* La Geste de Melik Danişmend... T. 1. P. 118 – 119, 435, 449.

[347] Анна Комнина датирует назначение 12 индиктом (сентябрь 1103 – август 1104 г.): *An. Comn.*, T. 3, XII, 7, P. 75.8 – 17; АнКомн., С. 334, 593. Н. Адонц отнес назначение Таронита к осени 1103 г. (*Adontz N.* Les Taronites à Byzance // Byz. 1936. T. 11, fasc. 1. P. 26 – 27.) Издатель писем Феофилакта Охридского датирует событие началом 1104 г.: *Théophylacte d'Achrida.* Lettres...P.121 – 122. В 78 письме Феофилакта сказано о том, что Таронит находился во время кампании 1103 г. в «земле колхов» (Ibid., P.415.11, 473.4), к которой по архаичной традиции могли относить Трапезунд, но отнюдь не Сивас и Никсар, в центре Анатолии. Следовательно, нельзя исключить, что уже к тому времени Таронит использовал город в качестве военной базы для наступательных операций, как это происходило и в предшествующие столетия борьбы Византии с персами и арабами.

[348] *An. Comn.*, T. 3, XII,7, P. 75.18 – 27; АнКомн., С.334.

[349] *An. Comn*, T. 3, XII, 7, P. 75.27 – 76.29; АнКомн., С.334, 593. Анна датирует подавление мятежа 14 индиктом (сентябрь 1105 – август 1106 г.).

[350] *An. Comn.*, T. 3, XII, 7, P. 76.29 – 77.17; АнКомн.С.334 – 335, 593 – 594; *Nicetae Choniatae* Historia /rec. I.A. van Dieten. Berlin-NY, 1975. P. 9.10 – 11. *Adontz N.* Les Taronites à Byzance...P. 27; *Barzos K.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Thessaloniki, 1984. T.I , P. 129 – 134; *Каждан А.П.* Армяне... С. 19 – 20, 91; *Théophylacte d'Achrida.* Lettres... P.121 – 123; *Skoulatos B.* Les personnages...P. 116 – 119; *Cheynet J. – C.* Pouvoir, P. 101, № 131; *Mullett M.* 'Madness of Genre' // DOP. 1992. T. 46. P. 239 – 243. Делались предположения о том, что Григорий Таронит идентичен Григорию Гавре, сыну св. Феодора: *Adontz N.* L' archevêque Théophylacte et le Taronite // Byz. 1936. T. 11, fasc.2. P. 587 – 588; *Bryer A.* Byzantine Family...P. 176; *Savvides A.G.K.* Μελέτες Βυζαντινής ιστορίας 11ου-13ου αιώνα. Athenai, 1986, Σ. 33, 115 – 117; *idem.* Παραστηρήσεις...Σ.39 – 40), однако просопографический анализ, проведенный А.П. Кажданом, П. Готье, Б. Скулатосом и Ж.-К. Шейне, а также реконструкция М. Маллетт событий с учетом жанровых особенностей источников (см. выше) показали, что такое отождествление неправомерно.

[351] См.: *Crow J.* Alexios Komnenos and Kastamon: castles and settlements in middle Byzantine Paphlagonia // Alexios Komnenos / ed. by M. Mullet, D. Smythe. Belfast, 1996, N II, P. 16; *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия... С. 101.

[352] См. о нем: *An. Comn.*, T. 3, XIII, 7, P. 111.10 – 17; XIV, 3, P. 157.19 – 24; АнКомн, С. 355, 380, 382, 388, 601; *Παπαδοπουλο-Κεραμεβς А.И.* Συμβολαὶ... С.136 (в Синаксарии назван племянником св. Феодора).

[353] *Michel le Syrien*, T. III, P. 205 (Михаил Сириец называет высокую сумму выкупа – 30 тыс динаров); *Ibn Al Athir.* Extraits de la Chronique Kamel-Altevarykh // RHC, HOr, T. I, Paris, 1872. P. 341, *Bar Hebr.*, T.I. P. 249; *Bryer A.* A Byzantine Family..., P. 177: *Cahen C.*, Pre-Ottoman... P. 93; *Cheynet J. – Cl.* Les effectifs de l' armée Byzantine... P. 322; *Коробейников Д А.* Северная Анатолия... С. 114 – 115.

[354] *Niceforo Basilace* Encomio ad Adriano Comneno / ed. A. Garzya. Napoli, 1965. P. 39.326 – 43.416; *Каждан А П.* К истории византино-кавказских связей на рубеже XI и XII веков // ИФЖ. 1967. № 1 С.174 – 176; *Barzos K.* Ἡ γενεαλογία...P.159 – 169.

[355] *Niceforo Basilace* Encomio...P.39.326 – 334

[356] *Niceforo Basilace* Encomio...P.80 – 81.

[357] Nic. Chon., Hist., P. 34.84 – 92; *Petit L.* Monodie de Théodore Prodrome sur Étienne Skylitzès, métropolitain de Trébizonde // ИРАИК, 1903, Т. 8, P. 9 – 11 (другой издатель Монодии С.Д. Пападимитриу отнес события бунта в Трапезунде, упомянутого Продромом, к 1105 – 1106 и к Григорию Тароните: *Пападимитриу С Д* Иоанн, митрополит Киевский и Феодор Продром. Одесса, 1902. С.20 – 23; *он же.* Феодор Продром. Одесса, 1905, С 102 – 105); *Пападопуло-Керамевс А.И.* Συμβολαὶ... P. 136; *Cheynet J – C.* Pouvoir, P. 104, N 137; *Skoulatos B.* Les personnages...P. 66 – 68.

[358] *Michel le Syrien*, T. III, P. 230,232.

[359] *Petit L.* Monodie... P. 10.112; *Cheynet J. – C.* Pouvoir, P. 405.

[360] *Petit L.* Monodie... P. 111.158 – 162; *Пападопуло-Керамевс А.И* Συμβολαὶ... С. 136 – 137; *Nic.Chon.* Hist., P. 34.89 – 92; *Skoulatos B.* Les personnages... P. 67. На одной из сохранившихся печатей Константина Гавры изображены лишь его монограммы, без титулов. На другой он назван протоновелиссимом: Spink. Auction 135. Byzantine Seals from the collection of George Zacos, Part 3. London, Wednesday, 6 October 1999. N 286. P. 62.

[361] *Коробейников Д.А* Северная Анатолия... С. 118 – 120.

[362] *Michel le Syrien*, T. III, P. 227; *Bar Hebr* T.I. Chron., P. 255; *Vryonis Sp.* The Decline, P. 161, note 169, 230; *Belke K.* Paphlagonien, S. 86.

[363] *Michel le Syrien*, T. III. P. 232.

[364] *Michel le Syrien*, T III. P. 233 – 234; *Ioannis Cinnami* Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / rec. A. Meineke. Bonnae, 1836, P. 13.9 – 14.2; Nic. Chon., Hist., P. 18 – 21. *Theodoros Prodromos.* Historische Gedichte / hrsg. W.Horandner. Wien, 1974, NN III – VI, VIII: похвальные стихи Феодора Продрома на 2 похода императора Иоанна и взятие Гангр и Кастамона (1133 и 1135 гг.). *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия... С. 118 – 119.

[365] Nic.Chon., P. 34.4 – 35.27; *Savvides A.* Ο Βυζαντινός Πόντος, οι Σελτζούκοι και οι Ντανισμεντίδες Τούρκοι // ΑΠ, 1996/97. Τ.47. Σ.94.

[366] *Michel le Syrien*, T. III. P. 248.

[367] Именно об измене султана, а не Константина Гавры идет речь у Никиты Хониата. Д.А. Коробейников верно корректирует ошибочную трактовку текста Хониата Э. Брайером. См.: Nic. Chon., Hist., P. 121.23 – 122.30; *Bryer A.* A Byzantine Family... P. 180, *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия... С. 132, 141 – 142.

[368] Ioan. Cinn., P.176.5 – 10. Э.Брайер датирует захват Яги Басаном Бафры временем до 1155 г., а утрату Инея 1157 – 1175: *Bryer A., Winfield D.* Byzantine Monuments...P. 90, 101.

[369] *Bar Hebr*, P. 303 (захват сельджуками владений Данишмендов в 1174 г.); *Bryer A.* A Byzantine Family...P. 170.

[370] Ioan. Cinn., P. 293.9 – 16; 296.2 – 23.

[371] *Nic Chon.*, Hist., P. 520.72 – 521.79. Возможно, Амис был завоеван Рукн ад-Дином позже, в 1194 г См.: *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия… С. 178, прим.501. *Savvides A.* Ο Βυζαντινός Πόντος…P. 96 (датирует раздел 1189 – 90 гг.).

[372] Напр.: Ioan. Cinn., P. 56.12 – 16; *Vryonis Sp.* Decline… P. 231 – 232.

[373] Известны, например, по печатям севаст Иоанн Гавра и Катакалон Гавра (втор. пол. XII в.) : Spink. Auction 135. Byzantine Seals … Part 3. N x287 – x288, P. 63.

[374] *Бартикян Р.М.* О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. 1988. № 1. С. 163 – 178.

[375] *Bryer A* A Byzantine Family…P. 171 – 174, 178 – 181, 183 – 185.

[376] Ioan. Cinn., P. 226, 238 – 239, 257 – 258, 293, 296, 299; *Bryer A.* A Byzantine Family… P. 180.

[377] Ioan. Cinn., P. 251.1 – 6; *Nic. Chon.*, Hist., P. 142.23 – 41; *Jurewicz O.* Andronikos I Komnenos. Amsterdam, 1970. S.79 – 80; *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия… С. 168 – 169.

[378] Известна печать с именем Никифора дуки Палеолога, севаста. Г. Шломберже полагает, что имя Дука в надписи – родовое. Но не идентичен ли этот Никифор одному из двух дук Халдии (XI или XII в.)? См.: *Schlumberger G.* Sigillographie…P. 685.

[379] *Will.Tyr.* // RHC HOc., T. I. Lib. XXII, ch. 11, P. 1081: missus est in Pontum sub honoris praetextu praesidalis; *Eustazio di Tessalonica.* La espugnazione di Tessalonica / ed. S. Kyriakidis. Palermo, 1961. P. 28.8 – 9 (Евстафий писал о землях в Пафлагонии, данных Андронику в военное управление и кормление; возможно, его резиденцией был Синоп: см. ibid., P. 28.33 – 30.2); *Nic. Chon.,* Historia. P. 225.56 – 58, 229.59 – 61, 354.45 – 47; *Vasiliev A.A.* The Foundation of the Empire of Trebizond (1204 – 1222) // Speculum. 1936. Vol. 11, N 1. P. 6 (возможная резиденция – Синоп или Иней). *Magdalino P.* The empire of Manuel I Komnenos, 1143 – 1180. Cambridge, 1993. P. 201 (ссылка в Иней).

[380] См. о нем: *Jurewicz O.* Andronikos I… S.84 – 125.

[381] *Nic.Chon*, Hist. P. 356.37 – 46.

[382] *Will.Tyr.* // RHC HOc., T. II. Lib. XXIII, ch. 14, P. 20 – 21.

[383] *Nic. Chon.*, Hist., P.348 – 351.

[384] *Savvides A.* Ο βυζαντινός Πόντος… P.96.

[385] См.: *Cahen C.* Pre-Ottoman … P. 117, 164.

[386] *Bendall S.* The Coinage of Trebizond under Isaac II (A.D.1185 – 95) // Museum Notes, 1979. N 24. P. 213 – 217, Plate 44.

[387] *Michel le Syrien*, T. III, P. 227, 248; *Cheynet J. – C.* Pouvoir, P. 105, № 138.

[388] *Cheynet J. – C.* Pouvoir, P. 221.

[389] См.: HDSE, P. 178.166 – 182.205; Житие св. Дорофея Иоанна Мавропода: *Lagarde P., de.* Johannis Euchaitorum metropolitae quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt // Abhandlungen der hist. – philol. Klasse d. königl. Gesellsch. d. Wissenschaften zu Göttingen. 1882. Bd 28. S.210 [св. Дорофей, происходивший из знатного дома Генесиев, родился в Трапезунде]; *Cheynet J. – C.* Pouvoir, P. 222.

[390] *Ioan. Zonar.*, T.III. P. 654.11 – 12. О происхождении рода Кекавменов из порубежных с Византией областей Великой Армении см.: Советы и рассказы… С. 51 – 57; *Каждан А.П.* Армяне…С.28 – 33.

[391] По печати известен также Константин Ксифилин, протопроэдр в XI в. Г. Шломберже допускает возможность его идентификации с будущим патриархом Иоанном: *Schlumberger G.* Sigillographie… P. 572.

[392] *Ioan. Scyl.*,P. 217.66 – 70; *Theoph. Cont.*, P. 404.4 – 11; *Cheynet J – C.* Pouvoir, P. 221.

[393] *Cheynet J – C* Pouvoir, P. 221.

[394] *Laurent V* Alliances... Печати магистра Григория Таронита и куропалата Иоанна Таронита X – XI вв. см.: *Schlumberger G* Sigillographie... P 706.

[395] *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца... С.24.

[396] Сохранилось тетраевангелие, заказанное Феодором и Ириной Гаврами в 1067 г. с миниатюрами, изображающими заказчиков (3 листа миниатюр: ГПБ, Cod. gr. 291, ост. рукопись: Cod.Sinait.gr.172): *Spatharakes I.* The Portrait in Byzantine illuminated manuscripts. Leiden, 1976. P. 59 – 60, ill. 27 – 28.

[397] *Cheynet J. – C* Pouvoir, P. 404, note 122.

[398] HDSE, P.260.244-252.

[399] *Michel le Syrien*, T. III. P. 26.

[400] *An Comn.*, T. 1, I, P. 16.3 – 6; АнКомн., С.61; *Bryennios*, II, 26, P. 197.9 – 11: близ Кастамона был дом деда Алексея I, который он посетил, будучи еще стратопедархом, во время похода 1074/75 г. и с грустью нашел его необитаемым. Родовое гнездо было к тому времени уже в столице.

[401] *Nic. Chon.* Historia, P. 243 – 250; Jurewicz O. Andronikos I, S.39.

[402] Georgica. Сведения византийских писателей о Грузии. / Греч. тексты с груз. перев. изд. и примеч. снабдил С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1963. Т. V. С. 83 – 96 (на груз. яз.); Типик Григория Пакуриана / изд. В.А. Арутюновой-Фиданян. Ереван, 1978. С.118.

[403] *Vryonis Sp.* The Decline, P. 25; *Каждан А.П.* Социальный состав...С.220; *Cheynet J. – C.* Pouvoir, P. 222 – 223.

[404] *Eustazio di Tessalonica* La espugnazione...P.32.33 – 34.35. См. также: *Nic. Chon.*, Historia, P. 243.36 – 244.47.

[405] См. прим.404, также: *Nic. Chon*, Historia, P. 257.83 – 85; *Belke K.* Paphlagonien, S.80 – 81. Свое пафлагонское происхождение отмечал и знаменитый митрополит Евхаитский Иоанн Мавропод, хотя и не скрывая, что в столице на пафлагонцев смотрели свысока, как на людей «не умевших отличить правую руку от левой»: *Karpozilos Ap.* The Letters of Ioannes Mauropous metropolitan of Euchaita / Greek text, transl. and comm. Thessalonike, 1990. P. 9, 63.11 – 12, 67.13 – 17.

[406] *Каждан А.П* Социальный состав...

Глава 2

ОБРАЗОВАНИЕ ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ /1204 – 1215 гг./

В 1204 г. Константинополь, неприступная столица империи Ромеев, стал добычей иноземных завоевателей. Ими были западноевропейские рыцари и венецианцы, участники IV Крестового похода. Территория Византии по договору, заключенному еще в марте 1204 г., подлежала разделу между победителями. Они начали постепенно захватывать земли на Балканах, островах Эгеиды и близ Пропонтиды. Так возникла Латинская Романия[1]. Вместе с тем, росло сопротивление «франкам» как в Малой Азии, Эпире, со стороны греческих архонтов, так и во Фракии, со стороны Болгарского царства. На руинах Византии стали возникать разные государства, считавшие себя ее наследниками. Одним из них была и Трапезундская империя, которую воззвали к жизни как сложные обстоятельства внутреннего развития Понтийских областей, так и международная ситуация.

Нередко складывание Трапезундского государства рассматривали в узких хронологических рамках первых двух-трех лет ее истории. Вряд ли это правомерно. Этот процесс был длительным, разные силы внутри империи и вне ее пытались существенно модифицировать как сам тип возникающего государства (универсалистская монархия, буферное княжество или региональное, собственно понтийское образование), так и его внешнеполитическую ориентацию.

Обратимся вначале к историографии проблемы, насчитывающей несколько столетий. В ней выделяется ряд основных проблем: 1) Была ли Трапезундская империя преемницей Византии, ее институтов и порядков, и если да, то в какой степени? 2) Какую роль сыграла Грузия в основании империи? 3) Какие внутренние силы способствовали

процессу децентрализации Византии? 4) В какой степени образование Трапезундской империи связано с IV Крестовым походом? 5) Какие задачи ставили перед собой основатели и первые правители нового государства? Каким образом они оформляли идеологически свой суверенитет и на какие традиции при этом опирались? Помимо этих, более общих тем, научная литература затрагивала и многие частные сюжеты, преимущественно связанные с источниковедением и установлением хронологии событий.

Три первые проблемы рассматривались чаще всего во взаимной связи и их решение в немалой степени зависело от общей концепции авторов. Еще до того, как стали известны основные источники по начальной истории Трапезундской империи («Хроника» Михаила Панарета, Картлис Цховреба, речи Николая Месарита и др.) представления о ней были крайне неполными, а то и просто фантастическими[2]. Много сделавший для сбора и систематизации сведений византийских историков, Шарль Дюканж считал, тем не менее, что Алексей I Комнин управлял Колхидой или Трапезундской провинцией еще при Ангелах с титулом дуки и получил самостоятельность после падения Константинополя в 1204 г.[3] Этот взгляд получил свое полное оформление в «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона[4], был подхвачен в истории Византии Ш. Лебо-М. Броссе, где было добавлено, что константинопольские императоры ежегодно назначали в Трапезунд губернатора-дуку[5]. Однако знание Броссе Картлис Цховреба позволило ему ввести новый компонент: помощь ивирского наемного войска и сторонников династии Комнинов удалившимся на Понт после свержения Андроника братьям Алексею и Давиду, основавшим независимое государство[6].

Первую обоснованную и фундированную им же открытыми новыми источниками концепцию образования Трапезундской империи выдвинул Я.Ф. Фальмерайер (1790 – 1861). Немецкий ученый пришел к выводу, что к образованию империи привели внутренние закономерности: обитатели Понта издавна тяготели к самостоятельности и образованию «торговых республик», чему препятствовала правящая клика константинопольских богачей, «чьими интересами и ненасытным корыстолюбием расшатывалась империя и истощались силы подданных»[7]. По мнению Фальмерайера, империя основывается, дабы отстоять независимость жителей равным образом и от посягательств Константинополя, и от грабительских набегов

туркменов и сельджуков, и для защиты от притязаний грузин. Но как только трапезундские правители пытались ставить более широкие задачи, они неизменно теряли активную поддержку своих подданных, которые, однако, в силу упадка эллинского воинского духа, сами не были в состоянии оказать сопротивление честолюбию и гегемонизму своего нового монарха[8]. Прямую преемственность от Византии Фальмерайер видел лишь в том, что вместе с Алексеем I на Понт прибыла группа византийской знати, чужеродной местному населению и поддерживавшей в императоре продолжателя византийских традиций[9]. Для обоснования своих положений Фальмерайер привел экскурс о давнем сепаратизме Понтийской области[10]. Исходя из неверно установленной даты смерти царицы Тамар /1202 г./, Фальмерайер фактически отрицал какое-либо грузинское влияние в образовании империи, а известные сведения Картлис Цховреба относил к более раннему времени, считая поход грузинского отряда грабительским набегом[11]. Данные Панарета о том, что Алексею I оказала помощь его тетка по отцу Тамар Фальмерайер истолковал как свидетельство о некоей грузинской родственнице Комнинов, но не о царице Грузии[12]. Фальмерайер впервые поставил вопрос об образовании Трапезундской империи на научную основу, через широкое изучение разнообразных источников. Он наметил линию изучения через рассмотрение внутренних закономерностей развития Понта. Им было также отмечено, что необходимость образования империи стимулировалась внешнеполитической ситуацией. Однако, Фальмерайер не понял роль Грузинского царства в этом процессе и недооценил глубокой внутренней связи византийской и трапезундской культур, включая и государственные институты.

Все последующие историки Трапезунда не могли пройти мимо основных положений Фальмерайера, и хотя отдельные построения немецкого ученого пересматривались, многие ученые испытали на себе влияние этого труда. Это характерно и для исследования Дж. Финлея, который, однако, в противоположность своему предшественнику, отрицая закономерность образования государства на Понте, считал, что все величие этой империи существует лишь в романах и никакой необходимости в ее создании не было[13]. Порожденная тенденциозным панэллинизмом автора (понимаемым как поступательное движение «эллинского духа»), а также неразработанностью в его время экономической истории Понта, такая концепция давно уже не имеет адептов в историографии, несмотря на вклад Финлея в изучение

фактического материала[14]. Финлей продолжил линию на отрицание позитивной роли Грузии в основании империи, утверждал, что братья Комнины бежали в Колхиду лишь накануне захвата Константинополя крестоносцами, в 1203 – 4 г.[15] Единственным оправданием независимости империи Финлей считал мусульманскую угрозу, консолидирующую понтийский регион вокруг Трапезунда[16].

Новую струю в разработку проблемы внес академик А.А. Куник, написавший первую специальную работу об основании Трапезундской империи[17]. Отметив давние следы сепаратизма, А.А. Куник убедительно доказал, сравнив тексты Трапезундской хроники Панарета и Картлис Цховреба, что именно грузинская царица была инициатором похода 1204 г.[18] Это объяснялось желанием Тамар устроить сильное христианское государство на Босфоре и в Малой Азии для борьбы с сельджуками[19]. Для обоснования положения о роли Грузии А.А. Куник обратился к генеалогическим связям Комнинов и Багратидов[20]. Куник отметил весьма примечательное именование в Картлис Цховреба сына Андроника I Алексея «близким родственником Тамары»[21]. По его мнению, существовали возможные альтернативы: либо сестра Тамар была женой Мануила, сына Андроника I, – тогда грузинская царица – действительно тетка Алексею и Давиду, но не по отцу, как писал Панарет, а по матери[22], либо, вероятнее, первая супруга Андроника I была родственницей матери царицы Тамар[23]. Вопрос был поставлен Куником, но не решен из-за скудости источников. Куник первым предположил, что юные потомки Андроника после 1185 г. попали в Грузию, откуда и совершили поход 1204 г.[24] Меньше внимания Куник уделил внутренним причинам консолидации Понтийских областей. По его мнению, в Малой Азии Комнинов принимали с радостью лишь потому, что альтернативой им была власть одинаково ненавистных франков или сельджуков[25].

А.А. Куник побудил ученых обратиться к вопросу о роли Грузии в основании империи. Многие, преимущественно греческие, исследователи не приняли его положений, по-прежнему настаивая на ведущей роли выходцев из Константинополя, византийских воинов и мобилизованных местных жителей Пафлагонии и Понта. Учитывались /по Хониату/ и лазы, но лишь как наемные отряды[26]. В отечественной историографии, напротив, теория о доминирующей роли Грузии получила прочное место[27].

В развернувшейся полемике английский историк У. Миллер, автор следующей монографии по истории Трапезундской империи, занял

компромиссную позицию, считая оба фактора – грузинскую помощь и поддержку местного населения одинаково важными[28]. Но Миллер не создал цельной концепции образования империи, как это сделал выдающийся русский византинист академик Ф.И. Успенский. Тщательно изучив предпосылки образования империи, конкретные следы сепаратизма, Ф.И. Успенский поставил вопрос: представляла ли Трапезундская империя продолжение и естественную эволюцию византинизма, или она – самостоятельное образование с другими целями?[29] Так был сформулирован важный вопрос о роли византийского наследия при сложении Трапезундского государства. Но причины обособления Трапезунда и его округи Успенский видел не в эволюции "византинизма". Анализируя пестрый этнический состав населения, исследователь считал, что греки, притом усвоившие лишь внешние формы эллинизма, составляли менее половины населения. Главнейшее место на востоке принадлежало лазам, на западе – чанам и армянам[30]. Сам правящий класс, кроме небольшой греческой прослойки, прибывшей из Константинополя в XII – XIII вв., состоял из грузинских, лазистанских и армянских элементов. Поэтому, заключал Успенский, образование империи прямо противоречило интересам эллинизма, группировавшегося вокруг Никеи[31]. Ф.И. Успенский противопоставлял местные греческие и негреческие элементы господствующего класса, боровшиеся за власть. Первые постоянно усиливались притоком из Константинополя /сведений о такой массовой эмиграции в источниках нет/ и стали доминировать с середины XIV в.[32] Автор признавал, что Трапезундская империя была хранительницей византийских традиций в администрации, праве, науке и искусстве[33]; при всех местных особенностях она являла собой аналог экономики Византии[34]. И все же, для Успенского основание империи – эпизод в борьбе Грузии за преобладание в восточном Причерноморье, продолжение Тамарой политики своего отца, чьи войска доходили до Эрзерума и Трапезунда[35].

Ф.И. Успенский продвинул изучение проблемы значительно вперед, видя истоки образования империи не только во внешних условиях, но и в этнических особенностях Понта, внутренних закономерностях его развития. Но Успенский схематизировал проблему, сведя ее в основном к борьбе эллинских и неэллинских начал. Его представление о «греческой партии» только как о выходцах из Константинополя принципиально неверно и игнорирует местную греческую понтийскую городскую и землевладельческую элиту и

активную роль греков – понтийцев в целом. Правда, Успенский пытался показать, что оплотом греческого влияния были города, но не развернул доказательств. Ф.И. Успенский, вслед за А.А. Куником, наметил путь изучения истории Трапезундской империи в тесной связи с Кавказом и Востоком. Именно по этому пути пошел А.А. Васильев. Вопросом № 1 при создании империи автор считал роль Грузии, давние династические связи грузинских Багратидов и византийских Комнинов[36]. А.А. Васильев полагал, что первая жена Андроника I была грузинской царевной[37]. Исследовав предшествующую историографию, Васильев примкнул к той точке зрения, что Алексей и Давид были привезены в Грузию сразу после 1185 г. Получив здесь воспитание и усвоив грузинский язык, они стали послушными орудиями в политике грузинской царицы, чьи планы не простирались до Константинополя, но питались лишь враждой к Ангелам[38]. А.А. Васильев не уделил никакого внимания внутренним закономерностям образования империи, не показал те силы, опираясь на которые Комнины могли стать во главе государства. С другой стороны, называя империю «греческой», А.А. Васильев совсем не остановился на преемственности от Византии, лишь отметив, что жители Понта якобы охотно приняли близкую им династию /владения которой лежали и на Понте, и в Пафлагонии/, и что при восстановлении монархии Комнинов сохранялся ореол законности[39]. Постановкой проблемы статья Васильева уступает работам Успенского, но в ней впервые был собран почти весь материал, касающийся образования Трапезундской империи.

После появления труда Васильева в историографии особенно четко наметились два направления: продолжение и развитие взглядов Куника-Успенского-Васильева и попытка их ревизии, доказательства первостепенной важности византийского "континуитета". По первому пути шли разыскания К. Туманова о степени родства Алексея и Давида Комнинов с Тамар. Туманов предположил, что определение Тамар у Панарета как тетки Алексея I по отцу следует понимать шире: как двоюродное родство по отцовской линии. Туманов присоединился к суждению о существовании грузинской жены Андроника I, но считал ее скорее сестрой отца Тамар, Георгия III[40].

Положения Куника – Васильева о ведущей роли Грузинского государства в основании Трапезундской империи заимствовались и развивались в ряде трудов отечественных и иностранных медиевистов[41]. М.Д. Лордкипанидзе, например, обратила внимание на то, что Грузия могла после 1204 г. претендовать на роль наследницы

Византии на Востоке. В период Тамар ориентация на византийскую культура грузинского двора было особенно сильным и образование Трапезундской империи стоит в связи с этой политикой Грузии[42].

Наряду с признанием ведущей роли Грузии в создании Трапезундской империи, со все большей силой звучала и противоположная точка зрения. В наиболее резкой форме она впервые была высказана в рецензии Н. Йорги на упомянутую статью А.А. Васильева. Сочтя сомнительными отношения юных Комнинов с Грузией до 1204 г., рецензент указывал, что во взятии Трапезунда надо видеть не грузинскую акцию, но действия эмигрантов из Константинополя при поддержке сторонников Комнинов изнутри Трапезунда. Васильев на ложном пути, – писал румынский ученый, – приписывая Тамаре ту роль, которую она никогда не играла: в дальнейшем Грузия выступала лишь как враг и соперник[43].

О. Лампсидис также ставит основание Трапезундской империи в прямую связь с судьбой Византии, считая, что с 1204 г. «территория государства Великих Комнинов непосредственно зависела от Византии, также, как и его цивилизация и население»[44]. О. Лампсидис уделил много места критике положений Васильева, считая жизнь двух царевичей при грузинском дворе недоказанной, а их бегство относящимся лишь к июлю 1203 г., времени IV Крестового похода, следствием которого он и считал образование империи. Стремясь преуменьшить роль помощи из Грузии, греческий ученый искал начало похода не в Ивирии, а в каком-то порту, недалеко от Трапезунда и Колхиды, куда бежали Комнины. Лампсидис подробно проанализировал все возможности родственных связей между домом царицы Тамар и Великими Комнинами и все существующие на этот счет гипотезы. Ни одну из них он не счел убедительной[45]. Он также отрицал, что образование империи было следствием политики Тамары, как и вообще значение Грузии. В качестве аргумента он приводил ослабление трапезундско-грузинских связей после смерти Тамар /1212 г./[46].

О прямой преемственности Трапезундской империи от Византии писали Д. Закифинос, А. Вакалопулос, Д. Никол[47], М. Куршанскис[48], Э. Брайер[49]. Автор последней обобщающей монографии по истории Трапезунда, Э. Жансан не высказал своего мнения столь же непосредственно. Однако, фактически он разделял взгляды вышеназванных исследователей[50].

От решения в историографии трех основных проблем вытекал и

подход к производным – было ли образование империи связано непосредственно с IV Крестовым походом и какие задачи ставили перед собой основатели государства? Большинство историков, стоящих на позиции "византийского континуитета", естественно связывало основание понтийского государства с разрушительными для Византии последствиями IV Крестового похода. Примечательно, что также смотрели на проблему сами византийские писатели XIII – XIV вв. Никита Хониат прямо выводил образование новых греческих государств из катастрофы 1204 г., когда новоявленные греческие правители, "потеряв голову от стремления к славе и желая называться государями, по неразумию вооружились друг против друга", обеспечив тем самым победу латинским разбойникам[51]. Акрополит начало новых государственных образований искал среди смут, последовавших за взятием Константинополя[52]. Никифор Григора нарисовал красочную картину гибели государства ромеев, уподобившегося застигнутому бурей кораблю, распадающемуся на множество обломков[53]. Но позиция современников событий, к тому же переживших тяжелый кризис или ощутивших на себе его последствия, не может быть правильным мерилом событий, тем более, что византийские авторы в той или иной мере разделяли ромейскую имперскую неприязнь к партикуляризму.

На других позициях стояли сторонники грузинского влияния в образовании империи. Еще А.А. Куник, сравнив данные Панарета и Картлис Цховреба, показал, что взятие крестоносцами Константинополя в апреле 1204 г. и образование Трапезундской империи – события независимые: ведь подготовка к походу должна была начаться ранее зимы 1203 – 04 г.[54] Ф.И. Успенский углубил этот взгляд, заметив, что общий ход IV Крестового похода благоприятствовал юным Комнинам, хотя сами события 1204 г. послужили лишь внешним толчком[55]. Признавая эту общую связь, А.А. Васильев считал, что захват Алексеем Трапезунда не был результатом падения Константинополя, однако капитуляция Ангелов 18 июля 1203 г. могла вдохновить Тамару[56]. Чаще всего в исследованиях просто констатируется одновременность падения Константинополя и образования Трапезундской империи[57].

Как мне представляется, в подходе к решению этого вопроса не учитывается фактически ДВА этапа становления Трапезундского государства: 1/ захват самого города и консолидация вокруг него областей Понта и 2/ дальнейшая экспансия на Запад, отчасти о реставраторскими целями и возможным привлечением бежавшего из

захваченных крестоносцами территорий населения. Падение столицы в тот момент, когда военная экспедиция Комнинов была начата и успешно осуществлялась, могло создать новую альтернативу, и тут встает вопрос о первоначальных планах основателей империи.

Я. Фальмерайер справедливо разделил проблему на две части: сами Комнины и их константинопольские приверженцы стремились к восстановлению Византийской империи, но объективные потребности и желания жителей Синопа и Трапезунда требовали образования самостоятельного государства, свободного от притязаний Константинополя и грабительских походов туркменов и сельджуков[58]. А.А. Куник, напротив, твердо отстаивал взгляд, согласно которому Комнины не могли ставить задач восстановления империи не зная при начале похода о падении Константинополя. Они следовали планам Тамар, направленным на то, чтобы с помощью дружественной династии на Понте сокрушить силу сельджуков[59]. Н. Йорга, напротив, настаивал на примате именно реставраторских планов Алексея и Давида, в подтверждение чего указывал на принятие Алексеем императорского титула[60]. А.А. Васильев синтезировал оба направления: экспедиция Тамар 1204 г. не ставила своей целью восстановление империи: в начале кампании ни Алексей, ни Давид не думали о том, чтобы отнять Константинополь у латинян. Затем их пути разошлись: Алексей остался в Трапезунде, а его брат с 1205 г. пытался восстановить Византию[61]. Э. Брайер, обратив внимание на то, что выступление братьев – Комнинов произошло ранее 1204 г., справедливо полагал, что если это и был сепаратистский мятеж, то он был направлен тогда скорее против уже низложенных Ангелов, чем против латинян, Ласкарей или сельджуков[62]. В связи с полемикой по поводу реставраторских планов Комнинов большое место в литературе занял вопрос о времени и значении принятия ими титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ[63].

Анализ научной литературы показывает, что изучаемая тема не нова в историографии. И все же в ней есть еще большие лакуны, неясности, вопросы на которые нет ответа из-за фрагментарности источников. М. Куршанскис справедливо замечал: «Трапезундская империя была основана при обстоятельствах, которые остаются таинственными, несмотря на все исследования вплоть до наших дней»[64].

Новыми тенденциями в историографии, четко обозначившимися с 70-х гг., особенно после XV Международного конгресса в Афинах,

посвятившего специальную сессию этой теме, стало рассмотрение нашей проблемы через призму борьбы сил децентрализации и централизации в Византии, с учетом экономических, социальных, географических факторов[65]. Нет нужды повторять выводы этих исследований. Достаточно сказать, что подспудные процессы регионализации провинций, протекавшие в Византии, были многократно усилены географическим и этническим факторами на Понте. Не случайно, именно Понтийский вариант Гавров Й. Хоффманн назвал «классическим примером» (Paradebeispiel)[66]. Но особенности регионального сепаратизма, развивавшегося во всегдашнем взаимодействии и взаимоотталкивании с силами централизации, заключались в том, что, раз начавшись, он как бы прорастал вглубь территории, уже вроде бы и отторгнутой от первоначального общеимперского ядра. Так, первые ростки его обнаружились в «двуперсонности» основателей самой Трапезундской империи – Алексея и Давида, а затем, с особой силой, в ходе гражданской войны феодальных кланов империи в середине XIV столетия, о чем речь пойдет ниже. Его преодоление при Алексее III дорого обошлось империи, но это был возврат к прежней централизации, оспариваемой по отношению к Византии в целом вначале Гаврами и (поневоле, после 1214 г.) Великими Комнинами, решение задач централизации силами децентрализации, подобно «загадке» Константинопольских Комнинов в XI – XII вв.[67]

Исследуя феномен с идеологической стороны, Э. Арвейлер определила подоплеку понтийского сепаратизма как греческий «провинциальный патриотизм», усиленный антилатинскими настроениями[68].

Наконец, совсем недавно французский историк М. Баливе так объяснил географические и политические факторы образования и существования Трапезундской империи: изолированность цепью Понтийских гор, прибежище стойкого Комниновского легитимизма, поддерживаемого партикуляризмом туркоманских эмиратов Сев. Анатолии, что позволяло долго избегать сельджукидской централизации, связи с кавказско-иберийским миром[69]. Конечно, это далеко не полные объяснения, но и они не лишены рационального зерна.

Социальными силами, заинтересованными в отделении Понта от Византии были и местные крупные и средние земельные собственники, и торгово-ремесленное население крупных городов, и крестьянство, страдавшее как от внешней угрозы и неспособности Константинополя

противостоять ей, так и от налогового бремени, отождествляемого с неэффективной столичной бюрократией. Не случайно сепаратист в глазах византийских василевсов Феодор Гавра стал на Понте и местным героем, и почитаемым святым[70].

Автор единственного дошедшего до нас местного источника, систематически освещающего историю Великих Комнинов, Михаил Панарет записал: «Прибыл Великий Комнин кир Алексей, вышедший (ἐξελθών) из благополучного Константинополя, выступив с войском из Ивирии при помощи и содействии его тетки по отцу Тамар и овладел Трапезундом в апреле 7 индиктиона 6712 /1204 – С.К./ года, имея 22 года от роду[71]». Хронист не отметил никаких других приобретений Алексея, кроме Трапезунда, не упомянул брата василевса полководца Давида. Неполнота приведенной фразы и двусмысленность причастия ἐξελθών приводили исследователей к мысли, что поход начался из Константинополя или же через короткое время после того, как внуки Андроника I покинули Город. Однако, ἐξελθών может означать и происхождение, в смысле *выходец* из древней столицы Византии. Именно эта мысль наиболее соответствует идейной направленности Хроники Панарета, династической истории, прославляющей древность рода правящих государей, его легитимность и связь с византийской императорской династией. К тому же, Панарет называет в этой же фразе Константинополь «благополучным» (εὐδαίμων), что с трудом приложимо к осажденному врагами и взятому впоследствии городу. Даже привычное клише похвалы Новому Риму выглядело бы в этом контексте кощунственно. Скорее Панарет апеллирует именно к благополучному прошлому византийской столицы, к тому времени, когда Алексей был там рожден.

Реальных данных для установления местопребывания Алексея и Давида в 1185 – 1203 г. нет. Ясно, что они начинали поход с войском Тамар из Грузии в 1203 г. Но как, когда и при каких обстоятельствах попали туда, неизвестно.

Картлис Цховреба разъясняет, что побудительным импульсом похода 1204 г. была месть Тамар Ангелам за ограбление Алексеем III монахов, отправлявшихся в Иерусалим и получивших от грузинской царицы большие дары. Узнав об этом, Тамар отправила отряд ивирийского войска (небольшое число залихских имеритинцев, как сообщает летописец), который захватил Лазику, Трапезунд, Лимон, Самсун, Синоп, Керасунт, Китиору, Амастриду, Ираклию, все земли Пафлагонии и Понта. Все эти владения были переданы родственнику

Тамар Алексею Комнину[72]. При этом анонимный хронист указывает, что, благодаря Тамар, владетель Трапезунда получил независимое владение и правил не обеспокоенный врагами[73].

Приобретенная территория была весьма обширна, ее западные области были отдалены от Грузии на очень большое расстояние, южный фланг оставался открытым для нападений сельджуков. И могла ли одна небольшая грузинская армия в таких условиях контролировать все эту территорию? Необходимо учесть, что именно в 1203 – 1206 гг. шла ожесточенная борьба Грузии с Румским султанатом, азербайджанскими и иранскими атабеками. Наступательные операции войска Тамар вели в Араратской долине, в Азербайджане. Шли упорные бои за крепости Карс, Маназкерт, Хлат. Наконец, Грузии удалось нанести сельджукам сокрушительное поражение в битве при Басиане в 1203/4 г.[74] Эти войны требовали мобилизации всех ресурсов государства Тамар и не давали возможности отвлечь большую армию на нужды Комнинов. Да и сам историк Тамар Басили писал лишь о «небольшом отряде залихских бойцов»[75]. Но была ли нужда в значительной экспедиции? После Басианской битвы силы Румского султаната были подорваны. Царица Тамар прекрасно знала о сломившемся накануне 1204 г положении в Византии. Она имела разветвленную сеть осведомителей и располагала информацией от щедро одариваемых дальних монастырей[76]. Получаемые данные недвусмысленно свидетельствовали о бедственном положении осажденного крестоносцами Константинополя, лишенного возможностей вмешиваться в дела далекого Понта. Силы сельджуков были серьезно ослаблены 20 – летней войной, хотя не считаться с ними вовсе еще было нельзя. Практически же прежняя фема Халдия на какой-то промежуток времени была предоставлена сама себе и при определенных обстоятельствах могла стать жертвой агрессии главных врагов Тамар – сельджуков. Защищая Понт и оказывая помощь Комнинам, Тамар получала естественного союзника на северо-западных границах своей державы[77]. Выполнению этой задачи способствовали длительные традиции понтийского сепаратизма, легитимность и авторитет в греческом мире отпрысков Комниновской династии, вставших во главе предприятия, полководческий талант Давида Комнина и, наконец, то, что лазы, родственнные картвелам, составляли значительную часть населения будущей империи, особенно на ее востоке[78]. Грузинские войска в этих условиях не рассматривались местным населением как агрессоры. Так в благоприятной исторической

ситуации понтийский сепаратизм сомкнулся с внешнеполитической активностью Грузии и планами ее правителей. Поэтому роль Грузии в образовании империи заключалась не только и не столько в военной помощи, сколько в обеспечении безопасности перед лицом сельджукской угрозы. Царство Тамар на этом историческом этапе было ГЛАВНЫМ ГАРАНТОМ самого существования Трапезундского государства.

В источниках нет данных о каком-либо сопротивлении отрядам Комнинов до их столкновения с Феодором Ласкарем. Напротив, Виссарион Никейский и Критовул, независимо друг от друга и следуя и в XV в. устоявшейся традиции, писали, что передача власти Комнинам на Понте происходила мирно[79]. По Халкокондилу, первый император «получил от местных жителей власть над Колхидой и перенес свое царство в Трапезунд в Колхиде»[80]. Современник событий Никита Хониат отмечает в своей «Хронографии»: «Давид же Комнин, набрав войско из Пафлагонии и Ираклии Понтийской и частично ивирийских наемников, живущих в долине Фасиса, подчинил себе деревни и города. Расширив владения брата, которого звали Алексей, он стал его предтечей и глашатаем»[81]. Панегирик Никиты Хониата никейскому государю Феодору Ласкарю (1206 г.) содержит еще одно указание на быстрый переход понтийских жителей под знамена Комнинов[82]. Трапезунд, как и Константинополь, был взят в апреле 1204 г. Значит первоначально войско Алексея и Давида состояло исключительно из небольшого грузинского отряда (который Хониат назвал ивирийскими наемниками, а Картлис Цховреба – «отрядом залихских бойцов») и непосредственного окружения царевичей. Однако понтийский сепаратизм и сама внешнеполитическая ситуация стали консолидирующим фактором. Давид, как, видимо, и Алексей, быстро перешел к мобилизации местного населения. В Малой Азии после 1204 г. между уцелевшими греческими династами и латинскими правителями началась борьба за византийское наследство, за выход к Константинополю, не только за приобретение отдельных территорий, но и за привлечение симпатий населения[83]. Количество войск и поддержка местных жителей определяли успех: так было при овладении Феодором Ласкарем Никеей и Вифинией, так было и при утверждении Комнинов на северном побережье Малой Азии. Никита Хониат бичует жителей, поддержавших Комнинов, как людей легкомысленных и неразумных, идолопоклонников и трусливых отступников. Но что делает в его описании восхваляемый им герой,

Феодор Ласкарь? Разгромив авангард Давида Комнина и взяв, по словам панегириста, тысячи пленных, взывающих о пощаде, Ласкарь не наказывает их, лишь слегка журит, убеждая отступиться от того, кто не может даже сам себя защитить, и стать под никейские знамена. Высшая награда для Ласкаря, по словам Хониата, то, что бывшие противники примкнули к нему, отложившись от Давида, за которого три дня тому назад вступали в бой. «Брань соединила воедино ранее разделенных»[84].

Перед нами не просто традиционная хвала доброму правителю, но курс никейской политики, зафиксированный ее апологетом. Помимо Панегирика, и "Хроника" Хониата отмечает, что, подойдя к городу Плусиада, перешедшему на сторону Давида, Ласкарь сумел привлечь к себе его население, лишив понтийского правителя поддержки. Это был значительный успех, так как гарнизон города славился искусными лучниками[85]. В свою очередь, Давид Комнин перейдя через р. Сангарий, захватил ряд крепостей и вновь приобрел Плусиаду, получив оттуда заложников, часть из которых он "заключил в оковы, потому, что они перебежали к Ласкарю[86]. Большое значение соперничающие стороны придавали поддержке духовенства. Феодору I удалось добиться того, что патриарх и все никейское духовенство клятвенно обязались всегда хранить верность Ласкарю и не поддерживать никого из его врагов, «даже внуков кира Андроника». Священники должны были способствовать тому, чтобы «мысли и действия людей в наших провинциях, какого бы рода, славы и достоинства они не были, были направлены к славе и поддержанию» никейского императора[87]. О том, что после падения Константинополя во владения Комнинов устремлялось эллинское население столицы, свидетельствуют записанные митрополитом Эфесским Николаем Месаритом слова православных монахов, сказанные в ответ на упреки папского легата кардинала Бенедикта в гордыни: «Если бы мы были гордыми, как ты говоришь, то и мы могли бы, как остальные жители Константинополя, идти в земли императора кира Феодора Ласкаря Комнина, и в земли кира Давида Комнина ... как это сделали многие, убегая от вашего постоянного угнетения и угрозы ежедневной гибели»[88]. Значит, силы и понтийских правителей, и никейского императора пополнялись в известной мере не только за счет местного населения, но и за счет жителей столицы. Кроме того, как сообщает Акрополит, во вспыхнувших смутах само население призывало на защиту того или иного правителя, признавая его власть[89]. Проигрыш в

борьбе за поддержку населения означал и общее поражение.

К 1205 г. Понтийское государство (мы называем его так, ибо это еще не была собственно ТРАПЕЗУНДСКАЯ империя) сложилось из ДВУХ частей. Одной владел непосредственно император Алексей; она в основном совпадала со старой византийской фемой Халдия. Никита Хониат отметил, что Алексей владел трапезундскими областями[90], в то время как его брат Давид – землями Пафлагонии и Ираклией Понтийской, осуществляя в дальнейшем продвижение к Никомидии[91]. Иных анклавов в составе империи не было, и для утверждений о том, что на территории Великих Комнинов в 1204 – 1208 гг. образовывались полунезависимые апанажи иных правителей, вроде мифического Феодора II Гавры[92] нет никаких оснований в источниках.

Давид, очевидно, не собирался замыкаться в этих пределах, стремясь прорваться в Вифинию, где укреплялось Никейское государство, и к Константинополю. Алексей в этих походах брата не участвовал, оставаясь все время в районе Трапезунда, и, по словам Хониата, «как вошедший в поговорку Гилас, появлялся слышанным, но не видимым»[93]. Об отношениях между двумя территориальными комплексами можно только догадываться. Во всяком случае, Давид не принял императорского титула и, по Хониату, признавал главенство брата (был его «глашатаем»). Практически же он действовал на свой страх и риск.

Возможно, более активные действия Алексея сковывались постоянной сельджукской угрозой, заставлявшей его не покидать пределы Понта. Почти сразу, после утверждения в Трапезунде, в 602 г. хиджры (18/VIII 1205 – 7/VIII 1206 г.) Алексей подвергся нападению султана Икония Гийяс ал-дина Кай Хусрау I (1192 – 1196, 1204 – 1210). Сообщивший об этом арабский хронист Ибн ал-Асир полагал, что причиной атаки было то, что после завоеваний Комнинов Иконийский султанат оказался отрезанным от черноморских портов, прервались торговые связи, была парализована крупнейшая мусульманская ярмарка в Сивасе. Султан осадил Трапезунд, но не смог взять эту сильную крепость и прорваться к морю[94]. Реальной причиной нападения сельджуков на Трапезунд мог стать союз Кай Хусрау с Феодором I Ласкарем (весна 1205 г.)[95]. Вероятно, действия союзников были согласованы, и потому датировка похода осенью-зимой 1205 г. (одновременно с захватом Плусиады Ласкарем)[96] представляется предпочтительной. Эта неудача толкнула позднее сельджуков на новый поход в 1214 г.

До начала мая 1205 г. войска Давида на западе не встречали сопротивления и территория под его контролем простиралась до р. Сангарий. Силы Ласкаря до той поры были заняты борьбой с крестоносцами, нанесшими ему в декабре 1204 г. поражение при Пиманионе и захватившими в марте 1205 г. Адрамиттий. В начале апреля 1205 г. началась война Латинской империи с болгарами, оттянувшая силы рыцарей на Балканы[97] и после перемирия «латинян» с Никеей в мае 1205 г. освободившая Ласкарю руки[98].

Первое прямое столкновение войск Ласкаря и Давида произошло чуть позднее, когда последний подошел к Никомидии. В «Хронике» Хониата это описано после изложения событий отправки на войну против болгарского царя Калояна латинского правителя Генриха Фландрского[99]. Попробуем сравнить эти данные с Хроникой Жоффруа де Виллардуэна и «Деяниями» папы Иннокентия III. По Виллардуэну поход начался в июне 1205 г. и продолжался до зимы того же года[100]. «Деяния» вносят некоторое уточнение в последнюю дату: включенное в это анонимное сочинение письмо самого Генриха папе (от февраля 1206 г.) недвусмысленно свидетельствует, что Генрих прибыл в Константинополь к празднику св. Ремигия (1 октября 1205 г.)[101]. Тогда битва при Никомидии, произошедшая, по Хониату, вскоре после выступления Генриха, должна была произойти между июлем и октябрем 1205 г., вероятнее всего – ранней осенью.

Когда авангард Давида Комнина под командованием юного полководца Синадина[102] приближался к Никомидии, Ласкарь, предприняв обходной маневр, напал на него с тыла. Синадин был застигнут врасплох и потерпел поражение. Часть его отряда была изрублена, часть бежала, а часть попала в плен, как о том говорилось в Панегирике Хониата. Итогом этих событий стало ограничение передвижения войск Давида к западу от Пафлагонии[103]. Никомидия имела большое стратегическое значение для противников. Приобретя ее, Давид, по меткому замечанию В. Лорана, «соединял» два моря и отрезал никейскому сопернику выход к Константинополю[104]. Но хотя это поражение и приостановило наступление Давида, оно еще не создавало угрозы его непосредственным владениям в Пафлагонии, где он опирался на мощные приморские крепости Ираклии и Амастриды. Именно тогда Давид предпринимает меры по укреплению этих городов, возводит стены и башню Ираклии Понтийской[105]. Но в течение последующего периода могущество и авторитет Ласкаря росли, а у Давида, отрезанного от областей Вифинии, сил не прибавлялось.

Единственным выходом для него было обратиться за помощью к естественному союзнику, врагу Ласкаря – правителю (с 20 августа 1206 г. – императору) Латинской империи Генриху. С заключением этого союза хоронились планы Комнинов восстановить Византию и Давид переходил к глухой обороне. Союзные отношения были установлены до 23 августа 1206 г.[106]

Инициатором второго столкновения был Феодор Ласкарь, предпринявший в октябре-декабре 1206 г. поход в Пафлагонию[107]. Ласкарь сумел привлечь на свою сторону население пограничной Плусиады и подойти к Ираклии[108]. Для никейской армии поход был нелегким: пришлось переправляться через реку Сангарий, где был обращен в бегство небольшой заслон противника. Давид осуществил ряд мер для обороны: завалив путь через горные проходы и поставив искусственные заграждения на дорогах, он расставил часть войск на выгодных рубежах в горах, вооружив их метательным оружием Однако, расчистив проходы, Ласкарь сумел преодолеть заграждения и сжечь заслоны, никейцы проложили удобную дорогу. Войска, оставленные Давидом в горах, не получили обещанной поддержки и были разгромлены, попав в ловушку. Часть их оказалась в плену, другая – бежала. Пополнив свою армию за счет пленных, Феодор Ласкарь приблизился к Ираклии, где за стенами скрывался его главный противник. Панегирик рисует обреченность осажденного, которого спасла лишь вовремя подоспевшая помощь латинян[109]. Хониат сгущает краски: Ираклия была сильной крепостью, с большими запасами продовольствия, излишки которого Давид Комнин позже отправит в Константинополь. Да и последующие приступы Ласкаря под стены Ираклии, как писал Месарит, долгое время были бесплодны[110].

Итак, «франки» в конце 1206 г. в критический для Давида момент выступили ему на помощь. Виллардуэн, не упомянув самого Давида, отметил, что военные действия велись из-за нарушения Ласкарем условий перемирия[111]. Сопоставим изложение военных действий Хониатом и Виллардуэном. Первый писал, что латиняне, заняв Никомидию, создали угрозу для Феодора I, заставив его колебаться между штурмом Ираклии и спешным отходом к Никомидии, навстречу "франкам". Ласкарь избрал последнее[112], так как захват Никомидии отрезал его от Никеи и Пруссия. По Виллардуэну, в районе Никомидии действовал сенешаль Романии Тьерри де Лош[113]. Но западнее наносился и другой удар – нацеленный вглубь никейской территории. Латиняне укрепились в г. Кизик и брали большую добычу

от набегов на никейские земли[114]. Ласкарь, бросив осаду Ираклии, напал на латинский отряд, действовавший у Никомидии. Но тот не принял боя (вероятно, из-за малочисленности), и, по Хониату, бросив обоз и терпя потери, отошел к Константинополю. Ласкарь, видимо не преследуя «франков», возвратился к Кизику и несколько раз пытался взять его штурмом. Борьба шла с большими потерями для двух сторон и приняла затяжной характер[115].

После того, как Давид Комнин убедился в реальности помощи, которую ему могли оказать крестоносцы, он решил укрепить связи с ними. О новом договоре Хониат написал так: «Он (Давид Комнин – С.К.) отправил в Византий к латинянам несколько продовольственных судов со свиным засоленным мясом, обмениваясь за помощь войском. И за это он просил заключить с ним второй договор и записать его в условия письменного соглашения их с Ласкарем, а также признать все его земли зависимыми от латинян»[116]. Второй договор Давида с Латинской империей, в отличие от первого, устанавливал прямые отношения вассалитета. Но они, очевидно, распространялись не на всю территорию Трапезундской империи, а лишь на владения Давида, что в общих чертах соответствовало договору о Разделе Византии (Partitio Romaniae), по которому Понт не входил в подлежащую разделу часть, а Пафлагония предназначалась латинскому императору, правда, наряду с Синопом и Инеем, которыми управлял Алексей[117]. После заключения союза Давид остался практически независимым[118] и установленный союз был чисто военно-политическим и не имел религиозных последствий. Местная церковь не признала унии и католических доктрин, а земли Давида и в 1206 г. рассматривались как прибежище для православного клира[119]. Латинская империя получила первого союзника в Малой Азии, при помощи которого можно было сдерживать натиск со стороны Никеи и снабжать Константинополь продовольствием. О приобретении же Пафлагонии в тех условиях Латинская империя не могла и мечтать[120].

Военные последствия союза не заставили себя долго ждать: в самом конце 1206 г., или скорее в январе-марте 1207 г.[121], узнав, что Ласкарь ушел из Никеи в Пруссий, латиняне и Давид начали совместное наступление на его территорию. Давид, переправившись через р. Сангарий, разгромил укрепленные пункты Ласкаря и вновь приобрел Плусиаду, получив оттуда заложников. А 300 латинских рыцарей наступали из Никомидии на восток, но были застигнуты врасплох полководцем Ласкаря Андроником Гидом. Большинство из

этого отряда погибло, а бежавшие попали в засаду и не смогли сообщить о поражении Давиду[122]. Однако, вскоре между Ласкарем и императором Генрихом было заключено перемирие сроком на 2 года. В договоре оговаривалась неприкосновенность Давида как вассала и союзника императора (апрель-июнь 1207 г.)[123]. В 1208 г. сила и авторитет никейского правителя заметно возросли: 6 апреля он был коронован в качестве императора Михаилом IV Авторианом, избранным на патриаршую кафедру 20 марта того же года[124]. В 1208 г., как отмечалось выше, никейское духовенство во главе с патриархом присягнуло Феодору I в том, что не будет поддерживать никого из его соперников, включая трапезундских Комнинов. Была одержана победа еще над одним греческим конкурентом – независимым правителем Сампсона Саввой Асиденом[125]. Осенью 1208 г. собиратель греческих земель Феодор I Ласкарь вновь попытался овладеть Пафлагонией и обеспечить выход к Черному морю. Осажденный в Ираклии Давид вновь прибегнул к помощи союзников, находившихся в то время в крепости Памфилии[126]. Император Генрих счел нападение Ласкаря нарушением перемирия и лично отправился в Константинополь, чтобы начать поход в Малую Азию[127]. В октябре 1208 г.[128] быстрым маршем переправившись через Босфор, Генрих стал продвигаться на восток, чтобы отрезать Ласкарю путь к отступлению. Видимо, поход был так неожиданен, что войска никейцев бежали самым поспешным образом, оставив осаду Ираклии. По Анри де Валансьенну, в реках утонуло более 1000 человек. Всего четыре дня не достало латинянам, чтобы пленить Феодора I. Преследование было немыслимо из-за разливов рек и начавшихся ранних холодов[129], да оно и не имело смысла, коль скоро Ласкарь успел скрыться за стенами Никеи.

События 1209 – 1213 гг. нам практически неизвестны. Из Панегирика Месарита ясно лишь, что Феодор продолжал свои попытки подчинить Пафлагонию как выгодный плацдарм для борьбы с латинянами и турками. Предпринимались набеги на Пафлагонскую территорию, опустошались земли, уводился полон, угонялся скот, разрушались небольшие укрепления[130]. Но незыблемо стояли основные твердыни – Ираклия и Амастрида, без взятия которых не была подчинена и область. Разорение территории, безусловно, способствовало ее покорению. Успех Ласкарю обеспечивали и его победы над сельджуками в битве при Антиохии на Меандре в 1211 г. и отвоевание у них Атталии в 1214 г.[131]

Применялось и другое средство воздействия – через церковную

политику контролируемого никейским василевсом Вселенского патриархата. Однако здесь, как кажется, Никея проигрывала. Епископы, назначаемые патриархом в подконтрольные Великим Комнинам землях не принимались местными правителями, которые справедливо усматривали в них никейских агентов. Давид Комнин, например, "обесчестил ударами плети" и изгнал рукоположенного во епископы Амастридские диакона. Он не желал, чтобы "в его землях епископ был назначен другой властью"[132]. Поставленные Никеей епископы в Херсонес и Сугдею, признавшие, видимо, сюзеренитет Великих Комнинов, были также отосланы назад. Избрания и хиротония епископов на Понте и в Лазике, «которые суть Трапезунд и Неокесария» осуществлялись местными архиереями Гангр, Керасунта, Неокесарии с ведома светской власти. Патриарх был вынужден уступить[133].

Но ситуация постепенно складывалась не в пользу Комнинов. Зимой 1212 г. между Латинской империей и никейцами было заключено перемирие, что освободило Ласкарю руки на севере[134]. 13 декабря того же года неожиданно умирает Давид Комнин, принявший перед смертью монашескую схиму с именем Даниила[135]. Воспользовался ли Ласкарь этим обстоятельством сразу же, весной 1213 г., как полагает П.И. Жаворонков[136], или же Месарит, на которого он ссылается, писал все же о событиях 1214 г., нам неизвестно.

Роковые для Великих Комнинов события, которые и определили будущие условия существования Трапезундской империи, свершились в 1214 г. Этот год и завершил этап формирования собственно Понтийского государства. Удар был нанесен почти одновременно сельджуками и никейцами, вероятно, действовавшими согласованно.

В правление султана Изз ал-дина Кайкауса I (1210 – 1219) сельджукское государство вновь значительно укрепляется. Его внешняя политика в значительной мере заключалась в территориальной экспансии в Анатолии за счет пограничных христианских государств[137]. Как и его предшественник Кайхусрау I, Изз ал-дин прежде всего лелеял планы получить выход к Черному морю и захватить один из его главных портов. «История сельджуков» Ибн Биби повествует, что с ранней весны 1214 г. султан планировал поход в области Сиваса[138]. Для того, чтобы оправдать нападение, были вызваны пограничники из области Синопа, которые принесли весть о нападении «кира Алекси, тегвура[139] Джанита» на владения султана[140]. Такого нападения не могло быть: Синоп уже давно находился в составе Трапезундской империи, а

император Алексей в то время беспечно охотился в своих владениях с 5 сотнями всадников, как о том написал сам Ибн Биби[141]. Мнимый инцидент нападения был использован для воодушевления эмиров, воспламенившихся желанием опустошить поля и земли злодея «серпом насилия»[142]. Впрочем, поводом для нападения, как полагают М. Куршанскис и Р.М. Шукуров, могло быть какое-то вмешательство трапезундцев в династические распри сельджукских султанов на стороне мятежного брата царствующего султана Изз ал-Дина – Ала ал-Дина Кай Кубада в 1211 – начале 1214 г., оставившее весьма туманный след в источниках[143].

Целью похода был Синоп. Султан собирал о нем информацию у сведущих людей. Получаемые ответы не утешали его: город нельзя было взять неожиданным приступом; стены его были крепки и требовалась длительная осада, чтобы, блокировав его с суши и с моря, уморить гарнизон голодом. Военный совет разработал план: опустошать округу систематическими набегами в течение нескольких лет, уводить жителей в полон, то есть использовать ту же тактику, что и Ласкарь в Пафлагонии. На следующий день султан выступил в поход. Быстрому осуществлению его цели помогла случайность: Алексей I вместе со своей свитой попал в плен во время охоты. Милостиво приняв пленника, султан не раскрыл ему своих планов, пока его войско не окружило Синоп. Лишь затем от потребовал от «тегвура» послать в город одного из его «эмиров», чтобы склонить Синоп к капитуляции от имени императора[144]. Алексей был вынужден сделать это, но жители ответили его послу, что не собираются сдаваться: «Если кир-Алекси в плену, у него есть благородные сыновья. Одного из них мы сделаем своим господином и не отдадим этой земли мусульманам»[145]. Вторичное посольство также не имело успеха. Тогда султан приказал пытать Алексея перед стенами Синопа. На второй день мучений, когда император был подвешен вниз головой, обороняющиеся попросили прекратить пытку и прислать для переговоров «вестника от тегвура». Город был сдан на условиях свободного отъезда императора в свои земли, дарования жизни и имущества всем жителям и разрешения им свободно уйти, куда они пожелают. Сдаче способствовало и сожжение синопских кораблей сельджукским военачальником Бахрамом Таранблуси[146]. В субботу, 1 ноября 1214 г. над Синопом был поднят флаг султана[147]. Находящиеся в городе 30 латинских наемников или союзников Алексея были преданы мучительной казни – с них, если верить анонимному сельджукскому источнику начала XIV в., живьем

содрали кожу[148]. В качестве дополнительных условий своего освобождения, по договору Алексей I был обязан ежегодно выплачивать за Джанит дань 10000 золотых динаров, доставлять 500 лошадей, 2000 коров, 10000 баранов, 50 тюков разных товаров и предоставлять султану, в случае необходимости, отряд вспомогательных войск. Представители знати обеих сторон подписали договор в качестве свидетелей[149]. Если Ибн Биби не преувеличил (а он, вероятно, имел текст договора, занимая позже пост государственного секретаря)[150] условия были крайне тяжелы для Трапезундской империи, хотя, как кажется, дань выплачивалась не за всю ее территорию, а за признаваемый вассальным Джанит.

Султан придал приобретению Синопа особое значение. Он издал указ об отправке в город по одному состоятельному купцу из всех подвластных ему городов. Для налаживания морской торговли не жалели денег: перемещенные купцы получали из султанской казны полную компенсацию за недвижимое имущество. Принимались меры для возвращения в город ушедшего населения. Во все столицы мусульманского мира, включая Багдад, были посланы гонцы с известиями о радостном событии[151]. От падения Синопа Трапезундская империя теряла вдвойне, приобретая торгового конкурента и политического соперника.

Сразу вслед за Кай Ка'усом на захват Пафлагонских владений Трапезундской империи выступил и Феодор Ласкарь. После смерти Давида[152] Пафлагония, вероятнее всего, находилась в прямом управлении из Трапезунда. Когда сельджуки напали на Джанит, она оказалась фактически изолированной. Месарит сообщает, что в это время находящийся в Никее Феодор Ласкарь получил «радостную весть», касающуюся Алексея Комнина[153]. Как писал Месарит, Феодор сразу бы отправился в Пафлагонию, сев на коня, но его задержали церковные дела: 26 августа 1214 г. скончался патриарх Михаил IV Авториан и выборы нового патриарха были затруднены из-за разногласий. Присутствие императора было необходимо для поддержания «церковного мира»[154]. Наконец, 28 сентября был избран и интронизирован новый патриарх Феодор II Ириник (1214 – 1216)[155], и Ласкарь смог начать поход в Пафлагонию столь стремительно, что «едва даже вкусил пищу»[156]. Очевидно, что полученная в Никее радостная весть не могла касаться взятия Синопа: он был сдан лишь 1 ноября 1214 г. Сомнительно, чтоб радостной была названа и весть о выступлении сельджуков против тех территорий, на которые

претендовал и сам Ласкарь, недаром он столь поспешно двинулся в поход. Очевидно, речь шла о пленении Алексея; нельзя было не воспользоваться ослаблением трапезундского соперника и дать возможность туркам осуществить захват территорий в Пафлагонии.

Экспедиция Ласкаря началась в конце сентября – начале октября 1214 г. и была весьма непродолжительной, до конца октября. Никейцы взяли основные укрепления Пафлагонии – Ираклию и Амастриду, вместе с другими городами и крепостями[157]. Император Генрих на сей раз не оказал помощи пафлагонцам: его союзника и вассала уже не было в живых, а с Алексеем его не связывали соглашения. Кроме того, в 1212 г. он заключил перемирие с Феодором I. Вскоре Ласкарь заключил договор с Латинской империей, подтвердивший условия этого перемирия со значительными уступками Генриху. Пафлагония была одной из компенсаций за них[158].

Через небольшой промежуток времени борьба за Пафлагонию возобновилась. В начале зимы 1214/1215 г. Феодору опять пришлось отправиться в Ираклию из-за того, что в Пафлагонии, по Месариту, «еще шевелило хвостом змеиное исчадье»[159]. Видимо, заключив мир с турками, Алексей попытался продолжить борьбу, но после потери ключевых крепостей и Синопа как связующего звена она была безнадежна. Это и определило поражение в ней Трапезундской империи.

Вместе с тем, и для Никеи выход иконийцев к морю в исторической перспективе был стратегическим поражением, а распад малоазийского эллинизма на два отдаленных анклава привел к потере византийцами Северо-Западной Анатолии и решающим успехам тюркизации[160]. Кроме того, завоевание Ласкарем Пафлагонии, на которую претендовали и сельджуки, почти немедленно обострило отношения между Никеей и Иконием. Месарит отмечал, что после таких приобретений никейский василевс стал весьма опасен для соседей[161]. Той же зимой иконийские турки совершили набег на никейские земли, вплоть до р. Сангарий, но были остановлены греческими воинами[162].

Итак, после 1215 г. Трапезундская империя простиралась с запада на восток от Термодонта до Чороха. Она была отделена от никейской территории сельджукскими владениями, локализовалась в собственно понтийской области и вышла из борьбы за восстановление Византии, став самостоятельным греческим государством, что не означало, однако, отказа от идеологических претензий Великих Комнинов на роль

общевизантийских василевсов[163]. Ресурсы империи и роль ее городов в международной торговле обеспечили ей устойчивое развитие и важное место среди стран региона. Внутренние факторы, консолидирующие государство и дававшие ему социальную опору, должны были найти подкрепление и в устойчивой и привлекательной государственной идеологии. Она основывалась, естественно, на византийских традициях, черпала арсенал понятий и знаковых символов из комниновской и докомниновской практики, опиралась на общие религиозные основы и атрибуты и на культ местных святых. Она должна была закрепить легитимность императорской власти рода Комнинов на Понте, а временами и во всей византийской ойкумене. Этого не могло не произойти без острой конфронтации с другими претендентами на византийское наследие, прежде всего Никеей, а затем – Палеологовской Византией.

Представления о власти в Византийской империи черпались из обширного арсенала политико-правовых идей античности и христианства. В сформированном, общепризнанном и юридически оформленном виде они составили государственную идеологию империи (термин, на наш взгляд более точный, чем распространившийся в последние десятилетия «политическая идеология»). Ее важными компонентами были представления о вселенском, универсальном характере богоизбранной империи ромеев, воплощении в ней божественного порядка, таксиса, о сакральности власти императора-самодержца (автократора), о неограниченности его полномочий и, вместе с тем, их строгом соответствии законам. В числе этих представлений была и тесная неразрывная связь государя с Царственным градом, Константинополем. Только тот, кто владел столицей, владел ойкуменой. Постепенно, несмотря на существовавшую в теории идею выборности государя синклитом и народом, укореняются представления о необходимой знатности монарха, его связи с правящей династией, наличии у него царственных предков. В теории были свои обязательные и лишь желательные составляющие. Так например, если принадлежность к царственной династии была лишь желательной для воцарявшегося, мысль о возможности двух независимых василевсов ромеев, если они только не были соправителями не допускалось. Представление о единстве империи было одним из наиболее устойчивым, и претензии на самодержавное правление в отдельных частях ромейской державы не могло рассматриваться иначе, чем узурпация любого, правившего вне

Константинополя[164]. Так было до 1204 г. Великая катастрофа, падение столицы империи породила и глубочайший кризис государственной идеологии.

Борясь за византийское наследие, трапезундские Комнины, как и их никейские или эпирские соперники, поначалу исходили из прежних универсалистских представлений, опирались на единую идейную традицию и решали одну и ту же задачу: каким образом оформить императорскую власть, не обладая «театром ойкумены», царственным градом, захваченным вообще неромейским правителем? Они выбрали в целом один и тот же вариант: создания «вторых» Константинополей в Никее, Трапезунде или даже в Тырново (ибо и болгарский царь принял участие в возможной «реконкисте»)[165]. И здесь они были в невыгодно равных условиях. Никейские правители вскоре смогли опереться на авторитет вселенского патриарха, что значительно усилило их позиции. Для трапезундских Комнинов один из аргументов в борьбе за симпатии греческого населения Малой Азии был ясен и они сделали ставку на него: только они были прямыми потомками и наследниками по мужской линии константинопольских Комнинов, притом незапятнавшими себя связями с непопулярной и ответственной за катастрофу династией Ангелов, как Ласкари или Дуки. Принимая такой же титул, как и византийские государи («NN во Христе Боге верный царь и автократор ромеев»), Алексей и Давид добавили к эпониму Комнин слово «Великий», для обозначения старшинства своего рода, своей генеалогической линии среди других претендентов[166]. В полемике с ними противники апеллировали к тому, что их непосредственным прародителем был тиран Андроник I, называя трапезундских Комнинов «ехидниным исчадьем»[167]. Но этот аргумент не снимал легитимной правоты династических притязаний Алексея и Давида.

И если возврат к идеям старой императорской идеологии был простым и естественным, то поиск «своего» культа, объединяющей идеи был сложен. Мы знаем об этом по немногим отрывочным и косвенным данным, в первую очередь – по печатям и монетам первых Великих Комнинов.

Печати Алексея I до недавнего времени не были известны. В 1963 г. на трапезундском акрополе был найден моливдовул с изображением на лицевой стороны полководца в воинских доспехах и островерхом шлеме, которого за руку ведет св. Георгий. Надпись над изображением полководца гласит: «Алексей Комнин». На обратной

стороне мы видим сцену Воскресения, сошествия Христа во ад, более традиционную для печатей архиереев[168]. Такой же (этот же?) моливдовул из коллекции известного ученого и собирателя Георгия Закоса был продан в 1998 г. на аукционе Спинк в Лондоне[169]. Образы печати выбраны, безусловно, не случайно и отражают как официальную «идею», так и памятные или важные для владельца события или обстоятельства. События эти связаны с военной кампанией или походом – св. Георгий как бы вводит одержавшего победу государя в крепость или в город, жестом левой руки открывая ворота или представляя владельца печати небесному покровительству. Из текста «Трапезундской хроники» Михаила Панарета нам известна самая выдающаяся победа Алексея – его вход в Трапезунд в апреле 6712 (1204) г.[170] Более точную дату он не сообщает. В апреле 1204 г. Пасха – праздник Воскресенья – приходилась на 25 апреля, а день памяти великомученика Георгия Победоносца – 23 апреля. Не связаны ли с двумя этими датами главные события в жизни Алексея и в истории Трапезундской империи: его вступление в город и провозглашение императором? В конце апреля он уже мог знать о захвате 12 – 13 апреля крестоносцами Константинополя и бегстве Алексея V Мурзуфла, что давало ему основание для прямых претензий на византийский трон. Появление на печати св. Георгия могло быть связано и с его особым почитанием как византийскими Комнинами, так и грузинскими Багратидами, игравшими немалую роль в утверждении Алексея на престоле. Примечательно в этой связи, что на медных монетах трапезундских Комнинов XIII в. также изображен св. Георгий[171].

Печати брата Алексея I, Давида, напротив, известны давно и основательно изучались. На одной из них изображен царь Давид на троне. Надпись на обороте гласит: «Царь Давид, сделай незыблемой силу письмен Давида Комнина, царского внука». Здесь примечательно лишь подчеркивание уже упомянутой нами линии родства и вполне традиционное обращение к святому, покровителю владельца. Никаких указаний на возможные события или на особую символику нет[172]. Другая печать породила научную дискуссию. На ней изображен в рост св. Елевферий, а надпись гласит: «Давида Порфирородного слова утверди Елевферий, святитель Божий»[173]. Первый исследователь печати Н.П. Лихачев без колебаний отнес печать к брату основателя Трапезундской империи Давиду и отождествил Елевферия как священномученика, епископа Иллирийского, «совместив» этого святого с другим, кубикуларием Максимиана, погребенным в Тарсе.

Н.П. Лихачев не привел каких-либо объяснений причин появления этого святителя на понтийской печати. В. Лоран отнес моливдовул к 1205 – 1206 гг. и интерпретировал имя Елевферия согласно его прямой символике – «Освободитель», полагая, тем самым, что так Давид хотел выразить свои цели – освобождения Понта и Византии. Э. Брайер посвятил детальное исследование этому сюжету. По его мнению, св. Елевферий из Тарсии (области на р. Сангарий, севернее Плусиады) был выбран для печати как патрон ключевого района, оспариваемого в борьбе между Ласкарем и Давидом в 1205 – 08 гг. Э. Брайер настаивал на независимости действий Давида от брата в его планах выйти к Константинополю. Д.И. Коробейников предложил недавно другую интерпретацию. Печать Давида с изображением св. Елевферия Тарсийского, чья память отмечается 15 декабря, возможно, отмечала одну из побед Давида, приходившуюся на эту дату, вероятно, снятие осады с Ираклии Понтийской Ласкарем (при помощи отряда латинян) в 1206 г.[174] Ни одну из гипотез нельзя исключить, но ни одна из них не является ничем большим, чем предположение, не исключающее и другие версии. С очевидностью можно говорить лишь об одном: Великие Комнины «искали» своего святого патрона, паладиум своего государства. И св. Елевферий, как кажется, не был случайным в этом поиске. Неизвестная до недавнего времени печать Катакалона Гавры (второй половины XII в.) также имела на аверсе изображение этого святого, притом также в рост, в омофоре и с Евангелием[175]. Катакалон Гавра неизвестен нам из других источников. Ясна лишь его принадлежность к понтийскому роду, но все более очевидным представляется какая-та, непонятная до конца, связь этого святителя со знатными понтийскими фамилиями.

В качестве патрона и защитника своей державы Великие Комнины рассматривали и Богородицу[176], и св. Георгия, и пророка Давида, и св. Евгения и Елевферия Тарсийского... Поразительно, но на этом этапе в такой роли не представал основной истинно местный святой-воин Феодор Гавра. Причин тому, наверное, было две. Созвучие имени святого главному врагу – Феодору Ласкарю и, что важнее, *иной* смысл идеологических устремлений Комнинов в этот ранний период: не создание местного Понтийского государства, а реставрация византийской монархии. Для этой цели местный Трапезундский святой, к тому же, оспаривавший власть у константинопольских прародителей Великих Комнинов подходил мало.

Выбор покровителя державы был сделан после утраты

Пафлагонии и Синопа. Когда стало ясно, что предстоит создавать «местную империю» склонились к обоснованию и воссозданию культа св. Евгения. И хотя основа всеобъемлющего почитания святителя была создана в царствование Алексея II и Алексея III, уже на первых известных серебряных аспрах Великих Комнинов, Иоанна I (1235 – 1238) и Мануила I (1238 – 1263), равно как на медных монетах Мануила и Георгия (1266 – 1280) помещается изображение св. Евгения[177]. Оно станет затем неотъемлемым для всех последующих монетных чеканок Трапезундской империи.

С потерей надежды на восстановление Византии под скипетром Великих Комнинов и превращением Трапезунда в столицу империи в нем возводятся или реконструируются храмы, которые должны были символизировать и освящать новую империю. Особое значение придавали постройке и украшению храма св. Софии. В то время как константинопольская София была в руках «латинян», трапезундская мыслилась как ее аналог и символ. Для нее выбрали место на возвышенном месте недалеко от моря, храм поставили на высокий подиум (уникальная черта в византийской архитектуре), интерьер и наружные стены украшали лучшие мастера по особой своеобразной живописной программе. Ктитором и строителем был император Мануил I (1238 – 1263 гг.), в правление которого были достигнуты немалые внешнеполитические успехи, раздвинуты границы империи. В 1214 – 1235 гг., по данным Э. Брайера, в Трапезунде полностью перестраивается храм Богородицы Златоглавой (Хрисокефал). Он превращается в место коронации и погребения императоров, для чего в нем были устроены метаторий, галереи и амвон в центре храма, что позволяло служить особую литургию при коронации василевса[178]. Широкое городское строительство, возведение нового пояса крепостных стен, новых храмов, – все это должно было придать Трапезунду облик столицы.

Создавая новую империю, трапезундские императоры по существу не пересматривали старую универсалистскую византийскую концепцию. Они воссоздавали на Понте «малую Византию», не считая, вплоть до 1282 г. (о чем ниже) своих соперников подлинными василевсами. Вместе с тем, после 1214 г. политическая реалия четко указала им ориентир на консолидацию власти именно и только на Понте. Так св. Евгений и стал символом и защитником его родины и династии Великих Комнинов.

[1] См. о ней: *Thiriet F.* La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959 (repr.: 1975); *Карпов С П* Латинская Романия. СПб, 2000; Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204 // MHR 1989. T. 4; *Lock P* The Franks in the Aegean, 1204 – 1500. London; NY, 1995.

[2] См. о них подробнее: *Vasiliev A.A.* The Empire of Trebizond in History and Literature // Byz. 1940 – 41. XV / 1. P. 318 – 322.

[3] *Ducange du Fresne Ch.* Historia byzantina duplici commentario illustrata, prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum nomismatibus... Paris, 1680. P. 192.

[4] *Гиббон Э* История упадка и разрушения Римской империи. М., 1886. Ч. VII. С.11 – 12.

[5] *Lebeau Ch.* Histoire du Bas – Empire. Nouvelle éd., augmentée d'après les historiens orientaux par M. de Saint Martin et continuée par M. Brosset. Paris, 1835. T. 17. P. 254. Поводом для таких построений могла быть фраза армянского историка начала XIV в. Гетума (Гайтона), относящаяся, видимо, к византийскому периоду истории Понта, о том, что Константинопольский император назначал в Трапезунд губернаторами дук. Один из них, продолжал Гетум, восстал и, захватив власть в Трапезунде, сам стал называться императором. Здесь содержится, вероятно, провизантийская версия событий. См.: *Hayton* La Flor des Estoires de la Terre d'Orient // RHC. DA. 1906. T. 2. P. 133; ср.: *Mandeville's* Travels / texts and transl. by M. Letts. London, 1953. T. 1. P. 104; T. 2. P. 311.

[6] *Lebeau Ch.* Histoire...T. 17. P. 254, 256.

[7] *Fallmerayer J. – Ph* Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827 (repr.: Hildesheim. 1964).

[8] *Fallmerayer J – Ph.* Geschichte... S.55 – 56.

[9] *Fallmerayer J. – Ph* Geschichte... S.47 – 48.

[10] *Fallmerayer J – Ph.* Geschichte... S.17 – 22.

[11] *Fallmerayer J. – Ph.* Geschichte... S.23 – 27, ср.: 48,59.

[12] *Fallmerayer J – Ph* Geschichte... S.41 – 42. См. также: *Pfaffenhoffen F., de.* Essai sur les aspres comnénants, ou blanc d'argent de Trébizonde. Paris, 1847, P. 19 – 20; *Медовиков П.* Латинские императоры в Константинополе. М., 1849. С. 79 – считал Тамар дочерью Андроника I, спасшей своих племянников, отвезя их в Колхиду. Он считал, что они утвердились в области Трапезунда, где многим казались законной династией (С. 75).

[13] Монография Финлея вышла в двух изданиях, второе из которых отличается большей определенностью и прямолинейностью оценок: *Finlay G.* The History of Greece from its conquest by the crusaders to its conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond 1204 – 1461. Edinburgh; London, 1851; *Finlay G.* A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time. B.C.146 – to A.D.1864. Oxford, 1877. T. IV. P. 307 – 308. Подобные суждения см. также в: *Fischer W.* Trapezunt und seine Bedeutung... S.25 – 26; *Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. М., 1910. Ч.1. С. 100.

[14] См критику в работах: *Успенский Ф И.* Трапезунтская империя // Анналы. 1924. № 4. С. 20; *Vasiliev A.A.* The Empire of Trebizond in History and Literature...P.341.

[15] *Finlay G.* A History...P.317 – 318. Это мнение разделяли: *Ioannides S.* Ιστορία και στατιστική της Τραπεζούντος και της περί ταύτην χώρας. Εν Κωνσταντινούπολει, 1870. Σ.48, 50 – 51; *Fischer W.* Trapezunt und seine Bedeutung...S.23; *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1897. С. 565; *Miller W.* Trebizond. The Last Greek Empire. London, 1926. P. 14; *Karolides P* Βυζάντιον-Αρμενία-Ιβηρία (Γεωργία) // ΕΕΒΣ. 1929. Τ.6.Ρ.20 – 21, Note 2.

[16] *Finlay G.* A History...P.371.

[17] *Куник А А.* Основание Трапезундской империи в 1204 г. // УЗ имп. АН по I и III отделениям. 1854. Т. 2. С. 705 – 733.

[18] *Куник А А* Основание...С. 724 – 725.

[19] *Куник А А.* Основание...С. 727 – 728; ср.: *Джанашвили М Г.* Царица Тамара. Тбилиси, 1900, С. 59 и прим. 19.

[20] *Куник А.А.* Основание...С. 708 – 711; *он же* О грузинском происхождении бабушки первого трапезундского царя // УЗ имп. АН по I и III отделениям. 1854. Т. 2. С. 788.

[21] *Куник А.А.* Основание...С. 719 – 720.

[22] *Куник А А.* Основание...С. 713, прим.8. Эту точку зрения разделяли: *Гельцер Г.* Очерк политической истории Византии // Очерки по истории Византии под ред. В.Н. Бенешевича. СПб,. 1912. Вып. 1. С. 170; *Bréhier L.* Vie et mort de Byzance. Paris, 1947. P. 373; *Mélikoff I* Géorgiens, Turcomans et Trébizonde: notes sur le "Livre de Dede Korkut" // Bedi Kartlisa. 1964. T. 17/18. P. 19 – 20.

[23] *Куник А.А* О грузинском происхождении... С.788. Куник обратил также внимание на редкие для византийских Комнинов преномы Давид и Георгий, который, напротив, часто встречались у Багратидов: *он же.* Основание... С. 718 – 719. См. также: *Vasiliev A.A.* The Foundation...P. 5; *Bryer A.* Trebizond: the Last Byzantine Empire // History Today, 1960. T. 10, N 2. P. 129.

[24] *Куник А А.* Основание...С. 723. В дальнейшем это мнение было подтверждено и принято в трудах: *Hopf K.* Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // *Ersch J.S., Gruber G.* Allgemeine Encyklopädie. Leipzig, 1867. Bd 85. S. 209 – 210; *Gerland E.* Geschichte del lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel. Homburg, 1905. Bd 1. S.34 – 35; *Гельцер Г.* Очерк... С. 170; *Безобразов П.В.* Трапезунт, его святыни и древности. Пг,. 1916. С. 4 – 5; *Успенский Ф.И.* Очерки... С. 29 – 30; *он же.* История Византийской империи XI – XV вв. М., 1997. С. 479; *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 9 – 12; *Laurent V* Sceau inédit de David Comnène, libérateur du Pont et co-fondateur de l'empire de Trébizonde // АП 1954. Т. 19. Σ.156; *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов Малой Азии // *Гордлевский В.А.* Избр. соч., М., 1960. Т. 1. С. 56 – 57; *Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхиа Ш.А.* История Грузии. Тбилиси, 1962. С. 204; История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 46; *Vryonis Sp.* Byzantium and Europe. London, 1967. P. 181; *Ostrogorsky G.* History of the Byzantine State. Revised ed. New Brunswick, 1969. P.426; *Janssens E.* Trébizonde... P.61; *Salia K.* Quelques pages de l'histoire de Géorgie // Bedi Kartlisa. 1971. T. 28. P. 181; *Ангелов Д.* История на Византия. 1204 – 1453. Трета част. 4 изд. София, 1972. С. 16; *Берадзе И.И.* К вопросу основания Трапезундской империи. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.). С. 14 – 18.

[25] *Куник А.А.* Основание...С. 729; *Ioannides S.* Ιστορία...P.52; *Герцберг Г.Ф.* История... С. 366.

[26] Свидетельство Никиты Хониата о наемниках с Фасиса (см. ниже) рассматривалось в этом случае обособленно от Хроники Панарета или Картлис Цховреба (при этом, грузинские источники нередко вовсе игнорировались). См., напр.: *Ioannides S.* Ιστορία...P.52 – 53; *Meliarakes A.* Ιστορία της Νικαίας και του Δεσποτάτου της Ηπείρου (1204 – 1261). Athenai, 1898. P. 44.

[27] См., напр.: *Васильевский В.Г.* Труды... Т. 3. С. CLXXVII – CLXXVIII; *Джанашвили М.Г.* Царица Тамара...С. 15; *Крымский А.Е* История Турции... С. 4 – 5; *Безобразов П В.* Трапезунт...С. 4 – 5 и др. работы (см. ниже).

[28] *Miller W.* Trebizond...P. 15.

[29] *Успенский Ф И* Выделение Трапезунда из состава Византийской империи // Seminarium Kondakovianum. 1927. Т. 1. P. 21.

[30] *Успенский Ф И.* Трапезунтская империя...С. 29 – 31.

[31] *Успенский Ф.И.* Трапезунтская империя...С. 26. Создание Трапезундской империи Успенский рассматривал через призму процессов децентрализации Византии и неспособности ее господствующего класса цементировать разноплеменный состав державы ромеев: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI – XV вв. М., 1997. С. 295.

[32] *Успенский Ф И.* Очерки... С. 140.

[33] *Успенский Ф И.* Очерки... С. 2, 4.

[34] *Успенский Ф И, Бенешевич В Н.* Вазелонские акты. Л., 1927. С. LXXXVII, LXXXIX.

[35] *Успенский Ф И* История Византийской империи XI – XV вв...С. 479 – 480.

[36] *Vasiliev A.A.* The Foundation...P. 4 – 6,14, 18 – 20.

[37] *Vasiliev A.A.* The Foundation...P. 5.

[38] *Vasiliev A.A* The Foundation...P. 9 – 12, 17 – 18.

[39] *Vasiliev A.A* The Foundation...P. 3,7.

[40] *Toumanoff C* On the Relationship between the Founder of the Empire of Trebizond and the Georgian Queen Thamar // Speculum. 1940. T. 15, N 3. P. 299 – 312; *idem.* Armenia and Georgia // The Cambridge Medieval History. Vol. IV. The Byzantine Empire. Cambridge, 1966, Part. 1. P. 624. Суждения Туманова остались предположениями, не имеющими прямых подтверждений в источниках и с осторожностью воспринимаемыми исследователями. См.: История Византии... Т. 3, С. 348, прим.63 (Г.Г. Литаврин: «...степень родства Тамар с юными Комнинами... нельзя считать окончательно установленной»); *Janssens E.* Trébizonde...P. 65 – 66. О матримониальных связях Великих Комнинов и грузинских Багратидов см. также: *Toumanoff C.* Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucase chrétienne. Arménie – Géorgie – Albanie. Rome, 1976: *Kuršanskis M.* Relations matrimoniales entre Grands Comnènes de Trébizonde et princes géorgiens // Bedi Kartlisa. 1976. T. XXXIV. P. 112 – 127; *idem.* L'Empire...; *Vajay S., de.* Essai chronologique à propos de la famille du Grand Comnène Manuel, 1238 – 1263 // BF 1979. Bd 6. S.281 – 291.

[41] *Левченко М.В.* История Византии. Краткий очерк. М. – Л., 1940. С. 234; *он же.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 500; История Византии... Т. 3, С. 46, 48; *Бердзенишвили Н.А. и др* История Грузии...Т. 1. С. 203 – 204; *Каухчишвили С Г* Георгика...Т. 7. С. 163 (на груз. яз.); *Лордкипанидзе О.* К вопросу о возникновении Трапезундского царства // Сб. науч. работ студентов Тбилисского ГУ. Тбилиси, 1953. С. 145 – 170 (на груз. яз.); *Берадзе И.И.* К вопросу основания...; *Allen W.E.D.* A History of the Georgian People. London, 1932. P. 108; *Mélikoff I.* Géorgiens...P.19 – 20; *Salia K.* Quelques pages...P. 183; *Лордкипанидзе М.Д* История Грузии XI – начала XIII в. Тбилиси, 1974. С. 161.

[42] *Лордкипанидзе М Д.* О византино-грузинских культурных взаимоотношениях VII – XIII вв. // Византийские очерки. М., 1982. С. 160, 179.

[43] *Iorga N.* Une nouvelle théorie sur l'origine et le caractère de l'empire de Trébizonde // Revue historique du Sud-est européen. 1936. T. 13. P. 173 – 175; *idem.* Histoire de la vie byzantine. Empire et civilisation. Bucureşti, 1934. Vol. 3. P. 104. Помимо того, что последнее утверждение о тотальной враждебности Грузии неверно по существу, оно содержит еще и логическую ошибку проецирования последующих событий на предшествующие.

[44] *Lampsides O.* Où en sommes-nous de l'histoire des Grands Comnènes? // Actes du XIIe Congrès Int. d'Études Byzantines. Beograd, 1964. T. 2. P. 165.

[45] *Lampsides O.* Περί την ίδρυσιν του κράτους τών Μεγάλων Κομνηνών // АП. 1971 – 72. Т. 31. Σ.4 – 17.

[46] *Panaretos,* P. 110 – 114.

[47] *Zakythinos D.A.* Le despotate grec de Morée. T. 2: Vie et institutions. Athènes, 1953. P. 379; *Vacalopoulos A.* Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period. 1204 – 1461. New Brunswick, 1970. P. 222; *Nicol D.M.* The last centuries of Byzantium, 1261 – 1453. 2nd ed. Cambridge, 1993. P. 16 (воссоздание "Византийской империи в миниатюре"), 401 – 402

[48] *Kuršanskis M.* Autour des sources géorgiens de la fondation de l'empire de Trébizonde // АП. 1970/71. P.107 – 116; *idem.* L'Empire de Trébizonde et la Géorgie // REB. 1977. T. 35. P. 246 – 247 (главным мотивом Тамары было не основание независимого государства, а акт мести за ограбление грузинских монахов Ангелами. Для Великих Комнинов это, напротив, этап движения к Константинополю).

[49] *Bryer A.* Trebizond.. P. 130; *idem.* Some Notes... P. 179 – 180 (отмечал неустойчивость грузинского влияния и культурную традицию от Константинополя, не Тбилиси).

[50] *Janssens E.* Trébizonde... P. 65 – 67.

[51] *Nic.Chon.* Historia, P. 639.

[52] *Acrop.,* P. 12, 203.

[53] *Nic.Greg.,* Vol. 1, P. 13.

[54] *КуникА.А.* Основание... С. 725; *Гельцер Г.* Очерк... С. 171; *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 56 – 57; *Ostrogorsky G.* History... P. 425 – 426; *Ангелов Д.* История... Ч.3. С. 16 и др.

[55] *Успенский Ф.И* Очерки... С. 30; *его же.* История...С. 477 – 478.

[56] *Vasiliev A.A.* Foundation... P. 3, 19, см. также прим.54

[57] См., напр.: *Janssens E.* Trébizonde... P. 62; История Грузии... Ч. 1. С. 204.

[58] *Fallmerayer J.* Geschichte... S.47, 55 – 56. Также: *Ioannides S.* Ιστορία...Σ.53; *Meliarakes A.* Ιστορία...Σ.14.

[59] *КуникА.А.* Основание... С. 727 – 729; также: *Безобразов П.В.* Трапезунт... С. 5 – 6; История Грузии Ч.1. С. 203 – 204.

[60] *Iorga N.* Histoire de la vie...T. 3. P. 104. Близкую позицию отстаивал и М. Куршанскис, полагая, что Трапезундская империя была, как и Никейская, «империей в изгнании», а сам Трапезунд – базой борьбы против Никейской и Латинской империй с реставраторскими целями: *Kuršanskis M.* Autour... P. 108, 113.

[61] *Vasiliev A.A.* Foundation... P. 20, 30. Также: *Bryer A.* Trebizond and Rome // АП. 1964. Т. 26. P. 290.

[62] *Bryer A.* David Komnenos and Saint Eleutherios // АП. 1988 – 89. Т. 42. P.178.

[63] См. разбор этой полемики и нашу точку зрения в статье: *Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи (О происхождении титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ)// ВВ. 1981. Т. 42. С. 101 – 105.

[64] *Kuršanskis M.* Autour... P.107.

[65] См. о нем: *Удальцова З.В., Наследова Р.А., Фонкич Б.Л., Банк А.В.* XV Международный конгресс византинистов в Афинах // ВВ.1978. Т. 39. С. 17 – 45; *Удальцова З.В.* Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071 – 1261) // XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976; *Каждан А.П.* Центростремительные и центробежные силы в византийском мире (1081 –

1261 гг.) // Ibid. *Oikonomidès N* La décomposition de l'Empire Byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'Empire de Nicée. à propos de la "Partitio Romaniae" // Ibid.; *Hrochová V.* Les villes byzantines aux 11e – 13e siècles: phénomène centrifuge ou centripète dans l'évolution de la société byzantine? // Ibid.. *Savvides A G.C* Βυζαντινά στασιαστικά και αυτονομιστικά κινήματα στα Δωδεκάνησα και στη Μικρά Ασία 1189 – c.1240 μ.Χ. Athenai, 1987; *idem* Internal Strife and Unrest in Later Byzantium, XI th – XIII th Centuries (A.D. 1025 – 1261). The Case of Urban and Provincial Insurrections (Causes and Effects) // Σύμμεικτα. 1987. Т. 8. Σ.237 – 274; *Cheynet J – C.* Pouvoir et contestations...

[66] *Hoffmann J.* Rudimente... S.21.

[67] *Каждан А.П.* Загадка Комнинов (Опыт историографии) // ВВ. 1964. Т. 25. С. 53 – 98

[68] *Ahrweiler H* L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975.P. 87 – 102.

[69] *Balivet M.* Romanie Byzantine et Pays de Rûm Turc. Histoire d'un espace d'imbrication Gréco-Turque. Istanbul, 1994. P. 100.

[70] См. подробнее о социальных силах: *Карпов С.П.* От фемы Халдия – к империи Великих Комнинов // АДСВ. 1982. С. 54 – 61; *idem.* Empire of Great Comnenoi: Some Remarks on Particularities of its Foundation. // Actes du XVe Congrès Int. d'Études Byzantines. Athènes, Sept.,1976. T. IV: Histoire. Communications. Athènes, 1980. P. 153 – 159.

[71] *Panaretos,* P. 61.1 – 5.

[72] *Brosset M.* Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. SPb., 1849. I–ère partie. P. 464 – 465; *Дондуа В. (*изд.). Басили, историк царицы Тамары // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 69 – 70; *Каухчишвили С.Г.* Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси, 1974. Т. 1. С. 132 – 135, 148 – 149. Залихские имеритинцы – грузины, живущие к западу от Лихского (Сурамского) хребта.

[73] *Brosset M.* Histoire... P.478.

[74] О дате сражения, в связи с образованием Трапезундской империи, см.: *Гамкрелидзе А.* Дата Басианского сражения и некоторые вопросы основания Трапезундской империи // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 245 – 256 (на груз. яз.); *Силагадзе Б.* Некоторые вопросы истории Грузии эпохи Руставели в свете сведений Ибн ал-Асира // Грузия эпохи Руставели. Тбилиси, 1966. С. 117 – 124 (на груз. яз.); *Абдаладзе А.* Армянская памятная запись о Басианской битве // Мацне. Вестн. Акад. наук Груз. ССР. Отделение обществ. наук. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. 1972. № 1. С. 133 – 139 (на груз. яз.); *Лордкипанидзе М.Д* История Грузии...С. 156 – 162; *Шенгелия Н Н.* Грузия и Ближний Восток на рубеже XII – XIII вв. // Тюркологический сб. 1976 г. М., 1978. С. 191 – 192.

[75] *Дондуа В. (*изд.). Басили... С. 69; *Каухчишвили С.Г.* Грузинские источники... С. 18 – 19, 148 – 149.

[76] *Brosset M* Histoire... P.464 – 465; *Каухчишвили С.Г.* Грузинские источники... С. 132 – 133.

[77] Ср.: *Béridzé Ch* Byzance et le Caucase // Studi bizantini e neoellenici. 1939. T. V. P. 19; *Лордкипанидзе М.Д*. История Грузии...С. 161.

[78] *Bryer A.* Some Notes on Laz and Tzan, I, P.174 – 195; II, P. 161 – 168.

[79] Bessarionos. Ὁ "εἰς Τραπεζοῦντα"...Σ.184; *Critobuli Imbriotae* Historia / rec. D.R. Reinsch. Berlin-NY, 1983. P. 152.28 – 32.

[80] *Laonici Chalcocandylae* Historiarum demonstrationes / ed. E. Darkó. Budapestini, 1927. T. 2. P.218.24 – 219.2.

[81] *Nicetae Choniatae* Historia... P.626.57 – 61. Ср. также: *Georgii Acropolitae* Opera... T. 1. P. 12, 18; *Ephraem Aenii* Historia chronica / rec. O. Lampsides. Athenis, 1990. P. 267.7545 – 268.7561.

[82] *Nicetae Choniatae* Orationes et epistulae / rec. I.A. van Dieten. Berlin, 1972. P. 139.14 – 29; *Никита Хониат* Речь, составленная к прочтению перед киром Феодором Ласкарем, властвующим над восточными ромейскими городами, когда латиняне владели Константинополем, Иоанн Мизийский же со скифами предпринимал набеги на западные ромейские земли / перев. П.И. Жаворонкова // ВО. М., 1991. С. 226.

[83] *Lampsides O.* Ο ανταγωνισμός μεταξύ των κρατών της Νικαιάς και των Μεγάλων Κομνηνών δια την κληρονομίαν της Βυζαντινής Ιδέας // ΑΠ. 1977 – 78. Τ. 34. Σ. 3 – 19; *idem.* La rivalité entre l'État des Grands Comnènes et celui de Nicée à propos de l'héritage de l'idée byzantine // Actes du XV–e Congr. Int. d'Études Byzantines. Athènes, 1980. T. IV. P. 186 – 191; *Prinzing G.* Das Byzantinische Kaisertum im Umbruch zwischen regionaler Aufspaltung und erneuter Zentrierung in den Jahren 1204 – 1282 // Legitimation und Funktion des Herrschers. Vom ägyptischen Pharao zum neuzeitlichen Diktator/ hrsg. v.R. Gundlach, H. Weber. Stuttgart, 1992. S.129 – 183; *Карпов С.П* После 1204 г.: Трапезунд – второй Константинополь? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 28 – 30 мая 1986. М., 1997. С. 135 – 143.

[84] *Nicetae Choniatae* Orationes... P.136, 142, 144.

[85] *Nic.Chon.* Historia... P. 640 – 641.

[86] *Nic.Chon.* Historia... P. 641.

[87] Патриаршая и соборная грамота, данная Ласкарю 20 марта – 6 апреля 1208 г.: *Oikonomides N.* Cinq actes inédits du patriarche Michel Autôreianos // REB. 1967. T. 25. P. 123.33 – 40; *Laurent V.* Les regestes des Actes des patriarches de Constantinople. Vol. I, fasc. 4: les regestes de 1208 à 1309. Paris, 1971. P. 7 – 8.

[88] *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion, Bd I // Sitzungsberichte der Bayer. Ak. der Wissenschaften, Philos. – philol. und hist. Klasse. Abh. 1. München. 1922. S. 62.

[89] *Georg. Acrop.*, Opera... P. 12, 203.

[90] *Nic. Chon.* Historia, P. 626.60 – 62; Σύνοψις Χρονική // *Sathas C.* Bibliotheca graeca medii aevi. Paris, 1894. T. VII. P. 453.4 – 6; *Ephraem Aenii* Historia... P. 267.7546 – 7547.

[91] *Nic. Chon.* Historia, P. 626.57 – 60, 64 – 71; *Georg. Acrop.*, Opera... P. 12, 204 (Акрополит постоянно называет Давида «владетелем Пафлагонии» и сообщает о принятии титула Великий Комнин лишь Алексеем: ibid., – см. также P. 18, 209); *Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского // ВВ. 1896. Т. 3, вып. 2. С. 275.28 – 31 (владел Амастридой); Σύνοψις Χρονική...P. 453.3 – 4; 457.11 – 14; *Ephraem Aenii* Historia... P. 267.7545.

[92] *Savvides A.* G. Byzantium in the Near East: its relations with the Seljuk sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols (A.D. c.1192 – 1237). Thessaloniki, 1981. P. 60 – 61; *idem.* Βυζαντινά στασιαστικά...P. 252 – 259; *idem.* Theodore II Gabras, lord of Amisos in the Early Thirteenth Century //АП 1985. P.44 – 46 (приводимые в качестве аргумента ссылки на тексты греческого историка К. Папарригопуло или на К. Хопфа, путавшего Савву Асидена с Гаврой, не могут служить доказательством существования этого лица. Никаких данных о нем в современных событиям источниках нами не обнаружено).

[93] *Nic Chon.* Historia, P. 626 60 – 63.

[94] *Ibn al Athir.* Extrait de la Chronique intitulée Kamel-Altevarykh // RHC, HO. 1887. Vol. II, Partie 1 P. 101 – 102. Об этом походе и торговом значении Сиваса см.: *Cahen C* Le commerce anatolien au début du XIIIe siècle // *idem.* Turcobyzantina..., N XII, P. 92 – 93; *Savvides A G.K.* Οι Μεγάλοι Κομνηνοί του Πόντου και οι Σελτζούκοι του Rûm (Ικονίου) την περίοδο 1205/6 – 1222 // ΑΠ. 1984. Τ.39. Σ.176 – 179. Д.А. Коробейников предполагал, что до похода Гийас ал-дина между Трапезундской империей и Румским султанатом существовал договор, предусматривавший свободный проезд мусульманских купцов через территорию империи (*Коробейников Д.И.* Северная Анатолия... С. 195). Мы считаем такое предположение сомнительным, учитывая смерть предыдущего султана Рукн ал-дина, разгромленного Тамар, 6 июля 1204 г. и для ведения переговоров и соглашений с ним у Трапезундской империи оказалось бы слишком мало времени (май-июнь 1204 г.). Вероятнее, что сельджукский султан использовал иной правовой повод: договоры с византийскими императорами, преемниками которых он считал Великих Комнинов. Безопасность же трапезундских правителей в их продвижении на Запад гарантировал не договор с Рукн ал-дином, но дипломатическая и военная поддержка Грузии.

[95] *Dölger F* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 – 1453. 3 Teil: Regesten von 1204 – 1282, 2 Auflage/ bearb. von P. Wirth. München, 1977. N 1668b (весна 1205 г.). *Жаворонков П.И* Дополнения к Третьему тому «Регест» Ф. Дэльгера периода Никейской империи // ВВ 1980. Т. 41. № 3. С. 184.

[96] *Коробейников Д.И.* Северная Анатолия... С. 201.

[97] См.: *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя (1204 – 1261).София, 1985. С. 61 – 73.

[98] *Sinogowitz B.* Über das byzantinische Kaisertum nach dem vierten Kreuzzug // BZ. 1952. S.349.

[99] *Nic Chon* Historia, P. 619 – 625. О событиях см.: *Longnon J.* L'Empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. Paris, 1949.P. 81 – 87; *Макушев В.* Болгария в конце XII и в первой половине XIII в. // Варшавские университетские известия. 1872. № 3. С. 39 – 46; *Златарски В.Н* История на Българската държава през средните векове. София. 1972. Т. 3. С. 234; *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя... С.68 – 69.

[100] *Villehardouin Geoffroi, de.* La conquête de Constantinople / ed. par E. Faral. T. 2. Paris, 1939. (далее – *Villeh.*) § 390 – 391, P. 198 – 202 (начало похода), § 397, 402 – 403, P. 208, 212 – 216 (конец похода).

[101] Gesta Innocentii tertii // PL, 1890. T. 214. Col. CXLVI. Ср. примеч. Э. Фараля: *Villeh.* P. 217, Note 1. Значение зимы у Виллардуэна тогда следует понимать шире.

[102] Возможно, это потомок знаменитого византийского полководца Андроника Синадина, командовавшего при Мануиле I войсками именно в Трапезунде.

[103] *Nic Chon.* Historia, P. 626.64 – 71.

[104] *Laurent V* Sceau... P. 159. А. Гарднер даже предполагала, что захватом Никомидии преследовалась цель овладения самой Никеей: *Gardner A.* The Lascarids of Nicea. The Story of an Empire in Exile. London, 1912. P. 75.

[105] На башне Ираклии была сделана надпись следующего содержания, отражающая специфическое направление имперской пропаганды Комнинов, подчеркивание их легитимности и константинопольских корней: «Порфироносный Давид, цветущий побег, происходящий от царственного деда Андроника, от основания построил новую башню и

искусно восстановил разрушенную вр(еменем) всю Понтоираклию». См.: *Grégoire H.* Notes épigraphiques // Revue de l'Instruction Publique en Belgique. NS, 1909. T. LII. P. 3 – 6, N 8; *Bees A.N* Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus Graecus 508 (976) und die Maria – Spiläotissa-Klosterkirche bei Sille (Lykaonien) // Texte und Forschungen zur Byzantinisch-neugriechischen Philologie. Berlin-Wilmersdorf, 1922. S.69; *Kalinka E.* Aus Bythynien und Umgegend // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes. 1933. Bd 28. S.101; *Карпов С.П* У истоков... С. 104 – 105.

[106] *Nic.Chon.* Historia, P. 640; *Villeh.*, § 452 – 453, P. 266 – 268.С 23 августа по начало ноября 1206 г. император Генрих не был в Константинополе. Вернувшись в столицу, он послал помощь находившемуся в затруднительном положении Давиду (см. ниже).

[107] Ряд авторов датировал этот поход весной 1206 г. (*Gerland E.* Geschichte...S.107, Anm.4; *Longnon J.* L'Empire...P. 89 – 90; *Sinogowitz B.* Über das byzantinische Kaisertum... S.350; *Stadtmüller B.* Zur Biographie des Niketas Choniates (um 1150 – um 1214) // BF. 1966. Bd 1. S.326). Контексты произведений Никиты Хониата и Жоффруа Вилладуэна, на наш взгляд, противоречат такой датировке. Следствием похода Ласкаря стало выступление против него латинян. Однако, по Виллардуэну, до конца 1206 г., после заключения перемирия с Ласкарем, латиняне не вели против никейцев военных действий (*Villeh.* § 453, P. 266). В тяжелое время войны с болгарами выступление в Малой Азии было маловероятно. Поход императора Генриха к Никомидии мог произойти лишь после возвращения императора в Константинополь, то есть после 1 ноября 1206 г. (*Villeh.* § 452 – 453, P. 266 – 268). Сведения об этой кампании находятся также в уже упомянутом Панегирике Никиты Хониата, написанном в конце 1206 г. (*Dieten I.A., van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin; NY, 1971. S. 146 – 152). Издатель русского перевода Панегирика П.И. Жаворонков отнес поход Феодора к лету-осени 1206 г. (*Никита Хониат.* Речь... С. 217); *Радошевић Н.* Никејски цареви у савременој им реторици // ЗРВИ. 1987. Т. 26. С. 79.

[108] *Nic.Chon.* Historia, P. 640.13 – 15.

[109] *Nic.Chon.* Orationes... P. 140 – 145; *Nic Chon.* Historia, P. 640.

[110] *Heisenberg A.* Neue Quellen... 1923. Bd 3. S.25 – 26.

[111] *Villeh.*, § 453. P. 266 – 268.

[112] *Nic.Chon.* Historia, P. 640 – 641; *Nic.Chon.* Orationes... P. 144 – 145.

[113] *Villeh.*, § 455. P. 270.

[114] *Villeh.*, § 453 – 454. P. 268 – 270.

[115] *Nic.Chon.* Historia, P. 640; *Nic Chon.* Orationes... P. 145 – 146; *Villeh*, § 454. P. 268 – 270.

[116] *Nic.Chon.* Historia, P. 640.30 – 35.

[117] *Carile A.* Partitio terrarum Imperii Romanie // SV. 1966. T. VII. P. 217.6 – 12; *Canale, da, Martin.* Les estoires de Venise (Cronaca veneziana in lingua francese dalle origini al 1275) / a cura di A. Limentani. Firenze, 1972. P. 64; *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 20 – 21.

[118] Ср.: *Longnon J.* L'Empire... P. 133.

[119] *Heisenberg A.* Neue Quellen...Bd 1. S.62. Ср.: *Norden W.* Das Pappstum und Byzanz. Berlin, 1903. S.183, Anm.2; *Bryer A* Trebizond and Rome... P. 290 – 291.

[120] *Fallmerayer J* Geschichte... S.86 – 87.

[121] Нижнюю хронологическую границу дают наблюдения над текстом «Хроники» Хониата. Историк подробно описал неудачную экспедицию румского султана против правителя Атталии Альдебрандина в 1206 г., но не привел данных о ее завершении – взятии султаном этого города в марте 1207 г. См.: *Fallmerayer J.* Geschichte... S. 88 – 89.

[122] *Nic Chon* Historia, P. 640.35 – 641.49. Об этом поражении латинян, правда, довольно туманно, упомянуто Николаем Месаритом в «Петиции» греческого духовенства Константинополя Феодору Ласкарю (1208 г.). В сочинении сказано, что «энейды» были разгромлены и многие из них попали в плен, но некто из врагов Ласкаря по-прежнему возвышался, не склонив спину. Его покорение считалось делом будущего. Полагаем, что намек сделан на Давида Комнина: *Heisenberg A* Neue Quellen...Bd 2. S. 27, ср.: *Vasiliev A A* Mesarites as a source // Speculum. 1938. Vol. 13. P. 180 – 181 (А.А. Васильев неточно перевел глагол νεύσει прошедшим временем, исказив смысл отрывка. Это явно Futurum: речь шла не о свершившемся разгроме Давида, а об ожидаемом).

[123] *Villeh*, § 487 – 490, P. 302 – 304; *Dölger F* Regesten...3 Teil. 1977. N 1675 (после 15 апреля-до 24 июня 1207 г.); *Gerland E.* Geschichte... S.108; *Longnon J.* L'Empire... P. 99.

[124] *Laurent V* La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe s. (1208 – 1309) // REB. 1969. T. XXVII. P. 131 – 133; *idem.* Les Regestes... Vol. I, Fasc. 4, N 1207.

[125] До середины 30-х гг. XX в. господствовало общепринятое мнение, что Савва был правителем причерноморского Амиса. В независимых друг от друга исследованиях Г. Жерфаньон и П. Оргельс привели серьезные аргументы в пользу того, что византийские историки, описывавшие эти события, имели в виду не Амис, а Сампсон на средиземноморском побережье Анатолии близ Милета. П. Оргельс открыл также патроним Саввы – Асиден: *Jerphanion G., de.* Σαμψών et ''Αμισος. Une ville à déplacer de neuf cents kilomètres // OCP. 1935. T. 1. P. 257 – 267; *Orgels P* Sabas Asidénos, dynaste de Sampsôn // Byz. 1935. T. X, fasc. 1. P. 67 – 80; *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 24 – 25; *Hoffmann J.* Rudimente...S.64 – 65.

[126] *Valenciennes Henri, de.* Histoire de l'Empereur Henri de Constantinople / publ. par J. Longnon. Paris, 1948. § 551. P. 51.

[127] *Valenciennes*, § 551 – 552. P. 51.

[128] Дата установлена Ж. Лоньоном: *Valenciennes*, P.52, note 4; *Longnon J.* L'Empire, P. 105; *idem.* Sur l'Histoire de l'empereur Henri de Constantinople par Henri de Valenciennes // Romania. 1946. T. LXIX, N 274. P. 198 – 200.

[129] *Valenciennes*, § 552 – 554. P. 51 – 52.

[130] *Heisenberg A.* Neue Quellen...Bd 3. S.25 – 26.

[131] См.: *Жаворонков П.И.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211 – 1216 гг. // ВВ.1976. Т. 37. С. 48 – 61.

[132] *Васильевский В.Г.* Epirotica... P. 275; *Karpozilos A.* The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros (1217 – 1233). Thessaloniki, 1973. P. 50 – 51.

[133] *Васильевский В.Г.* Epirotica... P. 274 – 275, 290. *Жаворонков П.И.* Никейско-трапезундские отношения в 1213 – 1223 гг. // ВО.1982. С. 184.

[134] *Dölger F.* Regesten...3 Teil, 1977. N 1684 (после 13 января 1212 г.); *Жаворонков П И.* Никейско-латинские...С. 54 – 56.

[135] Сведения об этом содержит приписка к Афонской рукописи, Ватопедской псалтири 760 (Cod Athos.Vatop. 760, fol.294r). Текст ее гласит: «13 декабря, в четверг, 1 индиктиона 6721 г. скончался благочестивейший Великий Комнин кир Давид, в божественной и ангельской схиме нареченный монахом Даниилом».Издание с факсимильной вклейкой: *Chrysanthos.* Ἡ Ἐκκλησία... Σ. 355, 360; *Evangelatou-Notara Ph.* Συλλογή χρονολογημένων «σημειωμάτων» ελληνικών κωδίκων 13ος Αι. Athenai, 1984. P. 15, N 49. Анализируя указанную приписку о пострижении и смерти Давида в контексте

событий того времени, Р.М. Шукуров сделал смелое предположение о том, что Алексей I вынудил своего младшего брата Давида, якобы претендовавшего на трон, принять постриг в далеком афонском монастыре. Аргументация не представляется нам доказательной, несмотря на всю оригинальность и остроумие гипотезы, ибо нет оснований считать, что приписка обязательно была сделана на Афоне, равно как и сама рукопись, которая могла быть привезена туда в более позднее время, учитывая тесные связи Понта с Афоном особенно со второй половины XIV в. Необходимо в этой связи обратить внимание на анализ миниатюр рукописи и вывод В.Н. Лазарева. Он полагает, что манера письма указывает на Анатолию (*Лазарев В.Н.* История Византийской живописи. М., 1986. Т. 1. С. 125). Кроме того, и в случае менее вероятного афонского происхождения приписки, нельзя исключить, что она фиксирует просто полученное откуда-то сведение (*Shukurov R* How did the Grand Komnenos David become a monk, в печати).

[136] *Жаворонков П И* Никейско-трапезундские... С. 184 – 185.

[137] *Savvides A.G.K.* Byzantium's Oriental Front in the First Part of the Thirteenth Century: the Empires of Nicaea and Trapezous (Trebizond) in View of the Seljuk and Mongol Menace // ΔΙΠΤΥΧΑ. 1982/83. T.3. P. 168.

[138] *Ibn Bibi.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi / hrsg. von H.W. Duda. Kopenhagen, 1959. S.64; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех как источник истории Византии в XII и XIII вв. // ВВ. 1894. Т. 1. С. 631.

[139] Тегвур, текфур титул, применяемый мусульманскими авторами к византийским правителям, включая императоров и владетельных династов. См.: *Savvides A.G.K.* «Τεκφούρ»: οι Χριστιανοί ηγεμόνες και στρατιωτικοί αρχηγοί του βυζαντινοτουρκικού μετώπου (13ος-15ος αιώνας) // Βυζαντιακά 1997 Τ.17. Σ.367 – 377.

[140] *Ibn Bibi,* S. 64; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех...С. 632; ср.: *Шукуров Р.М.* «Новый Манцикерт» императора Феодора I Ласкариса // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 413.

[141] *Ibn Bibi,* S. 64; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех...С. 633.

[142] *Ibn Bibi,* S. 64.

[143] *Kuršanskis M.* L'Empire de Trébizonde et les Turcs au 13e siècle // REB. 1988. T. 46. P. 112; *Шукуров Р.М.* «Новый Манцикерт»...С. 414 – 416.

[144] *Ibn Bibi,* S. 64 – 66; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех...С. 632 – 634.

[145] *Ibn Bibi,* S. 66; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех...С. 634. Турецкая версия содержит дополнения о том, что у Алексея были в Джаните и Трапезунде взрослые и способные управлять сыновья. В 1214 г. Алексею I было, по Панарету, 32 года (*Panaretos,* P. 61.4 – 5). По источникам достоверно известен один сын Алексея – Иоанн I Аксух и одна дочь, жена Андроника Гида, ставшего преемником Алексея I (*Panaretos,* P. 61.7 – 13). Возможно, сыновьями Алексея были также Иоанникий, принявший монашество в 1238 г., и Мануил, тогда же коронованный императором. Но Иоанн Аксух, которого Панарет называет первородным (P.61.12) был еще ребенком. Это обстоятельство заставляет усомниться в точности версий Ибн Биби, так как в любом случае старший из его сыновей в 1214 г. был малолетним, если он считался таковым и в год смерти отца, в 1222 г.

[146] *Шукуров Р.М.* «Новый Манцикерт»...С. 419.

[147] *Ibn Bibi,* S. 66 – 67; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех...С. 634 – 635: дата 26 джуммадия 611 г. Она подтверждается . надписью на башне Синопа, сделанной по-

арабски и по-гречески при ее постройке в сентябре 1215 г. Первая часть греческой надписи гласит: 1 ноября, в субботу крепость (κάστρον) Синопа была взята великим султаном Азатином Кайкаусом». – *Bees A.N.* Die Inschriftenaufzeichnung... S.53 – 54; *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd 3, S.71 – 72; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... T. 1. P. 71 – 72. О взятии Синопа сообщил и сирийский хронист Григорий Абульфарадж Бар Эбрайя: «В 611 г. арабов султан Иззаддин Кейкаус взял Синоп, который на берегу Понтийского моря, и убил его господина кир Аликса» (*Bar Hebraeus.* The Chronography... P.369) Очевидно, Бар Эбрайя ошибается, говоря о смерти Алексея, но он точно определяет правителя (Алексей, а не Давид). К этому же событию следует отнести и сообщение «Мусульманских анналов» Абульфиды о пленении султаном в 611 г. некоего Ascharius – Ласкаря. Арабский историк и географ XIV в. смешивает Феодора Ласкаря с Алексеем Комнином, хотя ему было хорошо известно, что именно Ласкарь убил в бою султана Кей Хюсреу I. – *Abulfĕda.* Annales // RHC, HO, T. 1.Paris, 1872. P. 87. См. Также: *Fallmerayer J.* Geschichte... S.96 – 99; *Vasiliev A.A.* The Foundation, P. 28 – 29.

[148] *Шукуров Р.М.* «Новый Манцикерт»...С. 420.

[149] *Ibn Bibi,* S. 67; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех...С. 636. В турецкой версии отличия: 12 тыс. золотых, 50 тюков товаров. Абульфида также сообщает, что пленник был выкуплен за большую сумму денег и уступку нескольких крепостей и городов: *Abulfĕda.* Annales... P. 87.

[150] Известно, что он и лично составлял документы для султанской канцелярии: *Ibn Bibi,* S.343.

[151] *Ibn Bibi,* S. 68 – 69; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех...С. 637. Турецкий перевод отмечает взятие города *франками,* возможно, путая это событие с последующими.

[152] Акрополит и другие зависящие от его сочинения источники указывают, что Ласкарь вырвал Пафлагонию именно из рук Давида: *Acrop.* P. 18, 209; Σύνοψις Χρονική...Σ.453; *Ephraem Aenii* Historia...P. 268.7556 – 7561. Однако, ныне известно, что Давид умер двумя годами ранее. Ошибка Акрополита, писавшего значительно позднее, проистекала от того, что завоевание Пафлагонии и борьба за нее у современников персонифицировалась с именем Давида. Часто повторяемое в научной литературе прошлых лет положение, что Давид погиб при обороне Синопа следует исправить, еще и потому, что Синопом владел не Давид, а Алексей. Ср.: *Fallmerayer J.* Geschichte... S.96 – 99; *Finlay G.* A History... Vol. IV. P. 326; *Гельцер Г.* Очерк... С. 171; *Miller W.* Trebizond... P. 18; *Успенский Ф.И.* История... Т. 3. С. 480; *Vasiliev A.A.* The Foundation... P. 26; История Византии... Т. 3. С. 55; The Cambridge Medieval History. Vol. IV/1.P. 300 – 301; *Bratianu G.I.* La Mer Noire...P. 180 – 181; *Janssens E.* Trébizonde...P. 70, и др.

[153] Месарит сообщает о походе сельджуков и бедах Алексея дважды: в первый раз, говоря о гонце, прибывшем из северных климатов в Никею с хорошими для никейцев вестями об их враге Алексее (текст рукописи в этом месте оборван), во второй – через несколько страниц – о радостной вести, после которой Ласкарь выступил в поход на Пафлагонию: *Heisenberg A.* Neue Quellen...Bd 3. S.11.7 – 15; 18.14 – 25. П.И. Жаворонков, предполагает, что фактически Ласкарь совершил две краткосрочных экспедиции, в конце сентября – начале октября и в конце октября – 11 ноября, считая, что первое свидетельство касалось пленения Алексея сельджуками, а второе – «нападения султана на Трапезунд» (*Жаворонков П.И.* Никейско-трапезундские... С. 185 – 186). В этом случае, однако, нарушается логика повествования Месарита и более позднее событие (пленение) помещается раньше последующего (выступления войска сельджуков, поправим, не на Трапезунд, а лишь на область Джанита). Текст Месарита не

дает оснований предполагать, что Ласкарь прерывал поход, начатый в конце сентября, и возвращался в Никею. Фразу о покорении земли пафлагонгов одним военным кличем за 7 дней нельзя рассматривать иначе, нежели риторический прием и видеть в ней нечто большее указания на краткосрочность экспедиции. Она и была таковой, продлившись около полутора месяцев. Итак, мы принимаем как более обоснованную традиционную точку зрения, что в сентябре-ноябре 1214 г. Ласкарь предпринял один, а не два похода на Пафлагонию. Такого же мнения придерживается и Р.М. Шукуров в недавней публикации: *Шукуров Р.М.* «Новый Манцикерт»...С. 418.

[154] *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd 3. S.18.

[155] *Laurent V* La chronologie...P. 133 – 134.

[156] *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd 3. S.19.1.

[157] *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd 3. S.19, 26; *Acrop* P. 18, 209; Σύνοψις Χρονική .Σ.453; *Ephraem Aenii* Historia...P. 268.7556 – 7561 (Ефрем дополняет известия Акрополита данными о захвате городов Китора и Кромны).

[158] *Жаворонков П.И.* Никейско-латинские... С..54 – 61.

[159] *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd 3. S. 33.

[160] Подробное и справедливое, на наш взгляд, обоснование этого приведено в ст.: *Шукуров Р.М.* «Новый Манцикерт»...

[161] *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd 3. S.26.

[162] *Heisenberg A.* Neue Quellen... Bd 3. S. 33.

[163] Ср.: *Varzos K.* La politique dynastique des Comnènes et des Anges, la prédiction AIMA (sang) et l'héritage des Grand Comnènes de Trébizonde et des Anges-Comnènes-Doukas d'Epire face au Lascarides de Nicée // JÖB. 1982. Bd 32/2. S.355 – 360.

[164] См. подробнее: *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. Paris, 1975; *Karayannopoulos I E* Η πολιτική θεωρία των Βυζαντινών. Thessaloniki, 1988; *Pertusi A.* Il pensiero politico bizantino /ed. a cura di A. Carile. Bologna, 1990; *Irmscher J.* Il pensiero politico a Bisanzio // Lo spazio letterario della Grecia Antica. Roma, 1995. T. 2. P. 529 – 561; *Каждан А.П.* Византийская культура (X – XII вв.). СПб., 1997. С. 102 – 124; Культура Византии. М.,1984 – 1991. Т. 1 – 3 (главы о политической мысли).

[165] См. подробнее: *Карпов С.П.* После 1204 г.: Трапезунд – второй Константинополь? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 28 – 30 мая 1986. М., 1997. С. 135 – 143.

[166] См.: *Карпов С.П* У истоков политической идеологии Трапезундской империи...

[167] О злосчастном правлении (ἐπὶ τῆς ... δυσδαίμονος βασιλείας) Андроника писали многие современники, в том числе, и сочувствовавший в целом Комнинам Евстафий Солунский: *Eustazio di Tessalonica.* La espugnazione di Tessalonica /ed. S. Kyriakidis. Palermo, 1961. P. 3.2 – 3. О полемике подробнее см.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII – XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154 – 164.

[168] Не очень четкая фотография печати была опубликована в греческой газете "Катимерини": Σταυροφορίες // Η Καθημερίνη κυριακή. I/XI 1998. P. 21. Очень близкое изображение сцены Воскресения встречается, например, на моливдовулах латинского патриарха Иерусалима Амальрика (1157 – 1180): *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока / сост. и автор комм. В.С. Шандровская. М., 1991. С 172 – 173. Табл. LXIX, N 134; Spink. Auction 132. Byzantine Seals from the collection of George Zacos. Part 2. London, Tuesday 25 May 1999. N x145 – x147, P. 20 – 21.

[169] Spink. Auction 127. Byzantine Seals from the collection of George Zacos, Part 1. London, Wednesday,7 October 1998 N 93. P. 48 – 49. За информацию и фотокопию каталога сердечно благодарю проф. Ж. – К. Шейне (Париж) Издатели каталога не отождествили Алексея Комнина с трапезундским императором или каким-либо другим представителем Комниновской династии.

[170] Panaretos, P. 61.4 – 5.

[171] *Kursanskis M.* Une nouvelle monnaie de l'Empire de Trébizonde // Revue Numismatique, ser.6. 1972. T. 14. P. 269 – 270 (медная монета сына Алексея I, Иоанна I Аксуха, 1235 – 38 гг.): *Соколова И.В.* Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа // НЭ.1984. Т. 14. С. 69 – 70 (монеты Иоанна I и Георгия, 1267 – 80).

[172] См. подробнее: *Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи... С. 103 – 105; *Лихачев Н.П* Моливдовулы греческого Востока ... С. 289 – 294.

[173] *Laurent V* Sceau inédit de David Comnène. libérateur du Pont et co-fondateur de l'empire de Trébizonde // АП 1954. Т. 19. Σ.151 – 160; *Карпов С.П* У истоков политической идеологии Трапезундской империи... С. 105. прим.20; *Bryer A.* David Komnenos and Saint Eleutherios // АП. 1988 – 89. Т. 42. P.161 – 188; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока ... С. 77 – 78.

[174] *Коробейников Д.И.* Северная Анатолия... С. 208 – 209.

[175] Spink. Auction 135. Byzantine Seals from the collection of George Zacos, Part 3. London, Wednesday, 6 October 1999. N x-288. P.63.

[176] Видимо, следуя византийской традиции, Андроник I чеканил изображение Богоматери на троне или Оранты на своих медных монетах: *Metcalf D.M., Roper I.T.* A Hoard of Copper Trachea of Andronicus I of Trebizond (1222 – 1235) // Numismatic Circular, 1975. T. LXXXIII. N 6. P. 237 – 238; *Veglery A, Millas A.* Copper coins of Andronicus I, Comnenus Gidon (1222 – 1235) // Numismatic Circular, 1977. T. LXXXV, N 11. P. 487 – 488; *Bendall S.* Andronicus I of Trebizond //Numismatic Circular, 1980. T. LXXXVIII, P. 400 – 401.

[177] *Retowski O.* Die Münzen der Komnenen von Trapezunt // Нумизматический сб. М., 1911, Т. 1. С. 113 – 302; *Mattingly H.* The Platana Hoard of Aspers of Trebizond // Proceedings of the Royal Numismatic Society. Numismatic Circular, 5th Series. 1939. Vol. 19, Part 2. P. 120 – 127; *Соколова И.В.* Медные монеты Трапезундской империи...; *она же.* Трапезундские аспры с именами Мануила I и Иоанна II Комнинов // НЭ.1974. Т. XI. С. 129 – 143.

[178] *Bryer A* Une église "à la demande du client" à Trébizonde // Proche-Orient Chrétien. 1982. T. 32. P. 216 – 232.

Глава 3

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВИЗАНТИЯ

Отношения Трапезундской и Византийской империй отличались, особенно вначале, большой сложностью. Действительно, это были не просто взаимосвязи двух равноправных независимых государств, объединенных взаимными интересами или разделенных противоречиями. Помимо объективного существования и тех, и других они вышли из одного гнезда, с общими традициями, представлениями, культурным наследием. Изначальная вражда, о которой мы писали в предшествующей главе, была порождена соперничеством за лидерство в разделенном после IV Крестового похода греческом мире. И хотя после 1214 г. победа была на стороне Никеи, правовые и идейные противоречия урегулированы не были. Дипломатическая практика Византии не знала прецедента отношений между равноправными государствами, управляемыми императорами ромеев. Ни одна из сторон не желала уступать, хотя экономических и политических противоречий между империями, по сути, не было. В отношениях между Трапезундом и Никеей, а затем и Константинополем наблюдалась эволюция от прямого утверждения прав Великих Комнинов на византийский престол и, следовательно, враждебности, до поисков гибкого компромисса в 60-е – 80е гг. XIII в. и утверждения равноправных и дружественных связей во второй половине XIV – середине XV вв.

С Византийской стороны наблюдалось стремление включить Понт в состав империи Палеологов или, по меньшей мере, в ее орбиту, в том числе, учитывая экономические выгоды от возможных налоговых поступлений от богатых городов и областей бывшей фемы Халдия, от поставок продовольствия в Константинополь. Подчинение Византии не сулило ничего доброго местной аристократии и городской верхушке

Трапезундской империи, к тому же оно было чревато конфликтами с местным лазским и тюркским населением. Нередко страны находились в разных политических лагерях. Все это объективно мешало объединению, но вряд ли могло препятствовать сближению, учитывая единство веры, культуры, языка, наконец, наличие общей опасности, исходящей как от «латинян», так и от турок.

После 1215 г. связи Трапезундской империи и Никеи не могли быть регулярными из-за отсутствия между ними общей границы (после захвата сельджуками Синопа и части Джанита) и прямых морских сообщений. Не были упорядочены и церковные связи. Трапезундская церковь проводила самостоятельную политику и оказывала сопротивление никейским посланникам на контролируемой ей территории. Так, например, в 1223 г. правитель и епископ Херсонеса, находившегося в сфере влияния Трапезундской империи, заставили епископа Феодора, направленного патриархом Германом II к аланам Северного Кавказа покинуть город, грозя епископу даже смертью[1]. Трапезундские власти всячески старались воспрепятствовать как усилению позиции Никеи в подконтрольном им Южном Крыму, так и в Алании[2]. Сохранялась почва взаимного недоверия и династического соперничества, никейские императоры не могли признать такого же титула у трапезундских государей, и наоборот. Трапезундская территория служила также прибежищем недовольных никейскими государями или опасавшихся их гнева. Например, при Иоанне III Ватаце (1222 – 1254) туда бежал проштрафившийся налоговый чиновник[3].

В 20-е гг. XIII в. Трапезундская империя существенно потеснила сельджуков, нанеся им сокрушительное поражение близ стен Трапезунда и аннулировав даннические отношения, установленные договором 1214 г.[4] В 1225 – 28 и 1254 – 65/66 гг., пусть и ненадолго, Трапезундской империи удавалось отвоевать Синоп, приблизившись к никейским границам[5].

Еще ранее оба государства оказались в одном лагере – в союзе с сельджуками против монголов в 1243 г. и постепенно признали сюзеренитет монголов после поражения в долине Кёседаг[6]. трапезундский император Мануил признал свою вассальную зависимость от монголов, совершив визит в Каракорум на курултай, избравший нового великого хана Гуюка в 1246[7].

Едва взойдя на никейский трон, Михаил VIII Палеолог (1259 – 1282) стал искать сближения с энергичным трапезундским василевсом

Мануилом (1238 – 1263), известным своими победами и дипломатическими успехами. Для начала был избран путь церковного примирения. 1 января 1260 г. по настоянию Палеолога Никейский патриарх Никифор II издал синодальную грамоту о привилегиях трапезундской митрополии[8]. При скудости источников середины XIII в. этот документ имеет особое значение для нашей темы.

В самой грамоте сказано, что мотивом к ее изданию было желание императора Михаила VIII, «собирающего воедино все разрозненные части и члены Ромейской державы»[9]. Михаил предложил трапезундскому государю (названному в грамоте «могущественным правителем Трапезунда и окрестных мест..., всеблагороднейшим Великим Комнином», «побратимом» или «племянником» василевса (τῆς Τραπεζοῦντος καὶ τῶν ὑπ' αὐτὸν χωρῶν κυρεύοντα περιπόθητον ἐξάδελφον τῆς ἁγίας αὐτοῦ βασιλείας πανευγενέστατον μέγαν Κομνηνόν)[10], заключить политический и династический союз, для чего направил к нему послов. В грамоте явно просматривается цель Михаила VIII – «усыновить» Мануила, соединить его посредством брака с никейской династией. Эту политику Михаил VIII будет продолжать и далее. Ее истинным смыслом было «включение» Трапезундской империи в состав Византии, по меньшей мере – номинальное признание Великими Комнинами сюзеренитета Палеологов. Примечательно, что, несмотря на пышное титулование Мануила, на признание за его родом эпонима Великий Комнин, Мануил ни разу не назван в грамоте василевсом, но лишь правителем.

В качестве предварительного условия Мануил выдвинул предоставление церковной автономии Трапезундской митрополии. Он действовал в противоположном от Михаила VIII направлении, укрепляя независимость своей державы. Тем не менее, Михаил решил пойти на уступку и побудил патриарха собрать синод и вынести решение. В самой грамоте не скрывается политический смысл уступок: «ибо отсюда очевидна польза и для объединения (ἕνωσιν) ромеев и для заключения родственного союза»[11].

При Мануиле задуманный брак не стал реальностью[12]. Препятствием, видимо, стало требование ликвидации императорского именования Великих Комнинов, на что Мануил не согласился. Тем не менее, грамота свидетельствует о мирных связях между двумя империями в то время.

Чтобы полнее оценить смысл и величину уступок, вернемся к анализу предоставленных привилегий. 1) В случае смерти

трапезундского митрополита и избрания его преемника, патриарх и синод, учитывая опасности путешествия из Трапезунда в Никею, разрешили проводить избрание в Трапезунде на соборе местных архиереев. Для участия в таком соборе патриарх отправлял туда своего представителя в сане епископа или без оного. Избранному трапезундскому митрополиту разрешалось не совершать поездки к вселенскому патриарху для наречения и хиротонии, а быть рукоположенным на месте патриаршим представителем (если он был архиереем) или одним из местных епископов. Правом вето при избрании, совершаемом с ведома светских властей и в соответствии с каноническими правилами, патриарший представитель не обладал[13]. 2) Избранный митрополит имел право рукополагать епископов своего диоцеза, но не мог делать этого без разрешения патриарха по отношению к митрополитам и архиепископам, так как последние находились в юрисдикции вселенского патриархата[14].

До IV Вселенского собора (451 г.) митрополитов рукополагали не патриархи, а епископы каждой области. 28 Правило IV Вселенского собора определило, что Константинопольской церкви подчинялись области Азии, Понта и Фракии. Все их митрополиты после избрания в соответствии с канонами должны были поставляться и рукополагаться константинопольским архиереем. В самом акте избрания патриарх не участвовал и даже не присутствовал там, а только утверждал результаты голосования, посвящая в сан одну из трех предложенных ему кандидатур. Само избрание в основном должно было производиться епархиальным собором епископов каждой митрополии[15]. Однако еще до X в. в церковной практике сложился обычай, согласно которому патриарх не только посвящал митрополитов, но и участвовал в их избрании, проводя его через поместный собор находящихся при нем, в Константинополе, архиереев (чаще всего, вовсе не из диоцеза, куда поставлялся митрополит). В трактате Евфимия Сардского «Об избрании епископов» (конец VIII – начало IX в.) практика избрания митрополита *исключительно* на соборе в столице считалась вполне законной[16]. Издатель трактата, Ж. Даррузес выборы в провинции считает «полностью устаревшими»[17].

Таким образом, исследуемая синодальная грамота делает сразу два отступления: и от 28 Правила, и от церковной практики тех лет: трапезундскому митрополиту разрешается быть избранным на соборе своего диоцеза, ему предоставляется право не являться в столицу для хиротонии, признаются права светских властей участвовать в избрании

и аннулируется право патриарха избирать одну кандидатуру из трех в случае разногласий. Такие уступки, очевидно, закрепляли уже сложившийся в предшествующий период порядок. Они выглядели как несомненное расширение прав трапезундской церкви. Но, вместе с тем, патриарх стремился укрепить свои прерогативы в отношении других митрополитов Трапезундской империи и не допустить превращения Трапезунда в центр автокефальной церкви, по примеру Болгарии или Сербии. Уступка была на деле определенным компромиссом интересов. Грамота демонстрирует и то, что церковные льготы были орудием тонкой долговременной политики Михаила VIII по отношению к Трапезундской империи. Но отнюдь не первый Палеолог на троне был ее «изобретателем». Аналогичную политику Никейская империя проводила по отношению к другим православным церквам, предоставляя Сербской (1219 г.), Болгарской (1235 г.), Киевской (1250 г.) архиепископиям автокефалию или особые права при условии укрепления связей этих церквей с Никеей и упрочения сообщества православных государств. При этом сербская кафедра при св. Саве Немане получила так же, как и позднее трапезундская митрополия, разрешение, чтобы местные епископы сами рукополагали архиепископа. Таким образом, политика по отношению к Трапезунду – скорее не исключение, а осознанный курс вселенского патриархата и никейских императоров, направленный на укрепление, ценой уступок, лидирующей роли Никеи как наследницы Византии[18]. Трапезундская церковь получила бóльшие права, в избрании владык, чем Киевская, но не стала автокефальной, как Сербская и Болгарская.

С восстановлением Византийской империи в 1261 г. Михаил Палеолог мог с большей настойчивостью отстаивать претензии на роль единственного императора ромеев. Но отношения между двумя странами существенно осложнили заключение византийским монархом в 1274 г. Лионской унии с папством и перемены в политической ориентации Трапезундской империи при императоре Георгии (1266 – 1280). На унию Михаил VIII пошел как прагматичный политик, опасавшийся нового удара с Запада после падения Латинской империи. Там складывалась сильная антивизантийская коалиция во главе с папским вассалом могущественным королем Сицилии Карлом Анжуйским. Уния вызвала сильнейшее противодействие как в самой Византии, так и в других греческих государствах. Ее отвергли подавляющее большинство населения, значительная часть духовенства и высших чиновников. Нити заговоров против Михаила VIII плелись и

изнутри, и извне; в них участвовали даже его ближайшие родственники[19]. На Балканах правитель Эпира и Арты Никифор и его сводный брат владетель Фессалии Иоанн Дука выступили поборниками «истинного православия» и начали переговоры с заклятым врагом Византии Карлом Анжуйским. Соборы антиуниатов в Неопатрах в мае и декабре 1277 г. предали византийского василевса анафеме, отлучили его, папу и патриарха от церкви, как еретиков. Карл Анжуйский в то же время заявлял, что заключение унии не сняло с Палеолога ответственности за узурпацию престола Латинской империи; лишь боязнь папского интердикта удерживала его от военной экспедиции[20]. Интриги против Михаила VIII велись в Болгарии[21]; даже далекий Херсонес Таврический был оплотом оппозиции[22]. Естественно, что и Трапезунд не остался в стороне от этой ожесточенной борьбы, в ходе которой Михаил VIII прибегал к расправам над противниками унии. После того, как в апреле 1277 г. Михаил VIII на Влахернском соборе торжественно заявил о принятии латинского символа веры и догмата о папском примате и затем перешел к широким репрессиям, Трапезунд стал одним из центров иммиграции антиуниатской верхушки. По сообщению протонотария Михаила VIII Огерия, эта иммиграция вскоре приняла значительные масштабы[23]. Хотя византийский историк Никифор Григора и напишет позднее, что «рассеявшиеся по всей вселенной» враги унии были лишь «чернью и торговцами»[24], данные современного событиям источника указывают и на церковно-административные верхи общества.

Трапезундская церковь изначально устранилась от переговоров об унии: ни один из епископов Трапезундской империи не подписал в 1274 г. документа Константинопольского собора, утверждавшего условия унии, заключавшиеся в признании папского примата, допущении апелляции к папе как к высшей инстанции, поминания папы на всех службах. Из числа около 144 митрополитов и архиепископов Константинопольского патриархата акт Константинопольского собора подписали лишь 35 или 38. Среди них не было трапезундского владыки, равно как и патриархов Антиохии и Александрии, отказавшихся подписать грамоту[25].

После смерти более умеренного папы Григория X (1271 – 1276) и недолго правивших трех его преемников, папа Николай III (1277 – 1280) ультимативно потребовал от Михаила VIII выполнения всех установлений унии. Были выдвинуты и новые условия: полного единства литургии, личных клятв греческого духовенства в верности

католическим догматам, признания латинского символа веры всем православным населением. Только после получения клятвенных грамот папа соглашался признать правомочия патриарха и византийского духовенства. Эта, наиболее оскорбительная часть папского документа (т.н. Меморандума) 1278 г. и новые уступки Михаила VIII вызвали взрыв негодования со стороны греков.

Основным источником, проливающим свет на связь этих событий с Трапезундом, является Отчет византийского протонотария Огерия о переговорах Михаила VIII с папскими послами Марко и Марчето, прибывшими, по мнению Д. Никола, в Константинополь весной 1280 г.[26] В ответ на жесткие требования папы, Михаил оправдывался в трудностях исполнения условий, ссылаясь на козни противников. Он жаловался папе, что «неверные» (противники унии) отправились к трапезундскому правителю, праправнуку основателя Трапезундского государства Алексея (генеалогическая связь неточна: и Георгий, и его брат Иоанн II приходились внуками Алексею I, однако, если считать последовательность правлений: Алексей – Андроник Гид – Иоанн I – Мануил – братья Андроник II – >Георгий – > Иоанн II, то сыновья Мануила окажутся четвертыми в ряду трапезундских государей, что и могло привести к их именованию «праправнуки»). Враги унии, рассказав трапезундскому правителю обо всем, объявили, что, так как Михаил VIII стал еретиком и подчинился папе, они готовы примкнуть к названному трапезундскому правителю, если он назовется императором[27]. В соответствии с этим была произведена коронация и облачение правителя в одежды василевса. Но известно, что Трапезундский государь с момента образования империи на Понте назывался василевсом, хотя и не признавался в качестве такового Никеей и, затем, Византией. Ради оправдания перед папой, Палеолог стремился возвести часть вины на Георгия или Иоанна II, как на похитителя прав византийского василевса, объединявшего вокруг себя врагов унии. Примечательно в этой связи замечание Пахимера о том, что Иоанн II, несмотря на многочисленные просьбы Михаила, при своем вступлении на престол вновь принял титул василевса[28].

Но правомерен вопрос, если Трапезунд стал одним из центров сопротивления антиуниатов, поддерживал ли он связи с таким же центром на Балканах? Некоторые исследователи постулировали это как факт[29]. Но мы не обнаружили в источниках прямых сведений об этом. Огерий просто указывал, что в Трапезунде были враги унии, не детализируя, что они прибыли из Эпира или Фессалии. Большое

расстояние и трудности сообщения (через Константинополь!) вряд ли способствовали быстрому созданию устойчивого союза, хотя ведение переговоров и согласование действий исключить нельзя. Кроме того, обе оппозиционные силы претендовали на главенство и на роль витзантийских василевсов, что не способствовало их объединению. Безусловно, основные переговоры с трапезундским правительством вели выходцы из Константинополя: именно им было выгодно смещение Михаила и замена его легитимным отпрыском древнего царского рода Комнинов. Это же следует из контекста Огерия: вслед за рассказом о посольстве антиуниатов в Трапезунд идет перечисление врагов унии, родственников Михаила, в Константинополе[30].

Но кем были латинские противники унии, содействующие антиуниатам в Трапезунде, о которых упомянул Огерий[31]? Только начавшие утверждаться там генуэзцы, как полагал Р. Лёнертц[32]? Маловероятно. Их отношения с Михаилом VIII, предоставившим им широкие привилегии, были в целом хорошие, к тому же фактории генуэзцев на Понте едва начались формироваться в это время[33]. С середины XIII в. активную роль в подготовке похода против Византии играл сицилийский король Карл Анжуйский, стремившийся создать антипалеологовскую коалицию. В 1266 и 1267 гг. он давал особые поручения своим подданным, купцам Прованса, к трапезундскому императору[34]. Подчас исследователи полагают, что и Трапезунд участвовал в коалиции Карла[35]. Реальных оснований для столь определенных выводов нет. Вероятно лишь, что делались попытки вовлечь Великих Комнинов в такую коалицию. Источники, при всей их скудости, свидетельствуют лишь о пассивном поведении трапезундской стороны: демонстрации с принятием титула и приеме бежавших антиуниатов.

И все же Трапезунд и Византия оказались в противоположных политических лагерях в Анатолии. Византия блокировалась с ильханами Ирана, Румом, папством и западно-грузинским царством в борьбе с мамлюками, в то время как трапезундский император Георгий (1266 – 1280) искал союза с мамлюками, Восточной Грузией и, возможно, Золотой Ордой. Камнем преткновения являлись подчиняемые ильханами земли Румского султаната, для Трапезунда, прежде всего – Синоп и Джанит, последняя попытка захватить которые в 1277 г. закончилась для трапезундцев неудачей[36].

Михаил VIII делал все возможное, чтобы не допустить объединения антиуниатов на Западе и Востоке с участием реального

претендента на его трон. Не исключено, что, через своих союзников-ильханов он способствовал свержению Георгия династической оппозицией в Трапезунде и захвату его монголами в горах близ Тавриза в 1280[37], как полагал Э. Брайер[38]. Сильный нажим был осуществлен вслед за этим на преемника Георгия Иоанна II. Цель была ясна: нейтрализация династических притязаний и лишение Иоанна императорского титула. Сначала для ее осуществления через послов Иоанну посылали увещевания, что, пока Михаил правит в Константинополе, никому другому не подобает величаться тем же титулом, как и он[39]. На саму же власть Комнина Михаил не посягал, он признавал ее (т.е. факт отделения Понта от Византии), лишь бы Иоанн не употреблял знаков царского сана[40]. О другой возможной цели посольств, связанной с унией, Пахимер не упомянул. Несмотря на требования и увещевания, «надменный варвар», как величает Иоанна Пахимер, не желал идти на уступки, оправдываясь традиционностью своего сана, полученного им в прародительское наследство, и тем, что сами его подданные помешали бы ему отказаться от титула[41]. У Михаила были средства политического нажима на Трапезунд. Еще в 1265 г. он выдал свою дочь за могущественного ильхана Абагу. Другая его дочь в 1267 г. стала женой имеретинского царя Давида, в апреле 1282 г. совершившего неудачный набег на Трапезунд[42].

Для более эффективного достижения своих целей, Михаил VIII предложил Иоанну вступить в брак с третьей дочерью византийского василевса Евдокией. С этими предложениями в Трапезунд было отправлено высокое посольство. Его возглавляли известный историк великий логофет Георгий Акрополит и великий эконом св. Софии Феодор Ксифилин[43]. В составе посольства был и Георгий Кипрский, будущий патриарх Григорий II (1283 – 1289)[44]. Пахимер отмечает, что послы направлялись не только к самому Иоанну, но и к его приближенным, которых просили отпустить своего государя в Константинополь ради заключения брака. Однако стоящая у власти группировка знати поначалу отклонила предложение послов, указав, что в обычае Великих Комнинов было заключать браки с соседними правителями, притом на своей территории. А на византийского василевса все, якобы, смотрели как на божество, предпочитая его величию свою умеренность[45]. Зная о притязаниях Великих Комнинов, здесь нельзя не почувствовать скрытой иронии. Итак, посольство 1281 г. успехом не увенчалось: в Трапезунде существовала оппозиция сближению с Византией. В это же время происходит восстание в

Трапезунде некоего Пападопула, в ходе которого Иоанн был захвачен, а вскоре после освобождения отправился в Константинополь. Ни личность вождя, ни социальные силы, ни программа восставших нам не известны из глухого сообщения Панарета[46]. Ясно лишь, что в Трапезунде происходила какая-та борьба группировок, участвовать в которой могла византийская дипломатия. Михаил Палеолог продолжал свои попытки и, наконец, посольство логофета домочадцев Димитрия Ятропула и пресвитера св. Софии добилось согласия на брак[47]. При этом церковь выступила гарантом исполнения условий договора, а послы дали клятву, что Иоанн II станет сыном византийского императора и с богатыми дарами вернется домой, а его *свита будет принята с подобающими почестями*[48]. Специально оговоренные условия для знати не исключают возможности подкупа.

Отплыв из Трапезунда на галее, Иоанн вступил в пределы державы Ромеев, когда Михаила VIII не было в столице: он был в Лопадии и занимался укреплением пограничных крепостей в Вифинии. На византийской территории Иоанн II подвергся нажиму со стороны послов. Они заявили, что неприлично появляться перед императором Михаилом в красной обуви и знаках царской власти и рекомендовали ему облачиться в обычные одежды и черные сапожки, обещая затем ему сан византийского деспота. В ином случае аудиенция у Михаила не представлялась возможной[49]. После сложения царского пурпура Иоанну пришлось отправиться в Лопадий, откуда он вместе с будущим тестем вернулся в Константинополь, где и была отпразднована свадьба[50]. Пахимер подводит читателя к мысли, что императорский титул Иоанна был тем самым утрачен и заменен титулом деспота, а обувь – на пурпурную, но двуцветную[51] (ведь и позже Пахимер писал, что сын Иоанна Алексей также был «возвеличен» достоинством деспота[52]). Но это не так. Из многочисленных источников известно, что перерыва в употреблении императорского титула Великими Комнинами не было. До 1282 г. трапезундские василевсы использовали ту же форму титулования, что и византийские: « NN во Христе Боге верный царь и автократор ромеев». После этой даты – «NN во Христе Боге верный царь и автократор всего Востока, ивиров и Ператии, Великий Комнин»[53]. Очевидно, смысл произошедшей перемены следует искать в договоре 1282 г. Михаилу VIII удалось добиться если не отмены вовсе царского титула Великих Комнинов, то, по крайней мере, ликвидации равнозначности его формулы для Византии и Трапезунда. При этом Михаил VIII нарушил данную заранее письменную клятву (ὅρκους

ἐγγράφους παρὰ τοῦ βασιλέως) [54] и ручательство церкви[55]. Византийская дипломатия, тем не менее, добилась успеха. С другой стороны, и правители Трапезундской империи осознавали произошедшие после восстановления Византии в 1261 г. сдвиги. В 1282 г. был подведен итог под прежним соперничеством за гегемонию в византийском мире, а с крушением Лионской унии в 1281 – 83 гг.[56] было уничтожено последнее препятствие к сближению. После смерти Михаила VIII Иоанн II еще оставался в Константинополе и вел переговоры с новым императором Андроником II, решительно отвергнувшим унию. Контакты с архонтами в Трапезунде продолжались, и туда отправляли гонцов[57]. Видимо, согласование условий договора шло не гладко, и в Трапезунде могли возникнуть осложнения. Вместе с женой Иоанн вернулся на родину лишь 25 апреля 1283[58], укрепив связи с Византией.

О дальнейших трапезундско-византийских связях с 1283 по 1297г. мы практически ничего не знаем. По косвенным данным можно судить, что отношения были дружественными и что в Трапезунде почитали византийского василевса: на смертном одре Иоанн II поручил своего сына и наследника Алексея опеке его дяди Андроника II Палеолога[59]. У. Миллер даже писал, что Иоанн II оставил Трапезунд в практической зависимости от Византии[60]. Но это, пожалуй, преувеличение. Во всяком случае, уже 14 – летний сын Иоанна Алексей II, едва вступив на престол, решительно отверг все попытки дяди навязать ему унизительный брак с дочерью префекта каниклея Никифора Хумна Ириной[61] и тем самым закрепить подчиненное положение Трапезунда. Для того чтобы сделать этот явно не равный по положению брак сколько-нибудь пристойным в глазах трапезундской знати, Андроник возвел дочь Хумна в достоинство деспины. Но предложение византийского монарха было решительно отклонено. В это время политика Трапезундской империи была направлена на отражение нараставшей тюркской угрозы. Алексею II в 1301 г. пришлось защищать и укреплять Керасунт, второй город империи[62]. В этом он опирался на местную знать и союз с соседними грузинскими государствами. Поэтому он и отдал предпочтение браку с дочерью мтавара Самцхе Бека Жакели, независимого и воинственного правителя грузинских областей, расположенных на границе империи[63]. Андроник решил прибегнуть к своим правам опекуна для расторжения заключенного брака. Зная, что прямой нажим ничего не даст (по Пахимеру: «не захотев поступить деспотически»!), Андроник

обратился к помощи церкви. Однако патриарх и большая часть синода отказались поддержать василевса, тем более, когда стало известно, что «ивирийская принцесса» ждала ребенка[64]. Потерпев неудачу, Андроник решил воздействовать на свою сестру, мать Алексея Евдокию, которая вместе с младшим сыном Михаилом после смерти мужа прибыла в Константинополь 13 июня 1298 г.[65] Андроник долгое время удерживал ее в столице, заставляя писать сыну письма о расторжении брака и намереваясь выдать ее саму второй раз замуж за сербского короля Уроша (Стефана) II Милутина. Чтобы уехать в Трапезунд, Евдокия обещала лично уговорить сына, но, прибыв туда в марте 1301 г., «она возбуждала в юноше всяческое неповиновение»[66].

Эти события показывают, как шатко было влияние Византии в Трапезунде. И все же отношения между странами не стали враждебными. Дружественным актом со стороны трапезундского императора по отношению к Константинополю было разрешение избранному в июле 1317 г. митрополиту Амасии Каллисту иметь резиденцию в епископии Лимнии, сильной трапезундской крепости[67]. Появление в Трапезундской империи еще одного митрополита (кроме Трапезундского и Керасунтского, а также поддерживавшего с империей самые тесные связи митрополита Алании) поднимало ее значение в связях с Византией и позволяло оказывать определенное влияние на часть православного населения, жившего на турецкой территории близ трапезундских границ[68]. К этому можно добавить, что летом 1315 г. патриарх и синод предоставили епископу Синопа в управление митрополии Сиды и Силея и архиепископию Леонтополя[69]. Хотя Синоп не находился в границах трапезундской державы, в церковном отношении его архиерей был теснее всего связан именно с Трапезундской империей. Как справедливо заметил Д.А. Коробейников, так как еще с XII в. резиденция неокесарийских митрополитов находилась в Инее, после 1317 г. «кафедры почти всех понтийских архиереев оказались на территории Трапезундской империи»[70]. В дальнейшем Лимнии стали постоянной резиденцией Амасийского митрополита, причем в 1384 г. уже епископ Лимнии получил права на Амасийскую митрополию[71].

При скудости источников, относящихся к истории трапезундско – византийских отношений при Алексее II, нельзя не обратиться к косвенному свидетельству – эпитафии протонотария и протовестиария Трапезунда Константина Лукита на смерть этого императора. Лукит восхваляет происхождение Алексея II не только от Комнинов, но и от

Палеологов, «императоров великих и родовитейших, нового и великого четвероцарствия». Андроник II уподоблен Аврааму, Андроник III назван настоящим гигантом, подлинным Андроником (победителем мужей). Оба императора, по Лукиту, омрачились и оплакали смерть двоюродного дяди и племянника. Алексей II назван еще украшением Комнинов и красой Палеологов[72]. При вполне официальном характере эпитафии, составленной для торжественного поминовения покойного василевса, в какой-то мере прослеживается и сам характер трапезундско-византийских связей за период его правления. И, тем не менее, даже в официальном акте константинопольского патриарха, где он благодарит Алексея за предоставление Лимний в качестве резиденции митрополита Амасийского, Великий Комнин назван не императором, но лишь правителем («αὐθέντης») Трапезунда[73].

После кратковременного царствования Андроника III Комнина (1330 – 1332 гг.) и Мануила II (январь – сентябрь 1332 г.) к власти в Трапезунде пришел второй сын Алексея – Василий (1332 – 1340 гг.). Он прибыл из Константинополя и свергнул своего малолетнего племянника. Последовали репрессии против представителей местной знати негреческого происхождения[74]. При своем воцарении Василий, видимо, опирался на византийскую поддержку и на ту часть знати, которая была за союз с Византией. Этим объясняется его брак 17 сентября 1335 г. с незаконной дочерью Андроника III Ириной[75]. Брак отмечался торжественно, в честь супругов, возможно, Андреем Ливадином, была составлена поэтическая эпиталама, где Василий уподоблялся Солнцу Востока, а Ирина – Луне Запада[76]. Но он не был удачным, что и послужило поводом к новому вмешательству Византии в трапезундские дела. Не позднее начала 1336 г. Василий приблизил к себе другую женщину, также Ирину, от которой имел двух детей Алексея и Иоанна (будущего императора под именем Алексея III)[77]. По сообщению Григоры, Василий изгнал законную жену из дворца[78]. 8 июля 1339 г. был заключен его брак с бывшей фавориткой[79]. Семейные отношения императора очень скоро стали предметом гласности и использовались в своей борьбе группировками знати и трапезундским димом, чье значение в ходе гражданских войн в Трапезунде недавно продемонстрировал Э. Брайер[80]. 3 марта 1337 г., во время солнечного затмения, императора забросали камнями[81]. Григора добавляет, что царица, не желая переносить учиненного беззакония, перед всеми изливала свою скорбь. И народ восстал против Василия, сильно возмутившись[82].

Откликаясь на эти события, патриарх Иоанн XIV Калека обратился к трапезундскому митрополиту с суровым осуждением адюльтера и попустительства ему со стороны местных церковных властей (последние ранее в письмах к патриарху пытались всячески его скрыть). Хотя очевидно, что и расторжение первого брака и, тем более, заключение второго не могло произойти без официального соизволения митрополита, патриарх, защищая интересы Константинополя, счел вторую жену Василия конкубиной, а сам брак незаконным. Она была отлучена от церкви, патриарх грозил тем же и трапезундским иереям, собираясь наложить интердикт на всю трапезундскую церковь. Императору было направлено увещевательное письмо[83]. Патриаршая грамота, вероятно, сыграла свою роль в усилении напряженности в Трапезунде. Император Василий внезапно скончался 6 апреля 1340 г. Было подозрение, что в его смерти повинна первая жена Ирина, которая сразу же взошла на престол и отправила соперницу с малолетними детьми к своему отцу в Константинополь[84]. Патриаршая грамота в этом случае, как справедливо полагал Э. Кизлингер, могла использоваться именно для легитимизации переворота Ирины Палеологини и захвата ею власти. Австрийский ученый даже полагал, принимая во внимание место регистрации в кодексе недатированной патриаршей грамоты, что она могла быть составлена в *конце* апреля 1340 г., post factum, для укрепления позиции ориентированной на Константинополь группы знати, представители которой прибыли тогда в византийскую страницу[85]. Последнее заключение доказать сложно. Скорее Константинополь готовил переворот, чем оформлял его. Вряд ли прямое заявление грамоты о том, что аналогичное письмо направлялось Василию Великому Комнину[86] можно считать выдумкой, что было бы неизбежно, если бы документ составлялся после его смерти.

После переворота в 1340 г. или немного позже в Константинополь из Трапезунда эмигрировала часть знати и чиновничества. В их числе был .и будущий митрополит, скевофилак трапезундской церкви Иоанн Лазаропул[87]. Присутствие представителей разных, в том числе – противоборствующих, группировок трапезундской знати само по себе втягивало византийское правительство в конфликты, происходившие на Понте.

Как и в Византии, в Трапезунде существовали противоречия между столичной служилой и провинциальной знатью, опиравшейся на собственные крепости и военные отряды. К ним добавлялись и этнические: часть провинциальной клановой знати была лазской, в то

время как столичная аристократия была представлена в основном греками. Такие же различия и во всем населении империи (преобладание греков в городах, а лазов – в сельской округе) придавали борьбе особо острый характер[88]. Но, как правило, борющиеся группировки не были устойчивыми, хотя тенденция противостояния столичной, административной, и групп провинциальной, преимущественно военной, знати сохранялась. Трапезундский дим, как и крестьяне, находившиеся в тяжелом положении как из-за роста разного рода повинностей в пользу архонтов и государства, так и из-за постоянных набегов туркменов, потенциально был сторонником сильной императорской власти. Но при большой внутренней нестабильности крестьяне и городское население подчас активно участвовали во внутренней борьбе, примыкая к определенным «партиям» и надеясь на улучшение своего положения в результате их победы[89].

Пришедшая к власти императрица Ирина не имела прочной социальной опоры. Ведя политику лавирования, она прямо апеллировала к византийской помощи. Чувствуя всю непрочность своего положения среди спорящих за власть групп знати, Ирина сразу же (вместе с высланной соперницей) отправила в Константинополь посольство с просьбой помочь ей и найти для нее достойного мужа, знатного родом, славного деяниями и желающего править трапезундским государством[90]. Как видим, победа императрицы Ирины подводила Трапезунд к прямому подчинению Византии. Но была ли последняя в силах обеспечить его?

Послам Ирины не удалось застать Андроника III ни в Константинополе, ни в Фессалонике. Оправившись от болезни, византийский император выступил в поход в Эпир. Лишь спустя много времени послы смогли изложить ему суть дела, найдя его в Акарнании[91]. Между тем положение Ирины в Трапезунде становилось все более неустойчивым. В заговоре против нее приняли участие как представители столичной, так и провинциальной знати: великий стратопедарх кир Севаст Цанихита, Схоларии, Мицоматы, Каваситы, Константин Доранит и Камахин[92]. Ирина не была законной наследницей престола, не принадлежала к роду Великих Комнинов и оставалась чужеземкой как в глазах архонтов, так и народа. Продолжая лавировать между группировками знати и ища помощь извне, Ирина отправила второе посольство в Константинополь с участием самого трапезундского митрополита. Но и оно не было успешным: вскоре

после возвращения из Акарнании Андроник III скончался, так и не дав ответа на просьбы[93]. Эфемерная попытка возможной интеграции Византийской и Трапезундской империи провалилась. Как показали дальнейшие события, реальный правитель Византии великий доместик Иоанн Кантакузин без сочувствия относился к идее укрепления династии Палеологов в Трапезунде и замены ею Великих Комнинов. Провозглашенный регентом при малолетнем Иоанне V, Кантакузин сам стоял перед лицом могущественной оппозиции во главе с Алексеем Апокавком и патриархом Иоанном XIV Калекой. Вскоре он и вовсе утратил контроль над столицей[94]. Византия находилась на пороге гражданской войны, лишавшей ее возможности сколько-нибудь существенно влиять на положение дел Трапезунде. Кантакузин отклонил просьбы Ирины о помощи, указав на раскол у самих трапезундцев по вопросу о законности ее правления и на то, что управлять Трапезундской империей по местным законам должен был лишь отпрыск рода Великих Комнинов[95]. Таким образом, кратковременная победа императрицы Ирины не привела к установлению византийского влияния в Трапезунде, но ускорила развязывание в нем гражданской воины[96].

Несмотря на то, что Ирина одержала временный успех и даже казнила часть мятежных «архонтов»[97], уже в июле 1341 г. она была низложена. Лето 1341 г. было особенно тяжелым для Трапезундской империи: достигла апогея феодальная анархия, Трапезунд подвергся нападению туркменов из Амиды и был сожжен, сельская округа была разграблена. Из-за пожара и разложения трупов вспыхнула чума, усугубленная голодом от засухи и неурожая[98]. В этой обстановке 17 июля власть была захвачена провинциальной знатью при помощи лазского войска. Правительницей была провозглашена дочь Алексея II Анна Анахутлу. Однако еще ранее, не зная об этом перевороте[99] и, видимо, согласившись с уговорами группировки Схолариев, Иоанн Кантакузин, отказав императрице Ирине, отпустил для принятия власти в Трапезунде 56 – летнего Михаила Комнина, брата Алексея II. Вместе с ним на Понт отплыли Никита Схоларий и Григорий Мицомат[100]. Но византийская поддержка ограничилась лишь этим; военные силы Схолариев составляли 2 или 3 итальянских судна и отряд «латинских» воинов[101]. Недостаток этих сил и непрочность позиции столичной знати в Трапезунде привели готовящийся переворот к поражению. Первоначально Михаил Комнин был встречен с почестями, но в ночь с 30 на 31 июля его схватили, а 7 августа сослали в Иней, затем – в

Лимнии. Часть поборников переворота была убита или заключена в тюрьму, часть спаслась на кораблях[102]. Во всяком случае, разгром «партии» Схолариев не был полным: все их предводители – Никита Схоларий, Григорий и Михаил Мицоматы, Константин и Иоанн Дораниты бежали на венецианском судне в Константинополь[103]. Еще ранее, 10 августа, туда выслали и Ирину Палеологиню[104].

В столице Византии вновь оказалась группа трапезундской аристократии, которая побуждала императрицу Анну Савойскую и правителя Алексея Апокавка «словами и обещаниями дать им для правления трапезундцами сына Михаила Комнина (Иоанна – С.К.), которому тогда было 20 лет»[105]. Византийское правительство выговаривало определенные условия. Переговоры длились довольно долго – с 10 сентября 1341 г. по 17 августа 1342 г. За это время заговорщикам удалось добиться согласия Анны Савойской и Алексея Апокавка и обеспечить себе военную поддержку. Но она вновь не была византийской: 17 августа 1342 г. к Трапезунду отплыл флот из трех генуэзских галей и двух трапезундских больших гребных судов (катерг)[106]. На их борту находился отряд наемных итальянских воинов. Прибыв 4 сентября в Трапезунд, флот и войско при поддержке восставшего народа захватили город. Анна Анахутлу была убита, стоящие у власти – казнены, подверглись конфискации имущества или пожизненному изгнанию. Иоанн III был торжественно коронован на амвоне храма Богородицы Хрисокефала[107].

Однако и после этого переворота борьба знати продолжалась, теперь уже внутри победившей группировки. Она привела к смене Иоанна III Михаилом Комнином (1344 г.) и высылке первого сначала в скит св. Саввы, затем – в Константинополь[108]. Недовольная часть трапезундской знати интриговала в Константинополе. Вот что сообщает сам участник событий, принадлежавший к этим кругам, тогда скевофилак Иоанн Лазаропул: «Итак, самодержец ромеев Иоанн Кантакузин, благородный и известный словом и делом, преисполненный всяческой учености, движимый божественным рвением, узнав, что в Трапезунде получил власть, как не подобало, Михаил Комнин, недалекий и пустой, старец и бездетный[109], решил, чтобы власть в Трапезунде имел, как подобает, истинный наследник Алексей Великий Комнин (...сын императора Василия Великого Комнина), для которого он бы приобрел власть. И император предоставил мне такое поручение (ὑπηρεσίαν)...»[110]. В этом отрывке впервые прослеживается инициатива византийского императора в

подготовке переворота, который и совершился 13 декабря 1349 г. По уже установившейся традиции, свергнутый император был отправлен в Константинополь, на сей раз – после пострижения в монахи[111].

После воцарения Алексея III (1349 – 1390 гг.) происходит сближение Византии и Трапезунда; в сентябре 1351 г. Алексей III женился на Феодоре, дочери севастократора Никифора Кантакузина, двоюродного брата Иоанна VI[112]. Как мы видели, Кантакузин уже давно уделял внимание Трапезунду, и это не было случайностью. Отношения с Трапезундом и укрепление там сторонников новой династии Кантакузинов были важны для Иоанна VI в его отношениях с Палеологами[113]. Не исключено, что обратить внимание на Трапезунд Кантакузина заставила и борьба с генуэзской Перой[114]. Трапезунд в это время также вел борьбу с генуэзцами[115]. Объединение сил могло быть желательно для византийского правительства.

Подводя итоги трапезундско-византийским связям в середине XIV в., можно отметить, что их инициаторами зачастую выступали борющиеся группировки трапезундской знати. Константинополь служил прибежищем для трапезундских эмигрантов, здесь они жили целыми семьями[116], сюда под византийский контроль и подальше от понтийских владений высылались свергнутые императоры, Ирина Палеологина (1341 г.), Иоанн III (1344 г.), Михаил (1349). Роль Византии сводилась лишь к выдвижению живших в Константинополе царевичей в качестве возможных претендентов на Трапезундский трон[117]. Притом это совершалось по просьбе или с согласия взявшей на Понте власть группировки трапезундской знати. В период гражданской войны в Трапезунде представители разных лагерей связывали свои интересы с Константинополем. Но на реальную, тем более военную, помощь из столицы Византии они уже не могли рассчитывать. Византия теперь не ставила и не могла ставить перед собой целей подчинения Трапезунда или лишения его правителей императорского титула (как во времена Михаила VIII или при никейском императоре Феодоре I Ласкаре). И задачи, и силы, и методы византийской политики изменились. Поэтому считать эти подвижные группировки трапезундской знати «константинопольской партией», на наш взгляд, нет оснований. В наибольшей мере ориентация на Константинополь проявилась лишь в 1341 – 1342 гг., когда широкие круги греческой столичной знати Трапезунда были в оппозиции к правлению Анны Анахутлу, опиравшейся на архонтов провинции и лазское войско. Но и в этом случае роль столицы Византии не была активной.

Со второй половины XIV в. внутреннее положение Трапезундской империи стабилизируется: изживаются последствия гражданской войны, происходит укрепление положения и авторитета императорской власти, заключаются выгодные браки трапезундской династии с соседними мусульманскими правителями, обеспечивавшие относительную безопасность границ, постепенно, после кризиса, оживает торговля[118]. Утратив часть своих владений, Трапезундская империя сумела сохранить независимость и основные жизненные центры. Между тем положение Византии непрерывно ухудшалось: она теряла город за городом, торговые позиции, и XV век страна встречала на пороге гибели[119]. Естественно, усилилась основная тенденция в ее политике – поиски союзников. Одним из них мог стать и Трапезунд.

Со второй половины XIV в. Константинополь решительно идет на сближение с Трапезундом: официально признается императорский титул Великих Комнинов, изживаются все следы былой конкуренции[120]. Палеологи, вслед за Кантакузинами, старались укрепить династические связи с трапезундскими императорами. 22 января 1358 г. в Трапезунд прибыл посол Иоанна V Иоанн Леонтостет[121]. Цели его миссии становятся очевидными во время второго посольства в Трапезунд в 1361 г.: апокрисиарий от имени Иоанна V вел переговоры о заключении брака с трапезундской царевной[122]. Видимо, переговоры проходили успешно, так как уже в апреле 1363 г. в Константинополь направляется ответное посольство во главе с великим логофетом Георгием Схоларием и протосевастом и протонотарием Михаилом Панаретом[123], автором Трапезундской хроники. Но цель трапезундского посольства состояла не только в заключении брака. Как известно, Константинополь часто имел под рукой возможных претендентов на Трапезундский престол. В 1355 г. там было два бывших императора: престарелый Михаил и Иоанн Ш, его сын. В 1355 г. Михаил пытался вновь захватить власть в Трапезунде, но из-за очевидной тщетности предприятия и отсутствия достаточных сил вернулся в Константинополь, едва достигнув Солгата в Крыму[124]. Заезд в Солгат, возможно, был связан с попыткой заручиться помощью у правителей Золотой Орды. Видимо, безуспешной. К 1355 г. положение в Трапезунде достаточно укрепилось: в октябре этого года был подавлен последний очаг сопротивления мятежной знати[125]. Так как Михаилу в 1355 г. было уже около 70 лет[126], он вскоре перестал представлять опасность для Алексея Ш. Но в марте 1362 г. неудачную попытку овладеть престолом предпринял его сорокалетний сын Иоанн Ш. Ему удалось добраться до

Синопа, но здесь он скончался от чумы. Византия не оказывала ему поддержки: Иоанн *бежал* из Адрианополя[127]. Итак, казалось, что к 1362 г. Алексей III избавился от всех опасных соперников. Сын Иоанна III находился в трапезундской темнице. Однако ему внезапно удалось бежать сначала в Каффу, затем в Галату[128]. Подчеркнем: в генуэзскую Галату – Перу, а не в Константинополь, откуда в тех условиях нельзя было ждать поддержки. Бегством юного царевича и обращением его за помощью к генуэзцам и следует объяснить поспешность посольства Схолария – Панарета: помимо традиционных встреч с членами византийского царствующего дома (в том числе с бывшим императором Иоанном VI (Иоасафом) Кантакузином), послы посетили подеста Перы Леонардо ди Монтальдо[129]. Посольство также добилось соглашения о том, чтобы сын императора Иоанна V Мануил получил руку дочери Алексея III[130]. Однако о заключении такого брака в ближайшие за тем годы ничего не известно. Возможно, добившись главной цели, Алексей не спешил с выполнением взятых обязательств.

По источникам, брак мог произойти значительно позднее – в 1386 – 1391 гг. Об этом есть небольшое сообщение у Лаоника Халкокондила: «И этот Эммануил (византийский император Мануил II – С.К.) привез овдовевшую дочь императора Колхиды, которая была женой турецкого игемона Тезетина[131], отличавшуюся красотой. И когда он привез ее из Колхиды в Византий, то император, его отец (Иоанн V. – С.К.), увидев ее и считая, что она по красоте превосходит многих женщин и в изобилии наделена и всем остальным, что и соответствовало действительности, сам женился на ней, отняв (ее) у сына»[132]. Речь идет о Евдокии Комнине, дочери Алексея III, которая 8 октября 1379 г. была выдана замуж за эмира Лимний Тадж ал-дина Челеби[133]. Переговоры о сватовстве с дочерью Алексея III Тадж ал-дин вел с 1362 г.[134], т. е. почти одновременно с трапезундско-византийскими переговорами по этому вопросу и перед посольством Схолария. Трапезундская дипломатия вела двойную игру, склонившись к 1379 г. к предпочтительному браку с сильным соседом. Это, возможно, и вызвало позднее ухудшение трапезундско-византийских отношений.

24 октября 1386 г. Евдокия овдовела[135] и вскоре, как считалось, стала женой Иоанна V Палеолога[136]. Но сложившееся мнение в 1955 г. попытался пересмотреть В. Лоран, а затем, в 1957 г., более подробно – Р. Лёнертц. В. Лоран, на основании неизданного текста из рукописи дела анкирского митрополита Макария (1407/08 г. – Paris, graec. 1397, f. 38), доказывал, что первая жена Иоанна V Елена Кантакузина пережила

своего мужа и скончалась лишь в октябре – декабре 1396 г. Обнаруженная впоследствии краткая хроника дала точную датировку смерти Елены (в монашестве Ипомонии) – август 1397г.[137] Следовательно, Иоанн V не мог быть женат дважды. Евдокия Комнина была лишь его любовницей[138]. Р. Лёнертц вовсе отрицал весь эпизод, считая его ошибкой Халкокондила, неверно истолковавшего соответствующее место в сочинении Сфрандзи[139]. Напомним, что Георгий Сфрандзи, писатель, дипломат и друг последнего византийского императора, писал о том, что дед Константина XI получил в жены «деспину киру Евдокию», которая «раньше имела мужем турка, владетеля небольшой и незначительной местности»[140]. По мнению Лёнертца, дедом Константина XI, упоминаемым Сфрандзи, был не Иоанн V, а дед по матери Константин Драгаш, за которого и вышла замуж трапезундская царевна[141]. Однако это не вяжется со смыслом текста Сфрандзи, где речь идет о прецеденте для *византийского* императора. Таким был только один дед Константина XI – Иоанн V[142]. По хронике Панарета мы знаем, что деспина кира Евдокия лишь в сентябре 1395 г. прибыла из Константинополя в Трапезунд, привезя с собой невест для императора Мануила III и его сына Алексея[143]. Возможно, что она вступила в новый брак с Драгашем, погибшем в мае 1395 г[144], в память которого она, вернувшись в Трапезунд, основала храм св. Константина[145]. Лёнертц считал, что Сфрандзи назвал Евдокию деспиной не потому, что она была византийской императрицей, а потому, что она происходила из царственного трапезундского рода[146]. Но в Трапезунде право на такой титул имели лишь мать и жена императора, но никак не другие родственницы[147]. Халкокондила, считает Лёнертц, ввело в заблуждение письмо Сфрандзи, приведенное в его Мемуарах[148]. Постулируя возможность знакомства Халкокондила с сочинением Сфрандзи, Лёнертц выводил его из безусловного признания эмиграции Халкокондила на Крит, что само по себе возможно, но не бесспорно[149]. Еще менее обоснованно предположение о знании Халкокондилом хроники Панарета[150], дошедшей до нас в единственной рукописи и вряд ли сколько-нибудь широко известной в то время. Видимо, Халкокондил пользовался иными источниками.

Хронологические построения Лорана, как и привлекаемый им источник (к сожалению, он приведен лишь в виде краткой выдержки), заслуживают серьезного внимания. Однако вывод о невозможности брака Иоанна V и Евдокии Комнины нам кажется преждевременным.

Даже если Елена Кантакузина была жива, допустимы ее отстранение или развод. Трудно предположить, что Евдокия оставалась лишь любовницей Иоанна V; ее связи с Константинополем были более чем прочными. Она вернулась именно оттуда, притом с важной миссией, лишь в 1395 г., т. е. через 4 года после смерти Иоанна V. Выводы Лёнертца[151], на наш взгляд, не доказывают ошибочности свидетельства Халкокондила и искажают смысл отрывка Малой хроники Сфрандзи. Брак Иоанна V Палеолога и царевны Евдокии спорен, но не невозможен[152].

Итак, с середины XIV в. наметилась общая тенденция сближения Трапезунда и Византии. Однако, наряду с ней, действовали и противоположные факторы. К сожалению, они крайне скупо освещены источниками. Несмотря на фрагментарность последних, можно сказать, что трения в византийско-трапезундских отношениях были отчасти отражением конфликта трапезундского правительства с венецианцами. Итальянские морские республики старались использовать Византию для давления на Трапезунд. Внешним проявлением натянутости трапезундско-византийских отношений было то, что давно предполагавшийся брачный союз между Великими Комнинами и Палеологами не заключался, а в 1373 г. дело дошло до открытого столкновения. 11 ноября сын византийского императора Иоанна V Михаил, поддерживаемый своим зятем болгарским деспотом Добротицей, прибыв с тремя галеями (катергами), пытался захватить Трапезундский престол. Безуспешно простояв на рейде 5 дней, незадачливый претендент возвратился назад, причем один из его приближенных, протовестиарий Иоанн Андроникопул, перешел на службу к трапезундскому императору[153]. Свет на события этих лет проливают материалы венецианского Сената. В марте 1376 г. Сенат обсуждал вопрос о свержении трапезундского императора Алексея III и замене его Михаилом Палеологом или Андроником Комнином. Существовал даже проект (отклоненный сенаторами из-за нереальности) ввести прямое венецианское правление в Трапезунде с опорой на местных «баронов»[154]. Таким образом, Венеция пыталась втянуть Византию в свой конфликт с Трапезундом, в котором уже принимал участие деспот Добротица. Тогда же, в середине 70-х гг. XIV в., произошло и обострение межцерковных отношений между Константинополем и Трапезундом. Первоначально они были связаны с самоуправными действиями монаха Павла Тагариса, рукоположенного во епископы Тебриза между 1371 и 1375 гг. Антиохийским патриархом

Михаилом. Тагарис стал распоряжаться и церквами, подчиненными константинопольскому патриархату, в частности, Амасийской митрополии, где он рукоположил епископа Лимнии. Тагарис выдавал себя за самого Иерусалимского патриарха, а после разоблачения, бежал в 1376 г. через Трапезунд в Золотую Орду и Венгрию, и затем – в папский Рим, где добился, приняв католичество, посвящения в апостольские легаты стран Востока и даже в латинские патриархи Константинополя. Его деятельность в Анатолии и на Понте была предметом расследования специальных комиссий патриархов Филофея Коккина (1364 – 1376) в 1370, 1371 – 72 гг. и Нила Керамевса (1380 – 1388). Наконец, синод 1394 г. в Константинополе, выслушав исповедание явившегося туда и раскаявшегося Тагариса, осудил его и лишил сана священника. При неурегулированности отношений Великих Комнинов с одной стороны – с Палеологами, с другой – с архонтами Лимний, при ослаблении связей патриархата с христианами, оказавшимися под властью тюркских эмиров или на порубежной тюркско-трапезундской территории, действия Тагариса в 70-е гг. не могли не осложнять ситуации[155].

Еще одно свидетельство о каких-то византийско-трапезундских трениях мы встречаем в акте Константинопольского патриархата 1382 г. Обстоятельства дела не вполне ясны: великий протосинкелл иеромонах Мирон был некогда осужден и даже заточен за действия в пользу трапезундского императора и во вред патриархату. В 1382 г. он добился у патриарха разрешения уехать в Трапезунд. Однако он должен был дать письменное обязательство «никогда не соглашаться с трапезундским императором в том, что он пожелает сделать для пагубы церкви», и препятствовать всеми возможными способами своему назначению в одну из тамошних митрополий. Вероятно, патриархат опасался устремлений трапезундского императора к автокефалии местной церкви[156].

В конце XIV в. наступает длительное примирение Трапезундской и Византийской империй. Этому способствовало нарастание османской угрозы. Общая опасность вела к большей сплоченности. Во время блокады Константинополя турками, установленной с 1394 г., Трапезунд оказывал столице Византии помощь продовольствием и, возможно, флотом и войском[157]. Не случайно, что в 1395 г. заключается брак Мануила III (1390 – 1416 гг.) с Анной Филантропиной и Алексея IV (1416 – 1429 гг.) – с Феодорой Кантакузиной[158]. Эти браки еще более укрепили трапезундско-византийские отношения. Другой стороной

признания Византией роли Трапезунда было возрастание удельного веса трапезундской митрополии в составе вселенского патриархата.

Положение той или иной митрополии в составе патриархата регулировалось целым рядом обстоятельств: церковно-канонической традицией, внесением в список вновь образованных митрополий (с соответствующим перемещением старых), поднятием прежних епископий до ранга митрополий, отчасти изменением в реальном положении самих митрополий. Первое обстоятельство играло решающую роль: митрополиты, остававшиеся таковыми лишь по сану, утратившие свою епархию, подчас занимали куда более высокое место, чем предстоятели церквей христианских государств (например, Руси). Для определения места той или иной митрополии императорской и патриаршей администрацией составлялись особые списки последовательности митрополий и епископий, так называемые Notitiae episcopatuum[159]. На практике же место митрополий находило свое выражение в порядке подписания архиереями грамот в патриаршем синоде. Естественно, что в заседании синода принимало участие лишь ограниченное число митрополитов (находившихся в то время в столице) и подчас допускались некоторые отступления от общепринятого порядка – в зависимости от конкретных обстоятельств.

Рассмотрение всех основных нотиций, а также порядка подписания соборных актов митрополитами привело нас к следующим выводам[160].

В редакции нотиций, составленных при Андронике II Палеологе (1282 – 1328) производятся значительные изменения прежнего порядка митрополий, установленного в целом еще при Льве VI (886 – 912 гг.). Трапезундский митрополит отодвигается с 33 – го места на 40 – е. Это происходит из-за возвышения ряда митрополий, фактическое значение которых было давно выше места, предусмотренного для них предшествующими нотициями. Возвышаются митрополии Фессалоники и Адрианополя – крупнейших городов империи, Пиг, Серр и т. д. Некоторые бывшие епископии, получившие ранг митрополий, занимают соответствующее место в списке. С другой стороны, целый ряд митрополий сдвинут вниз. Это в значительной степени номинальные митрополии, потерянные Византией или утратившие прежнее значение (Иконий, Амасия, Коринф и т. д.). В числе «отодвинутых» оказался и Трапезунд. Сдвиг объясним и общей перестановкой в списке (введением новых митрополий в его верхнюю часть) и состоянием трапезундско-византийских отношений во второй

половине XIII в., которые тогда еще не были достаточно прочными, а Трапезундский митрополит не принимал регулярного участия в патриарших синодах в Константинополе.

При Андронике III (1328 – 1341) Трапезунд вновь занимает свое прежнее 33-е место. Это связано с пересмотром всего списка в сторону архаизации, а также с общим укреплением трапезундско-византийских связей.

Важнейшие изменения в отношении Трапезунда зафиксированы нотицией конца XIV в., где целый ряд рукописей содержит добавление: Трапезундский митрополит ἔχει δε νῦν τὸν τόπον τοῦ Καισαρείας (Ἐφέσου)[161] . Значит, даже в документах, рассматривавших теоретическое положение вещей, Трапезундский митрополит получает право замещать первое или (реже) второе места списка. Это значительное возвышение его роли. Аналогичный порядок зафиксирован и в синодальных актах, которые, с незначительными колебаниями, следуют порядку, предусмотренному нотицией Андроника III. Весьма серьезный сдвиг зафиксирован актом патриарха Иосифа II относительно монастыря Алипиу на Афоне (май 1428 г.). Вопреки обыкновению, Трапезундский митрополит назван первым из поименованных, выше митрополитов Ираклии, Кизика, Неокесарии, Пелопоннеса. Чем это объяснить? Издатель акта Ф. Дэльгер считал, что это личные почести, возданные трапезундскому митрополиту, свидетельствующие о росте значения трапезундской митрополии, которую он представлял[162]. Однако в акте о трапезундском митрополите сказано: τὸν τόπον ἐπέχοντες τοῦ Ἐφέσου[163]. Это значит, что трапезундскому митрополиту предоставлялось право занять место митрополита Эфеса, быть locum tenens. Как пишет Ж. Даррузес, это была одна из привилегий, позволявшая временно или постоянно возвысить митрополита вопреки предусмотренной иерархической последовательности. Но, хотя такая практика и встречалась с XIII в., до XV в. ее следы немногочисленны[164].

Новый документальный факт, свидетельствующий о постоянном характере возвышения трапезундской митрополии, отражен греческими актами Ферраро-Флорентийского собора. В отличие от предшествующего периода, перед началом собора уже целый ряд архиереев греческой церкви получил право быть locum tenens пустующих высоких кафедр. Это был вполне естественный шаг, направленный на то, чтобы придать большую представительность готовящемуся собору. В числе получивших это право был

Трапезундский митрополит Дорофей, locum tenens Кесарийской (первой!) епархии. В описании торжественной церемонии прибытия Иоанна VIII, константинопольского патриарха, и греческого духовенства в Италию Трапезундский митрополит назван первым, после представителей патриархов, выше митрополитов Кизика (locum tenens митрополита Анкир) и самого Виссариона Никейского (locum tenens митрополита Сард). Это же положение сохраняется при подписании Акта определения собора, за исключением перемены местами митрополитов Кизика и Трапезунда[165].

Порядок, зафиксированный в документах XV в., сложился ранее, но, в силу известного канонического консерватизма, оформился лишь в 20 – 30-е годы XV в. Однако и здесь поднятие митрополии происходит не за счет пересмотра списка, а за счет передачи титула более высокой, но утраченной епархии. Систему «locum tenens» не всегда можно понимать как передачу прав на митрополию, захваченную врагами. Чаще это просто способ, безболезненно для традиции, повысить ранг важной епархии. Трапезундский владыка, например, не был бы в состоянии духовно окормлять население митрополий Эфеса или Кесарии Каппадокийской. Зато он реально мог это делать для христиан сопредельных с империей Великих Комнинов епархий: Амасии, Неокесарии, Колонии, Кельтцины, Алании, Сотирополя и др. Именно поэтому право распоряжения имуществом Константинопольского патриархата в 1391 г. передается эконому трапезундской церкви и патриаршему экзарху Феодору Панарету[166]. Еще ранее, в 1384 г. патриарх утверждает епископа Лимний Иосифа экзархом и управляющим митрополией Амасии[167]. Повышение места трапезундской митрополии связано с признанием ее значения как форпоста Константинопольского патриархата на северо-востоке Малой Азии, поддерживавшего православие и на управляемых мусульманскими правителями территориях Малой Азии; оно было объективным отражением возраставшего значения Трапезундской империи в византийской внешней политике. О том же говорят и другие факты.

В беседе с папским легатом Павлом в июне 1367 г. экс-император Иоанн VI Кантакузин отмечал, что для исследования причин греко-римского конфликта по вопросам вероучения необходимо присутствие, помимо восточных патриархов, католикоса Ивирии, патриарха Тырнова, архиепископа Сербии и митрополитов России, Трапезунда, Алании и Зихии[168].

Во второй половине XIV в. трапезундские митрополиты чаще приезжают в Константинополь. После марта 1364 г. сюда для хиротонии прибыл избранный в Трапезунде митрополит Иосиф (Иоанн) Лазаропул[169]. Ряд патриарших грамот подписан им как членом синода в период его пребывания в столице Византии с весны 1364 г. по апрель 1365 г.[170] Покинув трапезундскую кафедру, Иосиф ищет себе прибежище вновь в Константинополе[171]. В этом же городе в ноябре-декабре 1369 г. был избран и рукоположен его преемник митрополит Феодосий, выходец из Фессалоники, монашествовавший 20 лет на Афоне и ставший затем игуменом столичного Манганского монастыря. 13 августа 1370 г. Феодосий прибыл в Трапезунд и был интронизирован[172]. Очевидно, что в этих случаях происходило некоторое нарушение вышеупомянутой привилегии трапезундской митрополии (акт 1 января 1260 г.), состоявших в том, что Трапезундский митрополит должен был избираться на соборе своего диоцеза и там же получать посвящение от патриаршего представителя. Однако мы видим, что митрополит Иосиф сам ехал для рукоположения в Константинополь, а Феодосий был там и избран, и рукоположен. Но мы не располагаем свидетельствами о недовольстве этим в Трапезунде. Связи Иосифа Лазаропула с византийским правительством нам уже известны. Отношение же к митрополиту Феодосию в Трапезунде было весьма почтительным; это единственный архиерей, жизненный путь которого описан Панаретом, о котором высоко отзывается хрисовул трапезундского императора[173]. Наконец, это – брат Дионисия, известного подвижника и основателя монастыря на Афоне. В поставлении Феодосия вновь чувствуются связи Трапезунда с династией Кантакузинов, с их политикой; поставление совершал патриарх – кантакузинист Филофей Коккин, а поставляемый был игуменом того самого Манганского монастыря, где принял постриг Иоанн VI Кантакузин.

Хотя Алексей III сознательно пошел на отмену привилегии трапезундской митрополии (1260 г.), и он, и, тем более его преемник Мануил III (1390 – 1417) добивались назначения угодных им кандидатов на архиерейские кафедры. По просьбе Мануила, патриарх Матфей разрешил в 1400 г. избрать в Трапезунде митрополита Алании, учитывая сложности путешествия в Константинополь морем во время войны с османами. Соответствующие предписания были даны патриаршему экзарху в Трапезунде Нафанаилу[174]. Однако впоследствии патриарх не признал митрополита, обвинив избиравших в симонии[175],

включая и самого императора, предлагавшего и патриарху сначала 5, а затем 8 соммов за утверждение и повелел избранному явиться на синод в течение 4 месяцев для объяснений и оправданий[176]. Вместе с тем, патриарх призвал на синод предложенную ему императором кандидатуру иеромонаха Симеона для поставления его митрополитом Трапезундским[177]. Видимо, Симеон это сделал и добился одобрения синода: интронизация вернувшегося из Константинополя Симеона в Трапезунде состоялась 14 июля 1402 г.[178] Назначения трапезундских владык в Константинополе продолжались и позднее в XV в.[179] Добрые отношения между вселенским патриархатом и трапезундскими императорами продолжали поддерживаться в течение всего XV в., до самого падения империи в 1461 г. Константинопольские патриархи обращались к Великим Комнинам с разными посланиями. Григорий III Мамм (1443 – 1450) писал Иоанну IV о прибавлении, сделанном латинянами в символе веры[180]. К тому же императору с двумя посланиями обращался и Георгий (Геннадий) Схоларий, еще до избрания его патриархом, разбирая ту же проблему исхождения Святого Духа в полемике с латинянами[181]. Выбор адресата вряд ли был случаен. Трапезундский василевс и местная церковь занимали стойко антиуниатскую позицию и, вместе с тем, были влиятельной силой.

Между трапезундским и византийским дворами поддерживались не только постоянные политические, но и личные связи. Император Мануил II Палеолог направлял трапезундскому василевсу Мануилу III свои философские и риторические произведения[182]. Тенденции усиления матримониальных союзов между Великими Комнинами и Палеологами продолжились в XV столетии. В 1427 г. император Иоанн VIII Палеолог женится на дочери трапезундского василевса Алексея IV Марии. Она прибыла в византийскую столицу из Трапезунда на галеях и была торжественно встречена в Константинополе 29 августа. Красота деспины и ее достоинства поражали современников[183]. Брак был счастливым, но его прервала неожиданная смерть Марии 17 декабря 1439 г. во время поездки императора на Ферраро-Флорентийский собор[184]. Немного позднее свадьбы Марии (но ранее 1437 г.) произошел и другой брак: второй сын Алексея IV Александр, нередко именуемый на турецкий манер Скантарием, взял в жены дочь правителя Митилены (Лесбоса) генуэзского нобиля Дорино I Гаттилузи Марию. Ранее он был провозглашен наследником трапезундского трона в обход старшего сына императора Иоанна. Иоанн бежал сначала в Иверию, а затем в Каффу, готовясь совершить переворот[185]. В 1429 г. Иоанн совершил

переворот, закончившийся убийством его отца и изгнанием в Константинополь Скантария[186]. Перо Тафур называл его императором в изгнании и намекал на его «нечестные» отношения с сестрой, безусловной поддержкой которой он пользовался[187]. Скантарий не отказался от претензий на трон, и возникла уже известная ситуация: царевич рода Комнинов из Константинополя пытается добиться власти на Понте. Но на этот раз положение было серьезнее: правитель Митилены и византийский василевс были готовы предоставить ему помощь флотом. Экспедиция не состоялась по ряду причин, в том числе, из-за позиции властей Генуи[188] и поддержки Иоанна IV османами[189], но сам конфликт не перерос в византийско-трапезундское столкновение. Стороны не были заинтересованы в нем, особенно в преддверии Флорентийского собора, когда Иоанн VIII всячески стремился подключить к переговорам об унии и трапезундские власти и церковь[190].

Возрастание османской угрозы не привело к созданию союза двух империй, несмотря на тесные отношения между ними. До первого «пробного» нападения османов в 1446 г. в Трапезунде, жившем в постоянном контакте с тюркскими правителями, вообще не ощущали непосредственной угрозы. Отношения Иоанна IV с султаном Мурадом II были хорошими, а весть о воцарении Мехмеда II Трапезундский василевс, по словам Сфрандзи, воспринял как добрую и как залог будущей дружбы, заметив, что султан послал ему дары и подтвердил намерение жить в мире и любви (ἀγάπην) с трапезундским домом, как это было при его отце[191]. В Византии, напротив, турецкая опасность осознавалась ясно и давно. Помощи искали повсюду: у пап, итальянских морских республик, во Франции, Бургундии, Венгрии, на Руси. Были нужны иностранные наемники, флот, деньги, а финансовое положение оставалось крайне тяжелым[192]. Поиском новых союзников, новых средств объясняется и византийское посольство 1449 г. к ивирийскому царю Георгию и трапезундскому императору Иоанну IV, которое возглавил Георгий Сфрандзи, дипломат и друг последнего византийского императора Константина XI. Посольство было торжественным. В его состав входили знатные вельможи, воины, представители духовенства и даже врачи и музыканты. С большими дарами оно покинуло Константинополь 14 октября 1449 г.[193] Послы обладали широкими полномочиями, притом, что их связи с Константинополем поддерживались с трудом. Так, например, посланное Сфрандзи письмо не было получено Палеологом из-за того,

что доставлявший его корабль потерпел крушение у г. Амиса[194]. Сфрандзи не считал препятствием близкое родство Константина XI с Великими Комнинами, это, по его мнению, было легко устранимо, стоило лишь дать подобающие пожертвования и дары церкви[195]. Он склонился к идее брака с грузинской невестой, предпочтя его альянсу с Великими Комнинами, видимо по другой, не объясненной им прямо, причине. Вопреки ивирскому обычаю, и даже втайне от придворных, Георгий согласился дать дочери богатое приданое – 36000 золотых флоринов сразу, и по 3000 флоринов – ежегодно на пожертвования, не считая одежд и украшений[196]. На этих условиях брак был утвержден хрисовулом Константина XI[197]. Однако, из текста Сфрандзи видно, что по вопросу о выборе невесты в самих придворных кругах Византии шла борьба. Великий доместик Андроник Палеолог Кантакузин и Иоанн Кантакузин, близкий друг и соратник Константина XI еще по его правлению в Мистре, настаивали на необходимости брака последнего с трапезундской царевной, т. е. выступали за упрочение союза с Трапезундом накануне падения Константинополя[198]. Заметим, что сторонники упрочения связей с Трапезундом опять-таки принадлежали к роду Кантакузинов. И они добились своего, правда, другим путем, через брак последнего трапезундского императора Давида с Еленой Кантакузиной, которой было суждено стать последней трапезундской императрицей[199]. Постепенно к той же мысли склонился и Сфрандзи. После смерти Мурада II в 1451 г. он советовал Константину заключить брак с вдовой султана «амириссой Марой», дочерью сербского деспота Георгия Бранковича и родственницей трапезундского василевса[200]. Заключением брака с этой, уже немолодой по меркам того времени женщиной (ей было тогда около 33 лет), византийский монарх обеспечил бы дружбу и с Турцией, и с Сербией, и с Трапезундом. Однако, султанша отказалась от замужества, «решив посвятить себя Богу»[201]. Она сохранила высокое уважение к себе турок. Мехмед II очень считался со своей мачехой[202].

История с браком Константина затянулась, и в 1453 г., по словам того же Сфрандзи, Константинополь не получил ни одного обола, ни одного воина из Трапезунда, Валахии и Ивирии для своей защиты[203]. Турецкая дипломатия смогла разобщить греческие государства в критический момент их истории, и история с воцарением Мехмеда II и его обещаний Иоанну IV – тому пример. Лишь после падения Византии трапезундское правительство начнет поиски союзников против османов

как на Западе, так и, особенно, в Малой Азии и на Кавказе (Ак-Коюнлу, Караман, Синоп, а также грузинские государства).

Важным аспектом трапезундско – византийских отношений и вообще духовной истории Понта являются связи империи Великих Комнинов с Афоном. Монашеская республика на Афоне со времени своего возникновения в IX в. и до падения Византии, а нередко и значительно позже, оказывала существенное влияние на идейную жизнь государств православного Востока, на формирование их политики. Многосторонние связи Афона, существование здесь греческих, болгарского, сербского, русского и грузинского монастырей сделали его центром международного духовного общения[204]. С XIV в. влияние Афона, откуда распространяется учение исихастов, еще более растет. Из среды афонской братии все чаще избираются виднейшие иерархи церкви. В этих условиях контакты отдаленных стран с Афоном осознавались как их сопричастность некоему идеальному единству православного мира, были важным политическим, а не только культурным и религиозным фактором.

Истоки связей Трапезундской империи с Афоном восходят к первому веку истории «Святой горы». Сам основатель первого афонского общежительного монастыря – Великой Лавры – Афанасий (в крещении Авраамий) родился в благородной семье в Трапезунде. Его отец был знатным греком из Антиохии, а мать, как отмечает древнейшее Житие святого (редакция А, составленная Афанасием Панагиотом в начале XI в.), была родом из Колхиды, т. е. грузинкой[205]. После того, как он стал учителем в одной из константинопольских школ, Афанасий отправился на Афон, где и подвизался с 957 г., получив дарения основанному им монастырю от императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Местная трапезундская традиция сохранила память об Афанасии Афонском как об одном из «своих» святителей: вскоре после образования Трапезундской империи Акакий Савваит включил в написанное им Житие основателей Сумелийского монастыря на Понте особый, восходящий к XII в. вариант биографии св. Афанасия[206]. Версия Акакия была составлена в первой четверти XIII в. в области Иерусалима человеком, хорошо знавшим и использовавшим понтийскую традицию[207]. В деталях эта версия расходится с древнейшей редакцией Жития св. Афанасия. В частности, в ней указано, что юный Афанасий был усыновлен дукой Трапезунда, увезшим его затем в Константинополь[208], однако, по древнейшей

версии Жития, Афанасий отбыл в столицу в свите присланного на Понт императором Романом Лакапином евнуха-коммеркиария[209]. Различия весьма существенны: они отражают перемены, произошедшие на Понте в XI – XII вв., когда им правили именно дуки из рода Гавров.

О. Лампсидисом установлено, что Акакий написал свое произведение об основателях Сумелы – Варнаве и Софронии – в монастыре св. Саввы Освященного в Иерусалиме в начале XIII в. Вероятно, это было сделано по поручению трапезундских императоров, но цель такого поручения до конца не разъяснена. Нам представляется, что она находится в тесной связи с выработкой официальной идеологии Трапезундской империи, о которой мы уже писали, и с поиском и разработкой культа местных святителей, патронов державы. Великие Комнины стремились постепенно отодвинуть на задний план культ ранее широко почитавшегося на Понте св. Феодора Гавры, чье имя в глазах основателей империи символизировало антикомниновские, децентрализаторские тенденции. В начале XIII в. на ту же роль, что и св. Евгений, могли предназначать и трапезундца Афанасия Афонского, и основателей Сумелийского монастыря. Это обстоятельство и привело к заказу их Житий в иерусалимском монастыре св. Саввы Освященного.

Связи Трапезунда с крупнейшими центрами православного монашества были прочными. Императоры строили и обновляли монастыри не только на Понте, но и в отдаленных от него областях[210]. Постоянно оказывалась помощь и иерусалимским монастырям[211]. Даже кратковременное правление царицы Анны (1341 – 1342), период смут в Трапезундской империи, ознаменовано восстановлением на трапезундские средства монастыря св. Евфимия в Иерусалиме[212]. Между Трапезундом и Иерусалимом осуществлялся интенсивный книгообмен: не случайно многие тексты, относящиеся к истории и культуре Трапезунда, были обнаружены именно в Иерусалимской патриаршей библиотеке[213]. Церковная политика была для Великих Комнинов важным средством в борьбе за признание их государства. Осуществление этой политики и привело к интенсификации контактов с Афоном.

До 1374 г. Трапезундская империя не располагала на Афоне собственным монастырем. Однако достоверно известно, что и до того времени там подвизались монахи-трапезундцы. В 50-х годах XIV в. об одном из них рассказывает Житие отшельника Ромилы[214]. Связи Трапезундской империи с Афоном еще более упрочились, когда трапезундским митрополитом стал Феодосий, в 1331 – 1351 гг.

монашествовавший на Святой горе, затем избранный игуменом столичного Манганского монастыря (1351 – 1368)[215]. Именно в годы игуменства Феодосия в Манганском монастыре принял постриг император Иоанн VI Кантакузин. Феодосий был тесно связан с исихастскими кругами. Помимо близости с отрекшимся от престола, но сохранившим влияние государем, он, видимо, пользовался поддержкой исихастского патриарха Филофея Коккина. Когда в 1368 г. в Константинополь прибыло трапезундское посольство для участия в переговорах и в избрании нового трапезундского митрополита, выбор патриарха и синклита остановился именно на Феодосии[216]. Исихастские влияния, и ранее достигавшие Трапезунда, получили теперь благоприятные возможности для распространения.

Брат Феодосия Дионисий[217] около 1356 – 1366 гг. основал на Малом Афоне небольшой монастырек св. Иоанна Предтечи τῆς Νεὰς Πέτρας[218], испытывавший нехватку средств и страдавший от пиратских набегов. От Константинополя особой помощи не ждали[219], кроме того, в 1345 – 1371 г. Святая гора находилась под властью сербского короля, и Дионисий решил прибегнуть к другому греческому государству, где во главе церкви стоял его брат. Под предлогом встречи с ним Дионисий приехал в 1374 г. в Трапезунд. Царствовавший тогда Алексей III (1349 – 1390) уже был известен как возобновитель монастырей св. Фоки в Кордиле (1362 г.) и Богородицы Сумелы (1364 г.)[220]. Митрополит Феодосий добился для брата приема у императора. Дионисий убедил Алексея III, «подобно всем царям, королям и государям», построить для вящей памяти монастырь на Святой горе[221]. В сентябре 1374 г. Алексей III издал торжественный хрисовул, оформлявший его дарения афонскому монастырю. Император брал на себя издержки по строительству храма, стен, келий монастыря, проведению в него воды и завершению всех начатых ранее работ. Дионисий получал на это 100 соммов серебра, из которых 50 уплачивалось сразу, а 50 – в течение трех лет[222]. После выдачи этих денег монастырь должен был ежегодно получать из императорской казны 1000 аспров в качестве адельфатона (на содержание братии)[223]. Определенные обязательства брал на себя и монастырь: помимо традиционного вечного поминания императора, его родственников, предков и потомков[224], монахи должны были любезно встретить и приютить любого трапезундца, прибывшего для осмотра святых мест и для поклонения, а также принять в число братии тех трапезундцев, которые того пожелают, и будут соблюдать устав обители[225]. Алексей III был объявлен ктитором «монастыря Великого

Комнина»[226], за которым вскоре утвердилось название Дионисиат. Концепция императорской власти, существовавшая в те годы, предусматривала даролюбие государя. Являясь ктитором афонского монастыря, Алексей III стремился уподобиться первым византийским василевсам, финансировавшим строительство обителей на Афоне, как их законный наследник и преемник[227]. Эта преемственность нарочито подчеркивалась архаизированным текстом и внешним видом хрисовула[228]. После того как часть строений была возведена, в 1377 – 1378 гг. Дионисий вновь приехал в Трапезунд за оставшимися 50 соммами, которые и получил без затруднений[229]. Однако во время его отсутствия монастырь был ограблен турецкими пиратами, а братия уведена в плен. Полученные средства пошли на выкуп. Во время третьей, вынужденной поездки в Трапезунд (между 1382 и 1389 гг.) за материальной помощью Дионисий скончался[230]. После его смерти связи Трапезунда с Дионисиатом не прерывались: продолжалась выплата денег, хрисовул 1374 г. был дважды подтвержден простагмами Алексея IV (1416 г.) и Иоанна IV[231]. В 1416 г. для подтверждения хрисовула в Трапезунд прибыл игумен монастыря Даниил. Алексей IV внес некоторые изменения в пожалование деда: указанные 1000 аспров представитель Дионисиата должен был получать у игумена трапезундского монастыря Христа Спасителя в Халдах, на которого была возложена обязанность производить выплаты вместо испытывавшей затруднения царской казны. Иоанн IV (1429 – 1460) лишь подтвердил сложившийся порядок.

Связи Трапезундской империи с Дионисиатом отражены и в памятниках материальной культуры. В монастыре находится двусторонняя икона с изображением Иоанна Предтечи и императора Алексея III, подносящего церковь святому на одной стороне и трапезундских святых – Канидия, Евгения, Валериана и Акилы – на другой. Возможно, что эта икона была подарена Дионисиату самим ктитором[232]. Надпись на ней содержит полный титул трапезундского василевса, стилистика письма и характер изображения василевса весьма близки к тем, что на хрисовуле 1374 г. Современные исследователи датируют икону тем же временем и предполагают, что она была дана монастырю одновременно с хрисовулом. Тем самым мы получаем интересный образец трапезундской живописи конца XIV в.[233] Другая икона – Богоматери с изображением на обороте Алексея III, дающего икону Дионисию, – видимо, более позднего происхождения[234]. В монастыре хранилась также серебряная рака трапезундской работы с

мощами св. Иоанна Милостивого[235]. К сожалению, пожар 1534 г. нанес значительный ущерб и ризнице, и библиотеке монастыря, уничтожив также памятники, свидетельствующие о связях его с Трапезундом в XIV – XV вв.

В 1389 г. сигиллием Антония IV монастырь был признан патриаршим и на него были распространены соответствующие привилегии. Сигиллий, впрочем, отмечает бедность обители в те годы. Видимо, одних поступлений из Трапезунда было недостаточно[236]. Основание Дионисиата и помощь ему с далекого Понта вызвали, тем не менее, большой резонанс на Афоне. Ряд других монастырей, в том числе и более древних, чем Дионисиат, претендовал впоследствии на то, что они были основаны Алексеем III (иногда его путали с византийским императором Алексеем I). Основой для различных подделок служил подлинный Трапезундский хрисовул 1374 г., многократно копировавшийся на Афоне. В числе копиистов был и ивирский митрополит XIV в. Феогност[237].

Предприняв в XVI в. составление поддельного хрисовула для обоснования древности возникновения Кутлумуша, монахи последнего почти без изменений включили в текст фальсификата хрисовул 1374 г. Заменены лишь дата (1374 на 1082 г.), некоторые топонимы и имена. Любопытно, что при перенесении личности дарителя на византийского императора были оставлены без изменений титул василевса Трапезунда, его именование – Великий Комнин и само упоминание о столице – Трапезунде. В тексте фигурирует и Трапезундский митрополит Феодосий. Сохранились и алогизмы от частичной замены имен. Например, иеромонах Кутлумуша Каллист стал кровным братом митрополита Феодосия (каким в хрисовуле 1374 г. был Дионисий). Хрисовул Кутлумуша – copia imitativa – подписан той же рукой, что и весь текст[238].

В монастыре св. Лаврентия также была сделана поддельная надпись о его основании якобы Алексеем III в 1378 г.[239] При реконструкции монастыря Пандократор уже в XIX в. была реинтерпретирована надпись на гробнице ктитора, великого стратопедарха Алексея, чтобы показать, что и этот монастырь был основан Алексеем Комнином[240]. Все эти попытки применить к своим обителям хрисовул 1374 г. или использовать легенду, связанную с основанием Дионисиата, говорят о признании важности дарений Алексея III и роли Трапезундской империи на Афоне.

Об утвердившемся там в конце XIV в. влиянии Трапезунда

свидетельствует и питтакий Иоанна V Палеолога трапезундскому митрополиту[241]. Византийский император, ссылаясь на крайнее бедствие, постигшее Лавру Афанасия (нападения сербов, набеги и грабежи турок, полное оскудения братии), просил трапезундского митрополита оказать посильную помощь Лавре, тем более что ее основатель происходил из Трапезунда. О полученном ответе мы ничего не знаем, но сама грамота – свидетельство финансовых затруднений Константинополя, и, видимо, лучшего положения Трапезунда. Предстоит, однако, выяснить, кому и когда направлялась эта грамота. Издатель документа Г. Хунгер не без оснований предположил, что адресатом мог быть митрополит Феодосий, бывший афонский монах[242]. Действительно, Феодосий хорошо знал положение дел на Афоне и был лично известен византийскому императору. Считая вслед за митрополитом Хрисанфом, что Феодосий архиерействовал в 1370 – 1391 гг., Хунгер теми же годами датировал и питтакий[243]. Однако в 1388 г. трапезундским митрополитом был уже не Феодосий, а Феогност, в 1388 – 1389 гг. совершивший поездку на Русь[244]. Ко времени Феогноста питтакий, видимо, не относится, так как до своего отъезда этот митрополит практически не был в Трапезунде. Кроме того, в конце XIV в. с потерей ряда территорий и нарастанием угрозы со стороны османов и Тамерлана положение Трапезундской империи заметно ухудшилось. Так, Трапезундский хронист со страхом отмечает разгром в 1386 г. Грузии и пленение ее царя Баграта V, зятя трапезундского императора, вместе с семьей. При этом Панарет называет Баграта выдающимся правителем и воином, а силы Тимура оценивает в 800 тысяч человек[245].

Итак, для датировки питтакия остаются 1370 – 1388 гг. Но и этот отрезок времени можно еще более ограничить, поскольку трапезундское влияние на Афоне устанавливается ведь в основном после 1374 г. По нашему мнению, именно хрисовулом Алексея III Дионисиату был создан прецедент и повод обращения с подобной просьбой. Кроме того, в 1373 – 1376 гг., как мы видели, отношения между Трапезундской империей и Византией были весьма натянутыми, если не враждебными. Следовательно, питтакий скорее относится к 1376 – 1388 гг.

Связи Трапезунда с Афоном не ограничивались двусторонними контактами. Через Трапезунд проходили пути грузинского паломника к Святой горе. В Трапезунде вплоть до XV в. воспитывались, обучались и готовились к дальнему паломничеству грузинские иноки[246]. И в

идейном, и в географическом смысле путь из Грузии на Афон открывался иногда у берегов Понта.

Многочисленные связи Трапезундской империи с Афоном нашли свое отражение и в книжных собраниях Святой горы. Немало манускриптов трапезундского происхождения или связанных с Понтом хранят библиотеки Ивирона, Ватопеда, Лавры, Дионисиата (большая часть древнейшего собрания которого погибла, как указывалось, в 1534 г.). Ограничимся несколькими примерами. Библиотека Дионисиата имеет кодекс конца XIV в., содержащий ценнейшие агиографические произведения о св. Евгении (Cod. Athos. Dionys. 154); типикон монастыря св. Евгения находится в иллюминированной рукописи Ватопеда 1346 г. (Cod. Athos. Vatop. 1199)[247]. Трапезундская рукопись XIII в., в составе которой – текст сочинения Кекавмена, происходит из Ивирона[248]. На Евангелии XIII в. того же монастыря имеется весьма интересная надпись о займе, произведенном небогатым трапезундцем Львом Клидом для торговли с Крымом[249]. Уникальна упоминавшаяся приписка к псалтири Ватопеда (Cod. Athos. Vatop. 760), сообщающая о смерти трапезундского полководца, брата Алексея I Давида Комнина в 1212 г. Эти примеры указывают на большое значение рукописей Афона для изучения истории Трапезундской империи и одновременно демонстрируют живую связь двух центров греческого мира.

[1] Theodori episcopi Alaniae sermo epistolaris ad Constantinopolim morantesque in ea episcopos // PG, 1865. T. 140.Col. 392.

[2] *Жаворонков П.И.* Никейско-трапезундские... С. 187 – 190; *Богданова Н.М.* Херсон в X – XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. Т.1. С.95 – 96,102, 119 – 120; *Ченцова В.Г.* Материалы к истории Херсона с средние века // МАИЭТ. 1996. Т.5. С.171 – 184.

[3] *Angold M.* A Byzantine Government in exile. Government and Society under the Lascarids of Nicaea. 1204 – 1261. Oxford, 1975. P. 205.

[4] Об этих событиях см. подробнее: *Шукуров Р.М., Д.А.* Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223 – 1230 гг. (загадка текста Иоанна Лазаропула) // Причерноморье в средние века. М., 1998. Вып.3. С.178 – 200.

[5] *Nystazopoulou M.* La dernière reconquête de Sinope par les grecs de Trébizonde (1254 – 1265) // REB. 1964. T. XXII. P. 241 – 249; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и "синопский вопрос" в 1254 – 1277 гг. // Причерноморье в средние века. СПб. – М., 2000. С.177-208.

[6] Ср.: *Saint-Quentin Simon, de.* Histoire des Tartares / ed. J. Richard. Paris, 1965. P. 70; *Bryer A.* The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // Res Orientales VI. Itinéraires d'Orient. Hommages à Claude Cahen. Leuven, 1994. P.257 – 258; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и "синопский вопрос"...

[7] *Bryer A* The Grand Komnenos and the Great Khan...; *Коробейников Д.А.* Византия и государство ильханов в XIII – начале XIV в.: система внешней политики империи

// Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С.441 – 442.

[8] Основные издания (по Cod Athos.Vatop. 682, f. 649 – 650): *Petit L.* Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde (1er janvier 1260) // ИРАИК. 1903. Т.8, вып.3. С.163 – 171; *Siderides X A.* "Ελεγχος τῆς ἐκδόσεως ὑπὸ τοῦ Р.П. Λουισ Πετιτ τῆς περὶ τῶν προνομίων τοῦ μητροπολίτου Τραπεζοῦντος Συνοδικῆς Πράξεως τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου Νικηφόρου τοῦ Ἐφέσου (1260) // Νεά Σιών. 1907. Т. 6. S. 707 – 747; *Oudot J.* Patriarchatus Constantinopolitani acta selecta. Roma, 1941. P. 84 – 89. Ср.: *Dolger F., Wirth P.* Regesten... 3 Theil. N 1889c; *Laurent V.* Les regestes des actes des patriarches de Constantinople. Vol. I, fasc. 4: Les Regestes de 1208 à 1309. Paris, 1971. N 1351. P. 153 – 155 (обоснование датировки: 1261, не 1260 г.); *Chrysanthos.* Ἡ Ἐκκλησία, P. 176 – 180; *Failler A* Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymère // REB. 1980. T. 38. P. 48 – 50 (аргументация в пользу датирования акта 1260 г. и ошибочности отнесения его к 1261 г.).

[9] *Oudot J.* Patriarchatus...P.84.

[10] *Oudot J.* Patriarchatus...P.84, 86.

[11] *Oudot J.* Patriarchatus...P.86.

[12] Михаил Панарет называет трех жен Мануила: Анну Ксилалою, Ирину Сирикену и Русудань из Ивирии. Ни одна из них не была никейской царевной. См.: Panaretos, P. 62.2 – 5, 63.1 – 3.

[13] *Oudot J.* Patriarchatus...P.86.

[14] *Oudot J.* Patriarchatus...P.88.

[15] См.: Алфавитная Синтагма Матфея Властаря. М., 1996. С.219 – 221; *Соколов И.И.* Избрание архиереев в Византии IX – XV вв. Историко-правовой очерк. // ВВ.1915/16. Т. XXII. С.208 – 210; *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1901. Т.1.Ч.1. С.272 – 273.

[16] *Darrouzès J.* Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. Paris, 1966. P. 108.

[17] *Darrouzès J* Documents...P.11.

[18] См. подробнее: *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. М., 1998. С.256 – 259.

[19] О Лионской унии и антиуниатском движении см., напр.: *Fliche A.* Le problème oriental au second concile oecuménique de Lyon (1274) // OCP. 1947. T. XIII. P. 475 – 485; *Evert-Kappesova H.* La société byzantine et l'Union de Lyon // BS. 1949. T. X. P. 28 – 41; *idem.* Une page des relations byzantino-latines // BS. 1952. T. 13. P. 68 – 92; 1955. T. XVI. P. 297 – 317; 1956. T. 17. P. 1 – 18; *Geanakoplos D.J.* Emperor Michael Palaeologus and the West. 1258 – 1282. A Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge, 1959. P. 258 – 343; *Nicol D.M.* The Greeks and the Union of the Churches. The Report of Ogerius, Protonotarius of Michael VIII Palaiologos in 1280 // Proceedings of the Royal Irish Academy. Sec. C.,1962. Vol. 63.N 1. P. 1 – 16; *idem.* The Byzantine Reaction to the Second Council of Lyons, 1274 // Studies in Church History. Councils and Assemblies. Cambridge, 1971. Vol. 7. P. 113 – 146; *Gill J* The Church Union of the Council of Lyons (1274) Portrayed in Greek Documents // OCP 1974. T. XL. P. 5 – 45; *Laurent V., Darrouzès J.* Dossier grec de l'Union de Lyon (1273 – 1277). Paris, 1977; 1274. Année charnière: mutations et continuités / ed. M. Mollat. Paris, 1977; *Setton K.M.* The Papacy and the Levant... T. 1., Ch.6 – 7; *Dąbrowska M.* Bizancjum, Francja I Stolika Apostolsla w drugiej połowie XIII wieku. Łódź, 1986; *Roberg B.* Das zweite Konzil von Lyon (1274). Padeborn; München; Wien; Zürich, 1990.

[20] *Geanakoplos D* Emperor... P. 275 – 278; *Nicol D.M* The Last Centuries... P 58 – 59.63

[21] Против Михаила VIII выступила его любимая сестра Евдокия, побуждавшая свою дочь Марию и и ее мужа, болгарского царя Константина Тиха, к активным действиям против брата-еретика. Ср.: *Evert-Kappesova H.* La société byzantine et l'Union de Lyon... P.32; *Златарски В.Н.* История на Българската държава през средните векове. София. 1972. Т.3. С.529 – 537.

[22] *Laurent V* Les regestes des actes des patriarches de Constantinople. Vol. I, fasc. 4, P. 212.

[23] *Wadding L* Annales minorum. Roma, 1733. T. V. P. 66 – 67; *Gay J.* Les Régistres de Nicolas III. Paris, 1898. N 384; *Loenertz R. – J* Byzantina et Franco-Graeca. Roma, 1970, P. 554.

[24] *Nicephori Gregorae* Byzantina historia /a cura L. Schopeni. Bonnae, 1829. T. 1. P. 127 – 128.

[25] *Wadding L.* Annales minorum... T. IV. P. 392; *Roberg B* Die Union zwischen der griechischen und der lateinischen Kirche auf dem II. Konzil von Lyon (1274). Bonn, 1964. S.123 – 125.

[26] Первыми издателями документа, О. Рейнальдо и Л. Ваддингом документ был датирован, соответственно, 1278 или 1279 г. (*Baronius C., Raynaldus O., Laderchius J.* Annales ecclesiastici. Barri – Ducis, 1870. T. XXII. P. 418; *Wadding L.* Annales minorum... T. V. P. 65). Ф. Дэльгер/ П. Вирт также отнесли посольство Марко и Марчетто к весне 1278 г. (*Dolger F, Wirth P* Regesten...3 Theil. N 2038a) В. Грюмель предложил другую датировку: первые месяцы 1280 г (*Grumel V* Les ambassades pontificales à Byzance après le II Concile de Lyon // EO. 1924. T. XXIII, N 136. P. 437 – 447). Д. Никол счел, что документ был составлен в конце июня 1280 г., так как в сентябре 1279 г. в Италию из Константинополя возвратилось посольство епископа Гроссетто, а Марко и Марчетто были отправлены после этого и прибыли в византийскую столицу весной 1280 г. Переговоры они вели до конца июня 1280 г., так как позднее Михаил VIII выступил в поход в Вифинию. В документе не упомянута также смерть в тюрьме протостратора Андрея Палеолога (июль 1280 г.), хотя подробно говорится о династической оппозиции. В этом случае, Отчет Огерия сообщает о новом трапезундском императоре Иоанне II, вступившем на трон в июне 1280 г., а не о его брате Георгии (*Nicol D.M.* The Greeks... P.9 – 10). Р. Лёнертц в своей публикации текста Огерия вновь вернулся к проблемам хронологии. Используя показатели порядка регистрации документа в собрании писем папской канцелярии, он склонился к датировке марта-июля 1278 г. Копия с Отчета Огерия была составлена в папской канцелярии одновременно с копиями писем Михаила VIII и патриарха Иоанна Векка, в которых они поздравляли папу с восшествием на престол. Все три письма прибыли в Рим одновременно. Копии с них, считал Лёнертц, были сняты для нужд следующего папского посольства, направленного в Византию осенью 1278 г. Дата в этих копиях отсутствует, как не представляющая интереса для послов (*Loenertz R.* Mémoire. P. 537 – 539). Выводы Лёнертца, основанные лишь на порядке регистрации,. который строго не выдерживался, не являются абсолютно убедительными. Для истории трапезундско-византийских отношений такая датировка создает дополнительные проблемы. Получается, что император Георгий, к которому прибыли константинопольские эмигранты, предпринял новую коронацию, символизирующую его права на византийский трон. Между тем, известно, что до 1282 г. трапезундские и византийские василевсы носили один и тот же титул («василевс и автократор ромеев») и необходимости в дальнейшей легализации прав Великого

Комнина на престол повторной коронацией не было. Иоанн II, напротив, только вступал на престол, притом в экстремальной ситуации династического переворота. Он принимал определенную форму титула и, как мы увидим дальше, Михаил Палеолог стремился именно к ее изменению. Датировка Д. Никола кажется исторически предпочтительной, хотя и она предполагает уж слишком быстрое развитие событий в Трапезунде и столь же быстрое информирование о них константинопольского двора.

[27] *Loenertz R.* Mémoire, P. 554: « .. et si vocaberis imperator adherebimus vobis et *constituerimus* quidquid voluerimus...». В издании Ваддинга – "constituemus" (*Wadding L.* Annales minorum... T. V. P. 67).

[28] *Pachym.*, T. I, P. 653.19 – 655.10.

[29] *Успенский Ф.И.* История...Т.3. С.521; *Chapman C.* Michel Paléologue restaurateur de l'Empire byzantin (1261 – 1282) Paris. 1926 P. 151 (полагал, что существовал союз между Иоанном Ангелом и трапезундским императором, заключенный после победы первого над войсками Михаила Палеолога в 1277 г.).

[30] *Loenertz R.* Mémoire, P. 554 – 555; *Wadding L.* Annales minorum... T. V. P. 67.

[31] *Loenertz R.* Mémoire, P. 554.111 – 112: "erant et Latini simul cum eisdem transmissis, cooperantes ipsam legationem ipsorum".

[32] *Loenertz R.* Mémoire, P. 546.

[33] См. ниже, гл.6, а также: *Origone S.* Bisanzio e Genova. Genova, 1992.P. 127 – 133.

[34] *Giudice, del, G.* Codice diplomatico del Regno di Carlo I e II d'Angiò. Dal 1265 al 1309. Napoli, 1863. Vol. I. P. 219 – 223 (см. подробнее ниже, Гл.9).

[35] *Geanakoplos D.J.* Emperor... P. 323, Note 74; *Bryer A.* The Fate of George Komnenos, ruler of Trebizond (1266 – 1280) // BZ 1973. Bd 66, S.342 (repr. in: *Bryer A.* The Empire of Trebizond and the Pontos. London: Variorum, 1980.N IV). Противоположное суждение Брайера содержится в его статье: *Bryer A.* Trebizond and Rome // АП. 1964. T.26. P. 294.

[36] *Bryer A.* The Fate ...P. .332 – 350; *Kuršanskis M.* L'Empire de Trébizonde et les Turcs au 13e siècle // REB. 1988. T. 46. P. 109 – 124 ; *Holt P.M.* Early Mamluk Diplomacy (1260 – 1290). Treaties of Baybars and Qalawun with christian rulers. Leiden; NY; Köln, 1995; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и "синопский вопрос"...(там и литература вопроса).

[37] Panaretos, P. 62.5 – 8,26 – 27; Мелкие хроники XIII – XVIII вв. / сост. В.А. Акопян. Ереван, 1951. Т.1.С.44; Т.2. С.147 (на арм. яз.).; русский перевод: *Галстян А.Г.* Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII – XIV вв. М.,1962. С.29, 83.

[38] *Bryer A.* The Fate ...

[39] Посольства Михаила в Трапезунд Ф. Дэльгер/ П. Вирт датировали июнем 1280 – 1281 г. (*Dölger F, Wirth P.* Regesten...3 Theil. N 2046a). Их было несколько. Пахимер указывал, что Палеолог *часто (πολλάκις)* посылал напоминания Иоанну об отказе от титула (*Pachym., T 2 (CFHB)* P. 653.19 – 23). Такие переговоры, бесспорно, велись и с предшественниками Иоанна, Мануилом (вспомним грамоту 1260 г.) и Георгием. Ср.: *Dölger F., Wirth P.* Regesten... 3 Theil. N 1889a.

[40] *Pachym , T. 2 (CFHB)* P. 653 – 655.

[41] *Pachym., T. 2 (CFHB)* P. 653.27 – 655.8.

[42] Panaretos, P. 62.19 – 21.

[43] Видимо, этот тот самый Феодор Ксифилин, который, в качестве хартофилака великой церкви скрепил в 1260 г. уже известную нам грамоту о привилегиях трапезундской церкви. В 1264 – 78 гг. он уже был великим экономом св. Софии (ср.: PLP, Fasc.8. N 20944).

[44] На основании пометы в Cod Vatic.Graec.1137. f.12v. См.: *Dölger F., Wirth P.* Regesten...3 Theil. № 2050; PLP, Fasc.2. N 4590.

[45] *Pachym., T. 2 (CFHB)* P. 655.18 – 29.

[46] Panaretos. P. 62 10 – 12. Предположение А. Грегуара (сделанное на основании атрибуции надписи в Иконии 1297 г.) о том, что Пападопул – Мануил Комнин, эмир Арана, сын принявшего монашество Иоанникия, сына Иоанна I Аксуха, было опровергнуто П. Виттеком, доказавшим, что эта надпись относится к потомку МАВРОЗОМОВ Иоанну Комнину, находившемуся на службе у сельджуков. См.: *Grégoire H.* Notes épigraphiques // Revue de l'instruction publique en Belgique. 1909. N.S.,T. LII. N X. P. 17; *Wittek P* L'epitaphe d'un Comnène à Konia // Byz. 1935. T. X. P. 505 – 515; *idem* Encore l'epitaphe d'un Comnène à Konia // Byz. 1937. T. XII. P. 207.

[47] *Pachym., T. 2 (CFHB)* P. 657.2 – 8. Датировка Дэльгера: 1281 – сентябрь 1282 (*Dölger F., Wirth P.* Regesten...3 Theil. № 2051) может быть уточнена. Панарет, как отмечалось, сообщил о походе войска Давида IV на Трапезунд в апреле 1282 г. Так как Иоанн к тому времени уже уехал в Константинополь, посольство Ятропула было до апреля 1282 г.

[48] *Pachym., T. 2 (CFHB)* P. 657.9 – 11.

[49] *Pachym., T 2 (CFHB)* P. 657.11 – 22. Пахимер не комментирует этот поступок послов, не видя возможности оправдать прямое нарушение обещаний. Но ведь для него Иоанн лишь «правитель лазов», «варвар» (см.: ibid. P. 653.20; 655.1). Об отношении византийцев к трапезундцам как к варварам в этот период см. также: *Zachariadou E.A* Trebizond and the Turks (1352 – 1402) // АП. 1979. Т. 35. P.338. Следы прежнего соперничества никейских и трапезундских государей прослеживаются до конца XIII в., когда в византийской сатирической поэме Пулолог делается намек на Великих Комнинов как на происходящих из Анатолии от хвастунов: *Oikonomides N.* Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // АП. 1979. Т. 35. P. 299 – 300.

[50] *Pachym., T. 2 (CFHB)* P. 657.23 – 659.3. В качестве свадебного дара Иоанн получил богато украшенный кодекс Евангелия, так называемое Карахиссарское Евангелие (РНБ, греч.105). См. о нем: *Гранстрем Е.Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Рукописи XIII в. // ВВ. 1964. Т.24. № 443. С.174; *ее же.* Рукописи из библиотеки византийских императоров в Ленинграде (Материалы для истории библиотек в Византии, II) // ПС. 1971. Т.23 (86). №9. С.24 – 25; *Colwell E.C., Willoughby H.R.* The four gospels of Karahissar. Chicago, 1936. Vol. 1 – 2, см. ос. Vol. 1. P. 3 – 14.

[51] См : *Failler A* Les insignes et la signature du despote // REB. 1982. T. 40. P. 173 – 174.

[52] *Pachym.*,T. 2. (CSHB) P. 448.9 – 11.

[53] См. подробнее: *Карпов С.П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII – XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С.158 – 159; *Oikonomides N.* The Chancery... P. 321 – 330. Ператия означала северопричерноморские владения, прежде всего – Крым. Это недвусмысленно объясняет, в частности, пространная греческая хроника начала XVI в.: Ecthesis Chronica and Chronicon Athenarum / ed. Sp. P. Lampros. London, 1902. P. 33.15 – 17; *Philippides M* Emperors, Patriarchs and Sultans of Constantinople, 1373 – 1513. An Anonymous Greek Chronicle of the XVIth Century. Brooklyne, 1990.§ 63. P. 82.

[54] *Nic.Greg.*, T. I. P. 148.22.

[55] *Pachym.*, T. 2 (CFHB) P. 657.3 – 8.

[56] После избрания на папский престол ставленника и бывшего вассала Карла Анжуйского француза Симона де Бри, папы Мартина IV (1281 – 1285) отношения Рима

и Константинополя еще более ухудшились. Актами от 18 октября 1281 и 18 ноября 1282 г. папа предал Михаила VIII анафеме, тем самым разорвав унию. См.: *Geanakoplos D.* Emperor, P. 341 – 342.

[57] *Dölger F, Wirth P.* Regesten…3 Theil. N 2064.

[58] Panaretos, P. 62.22 – 24.

[59] *Pachym.*, T. 2. (CSHB) P. 287.

[60] *Miller W* Trebizond…P. 32

[61] *Pachym.*, T. 2. (CSHB) P. 287 – 288; *Laurent V.* Regestes, T. I. Fasc.4. P 359; *Verpeaux J.* Nicéphore Choumnos, homme d'état et humaniste byzantin (ca.1250/55 – 1327). Paris, 1959. P. 43 – 44. Ирине в это время было 7 или 8 лет.

[62] Panaretos, P. 63.15 – 17, 63.24 – 64.2; HDSE, P. 218; *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ἀνάλεκτα...T. 1.P. 431 – 434.

[63] Panaretos, P. 63.11; *Pachym.*, T. 2. (CSHB) P 288.4 – 6; *Каухчишвили С Г.* Грузинские источники…С.142 – 143. О роде Жакели и составе княжества см.: История Грузии…Т.1. С. 242 – 243.

[64] *Pachym.*, T. 2. (CSHB) P. 288 – 289; *Laurent V* Regestes, T. I. Fasc.4. N 1574 – 1575. P. 359 – 360: датировка событий – 1298 – 22 ноября 1299 г.

[65] *Pachym.*, T. 2. (CSHB) P. 270; Panaretos, P. 63.12 – 13. Имя Михаила не названо. Речь идет о будущем императоре (1344 – 1349).

[66] *Pachym.*, T. 2. (CSHB) P. 288 – 289; *Nic.Greg*, T. I.P. 202 – 203; *Papadopoulos A.* Versuch einer Genealogie der Palaiologen 1259 – 1453. München, 1938. S.32.

[67] PRK, I, N 49, S. 326 – 343; *Darrouzès J.* Les regestes des Actes des patriarches de Constantinople. Vol. I, fasc. 5: les regestes de 1310 à 1376. Paris, 1977. N 2079. Амасийская епархия была захвачена турками и номинальный митрополит получал в управление епископию, которая должна была составлять часть его диоцеза. Утверждение А. Лайу, что новый епископ должен был жить в Трапезунде не опирается на источник (*Laiou A.* Constantinople and the Latins: the Foreign Policy of Andronicus II, 1282 – 1328. Cambridge, Mass., 1972. P. 247 – 248). *Коробейников Д.А.* Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в. // ВВ.1995. Т.56. С.158 – 160.

[68] О состоянии греческой церкви на турецкой территории и о номинальных митрополитах см.: *Vryonis Sp.* The Decline… P. 288 – 350; *Коробейников Д.А.* Северная Анатолия в XI – XV вв.…Ч.2.

[69] PRK, I, N 6, S.146 – 151, N 24, S.236 – 241; *Darrouzès J.* Les regestes Vol. I, fasc. 5. N 2034, 2051.

[70] *Коробейников Д.А.* Понтийские митрополии…С.160.

[71] MM, T.2, № 365, P.64 – 66; *Darrouzès J.* Les regestes des Actes des patriarches de Constantinople. Vol. I, fasc. 6: les regestes de 1377 à 1410. Paris, 1979. N 2775.

[72] *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ἀνάλεκτα...T. 1.P. 425, 428.

[73] PRK, I, N 49, S.330.35.

[74] Panaretos, P. 64.16 – 23: были убиты великий дука Тцатцинский Лека, его сын великий доместик Тцампа и великая дукиня Сирикена. Ранее Василий бежал в Византию от своего старшего брата Андроника III, убившего двух других братьев. Заметим, что с начала XIV в. в Константинополе регулярно находятся возможные кандидаты из рода Великих Комнинов на замещение трапезундского престола.

[75] Panaretos, P. 64.26 – 29; *Nic.Greg.*, Vol. I. P. 536 (ошибочно названа Евдокией); P. 549 – 551 (Ирина); Vol. II. P. 678 – 679 (Ирина).

[76] *Bryer A* Eclipses and Epithalamy in Fourteenth-Century Trebizond // Byzance. Hommage à A. Stratos. Athenai, 1986. T. 2. P. 347 – 349.

[77] Иоанн (Алексей III) родился 5 октября 1338 г.: Panaretos. P. 65 7 – 9; ср. *Nic. Greg.*,.Vol. I, P. 550; Vol. II, P. 679.

[78] *Nic Greg*, Vol, I, P. 549 10 – 11

[79] Panaretos. P. 65.10 – 11.

[80] *Bryer A* Byzantium and the Pontos during the 'Time of Troubles' (1332 – 63) //Acts. XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: main and communications. Moscow, 1991. Vol. 1: History. Shepherdstown, 1996. P. 93 – 105.

[81] Panaretos. P. 65.3 – 6.

[82] *Nic. Greg.*,.Vol. I, P. 549.

[83] PRK, II. № 129. S. 194 – 201. Грамота не датирована. *Darrouzès J* Les regestes... I/V, NN 2193 – 2194 (датировка: после 8 июля 1339 до апреля 1340). О событиях см.: *Kislinger E* Macht und μοιχεία am Hof von Trapezunt. Zu einem Patriarchalschreiben des Jahres 1340 // JÖB. 1994. Bd 44. S.245 – 253.

[84] Panaretos. P. 65.12 – 15: Nic. Greg., Vol, I, P. 549 – 550; Vol. II, p. 679; HDSE, P. 338.1664 – 1672.

[85] *Kislinger E.* Macht, S.250 – 253.

[86] PRK, II, S.198.60.

[87] HDSE, P. 338.1673 – 1676.

[88] Э. Брайер недавно привел собственную классификацию трапезундских «факций», выделив по меньшей мере 2 группировки «поместной» (сельской) знати: аристократы прибрежной полосы и Халдской периферии, противостоящие друг другу и столичной группировке См. *Bryer A.* Byzantium and the Pontos...Другую классификацию выдвигали Я. Фальмерайер и, особенно, Ф.И. Успенский. См.: *Успенский Ф.И* Очерки... С. 99 – 113.

[89] Об участии народа в борьбе знати см: Panaretos, passim; *Nic. Greg*, Vol. I. P. 549 – 551; Vol. II. P. 679 – 682.

[90] *Nic. Greg.*, Vol. I. P. 550; Vol. II. P. 679.

[91] *Nic. Greg.*, Vol. I. P. 550.

[92] Panaretos, P. 65.18 – 20; Nic. Greg., Vol. I, P. 551.

[93] Panaretos, P. 66.1 – 2; Nic. Greg., Vol. I, P. 551; Vol. II. P. 679.

[94] См. История Византии. Т. 3, М., 1967 С. 135 – 137.

[95] *Nic Greg*, Vol II. P. 679 20 – 22.

[96] Как справедливо заметила У. Бош, для внешней политики Византии этот кратковременный успех не имел практического значения: *Bosch U.V.* Kaiser Andronikos III Palaiologos. Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321 – 1341 Amsterdam, 1965. S. 150 – 151. Р. Радич также подчеркивает незаинтересованность Кантакузина в поддержке Ирины Палеологини: *Радић Р.* Време Јована V Палеолога (1332 – 1391). Београд, 1993. С.119.

[97] Ирину поддерживали архонты Амитцантаранты и часть царской гвардии (τοῦ βασιλικοῦ ἀλλαγίου). Великим доместиком, помогавшим Ирине (*Nic. Greg.*, Vol. I, P. 551), был, видимо, один из Амитцантарантов. Оппозицию возглавлял виднейший феодал Мацуки Цанихит. В состав оппозиции входили почти все известные нам крупные феодалы как столичной, так и провинциальной группировок: Panaretos. P. 65 – 66 и указ. место Григоры.

[98] Panaretos, P. 66.5 – 10; *Lampsides O* Ἀνδρέου Λιβαδηνοῦ Βίος καὶ Ἔργα. Athenai, 1975 (далее – Libad.) P. 64 – 69.

[99] Переворот был совершен 17 июля, а 30 июля Михаил уже прибыл в Трапезунд. Очевидно, Кантакузин верно учел непрочность положения Ирины Палеологини и заранее готовил свой «резервный вариант».

[100] Panaretos. P. 66. 17 – 20; *Nic. Greg.*, Vol. II, P. 679 – 680.

[101] Panaretos. P. 66.19 (3 катерги); *Nic. Greg.*, Vol. II, P. 680.12 (2 судна).

[102] Panaretos. P. 66.20 – 29; *Nic. Greg.*, Vol. II, P. 680 – 681. Григора заметил, что в Трапезунде установилось олигархическое правление и сохранялось недовольство дима.

[103] Panaretos. P. 67.3 – 6.

[104] Panaretos. P. 67.1 – 2.

[105] *Nic. Greg.*, Vol. II, P. 681.4 – 7.

[106] Об этом типе гребных военно-транспортных судов см.: *Bryer A.* Shipping in the Empire of Trebizond // The Mariner's Mirror. 1966. T. 52. N 1. P. 6 – 7; *Makris G.* Studien zur spätbyzantinischen Schiffahrt. Genova, 1988. S.171 – 172.

[107] Panaretos. P. 67.7 – 11; *Nic. Greg.*, Vol. II, P. 681.

[108] Panaretos. P. 67.21 – 24, 68.5 – 6; *Nic. Greg.*, Vol. II, P. 681 – 682.

[109] Здесь Лазаропул ошибается, ибо свергнутый в 1344 г. Иоанн III был сыном Михаила (Panaretos, P. 67.8).

[110] HDSE, P. 338.1685 – 1695.

[111] Panaretos, P. 69.8 – 18.

[112] Panaretos, P. 70.3 – 8. *Nicol D.M.* The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca, 1100 – 1460. A Genealogical and Prosopographical Study (DOP, II), Washington, 1968, № 35, P. 143 – 145; о Никифоре Кантакузине см. ibid., № 34. P. 141 – 142; *Радић Р.* Време Јована V Палеолога ... С.173.

[113] В своей «Истории», однако, Кантакузин почти ничего не писал о Трапезунде. Это, вероятно, объяснимо тенденцией его книги: автор освещает лишь основные линии своей деятельности, основные этапы борьбы за власть, а они были связаны с Европой. Несмотря на блестящее знание географии, Малая Азия, по выражению Паризо, остается для Кантакузина «в неопределенности»: *Parisot V.* Cantacuzène, homme d'état et historien. Paris, 1845. P. 16. 21.

[114] *Скржинская Е.Ч.* Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. 1949. Т.2. С.245 – 266; *Balard M.* La Romanie... T. 1. P. 78 – 83; *Origone S.* Bisanzio e Genova. Genova, 1992. P.237 – 239.

[115] См. подробнее *Karpov S.P.* L'Impero... P. 152-154.

[116] Например, семья Иоанна Лазаропула: HDSE, P. 338.

[117] В Константинополе жили следующие трапезундские императоры (в скобках указывается время их пребывания в Византии): Василий (1330? – 1332 гг.), Михаил (1298 – 1341 гг. и 1349 г. – до смерти, после 1355 г.), Алексей III (1340 – 1349 гг.), Иоанн III (октябрь 1322 – 1342 гг. и 1344 – 1362 гг., последние годы – в Адрианополе).

[118] См. подробнее: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье...; *он же.* Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С.220-238.

[119] Ср. История Византии... Т. III, стр. 161 – 172; *Nicol D.M.* The Last Centuries... P. 253 – 317.

[120] См.: *Карпов С.П* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII – XV вв. // ВВ. 1973. Т.35. С.160 – 161.

[121] Panaretos. P. 72 24 – 25.

[122] Panaretos. P 73.17 – 19.

[123] Panaretos. P. 74.24 – 28.

[124] Panaretos. P. 71 20 – 21.

[125] Panaretos. P. 71.22 – 25.

[126] Как писал Григора, в 1341 г. ему было 56 лет: *Nic Greg*, Vol, II. P. 679.25.

[127] Panaretos. P. 74.14 – 16.

[128] Panaretos. P. 74.21 – 23.

[129] Panaretos. P. 74.24 – 32.

[130] Panaretos. P. 75.1 – 3. Ф. Дэльгер – П. Вирт датируют договор концом весны 1363 г.: *Dolger F – Wirth P.* Regesten .... 5. Teil, N 3092.

[131] Коррекцию чтения имени см.: *Loenertz R.* Une erreur singulière de Laonic Chalcocandyle: Le prétendu second mariage de Jean V Paléologue // REB, 1957. T. XV. P. 178. N 1.

[132] *Laonici Chalcocandylae* Historiarum demonstrationes / ed. E. Darkó. Budapestini, 1922. T. 1. (далее – Chalc.) P 75.22 – 76.11; ср.: *Nicoloudis N* Laonikos Chalkokondyles. A Translation and Commentary of the "Demonstrations of Histories" (books I – III). Athens, 1996, P. 207 (перевод), 254 – 255 (комментарий).

[133] Panaretos. P 78.34 – 79.11.

[134] Panaretos. P. 74.19 – 20.

[135] Panaretos. P. 80.12 – 19.

[136] *Ducange du Fresne Ch.* Historia byzantina duplici commentario illustrata, prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum nomismatibus... Paris, 1680. P. 194; *Fallmerayer J.* Geschichte... S. 210 – 311; *Finlay G.* A History of Greece...Vol. IV, p. 385, 437; *Berger de Xivrey I.* Mémoires sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue. // Mémoires de l'Institut de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1853. T. XIX, Part. 2. P. 60 – 61; *Miller W.* Trebizond...P. 68; *Papadopulos A.* Versuch einer Genealogie... S. 46; *Bréhier L.* Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949. P. 33; Panaretos, P. 121 – 123 (комментарии); F. Dölger – P. Wirth. Regesten...Bd V. S. 50 – 52; *Papadrianos I.* The Marriage Arrangement between Constantine XI and the Serbian Mara // Balkan Studies, 1965. T. 6. P. 136, n. 23; *Janssens E.* Trébizonde...P. 117; *Caroll M.* A Minor Matter of Imperial Importance in the Sphrantzes Chronicle // Byz. 1979. T. XLIX. P. 88 – 93.

[137] *Mioni E.* Una inedita cronaca bizantina (dal Marc. gr. 595) // RSBS, 1981. T. 1. P. 75. N 24; PLP, T. 9, N 21365.

[138] *Laurent V.* La date de la mort d'Hélène Cantacuzène, femme de Jean V Paléologue. // REB, 1955. T. XIII. P. 135 – 138; *idem.* La date de la mort d'Hélène Cantacuzène, femme de Jean V Paléologue. Une précision // REB, 1956. T. XIV. P. 200 – 201.

[139] *Loenertz R.* Une erreur .. P. 176 – 184. Автор удачно проследил зависимость Большой хроники от сочинения Халкокондила: *Loenertz R.* Autour du Chronicon Maius attribué à Géorges Phrantzès // Miscellanea G. Mercati, T. 3 («Studi e Testi, 123), 1948. P. 288 – 296. Однако обратная связь, т. е. заимствования Халкокондила из оригинального сочинения Сфрандзи, Малой Хроники, не доказана.

[140] *Giorgio Sfranze* Cronaca / a cura di R. Maisano. Roma, 1990. (далее – Sphr.), XXXI,6, P. 110 19 – 22.

[141] *Loenertz R.* Une erreur... P. 179.

[142] Ср.также: *Caroll M.* A Minor Matter... P.89 – 91.

[143] Panaretos. P. 81.9 – 15.

[144] Ср.: *Bryer A.* Trebizond and Serbia // АП. 1965. Т. 27. P. 28 – 40. Ђурић И. Евдокија Комнина и њен муж Константин Драгаш // ЗРВИ. 1983. Т. 22. С. 259 – 272; PLP, Fasz.5. N 12062, Fasz.3, N 5746; *Радић Р.* Време Јована V Палеолога...С.436.

[145] *Lampsidis O.* La mémoire de Constantin Deyanovitch dans une église de Trébizonde? // Βυζάντιο και Σέρβια κατα τον ΙΔ' αιώνα. Athena, 1996. P. 209 – 211.

[146] *Loenertz R.* Une erreur... P. 179 – 180.

[147] Panaretos, P. 62.2 – 3; 63.18; 64.27; 65.10 – 11; 65.23; 69.12; 69.28 – 29; 70.3 – 5; 70.10; 70.17; 71 3; 71.9; 72.4; 72.12 – 13;72.17; 74.13; 76 14; 80.4; 81.10 – 11; 81.19 – 20. Единственное исключение – именование деспиной сестры Алексея III Марии, но она названа еще «хатунью». Она состояла в браке с ханом Ак-Коюнлу Кутлубеком (1352 г.), постоянным союзником империи. Титул, притом с добавлением, дан как признание царственного положения мужа; см. Panaretos, P. 72.27, 76.3 (δεσποινάχατ). Об этом «понтийском гибриде греческого и тюркского синонимов» см.: *Шукуров Р.М.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С.221 – 222. О греко-тюркской культурной интерференции см. также: *Melikoff I.* Géorgiens, Turcomans et Trébizonde: notes sur le "Livre de Dede Korkut" // Bedi Kartlisa. 1964. T. 17/18. P. 21 – 32; *Bryer A.* Greeks and Türkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. T. 29. P. 113 – 148; *Шукуров Р.М.* Тюрки на православном Понте в XIII – XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып.2. М., 1995. С. 68 – 103. Титул δέσποινα χάτουν применяется также к трапезундской царевне Феодоре, жене другого эмира Ак-Коюнлу Узун Хасана (1453 – 1478 гг.), см.: Ecthesis Chronica... P. 25.21; 60.5 – 6; 60.21 – 22; *Philippides M* Emperors, Patriarchs and Sultans... P. 68.9. Заметим, что Евдокия не называется деспиной до заключения предполагаемого брака ее с Иоанном V Палеологом (или Константином Деяновичем, не носившем, впрочем, царского титула): Panaretos, P. 79.2 – 3; 79.9 – 10. Она именуется деспиной только после возвращения из Константинополя: Panaretos, P. 81.10 – 11.

[148] *Loenertz R.* Une erreur... P. 180.

[149] См.: *Греку В.* К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила// ВВ, 1958. Т. 13. С. 200 – 203; *Веселаго Е.Б.* Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде // ВВ, 1958. Т. 14. С. 194 – 195; *Nicoloudis N.* Laonikos Chalkokondyles. P. 54 – 57 (там же ссылки на основную литературу вопроса).

[150] *Loenertz R.* Une erreur... P. 181.

[151] Точку зрения Лёнертца разделяют: *Lampsides O.* Σύμμεικτα εις το χρονικόν Μιχαήλ του Παναρέτου // АП. 1959. Т. 23. P. 44 – 48; *Barker J.W.* Manuel II Palaeologus (1391 – 1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969. P. 474 – 477; Ђурић И. Евдокија Комнина...

[152] Вернувшийся недавно к рассмотрению этого вопроса югославский ученый Р. Радич, приведя все аргументы сторон и возможные источники, счел вопрос о втором браке Иоанна V открытым: *Радић Р.* Време Јована V Палеолога...С.433 – 437. В последнем критическим издании Хроники Сфрандзи Р. Маизано принял как факт брак Иоанна V с Евдокией : Sphr., P. 111, note 3. Также считает и М. Кэролл: *Caroll M.* A Minor Matter...

[153] Panaretos, P. 78.1 – 7; *Loenertz R. – J.* Chronicon breve ad Graecorum imperatoribus ab anno 1341 ad annum 1453 e codice Vaticano graeco 162. // ΕΕΒΣ. 1958. T.28. P. 308, § 12. *Schreiner P.* Die Byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975. Bd 1. S.182.18; Wien, 1977.

Bd 2. S.310 – 311 Позднее, в хрисовуле Алексея IV и Иоанна IV (1432 г.) говорилось о родовой собственности Андроникопула; см. *Laurent V.* Deux Chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II // АП. 1953. Т. 18 P. 263. 74 – 75.

[154] См. подробнее *Карпов С.П* Венецианско-трапезундский конфликт 1374 – 1376 гг. и неизвестный мирный договор 1376 г. // ВВ. 1978. Т39. С.102 – 109; *он же.* Трапезунд и Константинополь... С. 94, прим. 97.

[155] *Darrouzès J.* Les regestes... T. I/5. NN 2449, 2598, 2639, 2642; T I/6, N 2775, 2894, 2974. См. подробнее: *Коробейников Д.А.* Понтийские митрополии... С.162 – 164; *Nicol D M* The Confession of a bogus Patriarch: Paul Tagaris Palaiologos, Orthodox Patriarch of Jerusalem and Catholic Patriarch of Constantinople in the XIVth Century // Journal of Ecclesiastical History. 1971. T. 21. P. 289 – 299. Новая критическая публикация текста исповедания с переводом на немецк. яз. и подробной статьей о Тагарисе: *Hunger H.* Die Generalbeichte eines byzantinischen Mönches im 14. Jahrhundert // *Hunger H., Kresten O.* Studien zum Patriarchatsregister von Konstantinopel. Wien, 1997. Bd 2. S.193 – 218.

[156] MM, T.2. P.44 – 45; *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/6, № 2742; *Коробейников Д.А.* Понтийские митрополии... С.167 – 168.

[157] Эти сведения содержатся в анонимной болгарской хронике начала XV в.: «Сиа слышавше Трапезонтене и Каффа и Амастро и оть въсекого своего острова приидошу с катръгами своими, с оружием и самострелы и цаграми, носяще и пищу доволну себе, и въси сътицаахуся в святии град...»; см.: *Тютюнжиев И* Българската анонимна хроника от XV век. Велико Търново, 1992. С. 85; *Bogdan J.* Ein Beitrag zur bulgarischen und serbischen Geschichtsschreibung // Archiv für slavische Philologie, 1891. Bd 13, S. 533 – 534; *Григорович В.И.* О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях. Казань, 1859. С. 30; см. также: *Barker J.W.* Manuel II Palaeologus... P. 148. Помощь флотом могла исходить и от генуэзцев и венецианцев, которые также оказали поддержку Константинополю. Необходимые для Константинополя припасы из Трапезунда доставлялись венецианскими кораблями в тяжелые дни 1422 – 1423 гг.: SM, LIV, f.115r-116v (RS, II, N 1884) (распоряжение Сената от 4 июня 1423 г.).

[158] Panaretos, P. 81.9 – 22.

[159] См.: *Beck H.G* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 148 – 156; *Moravcsik Gy* Byzantinoturcica. Berlin, 1959. Bd I, S. 463 – 465; *Darrouzès J.* La Régistre synodal du patriarcat byzantin au XIVe siècle. Étude paléographique et diplomatique. Paris, 1971. P. 338; *Vryonis Sp.* The Decline... P. 302 – 304. Основное критическое издание: *Darrouzès J.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes. Paris, 1981.

[160] См. подробнее таблицу и очерк в статье. *Карпов С.П.* Трапезунд и Константинополь... Таблица, С. 95 – 98, см. также списки в издании Даррузеса, вышедшем в свет после публикации упом. статьи: *Darrouzès J.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae...

[161] *Darrouzès J.* Ekthésis Néa. Manuel des Pittakia du XIVe s. // REB. 1969. T. 27. P. 43.

[162] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. S. 230.

[163] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... S.229.19 – 20; Actes de Kutlumus / ed. *Lemerle P* Paris, 1946. P. 155.19 – 20.

[164] *Darrouzès J.* La Régistre...P. 336.

[165] Concilium Florentinum. Documenta et scriptores, ser. B, Vol. V, fasc. 1: Acta Graeca. / ed. R. Gill. Roma, 1953. P. 12.20 – 23; fasc.2.P. 465.28 – 30.

[166] MM, T. 2. P 154 – 155; *Darrouzès J* Les regestes...T. I/6. N 2890; *Коробейников Д А* Понтийские митрополии... С.168.

[167] MM, T. 2. P. 65 – 66; *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/6, N 2776.

[168] *Meyendorff J.* Projets de Concile oecumenique en 1367. Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul //DOP. 1960. T. XIV. P. 173.127 – 138 (греч. текст); *Иоанн Кантакузин.* Беседа с папским легатом. Диалог с иудеем и др. сочинения / перев. с греч. и комм. Г.М. Прохорова. СПб., 1997. С.49 – 50.

[169] Panaretos, P. 75.24 – 25.

[170] MM, I, № 194, 197, 199, 202 – 206, 209, 212, 228; *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/5, N 2465, 2475, 2478 – 2482, 2484 – 2485, 2488 – 2489; Panaretos. P. 75.30 – 32: прибыл в Трапезунд 13 апреля, интронизирован 15 апреля 1365 г.

[171] После непродолжительного пребывания в разграбленном трапезундском монастыре Елеусы, куда он удалился 12 ноября 1367 г. Отплыл в Константинополь 19 июля 1368 г.; см.: Panaretos, P. 76.20 – 25.

[172] *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/5, N 2564; Panaretos, P. 77.17 – 22.

[173] Actes de Dionysiou / ed. *Oikonomidès N.* Paris, 1968 («Archives de l'Athos», IV). P. 60.

[174] MM, T. II, P. 483, 542; *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/6, N 3121.

[175] MM, T. II, P. 483 – 484; *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/6, N 3198: март-апрель 1401 г.

[176] MM, T. II, P. 542 – 543; *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/6, N 3236: ноябрь 1401 г.

[177] MM, T. II, P. 541 – 543; *Darrouzès J.* Les regestes...T I/6, N 3236.

[178] *Bryer A.* Some Trapezuntine monastic obits (1368 – 1563) // REB. 1976. T. 34. P. 137, N 35; *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/6, N3258: 1402 г.

[179] *Darrouzès J* Les regestes...T. I/7, № 3292: 15/ III 1415.

[180] PG, 1866. T. 160. Col.205 – 248; *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/7, № 3404: 1445 – 1450.

[181] PG, 1866. T. 160. Col. 665 – 714; LPP, T. 2. P. 236 – 237; Oeuvres complètes de Gennade Scholarios / ed. L. Petit, X.A. Siderides, M. Jugie. Paris, 1935. T. 4. P. 453 – 454.

[182] *Dennis G.* The Letters of Manuel II Palaeologus. Washington, 1977. N 53. P. 150 – 153 (ок. 1409/10 г.).

[183] Sphr., XIV, 3. P.30.10 – 12; Хроника Псевдо-Сфрадзи=Макария Мелиссина: Georgios Sphrantzes. Memorii 1401 – 1477 / ed. V. Grecu. Bucureşti, 1966 (далее – Pseudo-Phr.), P. 262; Ducas, XX,7, P. 139; Chalc., T. II, P. 219; Ecthesis Chronica, P. 6 = *Philippides M.* Emperors, Patriarchs and Sultans... P. 32; *Broquière, de la, Bertrandon* Le voyage d'Outremer / ed. Ch. Schefer. Paris, 1892. P. 155 – 157; *Pero Tafur.* Andanças é viajes. Madrid, 1874. P. 158 – 161, 169 – 171; *Pero Tafur.* Travels and adventures. 1435 – 1439 / transl. and ed. by Malcolm Letts. London, 1926., P. 116, 130, 131, 138; *Schreiner P.* Die Byzantinischen Kleinchroniken...Bd I. N 94A, S.630.6; PLP, fasc.9, N 21397; *Lampros Sp.* Εντυμήσεων ητοι χρονικών σημειωμάτων συλλογή πρώτη // NE. 1910. T.7. Σ.155.

[184] Sphr., XXIV,3, P. 86.9 – 10; Pseudo-Phr., P. 332; Ecthesis Chronica, P. 7.8 = *Philippides M.* Emperors, Patriarchs and Sultans... P. 34; Syrop., P. 542; *Schreiner P.* Die Byzantinischen Kleinchroniken...Bd I. N 97, S.640.8; N 98A, S.645.12; *Lampros Sp.* Εντυμήσεων...P. 157, 158. Монодия Иоанна Евгеника на ее смерть: LPP, T. 1. P. 112 – 114.

[185] Chalc., T. II. P. 219 – 220; *Kuršanskis M.* La descendance d'Alexis IV empereur de Trébizonde (Contribution à la prosopographie des Grands Comnènes) // REB. 1979. T. 37. P. 240 – 244;

[186] Chalc., T. II P 220; ASG, AS, 1780, Litt. 4, f. 144r-v: " . violenter per armata manu patrem trucidavit et regimen dicti imperii se suscepit": *Pero Tafur* Travels.. P. 130; *Miller W.* The chronology of Trebizond // English Historical Review, 1923. Vol. 38. N 151. P. 408 – 409; *Vasiliev A A.* Pero Tafur, a spanish traveller of the fifteenth century and his visit to Constantinople, Trebizond and Italy // Byz. 1932. T. VII. P. 100 – 101; *Laurent V.* L'assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (+ 1429). Date et circonstances // АП. 1955. T. 20. P. 138 – 143 ; *Bryer A* "The faithless Kabazitai and Scholarioi" // Maistor, 1984. P. 309 – 327 [repr. in: *Bryer A.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. London, 1988. N VII].

[187] *Pero Tafur.* Andanças. P. 158 – 161, 169 – 171; *Pero Tafur* Travels... P. 116, 130, 138 – 139.

[188] См.. *Karpov S.P.* L'Impero... P.173-174.

[189] *Pero Tafur* Andanças... P. 158; *Pero Tafur.* Travels... P.130.

[190] См.: *Karpov S P.* L'Impero... P.205-207.

[191] Sphr., XXX,4 – 6. P. 104.13 – 108.9; Pseudo-Phr., P. 354 – 356.

[192] См., напр.: *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983; *Nicol D.* The Last Centuries... P. 339 – 377.

[193] Sphr., XXX,1, P. 102.20 – 27; Pseudo-Phr., P. 350; *Dölger F. – Wirth P.* Regesten .... 5. Teil. N 3525; *Papadrianos I.* The Marriage...P. 132 – 133.

[194] Sphr., XXX, 2, P.104.1 – 7.

[195] Sphr., XXXI, 5, P. 110.12 – 18; Pseudo-Phr., P. 358.

[196] Sphr., XXXII, 1 – 2, P. 114.1 – 19; Pseudo-Phr., P. 362 (у Псевдо Сфрандзи названа еще бóльшая сумма – 56 000 флоринов).

[197] Sphr., XXXII, 9, P. 118.7 – 16; Pseudo-Phr., P. 366; *Dölger F. – Wirth P.* Regesten .... 5. Teil, N 3538 (1451 г.)

[198] Sphr., XXXII, 7, p. 116.23 – 24; Pseudo-Phr., P. 364 – 366; *Papadrianos A.* The Marriage..., P. 136 – 137.

[199] См. *Nicol D.M.* The Byzantine Family..., № 72, P. 188 – 190; *Laurent V.* Le Vaticanus Latinus 4789, IV. Alliances et filiations des Cantacuzènes au XVe siècle // REB, 1952. T. IX. P. 77 – 83, 88 – 89

[200] Sphr., XXXI, 1 – 10. P. 108.10 – 112.21. Степень родства Мары с Великими Комнинами вызывает дискуссию. Э. Брайер доказывал, что Георгий Бранкович породнился с трапезундским домом через свою жену – Ирину Кантакузину. Я. Пападрианос считал, что первой женой Георгия Бранковича была дочь трапезундского императора, скорее всего – Алексея IV. Термин, который Сфрандзи прилагает к Маре как родственнице трапезундского василевса – 'εξαδέλφη – допускает оба толкования. См.: *Bryer A.* Trebizond and Serbia... P. 28 – 40; *Papadrianos J.A.* Τίνες οι δεσμοί συγγενείας του Γεωργίου Βράνκοβιτς πρός τον οίκον τών Παλαιολόγων // ΕΕΒΣ. 1964. Τ. 33. Σ. 140 – 142; *idem.* Ηταν η Ειρήνη Καντακουζηνή μητέρα της Σερβίδας πριγκίπισσας Μάρας; // Ελληνικά. 1966. Τ. 19. Σ. 113 – 116.

[201] Sphr., XXXI, 11, P. 112.22 – 27; *Papadrianos J.* The Marriage arrangement between Constantine XI Palaeologus and the Serbian Mara (1451) // Balkan Studies. 1965. T. 6. P. 131 – 138. PLP, fasz.7. N 17210. Псевдо-Сфрандзи, Макарий Мелиссин, еще более «состарил» Мару, написав, что «амириссе» было около 50 лет: Pseudo-Phr., P. 358.14 – 15. Ср. поправку: Ђурић И. Евдокија Комнина... P.262, прим.8.

[202] См. о ней: *Babinger F.* Aufsätze und Abhandlungen zur Geschichte Südosteuropen und der Levante. München, 1962. Bd 1. S. 97 – 106, 340 – 343; PLP, fasz.7 N 17210 (там и указания на литературу).

[203] Sphr., XXXVI, 8, P. 140.6 – 8.

[204] См: *Amand de Mandieta E.* Mount Athos. The Garden of the Panaghia. Berlin, 1973 (BBA, Bd 41); Алексидзе А.Д. Афон тысячелетний. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).

[205] Житие преп. Афанасия Афонского / По рукописи Московской Синодальной библиотеки изд. И. Помяловский. // Записки имп. Санкт-Петербург. ун-та. Истор. – филол. фак-тет, 1895. Ч. 35. С. 3; новое критическое издание: Vitae duae antiquae sancti Athanasii Athonitae /Ed. J. Noret. Brepols, 1982 (далее: Vitae). P. 5. Автором Жития А, составленным между 997 и 1000 г., был образованный монах Афанасий, возможно, из монастыря Панагиу в Константинополе, ученик игумена Антония, любимого ученика св. Афанасия (ibid., P. CX, CXXX – CXLV). Ср. также житие В (составленное в Лавре в сер. XI – сер. XII в.): Vitae, P. CXXVII – CXXVIII; *Lemerle P.* La Vie ancienne de saint Athanase l'Athonite composée au début du XIe siècle par Athanase de Lavra // Le Millenaire du Mont Athos, 963 – 1963. Chevetogne, 1963. T. I. P. 59 – 100.

[206] *Lampsidis O.* Μιά παραλλαγή της βιογραφίας Αγίου Αθανασίου του Αθωνίτου // Βυζαντινά. 1974, Т. 6. Σ. 283 – 319. Изображенный на фреске в с. Ачи «Афанасий Трапезундский» отнюдь не идентичен, как полагает Д.Г. Иосебидзе, Афанасию Афониту (см.: *Иосебидзе Д.Г.* Роспись церкви св. Георгия в селении Ачи, Грузия // Памятники культуры. Новые открытия, за 1975 г. М., 1976. С. 158, прим. 18). Вероятнее, это трапезундский митрополит времен Василия I (867 – 886) Афанасий Демонокаталит, почитаемый в Трапезунде как местный святой. См. о нем выше, Гл.1; также: *Chrysanthos.* Η Εκκλησία, Σ. 152 – 153, 217 – 221; *Janin R.* Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bythynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). P., 1975, p. 256; *Bryer A.* Greeks and Türkmens...P. 124, Note 32; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... P.320 – 321. Смешение малоизвестного на Западе трапезундского святителя с другим св. Афанасием, Александрийским, встречалось и у средневековых путешественников и географов – Одорико де Порденоне и Джона Мандевиля. См.: *Свет Я.М.* После Марко Поло. М., 1968. С. 171; *Wyngaert, van den A.* Sinica Franciscana. Vol. 1. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi – Firenze, 1929.T. 1. P. 415; Mandeville's Travels. L., 1953. Vol, I. P. 103 – 104; Vol. 2, P. 311.

[207] *Lampsidis O.* Μιά παραλλαγή... P. 317 – 319.

[208] *Lampsidis O.* Μιά παραλλαγή... P. 289 – 291.

[209] Vitae, P. 7; ср. P. 130.

[210] *Bryer A.* The Late Byzantine Monastery in Town and Countryside. // The Church in Town and Countryside. Oxford, 1979 [Studies in Church History, 16]. P. 219 – 241 (repr. in: *Bryer A.* The Empire of Trebizond. . ., N VI).

[211] См., например: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841, т. 1, с. 127 – 129.

[212] *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ἀνάλεκτα... T. 1. P. 245; T. 2. P. 255 – 257.

[213] *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ἀνάλεκτα... T. 1. P. 421 – 437; T. 2. P. 255 – 257; *idem.* Ιεροσολυμιτική βιβλιοθήκη. СПб., 1891. T.1.P.451 – 452 и др.

[214] Греческая версия: *Halkin F.* Un ermite des Balkans au XIVe siècle. La Vie grecque inédite de St. Romylos. // Byz., 1961, T. 31. P. 134. Славянские версии: *Григория* монаха Житие преп. Ромила по рукописи XVI в. Имп. публичной библиотеки собрания Гильфердинга / Сообщ. П.А. Сырку // Памятники древней письменности и искусства.

СПб. 1900. Т. 136 С 23. Сербский извод XVII в издан И. Диничем: Гласник друштва српска словесности. 1857. Т. 8, С 252 – 255.

[215] *Chrysanthos.* Η Εκκλησία, Σ. 254 – 256; *Lampsides O.* Βιογραφικά των αδελφών Διονυσίου, ιδρυτού της εν Αγίω Όρει μονής και Θεοδοσίου, μητροπολίτου Τραπεζούντος // Αρχειόν Εκκλησιαστικού και Κανονικού Δικαίου. 1963. Τ.18. Ν 2. Σ.101 – 124.

[216] *Laurdas B* Μητροφάνους Βίος του οσίου Διονυσίου του Αθωνίτου // ΑΠ. 1956. Т. 21. Σ 59; *Lampsides O.* Βιογραφικά... P. 117.

[217] Сохранившееся Житие св. Дионисия было написано в XVI в. монахом Митрофаном, использовавшим древнейшую редакцию начала XV в. См. публикацию: *Laurdas B.* Μητροφάνους Βίος... P. 43 – 79; ср. : *Lampsides O* Βιογραφικά... P. 107.

[218] *Laurdas B.* Μητροφάνους Βίος... P. 54 – 57; Actes de Dionysiou... P. 5.

[219] Хрисовулом 1366 г. Иоанн V Палеолог лишь подтвердил дарения монастырю на острове Лемнос. См.: Actes de Dionysiou... N 3. P. 10.

[220] Panaretos, P. 74. 6 – 8; *Fallmerayer J. Ph.* Original Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaisertums Trapezunt. // Abhandlungen der Historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1843. Bd 3. S. 92 – 100; MM, V, p. 276 – 281; ср.: *Janin R.* Les églises.., P. 275, 293 – 294; *Bryer A.* The Late Byzantine Monastery... P. 228 – 229; *Idem.* The Estates of the Empire of Trebizond // АП, 1978/79. T. 35. P. 419 – 420 (repr. in: Bryer A. The Empire of Trebizond... N VII).

[221] Actes de Dionysiou... P. 60.16 – 25; *Laurdas B.* Μητροφάνους Βίος... P. 60 – 62.

[222] Actes de Dionysiou... P. 61.47 – 51.

[223] Actes de Dionysiou... P. 61.51 – 60.

[224] Actes de Dionysiou .. P. 60.38 – 44.

[225] Actes de Dionysiou... P. 61.60 – 64.

[226] Actes de Dionysiou... P. 61.46 – 47; *Laurdas B.* Μητροφάνους Βίος... P. 62.621 – 622.

[227] Ср.: *Nastase D* La signification cachée des documents athonites // JÖB. 1983, Bd 32/2. S. 262 – 264.

[228] *Oikonomides N* The chancery... P. 299 – 332.

[229] *Laurdas B.* Μητροφάνους Βίος... P. 61 – 64; *Lampsides O.* Βιογραφικά... P. 119.

[230] *Laurdas B.* Μητροφάνους Βίος... P. 64 – 67; *Lampsides O.* Βιογραφικά... P. 122 – 123. По предположению О. Лампсидиса, Дионисий умер в 1388 г.

[231] Actes de Dionysiou... № 15. P.100 – 101; № 27. P.156 – 157.

[232] Actes de Dionysiou... P.26; *Барский В.Г.* Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1887. Ч. 3. С. 365.

[233] Treasures of Mount Athos. 2 ed. Thessaloniki, 1997. P. 95 – 98 (с изображениями иконы).

[234] Actes de Dionysiou... P. 26. См. афонские легенды об иконе: *Порфирий (Успенский).* Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 г. Киев, 1877. Ч. 1, отд. II, С. 95 – 97.

[235] *Порфирий (Успенский).* Первое путешествие... С.94.

[236] Actes de Dionysiou... № 6. P.63 – 67; *Laurdas B.* Επίμετρον σιγίλλιον του πατριάρχου Αντωνίου διά την μονήν Διονυσίου // ΑΠ. 1956. Т.21. Σ. 77 – 79; *Darrouzès J.* Les regestes...T. I/6, № 2860.

[237] Actes de Dionysiou... P. 52 – 53.

[238] Actes de Kutlumus... T. 1. P. 225 – 228; *Lemerle P.* À propos de la fondation du monastère de Kutloumous, un faux chrysobulle d'Alexis III, empereur de Trébizonde. // BCH. 1934. T. 58. P. 221 – 234

[239] *Yannopulos N.I.* Η επί του Πηλίου μονή του αγίου Λαυρεντίου // ΕΕΒΣ 1935. Τ 11. Σ. 395.

[240] Такая же традиция отражена и в одной из рукописей монастыря. См.: *Millet G., Pargoire J., Petit L.* Recueil des inscriptions chrétiennes de l'Athos, P., 1904. T. 1, N 159 – 160, P. 49 – 50.

[241] Питтакий не датирован, имя трапезундского митрополита не названо. Изд.: *Hunger H.* Kaiser Johannes V Palaiologos und der Heilige Berg. C) Brief des Kaisers Johannes Palaiologos an den Metropoliten von Trapezunt und Exarchen von Lazika die Lavra betreffend. // BZ, 1952. Bd 45. S. 375 – 379.

[242] *Hunger H.* Kaiser Johannes V... S. 377 – 378. Атрибуция принята в кн.: *Dolger F. – Wirth P.* Regesten .... 5. Teil, N 3125, S. 59. О. Лампсидис, однако, полагает, что адресатом Иоанна V был трапезундский митрополит до 1369 г., ибо: 1) в питтакии нет упоминания о дарениях, сделанных Алексеем III Дионисиату, и 2) трапезундский митрополит назван соотечественником (συμπατριώτης) основателя Лавры св. Афанасия, тогда как в действительности он был родом из Македонии (*Lampsides O.* Βιογραφικά... P. 117 – 118, note 5). Отсутствие упоминания о пожаловании Алексея III – типичный argumentum ex silentio – может быть оставлен без внимания, тем более что питтакий адресован не императору, а митрополиту Трапезунда. Именование митрополита «соотечественником» Афанасия, т. е. трапезундцем (ср.: *Hunger H.* Kaiser. . . S. 376.34 – 35), относится не к личности митрополита, а является собирательным термином, обращением к трапезундской церкви, к родине подвижника. Это становится ясным из текста несколькими строками выше (*Hunger H.* Kaiser... S. 376.23 – 24): «ἐπειδὴ ἀπὸ τῆς ὑμῶν πατρίδος καὶ τόπου τῆς Τραπεζοῦντος εὑρέσκεται ὢν καὶ ὁ τοιοῦτος μέγας καὶ ἅγιος Ἀθανάσιος...». Кроме того, по отношению к митрополиту Трапезунда в питтакии повсюду употребляется не множественное число (как в случае с «вашим» соотечественником, Афанасием), а единственное (*Hunger H.* Kaiser..., S. 376.25, 376.31, 376.38). Нам представляется, что личное происхождение митрополита в данном случае не играет роли.

[243] *Chrysanthos.* Η Εκκλησία, Σ. 254 – 256; *Hunger H.* Kaiser..., S. 377 – 378; *Dölger F. – Wirth P.* Regesten .... 5. Teil. S.59.

[244] См.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38. С. 41 – 42; *Laurent V.* La succession episcopale du siège de Trébizonde au moyen âge (additions et corrections). // АП. 1956. Т. 21. P. 87 – 91; *Darrouzès J.* Les Regestes..., Vol. I/6. N 2890.

[245] Panaretos, P. 80.20 – 31.

[246] *Иосебидзе Д. Г.* Роспись... С.158, прим.16.

[247] *Strzygowski I.* Eine trapezuntische Bilderhandschrift vom Jahre 1346. // Repertorium für Kunstwissenschaft. 1890. Bd XIII. H. 4. S. 241 – 263; *Chrysanthos.* Η Εκκλησία, Σ. 411 – 421.

[248] В 1654 г. она была приобретена Арсением Суховым. Ныне – в собрании ГИМ, № 436. См.: Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972 С. 11 – 35. *Фонкич Б.Л.* О рукописи «Стратегикона» Кекавмена // ВВ, 1971. Т. 31. С. 108 – 120. Исправление датировки рукописи (XIII, а не XIV в.) принадлежит Б.Л. Фонкичу.

[249] *Lampros Sp P.* Catalogue of the Greek Manuscripts of Mount Athos. Cambridge, 1900. T. 2. N 4126.

Глава 4

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ И РУССКИЕ ЗЕМЛИ

В XIII – XV вв. Трапезунд, как значительный культурный и религиозный центр православного Востока, поддерживал связи с древнерусскими княжествами.

Отдельные свидетельства русских летописей о Трапезунде и Трапезундской империи не раз привлекали внимание исследователей. Еще А.А. Куник и С.М. Соловьев отметили ламентации древнерусских книжников по поводу горестной судьбы погибших греческих земель, в том числе Трапезунда[1]. Митрополит Макарий (Булгаков) упомянул посещения Руси трапезундскими митрополитами Феогностом (1388 г.) и Феодулом (1407 г.) для собирания милостыни[2]. Л.В. Черепнин также отметил приезд Феогноста в Москву в 1388 – 1389 г.[3] Я.Н. Щапов обнаружил в Уставе князя Всеволода приписку XV в. с упоминанием Трапезунда[4]. Б.Л. Фонкич установил, что рукопись ГИМ № 284 была переписана трапезундским митрополитом Феодулом в период его пребывания в Москве[5]. Единственная статья, специально посвященная нашей теме, написана английскими исследователями Р. Милнер-Галланд и Э. Брайером. В ней освещается посещение Москвы и Новгорода двумя трапезундскими митрополитами[6]. Однако авторов больше занимал вопрос о преемственности на архиерейской кафедре в Трапезунде, чем сами связи между Русью и империей Великих Комнинов. Авторы приходят к заключению, что эти митрополиты направлялись на Русь Константинопольским патриархом и их посещение Русского государства стоит вне связи с политикой трапезундских императоров.

Таким образом, в специальной литературе рассматривались лишь отдельные эпизоды из истории трапезундско-русских отношении, притом в связи с разработкой особых тем. Не была учтена вся

совокупность летописных свидетельств, а некоторые источники, как, например, цикл древнерусских повестей о Флорентийском соборе, «Послание новгородцам» московского митрополита Феодосия (1464), хроника Жана де Ваврина о торговле трапезундцев и другие, до сих пор не привлекались для исследования трапезундско-русских отношений. Я полагаю, что источниковедческая база темы сможет еще более расшириться: наличие таких возможностей показало уже упомянутое исследование Б.Л. Фонкича.

Связи Понта с русскими землями, существовавшие еще до образования Трапезундской империи[7] не прекратились и после 1204 г. Они должны были стать еще более интенсивными: ведь в состав государства Великих Комнинов входил и юго-западный берег Крыма, зависимость от Трапезунда признавали Херсон и Сурож, крупные торговые центры Северного Причерноморья[8]. Через Сурож в Трапезунд поступал русский хлеб, пушнина и другие товары[9]. «История сельджуков» Ибн ал-Биби дает основания говорить о тесных связях Сурожа с каким-то из русских князей: когда в 1222/3 г. сельджукский флот эмира Чобана выступил в поход против Сурожа, последний находился в союзе с русскими и кипчаками[10]. Отождествить русского князя не удается: Ибн Биби называет его просто «маликом руссов». Примечательно лишь, что он был союзником половцев, а после их поражения, стремясь сохранить свое присутствие в Крыму, согласился платить иконийскому султану дань льном, конями и пр.[11] Еще В.Г. Васильевский справедливо заметил, что поход сельджуков против Крыма был эпизодом «большой войны иконийского султана с царем трапезундским»[12], которая закончилась полным разгромом войск султана под Трапезундом императором Андроником I Гидом[13].

Поход татар на Крым в начале 1223 г., битва при Калке (1223) и затем татаро-монгольское нашествие на Русь прервали складывавшиеся связи, уничтожили на время старые, идущие через Крым торговые пути[14]. Лишь с подъемом Москвы происходит оживление политических, торговых и церковных связей Руси с Византией и Трапезундом. В XIV – XV вв. несколько торговых путей связывали Русь с Причерноморьем: 1) путь до Днепру (основной для X – XI вв.) – теперь он имел меньшее значение и вследствие татарской угрозы, и потому, что днепровские пороги препятствовали перевозу значительных по объему грузов; 2) путь, описанный в «Хожении» митрополита Пимена, написанном Игнатием Смолнянином (конец XIV в.), – по Оке и Дону, через Тану (Азов) в Крым, затем на Синоп, Амастриду и в

Константинополь; 3) путь через Смоленск и Слуцк по западным украинским землям – к Белгороду (Монкастро) и Константинополю. По этому пути шли как из Северо-Восточной Руси, так и из Новгорода (через Полоцк)[15]. Е.Ч. Скржинская указала на существование еще двух путей: 4) «по суху» до крымского берега (чаще к Каффе) и 5) по Волге до Сарая, затем либо до Тамани, либо – по Дону – до Таны[16]. Помимо этих путей существовал еще один – по Волге к Астрахани и через «черкаскую» и «грузинские земли» – до Трапезунда и Царьграда. Правда, упоминание о нем относится уже к 1565 г.[17] Эта магистраль была резервной и могла широко использоваться только после присоединения к России Казанского и Астраханского ханств. Но иногда по Волге и Каспию ходили и прежде; так, например, через Фассо, Шемаху, Дербент, Астрахань добирался из Персии на Русь в 1475 – 1476 г. венецианский посол Амброджо Контарини[18].

Наибольшее значение, бесспорно, имели два направления. Первое – к Белгороду и Тане, а оттуда – к малоазийскому берегу. Анализ значительного числа дошедших до нас источников[19] показывает, что путь от Таны до Константинополя чаще всего лежал через Трапезунд, изредка, в основном в XV в., с заходом в Синоп, ибо в первой половине XIV в. он был настоящим пиратским гнездом.

Другой важнейший путь вел из Монкастро (Белгорода) к Константинополю, минуя Трапезунд. Но примечательно, что именно в Монкастро, где начинался черноморский путь из Руси, Польши и Литвы на юг, и прибывали в значительном числе сами трапезундские купцы, во всяком случае, в XV в.[20] О связях Трапезунда с кипчакской степью и другими северными странами (прежде всего, русскими княжествами) через Крым писал в XIV в. арабский географ ал-Умари, черпавший многие свои сведения из разговоров с генуэзцами и сочинений арабских писателей[21].

Данные о прямых политических и церковных связях Трапезунда и Руси немногочисленны. Все летописи, связанные с Москвой, и общерусские своды сообщили о приезде в Москву трапезундского митрополита Феогноста: «И на том же лете прииде некий гречин митрополит на Русь, именем Феогност тряпизоньский милостыня ради»[22]. Феогност пробыл на Руси более года и 20 мая 1389 г. присутствовал на погребении великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского. Он назван в русских источниках первым среди всех епископов[23] – в соответствии с его местом в Notitiae episcopatuum[24].

Приезд Феогноста пришелся на тяжелое для Московской Руси время: всего 5 – 6 лет назад Москва была сожжена Тохтамышем. Борьба с татарами, приведшая к победе на поле Куликовом, требовала большого напряжения сил и стоила огромных жертв. Но именно эта победа еще выше подняла авторитет Москвы, ее роль в сплочении единого Русского государства. В этих условиях московские князья всячески поддерживали свой международный престиж, учитывая значение прямых связей с Византией и всем греческим миром для укрепления авторитета великого князя и московского митрополита. Л.В. Черепнин справедливо отметил, что поддержка православного населения Малой Азии, Средиземноморья, Палестины, Синая была политикой московских великих князей[25]. Поэтому визит иерея одной из самых почитаемых во вселенском патриархате митрополий и нашел отражение в московском летописании.

Другим трапезундским митрополитом, посетившим Русь, был Феодул. Новгородская Первая летопись отметила его приезд в Новгород «в лето 6915» (сентябрь 1406 – август 1407 г.). Мотив поездки тот же: «милостыня ради»[26]. После богатого Новгорода, от которого было естественно ждать денежной помощи, в следующем году Феодул посетил Москву. Его пребывание здесь было достаточно продолжительным: тут им были написаны две рукописи. Одна (сборник типа «цветослова» – избранные службы из Октоиха, Триоди, Миней и т.д.) – cod. Vatic. Gr. 779 – содержит пометы переписчика, где он сообщил о себе, «смиренном и недостойном грешнике, а ныне епископе Феодуле, прежде (митрополите) Трапезундском». Из приписки ясны и обстоятельства, и время написания рукописи: она создана в Москве, во время болезни Феодула, видимо, вызванной тяжестью путешествия для уже немолодого человека. Рукопись завершена в августе 1408 г. Н. Красносельцев, изучавший манускрипт и издавший его пометы, справедливо заметил, что рукопись предназначалась для продажи: переписчик хотел своим трудом увеличить сумму собранной милостыни[27]. Принадлежность еще одной греческой рукописи, написанной в Москве, перу Феодула (ГИМ № 284) была установлена методом отождествления почерка Б.Л. Фонкичем. Это Триодь постная и цветная, принадлежавшая митрополиту московскому Фотию[28].

Какую же миссию выполняли трапезундские митрополиты во время этих поездок в Москву и Новгород? Казалось бы, русская летопись дает ответ на вопрос о цели их приезда – сбор подаяния. Но кому предназначались эти деньги, и только ли в этом смысл поездки?

Р. Милнер-Галланд и Э. Брайер полагают, что трапезундские митрополиты отправились на Русь из Константинополя сразу же после их избрания, даже не побывав в Трапезунде, т. е. они были посланы туда не Великими Комнинами, а Константинопольским патриархом, неоднократно отправлявшим на Русь и других архиереев. Авторы считают, что трапезундские митрополиты поставлялись не в Трапезунде, а в византийской столице, т. е. привилегии, данные трапезундской кафедре в 1261 г.[29] были отменены. Эти замечания, однако, нуждаются в больших оговорках. Во-первых, порядок избрания трапезундского митрополита в Константинополе лишь начинал устанавливаться в это время и был связан с общим сближением Трапезундской и Византийской империй, с универсалистской политикой в делах церкви патриарха Филофея Коккина. Из двух предшественников Феогноста один, Иосиф Лазаропул, был избран в Трапезунде (1364 г.), другой, Феодосий, в Константинополе (1370). Во-вторых, трапезундские императоры вовсе не отказывались от контроля за назначением на трапезундскую и аланскую митрополичьи кафедры. Мануилу III (1390 – 1416) удалось добиться поставления нужных ему кандидатов даже вопреки строгим каноническим правилам[30]. Оставление столицы империи на длительный срок без архиерея могло произойти только по согласованию с императором, с учетом его интересов. В этом отношении миссия трапезундского митрополита не может быть приравнена к посылке архиерея любой, даже высокой, но не столичной кафедры. Логичнее предположить, что после смерти митрополита Феодосия в 1388 г. избранный на его место Феогност был с согласия Алексея III (1349 – 1390) отправлен в Россию с целью, которая в равной мере учитывала интересы и трапезундской кафедры, и патриархата.

В конце XIV в. для Трапезундской империи наступили тяжелые времена: усилилась турецкая угроза, значительно сократились поступления от итальянской торговли, испытывавшей упадок после Кьоджской войны (1376 – 1381), снижался вес основной трапезундской монеты – серебряного аспра, все больше средств требовали содержание войск, строительство крепостей, флота. В то же время при Алексее III были издержаны значительные суммы на строительство и возобновление монастырей и храмов как в самой империи, так и далеко за ее пределами[31]. По мере нарастания финансовых и политических трудностей правящие круги Трапезундской империи обращали все большее внимание на усиливавшееся Московское княжество. С другой

стороны, высокое положение трапезундского архиерея среди иерархов византийской церкви делало его подходящей кандидатурой патриархата для почетной миссии в Москву и Новгород. Налаживавшиеся через купцов связи Понта с русскими землями закреплялись по официальным каналам.

Важным событием для Византии и Руси был Феррaро-Флорентийский собор. О нем, помимо греческих и латинских источников, ценные сведения сообщают источники русские[32]. Это прежде всего «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского, составленная в 1440-х гг. и написанная участником собора. Симеон повествует о прибытии на собор трапезундского царства митрополита Дорофея и посла трапезундского императора Иоанна IV. Среди других греческих митрополитов особо упомянуты лишь иверский и митрополит «волошских земель»[33]. Только из «Повести» мы узнаем имя трапезундского посла: им был Иоанн, патроним которого – Макродука – сообщает автор пространных воспоминаний о соборе великий экклесиарх константинопольской церкви Сильвестр Сиропул[34].

На основе «Повести» Симеона и некоторых дополнительных источников в 1461 – 1462 г.[35] в Москве было составлено «Слово избрано» о низвержении митрополита-униата Исидора и поставлении митрополитов Ионы и Феодосия. Это прославление ортодоксальной политики московского великого князя, обоснование прав русской церкви на автокефалию носило официальный характер и было выполнено по заказу правящих кругов Московской Руси. Первую часть слова составила переработанная, лишенная биографичности, вторая редакция «Повести» Симеона[36]. Позднее «Повесть» была включена в состав ряда летописей. Несмотря на сделанные сокращения и переработки, автор счел нужным оставить упоминание следующего непосредственно за патриархом «трапизоньскаго царя митрополита»[37]. Может быть, это и память о недавней трагической гибели Трапезундской империи, сохранившей свое православие, не принявшей унию?

Наконец, в записках анонимного суздальца – «Хождение митрополита Исидора на Флорентийский собор» (1439 – 40 г.) – и в компиляции, включившей и переработку «Повести» Симеона – «Слове на латыню» – приведены данные о присутствовавших на соборе греческих митрополитах. В целом автор следует принятому порядку греческих нотиций епископий, хотя и допускает погрешности. Трапезундскому владыке отведено занимаемое им место – вслед за

представителями восточных патриархов – митрополитов Ираклийского Антония, Эфесского Марка, Русского Исидора, Монемвасийского Досифея. Правда, при их упоминании автор «Хождения» не упоминает того факта, что они представляли патриархов[38].

Не только новгородская и московская, но и тверская традиция сохранила воспоминание о Трапезунде и его владыках, также в связи с Флорентийским собором. В похвальном слове некоего инока Фомы великому князю Тверскому Борису Александровичу (1425 – 1461), сочиненном ранее 1453 г., сказано, что этот государь откликнулся на призыв Иоанна VIII Палеолога послать своего представителя на собор. Им стал Фома. Фома явился перед императором, патриархом и греческими архиереями, участниками собора. Все они, при этом в строгой иерархической последовательности говорят одобрительные речи поборнику веры князю Борису Тверскому. Вторым после патриарха и митрополита Ираклийского выступал Трапезундский владыка Дорофей, произнесший: «... Не токмо бо единым кымъ хвалимо имя его, великаго князя Бориса Александровича, но того бо ради бысть славимо имя его, от конець земли исходяще и в море»[39]. Величание Тверского князя греками на соборе в присутствии его посла вряд ли выдумано[40] (хотя сами похвалы несомненно гиперболизированы и содержат элементы последующей обработки древнерусским книжником): то было недолгое время возвышения Твери и смут в Московском княжестве. О знании Твери в Трапезунде, у моря, и сказал митрополит Дорофей. Тверская традиция, в свою очередь, отмечавшая Трапезунд среди епархий и городов греческого мира, вскоре ярко проявится вновь в «Хожении» Афанасия Никитина. Интерес Твери к греческому миру проявлялся издавна и постоянно, вероятно, был элементом церковной политики тверских князей: Михаил Александрович, к примеру, неоднократно посылал милостыню святой Софии Константинопольской и патриарху[41].

Итак, если мы имеем разнообразные свидетельства знакомства русских с Трапезундской империей, закономерно спросить: когда на Руси узнали о падении Трапезунда и какой была реакция на это известие? Обычно считали, что весть о взятии Трапезунда турками пришла на Русь в конце 70-х – начале 80-х годов XV в. В пользу такого предположения приводят сведения «Хожения» Афанасия Никитина и летописной повести «О царе Ахмате, как приходил на Угру» (1481)[42]. Однако имеется документ, позволяющий утверждать, что такое известие было получено значительно раньше. Речь идет о «Послании

митрополита Феодосия новгородцам и псковичам о милостыни на искупление св. Гроба Господня от неверных» (1464). Суть дела такова: в результате землетрясения в Иерусалиме была разрушена одна из наиболее почитаемых святынь Востока – храм Гроба Господня. За разрешение вновь отстроить храм и уберечь его от предполагавшегося сноса мамлюкский султан потребовал большой выкуп – сначала 10, а затем 6 тыс. венецианских дукатов. Чтобы собрать деньги, сам патриарх Иерусалимский Иоаким отправился на Русь, но умер по пути, в Каффе. Довести это дело до конца было поручено его протосинкелу Иосифу, поставленному по просьбе покойного патриарха в Москве митрополитом Кесарии Палестинской. Этот Иосиф сообщил об оскудении казны патриарха, «зане бо много тма беззаконных поганых насилием объят веру благочестив и святаа места града Иерусалима, даже и святаго града Костянтинополя, с ним же Болгарскаа и Серьбскаа и Тряпизонскаа земля, и иныя многия святыя места, иже помогали святому Христову Гробу, и ныне тые вои покрышася мъглою безверия, погаными, увы! последним сим временем, грех ради наших»[43]. Таким образом и было получено на Руси известие о падении столицы последней греческой империи[44]. Позднее о взятии Трапезунда под 6970 г. (1 сентября 1461 – 31 августа 1462 г.), приведя почти точную дату события, сообщила Воскресенская летопись[45].

Наконец, самое яркое свидетельство того сочувствия, с которым наши предки отнеслись к судьбе Трапезунда, находится в анонимной повести «О царе Ахмате», написанной в связи с походом Ивана III и стоянием на Угре, событием, положившим конец татарскому игу на Руси. Повесть звала к мужеству в критический момент русской истории, выступала за решительную и последовательную борьбу с врагом. Автор ее писал: «Да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших... якоже пострадаша и инии велицыи славнии земли от турков. Еже глаголю: болгаре, и сербы, и грецы, и Трапизон, и Аморрея ... и Манкуп, и Кафа и инии мнозии земли, иже не стяжа мужства и погибоша, отечество изгубиша и землю и государьство, и скитаются по чюжим странамъ бедне воистину, и странне, и много плача, и слез достойно, укаряеми и поношаеми, оплюваеми, яко немужствении...»[46].

Единственное описание посещения русскими Трапезунда в интересующее нас время, принадлежит знаменитому путешественнику Афанасию Никитину, возвращавшемуся на Русь из Персии в 1472 г., когда Трапезунд был уже под властью османов. Путь Никитина лежал

от Эрзинджана к Трапезунду, а оттуда морем к Каффе[47]. Русский землепроходец привел интересные данные о войне правителя Ак-Коюнлу Узун Хасана с турецким султаном Мехмедом II. Узун Хасан был союзником последнего трапезундского императора Давида. Получив персидский трон (1471), Узун Хасан начал вести наступательную войну против османов. Афанасий Никитин сообщил, что «Асанбег» послал против турок 40 тысяч своей рати, которая взяла Сивас, Токат, Амасию и пошла к Караману[48]. Войска были близко от Трапезунда, и в городе сохранялась тревожная обстановка – искали лазутчиков Узун Хасана. Никитин шел через территорию последнего и подвергся в Трапезунде досмотру, все его имущество забрали «в город, на гору» (т. е. в трапезундскую крепость) и обыскали, стремясь обнаружить грамоты от Узун Хасана. Эттеров список «Хожения» добавляет, что имущество путешественника во время обыска было ограблено[49]. Эти данные указывают на то, что и после падения Трапезундской империи в ее столице оставались сторонники прежней династии, в пользу которой действовал Узун Хасан. Значение сочинения Афанасия Никитина для нашей темы, конечно, не исчерпывается приведенными в нем фактами из истории политической борьбы в Малой Азии. Эта книга знакомила более широкий круг русских людей с далекими землями, в числе которых был и Трапезунд.

Весьма показательно, что сложившиеся в более ранний период связи Московской Руси с понтийским регионом сохранились и после турецкого завоевания последнего, заметно усиливаясь к концу XVII в. В 1688 и 1694 гг. в Москву за подаянием приезжали архимандриты трапезундского монастыря св. Георгия[50], в 1693 г. здесь была целая делегация от трапезундского Вазелонского монастыря во главе с архимандритом Лаврентием, которая получила царскую жалованную грамоту, а один из членов посольства, греческий ученый иерей Гервасий, остался в Москве для преподавания[51]. В 1742 г., когда вводилась унифицированная форма распределения милостыни монастырям Востока, тот же Вазелонский монастырь был в числе получивших право на выплату из российской казны 175 рублей каждые 5 лет[52].

Что же знали наши предки о Трапезундской империи? Скудость источников затрудняет ответ на этот вопрос. И все же некоторые факты обращают на себя внимание. Как правило трапезундские владения не рассматривались в числе византийских территорий, а позже выделялись и среди турецких земель[53]. Само название Трапезунда всплывает подчас

у составителей и редакторов самых разнообразных русских источников. Укажем на добавление XV в. в Уставе князя Всеволода. В Соловецком списке этого новгородского памятника редактор ввел отсутствующее в других списках замечание: киевский митрополит Михаил был взят князем Владимиром «от земля Трапизоньскыя к Белой Руси, к граду Киеву»[54]. Другой пример – упоминание трапезундской митрополии в русских летописях при изложении Устава (нотиции епископий) Льва Премудрого[55]. С Трапезундской империей мы встречаемся и в произведениях древнерусской литературы, связанных с турецкой темой. В «Сказании брани венециан противу турецкого царя» говорится о покорении Трапезундского царства османами. И хотя эта повесть, вероятно, принадлежит к числу переводных произведений, она значительно переработана, приспособлена к русским вкусам и представлениям начала XVI в. Несмотря на историческую недостоверность многих свидетельств повести, сдвиги в хронологии событий, она верно оценивает общий ход османских завоеваний, указывает важнейшие из них. О Трапезундской империи говорится трижды на восьми страницах рукописи, в то время как даже Константинополь упомянут лишь раз (правда, сведения о его падении точнее)[56].

Все приведенные данные, однако, на наш взгляд, не дают оснований говорить об особой роли Трапезундской империи как наследницы Византии в связях с Русью с 1453 по 1461 г. Это было исключительно тяжелое время для империи Великих Комнинов. Интенсификация связей в этот период в источниках не прослеживается, не менялся и характер взаимоотношений. При всей значительности политических и церковных связей Трапезунд не мог иметь для Руси того же значения, что и Константинополь. Если бы Трапезунд мог казаться русским преемником Византии, это нашло бы адекватное выражение в русских источниках. Кроме того, и в этот период Морея имела более важное значение для Руси, чем Трапезунд[57].

Оценивая совокупность данных об отношениях русских земель с Трапезундской империей, можно констатировать, что сам характер источников выделяет на первый план сферу церковных связей. Материалов по истории торговли немного. Последнее время к ним прибавляются косвенные данные о связях через Азов-Тану[58]. Но нельзя пренебрегать тем, что сама сфера церковного общения в средние века, важная и сама по себе, неотделима от политических и культурных взаимоотношений, для Византии – в особенности. Государственные

взаимоотношения могли также реализоваться в церковной политике и даже растворяться в последней[59]. Нельзя упустить и еще одно обстоятельство: как явствует из источников XVI – XVII вв., восточные иерархи приезжали на Русь в сопровождении многочисленных торговых людей[60]. Отмеченные свидетельства трапезундско-русских отношений, учитывая ограниченность и фрагментарность материалов, имеют более весомый смысл, чем только объективно содержащаяся в источниках информация: ведь в летописи и акты попадали лишь важнейшие факты, имевшие значение для социальных заказчиков этих источников. Ими отмечены немногие проявления экономических и торговых связей. Между тем историки искусства подчас считали возможным говорить о близости живописных школ Древней Руси и трапезундской области, связанной с Востоком[61]. Но эта сторона взаимоотношений еще ждет своего исследователя.

[1] *Куник А.А.* Основание Трапезундской империи в 1204 г. // УЗ АН по I и III отд. СПб., 1854. Т. 2. С. 707; *Соловьев С.М.* История России, Кн. III. М., 1960. С. 214.

[2] Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 330.

[3] *Черепнин. Л В.* Отражение международной жизни XIV – начала XV в. в московском летописании. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 234 – 235.

[4] *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI – XIV вв. М., 1972. С. 76.

[5] *Фонкич Б.Л.* Рец. на Кн. : H. Follieri. Codices graeci Bibliothecae Vaticanae selecti. // ВВ. Т. 35. 1973. С. 285.

[6] *Millner-Gulland R.R., Bryer A.* Two metropolitans of Trebizond in Russia // АП. 1965. Т. 27. P. 21 – 27.

[7] См.: *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1886. Vol, 2. P. 92 – 93; *Липшиц Е.Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. VIII – первая половина IX века. М. – Л., 1961. С. 95 – 96; *Каждан А.П.* Деревня и город в Византии IX-X вв. М., 1960. С. 274 – 278.

[8] *Брун Ф.К.* Материалы для истории Сугдеи. // Черноморье. Одесса, 1880. Т. 2. С. 133; *его же.* О поселениях итальянских в Газарии. М., 1872, С. 8 – 10; *Васильевский В.Г.* Русско – византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. // Труды В.Г. Васильевского. Пг., 1915. Т. 3. С. CLXVIII – CLXXVIII; *Heyd* W. Op. cit., Leipzig, 1885. Vol. I. P. 297; Vol. 2. P. 208 – 211; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. P. 150, 158 – 160. 162, 168, 170; *Bratianu N.* Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle, Paris. 1929. P. 181 – 183, 203 – 204, 205; *idem.* La Mer Noire. Des origines à la conquête ottomane. München, 1969. S. 180 – 183; *Janssens E.* Op. cit., P. 69; *Литаврин Г.Г.* Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи. // История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 49; *Богданова Н.М.* Херсон в X – XV вв.

Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. Вып.1. С. 95

[9] *Якубовский А.Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ, 1928. Т. XXV С. 65; *Nystazopoulou M.G.* Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία ἀπὸ τοῦ ΙΓ΄ μέχρι τοῦ ΙΕ΄ αἰῶνος. Athenai, 1965. Σ.13 – 19 (далее – *Nystazopoulou M.G.* Sugdaia).

[10] Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi / hrsg. von H. Duda, Copenhagen, 1959, S. 130 – 139; *Мелиоранский П.* Сельджук-намех как источник по истории Византии в XII и XIII вв. // ВВ. 1894. Т. 1. С. 640; *Nystazopoulou M.G.* Sugdaia...P. 19 – 22; *Ченцова В.Г.* Материалы к истории Херсона в средние века // МАИЭТ. 1996. Т. 5. С. 171 – 184 (там и литература вопроса).

[11] А.Ю. Якубовский (указ. соч., С. 62) считал, что это был рязанский князь, так как именно он мог платить дань льняными изделиями, не производимыми в связанных с Киевом южных княжествах. Однако этот аргумент неубедителен, так как льняные ткани производились отнюдь не в одной Рязани и могли, кроме того, быть приобретены путем обмена и торговли. Нам, например, неизвестно, чтобы в Рязанском княжестве выращивались породистые скакуны, которые также были подарены султану от «малика русов». Последний, по тексту Ибн Биби, настойчиво пытался сохранить свои позиции в Крыму и даже упрочить их, идя ради этого на уплату дани. Не правильнее ли думать, что перед нами князь-изгой?

[12] *Васильевский В.Г.* Указ. соч., С. CLXXIV, CLXXVI; ср.: *Куник А.А.* О связи трапезундско-сельджукской войны 1233 г. с первым нашествием татар на северное Черноморье //УЗ АН по I и III отд. СПб., 1854, Т. 2. С. 734 – 746.

[13] См. подробнее: *Успенский Ф.И.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929, С. 48 – 58. *Шукуров Р.М., Коробейников Д.А.* Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223 – 1230 гг. (загадка текста Иоанна Лазаропула) // Причерноморье в средние века. Вып.3. М., 1998. С. 178 – 200.

[14] См., напр.: *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). // История СССР. 1967, № 3, С. 107 – 108.

[15] *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 28 – 31, 48 – 52, 70 – 72; *его же.* Средневековая Россия на международных путях (XIV – XV вв.). М. 1966. С. 81 – 88; *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М,, 1956. С. 521 – 522; *Majesca G.P.* Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984 [DOS,XIX]. P.76 – 99.

[16] *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 61.

[17] Ввиду чрезвычайных обстоятельств – войны с Литвой – Иван IV отпустил таким путем в Царьград Кизикского митрополита Иоасафа и афонских старцев, отправившихся вместе с грузинским послом; см.: ПСРЛ, Т. 13, с. 391; Т. 30. С. 340 – 341.

[18] *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч., С. 192 – 202, 214 – 226.

[19] Важнейшие публикации документов и регест: Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato), Serie «Mixtorum», Vol. I / a cura di R. Cessi e P. Sambin; Vol. 2 / a cura di R. Cessi e M. Brunetti. Venezia, 1960 – 1961; *Thiriet F.* Régestes des déliberations du Sénat de Venise concernant la Romanie. T. 1 – 3. Paris, 1968 – 1961; *idem.* Déliberations des Assemblées vénitiennes concernant la Romanie. T. 1 – 2. Paris, 1966, 1971; *Iorga N.* Notices et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL, 1896 – 1900. T. 4 – 8; *Bratianu G.I.*

Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du XIIIe siècle. Bucarest, 1927: Gênes et l'Outre-Mer, t. – 1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289 – 1290 / par M. Balard. Paris, 1973; T. 2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzò, 1360. Paris, La Haye, NY, 1980; *Balbi G., Raiteri S* Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Bordighera, 1973 [Collana Storica di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino, 14]; *Pistarino G.* Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzò (1360 – 61). Bordighera, 1971; *Blanc, baron.* Le flotte mercantili dei Veneziani. Venezia, 1896; Diplomatarium Veneto-Levantinum, pars 1 / ed. G.M. Thomas. Venetiis, 1880; pars 2 / ed. R. Predelli. Venetiis, 1889; *Roccatagliata A.* Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Pera e Mitilene. T. 1: Pera, 1408 – 1490. Genova, 1982; *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV) // ASLSP. 1868. T. VI; 871. T. VII, Parte I. См. также: *Карпов С.П.* Маршруты черноморской навигации венецианских галей "линии" в XIV – XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М.: МГУ, 1991. С. 82 – 97; *он же.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII – XV вв. М.,1994. С. 54 – 61.

[20] Jehan de Wavrin. Anchiennes croniques d'Engleterre. T. 2 / ed. Mlle Dupont. Paris, 1859. P. 85.

[21] *Quatremère M.* Mesalek Alabsar fi Memalek Alamsar, voyages des yeux dans les royaumes des différantes contrées // Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi et autres bibliothèques». Paris, 1838. Vol. 13, partie 1. p. 380.

[22] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. – Л,. 1950. С. 433; ПСРЛ. Т. 8. С. 52; Т. 11. С. 94; Т. 18, с. 138.

[23] ПСРЛ, Т. 4. С. 354; Т. 6. С. 109; Т. 8, С. 58; т. 11. С. 116 – 117; Т. 18, С. 138; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 434.

[24] См. об этом: *Карпов С.П.* Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 95 – 98, табл.

[25] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 234 – 335.

[26] ПСРЛ, т. 3. С. 103.

[27] *Красносельцев Н.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885. С. 38 – 48.

[28] *Фонкич Б.Л.* Указ. соч., С. 285; *его же.* Греческая рукопись митрополита Фотия // Древнерусское искусство. Рукописная книга, М,. 1972. С. 189 – 195. Б.Л. Фонкич установил, что рукопись была написана до пасхи 1409 г., так как содержащаяся в ней пасхалия начинается с этого года. Terminus post quem – пасха 1408 г. Греческий исследователь митрополит Хрисанф предполагал, на основании употребляемого Феодулом слова ποτέ, что к августу 1408 г. из-за болезни Феодул отрекся от места: *Chrysanthos.*Ἡ Ἐκκλησία Τραπεζοῦντος. // АП, 4 – 5. Athenai, 1933 (repr.:1973). P.258 – 259. Митрополит Фотий прибыл в Москву лишь весной 1410 г. и, вероятно, здесь и приобрел эту рукопись, ценную реликвию греко-русских культурных связей.

[29] См. выше, Гл.3.

[30] Там же.

[31]На средства трапезундской казны был основан монастырь на Афоне (Дионисиат, 1374 г.), обновлены или реконструированы трапезундский монастырь Сумела (1364), храм св. Фоки в Кордиле (ок. 1361 г.), монастырь Феоскепаст (1364) и некоторые другие. Причины такого строительства лежали не только в сфере духовных, но и политических интересов. Трапезундской империи приходилось вести борьбу за свой престиж в

греческом мире и на международной арене, и одним из орудий этой борьбы была церковная политика. Показательно, что именно со второй половины XIV в. начинается значительное возвышение трапезундской митрополии во вселенском патриархате.

[32] Concilium Florentinum. Acta Slavica Concilii Florentini. / ed. J. Krajcar. Roma, 1976 (далее – ASCF); *Казакова Н.А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. 1970. Т. XXV. С. 60 – 72. Памятники литературы Древней Руси XIV – сер. XV в. М., 1981. С. 468 – 493. См. указания на литературу вопроса в кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2 (Вторая половина XIV – XVI в.). Л., 1989. Ч.2. С. 334 – 336, 486 – 489. Некоторые работы, наиболее близкие к данной теме: *Делекторский Ф.* Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // ЖМНП, 1895, июль, С. 131 – 184; *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей русской полемики против латинян. СПб., 1878; *Щербина А.Д.* Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса, 1902; *Черепнин Д.В.* К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // СВ, 1964. Т. 35. С. 176 – 187; *Мощинская Н.В.* Литературная история «Повести об осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского. // УЗ МГПИЛ. 1971. № 455. С. 43 – 60; *она же.* Об авторе «Хождения на Флорентийский собор» в 1439 – 1441 гг. //УЗ МГПИЛ, 1970. № 363. С. 288 – 300; *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII – XVII вв. М., 1973. С. 129 – 151; *Казакова Н.А* Хождение во Флоренцию 1437 – 1440 гг. // ТОДРЛ, Т. XXX, 1976, с. 73 – 94; *она же.* Западная Европа в русской письменности XV – XVI вв. М., 1980. С. 7 – 67; *Krajcar J.* Symeon of Suzdal's Account of the Council of Florence // OCP. 1979. T. 45. P. 103 – 130; *Ломизе Е.М.* К вопросу о восприятии Ферраро-Флорентийского собора русской делегацией (анализ сведений Симеона Суздальского) // Славяне и их соседи. Вып. 6. М., 1996. С. 140 – 152; *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). М., 1998. С. 77 – 115.

[33] *Павлов А.С.* Указ. соч., с. 199; ASCF, P.53. Вторая редакция «Повести» (1448-1453) не упоминает трапезундских представителей на соборе, называя в числе греческих архиереев только четверых поборников православия. См.: ASCF, P.81.

[34] *Laurent V.* Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarcque de l'Eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438 – 1439). Paris, 1971. P. 460, 462, 604.

[35] Датировка А.Н. Попова – Ф. Делекторского – А.Д. Щербины – Л.В. Черепнина – Н.А. Казаковой. Также: ASCF, P.107. Н.В. Мощинская (Литературная история..., С. 55.) считает, что «Слово» появилось в 70-х годах XV в.

[36] См.: *Казакова Н.А.* Западная Европа... С. 66 – 67; Словарь книжников... Вып.2. Ч.2. С. 401 – 403.

[37] *Попов А.Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI – XV вв.). М., 1875 С. 364; ср. ПСРЛ, т. 6, С. 152; Т. 8. С. 101; Т. 12. С. 26; Т. 18. С. 178, 182.

[38] Древняя российская вивлиофика М., 1788. Ч. VI. С. 36 – 37; *Сахаров И.* Сказания русского народа СПб., 1849. Ч. 2. Кн. VIII. С. 85; *Казакова Н.А.* Первоначальная редакция ... С. 60 – 72; Хождение на Флорентийский собор // Памятники литературы Древней Руси XIV – сер. XV в.... С. 479; См. также прим. 37. ASCF, P.22.

[39] Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 2, 74 – 275.

[40] Ср. *Синицына Н.В.* Третий Рим... С. 87. Имя Трапезундского владыки названо точно, его место в иерархии, сразу за митрополитом Ираклии, соответствует порядку,

которому следовали и при подписании определения Унии (CF, Epist.,II, N 176, P. 77 – 78). Митрополит Ираклии имел преимущество по рангу как представитель Александрийского патриарха. Трапезундский же митрополит был первым среди остальных архиереев, и эта деталь показывает на знание Фомой положения дел на соборе

[41] *Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский.* История... Кн. 3. С. 3 30.

[42] См., например: *Щапов Я.Н.* Указ. соч., С. 176.

[43] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. 1841.Т. 1. С. 127 – 129.

[44] Сведения о поездке Иосифа на Русь сохранились и в московском летописании. См.: ПСРЛ, Т. 12, С. 116; Т. 25, С. 278. См. также: *Соловьев С М.* Указ. соч., Кн. 3, С. 198.

[45] ПСРЛ, Т. 7. С. 251. Это свидетельство отсутствует в основном источнике Воскресенской летописи – Московском летописном своде 1479 г. Воскресенскую летопись вообще отличает повышенный интерес к греческим делам. В связи с этим встает вопрос об особых источниках ее информации.

[46] ПСРЛ, Т. 8, С. 307: Т. 12, С. 202; Т. 22, ч. 1, С. 501 – 502; Т. 23, с. 182, Т. 24. С. 201 – 202; Т. 28. С. 151, 316; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века... С. 518 – 521.

[47] *Афанасий Никитин.* Хожение за три моря. 1466 – 1472. М. – Л., 1958, С. 29, 50, 67.

[48] Там же.

[49] Там же, С. 29, 50.

[50] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 7196 (1688), 13 декабря, № 8, – приезд архим. Селивестра; 7202 (1694), 26 января, № 15 – приезд архим. Лаврентия. За сообщение этих сведений приносим благодарность О.А. Белобровой.

[51] *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ιεροσολυμιτική βιβλιοθήκη. СПб., 1891. Т. 1. Р. 451 – 452. В письме вазелонских. монахов царям Ивану и Петру излагалась краткая история этого знаменитого монастыря и его бедствия в турецкое время. См. также: *Успенский Ф.И. Бенешевич В.Н.* Вазелонские акты. Л,, 1927. № 188. С. 124. Возможно, что Гервасий предназначался для преподавания в Славяно-греко-латинской академии. Примечателен и еще один факт – приезд трапезундских греков в Москву в 1693 – 1694 гг. состоялся накануне русско-турецкой войны.

[52] *Каптерев В.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 135 – 136. В трапезундском Сумелийском монастыре с XVIII в. сохранялась рукопись начала XVII в. с интереснейшими мемуарами архиепископа суздальского грека Арсения о событиях смутного времени. См. *Дмитриевский А.А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 198 – 199.

[53] Это наблюдается почти во всех цитированных выше произведениях древнерусской литературы (см. прим. 37, 46); Акты исторические... Т. I. С. 128. В Никоновской летописи «Трапизонская земля» обособляется от «турскаго салтана земли». См.: ПСРЛ, Т. 13. С. 391 (под 1565 г.); ср. Т. 30. С. 340 – 341; *Казакова Н.А.* Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 69 – 70. В конце XVII в. в Мазуринском летописце город Трапезунд – уже «арменския страны». См.: ПСРЛ, Т. 31. С. 119.

[54] *Щапов Я.Н* Княжеские уставы .. С. 1 76.

[55] См., например,: ПСРЛ, Т. 5, с. 90 – 91.

[56] *Казакова Н.А.* Новый памятник турецкой темы… С. 69 – 70.

[57] См.: *Тихомиров М.Н.* Греки из Мореи в средневековой России // СВ, 1964. Т. 25. С. 166 – 175.

[58] См., напр.: *Карпов С.П.* Новые данные о православном приходе в Азове в XIV – XV вв. // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 2 1 – 25.

[59] Еще М.Н. Тихомиров справедливо писал, что «в средневековье церковная и гражданская политика смешивались в единое целое». См.: *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией… С. 3 7.

[60] См.: *Каптерев Н Ф.* Указ. соч., С. 117 – 118.

[61] См., например: *Алпатов М, Брунов Н.* Краткий отчет о поездке на Восток. // ВВ, 1926, Т. 24, С. 62.

Глава 5

КУЛЬТУРА ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ[1]

Многие характерные черты культуры Трапезундской империи воплотились в облике ее столицы – одного из древнейших городов Причерноморья, Трапезунда. Его благоприятное географическое положение, роль административного и церковного центра (важнейшей митрополии Константинопольского патриархата), экономическое процветание стяжали городу славу и породили немало хвалебных риторических произведений, энкомиев и экфрасисов. Еще в первой половине XI в. будущий патриарх Константинопольский Иоанн VIII Ксифилин (1064 – 1075), обращаясь к именитым согражданам, называл родной город не иначе как «многославным» (μεγαλοδόξος)[2]. Великим эмпорием (μέγα 'εμπόριον), имеющим собственную хору, называл Трапезунд, комментируя Дионисия Периигита, митрополит Евстафий Солунский (ок.1170 – 75)[3]. И хотя этот комментарий относится к реалиям времен античных, такое представление о городе становится постепенно топосом и для византийской литературы.

Писатель начала XIVв. Константин Лукит недвусмысленно писал о зависимости других понтийских городов от более прославленного, в том числе и своим св. патроном – Евгением «золотого» Трапезунда[4], города знаменитого (περιφανής) и чудесного (θαυμασία) в благословеннейшей земле Халдии[5]. Такой ее сделали прекрасные географические и климатические условия, среди гор и долин[6].

Иоанн Лазаропул в «Слове св. Евгению» называл родной город «древним, великим и прославленным»[7], «прекраснейшим из городов»[8]. Митрополиту были хорошо известны описания Трапезунда в «Анабасисе» Ксенофонта, легенда о проповеди там св. Апостола Андрея и более близкие деяния патрона столицы св. Евгения, свидетельства о чудесах которого он тщательно собирал[9]. Виссарион

Никейский и Иоанн Евгеник воспели (не отрываясь, впрочем, от исторических реалий) в специальных риторических произведениях, экфрасисе и энкомии, положение и красоты города, его роль в торговле и политике той эпохи, в культуре греческого мира[10].

Похвалы легко объяснимы. Перед глазами путника после долгого и нелегкого плавания или же трудных, выжженных солнцем и проходящих затем через горные теснины дорог Анатолии открывалась поистине пленительная картина города, утопавшего в садах, ласкаемого теплым южным морем, украшенного замечательными дворцами и храмами, гордого неприступностью стен своей твердыни.

Трапезундский акрополь возвышается в центре города, на обрывистом естественном плато, окруженном с запада и востока крутыми оврагами и водными протоками. В плане акрополь представлял собой клин, обращенный острием к югу и по горизонтали разделенный на три части. Самая южная из них – древнейшее ядро крепости – была заключена в наиболее мощные стены. Здесь находились императорские дворцы и административные здания. «Средний город», вторая система укреплений, также сложился еще до эпохи Великих Комнинов, вероятно в римский период, но его стены не достигали морского побережья, и с севера крепость была наиболее уязвима. Осада города сельджуками в 1223 г. показала это со всей очевидностью[11]. Кроме того, сама территория крепости была слишком мала и с трудом вмещала жителей, укрывавшихся за ее стенами, когда городу угрожала опасность. Большие фортификационные работы были проведены императором Алексеем II в начале XIV в., когда стены были продлены до морского побережья и площадь укрепления более чем удвоилась[12].

В систему обороны были включены и царские дворцы, находившиеся в древнейшей части крепости. Они примыкали к ее западной стене, возвышаясь над ней примерно на два этажа. По описанию современника, автора «Энкомия Трапезунду» Виссариона Никейского, дворцы отличались особым великолепием внешнего и внутреннего убранства. Их фасады были обращены во внутренний двор крепости, Эпифанию. К центральной части дворцовых сооружений вела парадная лестница. Во внутренних покоях с одной стороны были расположены просторные палаты с балконами, с другой – большой тронный зал, где совершались торжественные акты, заседал синклит, принимались иностранные послы. Здесь под беломраморной пирамидальной крышей, опирающейся на 4 колонны, возвышалось

царское место. В этом великолепном зале пол был выложен белым мрамором, а потолок и стены покрывали прекрасные росписи, возможно не только фрески, но и мозаики (Виссарион писал о сиянии красок, обилии золотых тонов, роскоши и яркости рисунков)[13]. На стенах в ряд были изображены фигуры всех царствовавших в Трапезунде императоров и их константинопольских предков (видимо, Андроника I и его сына Мануила), а также сцены из истории Трапезундской империи, главным образом победы над врагами, среди которых видное место занимала сцена знаменитого разгрома сельджукских войск в 1223 г. Другая парадная зала была украшена росписями на темы Книги Бытия. Внутренние помещения дворца членились колоннадами. По обыкновению, при дворце имелась небольшая домовая церковь; возможно, она располагалась в северной угловой башне акрополя.

Ансамбль дворца и жилых помещений акрополя складывался веками. Исследования выявили его римскую основу, восходящую ко времени до III в. н. э., надписи о постройке стен в эпоху Юстиниана I, слои XIII, XIV, XV вв. и, наконец, османские[14]. Однако в своем нынешнем состоянии крепость в основном сохранила тот облик, который сложился в период Трапезундской империи. Продуманная система обороны соединяла воедино весь комплекс построек. Прямо из императорского дворца можно было попасть непосредственно в «Средний город», в храм Богородицы Златоглавой (Хрисокефал). Свое название этот храм, уже с X в. являвшийся кафедральным собором, получил, видимо, от мозаичного изображения Богородицы в рост, с позлащенной главой, на одном из передних предалтарных столпов[15]. В 1223 г. по велению победителя сельджуков императора Андроника I Гида это изображение было украшено драгоценными камнями и жемчугом[16]. Собор являлся центром религиозной и политической жизни города: здесь венчали на царство, торжественно отмечали победы, внутри храма и рядом, у апсиды, погребали императоров и митрополитов[17].

К эпохе Великих Комнинов относится широкий размах строительства в Трапезунде. За эти два с половиной века было построено и реконструировано более сотни церквей как в самом Трапезунде, так и в разных городах и селах империи, сложились специфические черты трапезундской архитектуры[18]. Основным типом трапезундских церквей времен империи была базилика с одним куполом, чаще всего трехапсидная, с двумя полукруглыми боковыми

апсидами и центральной пятиугольной, а также портиком, нередко возводившимся на последнем этапе строительства. Можно проследить формирование этого типа и распространение его на периферию империи и пограничные с ней территории. Наиболее ранней сохранившейся в Трапезунде церковью является церковь св. Анны, построенная в VIII – IX вв. и в дальнейшем, видимо, существенно не перестраивавшаяся. Это трехнефная базилика очень небольшого размера (8,94х6,60 м). Ее центральный неф почти в два раза выше боковых. Все три апсиды полукруглые. К X – XI вв. относится другая трапезундская церковь, известная как Накып-Джами. Она также не имеет купола, но, в отличие от храма св. Анны, здесь уже появляется центральная пятиугольная апсида в сочетании с двумя боковыми, полукруглыми, что станет позднее, в эпоху Великих Комнинов, характерной чертой архитектуры трапезундских храмов. Наряду с этим типом, в начале XIII в. возник вариант трехнефной базилики с одной центральной пятиугольной апсидой и нартексом. Он известен, в частности, по архитектуре митрополии – Хрисокефала. Фундаментальную перестройку этого храма Э. Брайер относит к 1214 – 1235 гг., когда существовавший ранее, в X – XII вв., собор был превращен в место коронации и погребения василевсов, чем и была обусловлена необходимая перепланировка[19]. В Хрисокефале, как и в храме св. Анны, по традиции боковые нефы были еще ниже центрального. При реконструкции в 1341 – 1351 гг. были произведены существенные перемены: подняты коробовые своды, надстроен купол, появился эксонартекс. Облик привычного византийского крестовокупольного храма был изменен из-за удлинения западной части постройки. Эта архаичная черта присутствует и в других памятниках Понта XIII – XV вв., сохраняясь там вплоть до XIX в.[20] Для сравнения укажем, что если в храмах Греции Капникареа (Афины), св. Апостолов (Фессалоники), Пантократора (Константинополь) и др. соотношение длины и ширины колебалось от 1,19 до 1,49, то в трапезундских церквах оно было значительно большим: 1,64 (св. Евгений), 1,86 (св. София), 1,92 (Хрисокефал)[21]. Два важнейших трапезундских храма – св. Софии (1245 – 1255) и св. Евгения (реконструкция после пожара 1340 г.) – строились сразу же как купольные базилики, имевшие в плане не равноконечный, а латинский крест. Храм св. Софии, в отличие от Хрисокефала, имел три апсиды, причем центральная также была пятиугольной. Такой же тип имели церкви св. Евгения, св. Василия, св. Филиппа, св. Акиндина,

св. Иоанна Богослова, Панагии Евангелистрии и др. В храме св. Софии появляется еще одна характерная деталь: к южному, северному и западному фасадам примыкают три больших портика. Постройка боковых портиков укореняется затем и в других памятниках. Северный притвор возводится в Хрисокефале (после 40-х годов XIV в.) и в церкви св. Евгения.

Строительство храма св. Софии в Трапезунде, равно как и реконструкция Хрисокефала, было связано с превращением города в столицу новой империи Великих Комнинов, символом которой должна была стать София Трапезундская, подобие Софии Константинопольской, находившейся тогда в «плену» у латинян. Ктитором храма являлся император Мануил I (1238 – 1263), которого местный хронист называл «искуснейшим полководцем и счастливейшим»[22]. В период постройки действительно были достигнуты немалые внешнеполитические успехи: в 1254 г., пусть ненадолго, был возвращен Синоп, раздвинуты южные и юго-восточные границы. Храму придавали большое политическое и религиозное значение. Это подчеркивалось и самим выбором места – на возвышенном берегу моря, и тем, что он был поставлен на высокий подиум, и относительно большими размерами, и системой внешнего декора. Не меньшее значение имели храм патрона города – св. Евгения, окруженный стенами и башнями одноименного монастыря, и митрополия – Хрисокефал. Многие архитектурные особенности именно этих трех церквей послужили образцом для возведения новых памятников. Большинство крупных трапезундских церквей принадлежало к типу храма с куполом на четырех свободно стоящих опорах, причем колонны подчас украшали резные ранневизантийские капители[23]. Но в некоторых, преимущественно небольших, церковных постройках (св. Филипп, Панагия Евангелистрия и др.) купол на высоком барабане ставился непосредственно на стены, а не на колонны или столпы.

Сложившиеся в Трапезунде архитектурные особенности влияли и на возведение церквей в пограничных с Понтом районах. Это, например, церкви второй половины XIII в. в тюркских крепостях Испира и Байбурта[24]. Однако большинство небольших церквей в сельской местности, например в области Мацуки, отличалось простотой архитектуры. Это небольшие однонефные базилики с круглой апсидой и цилиндрическим сводом, покрытые каменными крышами[25].

Примечательно оформление внешнего облика церквей столицы. В их облицовке отсутствует кирпичная кладка, которая иногда применяется лишь для нарушения монотонности тесаного камня. Кладка стен здания грубее кладки апсид. Впечатление тяжеловесности, монолитности нерасчлененного пространства в значительной мере сглаживалось системой внешнего декора. Стены украшались фасадными рельефами, лепным орнаментом, фресками, изредка даже мозаиками. Наибольшую известность получили рельефы храма св. Софии, особенно резной фриз его южного портика. Правая часть фриза изображала грехопадение Адама и Евы, левая – их изгнание из рая архангелом. Изображение одноглавого «комниновского» орла повторено дважды: над центральными окнами главной апсиды и в тимпане южного портала. Наряден архитектурный орнамент архивольта из виноградных листьев и кистей. И скульптура, и орнамент несколько напоминают рельефы церкви Ахтамара в Армении, где также представлены сцены из Книги Бытия[26]. Но в Софии Трапезундской сцены распадаются на отдельные фигуры, техника более грубая, материал – серовато-желтый камень, – видимо, требовал побелки. Связь с рельефами Грузии и Армении предшествующего периода очевидна, но она носит опосредованный характер. Декоративные элементы храма имеют стилистическое родство, как считает Т. Талбот-Райс, с сельджукскими памятниками[27], а особенности расположения сцен, почти точно иллюстрирующих вторую главу Книги Бытия (не слева направо, а в обратном порядке), имеют аналогии в сирийском искусстве[28]. Однако, несмотря на параллели с Востоком, несколько контрастирующие с системой оформления интерьера, искусство декора в комплексе носило самобытный характер, органически впитывая в себя и преобразовывая достижения разных культур. На распространенность архитектурных орнаментов в Трапезунде указывает их применение, помимо св. Софии, на всех фасадах и на барабане храма св. Евгения, на барабане церкви св. Филиппа, на стенах трапезундской цитадели (где, кстати сказать, также были представлены сцены из Ветхого завета) и т.д.[29] Но еще шире практиковалась роспись наружных стен фресками. Она была на стенах церквей св. Анны и Накып Джами, на западной стене и апсидах храма св. Евгения. Особенно яркие примеры ее обнаруживаются в церкви Таксиархов в Сахное и в храме монастыря Сумела. Правда, фрески в Сумеле относятся к XVI – XVIII вв., но генетически и они восходят к эпохе

Великих Комнинов, следуя выработанным тогда образцам и иконографическим типам[30].

На наружной поверхности апсиды Хрисокефала располагалась мозаичная сцена Благовещения. К концу XIX в, еще были видны ее фрагменты, а теперь и они утрачены, и мы лишены возможности что-либо сказать о ее качестве и датировке, кроме того, что она относится к периоду до османского завоевания[31]. Наружные стены многих сельских церквей также расписывались фресками. Некоторые росписи, как, например, в церкви св. Феодора в Санксену (Мацука), весьма своеобразны и сделаны на фольклорный сюжет. К примеру, петух беседует с волком, а их диалог записан тут же, над фреской. Среди изображений мы иногда встречаем и портреты ктиторов и донаторов, в частности в церкви Таксиархов (Сахное)[32]. Роспись наружных стен отнюдь не является исключительно понтийской особенностью; она встречается и в Каппадокии, Грузии, Армении, Сербии, Молдове, на Руси, на Кипре, в Греции[33]. Однако на Понте такие росписи практиковались часто и повсеместно, хотя сохранности этих фресок, помимо многих иных обстоятельств, мешало и то, что они, как правило, не защищались деревянными галереями или широкими свесами кровли.

Интерьер главных церквей Трапезундской империи также представляет значительный интерес; это и великолепные мраморные мозаичные полы Хрисокефала, св. Софии, св. Евгения, и разные капители часто вторично использованных колонн, и, конечно, фрески. К числу выдающихся произведений византийской монументальной живописи середины XIII в. относятся фрески храма св. Софии, открытые и расчищенные экспедицией под руководством Д. Талбот-Райса и Д. Уинфилда. Их отличают замечательный колорит, динамика рисунка, необычность и выразительность композиций. К сожалению, мы не знаем истоков этого творчества, так как в Трапезунде более ранних фресок практически не сохранилось, а росписи монастыря св. Саввы, о которых речь пойдет ниже, лишь альтернативно датируются серединой XIII в. и развивают несколько иные тенденции. Отдельные черты сходства композиции фресок и миниатюр трапезундских рукописей X – XI вв. носят слишком общий характер и не позволяют говорить о существовании продолжающейся художественной традиции, хотя, возможно, именно миниатюры рукописей и послужили основой для создания своеобразной программы росписи храма св. Софии, отличающейся живостью художественного языка[34]. Близость фресок

этого храма к лучшим образцам константинопольской школы приводит некоторых исследователей к заключению, что основной художник, работавший в Трапезунде, происходил из этого древнего очага византийской культуры[35]. Но на трапезундской земле он был менее связан жестким иконографическим каноном. Он не следовал какому-то одному прототипу, но черпал свои образы из многих источников и из самой жизни. Этнический тип понтийцев наглядно проступает в образах евангельских персонажей. Зарисовкой с натуры кажется фигура пожилого человека, подпирающего подбородок и задумчиво рассматривающего на свет вино в стакане в сцене Брака в Кане. Нововведения коснулись порядка и последовательности композиций, в которые были введены необычные для того времени сюжеты. Например, цикл евангельских чудес в нартексе открывается темой «Христос и книжники», развитой затем в мозаиках константинопольского монастыря Хоры (Кахрие Джами). Особой выразительности мастер достигает в композициях Уверения Фомы, исцеления дочери хананеянки, Явления Христа ученикам на Тивериадском озере, в сцене Вознесения, в изображениях евангелистов и апостола Варфоломея. Новшества имеются и в росписи парусов, где одна из сцен жизни Христа соседствует с изображением евангелиста. Такое совмещение двух композиций в парусе не имеет аналогов в византийском искусстве[36].

Фрески св. Софии, отличающиеся несомненным высоким художественным вкусом, справедливо относят к кругу памятников, принадлежащих к наиболее прогрессивным течениям в искусстве XIII в.[37] Ряд элементов живописной программы Софии Трапезундской нашел свое продолжение и развитие в византийских памятниках эпохи Палеологов, иные, как, например, пестрота и многофигурность росписи подкупольного пространства, были отвергнуты. Но в самом искусстве Трапезундской империи этот памятник остался лучшим образцом.

Возможно, что ко второй половине XIII в., как доказывает М. Рестле[38], относятся также росписи двух западных (верхней и нижней) часовен пещерного монастыря св. Саввы. Здесь также прослеживается переход от позднекомниновской линейности к более свободной и объемной живописной манере. Но все эти фрески, принадлежащие кисти местных мастеров, сохраняют ряд архаических черт в построении фигур и лиц, в колорите, где резко противопоставляются светлые и коричневатые тона. Проявилась и тенденция к пышному декору одежд и убранства, с обилием жемчуга и

драгоценных камней. Индивидуальность стиля местных мастеров, локальные особенности не могут все же скрыть того, что фрески св. Саввы, как и св. Софии, следуют общему направлению в развитии византийского искусства и имеют аналоги в живописи балканского региона.

Близкими по стилю к росписям св. Софии являются фрески небольшой часовни Пророка Ильи в Вазелонском монастыре (конец XIII – XIV в.), отличающиеся выразительной композицией и высокой техникой письма, стремлением к объемному изображению фигур[39].

Плохое состояние большинства фресок XIV – XV вв., их недостаточная изученность, параллельное существование разновременных композиций, создаваемых на протяжении иногда нескольких веков по старым, точно копируемым образцам, крайне затрудняют исследование трапезундской живописи этого периода и делают многие выводы предварительными, И все же в росписях монастыря Богородицы Богопокровенной (Феоскепастос, вторая половина XIV в.), восточной часовни церкви св. Саввы (1411 г.), колокольни св. Софии (1442 – 1443) стойко сохраняются и нарастают в целом консервативные традиции, несмотря на высокую технику письма. В XV – XVI вв. тенденции к «огрублению» стиля, усилению линейности, схематизации композиций становятся все более заметными в росписи церквей Панагии Евангелистрии, св. Анны, армянского монастыря Каймаклы, монастыря Сумела. Вряд ли этот процесс был следствием прекращения регулярных связей с Константинополем во второй половине XIV в.[40] Напротив, в это время можно говорить об их активизации[41]. Тогда, возможно, искусство бывших восточных провинций Византии оказало существенное влияние на фрески Трапезунда? Видимо, после систематического изучения памятников Центральной Анатолии и публикации этих материалов М. Рестле и на этот вопрос приходится отвечать в целом отрицательно. Скорее всего, перемены, происходившие во всем византийском искусстве второй половины XIV – XV в. сказались и на живописи Трапезунда, которая и раньше была теснее связана с более древними традициями комниновского искусства Константинополя. Аскетизация образов, преобладание линейно-графического стиля, подчеркнуто плоскостной характер изображений, делавшие живопись Трапезунда более архаичной, были связаны также с торжеством исихастских эстетических принципов и усилением прямых контактов с Афоном. Быть может, и черты сходства между искусством Трапезундской

облачен в темный скарамангий и золотой лор, который, как и стемма с пропендулиями, обильно украшен драгоценными камнями. Красная одежда императрицы с широкими рукавами расшита золотыми двуглавыми орлами. На груди она скреплена круглой фибулой. Лица тщательно выписаны. Над головой василевсов не золотые, как обычно, а красные нимбы[47]. Другой портрет трапезундского императора (вероятно, Алексея II) имеется в уникальной иллюминованной рукописи романа об Александре, принадлежащей Греческому институту византийских и поствизантийских исследований в Венеции. Рукопись была создана в XIV в. по заказу Алексея II. Император представлен стоящим на подиуме, в скарамангии и лоре, в венце, со сферой в руке. Традиционный портрет государя-заказчика рукописи – не лишен индивидуальных черт и выполнен рукой опытного мастера[48].

Примечателен факт влияния трапезундской живописи эпохи Великих Комнинов на искусство региона многие века спустя. М. Тьерри приводит интересный пример: росписи церкви Каймаклы близ Трапезунда (1593 г.) имели своим образцом фрески трапезундской св. Софии XIII в.![49]

Памятников прикладного искусства Трапезундской империи сохранилось немного. Но на самих фресках и миниатюрах изобилуют изображения различных украшений. Нельзя исключить, что крест-реликварий, хранящийся ныне в сокровищнице Парижского Собора Нотр-Дам и принесенный во Францию из Польши в 1668 г. королем Яном Казимиром Вазой принадлежал трапезундскому императору Мануилу I. В надписи на кресте упоминается Κομνηνός Μανουήλ στεφήφορος[50]. Ее стиль архаичен и может быть, как и сам крест, датирован концом XII – серединой XIII вв. Таким образом, наш выбор может колебаться между византийским императором Мануилом I (1143 – 1180) и его трапезундским тезкой (1238 – 1263). Французский исследователь Ж. Дюран, на основании искусствоведческого анализа памятника склонился ко второму предположению, отнеся реликварий к провинциальной школе первой половины XIII в., польская исследовательница М. Данбровска – к первому[51], но ее аргументы не представляются нам убедительными[52]. Вопрос остается пока открытым, и мы отмечаем лишь *возможность* трапезундского происхождения креста. Однако известен другой реликварий, вклад трапезундского василевса Мануила III (1390 – 1416) в монастырь Панагии Сумелы (ныне в музее Бенаки, Афины)[53]. Ставротека из серебра содержала надпись о дарении ктитора Мануила Комнина, сына

Алексея[54]. Серебряный позолоченный реликварий четырех трапезундских мучеников, работы понтийских мастеров XIV – XV вв. украшает ныне сокровищницу собора Сан Марко в Венеции[55]. Сохранившимися примерами прикладного искусства Трапезундской империи являются также немногие сохранившиеся чеканные оклады икон и переплеты книг, отличающиеся изяществом и приверженностью древним традициям[56].

Высоким мастерством в XIII – XIV в. отмечена работа резчиков печатей и чеканщиков монеты. Особым изяществом отличаются печати монастыря Феоскепаст с изображением Богородицы и свв. Георгия и Феодора[57] и ранее упоминавшиеся[58] печати брата первого трапезундского императора деспота Давида Комнина с изображениями царя-псалмопевца или св. Елевферия.

Произведения монументальной живописи в Трапезунде создавались на темы местной истории, прославляли местную династию. Эти же черты проявлялись и в трапезундской литературе, где сложилась самостоятельная историческая школа. Ее известнейшим представителем был автор «Трапезундской хроники» Михаил Панарет (ок. 1320/30 – после 1386). Хроника Панарета – единственный, притом отличающийся большой достоверностью, источник, излагающий систематически историю Трапезундской империи с 1204 г. до конца XIV в. Всю историю государства Панарет связывал с правлением Великих Комнинов, что нашло отражение и в самом названии хроники: «О трапезундских императорах Великих Комнинах, как и когда и сколько каждый из них правил». Содержание произведения шире названия, но и оно отражает официальную версию истории Понта. Не случайно Панарет начинает свое повествование с образования империи в 1204 г. и не приводит сведений о партикуляристских движениях XI – XII вв. и правлении Гавров, первый из которых, Феодор, мученически погибший в борьбе с сельджуками в 1098 г., был причислен к лику святых.

Панарет был тесно связан с придворными кругами и получил высокие титулы протосеваста и протонотария[59]. Он – уроженец Трапезунда. Об этом свидетельствует и прекрасное знание географии района, и язык хроники, чуждый аттикизирующего пуризма и допускающий местные, понтийские слова и термины. О роде Панаретов в Трапезунде мы не имеем, однако, почти никаких сведений. Лишь в конце XIV в. упоминается великий эконом трапезундской митрополии и патриарший экзарх в Трапезунде Феодор Панарет, но о

его родственных связях с автором хроники мы не знаем[60]. Во всяком случае, Панарет не принадлежал к членам крупнейших феодальных семейств. То, что известно о его карьере, позволяет причислить его к среде столичного чиновничества. Панарет участвует вместе с императорами в походах против мятежных архонтов или туркменов (в 1351, 1355, 1356 и 1367 гг.)[61], состоит в императорской свите и сопровождает Алексея III в поездках для ведения переговоров с соседними грузинскими и тюркскими правителями (в 1361, 1363, 1367, 1372, 1377 и 1379 гг.)[62]. В 1363 г. вместе с великим логофетом Георгием Схоларием и в 1368 г. самостоятельно Панарет отправляется с дипломатическими миссиями в Константинополь[63].

Хроника Панарета немногословна, особенно в своей первой части, примерно до начала XIV в., но содержащиеся в ней сведения тщательно отобраны и расположены в строгой хронологической последовательности. Хроника лишена всяких риторических красот, напоминая по лаконичности сухой стиль анналов. Но от византийских «малых» хроник ее отличает все же более подробное изложение событий, более определенная социальная позиция, наконец, наличие сведений о самом авторе и его семье[64]. Панарет иногда сообщает сведения не только о трапезундских, но и о византийских императорах, в целом весьма почтительно относясь к империи ромеев[65]. Панарету хорошо известен окружающий Трапезундское государство тюркский мир, У него нет высокомерно-пренебрежительного отношения к соседям. Тюркские слова и термины используются Панаретом, но это главным образом те слова, которые вошли в повседневную лексику понтийских греков. Панарет – вполне ортодоксальный автор, хотя его мало интересуют собственно богословские проблемы и теологические споры, сотрясавшие тогда византийский мир. В его светской по существу хронике даже не упоминается распространение исихастских взглядов на Понте. Вместе с тем апелляция к божественному провидению, объяснение благоприятного исхода событий божественной помощью нередки в тексте хроники. В этом Панарет вполне традиционен. Итак, но своему типу «Трапезундская хроника» – развернутая династическая история Великих Комнинов, с которыми автор неразрывно связывает историю Понтийского государства.

Хроника Панарета была продолжена[66] неизвестным автором с конца XIV в. до 1429 – 1437 гг. Продолжатель дополнял сочинение Панарета, вероятно, спустя некоторое время после того, как смерть, или болезнь остановила перо его предшественника. Несколько меняется

принцип группировки материала, которому следовал Панарет: вместо последовательно-хронологического он становится фрагментарно-тематическим. Усиливается сугубо династийный характер повествования. Продолжатель сообщает исключительно сведения о смерти и матримониальных союзах императоров, следуя официальной версии событий и исключая нежелательную для династии информацию[67].

С традициями трапезундской хронографии связаны и некоторые малые византийские хроники. Одна из них была написана трапезундцем в Константинополе и охватывает период с 1395 по 1427 г.[68] В различных греческих рукописях нередко можно встретить пометы, фиксирующие те или иные события истории Трапезундской империи. Однако, помимо собственно хронографических произведений и записей, до нас дошли отрывки и более пространных трапезундских исторических сочинений. Собиратель и составитель «Обозрения чудес св. Евгения» Трапезундский митрополит Иосиф Лазаропул включил в текст своего агиографического сочинения незначительно обработанное историческое повествование о разгроме под Трапезундом в 1223 г. войск сельджуков[69]. Этот фрагмент отличается детализацией описываемых событий, конкретным знанием местности и времени, имен и характеров действующих лиц. Поход мелика точно датирован, хотя в других случаях Лазаропул этого избегает. В изложении чувствуется живое восприятие хорошо осведомленного современника и очевидца событий. В «Обозрении чудес св. Евгения» Лазаропул довольно широко использует информацию и других, более ранних византийских источников. В частности, описывая восстание Варды Фоки в Малой Азии (987 – 989), он приводит факты, зафиксированные Скилицей и Зонарой[70], а также другими, не дошедшими до нас источниками[71]. Но, помимо византийских историков, Лазаропул располагал также данными других, видимо местных, источников: о нападении стратарха Персармении Панкратия (Баграта) на Трапезунд во время мятежа Фоки, о пребывании в Трапезунде императора Василия II и его войне с ивирами а 1021 г.[72] и т. д. Лазаропул и сам свидетельствует о наличии в его распоряжении в Трапезунде исторических произведений, которые он использовал[73].

Два отрывка из трапезундского исторического произведения с явными следами понтийского происхождения, мы находим в «Историях» византийского писателя Лаоника Халкокондила. Первого из них почти не коснулась рука составителя «Историй». Он включен в

его текст в неизменном и неисправленном виде[74]. В отрывке рассказывается о династическом перевороте Иоанна IV в Трапезунде (1429 г.) и нападении на город шейха Ардебиля. По языку и стилю этот фрагмент резко отличается от сочинения Халкокондила. Он не обобщенно-стилизованно, а конкретно передает материал, называя большое число понтийских топонимов (монастырь св. Фоки в Кордиле, проастий Ахантос близ г. Платана, между Трапезундом и Кордилой, местность Мелиарис и его клисура Капаний). Хорошо известна автору и трапезундская титулатура: он всегда приводит официальное, техническое наименование титулов вместо описательного, как у Халкокондила, Язык трапезундского источника точен, прост и безыскусен. Его лексика характерна для живого, а не архаизирующего литературного языка. Правда, аноним не упоминает дат описываемых событий. Но это вполне понятно, так как жанр его произведения – история, а не хроника. Видимо, автор источника принадлежал к сторонникам императора Иоанна IV (1429 – 1460), оправдывая многие его поступки и даже преступления. Вот пример.

В середине 20-х годов XV в. Иоанн поднял мятеж против своего отца Алексея IV и матери Феодоры Кантакузины, воспользовавшись тем предлогом, что мать сблизилась с протовестиарием. Убив протовестиария, Иоанн, поддерживаемый местными архонтами, заключил родителей под стражу, намереваясь убить и мать. Но, встретив сопротивление архонтов таким планам, был вынужден бежать в Грузию, где вскоре женился на дочери царя Александра, ища его поддержки. Алексей же назначил своим соправителем и соимператором Александра-Скантария, младшего брата Иоанна. Хронист считает это несправедливостью по отношению к Иоанну. После смерти матери в 1426 г. Иоанн отправляется в Каффу и с помощью генуэзца Доменико д'Аллегро, предоставившего ему свой корабль, высаживается близ монастыря св. Фоки на Понтийском побережье, Воспользовавшись изменой архонтов Каваситов и Схолариев[75], Иоанн подослал в лагерь императора наемных убийц. Ночью в своем шатре Алексей IV был убит. Аноним пытается оправдать это убийство, сообщая, что Иоанн лишь приказал взять отца в плен живым и привести к нему[76]. Но было ли это выполнимо? Похитить императора из военного лагеря, даже если там гнездилось предательство, было непросто. Да и сам историк не скрывает, что убийцы действовали в угоду Иоанну. Чтобы обелить последнего, аноним рассказывает о его гневе и жестокой расправе над убийцами (один был ослеплен, другому отрублены руки), а также о

торжественном погребении тела Алексея IV сначала в монастыре Феоскепаст, а затем в специальной усыпальнице близ стен митрополии (Хрисоксфала). Действительно, Иоанн IV в дальнейшем публично демонстрировал любовь, почтение и лояльность к отцу, торжественно перенес его прах, упоминал его имя в хрисовулах и надписях. Аноним следовал здесь официальной версии событий. Описывая затем оборону Трапезунда от шейха Ардебиля, историк подчеркивает, что в общей панике лишь Иоанн IV сохранил присутствие духа и исключительно его мужество и находчивость спасли город, когда многие архонты бежали на кораблях и по суше, бросив столицу на произвол судьбы[77]. Затем этот же историк осуждает устранение от власти четырехлетнего сына императора Иоанна и захват престола его дядей Давидом, считая это несправедливостью, совершенной не без помощи того же феодального клана Каваситов[78] Автор памятника, видимо, не принадлежал к архонтам, предательство которых он не раз осуждает.

Второй отрывок из трапезундского источника, описывающий поход Мехмеда II против Трапезунда в 1461 г., подвергся более тщательной литературной обработке Халкокондила[79]. Данные из анонимного трапезундского источника могли использоваться византийским писателем и в других местах, в частности при описании неудачной морской экспедиции Мурада II против Трапезунда и крымской Готии[80], о нападении на город османского губернатора Амасии Хитир-бея[81], о матримониальных связях Великих Комнинов с византийскими императорами и правителями туркменов[82]. Трапезундский источник, находившийся в руках Халкокондила, вероятно, излагал лишь события XV в., так как данные автора «Историй» об образовании империи на Понте носят уже легендарный характер и изобилуют неточностями[83]. Этот же Трапезундский источник был использован и в греческой хронике о турецких султанах, известной по Ватиканскому Барберинскому кодексу № 111[84].

Упомянутые трапезундские исторические произведения различны по характеру, содержанию и манере изложения. Но все они свидетельствуют о наличии некоторых общих черт в трапезундской историографии, отражают в той или иной степени официальную версию истории империи и связаны с интересами правящей династии. Их авторы принадлежат не к феодальной знати, а к служилому чиновничеству. Все сочинения отличаются четкостью и конкретностью описаний, свободным употреблением понтийских слов и выражений. Их язык никак нельзя отнести к аттикизирующим образцам

византийской исторической классики – он беднее, проще, ему чуждо стремление к искусственному пуризму и подражательности. Интересным явлением в трапезундской историографии было, как уже отмечалось, использование тюркской терминологии, вошедшей в официальное словоупотребление. Появляются новые титулы: деспинахатун (деспинхат)[85], амиртцантарий (эмир-чауш[86], титул был синонимом византийского протоспафария), великий чауш[87], амирал[88]. Сын трапезундского императора Алексея IV Александр на турецкий манер именуется Скантарием[89], башня – кулой[90], торговая площадь вне стен города – майтаном (майдан)[91]. Р.М. Шукуров справедливо рассматривает эту «двуименность мира» как элемент проходящей длительное время латентной тюркизации Понта[92].

В литературе Трапезундской империи большое место, помимо исторических, занимали агиографические и риторические произведения. Крупнейший свод легенд о патроне Трапезунда св. Евгении был составлен трапезундским митрополитом (1364 – 1367) Иосифом (Иоанном) Лазаропулом. Лазаропул (ок. 1310 – 1369)[93] называет Трапезунд своей родиной[94]. Вероятно, он принадлежал к довольно известному в городе семейству, так как еще в юношеском возрасте, будучи мирянином, был приглашен на пир в монастырь св. Софии вместе с самим протовестиарием Константином Лукитом и его свитой[95]. Всю жизнь, за исключением пребывания в Константинополе в 1341 – 1349 и 1364 – 1365 гг.[96], Лазаропул прожил в Трапезунде. Ранее 1340 г. он стал скевофилаком[97]. Когда началась гражданская война в Трапезундской империи, Лазаропул, как и многие сторонники группировки, оппозиционной правлению Ирины Палеологини, подвергся конфискации имущества и отправился в изгнание в Константинополь. Здесь он выступал за восстановление на трапезундском престоле Алексея, сына императора Василия, вел об этом переговоры с византийским василевсом Иоанном VI Кантакузином и, наконец, вместе с Алексеем III вернулся на берега Понта в 1349 г. Став митрополитом 18 марта 1364 г. и получив посвящение от вселенского патриарха, Лазаропул в апреле 1365 г. прибыл в столицу империи Великих Комнинов и занял кафедру. Но в 1367 г. он довольно неожиданно покинул кафедру и удалился в монастырь Панагии Елеусы близ Трапезунда[98], где и завершил написание своих агиографических сочинений – «Слова по случаю рождества прославленного чудотворца и великого подвижника Евгения» и «Второго обозрения избранных чудес св. Евгения». Для

обоих циклов характерно переплетение агиографического, риторического и исторического жанров. В первом случае риторическое сочинение – слово, произнесенное по случаю рождества святого, – превращается в свод агиографических сказаний, во втором – агиографическое по жанру произведение риторизируется, в него включаются довольно значительные отрывки из светской истории, биографические реминисценции.

В «Слове» Лазаропул не соблюдает хронологической последовательности повествования, как он делает это в «Обозрении», построенном по принципу исторического сочинения. Изложение Лазаропула не сухо и не стандартно. Он избегает слишком частого использования клише и стереотипов, следуя, вероятно, местным вкусам и традициям, конкретно описывает происходящие на Понте и вокруг него события, охотно рассказывает о себе и своей семье.

Создавая агиографический свод, Лазаропул мог опираться на труды предшественников – константинопольского патриарха (1064 – 1075), трапезундца родом, Иоанна Ксифилина[99], некоего купца из Константинополя Дионисия (время неизвестно)[100] и автора энкомия св. Евгению и его сподвижникам Канидию, Валериану и Акиле трапезундского протовестиария Константина Лукита (ум. в 1340 г.)[101]. Рукопись 154, принадлежащая ныне монастырю на Афоне Дионисиату и сохранившая комплекс житийных материалов о св. Евгении, обнаруживает сходство с другим манускриптом трапезундского происхождения – Monac.gr.525, содержащем автограф Андрея Ливадина и переписанным ок. 1361 г. Вероятно Athos.Dionys.gr.154 могла быть изготовлена в 1365 – 75 гг. (по предположению Я.О. Розенквиста)[102] для монастыря св. Евгения в Трапезунде или же немного позднее, между 1374 и 1390 гг., как предполагал первый издатель текстов А.И.Пападопуло-Керамевс, считавший, что это могло быть сделано по поручению императора Алексея III как дар основанному им Дионисиату[103].

Отмеченная связь агиографии и риторики проявилась и в уже названном энкомии Константина Лукита, видного трапезундского вельможи и ученого, родившегося в Македонии в последнем двадцатилетии XIII в., воспитанного и получившего образование в Константинополе[104]. Ранее 1301 г. он переселился в Трапезундскую империю и при императорах Алексее II и Василии Лукит был там протонотарием и протовестиарием, занимая высшие посты в управлении государством. Его личность интересна тем, что он

фактически возглавлял круг трапезундских ученых и риторов, Иосиф Лазаропул назвал его «великим в слове и деле»[105], а учитель Лукита Феодор Иртакин в своих письмах к нему (ок. 1318) именовал его «звонким витией трапезундцев, сладкоразумным протовестиарием»[106] и всячески восхвалял его ум, образованность, подчеркивая, что беседы с таким человеком доставляют невыразимое наслаждение. Видимо, это не просто слова эпистолярной любезности. Лукит принадлежал к той византийской интеллигенции, которой были близки гуманистические настроения и которая составляла своего рода res publica litteraria[107]. Место Лукита в этом сообществе было недвусмысленно признано Никифором Григорой, читавшим письма Лукита в своем кружке и отметившим глубину их содержания и красоту стиля, Григора приветствовал увлеченность Лукита античными авторами и просил его поддерживать с кружком постоянную связь[108]. Впрочем, как заметил Я.О. Розенквист, классическое образование Лукита было поверхностно. Он подчас путался в античной мифологии и литературе[109]. Тем не менее, Лукит был обладателем большой библиотеки и сам переписывал книги, например «Илиаду» со схолиями. Рукопись «Илиады» из библиотеки Лукита сохранилась, и находится ныне в Амброзианской библиотеке Милана[110] Не забывая о своих учителях и поддерживая связи с Константинополем, Лукит посылал Феодору Иртакину деньги и одежду, но просил взамен рукопись «Одиссеи», текст которой, видимо, не сыскал в Трапезунде[111]. Кодекс, содержащий 7 первых книг сочинения Фукидида и труд Дионисия Галикарнасского «О характере Фукидида», также происходит из библиотеки Лукита и был унаследован им от Григория Хониада[112].

К сожалению, от наследия Лукита дошли буквально крохи: кроме названного энкомия, известен его «Плач» на кончину императора Алексея II[113]. Эпитафия была произнесена на девятый день после кончины императора в 1330 г. у его могилы в Хрисокефале[114]. Восхваляя василевса, Лукит писал, что тот был мужествен, как Самсон, прекрасен, как, Иосиф, кроток, как Давид, мудр, как Соломон, страннолюбив, как Авраам, богат достоянием, как Исаак, и боголюбезен, как Иаков. О державе своей и власти он заботился, как второй Александр, о благочестии и православии – как новый Константин, а в щедрости и даролюбии вообще не имел себе равных. Император красив ликом, храбр и постоянен, преуспел в науках и наделен красноречием. Но за таким весьма традиционным набором похвал стоит и нечто особое – нарочитое подчеркивание благородства

происхождения Алексея (одновременно от двух царских династий – Комнинов и Палеологов), что важно для отстаивавших свой суверенитет от Византии трапезундских монархов, а также личных доблестей правителя, восстанавливающего свое государство.

В похвалах Алексею II Лукит не был одинок. Стихотворные энкомии ему были написаны также протонотарием Стефаном Сгуропулом. О биографии Сгуропула мы почти ничего не знаем, кроме того, что он жил в начале XIV в. и был, видимо, немного старше Лукита, продолжившего и завершившего некоторые из его энкомиев[115]. «Похвалы» Сгуропула написаны восьмистопным анакреонтическим стихом. Угождая василевсу, протонотарий вместе с тем дает ему советы. В частности, в первом стихотворении, направленном императору после похода к Керасунту в 1301 г. и разгрома им осаждавших город туркменов, он настойчиво побуждает Алексея как можно скорее приступить к возведению сильной крепости в городе, несмотря на отсутствие значительных средств для таких работ (и это было сделано василевсом)[116]. Поминание трапезундской императрицы Анне Анахутлу (1341 – 1342), правившей в смутное время, написал в 1344 г. инок Иерусалимского монастыря св. Евфимия трапезундец Герасим[117].

Заметное место в литературе Трапезундской империи занимают сочинения Андрея Ливадина. Их автор, выходец из Византии, как и Константин Лукит, прожил большую часть жизни в империи Великих Комнинов. С нею связаны 12 из 13 известных нам произведений этого автора. Ливадин родился в Константинополе в первом пятнадцатилетии XIV в. О занятиях его родителей мы ничего не знаем, но факты биографии Ливадина наталкивают на мысль, что он принадлежал к достаточно состоятельному, очевидно чиновному, семейству. Получив начальное образование, мальчик затем некоторое время учился в церковной, возможно даже патриаршей, школе, где слушал курс богословских наук. Каким-то образом здесь, в Константинополе, молодой Ливадин близко сошелся с трапезундским царевичем Василием, который затем, став императором, пригласил своего друга в столицу Понта. Но прежде Ливадин лелеял мечту о посещении Святой земли.

В 1325 – 1326 гг. тайком от матери и старшего брата он поступил на службу младшим писцом к послам, отбывавшим ко двору мамлюкского султана Насир ал-дина Мухаммада. Это византийское посольство посетило Александрию, Каир, совершило паломничество в Палестину, побывав в Иерусалиме и Вифлееме. Оно было принято

иерусалимским патриархом[118]. Пережив затем кораблекрушение у ливийских берегов и вернувшись после долгих странствий в Константинополь, Ливадин вскоре получил должность апографевса (налогового чиновника) и отправился с императорским поручением на остров Тенедос. Оказавшись вновь в византийской столице, Ливадин продолжил образование, на этот раз, скорее всего, углубившись в риторику. Стремление к завершению образования и любезное приглашение старого друга – теперь уже трапезундского государя Василия – привели Ливадина в 1335 г. в Трапезунд, славившийся тогда как центр астрономических и математических наук. С этого времени и началась трапезундская эпопея Ливадина.

Сначала, казалось, ничего не предвещало грядущих лишений и испытаний. Благополучное плавание, дружеский прием у императора, почести со стороны клира и особенно самого митрополита Григория, сближение с представителями знатнейшего рода Схолариев – все благоприятствовало молодому человеку. Он быстро приобрел завидное по его годам положение, получив гражданский титул тавулярия и высокую церковную должность хартофилака. Но очень скоро, в 1341 г., Ливадин оказался ввергнут в бедствия, связанные с гражданской войной, о событиях которой он весьма туманно и боязливо, скорее намеками, сообщает в своих произведениях. Хартофилак был схвачен, лишен имущества, видимо немалого. Неудачная попытка вернуться в Константинополь с согласия одной из победивших группировок знати стоила ему новых неприятностей: посланные вдогонку трапезундские суда вернули его, уже добравшегося до берегов Крыма. Частые колебания на чаше неустойчивых политических весов многократно отражались на судьбе писателя вплоть до 1355 г., когда наконец он занял свое прежнее положение при дворе Алексея III и стал официальным ритором, выступавшим на церемониальных торжествах[119].

Наиболее значительное произведение Ливадина – «Путеводительные записи» (Периигисис) – было написано вскоре после 1355 г. Условное название не в полной мере раскрывает существо авторского замысла. Периигисис – риторическое сочинение, «благодарственное слово» Христу и Богородице за избавление от многих болезней и бедствий. Но, с другой стороны, слово ’ανάβασις, употребленное в титуле, в начале и в конце произведения, является аллюзией на известный текст Ксенофонта. Ливадин создавал произведение одновременно и конкретно историко-географическое (в

пинаке он назвал его τὸ κατ' ἐμαυτὸν ἱστορίας διήγημα и риторическое (λόγος εὐχαριστήριος)[120]. Два плана как бы сливаются, переходя один в другой. Конечно, план риторики доминирует, но конкретика описаний, автобиографичность и мемуарность как бы выводят произведение за рамки избранного первоначального жанра. Среди наиболее подробных описаний можно выделить три: путешествие в Египет и Палестину, рассказы о нападении туркменов на Трапезунд и пожаре 1341 г. и о восстании великого дуки Схолария в 1355 г., к которому сам автор был причастен. Но, помимо этих отрывков, многие важные исторические сведения рассыпаны по всему Периигисису[121].

Отдавая дань агиографии, Ливадин составил энкомий одному из наиболее почитаемых святых – св. Фоке, соединив житие синопского подвижника с похвалой ему. Это произведение испытало на себе влияние «Слов» Григория Назианзина[122]. Стихи Ливадина (на Успение и Рождество Богородицы, на Благовещение) написаны ямбическими триметрами, иногда содержат повторы и, равно как и два небольших тропаря Богородице, вполне традиционны и не свидетельствуют о слишком большом поэтическом даровании автора. Стихотворные произведения предназначались для торжественной декламации ритора на празднествах в присутствии императорской фамилии и высшего клира. Для этой же цели Ливадином было написано и «Исповедание веры», которое должно было быть произнесено в праздник Преображения, 6 августа 1361 г.

Ливадин не был крупным и оригинальным писателем. Его никак нельзя причислить к гуманистическим кругам византийской интеллигенции. Круг его познаний довольно ограничен, но эти познания прочны и хорошо усвоены. Он вполне владеет техническим арсеналом риторики того времени, тщательно и в изобилии подбирая к каждому случаю нужные стереотипы и клише, подчас перегружая ими повествование. Его взгляды вполне ортодоксальны и обычны, быть может, лишь ощущение нарушенной гармонии, мистическая экзальтированность, тяга к оккультным знаниям (отсюда и стремление изучить астрологию) отличают Ливадина. Традиционный писатель творил в нетрадиционной ситуации, в тяжелые годы лихолетья, когда не только политические теории, но и сама система духовных ценностей претерпевала серьезные изменения, В провинции, быть может, все это сказывалось не так остро, как в Константинополе, но все же и здесь ощущалось, например, торжество исихастских идей, носителями которых легко становились люди, подобные Ливадину. Некоторые, хотя

и не очень четко высказанные, исихастские идеи содержатся в его «Исповедании веры».

Почва для распространения исихастских настроений в Трапезунде была подготовлена с середины XIV в. В 1351 г. был заключен брак Алексея III с племянницей поборника и защитника исихазма Иоанна VI Кантакузина. Кантакузин активно способствовал возвышению роли трапезундской церкви во Вселенском патриархате[123]. В 1370 г. трапезундским митрополитом стал афонский монах Феодосий, связанный как с самим Кантакузином (он был игуменом Манганского монастыря, где Кантакузин принял пострижение), так и с патриархом Филофеем Коккином, особенно решительно проводившим на практике идеи исихастов. Наконец, в 1374 г. Алексей III уже активно сам участвует в делах Афона, колыбели и рассадника исихастских воззрений, основывая там Трапезундский монастырь – Дионисиат. Этот акт чрезвычайно усилил популярность Великих Комнинов у святогорской братии. Монахи-исихасты стали подвизаться и в трапезундских обителях. Один из них, Мелетий – Макарий, окончил свои дни в 90-е годы XIV в. в трапезундском монастыре св. Саввы[124].

Свидетельством распространения исихастских воззрений в Трапезунде является письмо Димитрия Кидониса принявшему монашество под именем Иоасафа бывшему василевсу Иоанну VI Кантакузину (1371/2). Кидонис упрекает экс-императора за то, что тот направлял в Трапезунд, Херсон и другие земли большое число своих сочинений, опровергавших трактат Прохора Кидониса о Фаворском свете[125]. Проблеме Фаворского света и Преображения уделял внимание и Ливадин в «Исповедании веры», призывая к «молчаливой молитве» (σιωπῇ πιστεύειν), тихому построению такой скинии веры, которая бы не испытала никаких смятений или потрясений среди тысячи вихрей и ураганов[126].

Литература Трапезундской империи XV в. украшена именами неизмеримо более ярких талантов. Это номофилак Иоанн Евгеник, Трапезундский философ Георгий Амируци и не порвавший связей с родиной Виссарион Никейский.

Василий (Виссарион в монашестве) родился в Трапезунде в 1399 или 1400 г. и здесь получил начальное образование. Затем его занятиями стал руководить митрополит Досифей, в 1416 г. при отъезде из Трапезунда забравший мальчика в Константинополь. Находившийся и в дальнейшем под опекой Досифея Виссарион продолжал обучение в византийской столице у Иоанна Хортасмена. В 1425 г. мы встречаем его

вместе со знаменитым впоследствии итальянским гуманистом Франческо Филельфо в школе ритора и грамматика Хрисококка[127]. Творчество Виссариона принадлежит византийской культуре, но истоки его – на берегах Понта, с которым Виссарион всю жизнь не порывал связей и куда не раз приезжал. С Трапезундом связаны три монодии и стихотворная эпитафия Виссариона на смерть Феодоры Кантакузины, жены Алексея IV (конец 1426 – начало 1427 г.) [128], похвальное слово самому Алексею IV (ок. 1426 г.)[129], речь в защиту учителя, митрополита Досифея, несправедливо изгнанного со своей кафедры в 1416 г. (30-е годы XV в.)[130], три монодии на смерть дочери Алексея IV и жены Иоанна VIII Палеолога Марии (1439 г.)[131] и особенно энкомий Трапезунду (1436 г.) – образец пространного риторического произведения, содержащего массу важнейших исторических свидетельств[132]. Описание Виссарионом крепости и императорского дворца в Трапезунде уже цитировалось выше. Виссарион предпринял экскурс в древнюю и новую историю Трапезунда, описал выгоды его географического положения, большое внимание уделил торговле и ремеслу города, называя его «эмпорием и эргастирием всей вселенной»[133]. Как и другие произведения трапезундской исторической литературы, энкомий прославляет царствующую династию Великих Комнинов, но, исходя из византийской традиции, начинает свой элогий с константинопольских Комнинов, прежде всего с Алексея I. Именно от него тянется «воистину золотая цепь» трапезундских василевсов, единой династии, неизменно и непрерывно управляющей городом и государством. Вместе с тем Виссариону чуждо отрицательное отношение к прародителю трапезундского дома – Андронику I, что было характерно для византийской историографии[134], и он замечает, что Алексей, «первый царствующий над этой землей», унаследовал доблести византийских Комнинов именно через Андроника[135].

Энкомий написан отточенным классическим языком. За образец взяты речи Демосфена. Исократа и Ливания, особенно его энкомий Антиохии. Широко использованы также произведения Геродота, Платона, Аристотеля, Плутарха, Ксенофонта, Аппиана, Прокопия Кесарийского. Но при всем этом автор достаточно свободно оперирует обширным арсеналом художественных средств и, стилизуя текст, не следует какому-либо одному литературному трафарету. Читатель постоянно ощущает искренюю привязанность Виссариона к своей родине, данью благодарности которой был энкомий, отличное знание ее прошлого и настоящего.

Более консервативен и привержен стереотипам экфрасис (описание) Трапезунда Иоанна Евгеника.

Иоанн Евгеник, брат знаменитого вождя византийских антиуниатов Марка Эфесского, родился в Константинополе незадолго до 1400 г.[136] в семье выходца из Трапезунда сакеллия Великой церкви Георгия, известного гимнографа и руководителя одной из Константинопольских школ. Ранняя смерть отца (ок.1406 г.) заставила Иоанна проходить обучение в разных местах, возможно, и у брата Марка в Константинополе, временами – и в Мистре, у Плифона. Прекрасный почерк добыл ему должность патриаршего нотария уже в 1421 г.[137] К 1435 г. Иоанн стал учителем и, будучи рукоположен в диаконы, исполнял обязанности номофилака. Перу Евгеника принадлежит большое число разнообразных произведений: от гимнографии до теологических трактатов. Связи Иоанна Евгеника с Трапезундской империей прослеживаются, начиная с очень раннего периода его жизни. В конце 20-х годов XV в. он адресует другу юности трапезундцу Георгию Амируци сочинение «О познании истины, или О добродетели и преимуществе жизни по Христе». В нем автор проповедует аскетические идеалы византийского монашества, столь чуждые, впрочем, адресату. Однако для обоснования своих положений Евгеник цитирует не только Библию и патристические тексты, но и довольно широкий круг древнегреческих философов, от Пифагора и Евклида до Платона и Филона[138].

Между 1429 и 1437 гг. Иоанном Евгеником был написан канон патрону Трапезунда св. Евгению. Издавая его текст, О. Лампсидис отмечал, что это произведение относится к первым, еще не очень умелым поэтическим опытам писателя[139]. Более значительным произведением является монодия на кончину Марии Комнины, жены Иоанна VIII Палеолога (1439 г.)[140]. Участник первых заседаний Ферраро-Флорентийского собора, покинувший его при первой же возможности в 1438 г., Иоанн, как и брат, всегда оставался стойким противником унии и после 1439 г. проживал в основном в Мистре, на Пелопоннесе. Антиуниатские взгляды обрекли писателя на изгнание. Возможно, что временами, наряду с Пелопоннесом, Евгеник бывал и в Трапезунде[141]. Во время одного из таких посещений, в 1449/50 г., Евгеник создает в Трапезунде стихотворную эпитафию на смерть внука мангупского князя Алексея, приходившегося племянником деспоту, а затем императору Давиду[142], и известный экфрасис Трапезунда[143]. Город поэтически описан в нем как «вершина или око всей Азии».

Автор повествует о его мягком климате, удачном географическом положении, неприступности крепостей, веселых празднествах горожан, о доблести местных жителей, искусных воинов и мореходов, ремесленников и земледельцев. Трапезунд сравнивается с изысканным столом (обыгрывается символика слова τράπεζα – стол), дающим пропитание и одновременно приглашающим к беседе мудрецов и всех, стремящихся к приобретению знаний. Концовка экфрасиса свидетельствует об обстоятельствах его создания: прекрасный город трапезундцев был сладостным утешением для автора, пребывавшего в унынии и печали. Вероятнее всего, это указание на годы вынужденного изгнания, которые Евгеник провел и в Трапезунде, где к унии и латинофильству относились враждебно[144].

Произведения Иоанна Евгеника, созданные в Трапезунде и посвященные городу, а также его переписка с деспотом и протовестиарием Георгием Амируци (Амируци посвящен и этический трактат Евгеника) указывают на тесную связь ритора с империей Великих Комнинов. Нам мало известно об Иоанне Евгенике в последний период его жизни. Возможно, он вновь приезжал в Трапезунд. Впрочем, есть основания полагать, что умер Иоанн Евгеник все же в Константинополе, после 1456 г., где он, по предположению Б.Л. Фонкича, создал монодию на падение Города сразу же после этого события, в июне 1453 г.[145]

Одним из последних писателей и государственных деятелей Трапезундской империи был протовестиарий и философ Георгий Амируци (ок. 1400 – после 1470), фигура крайне противоречивая, сыгравшая, быть может, роковую роль в истории этого государства. Как писал византийский историк XV в. Критовул, Амируци отличался широкими познаниями в физике и логике, математике и географии, в учении перипатетиков к стоиков, в риторике и поэтике[146]. Ему принадлежат оригинальные решения проблем математики и пространственной геометрии. Трактат Амируци по этим вопросам известен благодаря переводу и комментариям, сделанным в XVI в. Иоханном Вернером из Нюрнберга[147].

Амируци вовсе не был кабинетным ученым, отрешенным от мира созерцателем. Высокий и статный, прекрасный стрелок из лука, красноречивый оратор и галантный кавалер, игрок, дипломат и придворный, не стеснявшийся в средствах и не считавший зазорным круто менять политическую ориентацию, он напоминал скорее тот тип предприимчивого и образованного дельца и искателя приключений,

который был так характерен для западноевропейского Возрождения. Не случайно генуэзский дож Лудовико ди Кампофрегозо в письме к трапезундскому императору назвал посла Амируци воином, «достойным рыцарем и графом»[148]. Занимая высокие посты в Трапезундской империи, Амируци являлся и довольно крупным земельным собственником. В частности, ему принадлежало много виноградников в разных районах империи[149].

Родившись в знатной семье в Трапезунде и там же получив образование, в 1438 – 1439 гг. Амируци принял участие в Феррaро-Флорентийском соборе в качестве светского советника трапезундской делегации. На соборе он не раз принимал участие во встречах представителей греческой и римско-католической церквей, присутствовал на беседах у византийского императора Иоанна VIII и патриарха, где определялся подход греков к обсуждавшимся на соборе проблемам, занимая при этом последовательно пролатинскую позицию по вопросам заключения унии[150]. Видимо, не последнюю роль здесь сыграло его корыстолюбие: во время собора епископ Корона вручил «протонотарию Трапезунда Георгию» 100 золотых флоринов[151]. В своем «Мнении» по поводу заключения унии, поданном императору, Амируци признал основное положение католической церкви о filioque[152]. Но, вернувшись в Трапезунд и столкнувшись с сопротивлением унии, к заключению которой он был причастен, со стороны местного населения, митрополита Досифея и, по-видимому, самого трапезундского императора, Амируци круто изменил позицию, став в один ряд с осуждаемыми им ранее Марком Эфесским и его братом Иоанном Евгеником. Именно Амируци приписывается трактат «О событиях, происходивших на Флорентийском соборе», адресованный некоему правителю Навплия Димитрию. В этом трактате (полемического, а не исторического содержания) автор обрушивается главным образом на отстаиваемое католической церковью право папы римского производить добавления к символу веры без санкции подлинно вселенских соборов. Папа, по мнению автора трактата, не является главой всей христианской церкви, а Флорентийский собор, санкционировавший унию, не был вселенским как в смысле представительности, так и вследствие нажима на греческое духовенство и со стороны папы, и со стороны императора. Автор критиковал тезисы о непогрешимости пап и папском примате, отстаивая пентархию в церкви, основанную на равенстве апостолов, но он признавал первенствующее положение пап лишь по «чести»

(’αξίωμα)[153]. Суждения эти не представляют собой чего-либо нового по сравнению с более пространными и тщательно обоснованными возражениями таких вождей антиуниатов, как Марк Эфесский и Георгий Схоларий. Составитель в основном использует ту же аргументацию, опираясь на вековые традиции антилатинской полемики. Правда, немного смещен акцент – от критики прибавления filioque к критике папского примата.

К 1449 г. Амируци обрел репутацию столь же решительного противника унии, сколь решительным адептом ее он был 10 лет назад. До конца дней он не потерял интереса к истории собора и, возможно, являлся одним из переписчиков или редакторов знаменитого сочинения Сильвестра Сиропула о соборе[154].

В 1449 г. Амируци был направлен трапезундским послом в Геную для урегулирования финансовых противоречий, а также для переговоров о заключении брака между сыном Иоанна IV и одной из дочерей дожа Лудовико ди Кампофрегозо. Приветствуя эту миссию, не кто иной, как Геннадий (Георгий) Схоларий, в письме к Иоанну IV отметил, что Амируци распространил славу империи на все города и острова, через которые проезжал, и назвал его «добрым и прекраснейшим»[155]. Свидетельством сближения с антиуниатами явилось и то, что Иоанн Евгеник послал Амируци эпитафию на смерть своего брата Марка Эфесского[156].

В 1461 г. Трапезунд был осажден турецкими войсками. Их авангардом командовал двоюродный брат Амируци по материнской линии Махмуд-паша, вступивший через Амируци в переговоры о сдаче города султану. По совету протовестиария император Давид открыл османам ворота, приняв тяжелые условия капитуляции. Трудно сказать, было ли это со стороны Амируци предательством или же реальным осознанием безвыходности положения, когда Трапезунд был полностью отрезан от всех союзников. Во всяком случае, Амируци вместе с императорской семьей и другими знатнейшими трапезундцами оказался в Адрианополе, откуда и послал Виссариону Никейскому свое знаменитое письмо с описанием военных действий у Трапезунда и судьбы города. В письме Амируци просил у кардинала помощи в выкупе своего сына Василия, которого султан забрал в сераль и принуждал к принятию ислама[157]. Но очень скоро Амируци завоевал довольно прочное положение при султанском дворе и использовал свои связи с Махмудом-пашой. В частности, греческие нарративные источники более позднего времени сообщают, возможно не без

преувеличений, что, когда церковные власти воспрепятствовали заключению незаконного брака Амируци (который не был разведен) с вдовой последнего герцога Афин Франко Аччайуоли, Амируци добился в 1463 г. через своего родственника смещения патриарха Иоасафа Кокки и наказания его советника великого экклесиарха Мануила Христонима, у которого были вырваны ноздри[158]. Амируци оказывал существенное влияние на политику константинопольского патриархата в 1463 – 1470 гг. Например, он способствовал тому, что владения трех крупнейших монастырей Мацуки были сохранены за ними после османского завоевания[159]. Видимо, Амируци не стал ренегатом[160], подобно двум своим сыновьям, но его принадлежность к туркофильской партии не оставляет сомнений.

Султан поручал Амируци составление карты мира по Птолемею и переводы этого античного географа, вел с Амируци беседы о сущности христианства. Эти беседы легли впоследствии в основу обширного философского произведения Амируци «Диалог о вере в Христа с турецким султаном». «Диалог» сохранился лишь в латинском переводе, сделанном в Риме в 1518 г.[161]

Перу Амируци принадлежат также шесть поэтических произведений. Четыре стихотворения обращены непосредственно к султану, причем первое из них написано трохеем и относится к числу древнейших рифмованных стихотворений на светскую тему на греческом языке[162]. Автор побуждает музу восхвалять сопричастного ей василевса, превратившего ранее чужую ему страну в свой удел и равного деяниями великим героям древности – Ахиллу и Александру Македонскому. Второе составлено как величание «владыки и скиптродержца всей вселенной», «справедливого царя царей», всеобщего благодетеля, мечом карающего творящих несправедливости, постигшего глубины премудрости и расширившего пределы государства, затмевающего всех владык, как свет солнца затмевает звезды. Эту же солнечную топику для создания образа государя, как небесное светило – природу оживляющего души подданных, Амируци использовал и в стихотворении на возвращение султана из похода (60-е годы XV в.). Трапезундский философ заставляет саму столицу, Константинополь, произнести благодарственную речь своему повелителю, украсившему древний город, подобно юной и прекрасной деве, румянами и драгоценностями (намек на градостроительную деятельность Мехмеда II и переселение в город из других мест торгово-ремесленного населения)[163]. Набор похвал и метафор сравнительно

традиционен для византийской риторики. И хотя Амируци иногда создает для них новые стихотворные формы, основная инновация заключена в почти литургическом восхвалении не-эллинского героя, победившего не врагов эллинов, а само их племя. Впрочем, из привычной топики у Амируци выпадает уподобление государя Богу, неуместное для мусульманского владыки.

В двух четверостишиях к «мухлиотиссе» Амируци стремится передать сложность любовного чувства, таящего в себе и сладостный трепет обожания, и радостное изумление, и муки страдания[164].

Политические и философские идеи Амируци представляют большой интерес, но, к сожалению, мы чаще узнаем о них по письмам корреспондентов трапезундского философа, чем по немногим дошедшим до нас его трактатам. Поэтому не всегда возможно четко определить, как автор решает те или иные философские или этические проблемы, но зато можно составить достаточно полное представление о круге его интересов и сфере занятий.

Первый трактат, приписываемый Амируци, был создан незадолго до 1437 г.[165] Он облечен в форму ответа на вопрос византийского императора Иоанна VIII: почему, сотворив человека слабым и немощным в духовном и телесном отношении и предрасположенным, к греху, Бог карает его за прегрешения наказанием вечным и не имеющим предела?[166] Исследуя человеческую природу и доказывая ее богоподобие, предназначенность любви и почитанию Бога, Амируци видит основной смысл человеческого существования в обуздании страстей и греховной природы. Для этого у человека есть полная и нестесняемая свобода воли. А в помощь ему дана органически присущая ему добродетель, состоящая в богопочитании и любви к ближнему[167]. Причина греха не в немощи: человек способен управлять телом и ему незачем уподобляться бесплотным духам – ангелам. Такое уподобление есть гордыня и стезя греха, дьявольское искушение (не скрыто ли тут осуждение монашества?). Амируци полагает, что грех есть плод человеческой бездеятельности и порока, праздности, неосведомленности в божественных заповедях[168]. Человек способен сам избрать путь греха или спасения, для чего он наделен достаточными силами, согласно своей природе. И Амируци призывает к исследованию этой природы, придавая познанию большую роль в спасении. Прежде всего, следование разуму (λόγος), а не страсти (πάθος) и чувству (ἄισθησις) приводит человека к добру и спасению[169].

Причина же зла – в сознательном и добровольном подчинении разума чувству и страстям.

Таким образом, уже в своем первом философском опыте Амируци ставит проблему свободы воли индивида, наделенного самостоятельной властью в выборе поступка. Разум, развивающееся рациональное начало поставлены Амируци в центр этики. Мудр тот владыка, завершает свой ответ императору Амируци, который Разум сделал основой жизни и правления[170].

Задумываясь, над вопросами, находившимися в центре внимания и итальянских гуманистов, Амируци не только опирается на авторитет Священного писания и Священного предания (особенно Иоанна Златоуста), но и довольно широко использует произведения античных мыслителей, в частности Платона. Анализируя этот трактат, надо иметь в виду, что он создан по заказу и накануне Флорентийского собора для уяснения некоторых философских проблем вероучения. Недаром автор начинает повествование с наиболее общих вопросов космологии и онтологии, рассматривая этические проблемы в рамках всей богословской системы.

Вполне традиционны два других трактата Амируци: «Исповедание веры» и «Письмо о Флорентийском соборе». Носящие официальный характер и написанные «по случаю», они вряд ли полностью обнаруживают истинные взгляды автора. Гораздо больше мы узнаем из «Диалога о вере в Христа», предназначенного не для прочтения турками или греками, а для распространения на Западе и для оправдания автора в приверженности христианству, а не исламу. Вероятно, «Диалог» относится к числу последних и самых значительных трудов Амируци. Издатели датируют его примерно 1470 г.[171]

В отличие от стихотворных похвал султану, в «Диалоге» Амируци сетует на его нетерпимость и гневливость, показывает слабость его аргументов в философских спорах. Но более всего огорчает автора положение греческого народа под властью завоевателя. Среди греков уже не остается людей, способных читать и понимать литературный текст (поэтому и адресует Амируци свой «Диалог» латинянам). Турецкая власть не сравнима с властью македонян или римлян, ранее завоевывавших греков, но заботившихся о процветании наук и оставивших грекам их свободу и их собственные законы (liberos ac sui juris eos dimiserunt). Ныне же все греки и их родина находятся в плену, а сам автор был обращен в рабство[172]. Лишь образованность Амируци и

его знание философии побудили султана включить Амируци в состава двора (inter familiares) и часто вести с ним беседы. Запрещая Амируци высказываться по поводу исламского вероучения, султан побуждал его доказывать непротиворечие христианской веры общим философским понятиям. Рассматриваемые в «Диалоге» проблемы фокусируются вокруг возможности и необходимости воплощения Бога, его троичности и единства, телесного воскресения мертвых.

Отличительной чертой «Диалога» является то, что для доказательств истины веры Амируци использует логические, философские аргументы. Он демонстрирует знание не только православной, но и томистской традиции, ставшей известной византийцам, в частности, благодаря переводам «Суммы теологии» и «Суммы против язычников» Фомы Аквината на греческий язык Димитрием Кидонисом. Используя методы диалектики, Амируци показывает непротиворечивость аристотелевского положения о неизменности божества и христианского догмата о воплощении. Как и в других произведениях, Амируци отстаивает идеи о свободе воли человека, об универсальности рациональных доказательств, основанных на постижении естественных законов бытия. Лишь божественное Предопределение недоступно для человеческого разума. Амируци как бы выводит его за пределы собственно научного познания. «Диалог» показывает поверхностность, прагматизм туркофильства Амируци, его вынужденный характер. К сожалению, конец «Диалога» не сохранился. Итоги спора нам неизвестны. Быть может, в какой-то мере они угадываются из письма к Амируци Михаила Апостолия (1466/67), полного, правда, иносказаний и недомолвок, а также из переписки философа с митрополитом Мидийским Феофаном Агаллианом (1468 – 1470-е годы)[173]. Возможно, в угоду султану, страшась его гнева, Амируци должен был уступить в признании мусульманского монотеизма, а затем оправдываться написанием «Диалога». Амируци отрицает как принцип идею мученичества во имя торжества веры (на чем настаивал его корреспондент Феофан, считавший, что нельзя избегать «заразных мест» и опасностей, назначенных человеку Провидением). Амируци выдвигал другую теорию: человек обязан всеми доступными средствами оберегать прежде всего себя от угрожающих опасностей. И он следовал в жизни этому принципу. Апостолий, хваля Амируци, подчеркивал, что Трапезундский философ считал суеверием, свойственным в основном людям из народа, страдание за веру.

Опираясь на античное наследие, Амируци вместе с тем придавал определенное значение и опытному знанию. Непосредственно занимаясь географией и медициной, астрономией и математикой, он стремился к рационалистическому истолкованию причинно-следственных связей в природе и обществе. Это проявлялось, в частности, в его полемике с упомянутым митрополитом Феофаном по вопросу о роли божественного предопределения, где Амируци развивает положения, содержащиеся в «Диалоге о вере в Христа». Признавая, что никто не может уклониться от воздействия божественного промысла (πρόνοια), Амируци вместе с тем заявляет, что не все явления в жизни происходят по его воле, но многие обусловлены иными, естественными причинами. Идя далее, он высказывает мысль, что сам промысел производен от природы (φύσις), действует через ее посредство и имеет только корректирующее значение.

Подчас взгляды Амируци приближаются к пантеистическим, а современнику, клирику Феофану, он казался философом эллинизирующим, т. е. близким к язычеству.

Истоки концепции Амируци встречаются в его ранних произведениях. В частности, в «Гимне богу» он восхваляет Бога – демиурга и творца, общего попечителя, но почти целиком обходит вопрос об активном воздействии на человека и общество божественной воли и энергии[174].

Политические идеи Георгия Амируци были всецело порождены условиями тяжелого для греческого народа времени крушения эллинской государственности и принадлежностью автора к туркофильской группировке. Уже в стихах к «эмиру» (Мехмеду II) Амируци, как и Критовул, мечтает о превращении султана в вождя и царя эллинов, создателя всемирного могучего государства, лелея, быть может, как Пий II или Франческо Филельфо на Западе, надежду на принятие Мехмедом христианства.

Амируци поддерживал тесные связи с итальянскими гуманистами. Леонардо Бруни Аретино адресовал ему свой трактат о Флорентийской республике как человеку, интересовавшемуся политическими теориями. К Амируци из Милана обращался и Филельфо, рекомендуя знаменитому философу и влиятельному при султанском дворе человеку итальянского архитектора Антонио Аверулино, отправлявшегося на Восток (1465 г.).

Проявлявшиеся у Амируци индивидуалистические устремления, увлечение античными авторами (кстати, причисление Амируци к

сторонникам аристотелизма[175] не совсем верно: он широко комментировал и использовал в своих трудах и сочинения Платона), энциклопедичность познаний и широта интересов сближают трапезундского мыслителя с современными ему гуманистами, хотя многое еще прочно связывало Амируци со средневековым догматическим мировоззрением. Впрочем, гибкость теории, граничащая с эклектизмом, и гибкость жизненных позиций, близкая к беспринципности, свидетельствуют о разложении традиционной морали, об эгоистической окраске индивидуалистических построений.

Значительный интерес Амируци к естественным наукам не случаен: именно эти науки издавна изучались на Понте. Постоянные связи с Востоком и широкая посредническая торговля стимулировали их развитие. По «Космографии» и «Автобиографии» известного армянского ученого VII в. Анании Ширакаци мы узнаем, что уже в то время в Трапезунде в монастыре св. Евгения преподавал отличавшийся широким кругом познаний учитель Тихик, к которому устремлялись ученики как из соседних областей, так и из Константинополя. Тихику принадлежала обширная библиотека, предоставленная для нужд учеников[176].

Тихик, возможно, был воспитанником александрийских ученых и он пользовался широкой известностью как педагог и астроном. Местом его преподавания был мартирий св. Евгения в Трапезунде[177]. Преподавателем был и основатель Лавры на Афоне трапезундец св. Афанасий. Его наставническая и просветительская деятельность с успехом продолжалась и на Святой Горе[178].

В эпоху Великих Комнинов Трапезунд вновь становится центром изучения естественных наук. Основа этого была заложена деятельностью уже известного нам протовестиария Константина Лукита, который, занимая видный пост, мог стимулировать и субсидировать занятия, а также непосредственно Григорием Хониадом.

Константинопольский врач Григорий Хониад (сер. XIII в. – ок. 1330 г.) прибыл в Трапезунд ранее 1295 г. и добился от императора Иоанна II большой денежной субсидии для поездки в Персию, где при ильханах успешно развивалась астрономия, были основаны обсерватории в Мараге (1259 г.) и при Газан-хане (1295 – 1304) – в Тавризе. Пробыв несколько лет в Иране между 1295 и 1301 гг., Хониад изучал персидский и арабский языки, достижения восточной астрономии. В Трапезунд он привез большое число книг по

астрономии, которые затем перевел на греческий язык и снабдил комментариями как письменными, так и устными, наставляя учеников. Используя восточные астрономические сочинения – зиджи, Хониад составил астрономические таблицы, а позднее, вероятно уже в Константинополе, перевел и прокомментировал сочинение известного персидского астронома, которого он называл своим учителем, Шамс ал-дина ал-Бухари (1254 – ок. 1339). Достоверно известно, что Хониад жил в Трапезунде в сентябре 1301 – апреле 1302 г.; предполагают, что он возвращался на Понт и в 1297 – 1299 гг.[179] Во всяком случае, преподавание и деятельность Хионида оставили там свой след. Часть его библиотеки досталась ученикам, один из них был Константин Лукит, с которым Хониад всю жизнь поддерживал активную переписку. Около 1305 г. Хониад был рукоположен в сан епископа в Тавризе. Константинопольский патриархат был озабочен судьбой православного населения в Иране после принятия в 1304 г. ильханами ислама и решил послать в Тавриз хорошо знавшего местные условия человека. Путь Хониада вновь лежал через Трапезунд, где он был любезно принят императором и куда он возвратился примерно через 10 лет уже в преклонном возрасте, покинув свою кафедру и исполнив миссию, учитывающую одновременно интересы и Византии, и Трапезундской империи[180].

В изучении и преподавании астрономии Хониад опирался как на восточную традицию, так и на труды Птолемея. Существенно обогатив византийскую астрономию в целом[181] и создав школы в Константинополе и Трапезунде, Хониад отличался разносторонностью интересов. Его перу принадлежит небольшой сборник о противоядиях, комментарии к творениям Иоанна Дамаскина, стихи. В Константинополе на него легло подозрение в чернокнижии, симпатии к мусульманской науке. Доказывая свою ортодоксальность, Хониад вынужден был между 1302 и 1308 гг., вероятно перед последней поездкой в Тавриз в качестве епископа, собственноручно написать исповедание веры[182]. Хониад, высоко почитаемый за свое светское и духовное образование, окончил свои дни в трапезундском монастыре св. Евгения и был известен также своими недошедшими до нас произведениями – Словом на успение святителя Евгения и песнопениями ему же, написанными по велению императора Алексея II специально для праздника рождества мученика[183].

Школа, созданная Хониадом в Трапезунде, продолжала существовать и позднее. Византийский географ, врач и астроном

Георгий Хрисококк[184] писал в 1346 г., что его учителем в Трапезунде в 20 – 40-е годы XIV в. был Трапезундский клирик Мануил, который вел занятия по персидским книгам и руководствам, привезенным Хониадом. Основой обучения было тщательное комментирование и объяснение прочитанного[185]. Продолжалось и составление астрономических таблиц[186]. Занятия в Трапезунде вела целая группа ученых. Иосиф Лазаропул сообщает, что Алексей II осыпал богатствами и почестями многих риторов и философов, врачей и астрономов[187] Примечательно, что астрономией занимались люди, практиковавшие врачевание и ради врачевания; такими были в конечном счете и Хониад, и Ливадин, и Хрисококк.

Знание астрономии служило для такой цели, как составление гороскопов. И в Византии[188], и в Трапезундской империи в 30 – 40-е годы XIV в. интерес к гороскопам возрос. Весьма показателен в этом отношении уникальный Трапезундский гороскоп 1336 г., дающий предсказания почти всем категориям трапезундского населения и содержащий немало исторических реалий. Гороскоп включен в астрономический альманах и находится в той же рукописи, что и сочинения Андрея Ливадина, написанные его рукой (Cod. Monac.gr. 525, f.155v – 171v)[189]. Но он не принадлежит перу Ливадина и, возможно, был составлен уже упомянутым священником Мануилом, учеником Хониада[190]. Однако и в этом случае место его в кодексе Ливадина не случайно и еще раз указывает на то специфическое направление науки в Трапезунде, которое объединяло астрономию (и астрологию), медицину и географию. Трапезундский альманах состоит из месячных таблиц и коротких текстов. Таблицы фиксируют положение Солнца, Луны и планет с 12 марта 1336 по 12 марта 1337, а также определяют долготу дня, конфигурации и фазы планет. На полях вокруг таблиц и сделаны предсказания на каждый из 10 – дневных периодов года. Таблицы восходят к персидским оригиналам, значительно уточнявшим вычисления Птолемея. До середины 40-х гг. XIV в. такие таблицы не были известны в Константинополе, хотя в первую очередь интерес к практической астрологии, а не к теоретической астрономии питал трапезундскую школу и круг Лукита-Ливадина, в котором и возник альманах и гороскоп. Восточные корни альманаха четко прослеживаются и в составлении таблиц, и в наименовании месяцев как по греческому календарю, так и по календарю хиджры[191]. Составитель гороскопа упоминает города: Вавилон (Багдад), Тавриз, Амиду, Мосул, области Сирии, Курдистана,

Палестины, Кавказа, Кипра, Египта, Татарии, Газарии (Крыма), не говоря уже о близлежащих тюркских владениях в Малой Азии. Трапезундский гороскоп показывает устойчивый интерес автора и заказчиков к Востоку и обрисовывает интересный топографический горизонт, проанализированный Р.М. Шукуровым, в котором Западу и собственно Византии (даже Константинополю!) почти не находится места[192]. Признавая правомерность подхода Р.М. Шукурова к этому явлению в свете его теории «латентной тюркизации» Понта, нельзя все же не отметить, что подобная обращенность к Востоку была связана именно с восточным происхождением как используемых зиджей, так и самой школы Хониада – Мануила.

В том же гороскопе называется целый ряд наиболее распространенных недугов: от простуды и воспаления легких, головной боли и болезней сердца до апоплексии, брюшных и женских заболеваний. Автор гороскопа полагается не только на заступничество святых, но и на лекарственные средства. Возможно, он был и практикующим врачом[193]. Агиографическое сочинение Лазаропула, о котором говорилось выше, также свидетельствует о широте врачебных познаний автора. Лазаропул подробно описывает симптомы болезней и способы врачевания и диагностики (например, по осадку мочи). Из сочинения Лазаропула и гороскопа 1336 г. следует, что в Трапезунде были довольно широко распространены желудочные и инфекционные заболевания. Среди способов лечения указываются и применение рвотных средств, и отворение крови, и лечение диетой, и широкий спектр смягчающих и общеукрепляющих лекарств. Но, как и полагается в агиографическом тексте, окончательное выздоровление происходило лишь при заступничестве святого, а усилия врачей зачастую оказывались бесплодными, даже если речь шла об исцелении от винных отравлений. Несмотря на это, у Алексея II врачи были в почете, и он высоко ценил и вознаграждал усилия своих целителей[194].

У нас нет столь же конкретных указаний на существование школы естественных наук в Трапезунде в XV в., как в XIV в. Лишь косвенные данные, например экфрасис Иоанна Евгеника, говорят о том, что науки продолжали процветать в городе и желающий мог и начать там образование, и совершенствоваться в нем[195]. Центром наук в XV в. продолжал считать Трапезунд и Михаил Апостолий[196]. Громкая ученая слава Трапезунда и в XV в. приводила к тому, что византийские гуманисты, например Георгий Трапезундский, уроженец Крита, брали имя города в качестве литературного псевдонима.

В Трапезунде – одном из центров поздневизантийской культуры – поддерживался интерес к разным жанрам литературного творчества, Именно из Трапезунда происходят уникальные рукописи, например ГИМ № 436, содержащая единственный сохранившийся список «Советов и рассказов» Кекавмена[197], единственная иллюминованная рукопись греческого романа об Александре, упоминавшаяся выше.

Сохранившаяся книжная продукция из Трапезунда, иллюминованные рукописи и грамоты, отмеченные печатью мастерства, свидетельствуют о наличии в империи хороших скрипториев. Видимо, их было несколько. Пока их специальное исследование не проведено, мы ограничимся несколькими примерами. В императорском скриптории по поручению Великих Комнинов переписывались тексты и составлялись хрисовулы[198]. В монастыре св. Евгения в 1346 г. Иоанн Аргир переписал рукопись типикона монастыря по заказу вкладчика Прокопия Хантзама[199]. Пергаменная рукопись украшена миниатюрами. В начале кодекса (л. 9 об.) неизвестный иллюминатор изобразил св. Савву Освященного, автора типикона знаменитого Иерусалимского монастыря, и Иоанна Дамаскина, принявшего постриг в той же обители. Поскольку типикон трапезундского монастыря был составлен по образцу типикона монастыря св. Саввы, эти изображения вполне объяснимы. На другой миниатюре (л. 315 об.) изображены под аркой св. Евгений и донатор, протягивающий ему книгу. Кроме того, в рукописи – 12 миниатюр с аллегорическими изображениями каждого месяца на золотом фоне. На некоторых из них (сентябрь, ноябрь, декабрь, июль) изображены сельскохозяйственные работы, реалистично переданы орудия труда того времени. Все рисунки сопровождены знаками зодиака. Еще первый исследователь рукописи Й. Стржиговский отметил, что местный миниатюрист испытал западные, скорее всего итальянские, влияния. Это проявляется в иконографии (фигура воина в образе Марса, шлем с забралом – «март»), в отдельных живописных деталях. Такие влияния могли быть порождены широкими международными связями Трапезундской империи с Западом, наличием на ее территории итальянских факторий. Но эти влияния (или, может быть, простые наблюдения мастера, видевшего чужеземцев и хорошо с ними знакомого) не затронули существа византийского искусства, были поверхностным напластованием.

Другая литургическая рукопись, вышедшая из скриптория монастыря Евгения, была переписана в 1365 г. нотарием Георгием

Референдарием (Cod. Sinait. gr. 310/1230). Переплет рукописи украшен медальоном с изображением св. Евгения на коне по типу монет того времени.

Возможно, специфические традиции оформления, особенности письма рукописей трапезундских скрипториев, сложившиеся в XIV в., закладывались еще до 1204 г., в частности в период правления полусамостоятельных дук Халдии из рода Гавров[200]. В истории трапезундских скрипториев отразились и тесные связи Трапезундской империи с Грузией. Так, например, грузинская миниатюра начала XIII в. попала в греческое четвероевангелие 1329 г., переписанное при трапезундском василевсе Алексее II и митрополите Варнаве[201].

О народной культуре Трапезундской империи, к сожалению, известно немногое. Быть может, самобытнее всего она запечатлелась в понтийских песнях, баснях, сказаниях, народной музыке и обычаях понтийцев. Правда, большинство песен, сохраняя древнее ядро, относится уже к периоду туркократии, а записи их были сделаны в XIX – начале XX в.[202]

В обстановке постоянной борьбы с кочевниками, натиска османов воскрешались и поэтизировались подвиги воинов прошлых поколений. В понтийских былинах нет описаний конкретных эпизодов борьбы с сарацинами (арабами), по ним нельзя составить даже самое общее представление об истории борьбы империи и халифата. Но это и не являлось задачей эпоса. Важно другое: в тяжелых условиях XIII – XV вв., а затем османского владычества именно героический эпос стал чрезвычайно популярным на Понте. Здесь сложилась и была записана «Песнь о Ксанфине», знаменитом богатыре, победителе сарацинского вождя-великана и его войска[203]. Именно к Понтийскому региону относится одна из версий поэмы о Дигенисе Акрите[204], с которой, кстати, генетически связана «Песнь о Ксанфине», а также былины о Порфире. Родившись от монахини, младенец Порфир через несколько дней после появления на свет стал могучим богатырем, перед которым трепетали полководцы царя Константинополя. Взятый в плен спящим, Порфир одними своими цепями истребил царское войско. а затем увел с собой из Константинополя в горы девицу-красавицу. Хотя в эпосе названы имена – Порфир хвалится, что не боится ни «Враны, ни Никифора, ни Варитрахила (дословно: "Тяжеловыйный")», – вряд ли возможно найти для них убедительную историческую атрибуцию (вроде византийского василевса Никифора II и его отца Враны). Более вероятно, как полагал еще Г. Дестунис, что «Песнь» подразумевала под

царем, правящим в Константинополе, султана, а под Порфиром – независимого клефта[205]. Понтийские баллады рассказывают и о легендарной обороне горной крепости Палеокастрон в Мацуке, взятой обманом лишь благодаря измене одного из защитников, «пса Марфаса»[206]. Все эти фольклорные произведения воплотили настроения понтийского населения, не сломленного османским завоеванием.

В трапезундских тренах и песнях о гибели Константинополя нашла свое отражение широко распространенная в греческом народе версия о его сдаче туркам в результате измены. Падение царственного града расценивалось как общее несчастье. Песни о героической смерти императора Константина XI и о защите города обрели долгую жизнь на Понте. Вплоть до начала XX в. из разучивали в школах, а дети пели на новогодних калядованиях. Как заметил Г. Мегас, изменническая сдача Трапезунда породила версию о падении Константинополя из-за предательства. В то же время, отвага Константина и трусость Давида Комнина сделали героем трапезундских песен византийского василевса[207].

Понтийский диалект греческого языка, на котором созданы многочисленные произведения народного фольклора, был исторической реальностью в эпоху Трапезундской империи. Сохранившиеся надписи и некоторые документы (например, Вазелонские акты) свидетельствуют о том, что не только в разговорном, но и в языке делопроизводства с XIII в. широко употреблялись диалектные формы[208]. В начале XVI в. «на греческом трапезундском языке» венецианский дипломат объяснялся с дочерями трапезундской царевны Феодоры и шаха Ирана Узун Хасана[209].

Культура народа, его вера, традиции ярко проявлялись и в праздниках. Издавна, по крайней мере с IX века[210], широко и торжественно отмечался день памяти (мученической кончины) св. Евгения – 21 января. Тогда же, в правление Василия I, по откровению самого святителя, явленному как клирикам, так и мирянам, начали торжественно отмечать и день рождества святителя – 24 июня, совпадавший с Рождеством Иоанна Крестителя[211]. Обретение этого праздника, безусловно, способствовало и возвышению монастыря св. Евгения, до той поры не имевшего значительных земельных угодий, виноградников и скота. Монахи в нем жили преимущественно подаянием местных жителей. С началом летнего праздника, совпадающего и со сбором плодов, и с ярмаркой, стали расти и слава

монастыря и его богатства. Даже жители неблизкого Пайперта, известного своей плодородной округой, и почти ото всех границ Халдии, приходили на праздник и снабжали монастырь продовольствием[212]. Однако, с конца XI в., в результате сельджукских походов и захвата долины Пайперта и южной Халдии, гибели дуки св. Феодора Гавры, монастырь лишился материальной поддержки и праздник пришел в забвение[213], видимо, вместе с традиционно проводившейся ярмаркой. Лишь стабилизация положения империи на границах уже при трапезундском василевсе Алексее II позволила вновь возродить праздник. Иоанн Лазаропул сообщает о том, как покровительствующий монастырю император, после победы над драконом при помощи св. Евгения, пожелал подробнее узнать о чудесах, совершенных святителем, и прочел древнее сказание об обретении его дня рождения. Тогда он приказал возобновить торжество, праздновать его ежегодно без перерывов один день и ночь, обеспечить для этого средства из царской казны и поручил Григорию Хониаду написать гимны святому[214]. Издатель текста Лазаропула, Я. Розенквист усомнился в правдивости этого рассказа на том основании, что Типикон монастыря св. Евгения 1346 г. не упоминает этого праздника. Шведский ученый счел, что праздник был установлен как элемент императорской политики и пропаганды позднее, при Алексее III в 60-е гг. XIV в.[215] Вряд ли, однако, сообщение о подготовке праздника и даже создании литургических текстов Хониадом, умершим при Алексее II, можно считать вымыслом, тем более, что «Слово» Лазаропула было произнесено публично перед современниками, жившими как при Алексее II, так и при его внуке. Лазаропул упоминает реальные подробности организации первого праздника, называет имена, включая игумена Луку Цатиса, давшего императору книгу Житий святого. Как же объяснить умолчание типикона? Это сложный вопрос. Нельзя исключить, например, что типикон 1346 г. мог быть составлен по более раннему тексту, предшествующему дате возобновления праздника. Можно предполагать, что каноническое оформление праздника заняло немало времени и было завершено при Алексее III. Для этого, очевидно, требовалось и согласие патриарха, отношения с которым у императора Василия, наследовавшего Алексею II, были плохими из-за его не признававшегося развода с Ириной Палеологиней и второго, считавшегося адюльтером, брака с Ириной Трапезундской. После Василия период гражданских войн и разрушение самого монастыря в 1340/41 г. также не способствовали урегулированию дела. Лишь

Алексей III, настойчиво подчеркивавший свою легитимность и продолжающий политику деда завершил его дело. Быть может, при Алексее III произошло третье обретение праздника Рождества св. Евгения?

Духовный пир завершался пиром телесным. Лазаропул подробно описывает угощения, среди которых и посыпанные сезамом хлеба в формах, и медовая выпечка, зайчатина и козлятина, говядина и рыбные блюда, птица, различные вина и сладкие прохладительные напитки...[216] Не раз Лазаропул показывает, что пировать в Трапезунде умели, особенно на церковные праздники.[217]

В X – XI вв. в Трапезунде на средства семьи некоего куропалата (видимо, одного из дук фемы) была построена церковь св. Николая и при ней торжественно отмечался, с ярмаркой, день памяти святителя[218]. Не известно, сохранялась ли эта традиция при Великих Комнинах.

Монастырь св. Евгения со времен Македонской династии являлся важнейшим центром культуры в регионе. В нем не только сохранялись (не всегда, впрочем, в должном порядке, как о том писал Лазаропул[219]) и переписывались агиографические тексты и вообще материалы, относящиеся к местной истории и к культу святого, но и изготавливались (возможно, на заказ) его образы с хранившихся в храме древних икон[220].

Местом традиционного отдыха трапезундцев были склоны горы Митрион (Боз Тепе), особенно весной, когда их покрывали цветы и благоухающие травы[221]. Впрочем, там искали избавления и от летнего зноя, и даже от эпидемий знать и двор спасались на горе Митрион[222].

Народная культура лазов, составлявших значительную часть населения Трапезундской империи, особенно в ее южных и юго-восточных областях, изучена еще меньше. Лазы, древний народ картвельской языковой группы, будучи христианами и принадлежа к православной церкви (Трапезундской митрополии), находились в постоянном и тесном общении с греками. Мужественные воины, лазы надежно защищали границы Трапезундской империи и не раз поддерживали ее в критические моменты истории. Процесс исламизации и туркизации лазов, интенсивно проходящий с середины XVI в., а также отсутствие литературных памятников доосманского периода существенно препятствуют изучению культуры лазов в составе государства Великих Комнинов. Некоторое представление о древних пластах культуры дают постройки турецкого Лазистана, многие из которых украшались деревянной резьбой и отличались

оригинальностью архитектуры, а также, к сожалению, практически не исследованный и большей частью забытый в XVIII – XIX вв. фольклор понтийских лазов[223].

Итак, изучение культуры Трапезундской империи показывает, насколько тесными были связи, соединявшие это государство со всем византийским миром, и прежде всего с Константинополем и Афоном. Политическое разъединение, произошедшее в начале XIII в., вовсе не означало обрыва тех живых нитей, которые соединяли грекоязычную культуру двух империй. Культура Трапезундской империи, развивавшаяся в постоянном взаимодействии с культурами соседних народов и испытывавшая порой влияния, шедшие с Ближнего Востока или из Грузии, всегда оставалась самобытным ответвлением византийской цивилизации. Само отношение к Константинополю как к процветающей царице городов, общему духовному центру характерно для всей литературы Трапезундской империи XIV – XV вв. Поэтому неудивительно, что византийские писатели и художники создавали на земле Понта памятники зодчества, живописи и литературы, а уроженцы Трапезундской империи стали видными представителями культуры византийской. Нельзя не отметить и того культурного значения, которое имела Трапезундская империя для Западной, да и Восточной Грузии. В обстановке феодальной децентрализации Грузии, последовавшей после монголо – татарских завоеваний, ослабления прямых связей Грузии с Константинополем именно Трапезунд (наряду с Афоном) стал для народов Кавказа главным центром византийского православия. Грузинская монетная чеканка (кирманеули), некоторые памятники архитектуры Грузии (например, церковь св. Георгия в Ачи[224]) создавались под воздействием трапезундских образцов. Постоянные войны, особенно тяжелые в XIV – XV вв., усилившийся натиск османов ограничивали материальные ресурсы гражданского и церковного строительства, сдерживали развитие наук и искусств, консервировали экономические отношения. В культуре все чаще проступали архаические черты. Они были связаны и с официальной идеологией империи, ориентировавшейся на подчас утрированное подчеркивание преемственности от Византии комниновского периода, на соблюдение древних традиций.

В период обострения феодальных мятежей, окружение императора Василия, а затем, и особенно, Алексея III Великого Комнина настойчиво апеллировало к историческим обоснованиям легитимности правления нового василевса. При этом усиливались как

традиционные мотивы – покровительство династии святого патрона города Евгения, прямая преемственность власти от Константинопольских Комнинов, так и вводились новые аргументы – равнозначность политики централизации Македонской династии, особенно при Василии II, и династии трапезундской, традиционность помощи понтийского населения василевсам как в борьбе с мятежами знати, так и с тюркской угрозой. Связь великокомниновской династии с византийскими императорами как бы расширялась за пределы прямых генеалогических линий, находя политическую и идеологическую преемственность с Византией докомниновской эпохи[225]. Новые исторические задачи – не конкуренции с Константинополем за обладание прежним наследием, как в начале XIII в., а преодоления феодального сепаратизма и обретения общего паладина в борьбе с внешней угрозой – расширяли поле государственной идеологии Трапезундской империи. Эта линия, видимо, началась еще с Алексея II, назвавшего своего сына нетрадиционным для клана Комнинов именем Василия, и завершилась комплексом мер Алексея III, существенно преобразовавшего и обновившего весь облик государства.

Постепенно одним из элементов официальной идеологии стало и положение о том, что Трапезунд – город богохранимый и неприступный для варварских народов, ни разу, со времен Помпея, не захваченный ими. Это положение Экфрасиса Трапезунда Иоанна Евгеника, повторенное затем и в «Энкомии» городу Виссариона Никейского, находилось в грубом противоречии с действительностью, так как Трапезунд, как отмечалось ранее, становился добычей готов в III в., сельджуков в XI столетии, а возможно, и арабов в VII, хотя каждый раз и на крайне непродолжительное время. Но примечательно не это противоречие[226], а устойчивость представлений о неприступности трапезундской твердыни, притом именно в XV в., в канун падения империи. Но это уже фактор веры, если не считать его просто риторическими клише энкомиастов.

Наряду с четко осознаваемой Великими Комнинами генеалогической связью с их константинопольскими предшественниками, постепенно в идеологии империи находит отражение и другая линия, указывающая на преемство еще от Македонской династии и, в частности, наиболее великого из ее царей – Василия II. Не случайно, в нарушение традиции Гаймы[227], сын императора Алексея II Великого Комнина Василий (1332 – 1340) сохраняет это имя, вступив на трон, а в полуофициальном Своде чудес

св. Евгения, написанном Иоанном Лазаропулом, появляется большой пассаж о Македонской династии и, в частности, о Василии II "величайшем автократоре ромеев"[228], его войнах в Ивирии и пребывании в Трапезунде[229]. В качестве важнейшего источника сведений Лазаропул использовал текст византийского историка Иоанна Зонары[230], но отнюдь им не ограничился, и добавил из иных источников (по мнению Н. Панайотакиса[231], таковым было сохранившееся в небольших фрагментах сочинение Феодора Севастийского) некоторые неизвестные подробности, в частности, о происхождении основателя Македонской династии из города Хариуполя[232], о том, что отец его жены Евдокии Ингерины происходил из синклитиков[233] и др.

Традиционность пронизывала культуру, как и идеологию. Архаичными по сравнению с палеологовской практикой выглядели придворный церемониал Великих Комнинов, письмо и формуляр их хрисовулов[234]. В архитектуре наблюдалось тяготение к подражанию давно устаревшим и «немодным» в Византии того времени образцам (купольная базилика). Подобные же явления проступают в живописи и литературе (пример – творчество Стефана Сгуропула). Уважение к традиции тем не менее не подавляло проявлений нового. Находясь на перекрестке путей с Запада на Восток и Юг, Трапезунд сам не мог не быть перекрестком, где совершался обмен не только товаров и производственного опыта, но и духовных ценностей. Усилившиеся с конца XIII в. связи с Византией все шире втягивали Трапезундскую империю в те процессы развития культуры, которые были характеры для всего византийского мира двух последних столетий его истории.

[1] Впервые напечатано в кн.: Культура Византии. XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 86 – 119. Издается ныне со значительными дополнениями и более полным библиографическим аппаратом.

[2] HDSE, P. 170.13.

[3] Eust.Thess. Commentarii, 687 // *Müller C.* Geographi graeci minores. T. 2. Paris, 1861, P. 340; *Латышев В.В.* Известия... Т. 1. С. 203. Евстафий также, следуя архаической традиции, именует Трапезунд греческим городом, лежащим в колхидской земле: ibid., 772. P. 351; *Латышев В В* Известия...С. 209.

[4] HDSE, P. 114.7 – 12; 124.177.

[5] HDSE, P. 116.44 – 46. Ср. также: P.126.207.

[6] HDSE, P. 116.46 – 48.

[7] HDSE, P. 208.90 – 91.

[8] HDSE, P. 212.151.

[9] HDSE, P. 208.90 – 102.

[10] Bessarionos. Ὁ "εἰς Τραπεζοῦντα" Λόγος τοῦ Βησσαρίωνος / Ekd. *O Lampsides* // ΑΠ. 1984. Т. 39. P. 3 – 75 (далее – Bessarion. Logos); Ἰωάννου Εὐγενικοῦ Ἔκφρασις Τραπεζοῦντος / ed O. Lampsides // ΑΠ 1955. Т. 20. P. 3 – 39.

[11] HDSE, P. 314 – 323; *Успенский Ф И.* Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929. С. 54 – 55; *Bryer A., Winfield D* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Т. 1. [Dumbarton Oaks Studies, XX]. P. 180 – 195.

[12] HDSE, P. 314.1251 – 1253; Bessarion. Logos. P. 59 – 62; *Talbot Rice D.* Trebizond, a medieval citadel and palace // JHS. 1932. Т. 52. P. 47 – 54; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments...Т. 1.P. 183.

[13] Bessarion. Logos. P. 63 – 65.

[14] *Успенский Ф.И.* Очерки ... 1929. С. 7; *Vasiliev A.A.* Zur Geschichte von Trapezunt unter Justinian dem Großen // BZ. 30. 1930. S.381 – 386; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments ... P. 191 – 195.

[15] Ср.: HDSE, P. 306 – 308.

[16] HDSE, P. 334.

[17] *Chrysanthos.* Ἡ Ἐκκλησία Τραπεζοῦντος. // ΑΠ, 4 – 5. Athenai, 1933 (repr.:1973). P. 379 – 393; *Ballance S.* The Byzantine Churches of Trebizond // Anatolian Studies. 1960.Т. 10. P. 146 – 151; *Janin R.* Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bythynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). P., 1975. P. 277 – 279; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments ... Т. 1. P. 238 – 243; *Bryer A.* Une église "à la demande du client" à Trébizonde // *Bryer A.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. London, 1988. N V. P. 216 – 232; *Rosenqvist J.O.* Three Trapezuntine Notes // BS, LIV/2, 1993. P. 294 – 299 (о захоронении императоров от Алексея I до Алексея II и их отпевании в храме, с произнесением эпитафий).

[18] *Millet G.* Les monastères et les églises de Trébizonde // BCH. 1895. Т. 19. P. 419 – 459; *Успенский Ф.И.* Очерки... С. 4 – 26, 149 – 158; *Chrysanthos.* Ἡ Ἐκκλησία... P. 372 – 515; *Millet G., Talbot Rice D.T.* Byzantine painting at Trebizond. L., 1936; *Ballance S.* The Byzantine Churches of Trebizond // Anatolian Studies. 1960.Т. 10. P. 141 – 175; *Брунов Н.И.* Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. М. – Л., 1966. Т. 3. С. 112 – 122; *Janin R.* Les églises...; *Полевой В.М.* Искусство Греции в средние века. М., 1973; *Sinclair T.A.* Eastern Turkey: an Architectural and Archaeological Survey. London, 1987. Т. 1. P. 27, 152; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments ...

[19] *Bryer A.* Une église...

[20] *Ballance S., Bryer A Winfield D., Isaac J.* Nineteenth-century monuments in the city and vilayet of Trebizond: architectural and historical notes // ΑΠ. 1966.67. Т. 28. P. 233 – 307; 1968. Т. 29. P. 89 – 132; 1970. Т. 30. P. 228 – 385; 1972/73. Т. 32. P. 126 – 310.

[21] *Millet G.* Les monastères et les églises de Trébizonde... P. 446.

[22] Panaretos, P. 61.18 – 19.

[23] См. о них: *Strzygowski J.* Les chapitaux de Sainte Sophie à Trébizonde // BCH. 1895. Т. 19. P. 517 – 522; *Ballance S.* The Byzantine Churches... P. 161 – 162; *Talbot Rice D., Ballance S., Tatbot Rice T., Winfieid D.* The Church of Hagia Sophia at Trebizond. Edinburgh, 1968.

[24] *Winfield D* A Note on the South-Eastern Borders of the Empire of Trebizond in the Thirteenth Century // Anatolian Studies. 1962. Т. 12. P. 163 – 172; *Balance S.* The Byzantine Churches... P. 167, fig.20; *Winfield D., Wainwright J.* Some Byzantine Churches from the Pontos // Anatolian Studies. 1962. Т. 12. P. 131 – 161; *Protassoff N.* Monuments de Dzevizlyk // Byz. 1927/28. Т. 4. P. 419 – 425.

[25] *Bryer A , Winfield D* The Byzantine Monuments ...P. 265 – 298.

[26] *Alpatov M* Les reliefs de la Sainte Sophie de Trébizonde // Byz. 1927/28. T. 4. P. 407 – 418; *Talbot Rice D., Ballance S, Talbot Rice T, Winfieid D.* The Church of Hagia Sophia at Trebizond. Edinburgh, 1968. P. 45 – 82.

[27] *Talbot Rice D., Ballance S., Talbot Rice T., Winfieid D.* The Church of Hagia Sophia ... P. 55 – 82; *Talbot Rice T.* Decorations in the Seljukid Style in the Church of Saint Sophie of Trebizond // Beiträge zur Kunstgeschichte Asiens. In memoriam Ernst Diez. Istanbul, 1963. S. 87 – 120.

[28] *Alpatov M* Les reliefs... P. 412 – 414.

[29] См.: *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments ...P. 193.

[30] *Restle M* Die Byzantinische Wandmalerei in Kleinasien. Recklingshausen. 1967. Bd 1. S. S. 86 – 88.

[31] *Fallmerayer J. Ph.* Original Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaisertums Trapezunt. // Abhandlungen der Historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1843, Bd 3. S.120; *Millet G.* Les monastères et les églises de Trébizonde... P. 458.

[32] *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments ...P. 283.

[33] *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... P. 289. Впрочем, поиски прямых аналогов к успеху не привели. Недавнее обсуждение проблемы: *Орлова М.А.* О традиции наружных росписей древнерусских храмов XI – рубежа XV – XVI вв. // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978. С. 106 – 117.

[34] *Talbot Rice D., Ballance S., Talbot Rice T., Winfieid D.* The Church of Hagia Sophia ... P. 237 – 238; *Lafontaine-Dosogne S.* Remarques sur le programme decoratif de Ste Sophie à Trébizonde //Byzantino-bulgarica. 1981. T. VII. P. 391; *Лазарев В Н.* История Византийской живописи. М., 1986. С. 125, 132 – 133.

[35] *Talbot Rice D., Ballance S., Talbot Rice T., Winfieid D.* The Church of Hagia Sophia ... P. 88 – 163, 184. О. Демус и В.Н. Лазарев напротив, относят росписи св. Софии к провинциальному искусству, отмеченному восточными влияниями, хотя и консервативному по сути. См.: *Demus O.* Die Entstehung des Palaiologenstils in der Malerei // Berichte zum XI. Internazionalen Byzantinistenkongress. München, 1958. S. 52 – 53; *Лазарев В.Н.* История... С. 133.

[36] *Millet G., Talbot Rice D.T.* Byzantine painting... P.54; P. 384 – 385.

[37] Напр.: *Djurić V* La peinture murale byzantine: XIIe et XIIIe siècles // XVe Congr. Int. des études byzantines. III. Art et archéologie. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. P. 57; *Lafontaine-Dosogne S.* Remarques... P. 391.

[38] *Restle M.* Die Byzantinische Wandmalerei ... S. 86 – 88.

[39] *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments ...P. 289 – 294.

[40] *Millet G., Talbot Rice D.T.* Byzantine painting... P. 173 – 177.

[41] См. *Карпов С.П.* Трапезундская империя и Афон // ВВ.1984. Т. 45. С. 95 – 101.

[42] Ср.: *Velmans T.* Le portrait dans l'art des Paléologues // Art et société sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 91 – 148.

[43] *Talbot Rice D., Ballance S, Talbot Rice T., Winfieid D* The Church of Hagia Sophia ... P. 3; *Bryer A.* The Faithless... P. 323 – 324.

[44] *Texier C., Pullan R.P* Byzantine architecture. L., 1864. Pl. LXVI.

[45] *Bryer A.* Trebizond: the Last Byzantine Empire // History Today. 1960. T. 10, N 2. P. 128.

[46] *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments ...P. 138 – 139.

[47] Actes de Dionysiou / ed. *Oikonomidès N* Paris, 1968. T. 1. N 4. P. 50 – 61; T. 2 (album), pl. VI – IX; *Janssens E* Trébizonde...; Treasures of Mount Athos.2 ed. Thessaloniki, 1997. P. 517 – 519; *Fallmerayer J Ph.* Original Fragmente... S.49 – 51; *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // АП. 1979. Т. 35. P. 303 – 305; *Bryer A* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800 – 1900. London, 1988, контртитул (фотография хрисовула Сумеле 1364 г., недавно обнаруженного в архиве музея Айя София в Истамбуле, ibid., P. VII).

[48] *Spatharakis I* The Portrait in byzantine illuminated manuscripts Leiden, 1976, P. 185 – 187; *Xyngopoulos A.* Les miniatures du roman d'Alexandre le Grand dans le codex de l'Institut Hellénique de Venise. Athènes; Venise, 1966; Gallagher L. The Alexander Romance in the Hellenic Institute at Venice. Some notes on the Initial miniature // Thesaurismata.1979, T. 16, P. 170 – 205; *Trahoulias N.S* The Greek Alexander Romance. Hellenic Institute Codex Gr.5.Athens. 2000.

[49] *Thierry M.* Les influences byzantines sur l'art arménien (étude critique) // L'Arménie et Byzance: histoire et culture. Paris, 1996. P. 201.

[50] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix. Paris, 1961. № 661. P. 483 – 484, *Durand J.* La Vraie Croix de la princesse Palatine au trésor de Notre-Dame de Paris: Observations techniques // Cahiers archéologiques. 1992. T. 40. P. 139 – 146; *idem.* Croix de la princesse Palatine // Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Paris, 1992, N 340. P. 444 – 445.

[51] *Dąbrowska E.* Deux notes sur la croix appartenant à Manuel Comnène // Cahiers de civilisation médiévale. 1997. N 40. P. 253 – 259.

[52] Отрицая принадлежность креста Мануилу I Великому Комнину Е. Данбровска приводит аргумент ex silentio который не имеет доказательной силы («неизвестны никакие надписи упоминающие трапезундских императоров на реликвариях Св. Креста», кроме поздней надписи Мануила III. Но, во-первых, число подобных реликвариев вообще невелико, а во вторых и реликварий Мануила III показателен). Ряд суждений исследовательницы принять трудно. Например (Op. cit., P.255), утверждается, что Трапезундская империя, якобы, была вне политических проблем Европы и трапезундское посольство от Мануила I к Людовику IX по вопросу династического брака получило унизительный ответ от французского монарха. И текст Жуанвиля, и многие факты ранее приведенные нами остались без внимания Данбровской. Людовик Святой, вопреки ее утверждениям, уделил посольству большое внимание и пожелал связать Великих Комнинов «тройственным союзом» и с Францией, и с Латинской империей. Отношение к Мануилу у Жуанвиля весьма уважительное, он подчеркивает его богатство, влияние и желательность союза с ним против Ватаца.. См. *Karpov S.P.* L'Impero...P. 234 – 235, 252 – 253. Ошибочно и суждение о том, что титул ΜΕΓΑΣ трапезундские Комнины усвоили только *после* смерти Алексея I. Уже давно известно его использование братом Алексея Давидом до 1212 г. Но, к сожалению, это прошло мимо внимания польской ученой (см. *Карпов С.П.* У истоков...). Ошибочно и суждение о том, что эпитет *stepheporos* непременно относился исключительно к константинопольским Комнинам (*Dąbrowska E.* Deux notes... P. 256). Известно, например, применение его ко всей династии трапезундских государей ритором сер. XIV в. Андреем Ливадином: Libad., P. 107.76, 111.94. Палеографические характеристики также не позволяют четко разграничить письмо конца 12 и первой половины 13 в., тем более, что при трапезундском дворе архаизация и подражание именно Константинопольским Комнинам было взято на вооружение (ср.: *Bryer A.* A Byzantine Family: the Gabrades... P.85 – 86; *Oikonomides N.*

Chancery...). Таким образом, не считая аргументы Данбровской убедительными, мы не имеем и решающих аргументов в пользу трапезундской атрибуции креста. Вопрос о принадлежности креста Мануилу I Константинопольскому или Мануилу I Трапезундскому остается открытым.

[53] *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix... № 777. P. 529; *Janssens E.* Trébizonde... P. 237, planche XIV, fig.28..

[54] *Fallmerayer J Ph.* Original Fragmente... S. 57.

[55] Il Tesoro di San Marco/ opera diretta da H.R.Hahnloser. T.2: il Tesoro e il Museo Firenze, 1971. P.39-40, N 33, Tab.XXXI; *Durand J.* La Vraie Croix... P. 145.

[56] См., напр., переплет Евангелия XIV – XV вв. из Византийского Музея в Афинах: *Chatzidakis M.* Musée Byzantin. Athènes, 1986. N 30, P. 38; оклад иконы монастыря Ватопед на Афоне, вклад Анны Кантакузины, жены Мануила III Великого Комнина: Treasures of Mount Athos. Thessaloniki, 1997. P. 311.

[57] *Schlumberger G.* Sigillographie...P.292.

[58] См. гл.1.

[59] Panaretos, P. 74.26 – 27.

[60] MM. II. P, 154 – 155.

[61] Panaretos, P. 70.9 – 13, 71.26 – 72.2, 72.5 – 10, 76.7 – 12.

[62] Panaretos, P. 73.7 – 13, 75.3 – 7, 76.12 – 19, 77.23 – 28, 78.21 – 27, 79.3.

[63] Panaretos, P. 74.24 – 75.3, 76.23 – 30.

[64] Panaretos, P. 76.25 – 30.

[65] Panaretos, P. 76.

[66] Последнее упоминание Панарета о себе относится к 1386 г. (Panaretos, P. 80.26). Последний издатель его сочинения О. Лампсидис полагал, что и сведения о нашествии Тимура на Грузию в 1386 г. и о смерти Алексея III в 1390 г. также написаны Панаретом, а приписки продолжателя начинаются с указания смерти Мануила III (Panaretos, P. 11 – 14). Однако стилистически и сообщение о смерти Алексея III может принадлежать продолжателю.

[67] Вот как расположены события: смерть Алексея III (1390 г.) – смерть Мануила III (1412, ошибочно, вместо 1416/17 г.) – смерть Евдокии, матери Алексея IV (1395) – прибытие в Трапезунд невест для императора Мануила III и его сына Алексея IV (1395) – сообщение о смерти Феодоры Кантакузины, жены Алексея IV (1426). Затем, после интервала в 10 строк сообщается о прибытии из княжества Феодоро в Крыму дочери князя Алексея Гавры Марии для вступления в брак с деспотом Давидом (между 1429 и 1437 гг., датировка Л. Лампсидиса). Panaretos, P. 80.32 – 81.26. Ср.: *Lampsidis O.* Ο γάμος Δαβίδˆ του Μεγάλου Κομνηνού κατά το Χρονικόν του Παναρέτου // Αθηνά. 1953. Τ.57. Σ.365 – 368. 10 – строчный пропуск между 1426 и 1429 г. в единственной рукописи «Трапезундской хроники» (Marc.gr .Cod. 608) Э. Брайер недавно убедительно объяснил умолчанием или вымарыванием текста о династическом перевороте Иоанна IV при поддержке Каваситов и Схолариев и убийстве Алексея IV: *Bryer A.* «The Failhless Kabazitai and Scholarioi» // Maistor. Canberra, 1984. P. 322 – 324.

[68] *Schreiner P* Die Byzantinischen Kleinchroniken. Bd 1. № 94A. S.628 – 630. Автор хроники, понтиец (на это указывает употребление им диалектной формы κέρα, вместо κύρα) был, возможно, монахом Студийского монастыря. Он сообщил о смерти его игумена Игнатия в 1417 г. Среди относящихся к Трапезунду сообщений есть упоминания о перемещении в 1422 г. трапезундского митрополита Досифея и о прибытии в Константинополь деспины Марии Великой Комнины, невесты императора Иоанна VIII

Палеолога. Другие записи касаются войн Византии с турками (1395 и 1422 гг.) и разгрома османов войсками Тимура при Анкире в 1402 г.

[69] HDSE, P. 308 – 335. Ср. P. 50 – 63.

[70] HDSE, P. 246 – 259. Ср. P. 47 – 50; *Lampakis St* Μακεδονική δυναστεία καί Μεγαλοκομνηνοί // Σύμμεικτα. 1989. Т. 8. Σ.319 – 334.

[71] См ниже, прим. 231.

[72] HDSE, P. 252 – 258.

[73] HDSE, P. 310.1143 – 1144, 334.1602 – 1603.

[74] Chalc. II. P.219. 12 – 222.21.

[75] См.: об этом: *Bryer A.* «The Failhless Kabazitai and Scholarioi» ... P. 309 – 327; *Laurent V.* L'assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (1429) // АП. 1955. Т. 20. P. 138 – 143.

[76] Chalc.II, P. 220.

[77] Chalc.II, P. 221 – 222.

[78] Chalc.II, P. 246.

[79] Chalc.II, P. 246.19 – 249.31.

[80] Chalc.II, P. 37 – 38.

[81] Chalc.II, P. 222 – 223.

[82] Chalc.II, P. 219.

[83] Chalc.II, P. 218 – 219.

[84] *Zoras G.Th.* Χρονικὸν περὶ τῶν Τούρκων σουλτάνων κατὰ τὸν Βαρβερίνον ἑλληνικὸν κώδικα 111. Athenai, 1957; *Philippides M.* Byzantium, Europe, and the Early Ottoman Sultans 1373 – 1513. An Anonymous Greek Chronicle of the Seventeenth Century (Codex Barberinus Graecus 111) / Translated and Annotated by M. Philippides. New Rochelle, NY, 1990; *Lampsides O.* Η άλωσις της Τραπεζούντος υπό τών Τούρκων καί ο Βαρβερινός κώδιξ 111 // АП. 1953. Т.18. Σ.297 – 305.

[85] Panaretos, P. 72.27, 76.3 (дочь императора Василия Мария, жена эмира Фахреддина Кутлубея); Ecthesis Chronica and Chronicon Athenarum / ed. Sp.P. Lampros. London, 1902. P.25.21, 60.5 – 6, 60.21 – 22; *Philippides M.* Emperors, Patriarchs and Sultans of Constantinople, 1373 – 1513. An Anonymous Greek Chronicle of the XVIth Century. Brooklyne, 1990. P.68.9 – 10, 124.20 (Феодора, дочь императора Иоанна IV и жена Узун Хасана). Интересно, что обе носительницы этого титула были женами ханов Ак-Коюнлу.

[86] Panaretos, P. 68.1; *Laurent V* Deux Chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II // АП. 1953. Т. 18. P. 261.54 – 55, 267.131; *Lampros Sp.* Ανέκδοτον χρυσόβουλλον Αλεξίου Γ' του Μεγάλου Κομνηνού αυτοκράτορος Τραπεζούντος // NE. 1905.Т.2. Σ.196.3; *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices / éd. Verpeaux J. Paris, 1966. P. 348.37 – 38 (синоним византийского титула проспафарий).

[87] *Pseudo-Kodinos* Traité des offices... P. 345.6 – 7.

[88] Panaretos, P. 81.17; *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices... P. 345.11, 348.47 – 48.

[89] Chalc., II, P. 219.21; *Powell J E.* Die letzten Tage der Grosskomnenen // BZ. 1937. Bd 37. S.360.

[90] Panaretos, P. 65.5, 65.23, 69, 75.12, 69.30. Такое употребление, впрочем, встречается и ранее, например у Кекавмена; см.: Кекавм. С. 248.28, 250.4 270.17.

[91] Напр.: Panaretos, P. 75.29 и др. источники.

[92] *Шукуров Р.М.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С. 209 – 222.

[93] HDSE, P. 30 – 31.

[94] HDSE, P. 338.1673.

[95] HDSE, P. 334 – 339.

[96] HDSE, P. 338.1673 – 1687; Panaretos, P. 75.24 – 25, 75.30 – 32.

[97] HDSE, P. 30.

[98] Panaretos, P. 76.22; *Janin E* Les églises… P. 272, note 6; *Lampsides O.* Διορθωτικά εις το Χρονικόν Μιχαήλ του Παναρέτου // ΑΠ. 1956. Τ.21. Σ. 18 – 19.

[99] HDSE, P. 170 – 203.

[100] HDSE, P. 228 – 231, ср. комментарий Я.О. Розенквиста: Дионисий – не более, чем купец со скромным образованием – ibid. P. 435.

[101] HDSE, P. 114 – 169.

[102] HDSE, P. 91 – 93.

[103] *Пападопуло-Керамевс А.И.* Сборник источников по истории Трапезундской империи. СПб., 1897.С. III – V.

[104] *Vogel M., Gardthausen V.* Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909. S. 246; HDSE, P. 22 – 23.

[105] HDSE, P. 336.1626 – 1629.

[106] *Porte du Theil F.J G.,la* Notices et extraits d'un volume de la Bibliothèque Nationale // Notice et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques, P., 1800/01. An IX. P. 7. ср.: *Karpozilos A.* The Correspondence of Theodoros Hyrtakenos // JÖB. 1990. Bd 40. S.281 – 282; *Fatouros G.* Zur Chronologie der Briefe des Theodoros Hyrtakenos // JÖB. 1993. Bd 43. S.221 – 231.

[107] Ср.: *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV – XV вв. СПб., 1997. С. 25 – 28.

[108] *Nicephori Gregorae* Epistulae / ed. P.A. Leone. Milano, 1983. T. 2. P 349.

[109] HDSE, P. 24, 367 – 369.

[110] Cod.Ambros. Gr. 463 (I 58 Sup.). См. : *Vogel M., Gardthausen V.* Die griechischen Schreiber…S.246; *Constantinides C N* Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204 – ca. 1310). Nicosia, 1982. P.95, 142.

[111] См. об этом: *Constantinides C.N.* Higher Education… P. 95.

[112] *Vogel M., Gardthausen V.* Die griechischen Schreiber... S. 246.

[113] *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ἀνάλεκτα…T. 1. P. 421 – 429.

[114] *Rosenqvist J.O.* Three Trapezuntine Notes… P. 295 – 297.

[115] *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ἀνάλεκτα…T. 1. P. 431 – 437; *Papatheodoridis T.* Ανέκδοτοι στίχοι Στεφάνου του Σγουροπούλου // ΑΠ. 1954. Τ. 19. Σ.262 – 282. О Сгуропуле см. также: *Chrysanthos.* Η Εκκλησία…Σ.327.

[116] *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ἀνάλεκτα…T. 1. P. 432 – 434.

[117] *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Ἀνάλεκτα…T. 2. P. 255 – 257.

[118] См.: *Schreiner P.* Byzantinische Orientreisende im 14. Jahrhundert // Zeitschrift der Deutschen Morgenländische Gesellschaft. Supplement VI. 1985. S. 144 – 146.

[119] Издание произведений Ливадина и его биография: Ἀνδρέου Λιβαδηνοῦ βίος καὶ ῎εργα / Ekd. *O Lampsides.* Athenai, 1975 (далее – Libad.)

[120] Libad. P. 22; 29; 39.1; 142 – 143.

[121] Libad. P. 39 – 96.

[122] Libad. P. 244.

[123] Карпов С.П. Трапезунд и Константинополь... С. 98 – 99.

[124] *Bryer A.* Some Trapezuntine monastic obits (1368 – 1563) // REB. 1976. T. 34. P. 132. N 5.

[125] *Démétrius Cydonès.* Correspondence / publ. par R. – J. Loenertz. Città del Vaticano, 1960. T. 2. N 400 P. 356 16 – 25; *Dymetrios Kydones* Briefe/ Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1982 Bd I/2. N 93. S.500 – 503 (обоснование датировки письма – S.502); *Mercati G.* Notizie di Procoro e Demetrio Cidone. Città del Vaticano, 1931. P. 338 – 340; *Поляковская М А.* Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. Изд.2 – е. СПб., 1998. С. 59 – 60.

[126] Libad. P. 88.18.

[127] Среди моря литературы о Виссарионе укажем некоторые труды, освещающие, в том числе, ранний период его жизни и трапезундские связи: *Удальцова З.В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1976. Т. 37. С. 74 – 97; *Vast H.* Le cardinal Bessarion (1403 – 1472). Paris, 1878; *Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Funde und Forschungen. Padeborn, 1923. Bd 1; *Loenertz R.J.* Pour la biographie du cardinal Bessarion // OCP. 1944. T. X. P. 116 – 149; *Gill J.* Personalities of the Council of Florence and other essays. Oxford, 1964. P. 45 – 54; *Saffrey H.D.* Recherches sur quelques autographes du cardinal Bessarion et leur caractère autobiographique // Mélanges E. Tisserant. Rome, 1964. Vol. 3. P. 263 – 297; *Stormon E.J.* Bessarion before the Council of Florence. A survey of his early writings (1423 – 1437) // Byzantine Papers. Canberra, 1981. P. 128 – 156; *Bianca C.* Una nuova testimonianza del nome di battesima del Bessarione // Rivista di storia della Chiesa in Italia. 1984. T. 38. P. 428 – 436.

[128] Монодии находятся в рукописном сборнике разных произведений, принадлежащем перу самого Виссариона (Cod. Marc. gr. Z 533 (coll.778). Издание одной из них: *Evangelidis T* Δύο Βυζαντινά κειμένα. Εν Ερμουπόλει, 1910. Σ.25 – 31. Ср.: *Pontani F.M.* Epicedi inediti del Bessarione // RSBN, n.s. 1968. T. 5 (XV). P. 105 – 121.

[129] *Chrysanthos.* Βησσαρίωνος προσφώνημα πρός τον ευσεβέστατον βασιλέα της Τραπεζούντος Αλέξιον τον Μέγαν Κομνηνόν // ΑΠ. 1946. Τ.12. Σ.117 – 130.

[130] *Chrysanthos* Βησσαρίωνος πρός την σύνοδον ή περί τών καθ'ημάς // ΑΠ. 1939. Τ.9. Σ.3 – 42 (датировка: 1422 – 1431 гг.). Обоснование другой датировки – 1436/37 гг. или промежуточных дат: *Laurent V.* Заметка в: ЕО. 1933. Т. 32. P. 155 – 156; *Loenertz R.* Pour la biographie...P. 121; *Saffrey H.D.* Recherches... P. 290; *Stormon E.J.* Bessarion before the Council... P. 142.

[131] Издание первой и наиболее интересной из них: *Gentilini A.* Una consolatoria inedita del Bessarione // Scritti in onore di Carlo Diano. Bologna, 1975. P. 149 – 164.

[132] Bessarion. Logos. См. о нем: *Lampsides O.* Zu Bessarions Lobrede auf Trapezunt // BZ. 1935. Bd 35. S. 15 – 17; *idem* Datierung des Ἐγκώμιον Τραπεζοῦντος von Kardinal Bessarion // BZ. 1955. Bd 48. S.291 – 292; *idem* Περί το Ἐγκώμιον Τραπεζοῦντος του Βησσαρίωνος // ΑΠ.1982. Τ.37. Σ.153 – 184; *idem.* L'"Éloge de Trébizonde" de Bessarion // JÖB. 1982. Bd 32/3. P. 121 – 127.

[133] Bessarion. Logos. P. 36.33 – 37.1.

[134] См.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе // ВВ. 1973. Т. 35. С 154 – 164.

[135] Bessarion. Logos. P. 58 – 59.

[136] О биографии и творчестве Иоанна Евгеника см. : *Stiernon D.* Jean Eugénicos, écrivain byzantin (vers 1400 – 1455) // Dict. de Spiritualité. Paris, 1972. T. 8. P. 501 – 506; *Фонкич Б.Л* Иоанн Евгеник и его «Монодия на падение Константинополя» // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 273 – 287; *Бандиленко М.М.* Иоанн Евгеник и Флорентийская уния // ВИ. 1998. № 9. С. 134 – 140.

[137] *Фонкич Б.Л.* Иоанн Евгеник... С. 275.

[138] ПП. Т. 1. С. 67 – 111.

[139] *Lampsides O.* Ἅγιος Εὐγένιος ὁ πολιοῦχος τῆς Τραπεζοῦντος. Athenai, 1984. P. 103 – 126; *idem.* Ἅγιος Ευγένιος ο Τραπεζούντιος // ΑΠ. 1953. Τ.18. Σ. 168 – 176.

[140] ПП. Т. 1. С. 112 – 114.

[141] *Stiernon D.* Jean Eugénicos... P. 505 – 506.

[142] ПП. Т. 1. С. 215 – 218; Спиридонов Д.С. Заметки из истории эллинства в Крыму // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2 С. 93 – 99.

[143] Ἰωάννου Εὐγενικοῦ Ἔκφρασις... P. 3 – 39.

[144] *Karpov S.P.* L' impero di Trebisonda .. P. 206 – 211.

[145] *Фонкич Б.Л.* Иоанн Евгеник... С. 278, 288. Ранее делались предположения, что монодия могла быть написана в Трапезунде. См., напр.: *Мещерский Н. А.* «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // ВВ. 1953. Т. VII. С, 72 – 86.

[146] *Critobuli Imbriotae* Historia / rec. D.R. Reinsch. Berlin-NY, 1983. P. 165 – 166.

[147] Ioannis Verneri Nurenbergensis recens interpretamentum in Primum librum Geographii Cl. Ptolomaei. Nurenbergae, 1514.

[148] Archivio di Stato di Genova. Archivio Segreto, 1789. Litterarum, 13, f.407v: 27/VI 1449.

[149] *Beldiceanu N.* Biens des Grands Comnènes en 1461 d'après un régistre ottoman // Byz. 1979. T. 49. P. 26, 40 – 41; *Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I.* Biens des Amiroutzès d'après un régistre ottoman de 1487 // TM. 1981. T. 8. P. 63 – 78.

[150] *Laurent V.* Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarcque de l'Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438 – 1439). Paris, 1971. P. 259, 284, 316, 359, 420, 446.

[151] Concilium Florentinum. Documenta et scriptores, ser. A., Vol. III, fasc. 1: Acta Camerae Apostolicae et civitatum Venetiarum, Ferrariae, Florentiae, Ianuae de Concilio Florentino / ed. G. Hoffmann. Romae, 1950. P. 110.

[152] *Jugie M.* La Profession de foi de Georges Amiroutzès au concile de Florence // EO. 1937. T. 36. N 186. P. 175 – 180.

[153] *Mohler L.* Eine bisher verlorene Schrift von Georgius Amiroutzès über das Konzil von Florenz // OCP. 1920. T. 9. S. 20 – 35; *Jugie M.* La Lettre de Georges Amiroutzès au duc de Nauplie Demetrius sur le concile de Florence // Byz. 1939.T. 14. P. 77 – 93. Дж. Джиллом был выдвинут ряд аргументов против авторства Амируци и в защиту более позднего (XVI – XVII вв.) составления этого произведения. Вопрос этот, однако, еще не решен, так как нельзя исключить возможности позднейшего редактирования и изменения текста. См.: *Gill J.* A Tractate about the Council of Florence attributed to Georges Amiroutzes // Journal of Ecclesiastical History. 1958. T. 9. P. 30 – 37.

[154] *Gamillscheg E.* Der Kopist des Par. gr. 428 und das Ende der Großkomnenen // JÖB. 1986. Bd 36. S. 287 – 300.

[155] *Gennade Scholarios.* Oeuvres complètes. Paris, 1935. T. 4. 453 – 454.

[156] ПП. Т. 1. P. 157.

[157] PG, T. 161. Col.723 – 728.

[158] *Philippides M.* Emperors, Patriarchs and Sultans of Constantinople, 1373 – 1513. An Anonymous Greek Chronicle of the XVIth Century. Brooklyne, 1990. P. 72 – 73; Historia Politica et Patriarchica Constantinopoleos. Bonn, 1849. P. 97 – 99.

[159] Continuity and change in late byzantine and early ottoman society / Ed. by A Bryer and H. Lowry. Birmingham; Dumbarton Oaks, 1986. P. 83 – 86.

[160] Ср.: *Tomadakis N.B* Ετούρκευσεν ο Γεώργιος Αμιρούτζης: // ΕΕΒΣ. 1948. Τ.18. Σ.99 – 143; *Lampsides O.* Ο τουρκοκρατία στον Μικρασιατικό Πόντο // ΑΠ. 1976. Τ.33. Σ. 139 – 147.

[161] *Argyriou A., Lagarrigue G* Georges Amiroutzès et son «Dialogue sur la foi au Christ tenu avec le Sultan des Turcs» // BF. 1987. T. XI. P. 29 – 221.

[162] Ср.: *Попова Т.В.* Византийская литература XIII – XV вв. // Памятники византийской литературы IX – XIV вв. М., 1969. С. 305.

[163] *Lampros Sp.P.* Ποιήματα Γεωργίου του Αμοιρούτζη νυν το πρώτον εκδιδόμενα // ΔΙΕΕΕ. 1885/89. Τ.2. Σ.275 – 282; *Reinsch D.R.* Byzantinisches Herrscherlob für den türkischen Sultan. Ein bisher unbekanntes Gedicht des Georgios Amirutzes auf Mehmed den Eroberer // Cupido Legum. Frankfurt a. M., 1985. S. 195 – 210.

[164] *Lampros Sp.P.* Ποιήματα... P.279 – 282.

[165] *Tomadakis N.B.* Γεωργίου φιλοσόφου του Αμιρούτζη πρός τον βασιλέα Ιωάννην τον Παλαιολόγον απορήσαντα // ΕΕΒΣ. 1952. Τ.22. Σ.114 – 134. Сомнения в принадлежности трактата Амируци: Argyriou A., Lagarrigue G. Georges Amiroutzès... P. 46 – 47.

[166] *Tomadakis N B.* Γεωργίου φιλοσόφου...P. 118, 125.

[167] *Tomadakis N.B.* Γεωργίου φιλοσόφου... P. 122.

[168] *Tomadakis N.B.* Γεωργίου φιλοσόφου...P. 124.

[169] *Tomadakis N B.* Γεωργίου φιλοσόφου...P. 128 – 129.

[170] *Tomadakis N B.* Γεωργίου φιλοσόφου...P. 130.

[171] Argyriou A., Lagarrigue G. Georges Amiroutzès... P. 52.

[172] Ibid., P. 64.

[173] *Noiret H.* Lettres inédits de Michel Apostolios. P. 1889. P. 83 – 84; *Papadopoulos-Kerameus A.I.* Θεοφάνους Μηδείας καί Γεωργίου Αμηρούτση Επιστολαί // ΚΕΦΣ. Παράρτημα. 1884. Τ.15 – 18. Σ.18 – 29.

[174] *Lampros Sp P.* Γεωργίου Αμηρούτζη ανέκδοτος ευχή πρός τον Θεόν // NE. 1906. T. 3. Σ.51 – 55.

[175] Напр.: *Попова Т.В.* Византийская литература... С. 305.

[176] *Анания Ширакаци.* Космография. Ереван. 1962. С. 45 – 46; *Он же.* Автобиография // Армянская география VII в. СПб., 1877. С. XVIII – XX; *Berbérian H.* Autobiographie d'Anania Sirakac'i // REA. 1964. T. 1. P. 189 – 194; *Lemerle P.* Note sur les données historiques de l'autobiographie d'Anania de Shirac // REA. 1964. T. 1. P. 195 – 202. Астрономические школы Трапезунда и Константинополя были издавна тесно связаны друг с другом. Учителем Тихика, например, был преподававший в Константинополе в царствование императора Ираклия Стефан Афинский. См.: *Wolska-Conus W.* Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie // REB. 1989. T. 47. P. 20 – 24.

[177] *Mahé J. – P* Quadrivium et cursus d'études au 7e siècle en Arménie et dans le monde byzantin d'après le "K'nnikon' d'Anania Širakac'i // TM 1987. T. 10. P. 159 – 206; *Savvides A G.K.* Τυχικός ο Τραπεζουντίος καί Ανανίας ο Σιρακηνός // Πρακτινά Β΄ Πανελληνίου Συνεδρίου γιά τον Ελληνισμό της Μικράς Ασίας. Thessaloniki, 1994. Σ.53 – 63 [183 – 193].

[178] См.,напр.: *Самодурова З.Г.* Роль византийской школы в организации системы обучения в окружающих империю странах в VII – XII вв. // Византия между Востоком и Западом. СПб., 1999. С. 167 – 168.

[179] В сентябре 1301 г. Хониад отправил из Трапезунда письмо Константину Лукиту, находившемуся вместе с императором у стен Керасунта, а в апреле 1302 г. он составил по просьбе Алексея II акафист на рождество св. Евгения. См.: *Papadopoulos I.B.* Γρηγορίου Χιονιάδου του αστρονόμου επιστολαί // Επιστημονική Επετηρίς της Φιλοσοφικής Σχολής

Επιστημίου Θεσσαλονικής. 1927. Τ.1. Σ 195 – 196; HDSE, P. 226 389 – 393; *Westerink L G.* La profession de foi de Grégoire Chioniades // REB. 1980. T. 38. P. 238.

[180] *Papadopoulos I.B* Γρηγορίου Χιονιάδου...Σ.174 – 175; *Idem.* Une lettre de Grégoire Chioniades, évêque de Tabriz // Mélanges Ch. Diehl. P., 1930. T. I. P. 257 – 262; *Oikonomides N.* Σημείωμα περί των επιστολών Γρηγορίου του Χιονιάδου // ΑΠ. 1955. Τ. 20. Σ. 42 – 44; *Westerink L.G.* La profession... P. 239 – 240; *Pingree D.* Gregory Chioniades and Palaeologian Astronomy // DOP. 1964. T. 18. P. 133 – 160.

[181] The Astronomical Works of Gregory Chioniades / Ed. D. Pingree. Amsterdam. T. I, pt 1 – 2. 1985 – 1986. Ср.: *Tihon A.* L'Astronomie byzantine (du Ve au XVe siècle) // Byz. 1981, T. 51/2. P. 616 – 617.

[182] *Westerink L.G.* La profession... P. 233 – 245.

[183] См. упом. в: HDSE, P. 226. 388 – 393, ср.: P. 74 – 75, 394 – 395.

[184] См. о нем: *Lampsides O.* Georges Chrysococcis, le médicin, et son oeuvre // BZ. 1938. Bd 38. S.312 – 322; *idem* Γεώργιος ο Χρυσοκόκκης, ο ιατρός // ΑΠ. 1961. Τ. 24. Σ. 38 – 41.

[185] *Usener H.* Kleine Schriften. Leipzig; Berlin, 1914, Bd 3. S. 356 – 357; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd 2. S. 252. Попытки его отождествления с Мануилом Врienniем пока остаются сомнительными: *Constantinides C.N.* Higher Education ... P.95 – 97.

[186] *Tihon A.* Les tables astronomiques persanes à Constantinople dans la première moitié du XIVe siècle // Byz. 1987. T. 57/2. P. 478.

[187] HDSE, P. 218 – 219.

[188] *Tihon A.* Les tables... P. 484 – 485.

[189] Издание гороскопа: *Lampros Sp.* Τραπεζουντιακὸν ὡροσκόπιον τοῦ ἔτους 1336 // NE. 1916. T. 13. P. 33 – 50. Издание альманаха и перевод гороскопа: *Mercier R.* An Almanac for Trebizond for the year 1336. Louvain, 1994. См. также: *Barbounis M.G.* Όψεις της καθημερινής ζωής στην Τραπεζούντα του 14ου αιώνα – Η μαρτυρία του *Ωροσκοπίου της Τραπεζούντος (1336)* // ΑΠ.1994. Τ.45. Σ.18 – 36.

[190] Libad., P. 22; *Tihon A.* Les tables... P. 478 – 479; *Mercier R.* An Almanac ... P.92 – 94.

[191] *Mercier R.* An Almanac ... P.13 – 20.

[192] *Шукуров Р.М.* Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // ВВ.1999. Т. 58(83). С. 47 – 59; *idem.* Horizons of Daily Interest // BF.1999. Bd XXV. P. 1 – 14.

[193] *Mercier R.* An Almanac... P.154.

[194] HDSE, P. 218 – 219.

[195] Ἰωάννου Εὐγενικοῦ Ἔκφρασις... Σ.35 – 36.

[196] PG. T. 161, Col. CXXII.

[197] Кекавм. С. 11 – 35; *Фонкич Б.Л.* О рукописи «Стратегикона» Кекавмена //ВВ. 1971. Т. 31. С. 108 – 120.

[198] *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // ΑΠ. 1979. Τ. 35. P. 299 – 332.

[199] Cod. Athos. Vatop. gr. 1199 (320/954); см.; *Strzygowski I.* Eine trapezuntinische Bilderhanschrift vom Jahre 1346// Repertorium fur Kunstwissenschaft. 1890. Bd 13, H. 4. S. 241 – 263; *Spatharakis I.* Op. cit. P. 206 – 207; Treasures of Mount Athos.2 ed. Thessaloniki, 1997. P.251 – 252.

[200] *Pucko V.* Die Miniaturen aus dem Tetraevangelium des Jahres 1067 vom Sinai (Leningr. Gr., 291) // BS. 1981, T. 42/1. P. 31 – 38.

[201] *Пуцко В* Трапезунтская рукопись 1329 г. с грузинской миниатюрой //Труды ТГУ. Т. 243: история, искусствоведение, этнография. 1983. С. 146 – 150.

[202] Издание памятников греческого понтийского фольклора регулярно осуществляется на страницах выходящего с 1928 г. в Афинах ежегодника «Αρχείον Πόντου». См. также: *Ioannides S* Ιστορία καί στατιστική της Τραπεζούντας. Thessaloniki, 1988 Σ.206 – 243; *Megas G.A.* Παλαία ιστορικά τραγούδια του Πόντου // Λαογραφία. 1958. Т. XVII. Σ. 373 – 382; *Lampsides O.* Μελωδίαι δημωδών ασμάτων και χωρών των Ελλήνων Ποντίων. Athenai, 1977.

[203] *Romaios K* Ο Ξάντινον ο Παντολαλεμένον // ΑΠ. 1966. Т.27. Σ. 150 – 206; *Дестунис Г.С.* О Ксанфине. Греческая трапезундская былина византийской эпохи. СПб., 1881, *Попова Т.В.* Византийский народный и книжный эпос // Византийская литература. М., 1974. С. 80 – 83.

[204] *Сыркин А.Я.* Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964. *Trapp E.* Pontische Elemente im Wortschatz des Digenisepos // RESEE. 1971. Т. IX. N 3. P. 601 – 605; *Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 63 – 97.

[205] *Дестунис Г.* Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883.

[206] *Megas G.A.* Παλαία ιστορικά τραγούδια ... Σ. 381.

[207] *Megas G.* La Prise de Constantinople dans la poésie et la tradition populaires grecques // 1453. Le Cinq-centième anniversaire de la prise de Constantinople. Athènes, 1953. P. 127 – 129; *idem.* Οι τραπεζουντιακοί θρήνοι επί τη αλώσει της Κωνσταντινουπόλεως // Επετηρίς του Λαογραφικού Αρχείου Ακαδημίας Αθηνών. 1954. Т.8. Σ.3 – 13.

[208] См., напр.: *Grégoire H.* Les veilleurs de nuit à Trébizonde // BZ. 1909. Bd 18. P. 499. О средневековом понтийском диалекте: *Papadopoulos A.A.* Ιστορική γραμματική της Ποντικής διαλέκτου. Athenai, 1958; *Lampsides O.* Γλωσσιακά σχόλια εις μεσαιωνικά κείμενα του Πόντου // ΑΠ. 1952. Т. 17. Σ. 227 – 238; *Bagiakakos D.* Διαλεκτικά εκ του μεσαιωνικού Πόντου // ΑΠ. 1964. Т. 26. Σ. 267 – 289; Η Ποντιακή διάλεκτος άλλοτε και τώρα // ΑΠ.1995. Т.46.

[209] Ramusio G.B. Navigationi et viaggi. Venezia, 1559. T. I. P. 85v.

[210] HDSE, P. 206.36 – 53.

[211] HDSE, P. 206.49 – 212.163. Ср.: P. 75 – 81 (исторический комментарий изд. текста).

[212] HDSE, P. 210.119 – 126.

[213] HDSE, P. 214.190 – 205.

[214] HDSE, P. 224.364 – 226.408.

[215] HDSE, P. 76 – 80.

[216] HDSE, P. 226.398 – 415.

[217] См. также: HDSE, P...; *Bryer A* The Estates... P.376 – 387.

[218] HDSE, P. 298.963 – 300.966.

[219] HDSE, P. 204.25 – 206.35; 228.436 – 438.

[220] Напр.: HDSE, P. 256.204 – 207, с упоминанием зографа Иоанна, делавшего список с древней иконы св. Евгения.

[221] HDSE, P. 268.423 – 270.426.

[222] *Panaretos,* P. 74.19.

[223] См.: Марр Н.Я. Из поездки в турецкий Лазистан // Известия АН. VI серия. 1910. № 7. С. 547 – 570; № 8. С. 607 – 632.

[224] См.: *Иосебидзе Д.Г.* Роспись церкви св. Георгия в селении Ачи, Грузия // Памятники культуры. Новые открытия, 1975 г. М., 1976. С. 153 – 158.

[225] См.: *Lampakis St.* Μακεδονική δυναστεία καί Μεγαλοκομνηνοί // Σύμμεικτα. 1989. Т. 8. Σ.319 – 334.

[226] *Moralis P* Ἡ "ἀνάλωτος" Τραπεζοῦς. // АП. 1955. Т. 20. Σ. 256 – 265.

[227] См. о ней: *Bryer A.* Family Planning in Trebizond: the AIMA of the Grand Komnenoi // To ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in honour of Sp. Vryonis. NY, 1993. Т. 1. P. 85 – 90; *Shukurov R.* AIMA: the blood of the Grand Komnenoi // BMGS. 1995. Т. 19. P. 161 – 181.

[228] HDSE, P. 246.20 – 21.

[229] HDSE, P. 234 – 238, 246 – 259.

[230] Мнение С. Лампакиса и издателя агиографических текстов Я.О. Розенквиста: *Lampakis St.* Μακεδονική δυναστεία καί Μεγαλοκομνηνοί // Σύμμεικτα. 1989. Т. 8. Σ.319 – 334; HDSE, P. 47 – 50

[231] Доклад Н .Панайотакиса в Думбартон Окс (Вашингтон) 29 марта 1995.

[232] HDSE, P. 246.26.

[233] HDSE, P. 246.27.

[234] См.: *Oikonomides N.* The Chancery...

Глава 6

ИТАЛЬЯНСКАЯ ТОРГОВЛЯ В ТРАПЕЗУНДЕ И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭКОНОМИКУ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА[1]

Нередко одной из главных причин упадка византийских городов в XII – XV вв. считали негативное влияние торгово-предпринимательской деятельности венецианского и генуэзского купечества на их экономику и социальную структуру. Затем, в последние годы усилилась противоположная тенденция и стала заметно преобладать точка зрения о независимости упадка Византии от итальянского проникновения, о партнерстве между купечеством Западного Средиземноморья и греческого мира и о преувеличенности ламентаций самих византийцев по поводу разрушительной роли латинского присутствия в греческой и Латинской Романии[2]. Между тем механизм этого влияния на городскую жизнь Константинополя и особенно провинциальных городов еще не вполне выяснен. Мне представляется также, что необходимо полнее учитывать сложность и диалектическую противоречивость самой торгово-предпринимательской деятельности итальянского купечества, ее эволюцию во времени. Кроме того, в разных регионах Византии последствия проникновения генуэзцев и венецианцев в экономическую жизнь городов были, очевидно, различными, в зависимости от состояния экономики самих этих городов, от характера социальных отношений и политической власти в обществе, от конкретной исторической ситуации.

Не претендуя на решение проблемы в целом, я попытаюсь на материалах, относящихся к Трапезунду, выявить некоторые конкретные проявления и результаты взаимодействия итальянской коммерции и региональной экономики поздневизантийского города.

Значение Трапезунда для генуэзского и венецианского купечества было обусловлено его ролью важного эмпория, издавна поддерживавшего тесные связи с Анатолией, Персией, Кавказом, Северным Причерноморьем. Входя в состав Византии, он был средоточием греко-мусульманской торговли. После образования империи Великих Комнинов (1204 – 1461), превратившись в политический центр своего региона, Трапезунд продолжал быть морскими воротами и для Иконийского султаната, а затем для державы ильханов. Наивысший расцвет эмпория начинается со второй половины XIII в.. после перемещения основных международных торговых магистралей к Тавризу– Черному морю. Трапезунд – конечный пункт сухопутных караванных путей с Востока и начало морских – на Запад – становится главным узлом транзитной торговли. Через Трапезунд вывозились также полезные ископаемые самого Понта, в первую очередь – высококачественные квасцы и железо, трапезундские вина, лесные орехи, мёд, воск[3]. Экспортно-импортная торговля до определенных пределов укрепляла экономическую интеграцию региона. Ее первым следствием была унификация систем монет, мер и весов между Тавризом и Трапезундом, между Северным и Южным Черноморьем[4]. Синхронизация прибытия караванов с Востока и конвоя венецианских галей с Запада усиливала ярмарочный характер торговли в Трапезунде[5].

С распадом державы ильханов и дестабилизацией регулярной торговли с Востоком (40-е годы XIV в. – начало XV в.) итальянская коммерция, несколько ослабевая, переориентируется на экспорт местной продукции. Лучше это удалось генуэзцам, создавшим систему внутричерноморской торговли[6], чем венецианцам, продолжавшим искать дорогие восточные товары для вывоза в Венецию и на Запад. В целом же итальянская торговля на Понте знала два периода расцвета: конец XIII в. – 40-е годы XIV в. и 20 – 40-е годы XV в. Но даже в рамках этих периодов она была подвержена значительным колебаниям. В 40 – 90-е годы XIV в. наблюдался общий упадок торговли, сменившийся в начале XV в. непрочным оживлением деловой активности. Поэтому и вопрос о воздействии итальянской торговли должен решаться с учетом этих временных характеристик.

Транзитная торговля, осуществлявшаяся в Трапезунде, заключалась в обмене специй, хлопка, шелка-сырца и шелковых тканей, драгоценных камней и других редких товаров на западноевропейские сукна, бархат, холстину, металлические изделия и звонкую монету.

Небольшая часть из общего потока товаров, безусловно, оседала в Трапезунде, идя как на создание резервов торговли для местного купечества, так и на внутреннее потребление главным образом господствующего класса. Но какое влияние оказал этот обмен на местное ремесло?

Развитое ремесленное производство существовало на Понте в течение всего исследуемого периода. Даже в XV в., когда империя клонилась к упадку, источники упоминают производство узорчатых тканей и одежды, чесание шерсти, изготовление льняного полотна и шелковой пряжи. Виссарион Никейский в своем энкомии Трапезунду отмечал обилие мастерских в городе, на торговой площади, где ремесленники (техниты) продавали свои изделия и закупали сырье[7]. В конце XIII в. английское посольство оптом закупило продукцию трапезундских обувщиков[8]. Источники сохранили немало сведений о работе кузнецов, портных, плотников, каменотесов, корабелов, оружейников, хлебопеков, чеканщиков монеты[9]. Виссарион Никейский, сам выходец из торгово-ремесленных кругов Трапезунда, не без гордости называл родной город «эмпорием и эргастирием всей вселенной»[10].

Итальянский импорт не мог воздействовать на все категории ремесленных товаров, производившихся на месте, так как в его орбите находились по существу иные предметы. Мы могли бы предположить возможность вытеснения местного суконного производства, но данных о наличии такового на Понте нет ни до, ни после XIII в. Импорт же восточных товаров, главным образом шелка-сырца и хлопка, способствовал развитию ремесла, специализировавшегося ни доработке сырья до состояния полуфабрикатов. Наиболее значительное влияние широкая международная торговля (кстати, не только итальянская, но и мусульманская) оказала на те отрасли трапезундского производства, которые занимались обслуживанием этой торговли, значительно усилив их. Это уже упоминавшаяся доработка сырья, разнообразные ремонтные работы, изготовление тары и т. п., это широко практиковавшийся найм лавок, складов, домов, вьючных животных для караванной торговли. Торговлю эмпория обслуживал немалый контингент грузчиков, сторожей, маклеров-посредников, водоносов, прачек, разнорабочих[11].

В Трапезундской империи итальянцам не удалось (как в Фокее) захватить в свои руки месторождения полезных ископаемых – квасцов и железа – и добыча их контролировалась греками. По данным

Пеголотти, в начале XIV в. из Трапезунда вывозилось 14 тыс. кантаров квасцов ежегодно[12].

Таким образом, у нас нет реальных данных для утверждения, что итальянская торгово-предпринимательская деятельность подавляла местное ремесло. Но, быть может, ее воздействие было пагубным для местного купеческого капитала? Ведь венецианцы и особенно генуэзцы доминировали в черноморской торговле и навигации, располагая и наиболее крупными капиталами, и самой совершенной по тому времени техникой ведения торговли. Фактории генуэзцев существовали на земле Трапезундской империи с 80-х годов XIII в., а венецианцев – с 1319 г. На территории империи итальянцы имели особые права и фискальные привилегии, какими не обладали местные жители.

У нас, однако, есть все основания утверждать, что купечество Понта не только выжило в этих условиях, но и упрочило свое положение. Трапезундский источник 1336 г. упоминает крупных торговцев и предпринимателей, осуществлявших дальние путешествия, перекупщиков и оптовых торговцев в самом городе (метапратов), мелких рыночных торговцев – пазариотов и, наконец, арматоров, судовладельцев и заморских купцов[13]. Данные об объеме капиталов, инвестируемых греками в торговлю, подтверждают такую классификацию. Богатые купцы вкладывали в торговлю с Южным Черноморьем суммы в несколько десятков тысяч иперперов, создавая собственные торговые общества. Они производили оптовые закупки у итальянцев на многие тысячи аспров и мелкие розничные операции. Они опосредовали большую международную торговлю на местных рынках[14].

Итальянская торговля, сначала замыкавшаяся в среде соотечественников и иногда даже ограничивавшая участие понтийских греков в совместных предприятиях, очень быстро пришла к самой широкой кооперации с местным населением[15]. Такая кооперация преследовала несколько целей: во-первых, расширить социальную базу всегда немногочисленных на Востоке венецианцев и генуэзцев; во-вторых, привлечь дополнительные капиталы в международную и внутричерноморскую торговлю. Ведь именно пассивность платежного баланса не раз побуждала Венецию, в частности, ограничивать объем операций своих граждан на Леванте и вывоз товаров оттуда[16]. В-третьих, кооперация способствовала лучшему освоению тех рынков, которые были издавна знакомы понтийским жителям (Тавриз, Султания, Закавказье, Алания, Приазовье и т. д.). Наконец, греки и

армяне Понта располагали необходимыми средствами обеспечения торговли – судами, вьючными животными, складами и т.п. Следствием было широкое вовлечение понтийских жителей в общую с венецианцами и генуэзцами торговлю, но, оговоримся сразу же, лишь в пределах Черного моря и караванных путей на Восток и Кавказ. Прямые связи с Венецией были монополизированы республикой св. Марка, посылавшей ежегодно конвой вооруженных галей в Черное море[17]. Торговля же Черноморья с Генуей вообще не была регулярной и осуществлялась через множество промежуточных пунктов (главными из них были Каффа и Пера). Генуэзцы предпочитали многократный оборот капитала внутри самого черноморского бассейна менее доходным одноразовым операциям между метрополией и факториями[18].

Итак, жители Понта вели совместную с итальянцами торговлю: образовывали с их участием торговые компании, были совладельцами судов, заключали значительные контракты на закупку и доставку товаров, кредитовали итальянских купцов и т.д. Трапезундцы обладали торговыми привилегиями в итальянских факториях и смогли, в частности, взять в свои руки вывоз понтийских вин в города Северного Причерноморья[19]. Кооперация в торговле приводила к созданию устойчивых связей вплоть до предоставления трапезундцам прав венецианского и генуэзского гражданства при помощи «натурализации»[20]. Натурализация давала защиту и покровительство итальянских республик на всем Леванте и, главное, большие налоговые преимущества. Сотрудничество с итальянским купечеством углубляло дифференциацию и специализацию трапезундских торговцев, приводило к втягиванию в торговые операции и мореплавание все новых групп трапезундского населения. Усилилась социальная мобильность: действуя вместе с генуэзцами и венецианцами, трапезундцы зачастую поселялись в итальянских торговых факториях. Нотариальные акты и массарии Каффы и Перы нередко упоминают грека такого-то, трапезундца, жителя (habitator, реже – burgensis) Каффы, Перы, Килии и т.д. Имеются единичные сведения о трапезундцах, проживавших в самой Венеции[21].

Широкая международная торговля поддерживала существование в Трапезунде значительной прослойки люмпен-пролетариата. Генуэзцы не только эксплуатировали труд грузчиков, портовых рабочих в городах Понта, но и нанимали трапезундцев моряками на галеи и барки, воинами (социями и стипендиариями) для службы в Каффе, Симиссо,

Пере. Часто трапезундские моряки и стипендиарии складывали головы в войнах, которые воли итальянские республики на Леванте, например во время Кьоджской войны[22], но не реже они упоминаются и как дезертиры с судов (*fugitivis*)[23]. Итальянская колонизация поддерживала существование этого слоя, но она же порождала у него социальный протест в разных формах: от открытого выступления против иноземных факторий в Трапезунде до грабежа имущества отдельных итальянских купцов[24].

Итальянская торговля не приводила к исчезновению предпринимательских элементов на Понте, а стремилась кооперироваться с ними как с необходимыми младшими партнерами. Вовлекая трапезундских купцов в орбиту своей деятельности, генуэзцы и венецианцы ослабляли конкуренцию с их стороны. Правда, следы такой конкуренции очень немногочисленны. К примеру, венецианцы добивались назначения своего согражданина на должность сансера – оценщика товаров, определявшего сумму налога. Трапезундские же купцы желали того, чтобы сансером был их представитель. Длительный спор, как кажется, был в конце концов решен назначением двух сансеров (греческого и венецианского) на паритетных началах[25].

Какое же влияние оказывала торгово-предпринимательская деятельность итальянцев на сельское хозяйство? Думается, весьма ограниченное. Известно, что при Великих Комнинах империя практически не производила товарного хлеба на продажу. Поместья трапезундских земельных собственников (включая и церковных), как показал Э. Брайер, были весьма невелики[26]. Напротив, значительное количество зерна ввозилась на Понт как итальянскими, так и местными купцами[27]. Торговля стимулировала прежде всего виноделие, бортничество. Примечательно, что наиболее доходные владения трапезундских землевладельцев, как показали материалы первых османских кадастров, заключались как раз в виноградниках[28]. Усиливая товарность тех хозяйств, которые были связаны с виноделием, итальянская торговля мало затронула, насколько это можно проследить по источникам, базис мелкой агрикультуры, крестьянские хозяйства.

Высокий уровень развития торговли неслучайно совпал по времени с укреплением централизации Трапезундской империи. Усиление императорской власти создавало предпосылки для стабилизации торговли, и в то же время развитие торговли способствовало центростремительным тенденциям. В отличие от Византии в Трапезундской империи коммеркии не были отменены и

составляли в разное время от 4,5 до 2% со стоимости товара по основному виду обложения. С купцов, не имевших привилегий, как венецианцы и генуэзцы, налог собирался в больших размерах. Коммеркии уплачивала каждая из сторон, участвовавших в сделке. Помимо налога с оборота, существовала ввозная пошлина и ряд других менее значительных такс. При больших объемах торговли коммеркии приносили значительный доход императору и служилой знати. Но они имели немалое значение и для итальянских купцов. Именно борьба за коммеркии была основным содержанием антагонизмов и причиной военных столкновений империи Великих Комнинов с Генуей и Венецией[29]. Конфликты, конечно, порождались и тем, что в глазах городских низов, дима, итальянцы представали в облике богатых и заносчивых эксплуататоров, к тому же еретиков. И нередко городской плебс был инициатором антилатинских выступлений, чреватых санкциями со стороны не прощавших обид и не забывавших о нанесенном ущербе морских республик.

Следствием торгово-предпринимательской деятельности итальянского купечества был обмен производственным и коммерческим опытом, отчасти – регулирование ценообразования на трапезундском рынке. Нельзя не отметить и того важного обстоятельства, что города Трапезундской империи в значительной мере снабжались основными продуктами – хлебом, рыбой, солью – из итальянских факторий Северного Причерноморья, в то время как прежние житницы понтийского хинтерланда уже с конца XIII в. находились в руках мусульманских правителей. И хотя итальянцы не монополизировали ввоз этих продуктов в Трапезунд и сами понтийские купцы нередко приобретали их в Крыму или Тане, ключевые пункты экспорта находились в руках у генуэзцев и венецианцев.

В периоды подъема деловой активности итальянская торговля могла модифицировать отдельные черты сложившихся на Понте экономических отношений, но она не была в состоянии радикально воздействовать на сложившийся базис производства. Она не привела к «подтягиванию» местных торгово-предпринимательских слоев до того уровня развития, который существовал в Италии и в итальянских факториях. Причины этого следует искать как в характере общественного строя Трапезундской империи, так и в самой природе посреднической торговли, неспособной содействовать равномерному экономическому подъему данного региона. Но итальянская торговля не привела и к деградации торгово-ремесленного слоя Трапезундского

государства. И генуэзцы, и венецианцы были заинтересованы в кооперировании с ним, в известном разделе производственных функций с младшим партнером, уже давно активно включившимся в транзитную торговлю с Востоком и имевшим средства, для ее поддержания. В трапезундском варианте трудно говорить о «засилии» чужеземцев и «пагубном воздействии» итальянской колонизации. Немаловажными причинами этого были устойчивость и жизнеспособность торгово-ремесленного слоя трапезундских городов и сохранение господствующим классом контроля за предпринимательской деятельностью иностранцев при помощи коммеркиев.

[1] Впервые опубликовано в Византийском временнике. 1983. Т. 44. С. 81 – 87. Перепечатывается с небольшими исправлениями и дополнениями.

[2] Историография вопроса была проанализирована в кн.: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 40 – 46. См. также новейшие работы: *Jacoby D.* Italian privileges and trade in Byzantium before the Fourth Crusade: a reconsideration // Anuario de estudios medievales. 1994. T. 24. P. 349 – 369; *Balard M.* Les hommes d'affaires occidentaux ont-ils asphyxié l'économie byzantine? // Europa medievale e mondo bizantino / a cura di G. Arnaldi e G. Cavallo. Roma, 1997. P. 255 – 265; *idem.* Un' area a confronto: lo spazio bizantino e latino d'Oriente // Strutture del potere ed élites econimiche nelle città europee dei secoli XII – XVI / a cura di G. Petti Balbi. Europa Mediterranea, Quaderni, 10. 1996. P. 3 – 14; *Kazhdan A.* Byzantine Town and Trade as Seen by Niketas Choniates // BS.1995. T. LVI/1. P. 209 – 218; *Laiou A.E.* Venetians and Byzantines: Investigation of Forms of Contact in the Fourteenth Century // Thesaurismata. 1992. T. 22. P. 29 – 43; *eadem* Byzantine Traders and Seafarers // The Greeks and the Sea / Ed. by Sp. Vryonis, Jr. New Rochelle, NY, 1993. P. 79 – 96; *eadem.* Monopoly and privilege: the Byzantine reaction to the Genoese presence in the Black Sea // Oriente e Occidente tra Medioevo ed età moderna. Studi in onore di Geo Pistarino / a cura di L. Balletto. Acqui Terme, 1997. T. 2. P. 675 – 686; *Pryor J.H* The Problem of Byzantium and the Mediterranean World, c.1050 – c.1400 // Montjoie. Studies in Crusade History in Honour of Hans Eberhard Mayer. Aldershot: VR, 1997. P. 199 – 211; *Strässle P.M.* Der internazionale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261 – 1484 im Spiegel der sowjetischen Forschung. Bern – Frankfurt a.M., N.Y-P.,1990; *Tüma O.* The Puzzle of a Decline and a Rise: the Byzantines and the Italians on the Sea // BS, LIV/1 1993. P. 53 – 57

[3] См. подробнее: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье...Гл.2.

[4] *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. М,: МГУ, 1981. С. 20 – 21.

[5] Когда в 1396 г., после длительного перерыва, Венеция, пожелала возобновить регулярную торговлю с Трапезундом, она просила императора прежде всего пригласить в Трапезунд персидских купцов к моменту прибытия на Понт (в сентябре) венецианского конвоя галей. Венецианцы советовали василевсу дать мусульманским купцам более широкие привилегии, чтобы привлечь их в город. См.: Archivio di Slato di Venezia. Senato, Misti (далее: ASV, SM), XLIII, f. 111v – 22/II 1396. О ярмарке в Трапезунде красочно писал Виссарион Никейский: Bessarionos. Ὁ "εἰς Τραπεζοῦντα" Λόγος τοῦ Βησσαρίωνος ΄ Ekd. *O. Lampsides* // ΑΠ. 1984. Т. 39. Σ. 62 – 63.

[6] *Kedar B Z.* Merchants in crisis. Genoese and Venetian men of affairs and the fourteenth-century depression. New Haven; London, 1976; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978.T. 2.

[7] Bessarionos. Ὁ «εἰς Τραπεζοῦντα»... Σ. 62; Ἰωάννου Εὐγενικοῦ Ἔκφρασις Τραπεζοῦντος / ed. O. Lampsides // ΑΠ. 1955. T. 20. P. 35.

[8] *Desimoni C* I conti dell'ambasciata al Chan di Persia nel MCCXCII // ASLSP. 1879. T. XIII. P. 599, 604 – 607, 615; *Bryer A.* The Estates of the Empire of Trebizond // ΑΠ. 1979. [repr. in: Bryer A. The Empire of Trebizond and the Pontos. London: Variorum, 1980. N VII]. P. 388; *Paviot J.* Le séjour de l'ambassade de Geoffroy de Langley à Trébizonde et à Constantinople en 1292 // Médiévales. 1987. N 12. P. 47 – 54.

[9] См. подробнее: *Карпов С.П.* Трапезундская империя...С. 26 – 28, 34.

[10] Bessarionos. Ὁ «εἰς Τραπεζοῦντα»... S. 36.33 – 34.

[11] Полную информацию об этой «индустрии обслуживания» дают счета английского посольства, побывавшего в Трапезунде в 1292 г., см.: *Desimoni C.* I conti. P. 597 – 607, 614 – 616. Сводная таблица расходов посольства дана в работе: *Bryer A.* The Estates... P. 390 – 391. О найме складов и вьючных животных, в основном верблюдов, см.: Impositio Officii Gazarie, a cura di L. Sauli // MHP, Vol. 2.Torino, 1838. P. 350. Об аренде складов и оплате труда грузчиков см.: Il libro dei conti di *Giacomo Badoer* (Constantinopoli, 1436 – 1440) / Testo a cura di U. *Dorini e T. Bertelé.* Roma, 1956 (Il Nuovo Ramusio,Vol. III) (далее: Badoer). P. 103, 307, 349.

[12] *Pegolotti Francesco Balducci.* La Pratica della mercatura/ ed. by A. Evans. Cambridge, Mass., 1936. P. 369; ср.: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики...С. 135 – 141.

[13] *Lampros Sp* Τραπεζουντιακὸν ὡροσκόπιον τοῦ ἔτους 1336 // NE. 1916. T.13. P. 40, 42, 44 – 45; *Mercier R.* An Almanac for Trebizond for the year 1336. Louvain: Academia, 1994 [Corpus des Astronomes Byzantins, VII]; *Barbounis M.G.* Όψεις της καθημερινής ζωής στην Τραπεζούντα του 14ου αιώνα – Η μαρτυρία του *Ωροσκοπίου της Τραπεζούντος (1336)* // ΑΠ.1994. Τ.45. Σ.18 – 36.

[14] *Карпов С.П* Итальянские морские республики... С. 276 – 291.

[15] *Karpov S.P.* Grecs et Latins à Trébizonde (XIIIe-XVe ss.). Collaboration économique, rapports politiques // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance. Lyon, 1989. P. 413 – 424. По договору с Генуей (1314 г.), например, греческим купцам воспрещалось присоединяться к генуэзским караванам, которые шли в Персию (см.: *Desimoni C.* Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda // ASLSP, 1877 – 1884, XIII, P. 517). Однако уже в 1341 г. Оффиция Газарии разрешила это грекам (см.: Imposicio Off. Gaz., P. 347; *Forcheri G.* Navi c navigazione a Genova nel Trecento. Genova, 1974. P. 15 – 17). Венецианцы также делали некоторые ограничения, в частности периодически запрещая грузить товары невенецианцев на галеи конвоя, идущие в Венецию, или принимать поручительства, товары и деньги от иностранцев, чтобы вести торговые операции. Однако эти меры носили временный характер и были в основном связаны с дефицитом торгового баланса.

[16] *Watson A.H.* Back to Gold and Silver // The Economic History Review, 2nd ser., 1967. N XX. P. 1 – 36; *Lopez R. S.* Il problema della bilancia dei pagamenti nel commercio di Levante // Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. Vol. I. P. 431 – 452; *Bautier R. – H.* L'or et l'argent en Occident de la fin du XIIIe siècle au début du XIVe siècle. // Commerce méditerranéen et banquiers italiens au Moyen Âge. L.,1992, N II. P. 169 – 174 ; *idem.* Les relations économiques des Occidentaux avec les pays d'Orient, au moyen âge. Points de vue et documents. // Commerce méditerranéen et banquiers italiens au Moyen Âge. L.,1992. N IV

(orig. in: Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien: Actes du 8e Coll.Int. d'histoire maritime /Beyrouth, 1966/. Paris, 1971). P. 306 – 307; *Ashtor E.* Il commercio italiano con Levante e il suo impatto sull'economia tardomedioevale // "Aspetti della vita economica medievale". Atti del Convegno di Studi nel X Anniversario della morte di F. Melis. Firenze, 1985. P. 37. О практике нормирования товаропотоков и торговых ограничениях см. подробнее: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики... С. 327 – 331.

[17] *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII – XV вв. М.,1994; *Stöckly D.* Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècle). Leiden – N.Y-Köln: E.J. Brill, 1995.

[18] *Balard M.* La Romanie... Vol. 2. P. 679 – 700.

[19] *Карпов С.П.* Итальянские морские республики... С. 126 – 129.

[20] О натурализации как политике Венеции и Генуи см.: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики... С. 319 – 324. Натурализация наносила определенный ущерб трапезундскому фиску, который добивался ее запрета или ограничения. Так, в договоре Трапезундской империи с Генуей (1314 г.) стороны взаимно обязались не производить натурализации (*Desimoni C.* Intorno...P. 517).

[21] Напр.: ASV, Cancelleria Inferior, Miscellanea, Notai diversi, B. 8, doc. 66: 8/I 1365 – трапезундец Sava, житель Венеции.

[22] В Массарии Каффы за 1381 г. есть сведения о трапезундских моряках, погибших в Пере на галеях коммуны. Причитающиеся им оклады получали в Каффе их жены и родственники. Упомянуты убитые Константин из Керасунта, Иоанн из Трапезунда, Савва Скоппа из Трапезунда: Archivio di Stato di Genova, San Giorgio, Caffe Massaria N 1226, ad annum 1381(далее – ASG, CM, 1381), f. LXXXIVr, LXXXVIIIv.

[23] Например, Георгий из Трапезунда (ASG, CM, 1381, f. LXXXIVr), Михаил из Трапезунда (ASG, SG, 1226bis, CM, 1386, f. 623v), житель г. Триполи близ Трапезунда Никита (ASG, CM, 1381, f. LXXXIIIv, LXXXVv, CXLIIr, CLIIIv). Севаст, сын Никиты из Трапезунда (CM, 1386, f. 625r, 626r, 627v), Феодор из Керасунта (CM, 1374, f. LXXXIIIr, CIXv) и др.

[24] См. подробнее: *Карпов С.П.* Трапезундская империя...; *idem.* Grecs et Latins...

[25] ASV, SM, XVII, f. 16v – 17/VII 1335; ASV, Senato, Mar, II, f. 94v – 95r – 23/VII 1445; Badoer, P. 15, 82, 307, 308, 349 etc.

[26] *Bryer A.* Rural Society in the Empire of Trebizond // АП. 1966/67. Т. 28. P. 156 – 159; *idem.* The Estates... P. 425 – 426.

[27] *Карпов С.П.* Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII – XV вв.// ВВ, 50, 1989, P. 26 – 35; *Balard M.* Le commerce du blé en Mer Noire (XIIIe – XVe ss.) // *Balard M.* La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe – XVe siècles). London, 1989, art. N 6. P. 64 – 80.

[28] *Beldiceanu N* Biens monastiques d'après un registre ottoman de Trébizonde (1487) // REB. 1977. T. 35. P. 175 – 213; *idem.* Biens des Grands Comnènes en 1461 d'après un régistre ottoman // Byz. 1979. T. 49. P. 21 – 41; *idem.* L'Empire de Trébizonde à travers un registre ottoman de 1487 // АП. 1979. Т. 35. P. 59 – 60; *Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I.* Biens des Amiroutzès d'après un régistre ottoman de 1487 // TM. 1981. T. 8. P. 63 – 78.

[29] См. ниже, гл. 7.

Глава 7

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ТОРГОВЛИ И ОБЪЕМ ТОВАРООБОРОТА В ГОРОДАХ ЮЖНОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (XIV – СЕРЕДИНА XV в.)[1]

Оценка роли городов Южного и Юго-восточного Причерноморья в системе международных экономических связей XIV – XV вв., степени влияния на их развитие торгово-предпринимательской деятельности итальянского купечества весьма затруднена из-за сложности определить сами масштабы этой коммерции, ее эволюцию во времени, вовлеченность в нее различных слоев населения. Нелегко соизмерить уровень поступлений от торговли и из других, прежде всего аграрных, источников в бюджет государств региона, и это приводит к противоречивым суждениям либо о незначительности роли торговли[2], либо, напротив, о ее доминирующем значении для экономики Понта[3]. Разумеется, преодолеть все эти трудности при нынешнем состоянии источников весьма сложно. Мы лишь попытаемся на основании как уже известных, так и впервые вводимых в оборот материалов архивов Венеции и Генуи привести такие примеры, на основании которых, хотя бы в сравнительном аспекте и для отдельных отрезков времени, была бы возможна количественная, а не только качественная оценка торговли.

Чтобы иметь параметры для сравнения, обратимся сначала к достоверно известным данным о неторговых доходах казны и крупных феодалов Трапезундской империи. По свидетельству османского кадастра (ок. 1486 г.), виноградники, оливковые рощи, сады и орешники, рисовые поля вместе с крестьянской рентой приносили казне около 1461 г. не менее 100 тыс. аспров в год[4]. Средний Трапезундский монастырь Фарос, имевший 65 париков, получал

6680 аспров дохода в 1432 г., а крупнейший столичный монастырь Хрисокефал в середине XV в. – 11608 аспров в год[5].

В 1319 г. между Трапезундской империей и Венецией был заключен первый торговый договор, позволивший венецианцам основать факторию на Понте. В 1320 г. Республика св. Марка послала в Трапезунд караван галей и поручила своему байло в городе Джованни Санудо собрать с купцов налоги: 10 сольди со 100 лир стоимости товаров (т.е. 0,5%) – на расходы посольства и баюлата и 5 сольди (0,25%) – на строительство караван-сарая в Трапезунде. 12 августа 1320 г. байло направил в Венецию отчет о собранных средствах[6]. Они составили, соответственно, 3258 лир 4 сольди 3 денария ад гроссос (31 278,84 аспра комнината[7] и 1629 лир 2 сольди ад гроссос (15 639,36 аспра). Этой суммы вполне хватило на указанные нужды, и байло перевел еще 1958 лир 4 сольди 3 денария ад гроссос через камбий в Венецию. Легко вычислить, что в указанном случае товарооборот венецианской торговли равнялся 651 650 лирам ад гроссос, или 6 255 840 аспрам. При этом надо учесть, что этот оборот не был годовым, его дал единовременный сбор при прибытии галей в Трапезунд. Правда, это был абсолютный пик венецианской торговли в условиях, когда постоянная фактория лишь только складывалась. Так как Трапезундский фиск в это время взыскивал с венецианцев в свою пользу коммеркий в 3% и небольшую ввозную пошлину 20 аспров с тюка товаров[8], то вырученная им сумма составила бы не менее 187 673 аспров при однократном обороте. Но реальный доход казны был выше минимум в два раза, так как контрагенты венецианцев в Трапезунде платили не меньшие налоги. Между тем в 1320 г. постоянные торговые связи Венеции с Трапезундом еще зарождались, а генуэзская торговля намного превосходила венецианскую и, облагаясь такими же коммеркиями, приносила фиску еще большие доходы. Следовательно, коммеркии играли весьма важную роль как источник доходов Трапезундской империи, особенно в период расцвета торговой активности на Понте (20 – 40-е годы XIV в.). Этим и объясняется длительная борьба за их уровень между Трапезундской империей и итальянскими морскими республиками[9]. Для удобства последующих исчислений и сравнения переведем сумму венецианского товарооборота в Трапезунде (651 650 лир ад гроссос) в серебряные соммы Каффы, наиболее общий эквивалент черноморской торговли. По курсу 1320 – 1322 гг., когда 1 сомм равнялся 11,5 лирам ад гроссос[10], получим 56 665,2 сомма.

В генуэзских факториях Южного Причерноморья взимались как регулярные, фиксированные торговые пошлины (коммеркии, cabelle), так и временные специальные налоги, часто собираемые с какой-то определенной фактории на специальные цели. Такой налог именовался drictus[11]. Счетные книги (массарии) Каффы 1420 – 1423 гг. содержат записи о коммеркии «quod pro comune Janue colligitur in Trapezundis», из которого 10 115 каффинских аспров (50 соммов) ассигновывалось на выплату оклада трапезундскому консулу и другим оффициалам фактории[12]. Статут Каффы 1449 г. устанавливал размеры коммеркия в Трапезунде 1,5% от стоимости товаров, ввозимых генуэзцами, и 1 % – вывозимых[13]. Из полученной суммы 45 соммов шло на жалование консула[14]. Помимо коммеркия, в XV в. временно вводились и налоги типа drictus. Как правило, их сдавали на аукционе в откуп лицам («эмпторам»), желавшим собирать их в течение года или ряда лет, уплачивая в установленные сроки в казну суммы, зафиксированные в условиях откупа. Право сбора такого налога в Трапезунде на 5 лет и 9 месяцев было приобретено в 1441 г. тремя генуэзцами во главе с Урбано ди Негро за 80 тыс. аспров (14 тыс. аспров в год)[15]. В том же году право взимания такого же налога в Симиссо (Самсун) на 2 года и 5 месяцев было продано за 15 150 аспров (6269 аспров в год)[16]. Так как шкала налогообложения нам неизвестна, восстановить стоимость товарооборота по этим данным нельзя. На их основании можно лишь сравнить торговое значение генуэзских факторий в Трапезунде и в Симиссо.

Другая генуэзская фактория Южного Причерноморья находилась в Синопе и на рубеже XIV и XV вв. была подчинена юрисдикции подеста Перы. Массарии Перы 1390 – 1402 гг. дают возможность в какой-то мере оценить масштабы торговли в ней в указанные годы. Отметим сразу же, что внешнеполитическая ситуация в регионе тогда была крайне неблагоприятной. Летом 1391 г. османский султан Баязид I подчиняет эмират Кастамон, на территории которого находился Синоп. В 1392 г. он планирует морскую экспедицию, чтобы захватить город. События на дунайской границе отвлекли его от этого плана[17]. В 1394 – 1402 гг. османы блокируют Константинополь, что расстраивает сложившуюся систему экономических связей[18]. Все это не могло не отразиться на торговой активности Синопа.

Паоло ди Кастильоне, бывший генуэзским консулом в Синопе в 1390 – 1391 гг., собрал налоги на общую сумму 4297 аспров Синопа (149,2 перпера или 11,9 сомма)[19]. Из этих денег 700 аспров было

уплачено священникам, 2140 израсходовано консулом, а оставшиеся 1457 аспров были поделены пополам, по 25 перперов 6 каратов, между коммуной Перы и консулом ди Кастильоне. В предшествующий год доходы, видимо, были большими, так как отчисления коммуне Перы составили 67 перперов[20]. В 1402 г. Пере было передано 63 перпера 15 каратов[21].

Собираемые консулом налоги и судебные штрафы не покрывали всех расходов фактории. В ее бюджете большую роль играли дотации, получаемые из Перы, ибо один только оклад консула составлял 400 перперов[22], т.е. превышал все поступления от налогов в 1390/91 г. Роль Синопа как торгового центра в эти годы была скромной.

Более полно в массариях Каффы зафиксированы данные о коммеркии в генуэзской фактории Севастополь (Сухуми) в первой половине XV в. В 1373 г. коммеркий составлял 0,5% от стоимости товаров и дал 60 соммов поступлений. Таким образом, объем товарооборота был 12 тыс. соммов в год[23]. В XV в. коммеркии повысились до 1% от стоимости как ввозимых, так и вывозимых генуэзцами товаров[24].

Так как аукцион проводился до начала взимания налога, эмпторы, приобретая право взыскивать его, исходили из прогноза доходности и практики прошлых лет. Поэтому сумма, возникшая в результате торгов, отражает не реальный товарооборот, а лишь его прогнозируемый минимум. Представление о том, каким был этот минимум в генуэзской фактории Севастополь, дает таблица.

Таблица.
Суммы откупа коммеркиев генуэзской фактории в Севастополе (Сухуми)

Источник	**Эмптор**	**Срок откупа**	**Сумма в сомах**	**Примечания**
SG, 1227, CM, 1410, f. LXXVIr, f. CXCVIr	Nicolaus Gollus (Gellus)	1 год, 1409 – 1410	42	
SG, 1229, CM, 1420 –II, f. CLXXXIXv	Nicolaus de Franchis de Goano	1/VII 1420 –30/ VI 1421	50	

Ibid.,f. CXXIIIv, f. CLr	Leonardus Adurnus olim Novellus	L/VII 1421 –30/VI 1422	55	
SG, 1230, CM, 1422, f. CVIIv, f. CCLIr	magister Matteus de Asente	1/VII 1422 –30/VI 1423	73,7	
SG, 1231, CM, 1423. f. CXXVIIr, f. CXXXIIr	Jacobus Lomelinus, civis Janue	1/VII 1424 –30/VI 1425	108	Общ. сумма исчислена в 112 соммов. 2 –задаток, 2 – в пользу эмптора.
SG, 1232, CM, 1420 – 26, t. CXXVIr	Lucianus de Premontorio	1/VII 1425 –30/VI 1426	91	Исчисление – 93 сомма, 2 – эмптору[25].
SG, 1232, CM, 1424, f. CXXXVIv	Georgius Bonaventur a	1/VII 1426 –30/VI 1427	79	
SG, 1237, CM, 1455, f. XVIIr, f. XVIIIr	Ambrosius Italianus	1/X 1455 – 24/III 1458	500 (201,34 в год)	Откуп на 2 года, 5 месяцев и 24 дня
SG, 1238, CM, 1456 – I, f. CIr	Gregorius Rubeus	1458/1459	48	
SG, 1240, CM, 1458 – I, f. CVIr	Johannes Cavalus	17/V 1459 – 16/V 1460	30	
SG, 1241, CM, 1458 – II, f. CXVIIIr	Melchione de Garbarino	17/V 1460 – 16/V 1461	27	
SG, 1242, CM, 1461, f. CXXXIIv	Lazarus de Turrilia	17/V 1462 – 16/V 1463	18,5	
SG, 1228, f. XLVr, f. CCXXXVIIr	Cristoforus Narixe	1469/70 (?)	29	

При анализе коммеркиев, собираемых в Севастополе, надо учесть ряд обстоятельств. Во-первых, они, видимо, не включали специального налога на работорговлю, который взыскивался представителями каффинской Оффиции св. Антония[26]. Это существенно, так как именно работорговля была одной из основных сфер генуэзского предпринимательства в Восточном Причерноморье. Во-вторых, комеркии выплачивались только генуэзцами. В 1438 г., правда, была сделана попытка распространить их и на земли, принадлежавшие местному правителю, князю Мегрелии Бендиану, в размере 1 % с «натурализованных» (т.е. пользовавшихся правами генуэзского гражданства и соответствующими привилегиями) лиц и 2% – с подданных Бендиана, торговавших с генуэзцами. Этот коммеркий был сдан на аукционе за 45 тыс. каффинских аспров (ок. 225 соммов) Джованни ди Франко ди Пагано в 1438 г. Однако эмптору не удалось собрать налога, так как Бендиан наложил запрет на его взыскание, и сын Джованни много лет спустя, в 1475г., все еще добивался компенсации за ущерб[27].

В-третьих, при реконструкции товарооборота надо учесть, что к тем платежам, которые вносили эмпторы, необходимо делать небольшие коррективы в сторону увеличения. Как явствует из массарий 1423 и 1425/26 гг., казна уступала эмптору 2 сомма. Неизвестно, поступали ли так всегда и была ли величина уступки постоянной. Там, где есть указания, мы прямо вводили коррективы, в иных случаях учитывали, что реальные показатели товарооборота могли быть больше минимальных расчетных на 2 – 5%.

В-четвертых, нельзя исключить возможности, что в отдельных массариях могла указываться не вся сумма откупа, а лишь очередной платеж эмптора. Такая запись, правда, встречается редко, главным образом когда имела место задолженность откупщика. Но в массариях, имеющих лакуны, где трудно обратиться к перекрестной проверке граф «debet» и «recepimus» двойной записи, выявление характера платежа затруднено, особенно, если он приведен в более краткой графе «recepimus», суммарно излагающей суть дела.

И последнее. Уже из самой таблицы видно, что данные о коммеркиях Севастополя имеются целиком за 1420 – 1427 и 1455 – 1463 гг., а также упоминаются ретроспективно в массариях последующих лет за 1409 – 1410 и 1469 – 1470 (?) годы.

Анализ сумм откупа показывает, что масштабы товарооборота в генуэзской фактории Севастополя в 10-х – начале 20-х годов XV в.

были довольно скромными, хотя и имели тенденцию к росту. Минимальный показатель товарооборота – 4200 – 5000 соммов в 1409/10 и 1420/21 гг. более чем в два раза ниже показателей 1373 г. и несравним с товарооборотом Трапезунда в 20-х годах XIV в. Значительное повышение сумм откупа и, следовательно, прогнозируемого минимального товарооборота произошло в 1422 – 1427 гг., достигнув пика в 1424/25 г. Колебания товарооборота в минимальном исчислении: 7370 – 11 200 соммов.

Неожиданное резкое повышение суммы откупа в 1455 г., по нашему мнению, следует объяснять не процветанием торговой жизни в фактории в это время, а лишь особыми обстоятельствами самого откупа, предоставленного на более длительный срок, почти 2,5 года, видимо, с особыми привилегиями, данными откупщику. Так как к этому времени Оффиция св. Антония перестала функционировать, быть может, откупщик Амброджо Итальяно, один из чиновников каффинской Оффиции монеты, получил право производить таксацию также и рабов. Вопрос остается пока открытым. Мы исключаем лишь возможность значительного увеличения товарооборота в Севастополе в 1455/56 г., и вот почему. Летом 1454 г. город был взят и разграблен турецкой эскадрой. Затем, весной 1455 г., его захватили абхазы, противники мегрельского князя. Генуэзская фактория сильно пострадала от этого нападения, а часть ее жителей была уведена в плен[28]. Эти события, происшедшие до аукциона 1455 г., нанесли непоправимый удар по фактории, от которого она не могла оправиться еще многие годы. В 1458 – 1463 гг. суммы откупа неуклонно падают с 48 (в 1458/59 г.) до 18,5 (в 1462/63 г.) соммов. Возможно, более благоприятные тенденции появились к 1470 – м гг., когда минимальный товарооборот мог составить 2900 соммов, что, впрочем, также значительно ниже уровня 20-х гг. XV в.

Падение размеров коммеркиев, а, следовательно, и сокращение товарооборота, в 50-е годы XV в. было явлением, свойственным не только Севастополю, но, видимо, и всем другим факториям Южного Причерноморья. Эмптор кабелл трапезундского консулата (части коммеркия) Марино Чигалла в 1455 г. должен был уплатить массарии Каффы 4500 аспров[29], в то время как в 1420 – 1423 гг. такой же платеж составлял, как отмечалось, 10 115 аспров. Откуп коммеркиев одной из крупнейших факторий генуэзцев в Юго-Западном Причерноморье Самастро (Амастрида) 1459/60 г. составил 4560 аспров (22,8 комма)[30]. Даже если предположить, что это не весь коммеркий, а его четвертая

часть[31], при действовавшем в это время однопроцентном обложении ввозимых и вывозимых в Самастро товаров (кроме продовольствия, облагавшегося коммеркием в 1,5%)[32], исчисляемый товарооборот фактории составил бы 9120 соммов). Торговых налогов, собираемых в Самастро, не хватало ни на покрытие военных расходов, ни на содержание оффициалов, ни на уплату дани османам (после 1454 г.). Фактория существовала на дотации из Каффы и из Генуи, даваемые Банком св. Георгия[33]. Захват Константинополя 1453 г. и продолжение османской экспансии в Причерноморье в 50-е годы XV в. губительно сказались на товарообороте всех итальянских факторий Южного Причерноморья, поразив не только дальнюю торговлю, но и коммерческие связи внутри черноморского бассейна.

В целом поступления от торговых налогов в генуэзских факториях Южного и Юго-Восточного Причерноморья в конце XIV – первой половине XV в. были скромными, значительно уступая доходам от коммеркиев центра генуэзских владений на Черном море – Каффы. Кабеллы, взыскиваемые в Каффе в 1374 – 1387 гг., приносили от 406 700 до 471 284 аспров (2864 – 3384,4 соммов по курсу соответствующих лет)[34], а 1424 г. – 800 148 аспров (3961,1 сомм)[35]. Вероятно, лишь уровень торговли Трапезунда начала XIV в., если учитывать не только венецианскую, но и генуэзскую, греческую и мусульманскую торговлю, сравним с каффинским конца века.

Коммеркии, полученные в этот период Трапезундской империей, не могли не явиться важнейшим источником ее доходов. Наступивший в 40-е гг. XIV в. кризис торговли[36] изменил ситуацию. Несмотря на переориентацию итальянских и, прежде всего генуэзских, предпринимателей на экспорт местных продуктов из городов Причерноморья[37], общий объем товарооборота, после того как посредническая торговля с Востоком стала приходить в упадок, явно сокращался. Высказываются суждения, что кризис торговли был в основном преодолен в XV в.[38] Не решая эту проблему в масштабах всего Восточного Средиземноморья и даже Причерноморья в целом, отметим лишь, что низкий уровень коммеркиев в факториях Южного Причерноморья в конце XIV – первой половине XV в., даже при учете того обстоятельства, что данные об этих налогах приходятся часто на наиболее неблагоприятные периоды в истории факторий, заставляют еще раз более критически подойти к этому вопросу. Некоторая стабилизация торговли в 10 – 40-е годы XV в., отразившаяся, в частности, и на навигации венецианских торговых галей «линии» в

Черное море (при сокращении, впрочем, количества галей в караване)[39], вряд ли привела к восстановлению ее в масштабах начала предыдущего столетия. Новые наблюдения М. Балара, показавшего снижение основного торгового (большого) коммеркия в Каффе с 460 тыс. аспров в 1410 г. до 180 тыс. в 1460 г. (равно как и других фискальных поступлений)[40] показывает ту же, отмеченную нами, тенденцию.

[1] Первая публикация: ВВ. 1986. Т. 47. С. 17 – 23.

[2] *Bryer A.* The Empire of Trebizond and the Pontos. L., 1980, VII. P. 370 – 372 (ср. нашу рецензию: ВВ, 1983, Т. 44. С. 252); *Idem.* The Latins in the Euxine // XVe Congrès International d'études Byzantines: Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. P. 13 – 14.

[3] Primaudaie E. de la. Études sur le commerce du moyen âge. Histoire du commerce de la Mer Noire et des colonies génoises de la Crimée. P., 1848. P. 165 – 166, 178, 251 – 252, 259; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. М.; Л., 1948. Т. 3. С. 741, 743. Ф.И. Успенский исчисляет доходы трапезундских императоров в начале XV в. «благодаря таможенным пошлинам» в 700 тыс. дукатов, что, по его мнению, равнялось «доходам английского короля того же времени».

[4] Beldiceanu N. Biens des Grands Comnènes en 1461 d'après un régistre ottoman. // Byzantion. 1979. T. 49. P. 21 – 41. Э. Брайер оценивает общий доход трапезундской казны в XIV – XV вв. в 1250 – 3250 тыс. аспров в год, при том, что ¾ этой суммы поступало из аграрной сферы. (См.: *Bryer A.* Op. cit., VII, P. 371). Однако столь высокая оценка доходов мало согласуется с приведенными данными.

[5] *Bryer A.* Op. cit., VII, P. 425 – 426.

[6] Diplomatarium Veneto-Levantinum, pars I: a. 1300 – 1350 / Ed. G.M. Thomas. Venetiis, 1880. P. 171 – 172, N 83.

[7] 1 аспр комнинат равнялся в 1320 – 1322 гг. 25 денариям ад гроссос: Archivio di Stato di Venezia (далее: ASV), V Savi alla Mercanzia, Capitolare, 22 bis, f. 10v – 11r, 22 ter, f. 6r.

[8] *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. М.: МГУ, 1981.С. 48 – 49, 173 – 174. О коммеркиях в регионе в целом и их эволюции см.: *он же.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 233 – 250.

[9] *Karpov S.P.* L' impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204 – 1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986.

[10] Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato), Serie «Mixtorum», Vol. I, libri I – XIV / a cura di R. Cessi e P. Sambin. Venezia, 1960, lib. VI, N 50 – сентябрь 1320; ASV, V Savi, 22 bis, Capitolare, f. 11r: 22 ter, Capitolare, f. 6r – 22.IX 1322.

[11] См. подробнее: *Sievekung H.* Studio sulle finanze genovesi e in particolare sulla Casa di S. Giorgio. // ASLSP, 1905 – 1906 T. XXXV, parte I – 2; *Buongiorno M.* L'amministrazione genovese nella «Romania». Legislazione – magistrature – fisco. Genova, 1977. P. 187 – 231; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики… С. 243; *Balard M.* Notes sur la fiscalité génoise à Caffa au XVe siècle // Bulletin de la Société Nationale des antiquaires de France 1993. P. 224 – 241.

[12] Archivio di Stato di Genova, San Giorgio, N 590, Caffe Massaria (далее: ASG, SG, CM), N 1229, ad a. 1420 – 1, f. CDLXXVv; ASG, SG, 1230, CM, ad a. 1422, f. XLr; ASG, SG, 1231, CM, ad a. 1423, f XLIXr. 1 сомм = 202 аспрам Каффы.

[13] Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 / Изд. В. Юргевич // ЗООИД, 1863. Т. V (далее: Устав). С. 796 – 797; Statuto di Caffa / ed. A. Vigna // ASLSP, 1879. T. VII. Parte 2. P. 669.

[14] Устав. С. 798; Statuto di Caffa, P. 670.

[15] ASG, SG, N 1233, CM, 1441, f. CXXXIIv, XLVr – 28. VII.

[16] Ibid., f. CXXXIIv – 16. XII.

[17] *Zachariadou E.A.* Manuel II Palaeologus on the Strife Between Bāyezīd I and Kādī Burhān al-Dīn Ahmad // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1980. Vol. XLIII, Part 3. P. 471 – 481.

[18] См.: *Bernicolas-Hatzopoulos D.* The First Siege of Constantinople by the Ottomans (1394 – 1402) and its Repercussions on the Civilian Population of the City // Byzantine Studies/Etudes Byzantines, 1983. T. 10, part I, P. 39 – 51; *Hadjopoulos D.* Le Premier Siège de Constantinople par les Ottomans (1394 – 1402). Thèse...pour le PhD. Université de Montréal. Département d'Histoire. 1980 (dact.)

[19] ASG, San Giorgio, N 590; Peire Massaria, N 1304bis, ad a. 1391, f. CLXVIIIv – 20.IX. По курсу, указанному в массарии, 360 аспров Синопа=1 сомму=12 перперам 12 каратам.

[20] ASG, San Giorgio, N 590; Peire Massaria, N 1304, ad a. 1390, f. Vv: 16/VIII.

[21] ASG, San Giorgio, N 590; Peire Massaria, N 1305, ad a.1402, f. XVIIv, LIv : 10/I. По курсу 1 перпер = 32 аспрам (Ibid., f. Lv).

[22] ASG, San Giorgio, N 590; Peire Massaria, N 1303, f. CLXXIVr, CCXVIIIv; N 1304, f. IIIv; N 1304bis, f. XXXIIIv; N 1305, f. XVIIIr, Lv; ASG, SG, 1229, CM, ad a. 1420 – II, f. LIIIr; etc.

[23] ASG, SG, 1225, CM, ad a.1374, f. CCXIv: 19/XII; *Balard M.* La Romanie Génoise. Roma; Genova, 1978, t. I. P. 141.

[24] Устав, С. 809; Statuto di Caffa, P. 676 – 677; ASG, SG, 1227, CM, ad a. 1410, f. CLXXVIr – 26/ II 1411; ASG, SG, 1238, CM, ad a. 1456 – I, f. XCVr – 10/XII 1456; *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la Signoria dell'Ufficio di San Giorgio (1453 – 1475) // ASLSP, 1879. T. VII/2, doc. N 1142 – 13.VII 1475.

[25] На основании: ASG, SG, 1264, f.80v: 28/VI 1425.

[26] *Verlinden Ch.* Medieval «Slavers» // Explorations in Economie History. Kent (Ohio), 1969 – 1970. Vol. 7. P. 3; *Карпов С.П.* Работорговля в Южном Черноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // ВВ, 1986, Т. 46. С. 139 – 145.

[27] *Vigna A.* Codice...T. VII/2, Doc.1142. P. 235: 13/VII 1475.

[28] *Vigna A.* Codice...T. VI. 1868. Doc.33. P. 103: 11/IX 1454; doc.129. P. 317 – 328: 28/VI 1455. Ср.: *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1886. T. 2. P. 396; *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада – Себастополис – Цхум. М., 1980. С. 120; *Сванидзе М.Х.* Из хронологии Вахушти Багратиони (первое вторжение турок на черноморское побережье Грузии // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985. С. 107 – 111.

[29] ASG, SG, 1237, CM, 1455, f. XCIXr; SG, 1239, CM, 1456 – II, f. LXXXr.

[30] ASG, SG, 1241, CM, 1458 – II, f. CXVv.

[31] Обычно процедура выплат была следующей. Сразу после аукциона вносили небольшой аванс, а затем равными частями через каждые 3 месяца – остальные доли. Даже если откуп давался на несколько лет, распределение платежа на четыре равные части сохранялось: ASG, SG, 1231, CM, 1423, f. CXXVIIr – 3/VI 1424; SG, 1238, CM,

1456 – I, f. CIr: 31/VIII 1457; SG, 1237, CM, 1455, f. XVIIr, XVIIIr – 18/XII 1455, 13/IV 1456; Устав..., С. 808; Statuto di Caffa..., P. 676 (откуп коммеркия и кабелл в Тане).

[32] ASG, SG, 1240, CM, 1458 – I, f. XXVIIr-27/X 1458.

[33] В 1454 г. каффинские власти, не видя возможности спасти Самастро от османов, предложили Банку св. Георгия согласиться на выплату дани султану и принять срочные меры по укреплению обороны города. См.: *Vigna A.* Codice.., T. VI, doc. 33, P. 106, 110. Кабеллы Самастро шли на уплату дани османам, но их было недостаточно, и остальную часть дани платила массария Каффы (Ibid., doc. 426, P. 917 – 4/IV 1459). Так как османы отказались включить Самастро в договор с генуэзцами, считая его своим владением, в Самастро приходилось направлять, кроме продовольствия, в котором фактория остро нуждалась, и оружие. См.: Ibid., doc. 116, P. 296 – 297 – 14/III 1455; doc. 117, P. 297 – 300 – 18/ VII 1455; doc. 254, P. 590 – 22/III 1456; doc. 377, P. 818 – 8/II 1458; doc. 257, P. 594 – 596 – 23/III 1456; doc. 307, P. 651 – 8/XI 1456; ср. также: ASG, SG, 1237, CM, 1455, f. CCVIIIr, CCXv, CCXXXIIv; SG, 1239, CM, 1456 – II, f. LXIIIr; SG, 1240, CM, 1458 – I, f. XXVIIr-v, XXVIIIv, XXIXr, XLr, XLVIIv, LXv; SG, 1241, CM, 1458 – II, f. XLv, CCCXXIIIv, CCCXXVIIv; etc.

[34] *Balard M.* La Romanie...T. I, P. 421. 1 сомм = 139, 25 аспрам по курсу 1374/75 г. и 142 аспрам по курсу 1381/82 г. (Ibid., T. 2, P. 661).

[35] ASG, SG, 1231, CM, 1423, f. LIVr – 9/X 1424. Курс сомма – 202 аспра (Ibid., f. CXXXIIr, f. CLIIIr).

[36] См. подробнее: *Карпов С.П.* Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220 – 238.

[37] *Kedar B.* Merchants in Crisis. Genoese and Venetian Men ol Affairs and the Fourteenth-Gentury Depression. New Haven; London, 1976; *Balard M.* Gênes et la Mer Noire (XIIIe-XVe siècles) // Revue historique, 1984, T. CCLXX, N 1, P. 32 – 54.

[38] *Heers J.* Gênes au XVe siècle: activité économique et problèmes sociaux. P., 1961. Критический разбор книги Эрса в указанном аспекте см.: *Lopez R.S.* Quattrocento Genovese. // Lopez R.S. Su e giù per la storia di Genova. Genova, 1975, P. 63 – 80.

[39] *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII – XV вв. М.,1994; *Stöckly D* Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècle). Leiden – NY-Köln: E.J. Brill, 1995. XVIII, 434 P. [The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400 – 1453. Vol. 5].

[40] *Balard M.* Notes sur la fiscalité génoise à Caffa... P. 235.

Глава 8

О ТОРГОВЫХ ПРИВИЛЕГИЯХ ИТАЛЬЯНСКИХ МОРСКИХ РЕСПУБЛИК В ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ[1]

Для разрешения проблемы воздействия итальянской колонизации и торгово-предпринимательской деятельности на византийскую экономику, помимо анализа хода самих экономических процессов и их социальных последствий, необходим анализ направленности и конкретных целей и результатов торговой политики Генуи и Венеции. Получение торговых привилегий нередко венчало усилия морских республик в деле создания факторий и поселений на византийской территории, внедрения в инфраструктуру товарообмена в регионе.

Район Понта был одним из центров международной посреднической торговли Запада и Востока. Его города, прежде всего – Трапезунд, играли важную роль и в системе товарообмена внутри Азово-Черноморского бассейна. На территории Трапезундской империи (1204 – 1461 гг.) существовали крупные фактории генуэзцев и венецианцев.

Начало итальянской колонизации территории Трапезундской империи относится к 70 – 80-м годам XIII в. Она носила в основном коммерческий характер и не была еще формой установления политического господства или управления городами или какой-либо областью империи. Единственный эпизод, когда венецианцы, и то больше в теоретическом плане, выдвинули идею замены власти трапезундского императора Алексея III правлением собственного «ректора» при согласии и поддержке местных «баронов» в 1376 г., закончился провалом[2].

Чего же добивались венецианцы и генуэзцы на Понте, в чем состояла суть их требований? Главным для них было признание автономности и статуса экстерриториальности для их поселений в

сочетании с благоприятными условиями коммерции и умеренностью налогообложения товаров. Поэтому основное требование к императору заключалось в установлении и соблюдении различных *franchisiae et libertates* граждан итальянских морских республик[3]. Возможность более конкретного рассмотрения этих «привилегий и свобод» дают тексты хрисовулов трапезундских императоров венецианцам и договоров Генуи с империей «Великих Комнинов».

Первым, сохранившимся в латинском переводе, хрисовулом 1319 г. венецианцам были пожалованы следующие права: 1) свободный въезд на территорию империи и выезд из нее; 2) охрана личности и собственности купцов на всей территории государства; 3) совершение любых торговых сделок при условии уплаты коммеркиев; 4) употребление собственных мер и весов и использование своих торговых маклеров – метассариев; 5) владение определенной территорией с правом устройства на ней церквей и иных строений; 6) назначение собственного главы фактории, байло или консула, а также других чиновников (при этом байло должен был иметь те же полномочия, что и другие аналогичные оффициалы в Романии, включая судебные и административные функции); 7) совместная стоянка греческих и итальянских судов в трапезундском порту[4]. Вместе с тем в хрисовуле ясно сказано, что венецианцы полностью признают суверенитет империи, обязуясь быть «слугами» василевса: «...securitatem posuerunt super me et ostenderunt se esse servitores Imperii mei»[5], – а байло должен был выказывать всяческое почтение императору («ut amat et diligit Imperium meum»)[6].

Не рассматривая сейчас вопрос о коммеркиях и их эволюции[7], отметим, что основные принципы соглашений оставались в силе все последующие годы и были общими как для венецианцев, так и для генуэзцев. Уточнялись и модифицировались лишь отдельные положения. Например, в хрисовуле 1364 г. особо оговорено, что свободный проезд по территории империи означал и посещение крепостей, городов и пристаней, а охрана венецианцев распространялась и на защиту их от местных архонтов, чиновников и наместников (κεφαλάδοι), а также от нападения трапезундских судов[8]. Усиливался пункт об охране венецианцев также и от всяческих их противников (ἀπὸ πάντα ἐχθρὸν καὶ ἐναντίον αὐτῶν)[9], разумеется, в первую очередь, от соседствующих с ними генуэзцев. Коммеркии с венецианцев должны были взимать либо чиновники трапезундского налогового ведомства, либо, если император это пожелает, сама

администрация венецианской фактории. Этим пунктом венецианцы стремились уберечь себя от того, чтобы налог не взыскивали состоявшие на службе у императора генуэзцы или трапезундские купцы[10].

В 1376 г., наряду с предоставлением венецианцам широких налоговых льгот (двукратного снижения коммеркиев) Алексей III ввел ответственность байло перед ним за уплату коммеркиев в полном объеме, без утайки и злоупотреблений со стороны заключавших торговые сделки венецианцев[11].

По хрисовулу 1367 г. венецианцы впервые получили право на строительство укреплений фактории[12]. С этого момента заканчивается история караван-сарая и начинается история венецианской крепости в Трапезунде[13]. С 1367 г. и до последнего известного нам хрисовула 1396 г. детализировался «штат» венецианской фактории, в который входили сержанты, судебные исполнители, переводчики, маклеры, а также священник венецианской приходской церкви[14].

Таким образом, венецианская фактория обладала экстерриториальностью, широкими административными и судебными иммунитетами при условии признания верховного сюзеренитета трапезундского василевса. Признанием этого сюзеренитета в глазах местных властей должно было быть и то, что над стенами фактории вместе со знаменем Республики св. Марка должен был развеваться и флаг Трапезундской империи[15]. Широкое истолкование императорами своих суверенных прав не раз приводило к конфликтам.

Мы не располагаем текстами хрисовулов трапезундских монархов генуэзцам, и потому не можем столь же подробно восстановить объем всех привилегий и прав лигурийцев на Понте. Однако сохранившиеся мирные договоры 1314 и 1316 гг., а также и некоторые другие источники позволяют отчасти восполнить лакуну. Можно с уверенностью утверждать, что льготы, которыми располагали венецианцы, в равной мере распространялись и на генуэзцев: об этом свидетельствуют сами тексты хрисовулов данных Республике св. Марка[16]. По договору 1314 г. они могли сами выбрать место для фактории, определить его размеры, если им не подошел бы участок Дальсаны[17]. Остановившись на Дальсане (прежнем морском арсенале Трапезундской империи[18], генуэзцы получили территорию и имевшиеся на ней строения безвозмездно, в то время как прежний участок фактории – Леонтокастрон они уступили императору за 250 тыс. аспров[19]. Генуэзцы сразу же получили право возвести все

необходимые укрепления: рвы, стены и башни[20]. Венецианцам такое право было дано гораздо позже, в 1367 г., через полвека. Как и венецианцы, генуэзцы имели административный и судебный иммунитеты, собственную администрацию во главе с консулом. Императору запрещалось договором вмешиваться в дела генуэзцев, проживавших в фактории. Даже в случае их задолженности соответствующее представление император должен был направлять консулу (равным образом и генуэзцы в случае споров с греками должны были апеллировать к суду василевса)[21].

В договорах 1314 и 1316 гг. более четко, чем в аналогичных соглашениях с венецианцами) проведен принцип обособления греческого и генуэзского населения (в дальнейшем, впрочем, строго не соблюдавшийся): грекам запрещалось без согласия консула проживать на территории генуэзской фактории. Если же они имели там ранее дома или другую собственность, они могли перенести их в иные места[22]. Имевшиеся в Дальсане греческие церкви оставались православными храмами, но службы в них осуществлялись по специально установленному режиму, притом лишь в дневные часы[23]. Вводился взаимный запрет натурализации (предоставления прав гражданства) трапезундской и генуэзской сторонами, запрет принимать нарушителей законов договаривавшейся стороны на территории другой стороны (кроме особого права убежища – франкизии – в храме Богородицы Златоглавой, действовавшего как для греков, так и для генуэзцев)[24]. Грекам запрещалось присоединяться к генуэзским караванам в пределах Трапезундской империи, а трапезундским (и иным иностранным) судам – стоять на рейде Дальсаны[25]. Генуэзцы добились также письменной фиксации запрета для императора и его подданных производить конфискации или мстить каким-либо образом за нанесенный им ущерб[26]. Это был отказ от традиционного средневекового права марки, признававшего возможность потерпевшей ущерб стороны взыскать соответствующую сумму или ее материальный эквивалент у купцов или иных граждан нанесшей ущерб стороны в том случае, если власти последней отказывались предоставить компенсацию[27]. Император (как и в договорах с венецианцами) обязывался охранять имущество и личность генуэзских купцов. Однако эта охрана распространялась и на имущество потерпевших кораблекрушение[28]. Тем самым отменялся еще один средневековый обычай, традиции так называемого берегового права.

Разумеется, многие из этих условий нарушались, а некоторые (как, например, отмена права марки) и вовсе не соблюдались сторонами. И все же генуэзцы добились весьма широких льгот и привилегий и в дальнейших отношениях с трапезундской администрацией постоянно требовали, чтобы в любом новом договоре по пунктам были обозначены привилегии, предоставленные ранее. Их признание было условием заключения мирных соглашений после конфликтов[29].

Помимо требований определенных привилегий, итальянские морские республики предъявляли и требования к условиям торговли в фактории. Они заключались в обеспечении благоприятного режима функционирования рынков, стабильного уровня налогообложения, а также регулярного и безопасного сообщения по караванным дорогам с Тавризом и другими центрами Ближнего Востока[30]. Венецианцы настаивали на том, чтобы трапезундский император обеспечивал максимально благоприятные условия пребывания в Трапезунде не только их собственных купцов, но и их контрагентов из Персии, пресекая вымогательства трапезундских оффициалов и предоставляя иммунитеты и фискальные преимущества восточным коммерсантам[31] Такая «забота» была продиктована исключительно желанием обеспечить проезд караванов из Тавриза и Нарана в Трапезунд. Почти одновременно с эти письмом венецианцы просили императора Мануила Ш взыскать с персидских купцов убытки, которые понесли венецианцы на территории государства Джалаиридов еще 1371 г.[32] Само собой разумеется, что трапезундский император обязывался производить компенсации в случае краж и ограблений купцов на землях его государства[33].

Теперь, когда нам ясен объем и содержание привилегий итальянского купечества в Трапезундской империи, логично перейти к рассмотрению наиболее типичных их нарушений, порождавших конфликты и во многом определявших сами условия пребывания генуэзцев и венецианцев на Понте. Пример обобщенного анализа этих нарушений содержится в отчете Сенату венецианского байло в Трапезунде Николо Марчелло (1441 – 1444). Байло обращал внимание на то, что в империи Великих Комнинов ограничивалась свобода купли и продажи товаров, последние могли произвольно изыматься властями. Коммеркиарии и другие чиновники занимались вымогательствами. Коммеркии и сансерии повышались вопреки установлениям хрисовулов. Венецианцы лишались прав иметь собственных сансеров, проверять ежегодно те меры, на основании которых определялся размер

налога. Доступ байло к императору для принесения жалоб был затруднен. Судебные иммунитеты венецианцев нарушались. Не признавались права беднейших матросов вести беспошлинную торговлю (видимо, это была традиция, так как в хрисовулах подобная привилегия не предусмотрена)[34].

Систематизируя правонарушения и конфликтные ситуации, мы можем по совокупности источников выделить такие их группы: 1) иски по невыплаченным долгам, поборы и ограбления купцов; 2) споры по поводу взимания коммеркиев, норм обложения; 3) нарушения судебно-административных иммунитетов; 4) политические конфликты (в значительной степени производные от трех предыдущих групп противоречий).

Урон итальянских купцов от невыплаченных долгов достигал временами значительных размеров. Хроническим должником был и сам трапезундский император. В начале XIV в. его долг пяти генуэзским купцам и их компаньонам (возможно, возникший в результате погашения ущерба, нанесенного генуэзцам в 1304 г.) составлял 260 тыс. аспров, из которых к 1314 г. было выплачено лишь 3772 аспра[35]. Ранее 1314 г. Алексей II взял в долг у целого каравана генуэзских купцов в Трапезунде 105 тыс. аспров. По договору 1314 г. он был обязан возместить задолженность в течение четырех месяцев[36]. В начале следующего столетия Алексей IV взял у генуэзца Тома ди Тротиса товары на сумму 3000 дукатов, предоставив за них залог. Но его преемник Иоанн IV отобрал этот залог, бросив купца в темницу. В 1434 г. миланский герцог, правитель Генуи, и оффиции Республики добивались справедливости[37]. Невыплаченный долг Алексея III венецианцу Витторе Барбариго, составивший большую сумму, был одной из причин венецианско-трапезундского конфликта 1374–1376 гг[38]. В том же 1374 г. поручение на взимание долга у императора давали и генуэзцы[39]. Вероятно, обычаи кредитования императора были устойчивыми. Займы выплачивались в начале XV в. венецианскими купцами по раскладке. Доля одного из купцов, Джакомо Бадоэра, была, впрочем, небольшой – 104 аспра. Возможно венецианцы, в свою очередь, погашали этим кредитом торговый долг своего соотечественника Джованни ди Нальдо василевсу[40].

С ущербом от невыплаченных долгов смыкались и потери от ограбления купцов, нанесения им прямого убытка. Около 1295 г. венецианцы в Трапезунде потерпели урон, значительно превышавший 4000 перперов Имущество трапезундцев, захваченное венецианцами в

Каффе и оцененное в 4000 перперов, могло компенсировать лишь часть убытков, равную потерям одного купца, Маттео Поло, понесенных от ограблений. Источник упоминает лишь о том, что грабителями были «люди трапезундского императора», без уточнения их социального статуса. Возможно, речь шла об одном из столкновений латинян с трапезундским «димом»[41].

Ранее 1289 г. совершенная в Трапезунде кража у генуэзца Гульельмо ди Ландо и его брата причинила им ущерб в 2000 аспров, на взыскание которых у коммеркиариев была дана прокура[42]. Неоднократно ограбления купцов происходили, в том числе и по повелению или с согласия императора, в периоды военных конфликтов Трапезундской империи с Венецией или Генуей[43]. Но обстановка, способствовавшая ограблениям, существовала не только в годы войн, и далеко но всегда она контролировалась императором. В 1414 г., например, восставшие (rebelles) против василевса ограбили венецианского купца Пьетро Моранте. Республика в 1416 – 1420 гг. обращалась к Алексею IV с просьбой о компенсации[44]. Ограбления венецианских купцов в начале 70-х годов XIV в. и отсутствие должной реакции на это императора послужили мотивом серьезных санкций Республики и привели к военному конфликту в 1374 – 1376 гг.

Не лучше обстояло дело и у генуэзцев. Наследники никоего Ингвето ди Мари в 1338 г. требовали компенсации на сумму 274 279 аспров (около 13 тыс. генуэзских лир) и добились возмещения к указанному году лишь 25 000 аспров[45]. Даже генуэзцы, находившиеся на службе у самого императора, не были застрахованы от ущерба. Великий месадзон Джованни ди Негро получил через массарию Каффы возмещение 24 200 аспров из ущерба, нанесенного ему «трапезундскими людьми, подданными господина императора»[46]. Его земляку Антонио ди Робелло повезло меньше: из ущерба 145 846 аспров он получил 9810[47]. Накануне конфликта в 1313/1314 г. 15 генуэзских купцов (видимо, караван) понесли урон в общей сложности на 127 346 аспров (и, возможно, это не вся сумма, так как текст еще одного мирного соглашения, 15 июня 1315 г., где упоминались другие аналогичные случаи, не сохранился)[48]. Как видим, суммы причиненного убытка, свидетельствующие о немалых инвестициях итальянского купечества в торговлю с Понтом, весьма значительны, в то время как компенсации, если они и производились, далеко не всегда были полными. О распространенности явления свидетельствуют многочисленные поручительства и мандаты на

получение компенсации за ущерб[49]. Было бы однако неправильным возлагать всю вину за инциденты на трапезундских греков: и латиняне также неоднократно наносили существенный урон подданным трапезундского императора. К 1314 г., например, он составил 500 тыс. аспров[50].

Иногда трудно разграничить ущерб от краж и ограблений от потерь в результате секвестра и конфискации имущества итальянских купцов: в документах часто они определены общим термином – damnum. Секвестр налагался императором, когда итальянские купцы не уплачивали или неправильно уплачивали налоги, в том числе и те, что вводились вновь в нарушение прежних соглашений. Секвестр рассматривался властями морских республик как попрание их прав, они настаивали на возмещении секвестрованного имущества или его стоимости[51]. Помимо секвестров, практиковались поборы. Ими занимались как сборщики налогов, так в крупные феодалы провинции. Так, например, дука Халдии Лев II Кавасита, признававший лишь номинальный суверенитет василевса, устанавливал плату за проезд по его территории и охрану купцов и путешественников. Так как эти поборы не были оговорены в тексте соглашений Венеции и Генуи с императором, ответственность за них, вплоть до возмещения сумм, итальянцы пытались возлагать на Великих Комнинов[52].

Борьба за коммеркии, их норму и способ взимания составляла один из главнейших аспектов политики Генуи и Венеции на Понте. За годы пребывания на территории Трапезундской империи венецианцы и генуэзцы смогли добиться снижения налогов более чем в два раза[53]. Налоговые споры были чаще всего связаны с повышением не отмеченной в хрисовулах пошлины – мессетерии (платы за обязательный куртаж товаров), велись они постоянно и приводили к серьезным конфликтам[54].

Суммарно, по степени интенсивности эти конфликты можно представить следующим образом. Столкновения, когда под сомнение ставилась безопасность всей фактории и само ее существование, происходили в 1304, 1313, 1349, 1375 – 76, 1406, 1415 – 17 гг. Ситуации, требовавшие принятия мер повышенной безопасности, вплоть до запрета обитателям фактории покидать ее территорию, создавались в 1340 – 41 гг. (в условиях гражданской войны в Трапезундской империи и тюркских нападений) и в 1425 г. (в условиях готовившейся генуэзцами блокады торговли с Трапезундской империей и возможной эвакуации фактории)[55]. Серьезные политические трения происходили и

в другие годы. Специальные комиссии венецианского Сената и заседания генуэзских магистратур собирались для рассмотрения «novitates» в Трапезунде (под этим термином подразумевалась вся совокупность правонарушений, незаконных «новшеств») в 1322, 1342, 1345, 1373, 1407, 1443, 1445, 1446 – 1449, 1455 гг.[56]

По источникам можно проследить типичный вариант развития конфликта: получение известия о неблагоприятном положении дел в фактории – назначение специальной комиссии, в состав которой нередко входили бывшие байло, консулы или послы в Трапезундской империи – поручение вести переговоры и добиться отмены нарушений привилегий или компенсации за ущерб (такое поручение давалось главе фактории или специальному посланнику) – угроза применения санкций, если договоренности достичь не удавалось. В XIV в. такой санкцией обычно была организация карательной военно-морской экспедиции против империи, в XV в. генуэзцы чаще использовали инструмент торговой войны, резко повышая налогообложение трапезундских товаров и купцов и вводя запреты на торговлю в империи Великих Комнинов для своих граждан. Если санкции не помогали, прибегали к эвакуации фактории и затем – военным действиям.

По такой схеме развивался конфликт Венеции с Трапезундской империей в 1374 – 1376 гг. Итогом войны было обычно взаимное возмещение ущерба и назначение репараций с проигравшей стороны, каковой почти всегда оказывалась Трапезундская империя, которая также обязывалась устранить нарушения прав и привилегий итальянских купцов и, иногда вместо репараций, снизить коммеркии. Но, хотя репарации, притом на весьма солидные суммы, включались в условия договоров, добиться их выплаты морским республикам было не просто. В XV в. Трапезундский монарх был хроническим дебитором банка Сан Джорджо именно из-за невыплаты с 1418 по 1458 г. репараций после поражения империи в войне 1415 – 1418 гг.[57]

Было бы, однако, неверно представлять дело так, что обилие конфликтных ситуаций порождалось лишь трапезундской стороной. Генуэзцы и венецианцы не раз допускали фискальные злоупотребления, объявляли репрессалии против подданных трапезундского императора в Каффе и других генуэзских владениях[58], вынашивали планы запрета торговли трапезундских купцов в генуэзских факториях[59], вводили дополнительные налоги на трапезундцев и их товары[60], угрожали покинуть берега Понта, вмешивались в ход внутренней борьбы в

империи[61]. С другой стороны, и генуэзцы, участвовавшие в борьбе партий и группировок в Лигурийской республике или простые дезертиры, служившие на кораблях или в крепостях генуэзской Романии, находили пристанище на территории, принадлежавшей Великим Комнинам[62].

Наибольшей остротой конфликты отличались в начальный период торгово-предпринимательской экспансии итальянцев на Понте, в конце XIII – начале XIV в., и в периоды кризиса торговли, во второй половине XIV – начале XV в. По сути, в первый период шла борьба за установление наиболее благоприятного режима торговли вплоть до закончившихся провалом попыток генуэзцев в 1304 г. добиться отмены коммеркиев, как это имело место в Византии. В периоды же кризиса и Трапезундский фиск, и итальянские торговцы стремились прежде всего к максимальному снижению издержек и потерь, особо ощутимых при резком падении товарооборота и болезненной перестройке структуры торговли. Поэтому с середины XIV в. вновь обостряется борьба за уровень коммеркиев, за сохранность всех наличных капиталов.

Но, несмотря на многочисленные трения, экономические отношения между итальянскими торговыми республиками и Трапезундской империей поддерживались постоянно; в первой половине XIV в. и в 20 – 40-е годы XV в. они достигли высокого уровня.

Итак, система торговых привилегий итальянских морских республик была рассчитана в первую очередь на обеспечение прибыльности и безопасности торговли, но не на установление торговой монополии. Она предусматривала известное сотрудничество итальянского и местного купечества, но с сохранением определенной административной и территориальной обособленности самих итальянских факторий. Она была нацелена на поддержание широкой международной коммерции, но не на внедрение в систему внутреннего товарообмена области Понта. Наконец, права и привилегии генуэзцев и венецианцев подвергались многократным испытаниям, базировались на хрупком фундаменте. Итальянская торгово-предпринимательская деятельность в гораздо большей степени, чем в Крыму или в Византии, контролировалась и регламентировалась местными правителями.

[1] Первая публикация: ВВ. 1991. Т. 51. С. 23 – 31.

[2] См. ниже, гл. 9.

[3] См., например: Archivio di Stato di Venezia(далее – ASV), Senato. Misti (далее: SM), XXXIV, f. 124v – 125r (*Thiriet F* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. P.; La Haye, 1958. T. I. (Далее: Reg.Sen.), N 544): 18/VII 1374; SM, XXXV, f. 38v – 39r (Reg.Sen. N 565): 24/VII 1375; SM, XLII, f, 45v – 48r (Reg.Sen., N 809)): 8/III 1392; SM, XLIII, f, 111v – 112r: 22/II 1396.

[4] В дальнейшем венецианцы добивались также стандартизации мер при взимании трапезундских коммеркиев. После того как в 1366 г. в Трапезунде для взвешивания товаров при определении суммы налога была введена мера названная в источнике gabanum sive pondus, и она оказалась очень выгодной для венецианцев, венецианскому посольству к Алексею III было поручено закрепить ее в качестве постоянной для всех венецианских товаров. Послу на средства коммуны было велено изготовить два модуля gabana для представления Коллегии, главам высших венецианских магистратур и комиссии «мудрых» Сената (см.: SM, XXXII, f. 39r: 6/IV 1367). В дальнейшем, по-видимому, трапезундское правительство не придерживалось в строгости практики взвешивания товаров таким же образом, как в 1366 г., и в проекте постановления Сената от 18 июля 1374 г. послу в Трапезунд предписывалось позаботиться, чтобы «de facto ponderis…quod remaneat in primo statu si facta fuisset aliqua novitas» (SM, XXXIV, f. 124V – 125r). Бывший венецианский байло Николо Марчелло в своем донесении Сенату отметил, что существовала практика, что ежегодно при прибытии венецианских галей в Трапезунд проверялась и утверждалась та мера, которой измеряли товары при взыскании коммеркиев («la stadiera del comerchio sia zustadi»). См.: Archivio di Stalo di Venezia. Senato, Mar (Далее: SMar.), II, f. 94v – 95r: 23/VII 1445.

[5] *Zakythinos D.A.* Le Chrysobulle d'Alexis III Comnène Empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. Paris, 1932. P. 8 – 12.

[6] Ibid., P. 9.

[7] См. об этом: *Карпов С.П.* Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго=Восточного Причерноморья (XIV – середина XV в.) // ВВ. 1986. Т. 47. С. 17 – 23.

[8] *Zakythinos D A.* Le Chrysobulle… P. 31.

[9] Ibid., P. 37.161 – 162.

[10] Ibid., P. 34, ср.: SM, XXXII, f. 39r: 6/IV 1367 (просьба венецианцев, чтобы трапезундский коммеркиарий не был купцом и не занимался торговлей). О генуэзцах на службе в административном аппарате Трапезундской империи см.: *Карпов С.П.* Итальянские "бароны" трапезундских императоров // ВВ. 1996. 56(81) С. 144 – 155.

[11] Diplomatarium Veneto – Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. T. 2: a.1351 – 1454 / ed. R. Predelli. Venetiis, 1899. P. 230.

[12] Ibid., P. 129.

[13] Венецианский караван-сарай серьезно пострадал в ходе нападения туркменов на Трапезунд в 1341 г. В 1367 г. венецианцы получили новый участок территории для поселения и строительства замка на мысе св. Креста. См.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. М,: МГУ, 1981. С. 55 – 63; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. T.1. P. 202 – 203.

[14] Diplomatarium Veneto – Levantinum… T. 2. P. 129, 251.

[15] SM, XXXIV, f.17 v (Reg.Sen., N 510): 5/VII 1372.

[16] *Zakythinos D A.* Le Chrysobulle...P. 9,10,30,34.

[17] *Desimoni C.* Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda // ASLSP. 1877 – 84. T. XIII, fasc. 3. P. 515.

[18] *Bryer A , Winfield D.* The Byzantine Monuments...T.1. P. 195.

[19] *Desimoni C.* Intorno...P. 528, 530.

[20] *Desimoni C.* Intorno...P. 515, 530.

[21] *Desimoni C.* Intorno... P. 516.

[22] *Desimoni C.* Intorno...P. 516, 530.

[23] *Desimoni C.* Intorno...P. 530.

[24] *Desimoni C* Intorno... P. 516.

[25] *Desimoni C.* Intorno... P. 517.

[26] *Desimoni C.* Intorno... P. 517 – 518.

[27] *Boiteux L.A.* La Fortune de mer: le besoin de sécurité et les débuts de l'assurance maritime. Paris, 1968. P. 26 – 28; *Paviot J.* Comment avoir justice des dommages subis en Mer Noire au XVe siècle // Publications du Centre Européen d'Études Bourguignonnes (XIVe-XVIe s.), N 30, 1990, P. 117 – 125; *Талызина А.А.* Неизвестный генуэзский документ 1440 г. о торговой навигации, пиратстве и корсарстве в Восточном Средиземноморье // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 64 – 65.

[28] *Desimoni C.* Intorno... P. 517 – 518.

[29] Например: Archivio di Stato di Genova. Archivio Segreto (далее: AS), 1789, Litterarum, 13, f. 407v – 408v: 27/VI 1449; *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL, 1900. T. VIII, P. 60: 4/VII 1449.

[30] См., например: SM, XLII, f. 47V – 48r: 8/III 1392; f. 69r-v (Reg.Sen., N 818): 4/VII 1392; XLIII, f.122r: 22/II 1396. В последнем постановлении Сената сформулированы требования к условиям торговли в Трапезунде. Они заключались в соблюдении двух принципов: безопасности и выгодности торговли и предоставлении гарантий, их обеспечивавших.

[31] SM, XLIII, f.111v : 22/II 1396.

[32] SM, XLIII, f. 142v: 20/VII 1396.

[33] Например: SM, XLV, f.65r:20/III 1401.

[34] SMar, II, f. 94V – 95r: 23/VII 1445.

[35] *Desimoni C.* Intorno... P. 523 – 524 ; *Pistarino G.* I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 60 – 62, 71 – 73.

[36] *Desimoni C.* Intorno... P. 518.

[37] AS, 1780, Litterarum, 4, f.144r-145v: 19/III 1434.

[38] См. Главу 9.

[39] *Карпов С.П* Трапезундская империя и западноевропейские государства... С. 104.

[40] Il libro dei conti di *Giacomo Badoer* (Constantinopoli, 1436 – 1440) / Testo a cura di *U. Dorini e T. Bertelé.* Roma, 1956 (Il Nuovo Ramusio,Vol. III). P. 309, 372.

[41] ASV, Maggior Consiglio, Magnus, f.15v; *Orlandini G.* Marco Polo e la sua famiglia // Archivio Veneto-Tridentino. 1926. T. IX. P. 14. К 1309 г. Поло получил возмещение едва

на 1000 лир. Так как мы не знаем, какие именно лиры (гроссов, пикколи или др.) имелись в виду, определить долю компенсации затруднительно.

[42] *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289 – 1290. Paris; La Haye, 1973 (далее – LS), N 231 = *Brătianu G.* Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du Treizième siècle (1281 – 1290). Bucarest, 1927 (далее – ANG). P. 233 – 234 : 28/VI 1289.

[43] Например, ограбление купцов в 1313 г. на лигнии Дж. Фатинанти и Дж. ди Кьявари " per ipsum dominum Imperatorem seu quosdam grecos ipsius dominis Imperatoris". См.: *Desimoni C.* Intorno... P. 520. В 1349 г. «франки» в Трапезунде были ограблены и брошены в тюрьму. См.: Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Ekd. *O. Lampsides* // АП. 1958. Т. 22. (далее – Panaretos), Σ. 68.26 – 27. В 1437 г. трапезундские военные суда под командой генуэзца Джироламо ди Негро захватили в порту Вати за пиратские действия нау, зафрахтованную гражданином Каффы генуэзцем Мервальдо Спинола. Судебное дело по этому казусу шло долгие годы. См.: *Карпов С.П.* Итальянские "бароны" трапезундских императоров... С. 150 – 151.

[44] SM. LI, f.121r: 26/IV 1416; SM, LIII, f.60V – 61r: 13/VII 1420.

[45] *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978. T.1. P. 136 – 137.

[46] ASG, San Giorgio, 1231, Caffe massaria ad a.1423 – 24, f. CCVv, CXXXIIv.

[47] Ibid.; ASG, San Giorgio, 1264, f. CCXXVv.

[48] *Desimoni C.* Intorno... P. 522 – 523; *Balard M.* La Romanie...T.1. P. 136.

[49] *Balard M.* La Romanie...T. 2. P. 641; *Balard M.* Péra au XIVe siècle: documents notariés des Archives de Gênes // Les Italiens à Byzance. Paris, 1987. Doc. N 134 – 135. P. 50 : 27/VIII 1390 – мандат на получение от императора суммы ущерба, видимого, давнего происхождения, так как оба потерпевших к моменту выдачи мандата их наследниками уже скончались.

[50] *Desimoni C.* Intorno... P. 528, 531; *Iorga N.* Notes... P. 60; ASG, San Giorgio, 1233, Caffe massaria ad a.1441, f. 45r: 28/VII 1441 (возмещение ущерба трапезундским грекам и генуэзцам из Трапезунда из сумм введенного в Каффе налога (drictus) на торговлю с Трапезундом).

[51] Напр.: SM, XVI, f.68r-v (Reg.Sen., N 52; Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato), Serie 'Mixtorum. Vol. 2: Libri XV – XVI / a cura di *R. Cessi e M. Brunetti*. Venezia, 1961. P. 321 – 323): 18/VI 1334 ((конфискация имущества Ф. Джустиниана за неуплату мессетерии); SM, XLIII, f. 111v: 22/II 1396 (упоминаются «multe manzarie et extorsiones»); AS, 1786. Litterarum, 10, f.429r: 29/V 1441; *Iorga N.* Notes... P. 30: 2/V 1447; *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII – MCCCCLXXV) // ASLSP. 1868. T. VI. P. 542 – 543: 4/III 1456: *Georgii Pachymeris* de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII / rec. I. Bekker. Bonnae, 1835. Vol. 2. P. 448 – 450 (1304 г.).

[52] SM, XXXIV, f. 124v: 18/VII 1374; SM, XLVII, f. 127r: 24/VII 1407; SM, XLV, f.65r: 22/III 1401; SMar, II, f.94v: 23/VII 1445 ; *Клавихо Рюи Гонсалес, де.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403 – 1406 гг. / изд. И.И. Срезневский // Сборник Отделения Русского языка и Словесности Академии наук. 1881. Т. 28.С. 124 – 129. О Каваситах см.: *Beldiceanu N.* Les Qavāzid / Kabazitès à la lumière d'un registre ottoman de Trébizonde // Studia Turcologica memoriae Alexii Bombaci dedicata. Napoli, 1982. P. 41 – 54;

Bryer A "The faithless Kabazitai and Scholarioi" // Maistor, 1984 P. 309 – 327;[repr. in: *Bryer A.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. London, 1988. N VII].

[53] *Карпов С П* Налогообложение...

[54] См.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства... Гл. 2 – 3. О мессетерии и сансерии см.: *Карпов С П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 224 – 235; *Matschke K. – P.* Tore, Torwächter und Torzöllner von Konstantinopel in spätbyzantinischer Zeit // Jahrbuch für Regionalgeschichte. Weimar, 1989. Bd 16/2. S.42 – 44..

[55] SM, XIX, f.25r-v (Reg. Sen., N 110; *Blanc, baron.* Le flotte mercantili dei Veneziani. Venezia, 1896. P. 68 – 69): 5/VII 1340; *Bănescu N.* Archives d'État de Gênes. Officium Provisionis Romaniae // RESEE T. V, N 1 – 2. P. 237: 28/I 1425.

[56] Le Deliberazioni...Vol. I. P. 253: V/ 1322 ; SM, XX, f. 73v (Reg.Sen., N 145): 27/VII 1342; SM. XXIII, f.21r (*Blanc, baron.* Le flotte... P. 125); 2/VII 1345 ; *Balard M.* La Romanie...T.1. P. 88, note 288 ; SM. XLVII, f. 127r: 24/VII 1407; AS. 1788. Litterarum, 12, f. 351v: 15/VI 1443; SMar, II, f. 74r-76v (Reg.Sen., N 2691): 21/V 1445; f. 44v – 95r: 23/VII 1445; f. 94v: 28/VII 1445; *Iorga N.* Notes...P. 29, 30, 60; *Vigna A.* Codice...P. 359. Ср.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства... С. 113 – 116.

[57] См. подробнее: *Karpov S P.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204 – 1461. Roma, 1986. P. 157 – 171. Долг к 1418 г. был определен в 2000 вегет вина и 1600 модиев лесных орехов. В 1458 г. он был приравнен к 17 077 лирам 2 сольди 11 денариям. Передача долга банку Сан Джорджо состоялась в 1420 г.

[58] Gli Statuti della Liguria / Ed. G. Rossi // ASLSP. 1878. T. 14. P. 106 (назначение французской администрацией Генуи специальной комиссии по расследованию законности этих репрессалий в Каффе с правом их отмены).

[59] *Banescu N.* Archives... P. 237: 28/I 1425.

[60] ASG, San Giorgio, 1233, f.45r: 28/VII 1441; *Iorga N.* Notes...P. 59 – 60: 1449.

[61] Например, участие генуэзских кораблей в перевороте 1342 г., приведшем к власти Иоанна III Комнина (см.: *Panaretos,* P. 67.8 – 10). В 1362 г. сын Иоанна III бежал из заточения в Трапезундской империи и нашел прибежище сначала в Каффе, а затем – в Пере. Трапезундское посольство вело переговоры с подеста Перы, чтобы предотвратить опасность обострения гражданской войны в Трапезундской империи (см.: Ibid. P.74.21 – 23; 74.31 – 32). В 1355 г. итальянцы, видимо, генуэзцы, входят в состав отряда императора Алексея III, действовавшего против мятежника великого дуки Схолария, укрывшегося в Керасунте, а затем они же выступают посредниками в мирных переговорах: См.: Ἀνδρέου Λιβαδηνοῦ βίος καὶ ῎εργα / Ekd. *O. Lampsides.* Athenai, 1975. P. 80, 83. О содействии генуэзцев Каффы перевороту Иоанна IV см.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства... С. 108 – 109. Венецианцы не были так активны, как генуэзцы. Однако противники трапезундских василевсов пользовались их галеями, чтобы отправиться в Константинополь, как это сделали Схоларии, Мицоматы и Дораниты в 1341 г. См.: *Panaretos*, P. 67.5 – 6.

[62] См. например: *Georgii et Iohannes Stellae* Annales Genuenses / A cura di G. Petti Balbi // RIS. N. S. 1975. T. 17. Pt 2. P. 340; *Vigna A.* Codice... P. 357.

Глава 9

ВЕНЕЦИАНСКО-ТРАПЕЗУНДСКИЙ КОНФЛИКТ 1374 – 1376 гг. И НЕИЗВЕСТНЫЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1376 г.[1]

История венецианской колонизации Южного Причерноморья и политики Венеции по отношению к Трапезундской империи[2] содержит еще много неясностей. В этой статье мы исследуем один из эпизодов длительной борьбы Республики св. Марка за торговые привилегии в области Понта.

Начало обоснования венецианцев в пределах Трапезундской империи относится к концу XIII в. Юридическое оформление своих прав и условий торговли венецианская фактория в Трапезунде получила в 1319 г. С этого времени и до 1341 г. венецианская коммерция в Трапезунде развивалась по восходящей линии, без существенных спадов и кризисов. Трапезунд, крупнейший торговый и ремесленный центр Черноморья, открывал для итальянских купцов дорогу к богатым городам державы ильханов, прежде всего – к Тавризу и Султании, был важным перевалочным пунктом из Константинополя к Тане, кавказскому побережью, городам Крыма. В известном смысле он вместе с Таной служил для венецианцев определенным противовесом мощной генуэзской крепости Каффе, расположенной на другом берегу «Великого моря». С 1340 по 1355 гг. Трапезунд был ввергнут в пучину гражданской войны[3]. В 1341 г. латинская фактория в городе пострадала от пожара, возникшего в результате нападения туркменов[4]. Хотя венецианцы делали попытки возобновить торговлю с Трапезундом и вновь укрепить там свои позиции в 1344/45 г., регулярные связи оказались прерванными на долгое время, с 1341 по 1364 г.[5] Причинами этого, помимо гражданской войны в Трапезундской империи, были «Черная смерть» 1347 – 1349 гг., война Венеции с Генуей (1350 – 1355),

а также возникавшие из-за феодальной анархии в Восточной Анатолии нарушения торговых коммуникаций с Тавризом (после распада централизованной державы ильханов).

Заинтересованность обеих сторон в возобновлении отношений привела к договорам 1364 и 1367 гг., когда трапезундский император Алексей III (1349 – 1390) своими хрисовулами предоставил венецианцам новый участок для поселения и упорядочил взимание коммеркиев[6]. Однако венецианское правительство по-прежнему добивалось существенного снижения налогов в Трапезунде или их полной отмены. Перед глазами был пример столицы Византийской империи. Политика Алексея III по отношению к венецианцам, напротив, заключалась в создании таких условий, при которых резко увеличился бы объем торговли и поступлений от коммеркиев. Помимо фискальных целей, венецианцы были нужны империи как противовес растущему влиянию на Понте Генуи. Трапезундское правительство стремилось, однако, избежать военного конфликта двух крупнейших морских держав на своей территории, чем объяснялось постоянное выравнивание коммеркиев и стандартизация условий пребывания генуэзцев и венецианцев на Понте[7]. При этом Великие Комнины исходили из представлений о своем верховном суверенитете[8] и, как следствие, в случае финансовой необходимости, подчас не брезговали произвольным повышением коммеркиев. С другой стороны, венецианцы и генуэзцы постоянно искали случая уклониться от уплаты налогов. Борьба за долю прибыли от международной посреднической торговли и нарушения двух сторон были чреваты конфликтами, которых в XIV в. было немало[9].

В 70-е годы XIV в. сказывались жестокие последствия кризиса середины века[10], прибыльность торговли с Востоком падала и борьба за распределение доходов приобретала все большее значение. В 1370 – 1373 гг. имелись большие трудности в сообщении венецианских купцов с Тавризом из-за нестабильности политического положения в Восточной Анатолии, где шла борьба феодальных группировок, и купцы часто подвергались ограблениям. Правитель Северного Ирана, Азербайджана и Ирака хан Увайс I Джалаирид (1356 – 1374) добился расширения своих владений и укрепился в Персии. Он неоднократно обращался к венецианскому байло в Трапезунде, приглашая купцов в Тавриз и гарантируя им безопасность в пути. Венецианский байло же требовал, чтобы сначала был послан персидский караван в Трапезунд, где венецианские купцы уже два года (с 1368 по 1370 г.) ожидали

открытия торговых путей. Во всяком случае, до 1373 г. регулярного сообщения между Трапезундом и городами Западного Ирана не было[11]. Показателем определенного спада торговли было значительное снижение уровня инканти (сумм фрахта) галей, направляемых в Трапезунд[12].

Венецианский Сенат был вынужден жестко ограничить расходы на содержание администрации фактории в Трапезунде. Так например, решением от 15 апреля 1374 г. Сенат сократил наполовину (со 100 до 50 лир гроссов) оклад главы фактории – байло, был редуцирован его штат, 2 советника, состоявшие при байло, лишались ежемесячного денежного содержания. Чтобы как-то компенсировать материальные потери, должностным лицам было разрешено заниматься торговыми операциями наряду с прочими гражданами Республики[13]. В то же время Сенат заботился об укреплении венецианского замка в Трапезунде. В 1368 – 1371 гг. на строительство и ремонт крепости было предназначено 300 соммов. Часть этих денег должны были внести купцы, отправлявшиеся в Трапезунд, часть, по заемному письму, – венецианская администрация Константинополя и Таны из сумм налогов с торговых галей[14]. Эти экстренные меры предпринимались явно в предвидении грядущего столкновения. В 1372 г. уже чувствовалось его приближение. Байло, отправлявшийся через Константинополь в Трапезунд, получил предписание потребовать от Алексея III прекращения придирок и нововведений и уважения венецианских вольностей, полученных по соглашениям 1364 и 1367 гг.[15] Впрочем, в это время Республика еще не желала допускать открытого разрыва, и байло поручалось ежегодно собирать по обычаю Большой совет фактории из всех находившихся в Трапезунде венецианских граждан старше 20 лет для рассмотрения вопроса о дарах императору на сумму не свыше 20 соммов. Возникшие трения, по-видимому, не были урегулированы, и в 1374 г. Сенат вновь обсуждал вопрос о ситуации в Трапезунде.

Список претензий был велик и традиционен: плохое обращение с венецианцами в Трапезунде, нарушение данных им привилегий, нежелание местных властей наказывать жителей за кражи у венецианцев, вымогательство некоего коммеркиария Dossi и его сына (возможно, генуэзцев на трапезундской службе[16]). Купцы (среди которых был и будущий вице-байло Витторе Барбариго) не могли добиться от императора компенсации за причиненный им ущерб. Более того, сам глава фактории, Франческо Джустиниан был оскорблен и

подвергся унижениям, когда попытался добиться справедливости[17]. Сенат обсуждал, какие меры следует предпринять против Великого Комнина, как кажется, с большим жаром. Острота дискуссии проступает во внешне бесстрастной записи выдвигаемых предложений. Некоторые члены заседания поддержали предложение советника Джованни Миани и четырех «мудрых» (*Sapientes Ordinum).* Прежде всего, предлагалось отправить василевсу резкое письмо с заявлением, что Республика не намерена терпеть ущерб и обиды нанесенные ее официальным представителям и гражданам. Прежнему байло в Трапезунде Франческо Джустиниану предписывалось в ультимативной форме потребовать от императора (или замещающих его лиц в случае его отсутствия) полного удовлетворения требований и восстановления всех венецианских привилегий, угрожая в противном случае запретить высадку его преемника и прибывающих для торговли купцов на галее «линии» и произвести эвакуацию фактории. В таком случае всякая торговля венецианских подданных с Трапезундом подлежала строжайшему запрещению под угрозой штрафа на всю сумму заключенных сделок (*sub pena perdendi totum in quo fuerit quomodolibet contrafactum).* Однако большинство Сената не поддержало это предложение, сочтя его слишком радикальным и, быть может, трудно выполнимым. Было принято предложение двух советников: Пьетро Морозини и Бернардо Брагадина и двух «глав» Совета сорока. Новоизбранный байло Андреа Дандоло, после тщательных консультаций в Трапезунде со своим предшественником Франческо Джустинианом должен был предпринять все меры для удовлетворения купцов, а в случае провала этих попыток он должен был от имени всей венецианской коммуны выразить протест императору и предупредить о готовности венецианцев принять необходимые меры в защиту своих граждан[18]. Примечательно, что ни в одном из двух предложений речь о сокращении существующих и признанных договорами торговых коммеркиев не шла.

К февралю 1375 г. вступивший в должность байло Андреа Дандоло сообщил Сенату, что император и его оффициалы произвели лишь частичное погашение ущерба. Сенат решил усилить давление и направил Алексею III письмо с требованием завершить платежи и угрожая применить силу[19].

К этому времени восстановление венецианской крепости в Трапезунде было уже, в основном, завершено и риск нападения на факторию с суши был в значительной мере ослаблен. 24 июля 1375 г. Сенат

постановил послать к Трапезунду вооруженную галеру Гольфа под командой супракомита флота Донато Станерио и торговую галею, вооруженную самой коммуной, во главе с патроном Витале Ландо. Станерио и Ландо предписывалось запретить высадку купцов и экипажа на сушу в Трапезунде до достижения соглашения с императором. Сенат выдвигал следующие требования: 1) компенсация (с процентами) всего ущерба венецианцам, нанесенного как императором, так и его подданными; 2) гарантии всех привилегий и прав венецианцам в Трапезунде; 3) при возможности (по согласованному решению двух командиров судов) могло быть выдвинуто требования погашения расходов на отправку военной галеры. В случае непринятия требований императором в течение трех дней, оффициалам предписывалось заявить энергичный протест и приступить к следующим действиям.

Прежде всего, все жители венецианской фактории должны были быть эвакуированы на галеи в обстановке максимальной секретности. Для охраны крепости должен был быть оставлен некий сер Марко. Очевидно, что число венецианцев (включая и «натурализованных») в тот момент не было велико. После произведения эвакуации галеи должны были приступить к корсарским действиям, нанося ущерб местным жителям *realiter et personaliter* , при этом преследуя особую цель – захвата лиц значительных, *personas notabiles.* Их следовало отвести в Венецию как пленников. Очевидная мера, рассчитанная на то, чтобы вызвать раскол и недовольство в трапезундской элите, совсем недавно еще участвовавшей в гражданской войне. Менее знатных людей можно было отпускать за выкуп или просто так, если то были бедняки. В постановлении подчеркивалось, что ущерб надо наносить лишь подданным императору, но «никаким другим людям», если только они не препятствовали действиям венецианцев. Прежде всего это ограничение касалось генуэзцев, с которыми Республика св. Марка тогда стремилась сохранить мирные отношения. Все захваченное имущество предписывалось отвезти в Венецию или продать. И если, после этого император не сдастся и не удовлетворит требования венецианцев, капитаны должны были направить корабли к родным берегам. Такой проект в любом случае не сулил близкого и прочного мира и был очевидно рискованным. Фактически одобрялось решение, отвергнутое как слишком радикальное 18 июля 1374 г. Возможно, в ходе обсуждения было понято, что сил для осуществления столь дерзкой операции недостаточно и в конце заседания Сенат принял

поправку, обязывающую командиров судов не прибегать к насилию, но лишь эвакуировать венецианских купцов из Трапезунда в Константинополь, согласовывая действия с трапезундским байло через его письма в Константинополь и завершив операцию за 12 – 15 дней[20].

Экспедиция состоялась. В постановлении Сената от 15 ноября 1375 были упомянуты возвращавшиеся из Трапезунда Витале Ландо и Андреа Дандоло (*qui venerunt Venetias de partibus Trapesunde*[21]). Но по тем или иным причинам предприятие не достигло своей цели. Фактория не была эвакуирована и в Трапезунде остался вице-байло Витторе Барбариго, чьим должником, как мы знаем, был и сам василевс[22].

13 ноября 1375 г. Сенат составил специальную комиссию, включив 15 числа в ее состав Ландо и Дандоло, а также бывшего посла в Константинополе Андреа Градениго для детально рассмотрения ситуации[23]. В постановлениях Сената явственно прослеживается нарастание влияния сторонников наиболее жестких мер. 12 марта 1376 г. Сенат решил прибегнуть к открытому военному вмешательству. Для руководства операцией был назначен известный флотоводец, Генеральный капитан Моря Марко Джустиниан да Сан Поло и два провведитора Романии Пьетро Корнер (Корнаро) и Марино Мемо. Силы экспедиции составляли десять хорошо вооруженных галер, шесть из которых направлялись непосредственно против Трапезунда. В предшествующих конфликтах с Великими Комнинами число посылавшихся судов не превышало двух-трех, из которых одно-два были собственно военными галерами. Поход готовился и политически. Венецианцы решили использовать сомнительные по легитимности претензии на Трапезундский престол сына византийского василевса Иоанна V Палеолога Михаила (уже безуспешно пытавшегося в 1373 г. добиться престола), равно как и более очевидные притязания того же рода Андроника Комнина, возможно, сына свергнутого ранее Иоанна III, бежавшего в Галату В пользу Михаила Палеолога действовал его тесть – правитель подунайских областей, враг генуэзцев и союзник венецианцев деспот Добротица[24]. Переговоры о выборе более подходящего кандидата предполагалось вести в Константинополе. Оттуда же Джустиниану предстояло начать и другую дипломатическую миссию: переговоры с султаном Мурадом, которые могли быть отложены, если бы действовать в Трапезунде надо было быстрее и решительнее[25]. Таким образом, Трапезундская империя стояла перед

лицом коалиции трех держав во главе с Венецией, которая и являлась главной военной силой.

Проект, ограничивавшийся требованием возмещения убытков на сумму не менее 800 соммов, был сразу отвергнут в Сенате. Посылая крупные морские силы, решили кардинальным образом изменить ситуацию в Трапезунде по отношению к венецианцам и превратить город в оплот против Генуи в тот момент, когда противоборство с ней вступало в новую фазу. Для достижения этих целей ставилась задача низложения Алексея III и замены его одним из претендентов на Трапезундский трон. Перед претендентом ставился ряд условий. Достигнув власти, он должен был компенсировать венецианцам все расходы. Торговые коммеркии, уплачиваемые в Трапезунде, подлежали снижению с 4 до 2%, в два раза по сравнению с нормами, установленными хрисовулом 1367 г., а не с произвольными нарушениями таксации. По ходу дела капитан и провведиторы Романии могли выдвигать дополнительные требования[26].

Отправка венецианских галер из Константинополя должна была произойти в глубокой тайне, чтобы ни чужой корабль, ни гонец не смогли прибыть в Трапезунд раньше них. При осуществлении переворота предполагалось срочно укрепить венецианскую крепость и усилить ее охрану на случай внезапного нападения. Решением Сената руководителям похода была предоставлена экстраординарная власть над венецианской администрацией и всей факторией в Трапезунде.

Итак, экспедицию подготовили до мелочей, выделенные силы представляли собой мощный боевой флот, материальная, политическая и идеологическая основа для успешных действий была налицо. Наличие «законных» претендентов на трапезундскую корону облегчало для венецианцев достижение соглашения в самом Трапезунде с местной феодальной знатью, еще недавно бунтовавшей против императоров. Важной опорой в самом городе была венецианская фактория с ее крепостью. И все же Сенат учитывал возможность неудачи и возникновения препятствий: 1) сопротивление местного населения и отказ его принять одного из претендентов в качестве государя; 2) невозможность или нежелание самих претендентов участвовать в экспедиции; 3) изменение положения дел в Трапезунде. В двух первых случаях капитан и провведиторы должны были добиваться удовлетворения от самого Алексея III, а при его отказе – начать военные действия и нападать на Трапезунд и другие населенные пункты империи, на суда в портах и в открытом море, захватывая как можно

больше кораблей и ценностей, но не рискуя без нужды вверенными им людьми. Для экспедиции был предусмотрен максимальный срок в 15 – 20 дней (по сравнению с 12 – 15 днями по плану 1375 г.). Капитан и провведиторы имели возможность действовать по собственному усмотрению в рамках данных инструкций, если в пути или в Константинополе они получили бы сведения об изменении положения в Трапезунде. Под этим изменением, вероятно, подразумевалось достижение соглашения между Алексеем III и венецианской факторией либо укрепление позиций трапезундской стороны (например, вследствие заключения союза с Генуей или турками).

Один из «мудрых», Фантино Аримондо, предлагал еще более дерзкий план: если положение в Трапезунде будет неустойчивым, то самим венецианцам следует искать соглашения с местными «баронами» и брать власть в свои руки, назначив венецианского «ректора». Проект был отклонен, но он отражал стремление группы венецианского нобилитета превратить Трапезунд в территорию прямого управления, подобно областям венецианской Романии. Равным образом не получил одобрения и план предоставить трапезундскому императору срок до шести месяцев для возобновления договора с Венецией и возмещения убытков. Было решено не допускать промедления, действовать быстро и эффективно.

В Венецианском государственном архиве нам удалось обнаружить еще один, не замеченный исследователями документ, относящийся к этим событиям. Речь идет об официальном поручении (синдикате) трем руководителям экспедиции. Документ датирован 12 марта 1376 г. и дан от лица высших органов Республики – Сената, Малого Совета, Совета Сорока (Кварантии) и Дзонты. В нем вовсе не упомянута военная акция и начальствующим лицам предписывается разрешить кризис путем мирных переговоров с императором и его администрацией. Марку Джустиниану и провведиторам даны полномочия заключить договор по их разумению в соответствии с ситуацией в Трапезунде. Выдвинуто лишь одно непременное условие для него: полная компенсация всех потерь, ущерба и нарушения прав венецианцев[27]. Умеренность «Синдиката» и его несоответствие решениям Сената не могут не удивлять. Вероятно, объяснением этому может быть лишь то, что этот документ выдавался для публичного предъявления официальным лицам на пути следования флота, в то время как истинное предписание и намерения хранились в тайне. И все же «Синдикат» обнаруживает,

что мирные переговоры и достижение соглашения рассматривались как первый шаг.

Сам ход событий не нашел отражения в источниках, и мы не знаем, как проходила экспедиция. «Трапезундская хроника» Михаила Панарета, как правило, внимательная ко всем крупным военным столкновениям, не упоминает о конфликте. По мнению Н. Йорги, экспедиция не состоялась вовсе из-за угрозы со стороны генуэзцев[28]. О том, что она имела место не писал никто из исследователей истории Трапезундской империи. Тем не менее мы пришли к заключению, что поход флота состоялся и увенчался успехом.

5 июня 1376 г., обсуждая возможность отправки традиционного вояжа торговых галей в Тану и Трапезунд, Сенат решает отложить решение относительно Трапезунда до 17 июля, в ожидании новостей оттуда[29]. К 24 июля эти новости были получены, и Сенат пригласил Пьетро Корнера и Марино Мемо на свои заседания и установил жалование для вице-байло в Трапезунде Витторе Барбариго в 30 лир гроссов в год[30]. В постановлении Сената от 28 июля 1376 г. есть уже и прямое указание на то, что в Трапезунде был заключен договор. В нем говорится: «Так как господин император Трапезунда своим письмом и *через наших провведиторов* настоятельно умоляет нас, чтобы мы, имея сострадание к нему и его империи, отпустили ему долг 8 тыс. дукатов, которые причитаются нам *в связи с расходами на галеры*, принято решение, чтобы из милости к нему была отпущена половина указанного долга и, сверх того, чтобы ему были добровольно возвращены его драгоценности (iocale), которые переданы в руки сера Витторио Барбадиго (Барбариго. – С. К.), вице-байло трапезундского. И так нам посоветовали наши вышеуказанные провведиторы»[31]. Постановление утверждает условия примирения, достигнутого именно провведиторами Романии. Таким образом, последние выполнили данное им поручение и побывали в Трапезунде. Кроме того, из текста постановления следует, что расходы на посылку галер были сделаны. Уплата 8 тыс. дукатов, возмещение ущерба и передача залога в качестве гарантии соблюдения договора предусматривались известным нам поручением Сената от 12 марта 1376 г. Прецедент передачи венецианцам в залог драгоценностей хорошо известен: с 1343 г. в сокровищнице собора св. Марка были коронные драгоценности византийских василевсов, переданные в залог за долг в 30 тыс. дукатов Анной Савойской и Иоанном V и так никогда и не возвращенные[32].

Итак, можно сделать выводы, что: 1) венецианская экспедиция состоялась, 2) военные действия в широких масштабах не велись, 3) свергнуть Алексея Ш не удалось, 4) император принял ряд условий венецианцев и согласился возместить ущерб и расходы по снаряжению галер, в подтверждение чего передал в залог свои драгоценности венецианскому вице-байло. Уступчивости Венеции способствовала сложная международная ситуация. В Константинополе велись переговоры о передаче Венеции по договору острова Тенедос. При неуступчивости Иоанна V и его сына и соправителя Мануила инструкции Марко Джустиниана, как мы помним, предусматривали переговоры с султаном Мурадом с целью устройства венецианской фактории на турецкой территории, а также предъявления ультиматума византийским правителям. Военно-морская демонстрация, тем самым, была направлена не только против Трапезунда, но и против Византии. Византия уступила. Но в дело скоро вмешался и генуэзский фактор. При содействии генуэзцев в июле 1376 г. из заточения в Перу бежал другой сын императора Иоанна, мятежный Андроник IV. В августе он уже утвердился на троне и передал Тенедос своим покровителям-генуэзцам. События развивались стремительно. Договор в Трапезунде был подписан, очевидно до переворота на берегах Босфора. Но горячее дыхание нового, несравнимо более опасного, конфликта несомненно ощущалось командирами флота, да и Сенатом. Именно он и привел к кровавой Кьоджской войне между Генуей и Венецией (1376 – 1381) после занятия Тенедоса флотом того Джустиниана в октябре 1376 г.[33]

Нам представляется, однако, что мы располагаем и самим текстом договора 1376 г., оформленным по традициям Византии и Трапезундской империи в форме хрисовула. Это – тот самый хрисовул, который ранее относили к 1391 или 1395 гг. Документ дошел в переводе на диалетто, без вступительной и заключительной частей (протокола и эсхатокола), без prooimion'a и narratio, в составе VIII книги фонда Commemoriali[34]. Как в тексте сохранившегося оригинала, так и в копии XVII в. дата отсутствует. Издавая регесты этого фонда, Р. Пределли отнес документ к 1395 г. (со знаком вопроса)[35]. Затем, публикуя документ целиком, он датировал его 11 апреля 1391 г.[36], сославшись на работу К. Марина, ранее первым издававшего выдержки из хрисовула[37]. При этом Пределли не упомянул, что в самом кодексе не содержится даты, как утверждал в свое время Марин[38]. С тех пор хрисовул в научной литературе долгое время датировали 1391 г.[39]

Между тем, в 8 книге *Commemoriali* даты не содержится. В то же время, с 1389 по 1395 г. регулярная навигация венецианских судов в Трапезунд отсутствовала[40]. Хрисовул 1396 г. был издан для ее возобновления[41]. Сомнительно, чтобы в 1391 г., когда прямые связи с Венецией были прерваны и посольство в Трапезунд не направлялось, был издан хрисовул, содержавший самые крупные уступки во взимании коммеркия за весь период XIV – XV вв. Еще удивительнее тот факт, что Венеция никак не откликнулась на столь выгодные пожалования, а через пять лет стала добиваться для возобновления навигации того, что уже получила. Возникает также вопрос: почему при одном и том же императоре Мануиле III (1390 – 1416) в нарушение обычной практики спустя всего пять лет после предшествующего пожалования, был издан новый хрисовул, повторявший все условия предыдущего без существенных изменений?

Обратимся к заглавиям, которые предпосланы в картулярии *Commemoriali* так называемому хрисовулу 1391 г. и документу 1396 г. В первом случае значится: « Pactum Trapesunde. – Exemplo de parte de uno crusouuolo, lo qual lasa li nobeli homini misier Marco Zustignan, capitanio general e misier Piero Corner, e misier Marin Memo, provvededori al viazo di Trapesunda». Во втором: «Copia crisobolli obtenti a domino imperatore Trapesunde… per nobilem virum Jacobum Gussoni, honorabilem ambassiatorem et baiulum Trapesunde pro franchisiis nostrorum…». Различия существенны. В первом хрисовуле речь идет о договоре сторон (pactum), во втором – о вотировании привилегий в виде императорской милости.

Хрисовул 1396 г. предоставлялся почетному посольству и, как следует далее из текста документа, в ответ на просьбу дожа. В заглавии, предпосланном первому хрисовулу, названы имена Генерального капитана Моря Марко Джустиниана и двух провведиторов Пьетро Корнера и Марино Мемо – тех самых руководителей похода 1376 г. Имеется и еще одно существенное основание для отнесения этого документа к 1376 г.: хрисовулом удовлетворялось требование Сената, сформулированное в решении от 12 марта 1376 г. – снижение коммеркия вдвое (или с 4 до 2 процентов)[42]. Редукция коммеркиев было главным условием примирения сторон в 1376 г. Эта была самая крупная уступка Великих Комнинов Венеции за весь период их правления. Именно поэтому Республика св. Марка не стала настаивать на завершении всех выплат и простила Алексею III часть репараций.

Экспедиция 1376 г. увенчалась для Венеции значительным успехом. Вместе с тем и Трапезундская империя смогла избежать неминуемого в тех условиях поражения от превосходящих сил противника. Трудность совершения нового династического переворота показала, что последствия феодальной анархии середины XIV в. были ликвидированы.

Венеция пошла на быстрый и выгодный мир, учитывая нарастание угрозы со стороны своей лигурийской соперницы и обострение ситуации в Византии. Уже одновременно с решением от 26 июля 1376 г., утвердившим мирный договор с Трапезундской империей, Сенат рассматривал вопрос о маневрах генуэзского флота в районах Романии[43]. Нападения генуэзских галер на венецианские суда происходили во всем Восточном Средиземноморье. Капитан венецианских «галер Моря» получил от Сената приказ сопровождать все венецианские торговые суда до Негропонта и даже до Константинополя[44]. Разразившаяся Кьоджская война (1376 – 1381), а затем сокращение объема восточной торговли через Трапезунд помешали венецианцам воспользоваться плодами одержанной ими победы до конца XIV в., когда Мануил III хрисовулом 1396 г. подтвердил благоприятные условия деятельности венецианской фактории на Понте.

[1] Статья опубликована в «Византийском Временнике», Т. 39. М.,1978. С. 102 – 109 и, ее версия, на английском языке в журнале Ἀρχεῖον Πόντου. 1979. Т. 35. P. 290 – 298. Для настоящего издания сделаны изменения и немногочисленные уточнения, учитывающие публикации последних лет.

[2] См. подробнее: *Nystazopoulou – Pélékidis M* Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle // Thesaurismata. 1970. Vol. 7. P. 15 – 51; *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. М,: МГУ, 1981; *Karpov S.P* L' impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204 – 1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986.

[3] *Bryer A.* Byzantium and the Pontos during the 'Time of Troubles' (1332 – 63) //Acts. XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: main and communications. Moscow, 1991. Vol. 1: History. Shepherdstown, 1996. P. 93 – 105.

[4] Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Ekd. *O. Lampsides* // ΑΠ. 1958. Т. 22. (далее – Panaretos), P. 66.5 – 10; Ἀνδρέου Λιβαδηνοῦ βίος καὶ ἔργα / Ekd. *O. Lampsides.* Athenai, 1975. P. 65 – 67, 97 – 100.

[5] *Karpov S.P.* L' impero di Trebisonda… P.82 – 87.

[6] *Zakythinos D.A.* Le Chrysobulle d'Alexis III Comnène Empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. Paris, 1932; Diplomatarium Veneto – Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. T. 2: a.1351 – 1454 / ed. R. Predelli. Venetiis, 1899. (далее – Dipl. Ven. – Lev .) P. 126 – 129.

[7] *Karpov S.P.* Il Problema delle tasse doganali nei rapporti tra Venezia e Trebisonda (XIV – prima metà del XV secolo) // Rivista di Studi Bizantini e Slavi. (1983). T. III. Bologna, 1984. P. 161 – 171.

[8] Императоры требовали и внешних форм его признания. В 1372 г., например, Алексей III потребовал, чтобы трапезундский стяг развивался над венецианской факторией рядом со знаменем св. Марка; см.: Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, reg. 34, (далее – ASV, SM, 34).f. 17 v. Краткая регеста документа: *Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris – La Haye. 1958. T. I. (далее-Reg. Sen.), № 510: 5/VII 1372.

[9] *Karpov S.P.* L' impero di Trebisonda... P. 80 – 104.

[10] См. *Карпов С.П.* Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220 – 238.

[11] См.: Dipl. Ven. – Lev., t. II, p. 158 – 159 (1370 г.), 163 (1372 или 1373 г.).

[12] См.: *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII – XV вв. М.,1994. С. 72.

[13] ASV, SM, 34, f.98v (Reg.Sen., N 535).

[14] *Karpov S.P.* L' impero di Trebisonda... P.91 – 92, 128.

[15] ASV, SM, 34, f. 17v (Reg.Sen., N 510): 5/VII 1372.

[16] О других примерах этого см.: *Карпов С.П.* Итальянские "бароны" трапезундских императоров // ВВ. 1996. 56(81) С. 144 – 155.

[17] ASV, SM, 34, f. 124v (Reg. Sen., N 544): 18/ VII 1374; ibid., f.127r : 27/VII 1374.

[18] ASV, SM, 34, f. 124V – 125r.

[19] ASV, SM, 34, f. 164r (Reg. Sen., N 553): 15/II 1375.

[20] ASV, SM, 35, f.38V – 39v (Reg. Sen., N 565): 24/VII 1375.

[21] ASV, SM, 35, f.72r.

[22] ASV, SM, 35, f.92v: 11/III 1376.

[23] ASV, SM, 35, f.69v, 72r (Reg. Sen., N 567).

[24] *Iorga N.* La Politique Vénitienne dans les eaux de la Mer Noire // Académie Roumaine. Bulletin de la Section Historique. 1914. An.2.,N 2 – 4. P. 289 – 307; *Мутафчиев П.* Избрани произведения, т. 2. София, 1973, с. 104 – 119; Stefănencu St. Byzanz und die Dobrudscha in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts. Die Bildung des Feudalstaates Dobrudscha // Byzantinistische Beiträge. Berlin, 1964. S. 239 – 252; *Alexandrescu-Derca Bulgaru M. – M* La seigneurie de Dobrotiči, fief de Byzance // Actes du XIVe Congrès Int. des Études Byzantines. Bucureşti, 1975. Vol. 2. P. 13 – 20; *Наумов Е.П.* Из истории Болгарского Причерноморья в конце XIV века // Bulgarian Historical Review. 1976. N 1. P. 47 – 59; *Eskenasy V.* Notes concernant l'histoire di littoral ouest de la Mer Noire. Dobrotitch et ses relations avec Gênes // Revue Roumaine d'histoire. 1982. N 2. P. 239 – 256; *Тодорова Е.* Отношенията на Добротица с генуезците // Средновековна България и Черноморието. Варна, 1982. С. 111 – 118; *Билярски И.* Деспот Йоан Тертер (40 – те – 90 – те години XIV столетие) // Исторически Преглед. 1992. № 10. С. 3 – 23; См. также выше, Главу 3; *Гюзелев В.* Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII – началато на XV век). София, 1995. С. 62 – 66.

[25] ASV, SM, 35, f. 99v (Reg. Sen., N 575): 12/III 1375.

[26] ASV. SM. 35, f. 100V – 102r. (Reg. Sen., N 576). Публикация постановления: *Iorga N.* Veneţia in Marea Neagră // Analele Academiei Române. Ser. II.T. XXXVI: Memorile Sec. istorice. 1914. P. 1058 – 1062. Об экспедиции есть сообщение также в венецианской

Хронике Джанджакопо Карольдо, где даже сказано, что среди прочих галей флота было два буцентавра (один – для Марко Джустиниана, другой – для провведиторов). См. публикацию фрагментов: *Chrysostomides J.* Studies on the Chronicle of Caroldo with special reference to the history of Byzantium from 1370 to 1377 // OCP. 1969. T. 35. P. 164 – 166. Ср.: *Iorga N.* La Politique Vénitienne...

[27] ASV, Senato, Sindicati, Reg. I, f.129.

[28] *Iorga N* La Politique Vénitienne...P.300.

[29] ASV, SM. 35, f.114v (Reg. Sen., N 579).

[30] ASV, SM. 35, f.125V – 126r.

[31] ASV, SM. 35, f.128r (частичная публикация постановления: *Iorga N* Veneţia... P.1063).

[32] См.: *Nicol D.M.* The last centuries of Byzantium, 1261 – 1453. 2nd ed. Cambridge, 1993. P.272 – 273; *idem.* Byzantium and Venice. A study in diplomatic and cultural relations. Cambridge,1988. P. 259 – 260, 296 – 316.

[33] *Nicol D.M.* Byzantium and Venice... P.311 – 316; *Origone S.* Bisanzio e Genova. Genova, 1992.P.153; *Радић Радивој.* Време Јована V Палеолога (1332 – 1391). Београд, 1993. С. 383 – 392.

[34] ASV, Commemoriali, reg.8, origin., f.193v; copia, f. 494r-495r.

[35] I Libri Commemoriali della Repubblica di Venezia. Regesti / a cura di *R. Predelli.* Venezia, 1883. T. 3. P. 226. N 419.

[36] Dipl. Ven. – Lev .T. 2. P. 229 – 230. N 136.

[37] *Marin Carlo Antonio* Storia civile e politica del commercio de' Veneziani. Venezia, 1800. Vol. VI. P. 275 – 277.

[38] *Marin Carlo Antonio.* Storia.. Vol. VI. P. 275: "...accenno un nuovo patto concluso con l'imperatore de Trebisonda nel 1391 a'11 Aprile che si legge nel Volume VIII Commem."

[39] *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Paris, 1885 – 86. T. 2. P. 361 – 362; *Silberschmidt M.* Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajezid I, Ungarn und Genua und zum Reiche von Kiptschak (1381 – 1400). Leipzig; Berlin, 1923. S.142; *Miller W.* Trebizond. The Last Greek Empire. London, 1926. P. 68, 77; *Bryer A.* The Latins in the Euxine // XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. P. 15; 21.

[40] См. *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов... С 59 – 72.

[41] Dipl. Ven. – Lev .T. 2. P. 250 – 251. № 145.

[42] См. об изменении величин коммеркиев: *Карпов С.П.* Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго=Восточного Причерноморья (XIV – середина XV в.) // ВВ. 1986. Т. 47. С. 17 – 23; *idem. Karpov S.P.* Il Problema delle tasse doganali...

[43] *Iorga N.* Veneţia... P.1063.

[44] ASV, SM, 35, f.127r (Reg. Sen., N 581).

Глава 10

ГЕНУЭЗСКИЙ НОТАРИЙ В ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ: GUIRARDO DI SAN DONATO (К ОПЫТУ РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИВОВ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ ГОРОДОВ)[1]

Документы, составленные непосредственно в городах Причерноморья итальянскими нотариями весьма редки в большой массе нотариальных минут и картуляриев, хранящихся в Генуэзском и Венецианском государственных архивах. Мне известны, например, подлинные документы лишь 5 генуэзских[2] и 6 венецианских[3] нотариев, работавших в Трапезунде. Между тем, очевидно, что значительная торговая активность итальянских факторий Причерноморья нуждалась в развитом делопроизводстве, ибо все сколько-нибудь значимые сделки неминуемо оформлялись либо нотариальными актами, либо – позднее и реже – частными записями (аподиксиями) и банковскими документами[4].

К счастью, во многих случаях существует возможность частичной реконструкции несохранившихся или пока не обнаруженных актов итальянских нотариев, работавших в Византии и Причерноморье. Такую возможность создает обычай цитирования нотариями актов, на основании которых производились регистрируемые ими правовые действия. Способ этих ссылок варьирует в разных документах. Иногда нотарий точно указывает имя составителя цитируемого акта, его дату и место, чаще – два первых компонента или только имя с пропуском даты или оставлением места для нее (нередко так и остававшегося пустым пробелом в рукописи). И все же совокупный анализ всего картулярия позволяет зачастую не только оценить деятельность нотария, который производил записи, но и реконструировать работу его коллег, иногда отдаленную несколькими годами или даже десятилетиями. По

косвенным показателям мы можем составить довольно ясное и точное представление о месте и масштабах деятельности цитируемых нотариев. В виде примера мы останавливаемся ниже на одном из таких случаев.

Картулярии генуэзского нотария Ламберто ди Самбучето, составленные в Каффе в 1289 – 1290 гг. хорошо известны исследователям, благодаря публикациям Г. Брэтиану и М. Балара[5]. Среди актов многих нотариев, на чьи документы ссылался Самбучето, есть имя Гирардо ди Сан-Донато. Патроним de Sancto Donato встречается во многих генуэзских документах. Первоначально он означал, вероятно, топоним, указывающий на происхождение, но постепенно все более и более стал восприниматься как фамильное имя.[6] Почти никогда Самбучето не называет прямо места составления актов Гирардо. Локализация не была предложена и современными исследователями.

Ламберто ди Самбучето упоминает 13 актов Гирардо ди Сан-Донато с 13/II 1288 по 8/V 1290. В ряде случаев разрыв в датах между актами ди Сан-Донато и актами Ламберто ди Самбучето, который их цитирует, не превышает нескольких недель[7]. Это сразу же наводит на мысль о том, что ди Сан-Донато вел делопроизводство в Причерноморье, относительно недалеко от Каффы.

Самый ранний документ, составленный Гирардо, оформлял обязательство по поставке 1000 кантаров квасцов Колонии (Шебин Карахиссар) в Каффу. Контракт был составлен от имени Джорджо Дориа, получателями выступали Паолино Дориа и Франческо Ursetus. Позднее, 22 июня 1289 г., прокураторы Паолино Дориа на основании этого документа дали поручение на взыскание 500 кантаров квасцов[8]. Нам известно, что квасцы Колонии вывозились главным образом через порты Трапезундской империи – Керасунт и Трапезунд[9]. Кроме того, упомянутый в акте Паолино Дориа в другом документе назван бывшим генуэзским консулом именно в Трапезунде[10]. 12 июля 1289 он назначает своим прокуратором там Оберто Узо ди Маре. И вновь нотарием, составившим этот документ, был Гирардо ди Сан-Донато[11].8 мая 1290 Гирардо оформляет обязательство Поло (Паолино) Дориа поставить 50 кантаров квасцов из Трапезунда в Каффу. Позднее Ламберто ди Самбучето выдал квитанцию об исполнении контракта[12]. Таким образом, есть все основания полагать, что эти три акта ди Сан-Донато были составлены в Трапезундской империи.

Ряд цитируемых актов Гирардо ди Сан-Донато может быть отнесен к Трапезундской империи на основании упоминаний расчетов в местной монете – аспрах комнинатах[13]. Кроме этого, для атрибуции есть и иные основания. 14 февраля 1289 уже известный нам как прокуратор трапезундского консула Паолино Дориа Оберто Узо ди Маре дал взаймы Ланфранко ди Изола и Гульельмо Рабино 300 аспров комнинатов[14]. Пребывание и финансовые операции Оберто в Трапезунде подтверждаются другими актами[15]. Он с 1288 выполнял коммерческие поручения знаменитых предпринимателей, стремившихся монополизировать торговлю квасцами, братьев Бенедетто и Мануеле Дзаккариа[16], явно оставаясь членом трапезундской общины генуэзцев. В Каффе он не присутствовал, поручая представлять свои интересы Андреа Маргоне[17]. Поручение взыскать другой долг в аспрах комнинатах[18] было дано Николо Alpanus'y. На прямую связь Alpanus'a с Трапезундом указывают акты Самбучето с обязательствами Николо по коммендам в этом городе[19], а также данное этому купцу поручение получить компенсацию за ущерб с коммеркиариев Трапезундской империи[20].

Один из нотариальных актов Гирардо ди Сан-Донато оформлял долг Симоне из Сан-Ремо в аспрах барикатах (монете Каффы)[21]. Однако, то, что мы знаем о предпринимательской деятельности Симоне показывает его участие в торговле в Трапезунде. Он являлся получателем комменды в аспрах комнинатах от торговавшего в Трапезунде Буонсеньоре Каффараино[22], за аспры комнинаты продал тому же купцу в Каффе принадлежавшую ему часть корабля[23], вместе с братом и с тем же Каффараино фрахтовал судно для доставки соли из Чиприко в Трапезунд[24]и затем должен был продавать там этот товар[25]. Симоне был прокуратором Каффараино и получил от Паскуале ди Пьяццалунга причитающуюся ему по приговору бывшего консула в Трапезунде Паолино Дориа сумму штрафа в 100 аспров комнинатов[26]. Таким образом, есть основание отнести и составление акта Гирардо ди Сан-Донато, упоминаемого в LS,N 34 также к Трапезунду.

Примерно в то же время Гирардо составляет акт о создании торгового общества (societas) между Филиппо Мальфанте, Бенедетто и Мануеле Дзаккариа, Паолино и Андриоло ди Негро. Самбучето зарегистрирует потом погашение долга Мальфанте (15000 аспров комнинатов) сделанного в Трапезунде от имени общества[27]. Мы имеем таким образом, свидетельство операций societas в Трапезунде и с

большей долей вероятности относим и акт создания общества к тому же городу.

Другой акт создания общества, составленный Гирардо, не имеет столь же прямых оснований для атрибуции[28]. Однако косвенным указанием на связь с Трапезундом является то, что вскоре один из двух контрагентов общества, Джованнино Грилло, фрахтовал корабль для торговли осетрами из Таны в Трапезунде и Симиссо[29].

Наконец, еще один из актов Гирардо оформляет контракт комменды на 4500 турецких аспров с расчетом по комменде в Каффе[30]. Документ относится к Южному Причерноморью, но возможно и к Трапезундской империи, где монета ильханов или тюркских эмиратов Анатолии могла быть в обращении[31].

Таким образом, 11 из 13 актов Гирардо ди Сан-Донато можно с уверенностью отнести к Трапезунду или Трапезундской империи, 1 – к Южному Причерноморью (турецкие аспры), один[32], оформляющий заем братьев Дзаккариа на 522 перпера не содержит данных для атрибуции. Однако упомянутый в нем Оберто Узо ди Маре, прокуратор Дзаккариа, как мы видели, занимался предпринимательством в Трапезунде.

Мы восстанавливаем тем самым "досье" из 13 актов, принадлежащих самому раннему из ныне известных генуэзских нотариев, работавших в Трапезунде с возможными выездами в другие города империи Великих Комнинов.

[1] Первая публикация: ВО. 1996. С. 169 – 173.

[2] 1) Francesco da Silva, [1315, 20 актов] – Archivio di Stato di Genova (далее-ANG), Notai antichi, cart. N 194. f.128 – 162; 2) Filippo Fasceto di Rapallo [1315] – ASG, Notai antichi, cart. N 209, f.156v – 157r (корабельные нотарии, составляли акты также в г. Симиссо в январе-марте 1315). См.: *Assini A.* Un notaio genovese in viaggio nel Mar Nero // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991.Т. 1. С. 72 – 73; 3) Benedictus Aicardo – [1341]: Archivio di Stato di Venezia (далее-ASV), Commemoriali, III, f.188v, Allegato A-B (регесты – I Libri Commemoriali della Repubblica di Venezia. Regesti / a cura di R. Predelli. Venezia, 1878. T. 2, N 530). Акты этого нотария, составленные в Трапезунде, упоминаются также в: *Balbi G., Raiteri S.* Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Bordighera, 1973, NN 1, 2, 51; 4)Antonio de Regorezo – [1444 – 45]: ASG, MS 105, f.105r-108r; 5) Pasquale *de Cucurno* [1473]: ASG, Notai, 944, not. Domenico Alsario.

[3] Andreas Masulo [1320] : Diplomatarium Veneto – Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. T. 1: a.1300 – 1350 / ed. G.M. Thomas. Venetiis, 1880 , N 83 – 84; Severus, presbiter S.Marcialis (16/IX 1334): ASV, Procuratori di S.Marco, De ultra,167, perg.208; ASV, Cancelleria Inferior, Gabriele di S. Bartholomeo [1371 – 72]; публикация 6 из 11 актов Габриеле ди Сан-Бартоломео: *Manussacas M. О* ποιητής Λεονάρδος Ντελλαπόρτας διερμηνέας του βενετού βαΐλου στην Τραπεζούντα (1371 – 1372)

// Thesaurisamata. 1991. T. 21. P. 9 – 22; Vettore Scalipero [1383]: ASV, CI, Notai, 189.5; *Moretto Bon,* notaio in Venezia, Trebisonda e Tana (1403 – 1408) / a cura di S. de'Colli. Venezia, 1963 [1404 – 05]; ASV, Cancelleria Inferior. Notai, 132.6: Nicolo di S. Silvestro [1411– 13].

[4] См., напр.: *Costamagna G* Il notaio a Genova tra prestigio e potere. Roma, 1970; idem. Studi di paleografia e diplomatica Roma, 1972; *Costamagna G.,Maira M., Saginati L.* Saggi di manuali e cartolati notarili genovesi (secc. XIII e XIV). Roma, 1960; *Vitale V.* I notai genovesi del medioevo. Genova, 1955; *Pistarino G.* La "Romania" e il "Mare Maius" nelle fonti medievali genovesi // idem. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 7 – 84; *Tiepolo M.F.* Fonti archivistiche meno note sui rapporti tra Venezia e le regioni del Mar Nero // Byzantino-Bulgarica, 1981. T. VIII. P. 99 – 102; Esempi di scritture dei secoli XII – XVIII / a cura di *M.F. Tiepolo, P. Scarpa.* Tipologie di documenti dei secoli IX – XVI / a cura di *G. Migliardi O'Riordan.* Atlante documentario, con la collaborazione di M. Baroni. Venezia, 1991.

[5] *Bratianu G.* Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du Treizième siècle (1281 – 1290). Bucarest, 1927 (далее – ANG); *Balard M.* Gênes et l'Outremer. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289 – 1290. Paris; La Haye, 1973 (далее – LS).

[6] См.: *Basso E.* Le relazioni fra Genova e gli Stati Latini di Grecia nei secoli XIII – XIV // Studi Balcanici pubblicati all'occasione del VI Congresso int. dell'Association Int. d' études sud-est Européennes (AIESEE).Sofia, 30.08 – 5.09 1989 / a cura di F. Guida, L. Valmarin. Roma, 1989. P. 23.

[7] LS, NN 323 – 324 – ANG, P. 255 – 256, N 349: 1/VIII – 16/VIII 1289; LS, N 327 – ANG, N 365: 12/VII – 16/VIII 1289; LS, N 813: 8/V – 28/VII 1290.

[8] LS, N 200 – ANG, N 302. Акт от 22/VI 1289 с упоминанием акта Гирардо ди Сан-Донато от 13/II 1288 (далее упоминаемые в картуляриях Ламберто ди Самбучето акты Гирардо ди Сан-Донато цитируются как ГСД с соотв. датами).

[9] *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 134 – 141.

[10] LS, N 850: 3/VIII 1290.

[11] ANG, N 365 – LS, N 327: 16/VIII 1289 , ГСД, 12/VII 1289.

[12] LS, N 813: 28/VII 1290 , ГСД, 8/V 1290.

[13] LS, N 104 – ANG, N 239: 28/V 1289, ГСД, 14/II 1289; LS,N 122 – ANG, N 246: 6/VI 1289, ГСД-без указ. даты; LS, N 235 – ANG, N 309: 29/VI 1289, ГСД-без указ. даты; LS, N 608 и 665: 7,19/VI 1290, ГСД, 14/II 1289; LS, N 731: 11/VII 1290, ГСД, 7/I 1290.

[14] LS, N 104 – ANG, N 239.

[15] LS, N 245 – ANG, N 315: 1/VII 1289.

[16] См. о них: *Lopez R.* Genova marinara nel Duecento. Benedetto Zaccaria, ammiraglio e mercante. Milano, 1933. 290 P.; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978. T. I. P. 53 – 54, T. II. 525 – 531; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики...С.136 – 139, 270.

[17] LS. N 104; 245; 323 – 324: 16/VIII 1289, ГСД,1/VIII 1289.

[18] LS, N 235 – ANG, N 309.

[19] LS, NN 87, 221, 222, 229.

[20] LS, N 231 – ANG, P. 233 – 234: 28/VI 1289.

[21] LS, N 34 – ANG, N 195: 2/V 1289, ГСД, 2/VI 1289 (видимо, ошибочно, вместо 2/IV).

[22] LS, N 49 – ANG, N 206.

[23] LS, N 422.

[24] LS, N 586: 30/V 1290.
[25] LS, N 618: 8/VI 1290.
[26] LS, N 850: 3/VIII 1290.
[27] LS, N 166 – ANG. N 275: 9/VI 1289, ГСД, 3/IV 1289.
[28] LS, N 679: 21/VI 1290, ГСД – 1290 г.
[29] LS, N 903: 17/VIII 1290.
[30] LS, N 541 – ANG, N 434: 23/V 1290, ГСД – дата не указана.
[31] См., напр.: *Bratianu G.* Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929. N IV – *Balletto L.* Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Laiazzo da Federico di Piazzalunga (1274) e Pietro di Bargone (1277, 1279) Genova, 1989 [Collana Storica di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino, 53]. N 112: 25/VII 1274 (аспры солданини в трапезундской Ватице), *Desimoni C.* I conti dell'ambasciata al Chan di Persia nel MCCXCII // ASLSP. 1879. T. XIII. P. 614: 12/X 1292 (платеж в Трапезунде тавризскими безантами).
[32] LS,N 323 – 324 – ANG, N 363, P. 255 – 256: 16/VIII 1289, ГСД, 1/VIII 1289.

Глава 11

МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ. КРИЗИС СЕРЕДИНЫ XIV в.: НЕДООЦЕНЕННЫЙ ПОВОРОТ?[1]

Проблема кризиса XIV в. много и плодотворно обсуждалась историками западноевропейского средневековья. В нем видели и закат феодальной формации, и ее первый кризис, и структурный слом, и феодальную реакцию, и демографическую катастрофу[2]. Наиболее яркими проявлениями европейского кризиса XIV в. считались демографические катастрофы (вызванные голодом и эпидемиями), резкое сокращение феодальной ренты, закрытие прежних торговых путей, дефицит торгового баланса Европы со странами Востока, упадок некоторых важных отраслей ремесленного производства и земледелия, рост стоимости труда, банкротство крупнейших банков, нарастание социальных и политических противоречий, бунтов и восстаний. Р. Фоссье назвал это ухудшением конъюнктуры и перегревом экономики, ее неспособностью удовлетворять возросшие потребности общества[3]. Кризис ощущался по-иному в разных географических областях, но повсеместно в Западной Европе привел к определенному нарушению стабильности[4]. Его влияние было столь глубоко, что он вызвал даже временный упадок и смену парадигм изобразительного искусства в ведущих его центрах Италии, Сьене и Флоренции[5]. Ф. Бродель писал: «...не будем искать мелких объяснений закрытию около 1350 г. великого пути через Монголию....Нарушение этой связи следует отнести на счет огромного упадка середины XIV в. Ибо пришло в упадок все сразу, как на Западе, так и в монгольском Китае»[6]. Глубокое, но брошенное попутно замечание великого мастера все еще нуждается и в развитии, и в уточнениях.

В 1978 г. Марко Тангерони и Лилиа ди Неро, суммируя долгие дебаты, сформулировали вопрос: был ли европейский кризис XIV в. всеобщим и структурным, или же локальным и обусловленным особой ситуацией, хотя и с глубокими и многообразными последствиями? Был ли он в действительности апокалиптическим концом средневековья[7] или же отправной точкой экономической реконверсии Европы?[8] Означало ли его наступление начало экономического упадка целых регионов, например, Северной Италии?[9] Особенностью подхода к вопросу о кризисе была тенденция рассматривать его в рамках истории всего XIV в. или даже двух веков – XIV и XV, без выявления достаточно яркого и очевидного слома, произошедшего в середине XIV столетия.[10]
В своем более конкретном и специальном исследовании кризиса Б. Кедар утверждал, что «в первые декады XIV столетия торговая экспансия европейского средневековья достигла своего пика; позднее в XIV в. западноевропейская торговля впала в состояние депрессии». Кедар объяснял это двумя главными причинами: упадком татаро-монгольских империй в Азии с разрывом прямых контактов между Европой и Восточной Азией, произошедшим около 1345, и «Черной смертью» 1347 – 1350 гг.[11] Но, возможно, кризис имел более сложное происхождение и был результатом многих политических, экономических, социальных[12] и даже психологических факторов, порождая l'image de décadance et de dépression, следуя выражению Ж. Эрса[13]. Б. Кедар с большим успехом исследовал проблему влияния кризиса на сам дух предпринимательства, но нам еще предстоит понять обратную связь: как эта перемена и, шире, социальная атмосфера, способствовали его зарождению и углублению?

Намного меньше проблема кризиса привлекала к себе внимание византинистов и историков Латинской Романии[14]. Казалось, что объяснения причинами евразийского масштаба очевидного упадка империи излишнее и не слишком плодотворное занятие. Но даже беглый взгляд на ход истории Византии в эпоху Палеологов, в том числе и на развитие ее культуры, обнаруживает разительное отличие первой трети XIV в. от последующего времени. Можно ли искать объяснения этому лишь внутри самой Византии (что, естественно, правомерно, но достаточно ли?). Ведь именно сейчас мы, кажется, приблизились к пониманию того, что в ту эпоху Византия развивалась в рамках новой экономической

системы, охватывавшей все Средиземноморье и в значительной мере созданной и контролируемой итальянскими морскими республиками, Венецией и Генуей[15]. Замечая, что как в Византии, так и в средиземноморских городах Италии тенденции предкапиталистического развития не реализовались, А.П. Каждан справедливо утверждает, что связь этого явления с кризисом и депрессией середины XIV в. для Византии трудно проследить по источникам[16].

Торговля в Восточном Средиземноморье, включая и понтийские берега, переживала расцвет в 1320 – 1330-е гг. Но она гораздо менее отражена в сохранившихся документах, чем коммерческие операции конца XIV – XV вв., лучше представленные в богатейших фондах как Венецианского, так и Генуэзского государственных архивов. Ряд исследователей недавно предпринял усилия, чтобы исправить эту, искаженную состоянием источников, картину как в отношении собственно предпринимательской деятельности[17], так и с точки зрения обеспечения торговли транспортными средствами[18]. И все же не легко понять, сколь глубоко было воздействие кризиса, сколь сильно отличалась вся хозяйственная ситуация в Восточном Средиземноморье в начале и в конце XIV в. Мои рассуждения на эту тему будут затрагивать прежде всего Причерноморье, которое было составной частью обширного Южного торгового региона Европы.

Но начнем с более общих явлений. Социальная нестабильность в Европе, завершившаяся чередой восстаний, переворотов, еретических движений и первой общеевропейской – Столетней – войной, имела свой восточный фон. Возможно, наступавшую стагнацию Генуя ощутила раньше Венеции, с конца 1320-х гг.[19] Но морская торговля сокращалась медленно и, вероятно, в 20-х – начале 40-х гг. XIV в. спад еще не затронул коммерции с городами Эгеиды и Причерноморья[20].

Равным образом, и признаки отрицательных демографических тенденций в средневековой Европе стали намечаться ранее, в первые десятилетия XIV в., а к 40 – м годам они были уже выражены[21]. По образному выражению Ле Гоффа «демографическая кривая склонилась и поползла вниз»[22]. И все же первым подлинным бедствием, пришедшим с Востока, стала пандемия чумы, многократно усилившая все неблагоприятные тенденции[23]. В 1345 – 1346 гг. чума достигла Сарая и Хаджитархана

(Астрахани), в 1346 г. – Грузии, в начале 1347 г. – Таны и Каффы, весной 1347 г. – Константинополя, в сентябре 1347 и весной 1348 г. – Трапезунда. С 1348 г. чума распространилась по всей Европе. Вторая волна чумы, на сей раз – бубонной, пошла в обратном направлении, из Италии (1360 – 1361) на Восток, поразив берега Черного моря в 1362 – 1363 гг. и вызвав там огромные опустошения.[24] И ранее 1348 г., и, особенно, позднее, чума в Европе вспыхивала часто, болезнь была эндемической. Но две указанные пандемии были катастрофическими по последствиям. Распространению первой волны чумы способствовал неурожай, вызвавший голод в Италии. Острая нужда в зерне побуждала итальянские морские республики вывозить его из Северного Причерноморья, несмотря на ранее введенное эмбарго на торговлю с Золотой Ордой, и в то время, когда там уже распространялось заболевание[25]. Цикл «неурожай – эпидемия – неурожай», прослеженный Р. Романо[26], отчетливо виден в нашем случае. Острая нехватка зерна ощущалась и в Романии, и на всех Балканах с 1343 г., когда Золотая Орда вступила в конфликт с генуэзскими и венецианскими факториями Причерноморья. Плодородные земли Фракии и Македонии пострадали от гражданских войн в Византии и не могли восполнить потерь от эмбарго[27]. Проблемы с хлебом были остры в 1343 – 1348 гг. повсюду от Понта до Италии. В это же время, в результате восстания в Задаре и вмешательства венгерского короля Лайоша, после кровопролитной войны, каждый месяц которой обходился республике, по замечанию очевидца, от 40 до 60 тысяч дукатов[28], Венеция потеряла этот крупный Адриатический порт. В Венеции крупнейшее за ее историю разрушительное землетрясение 25 января 1348 г. нанесло огромный ущерб и именно с этого момента хронисты отсчитывали начало пандемии в городе[29]. Все это усугубило бедствия республики, но, возможно, вместе с потерями от чумы, отсрочило ее конфликт с Генуей, готовый разразиться в любую минуту. Все меры государства предотвратить распространение чумы не имели успеха[30]. Они запоздали. Возможно, Венеция платила свою цену за зерно из зараженных областей Черного моря.

Все средневековые историки северо-итальянских городов обнаруживают редкое единодушие в объяснении происхождения эпидемии из partes Aquilonaris, татарских владений, и Причерноморья[31]. Последствия чумы были таковы. Население

Венеции сократилось, по разным оценкам, от 100 – 120 тысяч жителей в 1338 – 1348 гг. до 38 – 70 тысяч после эпидемии; население Генуи с 1341 по 1350 г. – на 40%[32]. Столь значительная убыль населения означала, что ни Венеция, ни Генуя не могли обеспечивать сколь – ни будь значительную эмиграцию своих жителей в области Романии.

В Византии период 1321 – 1354 гг. называют эпохой гражданских войн. Пик междоусобиц пришелся на 1341 – 1347 гг. В династическую борьбу попеременно включались правители Эпира, Болгарии, Сербии, турецких эмиратов, албанские вожди, Генуя и Венеция, иоанниты Родоса. Фактически внутренний династический конфликт был быстро «интернационализирован» и превратился в борьбу за дальнейший раздел Византии. Кризис был усилен широким участием в нем городского (восстание зилотов в Фессалонике, выступления в Константинополе) и сельского населения, религиозными распрями сторонников и противников исихастского учения Григория Паламы. В 1348 – 1349 гг. империя потерпела поражение от генуэзцев, в 1350 г. – от сербов. В 1350 – 1352 гг. она была втянута в международный конфликт между Венецией и Генуей, в то время как турецкая угроза нарастала, а империя теряла один город за другим[33]. В 1340 – 1355 гг. гражданские войны разразились также и в Трапезундской империи, приводя к значительному перераспределению фонда крупной земельной собственности. Почти ежегодные смены правительства в Трапезунде происходили с 1337 по 1355 гг.[34] В 1341 и 1348 гг. Трапезунд осаждался тюркменами. Часть города, включая венецианский караван-сарай, была сожжена в 1341 г. В 1348 – 1349 гг. Трапезундская империя вела войну с генуэзцами, потерпела поражение, и на этот раз жертвой огня стал второй по значению город империи – Керасунт[35]. В 1348 – 1363 венецианская торговля в Трапезунде почти прекратилась, не стало и венецианской фактории[36]. Генуэзская торговля на Понте также была сведена к минимуму в 1350-е гг.

Опустошительные тюркские набеги на византийскую территорию, предшествовавшие завоеванию, приводили к опустошению целых областей Малой Азии и Балкан. Распространялись экстенсивные формы хозяйства, происходила номадизация земель, постепенно переходивших в руки османов. Все это было сопряжено с серьезными демографическими переменами в

регионе, и этот процесс обострился именно в середине XIV в., в годы кризиса[37].

Еще ранее распад Монгольской империи во главе с великими ханами положил конец дальним путешествиям итальянских купцов в Китай и Индию (вспомним Марко Поло!) и поставил этих купцов во все большую зависимость от их мусульманских посредников и контрагентов, особенно в Сирии и Египте, значение которых возрастало, по сравнению с Причерноморьем[38]. С 1345 г. происходит окончательная репатриация итальянских купцов из Китая.[39] Основная торговая магистраль, соединявшая Трапезунд с Тавризом, перестала быть безопасной еще ранее, с конца 30-х гг. XIV в.[40] Смерть ильхана Абу Саида в 1335 г. и последнего из могущественных правителей Улуса Джучи, Бердибека, в 1359 г. открыли период смут в государстве ильханов и в Золотой Орде[41]. В 1355 – 1358 гг. оба татаро-монгольских государства вели тяжелую борьбу за власть над Кавказом и Восточным Средиземноморьем, косвенно облегчая успех натиска молодого османского эмирата на Запад. Еще в 1340 и 1342 гг. власти Генуи пытались запретить своим гражданам посещать Персию. Запреты не исполнялись купцами со всей строгостью, но все же наносили большой урон казне ильханов, получавшей значительные прибыли от налогов на торговлю. В 1344 г. послы ильхана Аль Ашрафа обещали сохранять мир и возместить все убытки, нанесенные генуэзцам в Иране. Генуя сняла эмбарго, но почти сразу вслед за этим первый же караван генуэзских купцов был ограблен, купцы истреблены, а материальные потери составили 200000 лир гроссов[42]. С 1344 г. генуэзская фактория в Тавризе прекращает свое существование. Венецианцы свернули торговлю в Тавризе еще ранее, в 1338 г., и, таким образом, не понесли столь же тяжелого урона[43]. С 1347 по 1363 г. венецианцы покинули и Трапезунд, пытаясь заместить его факторией в Тане (Азове) или в Провато (бухта Двуякорная в Крыму), опираясь на договор с правителем Крыма Рамаданом (1356) и на полученный ими в 1358 г. ярлык от хана Бердибека[44]. Намерение обосноваться в Провато, вблизи генуэзской Каффы, закончилась неудачей как из-за очевидного сопротивления генуэзцев, так и из-за последующих смут в Орде. Но и ситуация в Тане была более, чем сложной.

Генуя издавна стремилась к тому, чтобы не допускать навигацию в Тану венецианских или любых иных западноевропейских судов[45]. Devetum Tane как принцип обоснования особых, монопольных прав Генуи в Причерноморье или, тем более, в замкнутом бассейне

Азовского моря, всегда встречал сопротивление Венеции. Лишь на короткие периоды, вызванные кризисами в отношениях с татарами, или как мера вынужденного и краткосрочного компромисса, Венеция иногда соглашалась на взаимный запрет как для нее, так и для Генуи, осуществлять навигацию к устью Дона. Генуэзцы же стремились увековечить ситуацию с запретом посещения Таны, которая сложилась после 1343 г., когда Тана была взята татарами и обе морские державы подписали договор не плавать в Азовское море, обеспечивая морскую блокаду Золотой Орды. Временный и конъюнктурный союз двух республик в 1345 – 1347 гг. преследовал именно эту цель: предотвращения торговли с территориями Улуса Джучи[46]. Мир с Ордой Генуя и Венеция, тем не менее, подписали сепаратно в 1347 г. Он не решил проблем генуэзско-венецианского соперничества и не разделил сферы интересов морских республик в Причерноморье. Новая война между Венецией и Генуей началась в 1350 г. именно как результат разногласий по поводу принципа devetum Tane. Вскоре она приобрела международный характер, вовлекая Арагон, Золотую Орду[47] и Византию на стороне Венеции, Венгрию и османов – на стороне Генуи.

«Кризис Таны» 1343 – 1347 гг. «совпал» по времени с банкротством двух крупнейших итальянских торговых домов: Перуцци (1343) и Барди (1346), с катастрофическими последствиями для многих участников и контрагентов[48]. Следствием была и известная дестабилизация итальянской коммерческой деятельности в разных районах Средиземноморья. За банкротствами Барди и Перуцци последовал крах многих других процветавших незадолго перед этим банков и компаний, в первую очередь – флорентийских: Аччайуоли и Бонаккорси, Корсини и Уццано...

Все эти беды происходили в рамках достаточно сжатого периода времени. Действительно, является ли простым совпадением то, что смуты в монгольских империях, Столетняя война, гражданские войны и религиозные споры в византийском мире, кровавые конфликты Генуи и Венеции, финансовые катаклизмы в Италии начались почти одновременно, порождая цепную реакцию и быстро «интернационализируясь»? Случайно ли, что крах мировых империй Востока, первая общеевропейская война и невиданная пандемия совпали по времени? Что борьба за ренту и за доходы от налогов до крайности обострила социальные противоречия от берегов Ла-Манша до берегов Понта? Или, быть может, самые великие совпадения в истории и есть самые взаимосвязанные и подготовленные всем ее

ходом, а их непонимание во всей комплексности скорее вина историков, готовых отказаться от поисков более глубоких и универсальных закономерностей истории?

Для конкретного анализа последствий кризиса на локальном материале вернемся к Причерноморью.

Столкновение между «латинянами» и татарами в 1343 г., имевшее следствием изгнание венецианцев и генуэзцев из Таны ханом Джанибеком – признанное начало кризиса в Восточном Средиземноморье. В начале XIV в. Тана стала главным терминалом трансазиатского торгового пути, где сухопутные караваны из Азии встречались с морскими – из Италии и Романии. В экспорте Таны преобладали дорогие восточные товары: специи, жемчуг, шелк, хлопок, меха, драгоценности...[49]

Торговый, демографический и политический кризис 1340-х гг. больно ударил по Тане. После разрушения татарами итальянских факторий в 1343 г., она была под «запретом» для посещения гражданами морских республик (devetum на поездки туда был введен как Генуей, так и Венецией), а когда после договоров была открыта вновь и отстроена венецианцами и генуэзцами в 1360-х гг., она представляла совсем иную картину. Во второй половине века среди экспортируемых из нее товаров преобладали местные товары, а не предметы «дальней» торговли, хотя шелк, хлопок-сырец и специи продолжали вывозить оттуда, но во все меньших объемах и, главное, нерегулярно. Во времена смут возросло значение работорговли. В XV в. Тана превращалась во все более важный центр не только торговли икрой и «красной» рыбой, но и рыбных промыслов, со знаменитыми частными тонями – «пескьерами», описанными Иосафатом Барбаро[50]. С 1420-х гг. она лучше «вписывалась» в местную экономику и вела товарообмен со своей ближней аграрной полукочевой периферией. Но, окруженная новыми стенами и валами, как бы ощетинившаяся на соседей, поведение которых часто было трудно предсказать, она все меньше напоминала важный центр международной посреднической торговли, прежний караван-сарай Запада и Востока.

Есть несколько возможностей приблизительной оценки объема товарооборота Таны в разные периоды. Разумеется, все они весьма относительны, и опосредованно отражают действительность. Первый способ основан на анализе нотариальных документов и торговых договоров. Второй – на оценке стоимости грузов,

привозимых венецианскими галеями из Таны и Трапезунда. Третий – на оценке сумм, полученных от взимания налогов с торговых сделок (если известны ставки налогов). Четвертый – на изучении данных о торговых потерях и исках купцов по их компенсации. Я приведу примеры каждого из указанных вариантов оценки.

По 58 контрактам комменды и соглашений о создании торговых обществ типа societas, оформленным в Каффе нотарием Ламберто ди Самбучето в 1289 – 1290 гг., общая сумма инвестиций в торговлю между Каффой и Таной составила 340354 аспров (или 6981.42 – 7480.1 дукатов)[51]. Перед нами картулярии лишь одного каффинского нотария, дошедшие до нас. Но сколько нотариев одновременно работало в Каффе, чьи акты не сохранились или пока не выявлены? Мне удалось установить по ссылкам в картуляриях Самбучето имена 22 нотариев, работавших в Каффе в 1289 – 1290 гг. Даже если каждый из них составил половину того числа, что Самбучето, инвестиции генуэзцев в торговлю между Каффой и Таной равнялись бы в среднем 77000 дукатам. Но то был лишь начальный период истории Таны, лишь одно, хотя и очень важное направление ее торговли, и лишь один, хотя и наиболее важный, тип контрактов. Мы расцениваем поэтому полученные цифры как самую минимальную экспертную оценку.

В 1332 г. венецианский консул в Тане получил 200 венецианских лир или 2000 дукатов с условием возвратить кредит в течение двух лет. Он должен был получить средства от специального полупроцентного налога на сделки торгующих в Тане купцов. Это означало, что Сенат оценивал весь товарооборот венецианской фактории в Тане около 200000 дукатов в год[52]. Для сравнения укажем, что объем товарооборота венецианской фактории в Трапезунде в 1320 г., сосчитанный на основании данных о собранных байло налогах, равнялся 250635 дукатам (или 56 665.2 соммам). В 1330-х гг. Генуя, важнейший торговый центр Средиземноморья, имела товарооборот лишь в 4 раза превосходивший тот, что был в Тане, и в 3.3 раза тот, что был в венецианской фактории Трапезунда: 1 389 600 лир или 818937.6 дукатов[53].

Но в 1441 генуэзцы могли собирать в Трапезунде как поступления от однопроцентного торгового налога (drictus) лишь 14 000 аспров или 69.3 соммов в год. Следовательно, объем

товарооборота генуэзской фактории составлял 6930 соммов или был в 8 раз ниже того, который был в венецианской фактории Трапезунда в 1320 г.[54]

Право собирать генуэзские налоги в факториях обычно заранее продавалось на специальных аукционах откупщикам (appaltatori). Цены, вносимые откупщиками по результатам торгов, были, как правило, на 10 – 20 % ниже оценочной суммы объема налогов. В 1423 г. коммеркий Таны на срок в 3 года и 7 месяцев был продан за 10706 аспров. Ставка коммеркия составляла 1/4 %, так что минимальная оценка годового товарооборота составляет 1173260.27 аспров или 20583.51 дукатов[55]. В 1426 г. аукцион с теми же условиями дал сумму 10100 за 3 года[56]. Следовательно, общий минимум товарооборота равнялся 1346666.67 аспрам или 23625.73 дукатов в год – небольшой рост, по сравнению с 1423 г. И все же налоги отражают достаточно низкие показатели, объяснимые недавними разграблениями Таны татарскими набегами.

В 1343 г. потери венецианцев, вызванные конфликтом с татарами и изгнанием их из Таны Джанибеком, оценивались современным флорентийским хронистом Джованни Виллани в 300 000 дукатов, а генуэзцев – в 350 тысяч. Последующие венецианские историки еще более увеличили эту оценку – до 400 тысяч дукатов в случае венецианцев (Джованни Бембо, в 1536 г.)[57]. Венецианцы и другие «латиняне» смогли спасти часть своего имущества, погрузив его на борт 10 галей, стоявших близ Таны в то время[58]. И все же потери были впечатляющими, хотя они и не отражают во всем объеме величину их инвестиций.

К счастью, мы располагаем возможностью проверки реалистичности оценок средневековых историков, обратившись к документальному материалу. Лишь один из генуэзских купцов в Тане, Бальдасаре Адорно, потерпел урон на 75 соммов или 375 дукатов. Компания из 6 купцов – 251,84 соммов или 1259.2 дукатов. Однако, указанная компания инвестировала в торговлю в Тане 40228 дукатов. И если один генуэзский купец потерял, по нашим подсчетам, в среднем около 272.37 дукатов (доля потерь составляла от 25% до 75 % от инвестированного капитала), общие потери 350 тысячи дукатов затронули бы около 1285 лиц. Это, однако, не число купцов, физически присутствовавших в Тане, ибо каждый из торговавших там представлял интересы от 3 до 8 компаньонов. Цифры хронистов, тем самым, не представляются сильно

преувеличенными. Заявленные в купеческих петициях суммы потерь инвестиций, измеряемые тысячами соммов (каждый из которых составлял более 200 гр. серебра) выглядят весьма значительными[59].

События 1343 г. проявили также факты торгового сотрудничества между итальянцами и татарами. Не только одни венецианцы понесли потери. В их руках оказалось имущество «сарацинов», их бывших партнеров. Часть этого имущества татар было привезено в Венецию, и Сенат предписал купцам, имевшим деньги или товары сарацинов, передать их официалам по делам торговли. В 1349 г., когда договор с Джанибеком был подписан, а татары не потребовали компенсаций, Сенат распорядился распределить это имущество между теми венецианцами, кто мог подтвердить свои потери в Тане в 1343 г. Собранные средства не составляли очень больших сумм. Они равнялись 3700 дукатам. Выплаты производили экстраординарии[60]. Но во внимание принимались заявления лишь тех венецианцев, чей урон превышал 1000 дукатов[61]. Конечно, это была частичная компенсация.

Потери венецианской Таны от разграбления ее Тамерланом в 1395 г. оценивались в 100 000 дукатов[62]. Неожиданный татарский набег в 1410 г., когда Тана едва оправилась от предыдущего разгрома, нанес ущерб в 120 000 дукатов[63]. Новый набег Керимберди в 1418 г., с полным разрушением поселения и тотальным грабежом собственности, причинил ущерб не более, чем в 60 000 дукатов[64]. Мы видим, таким образом, сокращение сумм добычи, отражающее и общий упадок торговли Таны с середины XIV в. до 1410-х гг., несмотря на героические усилия венецианцев сохранить факторию и каждый раз отстраивать ее после набегов. Вероятно, набег 1418 г. был последним из имевших успех предприятий такого рода. С тех пор венецианцы (как и генуэзцы) построили новые, гораздо более мощные укрепления, а новые правители Орды и Крымского ханства осознали, что доход от торговли мог принести больше поступлений в их казну, нежели уничтожение факторий.

Долговременные тенденции изменения объемов товарооборота отражены в количестве грузов, перевозимых венецианскими торговыми галеями. В 1320 – 1340-х гг. от 10 до 6 галей (средний показатель – 7,6) посылалось из Венеции в Романию – Причерноморье. Они могли перевозить (и часто действительно это делали) до 2280 тонн грузов.

В 1356 – 1399 гг. средний показатель числа галей, посылаемых в Тану и Трапезунд, сократился до 3,6 судов, а в первой половине XV в. – до 2.8 «больших» галей. Они могли транспортировать не более 900 тонн грузов туда обратно[65]. Объем перевозок сократился, таким образом, в 2.53 раза. Разумеется, на торговых галеях «линии» перевозились в первую очередь предметы роскоши, дорогостоящие товары и, иногда – рабы. Полученные цифры, вместе с другими показателями состояния навигации, собранными Б. Думером, Д. Штэкле и автором этих строк[66], показывают постепенную стагнацию венецианской торговой навигации «линии» в Романии после середины 1340-х гг.

Военный флот Венеции также испытывал глубокий кризис после двух войн, 1350 – 1355 и 1378 – 1381 гг. Знаменитая патрульная флотилия Адриатики (Гольфа) была сокращена с десятка до 4 – 5 галей, что способствовало усилению каталанского и турецкого пиратства в Эгеиде. К. Манфрони утверждал, что последствия морского кризиса ощущались Венецией вплоть до 1416 г., когда война с османами настоятельно потребовала реорганизовать флот[67].

Кризис особенно больно затронул торговлю шелком итальянских республик с Китаем через земли «Кипчака» и через империю ильханов. Удивленные этим современники, как Джованни Виллани, например, отмечали, что война в Крыму и дальнейшие смуты фактически удвоили цены на шелк в Италии. Возможно, как замечает Р. Лопец, не только смуты, но и инфляция китайских бумажных денег имела значение. Все же в середине XIV в. торговля испытала очевидный шок[68].

Постепенно торговля в Восточном Средиземноморье становилась делом профессиональных предпринимателей, а не простых инвесторов капитала. Регион разделился на меньшие сегменты, лучше связанные с местной экономикой, и итальянские купцы все больше ориентировались на местные, а не на транзитные товары. «Большая» торговля частично переместилась из Причерноморья в сторону Северной Африки, Египта, позднее – Нового Света. Снижение инвестиций в торговлю с Причерноморьем частично компенсировалось усилением сотрудничества итальянцев с местным населением, прежде всего – греками и армянами.

Одновременно в мусульманских странах нарастала религиозная нетерпимость, что способствовало упадку католического миссионерства в Золотой Орде и на Ближнем Востоке. После «Черной смерти» доминиканские миссии в Персии также прекратили свое существование[69]. В Крыму и на Понте францисканцы и доминиканцы

устраивали свои монастыри почти исключительно в итальянских факториях.

Таким образом, региональные кризисы совпадали с глобальным кризисом и поддерживали его. Трагизм ситуации заключался в том, что около 1350 г. экономический упадок и социально-политическая дестабилизация затронули одновременно территории Евразии от находившегося под властью монголов Китая до Атлантики. Но если Запад все же оставался на периферии этого кризиса, если на Западе Европы он «быстро окупился перестройкой экономической и социальной карты христианского мира»[70], Причерноморье, Византия и Латинская Романия были в его эпицентре. К тому же они были самым слабым звеном цепи, соединявшей Европу и Восток. Не удивительно, что именно это звено и было окончательно сломано.

Таблица.
Косвенные показатели объема товарооборота в Тане (1289–1463 гг.)

Дата	Объем (в дукатах)	Принадлежность.	Вид оценки
1289/90	77000	ГЕН.	Контракты комменды
1332	200000	ВЕН.	налоги
1343	300000	ВЕН.	коммерческие потери
1343	350000	ГЕН..	коммерческие потери
1395	185000	ВЕН.	Суммы фрахта
1395	100000	ВЕН.	коммерческие потери
1404	125000	ВЕН.	Суммы фрахта
1410	120000	ВЕН.	коммерческие потери
1418	60000	ВЕН.	коммерческие

			потери
1423	20853	ГЕН.	налоги
1426	23626	ГЕН.	налоги
1463	56000	ГЕН.	налоги

[1] Первая публикация: Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220 – 238.

[2] *Барг М.А.* О так называемом "кризисе феодализма" в XIV – XV вв. // *Барг М.А.* Проблемы социальной истории в освещении западной медиевистики. М., 1973. С. 175 – 216; *Cherubini G.* La "crisi del Trecento". Bilancio e prospettive di ricerche // Studi Storici. 1974, N 3. P. 660 – 670; *Котельникова Л.А.* Аграрная история Италии XIV – XV вв. в современной западной медиевистике и концепция "кризиса" // СВ. 1976. Т. 40. С. 218 – 233; *Гутнова Е.В.* Влияние экономической эволюции на изменения в социальной иерархии в Англии XIV – XV вв. // СВ. 1983. Т. 46. С. 27 – 52; *Wolff Ph.* Automne du Moyen âge ou printemps des temps nouveaux?: L'économie européenne aux XIVe et XVe siècles. Paris 1986.

[3] *Fossier R.* Le moyen âge. T. 3: Le temps des crises 1250 – 1520. Paris, 1983. P. 46 – 48.

[4] *Perroy E.* Les crises du XIVe siècle // Annales ESC. 1949. N 2. P. 167 – 182; *Romano R.* Tra due crisi. L'Italia del Rinascimento. Torino, 1976, P. 13 – 34; *Müller A.F.,von* Zwischen "Krise" und Krisen: Italiens Gesellschaft um 1400 // Europa 1400. Die Krise des Spätmittelalters / hrsg. von F.Seibt, W.Eberhard. Stuttgart, 1984, S. 236; *Ле Гофф Ж.* Кризис христианского мира (XIV – XV вв.) // Его же. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 103 – 105.

[5] *Meiss M.* La peinture à Florence et à Sienne après la Peste noire. Paris, 1994; *Cohn S.K.* Piété et command d'oeuvre d'art après la peste noire // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1996. N 3 P. 551 – 573.

[6] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 445 – 446.

[7] Tangheroni M., Di Nero L. Commercio e Navigazione nel Mediterraneo Medioevale. Roma, 1978, P. 83 – 90.

[8] *Balbis G.* L'Oltremare genovese nei secoli XIV e XV: aspetti istituzionali, sociali e culturali // Clio. 1976. Vol. XII. N 4. P. 341 – 342; Wolff Ph. Automne....

[9] См., напр.: *Ролова А.Д.* Итальянский купец и его торгово-банковская деятельность в XIII – XV вв. // СВ. 1994. Т. 57. С. 62 – 74.

[10] Именно такой подход ярко проявился на X Международном конгрессе историков в 1955 г. Ср.: *Косминский Е.А* Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? По поводу доклада на X Международном Конгрессе историков: "Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья" // *Косминский Е.А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 262 – 284. См. также: *Корхов Ю.А.* Дискуссии о переходе от феодализма к капитализму // СВ. 1959. Т. XV. С. 114 – 135; *Барг М.А.* О так называемом "кризисе феодализма"; *Miskimin H.A.* The Economy of Early Renaissance Europe 1300 – 1460. Cambridge, 1975; *idem.* Cash, Credit and Crisis in Europe, 1300 – 1600. London, 1989.

[11] *Kedar B. Z.* Merchants in crisis. Genoese and Venetian men of affairs and the fourteenth-

century depression. New Haven. London 1976 P. 1

[12] См., напр.: Europa 1400. Die Krise des Spätmittelalters: *Heers J.* Les temps dits de "transition" (de 1300 à 1520). Paris, 1991.

[13] *Heers J* Le moyen âge, une imposture. Paris, 1992. P. 41.

[14]Одна из немногих специальных публикаций на эту тему применительно к Византии принадлежит Ф.Тиннефельду. По его мнению, термин кризис не вполне подходит к Византии, ибо означает прежде всего перелом болезни в сторону выздоровления. Ф. Тиннефельд акцентировал внимание на том, что Византия не оправилась от удара 1204 г. Ее судьба с этого времени, была, однако, теснее связана с Западной Европой, но эта связь была разрушительна для византийской экономики. См. *Tinnefeld F.* Zur Krise des spätmittelalters in Byzanz // Europa 1400. Die Krise... S.284 – 294.

[15]*Oikonomidès N* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe – XVe siècles). Montréal – Paris, 1979; *Laiou-Thomadakis A.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, XIIIth-XVth Centuries // DOP, 1982, T. 34 – 35. P. 177 – 222; *eadem.* Observations on the results of the Fourth Crusade: Greeks and Latins in Port and Market // Medievalia et Humanistica. 1984. N 12. P. 47 – 60; *eadem.* Venetians and Byzantines: Investigation of Forms of Contact in the Fourteenth Century // Thesaurismata. 1992. T. 22. P. 29 – 43; *Matschke K – P.* Byzantinische Politiker und byzantinische Kaufleute im Ringen um die Beteiligung am Schwarzmeerhandel in der Mitte des 14. Jh. // Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich. 1984. N 2/ VI. S 75 – 96; *Tinnefeld F.* Zur Krise... S. 284 – 285; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

[16] *Kazhdan A.* The Italian and Late Byzantine City // DOP. 1995. T. 49. P. 21 – 22.

[17] *Bautier R. – H.* Les relations économiques des Occidentaux avec les pays d'Orient, au moyen âge. Points de vue et documents // idem. Commerce méditerranéen et banquiers italiens au Moyen âge. London 1992, N IV (первоначально опубликовано в: Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien: Actes du 8e Coll. Int. d'histoire maritime /Beyrouth, 1966/ Paris, 1971, P. 263 – 331); *Ashtor E.* Studies on the Levantine Trade in the Middle Ages. London, 1978; *idem.* Levant trade in the later Middle Ages. Princeton, 1983; *idem.* East-West Trade in the medieval Mediterranean. London, 1986; idem. Il commercio italiano con Levante e il suo impatto sull'economia tardomedioevale // "Aspetti della vita economica medievale". Atti del Convegno di Studi nel X Anniversario della morte di F.Melis. Firenze, 1985, P. 15 – 63; *Zachariadou E.A.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300 – 1415). Venezia, 1983, P. 45 – 49; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle), T.I – II. Roma-Genova, 1978; *idem.* La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe – XVe siècles). London 1989.

[18] *Lane F. C* Venice and History. Baltimore, 1966; *idem.* Venice: A Maritime Republic. Baltimore; London, 1973; *idem.* Le Navi di Venezia. Torino, 1983; *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII – XV вв. М.,1994; *Stöckly D* Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècle). Leiden, 1995.

[19] *Kedar B. Z.* Merchants in crisis... P. 16 – 20.

[20] Balard M. La Romanie Génoise. T.II. P. 680 – 683.

[21]Ср. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. М., 1986. С. 288 – 294.

[22]*Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада... С. 103.

[23] *Dols M.W* The Black Death in the Middle East. Princeton, 1977; *Biraben J. – N.* Hommes et la Peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. La Haye, 1975 –

76; *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.,1991. С. 135 – 142.

[24] *Bryer A* Byzantium and the Pontos during the 'Time of Troubles' (1332 – 63) // XVIII Международный Конгресс византинистов. Пленарные доклады. М., 1991, С. 248 – 249.

[25] Этот факт отмечен также в постановлениях Венецианского Сената: Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti (далее – SM), XXIV, f.11r [публикация: Diplomatarium Veneto – Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia, T. 1: a.1300 – 1350 / ed. G.M. Thomas. Venetiis, 1880 (далее – DVL). P. 336]: 1347.04.24.

[26] *Romano R.* Tra due crisi... P 17.

[27] *Zachariadou E.A.* Trade and Crusade...P. 45 – 49.

[28] The Morosini Codex / ed. by M.P. Ghezzo, J.R. Melville-Jones. A. Rizzi. Vol .I: to the Death of Andrea Dandolo (1354). Padova, 1999. P. 114.

[29] The Morosini Codex... Vol. I. P.116.

[30] *Romanin S.* Storia documentata di Venezia, ed. terza, T. 2. Venezia, 1973. P. 115.

[31] *(Gabriele Mussi)*, La peste dell'anno 1348 / a cura di A.Tononi // Giornale Ligustico, XI (1884), P. 144 – 152; *Laurentii de Monacis* Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetiis // ed. F. Cornelius. Venetiis, 1758, P. 313; *Raphayni de Caresinis,* Chronica AA.1343 – 1388 / ed. Ester Pastorello //*Muratori L.* Rerum Italicarum Scriptores, (далее – RIS) n.s. Bologna, 1923. T.XII/II. Fasc. 1 – 2. P. 4; *Petti Balbi G* Caffa e Pera a metà del Trecento // Revue des études Sud-Est Européennes, XVI, N 2 (1978). P. 226. Отрывки из источников о чуме в Европе, включая рассказ Г. Мусси, изданы теперь в английском переводе в книге: *Horrox R.* The Black Death. Manchester – NY, 1994.

[32] *Kedar B. Z.* Merchants in crisis... P. 5; Venezia e la Peste 1348/1797. Venezia, 1979. P. 72.

[33]См.: История Византии. Т. 3. М.,1967. С. 123 – 160 (автор глав – Г.Г. Литаврин); *Nicol D.M* The last centuries of Byzantium, 1261 – 1453, 2nd ed. Cambridge, 1993, P. 149 – 208; *Matschke K. – P* Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971.

[34] *Karpov S.P.* L' impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204 – 1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma ,1986; *Bryer A* Byzantium and the Pontos... P. 246 – 265.

[35] *Karpov S P* L' impero... P. 152 – 154.

[36]Ibid. P. 84 – 86.

[37] *Vryonis Sp.* The Decline of medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971; *Inalcik H.* Ottoman Methods of Conquest // *Inalcik H.* The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy. London, 1978. N I. P. 103 – 129; *Zachariadou E.A.* More on the Turkish Methods of Conquest // VIIIth Annual Byz. Studies Conference. Chicago, 1982. P. 20.

[38] *Kedar B Z.* Merchants in crisis... P. 1.

[39] *Lopez R.S* . Trafegando in partibus Catagii: altri Genovesi in Cina nel Trecento // *Lopez R S.* Su e giù per la storia di Genova. Genova, 1975. P. 171 – 172; *Pistarino G.* Da Genova alla Cina nel secolo XIV // Studi Balcanici pubblicati all'occasione del VI Congresso int. dell'Association Int. d'études Sud-Est Européennes (AIESEE), Sofia, 30.08 – 5.09 1989 / a cura di F.Guida, L.Valmarin. Roma, 1989.P. 33 – 44.

[40] *Bryer A.* Byzantium and the Pontos...P. 248.

[41] *Сафаргалиев М.Г* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; *Spuler B* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland.1223 – 1502. Wiesbaden, 1965. S.109 – 121.

[42] *Georgii et Iohannis Stellae* Annales Genuenses / ed. G. Petti Balbi // RIS. 1975. T. XVII/II, P. 139; *Serra G.* La Storia della antica Liguria e di Genova. Torino 1834. T.II. P. 294 – 96; *Lopez R S* Nuove luci sugli Italiani in estremo Oriente prima di Colombo // *Lopez R.S.* Su e giù ... P 134 – 135, 126; *Petti Balbi G.* Simon Boccanegra e la Genova del Trecento. Genova, 1991. P. 393 – 94.

[43] См. подробнее: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики...С. 97.

[44] См.: *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Ярлык Бердибека от 1358 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.,1995. Вып. XVI. С. 24 – 66; *Их же.* Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356) // Востоковедение. СПб. 1997. Вып.19. С. 147 – 159.

[45] *Cessi R* La tregua fra Venezia e Genova nella seconda metà del sec. XIII // Archivio Veneto-Tridentino. 1923. T. IV. P. 10; *Bratianu G.* Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris. 1929. P. 254; *Papacostea Ş.* "Quod non iretur ad Tanam". Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // Revue des études Sud-Est Européennes, 1979. T.XVII. N 2. P. 201 – 217.

[46] *Brunetti M* Contributo alla storia delle relazioni Veneto – Genovesi dal 1348 al 1350 // Miscellanea di Storia Veneta, ed. per cura della R. Deputazione Veneta di Storia Patria. Ser. III. T. IX. Venezia 1916. P. 1 – 160; *Sorbelli A.* La lotta tra Genova e Venezia per il predominio del Mediterraneo // Memorie della R. Accademia delle scienze dell' Istituto di Bologna. Classe di scienze morali, serie I, Sezione di scienze storico-filologiche. T. 5 (1910 – 11). P. 87 – 157; *Laiou A* Un notaire Vénitien à Constantinople: Antonio Bresciano et le commerce international en 1350 // *M. Balard, A.E. Laiou, C. Otten-Froux.* Les Italiens à Byzance. Edition et présentation de documents. Paris 1987. P. 95 – 97.

[47] *Скржинская Е.Ч.* Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. 1949. Т. 2. С. 245 – 266; *Balard M.* A propos de la bataille du Bosphore. L' expédition de Paganino Doria à Constantinople (1351 – 1352) // Travaux et Mémoires. Paris, 1970. T. 4. P. 431 – 469; *Costa M. – M.* Sulla battaglia di Bosforo (1352) // Studi Veneziani, 1972. T.XIV (1973). P. 210.

[48] См.,напр.: *Sapori A.* La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1926.

[49] *Pegolotti Francesco Balducci.* La Pratica della mercatura / ed. by E. Evans, Cambridge, Mass 1936. P. 23 – 25; *Bautier R. – H.* Les relations économiques... P. 314.

[50] *Скржинская Е Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. §21.С. 120; I Viaggi in Persia degli ambasciatori Veneti Barbaro e Contarini / a cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca, M.F. Tiepolo. Roma, 1973 [II Nuovo Ramusio, VII].

[51] *Balard M.*(ed.) Gênes et l'Outre-Mer. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289 – 1290. Paris; La Haye, 1973. Подсчеты М. Балара несколько отличаются от наших. Он оценивает инвестиции в Тане в 314164 аспров. См.: *idem.* Les Génois en Crimée aux XIIIe-XIVe siècles // АП, 1978. Т. 35. P. 213; *idem.* La Romanie... T.II. P. 851, 853, tabl.

[52] SM,XV, f.59r (DVL. I. P.252): 1333.02.18.

[53] *Карпов С.П* Итальянские... С. 170; *его же* Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV – середина XV в.) // ВВ. 1986. Т. 47. С. 17 – 23.

[54] *Карпов С.П* Налогообложение... *idem.* Il Problema delle tasse doganali nei rapporti tra Venezia e Trebisonda (XIV – prima metà del XV secolo) // Rivista di Studi Bizantini e Slavi

3 (1983). Bologna. 1984. P 161 – 171.

[55] Archivio di Stato di Genova, San Giorgio, Sala 34. N 590. Caffe massarie (далее-CM), 1230, f.46v, 181r: 1423.05.01. 1 дукат – 57 аспрам, ср.: CM,1231. f.LXVIIIr, XCIIIr, CXCVIv, CCIXr, CDXXXVIIIr.

[56] CM 1232, f.19v: 1426.12.01. Ближайший по хронологии известный мне обменный курс относится к 1424 г. Как и в 1423 г. (см. прим. 50): 1 дукат =57 аспрам. В 1426 г. он мог незначительно отличаться. На записи массарий Каффы, касающиеся налогов Таны обратил наше внимание М. Балар, за что выражаю ему искреннюю признательность.

[57] *Iohannis Villani* florentini historia universalis // *RIS.* 1728. T. XIII. Col. 907 – 908; *Mommsen Th.* Autobiographie des Venezianers Giovanni Bembo // SB d. königl. Bayerischen Ak. der Wissenschaften zu München, Bd 1 (1861). S. 600; *Giustiniani Agostino.* Annali della Repubblica di Genova. Genova, 1854. T. 2. P. 74: "...Genovesi riceverano grandissimo danno, cosi in le facoltà come in le persone".

[58] Venetiarum Historia vulgo Petro Iustiniano Iustiniani filio adiudicata / a cura di R.Cessi e F. Bennato. Venezia, 1964. P. 226.

[59] См.. *Карпов С.П.* Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. 1994. Т. 55(80). Ч.1. С. 121 – 126; *idem.* Génois et Byzantins face à la Crise de Tana de 1343 d'après les documents d'archives inédits // Byzantinische Forschungen. 1996. Bd XXII. P. 33 – 51 (с публикацией документов). 1 сомм= 5 дукатам: SM, XXI, f. 88r; Archivio di Stato di Venezia, Cinque Savi alla mercanzia, 1 ser. Capitolare degli ufficiali all'Estraordinario, (далее – V Savi), 22bis, f.26v: 15/I 1344.

[60] SM, XXV, f.19v; V Savi, 22 ter, f.32v: 15/V 1349.

[61] Archivio di Stato di Venezia, Magior Consiglio, Novella, f.2(13)r: 15/IV 1350.

[62] *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // Etat et colonisation au Moyen âge et à la Renaissance / sous la direction du M. Balard. Lyon, 1989. P. 251 – 226.

[63] *Raphayni de Caresinis,* Chronica...P. 21; *Johannis Bembi,* Ex Chronico / ed. E. Pastorello // RIS. 1941. T. XII/I. Fasc. 4. P. 405.

[64] *Doumerc B.* Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle // Le Moyen âge, 1988. T. 94. N 3 – 4, P. 365.

[65] См.:*Карпов С.П.* Итальянские...С. 169; *он же.* Путями...С. 54 – 59.

[66] *Doumerc B.* La crise structurelle de la marine vénitienne au XVe siècle: le problème du retard des *mude* // Annales ESC, 1985. N 3 P. 605 – 623; *Doumerc B.,* L'évolution du capitalisme marchand à Venise: le financement des *galere da mercato* à la fin du XV e siècle // Annales HSS. 1995. N 1. P. 133 – 157; *Stöckly D.* Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècle). Leiden; NY; Kuln, 1995. P. 111 – 115; Карпов С.П. Путями...

[67] *Manfroni C.* La Crisi della marina militare di Venezia dopo la guerra di Chioggia // Atti dell'Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, 1909 – 10. Vol. 69, ser.VIII, T.XII. P. 983 – 1003.

[68] *Iohannis Villani* florentini Col. 908; *Lopez R.S.* Nuove luci...P. 122 – 123.

[69] *Loenertz R. – J.* La Société des frères pérégrinants. Etudes sur l'Orient dominicain, I. Roma, 1937. P. 166.

[70] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада... С. 105.

Глава 12

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XV ВЕКЕ ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ DIVERSORUM, FILZE СЕКРЕТНОГО АРХИВА ГЕНУИ[1]

Богатейшие собрания документов Генуэзского государственного архива изучаются давно и плодотворно. Очевидно их особое значение для истории поздней Византии и Причерноморья в средние века[2]. Однако многие комплексы источников и даже целые фонды этого архива остаются малоисследованными, а содержащаяся в них информация – неизвестной историкам. Среди них и большое собрание в составе так называемого Секретного архива Генуи – Diversorum, Filze[3]. Считается, что оно в основном состоит из разнородных материалов высших магистратур Генуи[4]. В результате нескольких командировок в Геную в 1978 – 1992 гг. мне удалось ознакомиться с документами этого собрания за период с конца XIV в. до 1477 г. и выявить в нем материалы, относящиеся к Причерноморью[5].

Документы Diversorum, Filze Секретного Архива хранятся в отдельных «кипах» или связках, некогда нанизанных на шнурок или нить (отсюда и их название – filze), которые продевали в небольшие отверстия, проколотые специально для этого в центре сложенных вчетверо листов бумаги. Образовывавшиеся в результате дыры иногда повреждали текст, хотя в целом сохранность большинства документов хорошая. Каждая filza содержит сотни документов, из которых единицы касаются Причерноморья и прилегающих к нему областей.

Из 149 выявленных документов за весь период, 129 актов – судебные, 7 – финансовые, 6 – административные и 7 – дипломатические материалы. Среди судебных дел явно преобладают петиции частных лиц и магистратов властям Генуи, с их последующими резолюциями (98), реляции специализированных генуэзских комиссий,

которым поручалось рассматривать петиции и предлагать решения, принимаемые дожем или же губернатором Генуи (когда она была под властью Франции или Милана) совместно с советом старейшин (9), судебные объявления в связи с исками (8). Есть также разъяснения ответчиков по сути и форме предъявленных исков (3), судебные поручения(2) и даже целый протокол судебного процесса. Ряд документов можно рассматривать как приложения к петициям и искам. Это выписки из приходно-расчетных книг и картуляриев (2), копии завещания (1), объяснительные письма (3), свидетельские показания (1), акт назначения прокураторов (1).

Таким образом, 86.6% всех документов составляют материалы судебного производства, связанного преимущественно с петиционными исками.

Остальные документы распределяются следующим образом: 4 контракта по доставке зерна из Каффы и Причерноморья в Геную и из Италии – в Каффу в годы неурожая (все они относятся к 1392 – 95 гг.), 1 мандат с предоставлением специальных привилегий массарию Каффы и 1 охранная грамота, 4 финансовых декрета, 2 обязательства и 1 подтверждение правомерности произведенных экстраординарных расходов, 4 инструкции послам (к папе, Турецкому султану и к Польскому королю) и 1 официальная петиция канцлера Генуи. В числе особенно интересных дипломатических документов – два, видимо перехваченных, венецианских письма, включая одно – от байло Республики св.Марка в Константинополе к враждебному генуэзцам князю Мангупа (Феодоро).

Все filze, кроме Первой, достаточно однородны по типу находящихся в них документов. За небольшими исключениями (например, дипломатических писем[6]) все они так или иначе связаны с петиционными исками и процессами по петициям. В этом отношении эти материалы сопоставимы с теми, которые рассматривались высшим петиционным судом Венеции, Giudici di Petizion[7].

Первая filza содержит документы за 1375 – 1398 гг. (основная масса актов – за 1392 – 98 гг.). Последующие 2 – 38 filze без значительных перерывов покрывают период с 1420 по 1477 гг. Таким образом, период 1399 – 1419 гг. не отражен в собрании. Однородность документов первой и последующих filze сомнительна. Среди 7 документов первой filza, относящихся к Причерноморью, нет ни одной петиции. Напротив, в ее составе все 4 имеющихся в DF контракта по транспортировке зерна (подобные документы отсутствуют

в остальных filze, тогда как они известны по материалам каффинской Оффиции Продовольствия 1421 – 1453 гг. и др. фондам)[8]. Другие документы DF,1 – финансово-административные постановления, не связанные с судопроизводством.

Интересно проследить результаты поданных властям прошений. Мы располагаем решениями по 102 из 129 петиций. 49 исков были удовлетворены полностью, 2 – с некоторыми изменениями, 2 – отложено, 41 – передано на дополнительное заключение и лишь 6 отклонено. Такие результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на долгую судебную волокиту и длившиеся годами разбирательства, приносившие прошения в высшую инстанцию в половине случаев получали удовлетворение. Среди специализированных комиссий, производивших экспертизу и дававших свое заключение дожу (губернатору) Генуи и анцианам названы: Оффиция Попечения Романии (15 документов), судебные магистраты и юрисконсульты (9), Оффиция монеты (6), налоговые оффиции (6), магистраты Каффы и Перы (3), подеста Генуи и правление Банка Сан Джорджо (по 1). В подавляющем большинстве случаев и в тех петициях, которые были отклонены или удовлетворены записаны суждения комиссий.

Петиции воссоздают палитру жизни в факториях, с ее трудностями и разочарованиями и наглядно показывают приоритеты генуэзских предпринимателей. Большинство (140) анализируемых документов составлено в Генуе, 7 – в Каффе, по одному – в Венеции и Константинополе. В 124 документах как место действия или событий названа Каффа, центр генуэзских факторий в Причерноморье. Далее, с большим отрывом, идут Трапезунд (11 документов) и Чембало (Балаклава) (9), Солдайя (Судак) (7), Тана (5), Симиссо, (Амис, Самсун), Самастро (Амастрида), Лериче/Илличе, Монкастро (Белгород Днестровский, Аккерман) (по 4), Синоп, Коппа, Зихия (по 3), Феодоро, Вати (Батуми), Севастополь (Сухуми) (по 2), Понтираклия (Эрегли), Киноли (Инеболу), Каламита, Солгат (Старый Крым), Матрега (Тамань), Воспоро (Керчь) и другие небольшие порты и якорные стоянки Приазовья и Северо– Восточного Черноморья (Каваллари, Лофетти, Куба, Туба) (по 1). Нетрудно заметить, что упоминания городов и факторий Северного Причерноморья встречаются чаще (161 раз), чем поселений Южного (27) и Восточного (9) Причерноморья. Это объективно отражает географическую и экономико – политическую ориентированность торгово-предпринимательской деятельности генуэзцев в бассейне «Великого

моря». Документы венецианского фонда Giudici di Petizion, относящиеся к Причерноморью, концентрируются вокруг двух основных факторий – Таны и Трапезунда. Ареал генуэзцев шире, но и у них был один стойкий ориентир – на Каффу, которой было вверено управление «Газарией» и контроль за всем происходившим в регионе.

Естественно, что в петициях названы места, где генуэзцы имели укрепленные фактории или поселения, а также те, где нарушались права и привилегии генуэзцев. В числе последних чаще упоминаются турецкие территории (9), Трапезундская империя (3), Золотая Орда, Феодоро, Польша и Литва, Грузия, Валахия.

Среди петиций и судебных дел 30 документов касаются имущественных споров между частными лицами, 3 – назначения прокураторов, 82 – обращения к властям по различным административным и финансовым вопросам, 14 – иски к иностранным правителям и гражданам, требующие вмешательства высших властей Генуи, включая 10 просьб о назначении репрессалий. Среди обращений к властям большое место принадлежит просьбам о возмещении ущерба, долгов и расходов, возникших в результате выполнения служебных обязанностей в факториях. Это показывает общее неблагополучие как финансов факторий (о чем нам известно и из массарий Каффы), так и всей ситуации в Причерноморье в первой половине XV в., еще до того, как экспансия Османской империи вступила в свою решающую фазу. Оффициалы просят о добавочном вознаграждении и увеличении стипендий (платы за несение воинской и иной службы по найму). Чтобы рассчитаться за неоплаченные коммуной долги, последняя чаще всего передает на определенный срок сами оффиции и консулаты своим кредиторам, с правом получать оклады, то есть рассматривает предоставление должностей как воздаяние за прошлые заслуги или возмещение долгов. При формальном запрете продажи должностей они, даже высшие, консульские, выставлялись на публичные торги, при чем покупатель мог не ехать в далекую факторию, а лишь получать доход, назначив себе викария (заместителя)[9].

В 27 документах содержатся просьбы о налоговых льготах, преимущественно об освобождении от подушной подати в Генуе (аварии). Такие петиции подавали генуэзские граждане, долго жившие в Каффе или других факториях, а затем пожелавшие вернуться в метрополию. Но там они должны были платить налог за прошлые и за

текущий год. Нередко, однако, длительное пребывание в факториях не приносило барышей.

Налоговый режим в Генуе был значительно суровее, чем в ее факториях[10]. В 1424 г. врач из Каффы жалуется на бедность[11], а житель Симиссо, после сожжения замка турками заявляет, что не владеет никакой собственностью.[12] Желавшие вернуться из Причерноморья в Геную не всегда имели возможность сделать это из-за того, что не в состоянии были платить там налоги. Документы Diversorum, Filze, таким образом, позволяют установить малоизвестный доныне феномен деколонизации, оттока населения Причерноморских факторий в метрополию и иные центры Романии в XV в. Этот феномен отнюдь не связан с одной лишь османской экспансией и сложными отношениями с соседями, прежде всего – крымскими ханами, а имеет под собой более глубокие социально – экономические причины.

30 петиций было подано в связи с имущественными исками генуэзских купцов друг против друга и необходимостью юридических действий магистратов факторий. Часто такие «дела» длились десятилетиями и, что любопытно, возникали в большинстве случаев после смерти тех, от чьих наследников требовали погашения действительных или мнимых долгов.

Генуэзская администрация прочно и давно заслужила репутацию коррумпированной. Даже причиной падения Каффы считали подкуп и корыстный умысел стоявших у руля патрициев[13]. Однако данные Diversorum, Filze позволяют несколько скорректировать это представление.

По статутам Генуи и по уставу Каффы все высшие чиновники, завершавшие свое управление, должны были предстать перед специальной комиссией синдиков, назначенных вновь прибывшим консулом. Синдики принимали жалобы на оффициала от любого гражданина фактории и могли на месте приговорить бывшего консула к высокому штрафу за неправомерные действия. В нашем «досье» 8 прошений бывших оффициалов или их наследников о пересмотре решений синдиков и освобождении от наказаний и лишь 3 иска против магистратов (бывших консулов Каффы) от лиц, не удовлетворенных вердиктом синдиков.

В 1442г. от имени Манфредо Саули поступило прошение пересмотреть приговор синдиков. Саули был консулом Каффы в 1420 – 1421 гг. Конец его консульства совпал с переходом Генуи под власть Миланского герцога (1421 – 1435). Возможно по этой причине синдики,

присланные новыми властями, особенно плохо обошлись с магистратом, назначенным дожем. Лишь спустя 21 год Саули смог подать жалобу на имя дожа Томмазо Кампофрегозо (1415 – 1421, 1436 – 1442), того самого человека, от которого он некогда получил свое назначение. Как консул Саули должен был действовать в исключительно трудной ситуации. Каффа страдала от голода. Саули посылал корабли в разные места Причерноморья для закупки зерна. Один из контрактов был подписан с Джованни ди Сан Донато, принявшим на себя обязательство доставить зерно из Коппы. Вместо этого он с грузом зерна Кубани отправился в Трапезунд, желая получить большую прибыль и игнорируя нужды родного города. Так как в те годы конфликт Генуи и Каффы с Великими Комнинами не был урегулирован, возможно, патрон вдобавок нарушал и запрет генуэзским судам посещать Трапезунд[14]. Саули приговорил патрона к штрафу в 100 соммов, однако впоследствии синдики осудили его за это решение. Другая вина консула еще интереснее. Грек по имени Папакостас был захвачен золотоордынским ханом, но сумел бежать из плена. Боясь ханского гнева, охранявший его татарин укрылся в Каффе и даже принял там христианскую веру. По совету со своим окружением, консул решил выдать татарина хану, предварительно испросив его прощение нарушителю. Саули желал избежать войны с ханом в тот момент, когда в городе царил голод. Он ссылался также на то, что крещение татарина было не добровольным, но вынужденным. Синдики не вняли оправданиям и приговорили консула к высокому штрафу[15]. Фемида была, как видим, сурова к высшим магистратам. Надо, правда, выяснить, что она защищала: правосудие, или же групповые интересы... И все же эффективное средство борьбы с коррупцией, несомненно, существовало в факториях.

Другой патриций, Франко Ломеллини, был консулом Каффы в 1431 – 1432 гг. Едва вступив в должность, 8 октября 1431 г. он получил известие от подчиненного ему консула Солдайи, что две венецианских галеи потерпели крушение у мыса Меганом. Ломеллини приказал собрать все имущество и товары соперников и передать их в распоряжение массарии Каффы. Конфликт двух морских республик в Причерноморье обострялся[16]. Венецианцы предприняли ответные действия. В необычное для навигации время, 24 декабря 1431 г. они захватили генуэзские галеи близ берегов «генуэзской» Газарии. Это вызвало такую панику в Каффе и других факториях, что консул должен был потратить деньги от конфискованных ранее товаров на подготовку

обороны от возможного нападения. Однако 8 месяцев спустя власти Генуи, которые вели с Венецией мирные переговоры, потребовали от Ломеллини перевести эти деньги в метрополию. А так как консул не смог этого сделать, его оштрафовали на 50 соммов. Поданая затем петиция была передана на рассмотрение генуэзской Оффиции Романии[17].

Противоположный случай встречаем в петиции Габриэле де' Мари, пострадавшего от консула Каффы Теодоро Фьески (1441 – 1442). Фьески попросту конфисковал у де' Мари лошадь для своего сына, отправлявшегося управлять консулатом Солдайи и не вернул ему ни коня, ни его стоимости – 50 дукатов[18].

И все же оффициалы, судя по петициям, нередко теряли больше, чем приобретали. Ущерб, нанесенный им на службе коммуны, и его компенсация – предмет 11 петиций. Еще в 21 случае рассматривался финансовый ущерб, нанесенный властями Генуи и администрацией факторий частным лицам, в том числе – кредитовавшим их или действовавшим в их пользу. Вот лишь один из примеров. Дарио Грилло в 1430 г. был отправлен из Каффы послом к литовскому великому князю Витаутасу. У него была трудная миссия: добиться отказа Литвы от притязаний на сюзеренитет над Каффой. Но по пути в Литву он был ограблен людьми «татарского императора». Все: деньги, лошади, товары (посольские дела Грилло собирался совместить с торговлей) было захвачено. Ущерб составил 300 соммов серебра или 2400 генуэзских лир. Не желая конфликта с ханом, генуэзская администрация не применила права «марки» (то есть права силой получить от подданных хана сумму причиненного ущерба), но решила компенсировать его предоставлением либо консульства Чембало и одной из массарий Каффы на 18 месяцев, либо права собирать специальный налог с товаров, привозимых татарскими купцами в Каффу. После долгого ожидания возмещения, Грилло предпочел получить оффиции[19]. Чембало, впрочем отнюдь не было доходным местом в те годы. Управлявший там консулатом почти год Антонио ди Пино, умелый администратор, примиривший греческую и латинскую общины города после конфликта, не только не приобрел барышей, но и остался в убытке на 34300 аспров (примерно 170 соммов). Впрочем, он действовал в исключительной ситуации[20].

Практика предоставления должности в черноморских факториях в вознаграждение или чтобы возместить ущерб, стала обычной в первой половине XV века, усилившись в период Миланского господства.

В целом это приводило к негативным последствиям, когда получение должности рассматривалось как простой источник дохода[21]. Но и ранее XV в. оффициал мог получить специальные привилегии. В 1393 г. Антонио Оливерио был избран массарием Каффы с окладом 2 сомма в месяц. Как награду за прошлую службу, он имел право записать одного из своих слуг (при условии, что это был искусный лучник) в число стипендиариев (наемных воинов) Каффинской коммуны, число которых ограничивалось, с жалованием 1 сомм в месяц[22]. То, что это была немалая специальная привилегия, проясняется из другого документа того же собрания. В 1425 г. оклад другого опытного стрелка, burgensis Солдаи Луки Муска составлял всего 150 аспров в месяц, и баллистарий просил увеличить его до 1 сомма, приняв во внимание его опыт, искусство стрельбы и то обстоятельство, что он командовал отрядом лучников и вдобавок чинил арбалеты[23].

Исследуемые документы свидетельствуют о тяжелой ситуации в Причерноморье. В 1393/94, 1420/21, 1456 гг. Каффа испытывала голод и нехватку продовольствия. Власти метрополии и администрация Каффы делали попытки доставлять зерно морем, покупая его на Сицилии или в портах Восточного Причерноморья.[24]. В 1435 г. в Крыму была эпидемия чумы, спасаясь от нее, жители Каффы уезжали в Монкастро и другие города[25]. Различного рода социальные конфликты также, правда чаще вскользь, отмечены в документах. К примеру, братья-миноритыотняли кафедральный собор у епископа Солдайи Лудовико и удерживали его, несмотря даже на папское осуждение. Чтобы восстановить свои права, Лудовико подал прошение совету анцианов и губернатору Генуи архиепископу Миланскому[26]. В 1436/37 г. в Каффе произошли выступления против сбора налогов[27]. Ситуация в Чембало была еще более взрывоопасной. В 1439 г. генуэзские власти прибегали к чрезвычайным мерам ради спасения и замирения фактории, где происходили «dissensio ortarum» и «discordie»[28]. Очевидно, это было продолжением событий 1433 – 34 гг., когда греческое население Чембало перешло на сторону мангупского князя Алексея и отказалось признавать генуэзскую администрацию. Тогда это привело к экспедиции флота под командованием Карло Ломеллини против Феодоро и Чембало (завершившейся взятием последнего)[29]. Экспедиция Ломеллини не раз упоминается в документах Diversorum. В частности, в них мы находим и такие неизвестные доныне факты, как договор Ломеллини с эмиром Синопа и его посольство к трапезундскому императору, с возможным подкупом посла

василевсом[30]. Есть и свидетельства о разгроме отряда Ломеллини татарами близ Солгата. Один из участников сражения, писец книг и искатель приключений Антонио ди Ритехапа потерял там оружие и все свое имущество, был ранен и едва спасся бегством.[31].

В документах отражены пиратские действия бургундской «крестоносной» эскадры Валерана де Ваврина в Черное море в 1445, вызвавшие длительный судебный конфликт Каффы и Генуи с Бургундией[32]; поход каффинского флота против Трапезундской империи в 1417 г. [33] и против Феодоро в 1438 г.[34] Мангупский князь Алексей изменил свою первоначально прогенуэзскую ориентацию и все более и более начал склоняться на сторону татарского хана и венецианцев[35] Генуэзцам удалось перехватить письмо венецианского байло в Константинополе, адресованное князю Феодоро (1442/43)[36]. Письмо в завуалированной форме информирует князя о действиях его генуэзских соседей, сообщает об успехах венгерского войска в войне с турками и о мангупско – венецианской торговле кожами. Байло обещает Алексею справиться в Венеции о его просьбе прислать отравленные конфеты, при условии его обязательства применять яд лишь против «неверных». Союз Феодоро, владевшего портом и крепостью Каламита в непосредственной близости от Чембало, с Венецией вызывал крайнюю озабоченность как в Генуе, так и в Каффе. Не случайны поэтому попытки генуэзцев во чтобы то ни стало захватить Каламиту и отрезать Феодоро от моря[37].

Отношения с татарами и турками становились все более важными для генуэзцев Причерноморья. По документам явственно проступает тенденция, поелику возможно избегать открытых конфликтов с ними. Даже тогда, когда ок.1417 г. татары и зихи ограбили в Тане генуэзца Оберто Гарроии, республика не стала настаивать на немедленной компенсации и не применила силы или санкций против подданных хана, терпеливо ведя переговоры вплоть до 1428 г.[38] Когда в 1423 губернатор (*subashi*) Самсуна конфисковал имущество умершего там генуэзского купца, власти Генуи вновь не решились предоставить его наследникам право марки или ввести налог на торгующих в Каффе турок, но предпочли компенсировать их, как и в случае с Дарио Грилло, предоставлением оффиции с доходом эквивалентным ущербу. Объяснение было простым: действия против турок могли быть опасными для населения Каффы[39].

И все же купцы нередко настаивали на применении права марки против обидчиков. Такие требования мы находим в 10 петициях.

Помимо турок, ответчиками были воевода Валахии Стефан (конфисковавший имущество братьев Джустиниани – 4500 дукатов[40]), подданные грузинского царя Александра I (1412 – 43)[41], эмира Синопа[42] и трапезундского императора Иоанна IV, приказавшего захватить наву каффинского гражданина Мервальдо Спинола в порту Вати (Батуми) в 1437 г.[43]

К самим генуэзцам право марки применялось неоднократно и часто без колебаний иностранными правителями. Когда каффинцы, вопреки положению статутов о репрессалиях, присвоили в Монкастро имущество турок, последние сразу же наложили руку на товары невинного купца Луки Саккерио, торговавшего в Галлиполи. Саккерио, в свою очередь, добивался права марки против османов, но генуэзские власти, по традиции, предпочли решить дело в соответствии с *leges et constitutiones Caphe*[44]. Аналогичный случай произошел, когда генуэзцы Перы конфисковали за что-то товары горожанина Львова, вызвав ответную реакцию короля Польши и последующие просьбы о предоставлении репрессалий невинно пострадавших генуэзцев в его владениях[45].

Право марки нередко реализовывалось через корсарские и пиратские акции[46]. Сами генуэзцы, как известно, успешно боролись с пиратами и корсарами в Черном море. Самые свирепые и опасные из них, каталанцы, не представляли столь же реальной угрозы для судоходства в «Великом море», как в Эгеиде. Но корабли пиратов, захваченные в Средиземноморье, изредка возвращались к прежним собственникам, включая жителей Каффы[47]. Последние, впрочем: и сами занимались пиратством. Например, *Baxilius de Caffa*, скорее всего – грек, представивший поручителей – греков с Хиоса, владелец бригантины, ограбил сицилийца Андреа Теуфорте, невзирая на имевшуюся у него охранную грамоту генуэзских властей[48]. Между кланами генуэзских нобилей Спинола и Фрегозо шла настоящая морская война с захватом товаров из Каффы или принадлежавших каффинцам[49].

Судя по Diversorum, Filze, как и по массариям, Каффа, несмотря на все трудности, в XV в. оставалась важнейшим портом общесредиземноморского значения. Принадлежавшие каффинцам суда плавали в Геную и обратно[50], во Фландрию (в 1430/31 г.)[51], Марсель[52], на Хиос[53] и далее[54]. По крайней мере Каффа и Чембало располагали арсеналами, где не только ремонтировались, но и строились большие двухпалубные навы[55]. Именно это давало возможность генуэзцам вести

военно-морские кампании против соперников в Причерноморье. Осознавая значение Каффы как экономического, религиозного (в т.ч. миссионерского) и политического центра «Газарии», «Татарии» и всей генуэзской Романии, Генуя просила римского папу повысить статус каффинского епископства до архиепископства, освободив каффинского епископа от юрисдикции чисто титулярного в те годы архиепископа Султании[56].

Два вида торговли выделяются в документах *Diversorum, Filze*: зерном[57] и рабами. Из четырех контрактов конца XIVв. в 3 патроны судов берут на себя обязательства доставлять зерно из разных черноморских портов в Геную[58], а в одном – из Сицилии в Каффу в период сильного неурожая злаков в Причерноморье[59]. Позднее сами каффинцы вели зерновую торговлю на широкую ногу, вплоть до Марселя[60].

Экспорт большого числа причерноморских рабов на Запад[61] отражен в разных документах Diversorum, Filze[62]. Лишь у одного лигурийского купца, возвращавшегося из Каффы в Геную, турки в Галлиполи захватили 12 рабов[63]. Другой генуэзец, Николо Ратони, наряду с другими товарами, погрузил в Каффе в 1433 г. рабов: абхазов, мегрелов и русских, от 15 до 30 лет, для отправки в Перу. Ему не повезло. Патрон корабля, желая избежать столкновения с венецианскими галеями, причалил в Понтираклии. Ратони был вынужден перевозить свое добро и рабов оттуда в Перу на небольшой барке, но недалеко от Перы, в местечке *Bosilli* турецкий субаши Мусабей конфисковал все имущество и рабов Примечательно, что он действовал по наущению бывшего христианина, принявшего ислам, Мануила Гриманьи (*olim cristicole et nunc saraceni et nominabatur Acomacho*)[64]. Иногда о рабах из Причерноморья встречаются просто детективные истории. Раб-зих, 32 лет, бежал из Генуи от своего хозяина Терами Ломеллини в замок Серравале. Виконт Серравале Франко Ассерето не желал вернуть его владельцу, что едва ни привело к войне феодальных кланов в Лигурии[65]. Юная черкешенка Магдалина, рабыня семейства Стелла, бежала с монахом, братом Альбертом, в Феррару и несколько месяцев скрывалась там, не взирая на тщетные протесты генуэзских властей маркизу Феррары[66].

Diversorum Filze содержат интересный материал для изучения администрации, права, торговли, мореплавания, политических событий в Причерноморье. Не менее интересны они и как источник по истории культуры и менталитета в далеких факториях генуэзской Романии.

[1] Первое издание. Причерноморье в средние века Вып.2. М.,МГУ, 1995. С. 9 – 19. Публикация регест документов этого фонда: *Карпов С.П.* Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века Вып.3. М. – СПб, 1998. С 9 – 81.

[2] Guida generale degli Archivi di Stato italiani. Roma, 1983. Vol. 2; *Musso G.G.* Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell'Archivio di Stato di Genova (secc. XIV – XV). Roma, 1975; *Agosto A.* Orientamenti sulle fonti documentarie dell'Archivio di Stato di Genova, per la storia dei Genovesi nella Russia meridionale // Genova, la Liguria e l'Oltremare tra medioevo ed età moderna. Genova, 1979. T.III. P. 9 – 38 (тоже в изд.: Cinquant'anni di storiografia italiana e sovietica. Gli insediamenti genovesi nel Mar Nero. Genova, 1982. P. 352 – 379); *Pistarino G.* La "Romania" e il "Mare Maius" nelle fonti medievali genovesi // idem. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 7 – 84.

[3] Archivio di Stato di Genova (далее – ASG). fondo Archivio Governativo, sezione "Archivio Segreto" (далее – AS), 3021 – 3075: Diversorum, Filze (далее – DF), 1 – 55 (1375 – 1499) – в рамках до конца XV в.

[4] В архивной описи Diversorum, Filze обозначены как "прошения, объявления, декреты, охранные грамоты (salvocondotti), помилования заключенных, предоставление репрессалий и пожалования привилегий".

[5] ASG. AS 3021 – 3058, DF. 1 – 38. В предлагаемом ниже обзоре не учитываются документы, относящиеся к Пере, Родосу, Хиосу, Кипру, нечерноморским областям Византии (кроме случаев, когда в документах отражены связи этих городов и областей с Причерноморьем). Их специфика не отличается существенным образом от исследуемых источников, но они столь же интересны по содержанию. Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность друзьям и колегам, генуэзским историкам и архивистам А. Агосто, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо, Дж. Ольджати, Дж. Пистарино за помощь и поддержку.

[6] Возможно, дипломатические письма попали в это собрание из других. Например, хранящееся ныне в AS 3040, DF, 20 (где собраны материалы за 1452 – 53 гг.) письмо венецианского байло князю Феодоро, ранее находилось, вероятно, в фонде Materie Politiche (ASG, AS, 2774A). Со ссылкой на этот фонд документ опубликовал в 1929 г. румынский ученый В. Василиу, датировавший письмо 1442/43 г. (*Vasiliu V.* Sur la seigneurie de "Tedoro" en Crimée au XVe siècle à l'occasion d'un nouveau document // Mélanges de l'École Roumaine en France. 1929. P. 299 – 336). Фотокопия, приложенная к публикации, не оставляет сомнений в том, что этот один и тот же документ. Разумеется, нельзя исключить и ошибки в ссылке румынского коллеги, но считаю ее маловероятной.

[7] Archivio di Stato di Venezia. Giudici di Petizion. Terminazioni; Sentenze a Giustizia; Buste; Sentenze a interdetti etc. См. подробнее: *Tiepolo M.F.* Fonti archivistiche meno note sui rapporti tra Venezia e le regioni del Mar Nero // Byzantino=Bulgarica, 1981. T.VIII. P. 99 – 102.

[8] См.: *Origone S.* L'Officium victualium a Caffa nella prima metà del secolo XV // Bulgaria Pontica, II. Sofia, 1988. P. 398 – 426; *eadem.* L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV // Saggi e documenti. T. III. Genova, 1983, P. 229 – 318; *Карпов С.П.* Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII – XV вв. // ВВ, 50, 1989. P. 26 – 35.

[9] DF, 3021, N 77; DF, 3023, N5, 202; DF, 3024, N 137; N 150; 3031, N 83; 3042, N 49 (консулат Чембало).

[10] *Balard M.* Note sur la fiscalité génoise à Caffa au XVe siècle // Bulletin de la Société Nationale des antiquaires de France 1993. P. 229.

[11] DF 3022, N 220.

[12] Ibid., N 342.

[13] См., напр.: *Колли Л.П.* Исторические документы о падении Кафы // ИТУАК. 1911. Вып. 45. С. 1 – 18; *он же.* Кафа в период владения ею банком св. Георгия (1454 – 1475) // ИТУАК. 1912. Вып. 47. С. 75 – 112; *Чиперис А.М.* Внутреннее положение и классовая борьба в Каффе в 50 – 70 гг. XV в. // УЗ Туркменского ГУ. 1962. Вып. 21. С. 245 – 266; *Kressel R Ph.* The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio. The Univ. of Wisconsin PhD. Univ.Microfilms Inc. (Ann Arbor. Michigan, 1966) .P. 146; *Pistarino G.* Genovesi d'Oriente. Genova, 1990. P. 479 – 518.

[14] См.:*Karpov S.P.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204 – 1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986. P. 157 – 158, 185, n. 110.

[15] DF, 3033, N 122: 28/X 1442.

[16] См.:*Dupuigrenet Desroussilles F.* Vénitiens et Génois à Constantinople et en Mer Noire en 1431 // Cahiers du Monde russe et soviétique, 1979, T. XX(1). P. 111 – 122; *Vasiliu V.* Sur la seigneurie... P. 306 – 308.

[17] DF, 3037, N 24: 12/II 1448.

[18] DF 3035, N/n: 12/ X 1444.

[19] DF, 3034, NN 6, 140: 14/I и 26/VIII 1443. Публикация первого документа: *Andreescu St* Trois actes des Archives de Gênes concernant l'histoire de la Mer Noire au XVe siècle // RESEE. 1983. T.XXI. N 1. P. 38 – 46. О существовании второго документа Ш. Андрееску, по-видимому, не знал.

[20] Ibid., N 181: 25/X 1443.

[21] DF, 3023, NN 5, 202 (скрибания в Каффе); 3024, NN 88 (должность капитана бургов в Каффе и консула в Самастро); 137 (консульство в Коппе и кастеллания в Фамагусте), 150 (консульство в Трапезунде); 3036, N/n: 23/V 1446 (неназванные оффиции, приносящие доход в 250 соммов). Ср. также: *Basso E.* La colonizzazione genovese nel Mar Nero nel tardo medioevo: aspetti etnici e sociali // I problemi del Mar Nero nel passato e nel presente. Seminario int. di studi. Atti. Genova, 16 giugno 1992 / a cura di *Geo Pistarino.* Genova, 1993. P. 43.

[22] DF, 3021, N 77: 22/XII 1393.

[23] DF, 3023, N 106: 15/XI 1425.

[24] DF, 3021, N 81; 3033, N 122; 3042, N 43.

[25] DF, 3029, N 153; 3030, N 165.

[26] DF,3025, N 182: 4/II 1429.

[27] DF, 3035, N 10: 18/I 1445.

[28] DF, 3034, N 181: 25/X 1443.

[29] См.: *ЧиперисА.М* К истории Чембальского восстания. // УЗ Туркменского ГУ. 1961. Вып. 19. С. 291 – 307; *Agosto A.* Nuovi reperti archivistici genovesi dell' "Officium Provisionis Romanie" sulla guerra di Cembalo (1434). // Byzantino=bulgarica, 1981, T. 7. P. 103 – 108; Papacostea Ş. Une révolte antigénoise en Mer Noire et la riposte de Gênes (1433 – 1434). // Il Mar Nero. 1994. T. 1. P. 279 – 290.

[30] DF, 3032, NN 71, 261; 3033, N 249; 3036, N 173; 3037, N 233.

[31] Ibid.; также: DF, 3028, N 26; 3029, N 215.

[32] DF, 3035, N 213; 3038, N 23. См.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. М.: МГУ, 1981. С. 156 – 158;

Paviot J. "Croisade" bourguignonne et intérêts génois en Mer Noire au milieu du XVe siècle // Studi di storia medievale e di diplomatica. 1992. *idem.* La politique navale des Ducs de Bourgogne 1384 – 1482. Lille, 1995; *idem.* Comment avoir justice des dommages subis en Mer Noire au XVe siècle // Publication du Centre Européen d' études Bourguignonnes (XIVe-XVIe s.). 1990. T. 30. P. 117 – 125; *idem.* La piraterie bourguignonne en Mer Noire à la moitié du XVe siècle // Horizons marins, itinéraires spirituels (Ve-XVIIIe s.). Paris, 1987. T. 2. P. 203 – 214.

[33] DF, 3031, N 101: 27/IV 1439. См.: *Karpov S.P.* L'impero...P. 157 – 58; *он же.* Трапезундская империя... С.106 – 107.

[34] DF, 3035, N 166.

[35] См.: *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. N 55. С. 1 – 44; *Спиридонов Д.С* Заметки из истории эллинства в Крыму. 1. Из семейной истории Мангупского дома // Изв. Таврического Общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1928. Т. 2. С. 93 – 99; *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1990. Вып. 1. С. 88 – 166; *Banescu N.* Contribution à l' histoire de la Seigneurie de Théodoro – Mangoup en Crimée // BZ 1935. Bd 35. S.20 – 37; см. также прим. 35.

[36] DF, 3040, N/n, дата не указана. Публикация документа с комментариями (прошедшая незамеченной для многих исследователей истории Феодоро): *Vasiliu V.* Sur la seigneurie... P. 318 – 324, 335 – 336.

[37] См., напр.: *Данилова Э.В.* Каффа в начале второй половины XV в. (по документам "Codice") // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 209 – 210.

[38] DF, 3024, N 163: 21/IV 1428.

[39] DF, 3028, N 276: 27/IV 1435.

[40] DF, 3035, N/n: 23/XII 1443.

[41] DF, 3037, N 233: 15/II 1449.

[42] DF, 3027, N 66; 3032, N 71.

[43] DF, 3033, N/n: 19/V 1441; N 58: 28/III 1442; 3038, N 49: 5/III 1450 (В документах прямое свидетельство и принадлежности Вати в тот период Трапезундской империи).

[44] DF, 3037, N 73: 7/IV 1449.

[45] DF, 3036, N 50: 11/III 1446.

[46] См., напр.: *Талызина А А.* Неизвестный генуэзский документ 1440 г. о торговой навигации, пиратстве и корсарстве в Восточном Средиземноморье // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 58 – 67.

[47] DF, 3023, N 251: 22/XI 1426.

[48] DF, 3024, N 100: 16/X 1427.

[49] DF, 3026, N 205: 26/IV 1431.

[50] DF, 3036, N 85; 3043, N/n: 1459/60.

[51] DF, 3026, N 334.

[52] DF, 3037, N/n:4/VIII 1449.

[53] DF, 3043, N/n: 1459/60.

[54] Ср.: *Musso G.G.* Navigazione e commercio ...

[55] DF, 3021, NN 85, 109.

[56] DF, 3026, N 296: 4/VII 1431.См.также: *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. VI. 1898. P. 106: 30/VI 1431; *Lonertz R.* La Société des

frères Pérégrinants. Étude sur l'Orient Dominicain. I. Roma, 1937. P. 112; *Fedalto G* La Chiesa Latina in Oriente. 2a ed. Vol. 1. Bologna,1981. P. 551.

[57] См: выше, прим.8, а также: *Balard M.* La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe – XVe siècles). London, 1989. N 6.

[58] DF, 3021, NN 29: 13/III 1392, 85: 26/III 1395, 109: 7/VI 1395.

[59] ibid., N 81: 4/II 1394.

[60] DF, 3037, N/n: 4/VIII 1449.

[61] См. *Verlinden Ch.*L'esclavage dans l'Europe médiévale. T. 2: Italie. Colonies italiennes du Levant latin. Empire Byzantin. Gent, 1977; *Карпов С.П* Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // ВВ 1986. Т. 46. С. 139 – 145.

[62] DF, 3025, N 78; 3026, N 334 etc.

[63] DF, 3037, N 73: 7/IV 1449.

[64] DF, 3028, N 231: 3/VII 1435.

[65] DF, 3040, N 263: 20/I 1452.

[66] DF, 3034, N 51: 13/III 1443.

Глава 13

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТАНЫ[1]

Северное Приазовье и устье Дона всегда были зоной особого интереса для Византийской империи. Там существовало греческое поселение, не исчезнувшее при многочисленных политических перипетиях в истории региона в XII – XIII вв. Оттуда в Константинополь продолжали поступать зерно, соль, рыба, бывшие важным источником снабжения византийской столицы[2]. Открытие новых торговых путей и ключевая роль Азака/Таны в системе дальней и местной торговли привлекли внимание к ней итальянских купцов и предпринимателей, осваивавших византийские рынки.

Однако точная дата образования фактории итальянцев в дельте Дона с названием Тана не зафиксирована ни в одном известном нам документе. Изучение Таны насчитывает несколько столетий. Но и в трудах историков нет единства. Оставляя в стороне полемику по поводу локализации и даты возникновения античного Танаиса, расположенного на другой территории[3], обратимся лишь к вопросу о зарождении в устье Дона итальянских факторий. Разные версии появлялись уже в позднесредневековой литературе.

Польский историк конца XVI в. Мацей Стрыйковский относил зарождение поселения генуэзцев в Азове к XII в., когда половцы якобы предоставили им такую возможность. Он даже привел легендарную версию о союзе половцев с генуэзцами против татар в начале XIII в.[4]

В древнерусской Исторической Повести о взятии Азова казаками в 1637 г. отражена иная традиция. Возникновение Азова/Таны прямо связывалось с греческим поселением христиан при апостоле Павле. Отсчет истории средневекового города велся от античного, перешедшего позже в руки агарян за согрешения прародителей. Итальянский период существования фактории как бы поглощался

эллинистическим[5]. Повесть по сути обосновывала правомерность возвращения Азова под власть христиан, в конкретном исторической контексте – под власть Русского государства и православного казачества[6].

Участник Азовских походов Петра Великого историк Андрей Лызлов (ок.1655 – 1697) рассуждал о происхождении именования Азова Таной. Апеллируя как к своему источнику к итальянскому писателю Джованни Ботеро (1533 – 1617), чьи исторические экскурсы были известны Лызлову в польском переводе, Лызлов заключает, что Азов получил такое имя «яко латинники реку Дон называют Танаисом»[7]. К сожалению, Лызлов не успел закончить своего произведения, и мы не обнаруживаем в нем экскурса в историю возникновения итальянских факторий на Дону. Не найдем мы четких представлений об этом и у В.Н. Татищева (1686 – 1750). Заимствовав легенду Стрыйковского о половецком происхождении Азова, он полагал, что поселение генуэзцев в Азове существовало со времен овладения ими Херсонеса Таврического, или Крыма, не без оснований рассматривая в единстве процессы итальянской колонизации Северного Причерноморья[8].

Голландский мореплаватель, участник взятия Азова в 1696 г. и петровский вице-адмирал Корнелиус Крюйс, изложив предания об античном полисе, основание средневекового Азова на месте древнего Танаиса относил к дотатарскому периоду и связал его с ногайцами. Захват же итальянцами Азова, прежде греческого города, Крюйс связывал с событиями еще I Крестового похода (1096 – 1099), когда, при Готфриде Бульонском, христиане завладели Крымскими городами, Каффой, Балаклавой, Керчью, и когда генуэзцы и флорентийцы получили доступ в Приазовье. Венецианцев же Крюйс упомянул лишь в связи с их торговлей между Анатолией, Индией, Персией и Азовом[9]. Таким образом, начало итальянской колонизации было перенесено почти на 2 века вглубь, причем без достаточных для того аргументов.

Немецкий историк и филолог, петербургский академик Г.З. Байер (1694 – 1738), известный родоначальник норманской теории, первым обратился к систематическому изучению истории Азова с древнейших времен до начала XVIII в. Касаясь итальянского присутствия на Нижнем Дону, он полагал, вслед за Стрыйковским, что генуэзцы обосновались там ранее 1237 г. и получили право там поселиться от половцев[10]. Он вовсе не упоминал о существовании в Тане венецианской фактории.

Митрополит римско – католической церкви в России архиепископ Могилевский, автор одного из первых трудов по истории Таврии С. Сестренцевич-Богуш утверждал, что генуэзцы стали посещать Азов после I Крестового похода в начале XII в., в то время как венецианцы начали плавать на купеческих судах в Азов сразу после овладения ими Константинополем в 1204 г.[11] Хотя документов, подтверждающих пребывание итальянцев в Азове/Тане в начале XIII в. исследователи не приводили, сама идея раннего основания итальянских поселений в Азове закрепилась в историографии XVIII – начала XIX в. Создатель многотомного труда по истории венецианской торговли Карло Марин, следуя этой традиции, и становление венецианского поселения в Тане отнес ко времени после IV Крестового похода. Марину, однако, уже был известен хранившийся в Венецианском архиве перевод ярлыка хана Узбека венецианцам 1332 г. (он, правда, датировал грамоту Узбека 1333 годом, приняв дату перевода и регистрации документа в Венеции за год пожалования). Но Марин интерпретировал договор с Узбеком как воссоздание поселения после «смут» среди татаро-монголов[12]. В значительной степени следуя Марину, французский ученый Ж.Б. Деппан, остановившись на торговом значении античного Танаиса/средневековой Таны в товарообмене между греками, итальянцами и кочевыми народами, предположил, что соглашения венецианцев и генуэзцев с татарами XIV века должны были иметь своим прецедентом аналогичные договоры с греками[13]. Историк Лигурии Дж. Серра отметил, что возможность организации генуэзского торгового порта в Тане была создана татарами, восстановившими ранее существовавший древний город и проявлявшими веротерпимость. Тана возникла после того, как генуэзцы смогли укрепиться в Константинополе и Крыму. Таким образом Серра склонялся к датировке временем после основания Каффы (1260-х гг.)[14].

Не имея точных данных источников, но хорошо представляя историческую ситуацию в регионе, Н.М. Карамзин также отнес начало обоснования генуэзцев в Каффе, а затем и Азове, к правлению Михаила VIII Палеолога и справедливо отметил, что произвести это они могли с соизволения монголов[15].

Э.де Примоде, автор «Истории черноморской торговли», увидевшей свет в 1848 г., связывал начало плавания генуэзских судов в Азовское море с хрисовулом византийского императора Мануила I 1155 г., а венецианских – с итогами IV Крестового похода, в результате

чего в Азове возникла венецианская «колония». Генуэзцы же прочно утвердились там после обоснования в Крыму[16].

М. да Канале, как и К. Марин, датировал проникновение венецианцев в Черное море и устройство ими поселения в Тане, устье Дона, временем, вскоре после 1204 г. А основание генуэзской фактории он, вслед за Сестренцевичем, и вовсе относил к легендарному времени возвращения флота генуэзцев из I Крестового похода в конце XI – начале XII в.[17]

Водораздел между донаучным, основанным на разрозненных и более или менее произвольно интерпретируемых фактах, и научным, систематическим изучением истории итальянской колонизации Причерноморья на основе привлечения и критического осмысления обширного фонда источников, образует фундаментальный труд немецкого ученого библиотекаря В. Гейда. Он рассматривал возникновение Таны в широком контексте развития международной торговли XIII – XIV вв., когда новые торговые пути на Восток от портов Крыма, Приазовья, Понта и договоры итальянских морских республик с Византией и татарами сделали возможным интенсивный товарообмен Европы и Азии и обусловили итальянскую колонизацию берегов Черного моря. В. Гейд счел началом генуэзского торгового поселения в устье Дона 1316 – 1332 гг. Он обратил внимание на то, что венецианские торговые суда плавали в Тану с 1322 г. В 1325 г. венецианский консул в Тане упоминается в документах Сената. Гейд связывал венецианские посольства к татарам 1293 – 1303 гг. с попытками открыть торговый путь в Азию через Тану. По его мнению, первое известное пожалование венецианцам хана Узбека в 1332 г. основывалось на ранее сложившемся обычае и порядке взыскания татарами торговых пошлин с венецианцев. Отдельные факты позволяли Гейду предполагать существование какого-то венецианского поселения ранее 1332 г. Он, однако, считал определяющим пожалование 1332, так как именно оно оформило административный статус фактории по типу баюльства в Трапезунде[18]. М.М. Ковалевский[19] историю венецианской «колонии» в Азове начинал с 1322 г., времени открытия регулярной навигации туда торговых галей. По его мнению, к тому же периоду относится и зарождение генуэзского поселения. Это, как он считал, не могло произойти ранее, так как в 1316 г. Генуя запрещала своим гражданам зимовать в Тане или приобретать там недвижимость[20]. Ковалевский не отрицал возможности захода генуэзских судов в Тану с торговыми целями в начале XIV в., но полагал, что выгрузка их товаров

в Тане происходила не иначе, как с уплатой налога в пользу венецианцев[21]. Такое заключение, однако, не было подтверждено источниками. По Ковалевскому, административное устройство венецианская колония в Тане получила в 1333 г., вслед за договором с Узбеком.

Э. Фридманн, опираясь в основном на свидетельства портуланов и Пеголотти, полагал, что Тана была основана генуэзцами, торговавшими в Приазовье с начала XIVв.[22]

Новый поворот в изучении темы произошел в 20-е гг. XX в. Сначала Р. Чесси опубликовал текст инструкций, данных правительством Генуи послам к папе, посреднику в мирных переговорах с Венецией, от 17 октября 1269 г. Генуэзцы связывали свое согласие на договор с Венецией с запретом для венецианцев плавать в Тану и просили папу быть гарантом этого[23]. Документ был в дальнейшем интерпретирован Г. Брэтиану, Р. Лопецом и Ш.Папакостя как свидетельство посещений Таны венецианцами ранее 1269 г.[24] Г. Брэтиану, опубликовав акты нотария Каффы Ламберто ди Самбучето, впервые показал широкий размах торговли генуэзцев Каффы в Тане в 1289 – 1290 гг.[25] Отмечая ставшие известными, благодаря публикации А. Ломбардо и Р. Мороццо Делла Рокка[26] факты венецианской навигации в Черном море в 1206 – 1232 гг., Брэтиану рассматривал их как изолированные предприятия храбрых мореходов. С 1250-х гг. венецианские купцы торговали в Орде, а с 1269 у них уже были значительные торговые интересы в Тане. Но возникновение венецианской фактории Брэтиану также относил к 1333 г. и расценивал как результат пожалования Узбека[27].

Один из крупнейших знатоков экономической истории Средиземноморья Р. Лопец основание генуэзской фактории отнес к последней трети XIII в.[28]

В отечественной историографии Б.В. Лунин, ссылаясь на несуществующий договор между Венецией и Трапезундским царством, отнес первое упоминание о венецианской колонии в Азове к концу XII в., хотя, как он сам справедливо заметил, первые сведения о татарском Азаке восходят к XIII в. В основе заблуждения лежала неверная хронологическая атрибуция постановлений XIV в. об образовании фактории в Тане по примеру фактории в Трапезунде[29]. Исследователь Золотой Орды М.Г. Сафаргалиев связывал основание венецианской фактории в Тане с утверждением венецианцев в Судаке/Солдайе, якобы имевшем место в 1250-х гг.[30] Это было по сути

развитие взглядов Татищева, значительно устаревших и пересмотренных еще М.М. Ковалевским. Е.Ч. Скржинская, объясняя создание венецианской колонии в Тане неудачей попыток Венеции закрепиться в Крыму, временем оформления поселения на Дону, вслед за М.М. Ковалевским, сочла 1333 г.[31] Она лишь отметила пребывание в Тане генуэзских купцов и консула, но не датировала возникновение генуэзской фактории[32]. По мнению Ф. Тирье, утверждение венецианцев в Тане было вызвано тем, что генуэзская Каффа постепенно распространяла свое влияние на Солдайю (Судак), а также удобством пути от Таны к Сараю. После конфликта с Генуей 1299 г. венецианцы обосновываются в Тане, тогда как генуэзцы все более укрепляются в Каффе[33]. Образование венецианских факторий в Тане и Трапезунде происходило одновременно[34] (в конце XIII – первой четверти XIV в.).

М. Нистазопулу-Пелекидис связывала развитие Сугдеи/Солдайи и Таны как эмпориев, контролировавших важнейшие торговые пути. Отметив, что венецианцы посещали Тану до 1332, исследовательница указала на более раннее возникновение там генуэзского поселения, что ставило венецианцев в изначально невыгодное положение. Она приняла соображения В. Гейда о времени зарождения итальянских фактории в Тане[35].

Изучая историческую географию Золотой Орды, В.Л. Егоров возникновение венецианской и генуэзской *колоний* отнес к 30-м гг. XIV в.[36]

В фундаментальном исследовании генуэзской Романии М. Балара зарождение генуэзской фактории в Тане датировано периодом между 1280 и 1289 г. Автор обнаружил упоминание о генуэзском консуле в 1304 г[37]. М. Бериндей и Ж. Вейнстейн, отрицая значение Таны как важного этапа международной торговли в к. XIII – нач. XIV в., тем не менее, отмечают присутствие там в то время западноевропейских купцов. Собственных датировок возникновения итальянских факторий авторы не предлагают, ограничившись ссылками на работы В. Гейда и публикации источников М. Балара и Р. Ботье[38]. М. Мартин привел косвенные свидетельства интереса венецианцев к Причерноморью и возможности эпизодической торговли там купцов республики до XIII в., однако никаких следов фактории в устье Дона в то время не обнаружил[39]. Позднее он датировал возникновение генуэзского и венецианского «кварталов» 30-ми гг. XIV в.[40] Б. Думер подчеркнул мирный, договорный характер обоснования как генуэзцев, так и венецианцев в устье Дона и отнес создание венецианского консульства

в Тане к ноябрю 1333, не приняв во внимание единичное упоминание консула там в 1325/26 г.[41] В Оксфордском словаре Византии О. Прицаком названа ошибочная дата образования итальянской *колонии* в Тане – конец XII в.[42]

Не касаясь пока вопроса о значительно различающемся терминологическом определении населенного пункта в Тане (фактория, колония, крепость-колония, торговое поселение, эмпорий, владение, концессия и др.[43]) и исключая историографические недоразумения (типа утверждений Б.В. Лунина или О. Прицака в Оксфордском словаре об основании факторий в XII в.), подведем итоги хронологических атрибуций, начиная с трудов В. Гейда. Возникновение генуэзской фактории в Тане относят к 1280 – 89 гг. (М. Балар), последней трети XIII в. (Р. Лопец), концу XIII – началу XIV в. (Э. Фридманн, Ф. Тирье), 1316 – 1332 гг. (В. Гейд, Н. Нальдони, Р. Лёнертц, Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко[44], Ш. Папакостя, М. Нистазопулу-Пелекидис, М. Мартин, Л.Г. Шолохов[45]), после 1320 (Б. Шпулер)[46], после 1322 (М.М. Ковалевский). Венецианской – к периоду вскоре, после 1268 г. (А.М. Некрасов[47]), к концу XIII – началу XIV в. (Ф. Тирье), 1313 (Б. Шпулер)[48], 1322 (М.М. Ковалевский), 1332/3 (В. Гейд, Дж. Соранцо, Г. Брэтиану, Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко, Е.Ч. Скржинская, М. Нистазопулу-Пелекидис, Ш. Папакостя, Б. Думер, Д. Никол, М. Мартин). При этом многие исследователи приводили факты торговли итальянских купцов в Северном Причерноморье и в устье Дона еще до создания факторий, в XIII, но не XII, в. (когда эта зона была закрыта для иностранной морской торговли византийцами[49].

Населенный пункт близ современного Азова, видимо, существовал начиная с раннего средневековья. Во времена Юстиниана, как сообщают Прокопий и Евагрий, готы, жители Танаиса, просили императора прислать им епископа, что и было сделано. Хотя Евагрий писал о Танаитах как об обитателях зоны по берегам Меотийского пролива, несомненно, что речь шла о населенном пункте в устье Дона. Прокопий уточняет, что посольство с такой просьбой было направлено к Юстиниану на 22 году его единодержавного правления, то есть в 547/548 г., и увенчалось полным успехом. Местные готы-тетракситы и ранее имели священника, как писал Прокопий, но он скончался незадолго до этого[50]. Восточный топоним – Азак с достоверностью устанавливается со второй половины XIII столетия. Греки называли город по традиции Танаисом, не отличая его от лежащего на правом берегу Дона в руинах античного городища[51]. Какое-то русское

поселение на Дону (организованное татарами для перевозки купцов через реку), видимо, из берладников, существовало с 50-х гг. XIII в.[52] Тана – это название итальянского поселения, расположенного вблизи (и частично на территории) города Азака. Иногда западноевропейцы расширительно называли Таной и татарский Азак. В данном случае я прилагаю это название лишь к итальянским факториям. Замечу попутно, что с ними соседствовали также кварталы и дома с греческим, славянским, зихским и еврейским населением, которое частично могло проживать и на территории факторий.

Мне представляется, что складывание факторий было длительным и многоэтапным процессом. Именно поэтому так трудно определить точные даты их возникновения. Вероятно, нужны и более четкие критерии, и уточнение юридического и социального смысла понятий, их определенной иерархии.

Первый шаг к созданию фактории – регулярная торговля в одном и том же месте иностранных купцов. Обмен приобретает систематический характер и приводит к найму домов и помещений, временному проживанию там торговцев. Об особом поселении говорить пока трудно, но при определенных условиях оно появляется: купцы для большей безопасности селятся в одном караван-сарае, одном квартале. Постепенно образуется землячество, дома на чужой территории уже не арендуют, а строят или приобретают в собственность, в складчину возводят общественные здания, по типу тех, что были на родине (церкви или часовни-капеллы, колодцы, печь, бани, склады и т.д.)[53]. Церковь или часовня сама по себе служит и местом, где купцы собирались, чувствовали свою причастность далекой родине, и даже складом их товаров. Нередко именно в церковных странноприимных домах (ксенодохиях) первоначально останавливались купцы, прибывавшие на небольшой срок с караванами судов. Священники являлись нотариями купцов землячества, хранителями их средств, а также эталонов мер и весов, эмблем и инсигний. Ecclesia Mercatorum – особый объект исследования[54]. Такие кварталы нуждаются в охране, купцы начинают добиваться для них особых привилегий и, в лучшем случае, получают права экстерриториальности от местных правителей с разрешением строить укрепления. Процесс образования фактории венчает организация консульства (баюльства) с санкции и по законам метрополии (или с особыми статутами), со своей администрацией, лоджией, дворцом

консула, таможней и т. д. Но это – юридическое завершение, а не начало создания фактории.

При консуле состоит особый штат, непременными членами которого являются нотарий и казначей (иногда – в одном лице). Консульство имеет судебную курию, ведет делопроизводство. Особая важная тема – роль миссионерской деятельности в образовании факторий и монастырей на территории Золотой Орды. Столь же большой проблемой, выходящей за пределы этой статьи, является вопрос о роли государства и инициативы частных лиц, семейных кланов, купеческих и иных ассоциаций в процессе колонизации[55].

В начале XIII в. Тана еще неизвестна западным миссионерам и купцам. Они отправлялись на Восток, от Дона к Волге, через старый и известный порт Матрегу (Тмутаракань, совр. Тамань)[56], бывший важнейшим в регионе центром ярмарочной посреднической торговли еще в XII в. Именно особая роль Матреги на пути из Византии к устью Дона[57] обеспечила затем значение этой области Приазовья в международном товарообмене и после падения роли Тмутаракани.

Первые косвенные известия об итальянской торговле в Приазовье относятся к середине XIII в. Францисканский миссионер и путешественник В. Рубрук заметил, что купцы из Константинополя прибывают на больших судах в Матрику (Матрегу) и оттуда посылают лодки или небольшие корабли (барки) к устью реки Танаис (Дон) для закупки осетров и другой рыбы[58]. Возникает вопрос, кто был этими купцами? В 1253 г., времени, к которому относится рассказ Рубрука, Константинополь принадлежал Латинской империи, экономику которой контролировали венецианцы. В 1232 г. они уже заключали в Константинополе контракты, предусматривающие ведение торговли во всем Причерноморье[59]. Из Константинополя латинский император Балдуин посылал Рубруку в Солдайю рекомендательные письма[60]. Это не исключает, конечно, возможности традиционной торговли греков в тех районах. Да и письма императора были тоже написаны по-гречески. И все же именно итальянское происхождение купцов Рубрука становится особенно вероятным при сличении его текста с текстом Джованни ди Плано Карпини, в 1247 г., всего лишь 6 годами раньше, видевшего «купцов из Константинополя» (тот же термин!) в Киеве. В отличие от Рубрука, он называет их имена: Михаил Генуэзец и Бартоломей, Мануил Венетикус, Якоб Реверий из Акры(как полагает издатель, вслед за В. Гейдом, венецианский патриций из рода Веньеров), Николай Пизанец (или Пизано) и другие[61].

Вероятно, венецианцы и пизанцы, вслед за греками, издавна торговавшими в Меотиде, посещали Азовское море и район будущей Таны в середине XIII в. После восстановления Византийской империи и весьма непродолжительного действия известных ограничительных статей Нимфейского договора 1261 г., Венеция уже в 1265 – 1268 гг. добивается права вести привилегированную торговлю в Византии и свободно плавать в Черном море[62]. В договоре 1268 г. предусматривались взаимные обязательства генуэзцев и венецианцев не нападать друг на друга в водах Черного моря и на суше, гарантом исполнения которых становился византийский император[63].

Венецианская частная навигация в Черном море, видимо, быстро развивалась, равно как и генуэзская, получившая мощный импульс со времен Нимфейского договора. Уже через год после ратификации Венецией договора с Византией (1268 г.), генуэзцы, как отмечалось выше, стали проявлять крайнюю озабоченность тем, что венецианцы могли посещать порты Азовского моря и попытались дипломатическим путем воспрепятствовать их доступу туда, впервые, как кажется, сформулировав принцип «quod non iretur ad Tanam»[64]. Благоприятные условия для развития венецианской навигации в Азовском море создавало наличие у венецианцев опорного пункта в Сугдее (Солдайе)[65], в порт которой они заходили с 1206 г., а консульство создали не позже 1288 г.[66] Даже византийский посол в Орду пользовался венецианским кораблем, возвращаясь из Солдайи в Константинополь в 1274 – 78 г.[67]

Большой размах генуэзской торговли в Тане отражен в актах нотария Ламберто ди Самбучето, работавшего в Каффе в 1288 – 1290 гг. В этот период из Таны вывозили преимущественно местные продукты, чаще всего – рыбу[68]. С начала XIV в. Тана все в большей мере станет контролировать «монгольский торговый путь» и в ее экспорте шире представлены шелк, хлопок, специи, пушнина, драгоценные камни и металлы[69].

Примечательно, что до 60-х гг. XIII в. название Таны как населенного пункта не встречается ни у миссионеров и путешественников[70], ни в официальных документах. В 1269 г. оно появляется в упоминавшейся генуэзской инструкции, а в 1271 г. – в нотариальном акте критского нотария П.Скардона (в связи с контрактом комменды)[71]. Среди картографических источников Тана впервые упоминается в словесном портулане 1265 – 96 г.[72] Видимо, во второй половине 60-х гг., одновременно или чуть позднее

возникновения генуэзской Каффы, появляются итальянские поселения в устье Дона, не имевшие еще юридического статуса.

К 1304 г. в Тане полностью завершилось формирование генуэзского консульского управления: нотариальный акт упоминает не только консула и нотария, но и curia consulatus *civitatis*, со своей печатью (sigillo dicte curie)[73]. Фактория осознается как городская община. Такому ходу дел должен был предшествовать договор генуэзцев с татарским ханом, однако его текста или прямых свидетельств соглашений мы пока не имеем.

Неизвестно, насколько кризис в отношениях татар и генуэзцев 1307 – 1308 гг. (арест генуэзских купцов в Сарае и последующий поход на Каффу хана Тохты, завершившийся оставлением города генуэзцами) затронул Тану. М.Балар предполагал, что поездки в Тану были прекращены, и фактория возрождалась вновь с 1315 г.[74] Однако 14 октября 1307 г. пизанские купцы оформляют в Тане у нотария Франческо Саличето договор комменды, одним из свидетелей которого является лигуриец – Бартоломео из Кьявари[75]. В 1311 г. присутствие генуэзцев в Тане засвидетельствовано нотариальной минутой Риккобоно Пальмерио[76]. Может быть, фактория не прекратила своего существования в это время. В ноябре 1313 г. при самом учреждении Оффиции Газарии дела Таны упомянуты как относящиеся к ее компетенции[77]. Отстраивая Каффу и желая сконцентрировать усилия на возрождении своего главного поселения, Оффиция Газарии в Уставе Каффы 1316 г. записывает обязательство для патронов всех судов, идущих в Азовское море, причаливать в Каффе хотя бы на день и платить там положенные там налоги. Одновременно Оффиция вводит запрет генуэзцам и всем пользовавшимся покровительством и статусом республики, зимовать в Тане и владеть там домами[78]. Сам этот запрет свидетельствует о существовании Таны в тот момент, когда Каффа была временно оставлена и сожжена. Вряд ли он мог строго исполняться при наличии там поселения: в 1315 г. в Тане действует большая группа генуэзцев со своим нотарием[79]. В 1326 нотарий Francesco de Campis был одновременно генуэзским консулом и писцом в Тане[80]. Такое совмещение функций – показатель одновременно и того, что статус фактории был юридически закреплен, и того, что ее управление еще не было развитым, а сама фактория – вряд ли отличалась многочисленностью.

Возможно, венецианцы сделали первую, неудачную, попытку основать консульство в Тане в 1292 г. В решении Большого Совета о

посольстве к хану Ногаю предусматривалась возможность послу, если его миссия будет успешна, остаться консулом «в тех местах» (in partibus illis) на 3 года[81]. Вероятным местом такого консульства на территории Орды была Тана. Но о пожаловании Ногая данных нет. Вряд ли этой цели достигло и посольство к татарам в 1300 г.[82] Венецианское консульство в Тане, скорее всего, возникает между 1317 и 1325 гг. В 1317 г. Венеция поручает осуществить демарш ради возвращения выморочного имущества венецианского купца в Татарии константинопольскому байло[83]. Впоследствии переговоры с ордынскими правителями (если не избирался специальный посол) традиционно вели венецианские консулы в Тане[84]. Очевидно, в 1317 г. такого консула еще не было. В январе 1326 в рубриках постановлений Сената встречается первое упоминание о консуле в Тане[85]. Назначение консула могло последовать за организацией навигации торговых галей «линии» в Тану[86]. Первое прямое упоминание о посылке туда галей коммуны мы встречаем в документах Сената в 1322 г.[87] Но и ранее невооруженные суда Венеции плавали в Тану. В декабре 1322 один такой караван судов из Таны прибыл в Венецию[88], а в 1320 г. республика установила нормы исчисления фрахта с товаров в Тане и в Газарии[89]. Регламентация уплаты фрахта и налогов требовала присутствия в Тане полномочных представителей республики. К тому же времени, 1324 г., относится и контракт односторонней комменды (коллеганцы) венецианских купцов, заключенный в Константинополе и касающийся продажи олова в Орде, скорее всего – в Тане и Сарае. Сам формуляр свидетельствует о заурядности, а не экстраординарности такой поездки[90]. Вероятно, в начале 20-х годов и формируется институт венецианского консульства в Тане, создание которого стимулировалось потребностями торговли и дальней навигации.

Принятая дата создания фактории – 1332 или 1333 гг., вследствие реализации договора с Узбеком, вряд ли состоятельна. Не случайно, что в решениях Сената 1331 – 32 гг. о подготовке миссии к хану, сказано не об ambaxatores ad Tartarum, как в 1300 г., а о посольстве и послах непосредственно ad Tanam, в Тану[91]. Еще до отправки посольства, заключившего договор с Узбеком осенью 1332 г., в январе 1332 г. Сенат поручает консулу в Тане сбор специального полупроцентного налога с купцов, торгующих во всем Азовском море (a Ponticopera supra)[92]. Затем Сенат постановляет поручить избрание нового консула в Тане послу и купцам фактории[93]. Это решение, видимо, отражает тот порядок, когда институт консульства только формировался и избрание высшего

должностного лица фактории было прерогативой живущих в фактории венецианских нобилей. Постановление Большого Совета от 8 апреля 1278 предусматривало, что венецианцы, обосновавшиеся за границей, сами могли избирать консула, но при условии, что коммуна не будет выплачивать ему оклада из своих средств[94].Поэтому юридические нормы допускали избрание консула на месте, в Тане. В феврале 1333, после возвращения посла и получения известий о соглашении с ханом, этот порядок был изменен: отныне консул назначался в Венеции на 2 года. Все его функции тщательно регламентировались[95]. Венецианским консулом в Тане в 1332 – середине 1333 г. был Пьетро Джустиниан. Он, вместе с послом Андреа Дзено, добился для Таны привилегий и прав экстерриториальности, он информировал республику о положении дел в Тане (super facto Tane ... nobis scripsit) [96] и он же доставил в Венецию в ноябре 1333 г. ханскую пайдзу и перевод договора с «куманского» на латинский язык[97]. Таким образом, до постановлений о порядке управления в Тане, принятых Сенатом 9 и 18[98] февраля 1333 г., там уже был венецианский консул, который затем активно участвовал в подготовке решений о реформе управления факторией. Был в Тане и большой совет купцов-нобилей, который мог по решению Сената вотировать новые налоги и собирать средства на погашение дополнительных расходов посольства[99]. Одной из главных забот новой администрации Таны было строительство караван-сарая на экзимированной территории[100].

Таким образом, историю возникновения итальянских факторий в Тане можно реконструировать следующим образом. С середины XIII в. сначала венецианцы, чуть позднее – генуэзцы начинают вести постоянную торговлю в устье Дона. Во второй половине 60-х гг. возникают венецианское и генуэзское поселения, не имевшие консульств. Генуэзское консульство оформляется в Тане ранее венецианского, до 1304 г., скорее всего – в конце 80 – начале 90-х гг. XIII в. Венецианское консульство возникает в начале 1320-х гг. В 1332 г. венецианская фактория получает особый юридический статус, оформленный договором с ханом Золотой Орды Узбеком и решениями Сената в феврале 1333 г. Генуэзская фактория в Тане также имела права и привилегии от хана и, используя их, даже теснила соседей-венецианцев[101], но дата их получения нам неизвестна. Благоприятным условием налаживания венецианской торговли в Тане был и договор Венеции с Византией в ноябре 1332 г.

[1] Публикуется с дополнениями и поправками. Первая публикация: ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 5 – 18 Сердечно благодарю Н.М. Фомичева за высказанные им соображения. принятые мной во внимание

[2] См., напр.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П.Новосельцева. М., 1989. С. 170 – 173 (о строительстве византийцами для хазар крепости Саркел на Дону); *Каждан А.П.* Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 97 – 101; *Он же.* Неизвестное греческое свидетельство о русско-византийских отношениях в XII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. ст., посв. Л.В. Черепнину. М., 1972. С. 235 – 236; *Литаврин Г.Г.* Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) // Там же. С. 237 – 242; *Matschke K. – P.* Zum Charakter des byzantinischen Schwarzmeerhandels im 13. bis 15. Jh. // Wiss. Zeitschrift d. Karl-Marx Universität Leipzig. Gesellsch. – und Sprachwiss. Reihe. 1970. Jg. 19. H.3. S. 447 – 458; *idem.* Byzantinische Politiker und byzantinische Kaufleute im Ringen um die Beteiligung am Schwarzmeerhandel in der Mitte des 14. Jh. // Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsintitutes in Österreich. 1984. N 2/ VI. S. 75 – 96; *Смирнов В.Н.* Экономические связи Древней Руси с Византией и Сев. Причерноморьем в VIII – XV вв. Автореф. канд. дис. Л., 1980; *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII – XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. М., 1981. С. 66 – 68, 134 – 135; *Laiou-Thomadakis A.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, XIIIth-XVth Centuries // DOP, 1982, T. 34 – 35. P. 194 – 195; *eadem.* Byzantium and the Black Sea, XIIIth-XVth Centuries: Trade and the native populations of the Black Sea area// България Понтика II. София, 1988. С. 164 – 201; *Копылов В.П., Смоляк А.Р* Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII – первой половине VIII в. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С. 57 – 66; *Фомичев Н.М.* О происхождении названия и времени основания города Азова // Очерки истории Азова. Вып. 1. Азов, 1992. С. 35 – 54; *Balard M.* Byzance et les régions septentrionales de la mer Noire (XIIIe – XVe siècles). // RH. 1993. T. 288. N 1. P. 19 – 38.

[3] См. подробнее: *Бойко А.Л.* Древности Азова и вопрос о местонахождении античного Танаиса // Древний мир и средние века (тезисы докладов. Апрель 1993.) Ростов-на-Дону, 1993. С. 3 – 5; *он же.* О раннем этапе исследований античного Танаиса // Рубикон. Вып. 1. Ростов н/Д., 1997. С. 10 – 21; он же. Первые исследователи Древней истории Дона // Исторические этюды. Ростов н/Д., 1997. Вып. 2. С. 36 – 45; *Фомичев Н.М.* О происхождении названия и времени основания города Азова...

[4] Хроника была завершена в 1580 г., и впервые опубликована в 1582 г. Мы используем издание: *Stryjkowskego Macieja* Kronika Polska, Litewska, Zmódska i wszystkiéj Rusi. Warszawa, 1846. T. I. P. 168 – 169, 181, 231.

[5] Воинские повести Древней Руси. М. – Л., 1949. С. 47 – 48.

[6] Ср.: *Бойко А.Л.* Первые исследователи Древней истории Дона // Исторические этюды. Ростов н/Д., 1997. Вып. 2. С. 36 – 38.

[7] *Лызлов А* Скифская история. М., 1990. С. 116.

[8] *Татищев В.Н.* Примечания на Вторую часть истории Российской // *Татищев В.Н.* Собр. соч., Т. 7. М.,1996. С. 118 – 119; *его же.* Лексикон Российской исторической,

географической, политической и гражданской // Там же. Т. 8. С. 156; ср.: *Бойко А.Л.* О раннем этапе исследований античного Танаиса .. С. 10 – 21.

[9] *Cruys Cornelius.* Nieuw Paskartboek, behelzende de groote rivier Don. of Tanais .. Amsterdam, 1702. Русский перевод сочинения Крюйса. Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о казаках), учененные по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крейсом в 1699 г. и поднесенные царевичу Алексею Петровичу // Отечественные записки. 1824. Ч. 53 – 56, см. особо Ч. 55. С. 169 – 172 (перепечатано также в Памятной книжке Области Войска Донского на 1903 г. Новочеркасск, 1903. С. 5 – 28). См. также· *Бойко А.Л.* Первые исследователи... С. 40 – 43.

[10] *(Байер Г.З)* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. Изд. 3 – е. СПб., 1782. С.56.

[11] *Сестренцевич Богуш С.* История о Таврии. Спб., 1806. Т. 2. С. 164 – 165, 168. Первое, французское издание труда вышло в 1800 г.[*Sestrzencewicz Bohusz S.* Histoire de la Tauride. Brunswick, 1800. T.1 – 2]. По нему и сделан авторизованный автором перевод. В РГБ хранится экземпляр этой книги с дарственной надписью автора на русском языке Г.Р. Державину.

[12] *Marin Carlo Antonio.* Storia civile e politica del commercio de' Veneziani. Venezia, 1800. Vol. IV. P. 91 – 92, 130 – 131, 136 – 138, 143, 262 – 263.

[13] *Depping G.B.* Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe depuis les Croisades jusqu'à la fondation des colonies d'Amérique. Paris, 1830. (repr.: NY, 1970). T.1. P. 137 – 138; T. 2. P. 33 – 34, 99 – 101. В части, относящейся к Тане, Деппан опирался в основном на труды Марина.

[14] *Serra G.* Storia della antica Liguria e di Genova. Genova, 1835. T. 2. P. 132 – 134.

[15] *КарамзинН.М.* История государства Российского. Изд. 5 – е СПб., 1842. Кн. I. Т.IV. С. 73 – 74.

[16] *Primaudaie E., de la.* Études sur le commerce du moyen âge. Histoire du commerce de la Mer Noire et des colonies génoises de la Krimée. Paris, 1848.P. 47,60,74,100 – 101.

[17] *Canale M., da.* Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai dì nostri. Genova, 1855. Vol. 1. P. 139 – 140; 193.

[18] *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1886. T. 2. P. 178 – 184. Точка зрения В. Гейда была принята в работах: *Soranzo G.* Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari. Un secolo di penetrazione occidentale in Asia. Milano, 1930. P. 456 – 457 (Дж. Соранцо полагал, что Тана была неизвестна миссионерам и купцам XIII в., и потому не имела тогда значения, ибо латиняне предпочитали обосновываться на Южном берегу Крыма, избегая из-за мелководья Азовского моря основывать там факторию. Лишь открытие важного пути на Восток изменило ситуацию). Naldoni N. Le colonie genovesi nel Mar Nero // Atti del Secondo Congresso di Studi Coloniali. Napoli, 1934. T. 2. P. 133, 144; *Loenertz R.* La Société des frères Pérégrinants. Étude sur l'Orient Dominicain. I. Roma, 1937. P. 97; *Papacostea Ş.* "Quod non iretur ad Tanam". Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // RESEE. 1979.T.XVII, N 2. P. 204 – 205.

[19] *Ковалевский М.М.* К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке // Труды XII Археологического съезда в Харькове, 1902. М., 1905. Т. 2. С. 109 – 174.

[20] *Ковалевский М.М* К ранней истории... С. 118.

[21] *Ковалевский М.М* К ранней истории... С. 119 – 120.

[22] Friedmann E. Die mittelalterliche Welthandel von Florenz in seiner geographischen Ausdehnung (nach der Pratica della mercatura des Balducci Pegolotti) // Abh. der K.K. Geographischen Gesellschaft in Wien. 1912. X Bd. N 1. S. 8.

[23] *Cessi R.* La tregua fra Venezia e Genova nella seconda metà del sec. XIII // Archivio Veneto-Tridentino. 1923. T.IV. P. 10.

[24] *Bratianu G.* Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929 P. 254; *Lopez R.* Genova marinara nel Duecento. Benedetto Zaccaria, ammiraglio e mercante. Milano, 1933. P. 45; *Papacostea Ş.* "Quod non iretur ad Tanam"... P. 204. *Nicol D.* Byzantium and Venice. A study in diplomatic and cultural relations. Cambridge,1988. P. 294 – 295.

[25] *Bratianu G* Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du Treizième siècle (1281 – 1290). Bucarest, 1927; *idem.* Recherches... P. 244. Новое, более полное издание актов Ламберто ди Самбучето было затем осуществлено М.Баларом, в специальной работе обратившегося и к морской торговле каффинцев, в том числе и в Тане: *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto. 1289 – 1290. Paris; La Haye, 1973. *Idem.*Notes sur l'activité maritime des Génois de Caffa à la fin du XIIIe siècle //La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe – XVe siècles). London, 1989. N XI. P. 375 – 385.

[26] *Morozzo Della Rocca R., Lombardo A.* Documenti del commercio veneziano nei secc. XI – XIII. T. 2. Torino, 1940. NN 478, 541, 662.

[27] *Brătianu G.* La Mer Noire. Des origines à la conquête ottomane. München, 1969. P. 227, 239, 243, 268.

[28] *Lopez R.* Storia delle colonie Genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938. P. 301. Его выводы, однако, не были в полной мере учтены последующей историографией. И после публикаций Брэтиану и Лопеца нередко утверждалось, что генуэзское поселение в Тане возникло в 1333 г. вследствие пожалования хана Узбека (путаница с договором Узбека с Венецией): *Astuti G.* Le colonie genovesi del Mar Nero e i loro ordinamenti giuridici //Colloquio Romeno-Italiano "I Genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII e XIV". Bucureşti, 1977. P. 107 – 108.

[29] *Лунин Б.В.* Очерки истории Подонья – Приазовья. Ростов н/Д. 1949. С. 148, 144.

[30] *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 80 – 81.

[31] *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 31 – 32; *eadem* Storia della Tana //Studi Veneziani, X, 1968 (1969). P. 8 – 10.

[32] *Скржинская Е.Ч.* Барбаро... С. 33.

[33] *Thiriet F.* Les Vénitiens en Mer Noire. Organisation et trafics (XIIIe – XVe siècles) // АП, 1979. T. 35.P. 40 – 41.

[34] *idem.* La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959 (repr.: 1975). P. 162.

[35] *Nystazopoulou M.G.* Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία ἀπὸ τοῦ ΙΓ΄ μέχρι τοῦ ΙΕ΄ αἰῶνος. Athenai, 1965. P. 47; *Nystazopoulou – Pélékidis M.* Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle // Thesaurismata. 1970. Vol. 7. P. 29 – 31.

[36] *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М., 1985. С. 92.

[37] *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978.T. I, P. 151; *idem.* La Mer Noire...IV, P.201; V, P.35. Документ 1304 г. с упоминанием консула был позднее издан Р.С.Лопецом: *Lopez R.* Nelle terre dell'Orda d'Oro: tre documenti genovesi

inediti // Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata. Roma, 1986. T. 2. P. 470 – 471.

[38] *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siècle) // Turcica, 1976, T.VIII/1. P. 110 – 118.

[39] *Martin M.E* The First Venetians in the Black Sea // АП. 1978. T. 35. P. 111 – 122; *idem.* The Venetians in the Byzantine Empire before 1204 // BF. 1988. Bd XIII. P. 201 – 214.

[40] *Martin M.* The Venetians in the Black Sea: a general Survey // Rivista di Bizantinistica. 1993. Vol. 3. P. 234.

[41] *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction du M.Balard. Lyon, 1989. P. 251 – 252.

[42] The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. P. Kazhdan. Oxford, 1991. Vol. 3. P. 2009.

[43] Проблема была затронута в монографии: Strässle P.M. Der internazionale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261 – 1484 im Spiegel der sowjetischen Forschung. Bern – Frankfurt a.M., NY-P., 1990. См. также: *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie... P. 251 – 266.

[44] *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 90. Перевод на ит. язык: *Zevakin E.S., Pencko N.A.* Ricerche sulla storia delle colonie Genovesi nel Caucaso Occidentale nei seccoli XIII – XV // Miscellanea di Studi Storici, I. [Collana storica di Fonti e Studi diretta da G.Pistarino, 1]. Genova, 1969. P. 16.

[45] *Шолохов Л.Г.* Дони Азовское море. Новочеркасск, 1993. С. 68.

[46] *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland.1223 – 1502. 2 Aufl. Wiesbaden, 1965. S. 394 – с ошибочным указанием, что «ответвленное» генуэзское поселение (Zweigniederlassung) было в венецианской Тане.

[47] *Некрасов А.М.* Крым – центр Причерноморской контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 27.

[48] *Spuler B.* Die Goldene Horde... S.397.

[49] См. подробнее: *Lilie R. – J* Handel und Politik zwischen dem Byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi (1081 – 1204). Amsterdam, 1984; *Papacostea Ş.* La Mer Noire: du monopole byzantin à la domination des Latins aux Détroits //Rev. Roum. d'Hist., 1988. T. XXVII, N 1 – 2. P. 49 – 71; *Jacoby D.* Italian privileges and trade in Byzantium before the Fourth Crusade: a reconsideration // Anuario de estudios medievales. 1994. T. 24. P. 360; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 63 – 65 (там и литература вопроса).

[50] Procopii Caesariensis Opera omnia / rec. J. Haury. Vol. 2. Lipsiae, 1963. IV, 4. P. 502 – 503; Прокопий из Кесарии Война с готами. М., 1950, С. 384 – 385; Euagr., 4, 23; *Евагрий Схоластик.* Церковная история. М., 1997. С. 168.

[51] См. Прим. 3.

[52] *Wyngaert, van den A.* Sinica Franciscana. Vol. 1. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi – Firenze, 1929. T. 1. P. 196 – 197; *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны // *Плано Карпини Дж.* История монгалов, *Рубрук Г.,де.* Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 107.

[53] См., напр.: *Lopez R.S.* Du marché temporaire à la colonie permanente. L'evolution de la politique commerciale au moyen âge // *idem.* Byzantium and the World around it: Economic and Institutional Relations. London: Variorum Reprints, 1978. N V. P. 389 – 405.

[54] См. особо: *Slessarev V. Ecclesiae Mercatorum* and the rise of Merchant colonies // Business History Review. XLI, 1967, p. 177 – 97; *Abulafia D.* Pisan commercial colonies and consulates in twelfth-century Sicily // The English Historical Review. N 93. 1978. P. 68, repr. in: *Abulafia D.* Commerce and Conquest in the Mediterranean, 1100 – 1500. Aldershot: VR, 1993. N VI.

[55] См., напр.: *Heers J.* Origines et structures des compagnies coloniales génoises (XIIIe – XVe siècle) // État et colonisation... P. 17 – 33; *Pistarino G.* La Capitale del Mediterraneo: Genova nel Medioevo. Bordighera, 1993. (Collana Storica dell'Oltremare Ligure, VI).

[56] *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII – XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический Архив. Т. 3. С. 73, 96; *Dörrie H.* Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julians O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, I. Philolog. – Hist. Klasse. 1956. N 6. S.153.

[57] См., напр.: *Коновалова И.Г* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 49, 168.

[58] *Wyngaert, van den A.* Sinica Franciscana. Vol. 1... P. 166 – 167.

[59] *Morozzo Della Rocca R., Lombardo A.* Documenti... T. 2. N 662, P. 200 – 201.

[60] *Wyngaert, van den A.* Sinica Franciscana. Vol. 1... P. 190 – 191.

[61] Ibid., P. 129. Имена Henricus, Heinricus Bonadies – безусловно – латинские, Marchus и Iohannes – скорее всего латинские, хотя теоретически их носителями могли быть и греки. Vasius и Petrus Paschami идентифицировать труднее.

[62] *Nystazopoulou – Pélékidis M.* Venise et la Mer Noire... P. 24 – 25 (с указанием источников); *Thiriet F.* La Romanie... P. 144 – 150; *Balard M.* La Romanie... I, P. 42 – 50; *Nicol D.* Byzantium... P. 176 – 227; *Origone S.* Bisanzio e Genova. Genova, 1992. P. 121 – 123, 204 – 208.

[63] *Tafel G.L.F., Thomas G.M.* Urkunden zur älteren Handels-und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante vom neunten bis zum Ausgang des fünfzehnten Jahrhunderts. Wien, 1856 – 1857. Bd 1 – 3 [Repr.: Amsterdam, 1964] (далее – TT). Bd III, P. 96 – 97. То же условие повторено в договорах 1277 и 1285 гг.: TT, III. P. 141, 329. Новое издание: *Pozza M., Ravegnani G.* I trattati con Bizanzio 1265-1285. [Pacta Veneta, 6]. Venezia, 1996. P. 61, 91-92, 140-141.

[64] *Cessi R.* Tregua...P. 10; *Bratianu G.* Recherches...P. 254; *Papacostea Ş.* "Quod non iretur ad Tanam"... P. 202 – 203.

[65] *Секиринский С.А.* Очерки истории Сурожа IX – XV вв. Симферополь, 1955; *Nystazopoulou M.G.* Ἡ ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία... P. 30 – 40; *Nystazopoulou – Pélékidis M.* Venise... P. 26 – 27.

[66] Постановления об отправке консула в Солдайю на год впервые встречаются в постановлениях Большого Совета Венеции 4, 8/IV 1288: Archivio di Stato di Venezia, Maggior Consiglio, (далее-ASV, MC), Liber Zanetta, f.276v, 278v. Публикация: Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia /per cura di *R.Cessi.* Vol. 3. Bologna, 1934. P. 201. Регесты: *Thiriet F.* Délibérations des Assemblées Vénitiennes concernant la Romanie. Paris-La Haye, 1966 T. I N CXXIV.

[67] TT, III.N 370, P. 245 – 6.

[68] *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. ...; *idem.* La Romanie... T.I. P. 151; *idem.* Notes... P. 382; *idem.* Les Génois en Crimée aux XIIIe-XIVe siècles // АП. 1978. T. 35. P. 213 – 214.

[69] *Pegolotti Francesco Balducci.* La Pratica della mercatura/ ed. by E.Evans. Cambridge, Mass.,1936. P. 23 – 25; *Bautier R. – H.* Les relations économiques des Occidentaux avec les pays d'Orient au Moyen Âge. Points de vue et documents. // *idem* Commerce méditerranéen et banquiers italiens au Moyen Âge.London, 1992. N IV. P. 314.

[70] На это обратил внимание еще В. Гейд, отнесший первое упоминание о Тане к 1306 г. (в генуэзском портулане): *Heyd W.* Histoire...II, P. 180 – 181

[71] *Lombardo A.*, Documenti della colonia veneziana di Creta. 1) Imbreviature di P.Scardon (1271). Torino, 1942. N 233.

[72] Il Compasso di navigare... Затем она неизменно, начиная с первой сохранившейся навигационной карты Черного моря Пьетро Весконте 1311 г., встречается во всех других средневековых навигационных картах. Часто название Тан(н)а выделено на них киноварью и над городом помещен флаг.

[73] *Lopez R* Nelle terre... P. 469.

[74] *Balard M* La Romanie...T.1. P. 152.

[75] *Bautier R. – H.* Les relations... P. 326. В этом документе, как кажется, впервые упомянуты аспры Таны.

[76] *Balard M.* La Romanie...T.1. P. 152, note 130.

[77] Impositio Officii Gazarie/ ed. L.Sauli // HPM. 1838. T. 2. Col.306: 26/XI 1313.

[78] Impositio Officii Gazarie... P. 378, 381; *Heyd W.* Histoire...T. 2. P. 181.

[79] *Balard M.* La Romanie...T.1. P. 152.

[80] ASG, Notai Ignoti, B.9, fr.100, f.11r, цит. по: *Balard M.*, Les milieux dirigeants dans les comptoirs génois d'Orient (XIIIe – XVe ss.) // *Balard M.* La Mer Noire ... art. N III (orig. in: La Storia dei Genovesi, T.1. Genova, 1981.P. 175; idem. La Romanie, I. P. 152.

[81] ASV, MC, Pilosus, f.412r-v; публикация: Deliberazioni... Vol. 3. Bologna, 1934. P. 315. Регесты: *Thiriet F.* Délibérations...Vol. 1. N CLXVI – 10, 17/IV 1292.

[82] SM,I, N31 (DS,I,P. 5): 1300.03.

[83] ASV, MC, Clericus et Civicus, f.119v; *Thiriet F.* Délibérations...Vol. 1. P. 304 (публикация); N 388 (регеста): 1/X 1317.

[84] См., напр.: *Скржинская Е.Ч.* Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро) // ВВ. 1973. Т. 35. С. 103 – 118; *eadem.* Un ambasciatore Veneziano all'Ordo d'Oro // Studi Veneziani. XVI. 1974 (1975). P. 67 – 96.

[85] Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato), Serie 'Mixtorum. Vol. 1: Libri I – XIV/ a cura di *R.Cessi e P. Sambin.* Venezia, 1960 (далее– DS,I) IX, N 144 P. 310 – 1326.01.

[86] Подробнее см.: *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII – XV вв. М.,1994.

[87] DS, I, VII, NN 66, 86 – май 1322.

[88] Ibid., N 218. Посещение Таны венецианскими невооруженными судами прослеживается по источникам и позднее, на протяжении 20-х гг. XIV в.: ASV, Avogaria del comun, 3641, Raspe, 1 (1324 – 1341), f. 31r: 13/II 1330 (1329 m.V.) – плавание в Тану с возвращением в Венецию ранее октября 1329 г. См. также: Карпов С.П. Древнейшие постановления Сената Венецианской республики о навигации в Черное море // Причерноморье в средние века. СПб., 2000. Вып. 4. С.11 – 18.

[89] DS,I, VI, N 50 – сентябрь 1320 (Рубрики постановлений Сената). Полные тексты этих постановлений сохранились в фондах Оффициев экстраординариев, ведавших взиманием налогов: ASV, Cinque Savi alla mercanzia, 22bis, f. 11(16)r-v; 22ter, f.6r-v – 22 сентября 1322 г. См. публикацию: *Карпов С.П.* Древнейшие постановления... С. 16-17.

[90] Публикация документа и обстоятельный комментарий: *Berindei M., Migliardi O'Riordan G.* Venise et la Horde d'Or, fin XIIIe – début XIVe siècle. A propos d'un document inédit de 1324 // Cahiers du monde russe et soviétique. XXIX. N 2. 1988. P. 243 – 256.

[91] SM, XIV N 245 (DS,I,P. 460):1331 11; SM, XIV, N 310, 312 (DS,I,P. 465, 466): 1332.01; SM, XIV, N 325 (DS ,I, P. 467): 1332.01; SM, XV, f.4r. 1332 03.19.

[92] DS, I, XIV, N 322.

[93] Ibid., N 325 – январь 1332.

[94] *Thiriet F.* Délibérations des Assemblées...T.1. P. 38. N XLVIII.

[95] ASV, Senato, Misti, XV, f.57v – 58r – 9/II 1333 (1332 m.V). Публикации постановления: *Blanc, baron.* Le flotte mercantili dei Veneziani. Venezia, 1896, P. 11; Diplomatarium Veneto – Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. T. 1: a.1300 – 1350 / ed. *G M. Thomas*. Venetiis, 1880. P. 249 (ошибка в дате: 9/II 1334); регеста: DS, II. Venezia, 1961. N 418; *Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris-La Haye. 1958. T.1 N 28 (ошибка в дате: 8/II 1333).

[96] ASV, Senato, Misti, XV, f. 55r: 21/I 1333 (1332 m.V.). Регеста: DS, II, N 397.

[97] Diplomatarium ...T.1. P. 243 – 244. В январе 1333 г. Джустиниан еще находился в Тане. (Сенат рассматривал его письмо о событиях в Тане после отъезда оттуда посольства Дзено – SM, XV, f. 55r (DS, II, N 397): 21/I 1333 (1332 m.V.). Он вернулся в Венецию и представил пайдзу хана курии в ноябре этого года и лишь тогда в тексте перевода ярлыка Узбека назван бывшим (olim) консулом в Тане. Позднее Пьетро Джустиниан был, вместе с Джованни Квирини, венецианским послом в Орде и получил в 1342 г. ярлык Джанибека с новыми привилегиями для Таны: ibid., P. 261 – 263; ASV, Senato, Misti, XXI, f.49r – 22/VII 1343. Нередко он встречается в документах Сената в качестве члена комиссии «мудрых» по делам Таны. См., напр.: ASV, Senato, Misti, XX, f.18v – 17/XI 1341; f.45v – 1/IV 1342.

[98] ASV, Senato, Misti, XV, f.58v (Diplomatarium...T.I P. 250 – 253).

[99] SM, XV, f.4r:19/III 1332 (RS I, N 10; DS,II, N 31; *Canale M.* Della Crimea, II, P. 443 – 444).

[100] Ibid.,XVI, f. 50r-v – 22/II 1334.

[101] Напр.: ASV, Senato, Misti, XX,f.22v (Blanc, op. cit., P. 81) – 29/XI 1341; f.28r – 19/I 1342; f.33v – 26/II 1342; f.45r – 1/IV 1342; f.72V – 73r – 27/VII 1342; Diplomatarium... T.I. P. 259 – 261 – 24/VI, 12/VII 1342.

*Выражаю искреннюю признательность византийскому институту Dumbarton Oaks/ Washington за предоставленную в 1994/95 гг. возможность работы над статьей и главами книги о Тане в этом прекрасном исследовательском центре и библиотеке.

Глава 14

ОТ ТАНЫ – В УРГЕНЧ. ЭТИ ТРУДНЫЕ ДОРОГИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Средневековье сохранило немало ярких описаний путешествий западноевропейцев на Восток. Сейчас даже сделана попытка создать их классификацию, с выделением путеводителей для пилигримов и купцов, рассказов о пилигримажах, о крестовых походах, посольствах, миссиях, путешествиях и описаний мнимых странствий[1]. Впрочем, предлагаемое Ж. Ришаром название «путеводители для купцов»[2] не точно. Такого жанра не было, и описание путей неизменно включалось в более широкий контекст «торговой практики», где главным был рассказ о товарах, ценах, тарифах, пошлинах, условиях торговли в разных местах, и даже об используемой в общении с местным населением терминологии.

Наиболее читаемыми и известными были, конечно, описания походов и путешествий: от реальных, начиная с Плано Карпини и Рубрука, до полулегендарных, расцвеченных рассказами обо всяких диковинах и богато иллюстрированных описаний (Космы Индикоплейста или «Книги чудес» Жана ле Лонга), и даже до вымышленных (многочисленные версии «путешествий» сэра Джона Мандевиля). Не о них сейчас пойдет речь – ведь целью этих сочинений были собственно не дороги, а заморские чудеса или политические, военно-стратегические, бытовые, культурно-религиозные данные о далеких странах. Сведения же о самих путях в них были отражением личного, но не обобщенного или типологизированного, опыта странствующих. Вряд ли какому-либо купцу Венеции или Генуи пришла бы в голову мысль точно руководствоваться сочинением Марко Поло или Одорико Порденоне в составлении маршрута и в подготовке к

странствованию, хотя какие-то коррективы в замысел путешествия эти рассказы и могли внести.

Впрочем, сочинения, претендующие на роль справочников, дающих рекомендации, существовали. Кроме итинериариев и портуланов, где сведения в основном суммарны и чаще всего характеризуют морские сообщения, создавались советы купцам. Первым из текстов такого рода стала пизанская торговая книга 1278 г., а затем – наиболее знаменитое сочинение – «Практика торговли» флорентийца Франческо Балдуччи Пеголотти, составленное между 1310 и 1340 гг.[3] За ним последовали многие другие, но они нередко подражали прообразу, следовали заложенным клише и были менее яркими и конкретными. Возникает вопрос, насколько информация Пеголотти достоверна? Ведь сомнения в этом уже высказывались в литературе[4] и многочисленные хронологические[5], нумизматические[6] и иные уточнения предлагались разными авторами. Тем не менее, положения Пеголотти при их детальном анализе чаще всего подтверждались на материале разных стран, хотя и относились к разным десятилетиям[7].

Примечательно, что открывается «Практика» Пеголотти именно описанием путешествия из Таны на Восток, в Среднюю Азию и Китай. Почему Тана (Азак/Азов) – не удивительно. Этот город в устье Дона, наряду с Каффой, Трапезундом, а еще ранее – Солдайей (Сугдеей, Судаком) был терминалом и перекрестком морских и сухопутных дорог с Запада на Восток в XIV – XV столетиях. Там существовали венецианская и генуэзская торговые фактории, греческое, славянское, еврейское поселения, – и все рядом с «шатровым», кочевым городом татар и зихов. В Тане переплетались традиции и встречались друг с другом носители разных этносов и культур, предлагая самые экзотические и самые популярные товары: от пряностей и жемчуга, до соболей, икры осетровых рыб и зерна. Но скандальную (впрочем, с нашей точки зрения) славу Тана стяжала как центр мало контролируемой какими-либо властями работорговли[8]. Все это манило, несмотря на многие опасности и постоянный риск нападения и ограбления западных факторий очередным завоевателем, как это не раз совершали золотордынские ханы, великие завоеватели Востока, как Тамерлан, и даже местные племенные князьки. Особенно разрушительными были разгромы Таны в 1343, 1395, 1410 и 1418 гг[9].

Далекий путь до Таны от Венеции и Генуи лежал по морю. Трудный сухопутный маршрут через венгерские земли и степь не

использовался, во всяком случае до завоевания османами Константинополя в 1453 г. И Генуя, и Венеция, осознавая тяжесть и риск морского пути, занимавшего около 3 месяцев, формировали для большей безопасности караваны охраняемых судов, шедших в Тану под единым командованием[10].

Первые рекомендации купцам, путешествующим в глубь континента (после известной Книги Марко Поло, избравшего иной маршрут) дают торговые книги флорентийского анонима начала XIV в.[11] и Пеголотти. Обе они прямо называют отправными пунктами путешествия Геную и Венецию и сразу же советуют путешественнику в Китай закупить тонкое и грубое сукно на одном из наиболее выгодных рынков Запада. Далее его путь лежал в Каффу или Тану, а оттуда по суше на повозках, запряженных волами, лошадьми или верблюдами – в Хаджитархан (Астрахань). Описание пути у Пеголотти и флорентийского анонима отличаются лишь в деталях и вариантах написания топонимов и этнонимов, что говорит об общем прототипе или, возможно, заимствованиях анонима у Пеголотти или наоборот. Дорога занимала от 12 (на верблюдах) до 25 (на волах) дней[12]. Тана являлась, таким образом, основным транзитным пунктом, своего рода воротами на Восток. От Хаджитархана дорога шла на Сарай – Сарайчик-Ургенч-Отрар-Алмалык (Бишкек)-Ханбалык (Пекин). Весь путь от Таны до Китая продолжался 284 дня по суше и по Волге.

Если избирался сухопутный маршрут от Каффы до Таны и далее, в Орду, то лошадей, повозки и припасы можно было взять в близком от Каффы региональном Центре Орды – Солгате[13].

Тана использовалась венецианскими купеческими обществами для поездок в Индию и Китай через Астрахань, Ургенч и Газну[14]. Тот же путь избирали татарские и западноевропейские послы перемещавшиеся между Западной Европой и империей монголов[15]. Иногда купцам приходилось зимовать в Тане или Астрахани, если лед мешал двигаться им по рекам. Так, один караван венецианских купцов, направлявшийся в Ургенч и Дели, на 50 дней «застрял» в Астрахани из-за оледенения (propter glaciam). Купцы были принуждены резать и продавать кусками привезенные ткани по гораздо более дешевым ценам, чем те, которые они собирались назначить в Индии[16].

Пеголотти дает любопытные советы путешественнику. Прежде всего, он должен отрастить бороду и не бриться. В Тане ему следует нанять переводчика и двух слуг, также знающих «куманский» язык. Кроме того, желательно там же, в Тане, взять с собой женщину.

Конечно, можно обойтись и без нее, рассуждает Пеголотти, но к купцу будет больше почтения, если его сопровождает женщина, особенно, если она знает куманский язык. В Тане следовало запастись мукой и соленой рыбой. Мяса же в изобилии можно было закупить во всех местах по пути следования. Дорога от Таны до Китая была безопаснейшей и днем и ночью (здесь Пеголотти воспроизводит ситуацию, существовавшую в начале XIV в., максимум до 1340-х гг.). В случае смерти купца, все его имущество собирают ханские чиновники и передают брату или ближайшему родственнику умершего. Опасность возникает лишь в случае смерти хана, до избрания его преемника. В такие моменты в прошлом «франкам» и прочим чужестранцам чинили разные насилия (novitade)[17].

Советы Пеголотти были вполне реальны и основывались на многолетней практике. После того, как первые поездки доминиканцев на Восток, к монголам, закончились неуспехом, доминиканские миссионеры решили предпринять второе путешествие, в 1235 – 37 гг., и для этого не только сменили привычные одежды ордена на одежду купцов, но и отрастили волосы и бороды, как отмечалось «на манер варваров»[18].

Итак, в Тане делались приготовления для далекого странствия и в ней кончался привычный морской путь и мир Средиземноморья и начинался новый, более непривычный мир степных просторов, мир Востока. Немного позднее свой пути по тому же маршруту описал францисканский миссионер, испанец по происхождению, Пасхалий из монастыря Св. Виктора. Он, видимо, в 1335 – 37 гг., отправился из Авиньона через Ассизи в Венецию, а оттуда – в татарские земли. От Венеции до Константинополя он плыл на борту каракки. Далее, пересев на лигнию, он продолжил путь до Газарии (Крыма) по глубоководному Черному морю (per mare Nigrum, cuius profunditas est abyssus) и по мелководному Азовскому (per aliud mare, cuius non est fundus) – до Таны. Отсюда лежал его путь к Сараю. Он без промедления отправился вместе с греками на повозках, запряженных лошадьми (cum Graecis in curribus equorum) и быстро прибыл к месту назначения, опередив спутника, Гонсальво Трансторна, медлившего с отправкой в Ургенч[19]. В этом тексте любопытны две детали – налаженность сообщения между Таной и Сараем и путешествие с греческим караваном. Греки, несомненно, не только посещали Тану, но многие и постоянно проживали там[20]. Более года миссионер провел в Сарае – для успеха миссионерской деятельности ему посоветовали выучить «куманский

язык и уйгурское письмо», распространенные по всей территории «Татарской империи» – до Персии и Китая. Преуспев в этом (per Dei gratiam didici), наш миссионер на корабле, вместе с армянами (вероятно, также купцами), спустился по Волге и берегу Каспийского моря до Сарайчика, что заняло 12 дней, а затем, на повозках, влекомых верблюдами, прибыл на пятидесятый день в Ургенч. Все, вплоть до повозок и верблюдов, соответствует Пеголотти! Но в Ургенче брат Пасхалий, вместе со своим слугой – зихом (по традиции, вероятно, нанятым в Тане) остался уже в окружении только мусульман, «агарян, последователей злоименного (maledicti) Магомета», и приступил к своей миссионерской деятельности, за которую затем претерпел немалые мучения. Век веротерпимости монголо – татар, длившийся до хана Узбека (1312 – 1341), прошел. Письмо было отправлено уже из Алмалыка, викариата «Катая»[21].

Купцы, в отличие от миссионеров, заботились об определенном удобстве своего путешествия. Советы путешественнику исполнялись купцами, иногда, впрочем, слишком буквально, вводя их в немалые траты, за которые трудно было оправдаться перед партнерами. Содержанка отправившегося ок.1362 г. в Туркестан Франческино ди Нодеро, названная им Франческиной, обошлась ему в Ургенче в 1500 безантов. Чтобы оправдать свои невыплаченные компаньонам долги, купец заявил, что его караван был ограблен на пути из Ургенча в Тану. В то время безопасность путей уже не была столь же гарантированной, как в начале века. Но лукавство купца выявил встречавшийся с ним в Туркестане другой венецианец, Андреоло Дандоло, показавший на следствии, что Франческино передвигался с хорошо охраняемым караваном и даже предлагал Дандоло ехать с ним вместе. Дандоло не принял предложения, но позже рассказал суду историю с Франческиной[22]. Опять в независимом источнике мы видим практические подтверждения информации Пеголотти о торговле между Таной и Ургенчем.

Не только общество дамы, на чем настаивал Пеголотти, но и надежные спутники скрашивали и обеспечивали безопасность дальнего пути. Не случайно рыцарь Арнольд фон Харфф из Кельна, направлявшися в 1496 г. в пилигримаж на Восток, отмечал, что с купцами хорошо путешествовать. Они знают язык и дороги. Они берут сопровождение от одной страны до другой и составляют хорошую компанию (...dae it gar guet myt tzien ist; sij wyssent spraiche ind wege; sij nement geleyde vss deme eyme lande in dat ander ind doynt eyme gar gude

geselschaft.). Готовясь к плаванию, фон Харфф еще в Венеции закупал все необходимое – от матраца, рукомойника, легкого вина (на корабле дают крепкое), до таблеток от запора и поноса (нужных во время плавания и в чужих странах). В Венеции же он производил обмен монеты[23]. Веком раньше Пеголотти советовал заботиться об этом в Тане. Во время Харффа, увы, Тана уже была в руках османов. Но психология купца – пилигрима-путешественника изменилась мало. Так и в XIV веке, отправляясь в Святую Землю, флорентиец Лионардо Фрескобальди приобрел в Венеции тюфяки и одежду, необходимую для странствований по морю и по пустыне, добрую мальвазию, сундучок с потайными секретами[24]. Запад любил всегда путешествовать в чужих странах по возможности с комфортом.

Убеждаясь в высокой надежности Пеголотти и в том, что он типологизировал стандартные, а не экстраординарные ситуации, исследователь поневоле ищет другие, еще неизвестные, бытовые рекомендации путешественнику. Работая в архивах, историк всегда надеется найти не только важный, но «стандартный» материал для своего исследования, но и нечто особое, что может расцветить яркими красками уже привычные экономические или бытовые реалии, или открыть новые картины былого. Иногда эти поиски бывают плодотворны, но нередко они оказываются охотой за миражами. Кто знает, как причудливо переплетутся дороги современных путешественников по средневековым дорогам? Работая в Венецианском Государственном архиве с большим фондом Прокураторов св. Марка, где немало документов из частных фондов купеческих фамилий, нередко прилагаемых к завещаниям и иным документам по распоряжению наследством, я встретил указание на документ, как казалось, особого значения. В материалах прокурации венецианского нобиля Андриоло Малипьеро была упомянута «Инструкция по поездке в Тану» 1394 г.[25] Самого документа в папке не оказалось. Его замещала отсылка, что письмо находится в особой папке Documenti commerciali riservati, Busta 1. На ум сразу пришла мысль о путевой инструкции, чем-то похожей на наставления Пеголотти. Всегдашняя любезность венецианских архивистов вскоре доставила мне заветный документ (но не всю таинственную папку) на стол. Это было торговое письмо от купца Джакомо Брагадина своему племяннику Андриоло Малипьеро, отправлявшемуся через Константинополь в Тану. Письмо, на диалетто, было написано в Венеции 13 апреля 1394 г. и начиналось, действительно, словом Rechordaxion[26]. Но эта памятка

была отнюдь не наставлением по путешествию, но предписанием по ведению торговых операций с контрагентами купца. Брагадин лишь побуждал племянника не терять времени и немедленно отплыть из Константинополя в Тану. Торговля касалась типичного товара – реймского сукна, и, вроде бы, надежды не оправдались. И все же нет малозначимых документов средневековья. В письме содержались данные торговле в Ургенче венецианского купца Антонио Dazinas. И это за год до захвата и сожжения Таны Тамерланом, уже во время войны Тамерлана и золотоордынского хана Тохтамыша[27], отнюдь не способствовавшей торговле[28]. Советы Пеголотти о пути из Таны в Ургенч были актуальны, очевидно, на протяжении всего XIV столетия и представления о «закрытии» торговых путей из Таны в Среднюю Азию после кризиса 1340 – 50-х гг.[29] быть может, нуждаются в корректировке...

[1] *Richard J.* Les récits de voyages et de pèlerinages. Brepols, 1996 [Typologie des sources du moyen âge occidental, fasc. 38].Также: *Sigal P.A.* Les marcheurs de Dieu. Pèlerinages et pèlerins au Moyen âge. Paris, 1974; Reisen und Reiseliteratur im Mittelalter / hrsg. X. von Ertzdorf, D. Neukirch. Amsterdam, 1992; Der Reisebericht / hrsg. P. Brenner. Suhrkamp, 1989.

[2] *Richard J.* Les récits... P. 33 – 34.

[3] *Pegolotti Francesco Balducci.* La Pratica della mercatura / ed. by A. Evans Cambridge, Mass., 1936. О датах составления Пизанской книги, трактата Пеголотти в сравнении с другими аналогичными сочинениями см.: *Tucci U.* Tariffe veneziane e libri toscani di mercatura // Studi veneziani, 1968. T. X. P. 65 – 108; *Lopez R.S.* Un texte inédit: le plus ancien manuel italien de technique commerciale // Revue historique. 1970. T. 243, janvier-mars. P. 69 – 71; *Bautier R. – H.* Les relations économiques des Occidentaux avec les pays d'Orient, au moyen âge. Points de vue et documents. // Commerce méditerranéen et banquiers italiens au Moyen Âge. L., 1992. N IV (orig.in: Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien: Actes du 8e Coll.Int. d'histoire maritime /Beyrouth, 1966/. Paris, 1971). P. 263 – 331.

[4] В последнее время, например: *Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции. На материалах Кафы XIII – XV вв. Тюмень, 1995. С. 73.

[5] Отнесение венецианской секции к периоду 1320 – 30 гг.: *Lane F., Mueller R.C.* Money and banking in Medieval and Renaissance Venice. Baltimore; London, 1985. Vol. 1. P. 291. Отнесение итинерария от Таны и Сарая к Ургенчу к 1315 – 20 гг.: *Lopez R.S* Nelle terre dell'Orda d'Oro: tre documenti genovesi inediti // Studia slavica medievalia et humanistica Riccardo Picchio dicata. Roma, 1986. T. 2. P. 465. Информация о торговле в Трапезунде – ранее 1319 г.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. М,: МГУ, 1981. С. 48.

[6] *Grierson Ph.* The Coin List of Pegolotti // Studi in onore di Armando Sapori. Milano, 1957. T.1. P. 483 – 492; *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (по данным Франческо Пеголотти) // Советская Археология. 1958. N 3. С. 65 – 72.

[7] См., выше, а также, напр., вывод о надежности информации Пеголотти о ценах на шерсть, проверяемой английскими архивными материалами: *Bischoff J.P.* Pegolotti: an honest merchant? // Journal of European Economic History. 1977. T. VI. N 1 P. 103 – 108.

[8] *Verlinden Ch* La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // Studi in onore di Gino Luzzatto. Milano, 1950, Vol. 2. P. 1 – 25; *idem. Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. T. 2: Italie. Colonies italiennes du Levant latin. Empire Byzantin. Gent, 1977.

[9] Об истории Таны см.: *Ковалевский М.М.* К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке // Труды XII Археологического съезда в Харькове, 1902. М., 1905. Т. 2. С. 109 – 174; *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971; *Skržinskaja E.* Storia della Tana // Studi Veneziani. 10. 1968. P. 3 – 45; *Balard. M.* La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978. T. I. P. 151 – 156; *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siècle) // Turcica. VIII/1. 1976. P. 110 – 201; *Martin M.* Some aspects of trade in Fourteenth Century Tana // *Bulgaria Pontica*, II. Sofia, 1988. P. 128 – 139; *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction du M.Balard. Lyon, 1989. P. 251 – 266; idem, Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle // Le Moyen Âge. 94. N 3 – 4. 1988. P. 363 – 379; *Фомичев Н.М.* О происхождении названия и времени основания города Азова // Очерки истории Азова. Вып. 1. Азов, 1992. С. 35 – 54; *Карпов С.П.* Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // ВВ Т. 57 (82). 1997. С.5 – 18; *он же.* Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ Т. 55(80). Ч.1.1994. С. 121 – 126; *он же.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половинге XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991. Вып 1. С. 191 – 216.

[10] См.: *Forcheri G.* Navi e navigazione a Genova nel Trecento. Il 'Liber Gazarie'. Genova, 1974; *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII – XV вв. М.,1994; *Stöckly D.* Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècle). Leiden – NY-Köln: E.J.Brill, 1995.

[11] *Bautier R. – H.* Les relations... P. 311 – 320. Сведения анонима, относящиеся к шелковому торговому пути, были недавно переведены А.Г. Емановым: *Еманов А.Г.* Север и Юг ... С. 149 – 150.

[12] Изображение купеческого каравана, направляющегося из Таны в Китай, мы видим, например, на карте каталанского Атласа 1375 г.: Der katalanische Weltatlas vom Jahre 1375. Stuttgart, 1977 и на карте Mecia de Viladestes 1413 г. Национальной Библиотеки в Париже: La Roncière M., Mollat du Jourdain M. Les Portulans. Cartes marines du XIIIe au XVIIe siècle. Fribourg, 1984/ N 12.

[13] *Morozzo Della Rocca R.* Notizie da Caffa // Studi in onore di A.Fanfani. Vol. 3. Medioevo. Milano, 1962. P. 277: doc. N 1 – сент. 1344.

[14] Путешествие шести венецианских купцов из Таны в Дели в 1338 – 1343 гг. с возвращением через Кипр: *Lopez R.S.* Da Venezia a Delhi nel Trecento // *Lopez R.S.* Su e giù per la storia di Genova. Genova, 1975. P. 137 – 159 (с публикацией источника); *Berindei M., Veinstein G* La Tana-Azaq... P. 121.

[15] *Lopez R.S.* Nuove luci sugli Italiani in estremo Oriente prima di Colombo // *Lopez R.S.* Su e giù... P. 132, Doc.IX – X): 22/XII 1338.

[16] *Lopez R.S* Da Venezia a Delhi ... Doc. P. 153.

[17] *Pegolotti, P. 21 – 23; Bautier R. – H.* Les relations... P. 315 – 316.

[18] *Dorrie H* Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // Nachrichten der Ak. der Wissenschaften in Göttingen. Philolog. – hist. Klasse. 1956. N 6. S. 152.

[19] Chronica XXIV Generalium OM // Analecta Franciscana. 1897. T. 3. P. 532 – 535; *Wyngaert* A. Sinica Franciscana. Vol. 1. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi – Firenze, 1929. T. 1. P. 501 – 506 (10/VIII 1338); ср.: *Golubovich G.* Biblioteca Bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano. T.IV (dal 1333 al 1345).Quaracchi, 1923. P. 245 – 246.

[20] См : *Королев В.Н.* К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII – XVI вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII – XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 122 – 128; *Карпов С.П.* Новые данные о православном приходе в Азове в XIV – XV вв.// Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 21 – 25.

[21] Chronica...P. 533 – 535.

[22] *Lopez R.S.* Da Venezia a Delhi ... P. 137 – 138.

[23] *Harff A.,von.* Die Pilgerfahrt des Ritters Arnold von Harff von Cöln durch Italien, Syrien, Aegypten, Arabien, Aethiopien, Nubien, Palästina, die Türkei, Frankreich und Spanien, wie er sie in den Jahren 1496 bis 1499 vollendet/ hrsg. E.von Groote. Cöln, 1860. S. 4, 57 – 58; *Harff A.,von.* The Pilgrimage of Arnold von Harff, knight /transl. by Malcolm Letts. L.,1946 (repr.1967). P. 4 – 5, 70 – 71.

[24] Путевые записки итальянских путешественников XIV в. // Восток – Запад. Исследования, переводы, публикации. М., 1982. С. 18 – 20.

[25] Archivio di Stato di Venezia, Procuratori di San Marco, Commissarie Miste, N 104a.

[26] Archivio di Stato di Venezia, Documenti commerciali riservati, Busta 1, N 203.

[27] См. о нем: *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 249 – 274.

[28] Другой документ о торговле венецианцев из Таны в Астрахани в 1391 – 92 гг. был выявлен и опубликован нами ранее: *Карпов С.П.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. ...

[29] *Kedar B Z.* Merchants in crisis. Genoese and Venetian men of affairs and the fourteenth-century depression. New Haven, London, 1976; *Romano R* Tra due crisi. L'Italia del Rinascimento. Torino, 1976. P. 19 – 20; *Balard M.* Gênes et la mer Noire (XIIIe – XVe siècles) // Revue Historique. 1984. T. 270. N 1. P. 37 – 39.

Глава 15

ГРАЖДАНСКИЙ СТАТУС И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ФАКТОРИЙ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В XIV – XV вв.

Проблема гражданского статуса разноплеменного населения итальянских факторий Латинской Романии, включая Причерноморье, является предметом острых дискуссии в историографии последних лет. Действительно, уяснение социально-юридических сторон торгово-предпринимательской эмиграции западноевропейцев на Восток, роли институтов метрополий и местных традиций, инструментов «натурализации» части жителей факторий, является ключом к правильному пониманию самого феномена средневековой колонизации. Речь идет о предоставлении (или, наоборот, в отказе от такового) специальных прав полного или частичного гражданства, либо отдельных юридически закрепленных привилегий разным социальным или этническим категориям жителей факторий или территорий, находившихся под управлением венецианской или генуэзской администрации. Категориями, определявшими статус были: *cives* метрополии или, реже, фактории , *burgenses* фактории, *подданные (subdites)* или *habitatores*[1]. Новый свет на эту проблему способны пролить неопубликованные материалы нотариальных архивов Причерноморских городов, выявляемые в архивах Венеции и Генуи. Неизученным аспектом темы, как нам кажется, является именно выявление сочетания этно-конфессиональной и территориальной компоненты в гражданском статусе населения факторий.

Очевидно, что специальные процедуры предоставления тех или иных гражданских прав лицам, находившимся под покровительством властей морских республик и на специальных условиях не идентичны получению статуса гражданина этих республик в полном объеме[2].

Скорее это приобретение привилегий, прежде всего – фискальных, защиты и покровительства со стороны Венеции или Генуи. Вместе с тем, статус гражданина, *civis*, был наиболее определенным, несмотря на существовавшие внутри самой Венеции различия между гражданами-оригинариями и теми, кто приобретал статус гражданина путем пожалования (граждане de *intus*, имевшие некоторые ограничения в правоспособности). У генуэзцев подобной дифференциации не было. И если мы встречаем генуэзского гражданина (civis) в восточных факториях, то к нему можно в полной мере применять определение М. Балара: «под *civis Janue* следует понимать генуэзца по происхождению, прибывшего в Каффу во время путешествия или на ограниченный срок. Он сохраняет все связи с метрополией и пользуется полнотой политических и экономических прав в Генуе в ее заморских факториях. *Civis Caffe* же – определение, относящееся как к генуэзцам по происхождению ... , так и к грекам и армянам... Равным образом термин *burgensis Caffe* обозначает одновременно членов древних генуэзских родов, которые в большинстве своем... проживают в бургах Каффы»[3]. Тем не менее, этим не снимается проблема крайней малочисленности *cives* Генуи восточного происхождения. Статус *burgensis* уже менее определен и всеобъемлющ. Он может означать специальные права для привилегированной части городской общины, а также наличие недвижимости у его носителя в особых городских зонах, преимущественно – укрепленных. Г. Айральди, как и ранее А.М.Чиперис, настаивала на главенстве социального аспекта в конституировании категории *burgensis*[4]. В Трапезунде права генуэзских *burgenses* были связаны с особой ролью в управлении факторией и с проживанием в генуэзской крепости[5]. Недавно О.Н. Барабанов, анализируя судебные протоколы Каффы и их юридические формулировки предположил, что слово *burgenses* означало для составителей документов прежде всего владельцев домов на территории фактории[6].

Попробуем подойти к этой проблеме с другой стороны и рассмотреть связь между гражданским статусом и этно-конфессиональной принадлежностью его носителей на двух территориях Латинской Романии, в Тане (Азове), где существовали как генуэзская, так и венецианская фактории, и в Северной Анатолии, где с единственной факторией венецианцев в Трапезунде соседствовали многочисленные генуэзские торговые поселения, крупнейшими из которых были: Самастро (Амастрида, Амасра), Симиссо (Амис,

Самсун), Синоп, Трапезунд и Ло Вати (Батуми). Эти два региона – Приазовье и Понт с Пафлагонией – были крепко связаны друг с другом системой как экономических, так и политических отношений. В то же время и там, и там фактории находились на территории, принадлежавшей местным государям и уступленной итальянцам для поселения на определенных договорных условиях, часто – в виде дарованных привилегий. Это разительно отличает их, например, от Каффы, единственного итальянского поселения в Причерноморье, имевшего городской статус и распространявшего юрисдикцию на всю так называемую Крымскую Газарию[7], от Крита, находившегося в прямом управлении Венеции, или от островов Эгейского архипелага, под властью разных семейств венецианских нобилей[8].

Для рассмотрения мы проанализируем базу данных, создаваемую в процессе обработки нотариальных минут XIV в. и первых десятилетий XV столетия, составленных in situ в городах региона[9], а также петиций генуэзских купцов, находящихся серии *Diversorum, Filze* Секретного Архива Генуи[10].

В анализируемых источниках термин *cives* применяется исключительно к жителям метрополий, Генуи (242 лица, зарегистрированных в Тане и факториях Северной Анатолии), и Венеции (239 лиц), к жителям Каффы, столицы Газарии (37 лиц), Перы, крупному генуэзскому поселению в Галате/ Константинополе (3) и к отдельным городам Средиземноморья, чьи граждане участвовали в колонизационных процессах, как, например, Пьяченца, Савона, Марсель, Рагуза, Виченца, Ноли и др.

В целом в нашей предварительной анкете отождествлено 592 *cives*. Большинство из них – итальянцы, выходцы из Генуи, Венеции и других городов. Среди западноевропейцев, обладателей статуса *cives* Генуи и Венеции – 3 каталанцев, 2 немца и 2 далматинца. Среди немногих *cives* «восточного» происхождения – 9 греков, 6 армян, 2 иудея из Венеции и 1 алан. Нет среди них нет ни «сарацин», ни татар, ни грузин, ни других местных жителей. Мусульмане полностью отсутствуют среди обладателей этого статуса, как, впрочем, и среди натурализованных в факториях лиц. Редкость предоставления статуса *cives* местным жителям, даже христианам, несмотря на решения Венецианского Сената расширить социальную базу в Тане и Трапезунде путем облегчения «натурализации»[11], очевидный факт. Это, конечно, не означает, что греки или армяне, проживавшие в факториях, не имели статуса лиц, находившихся под покровительством морских республик

(«белых» венецианцев и т.п.) или натурализованных граждан (т.е. «венецианцев» или «генуэзцев» в отношениях с местными властями). Но это с очевидностью указывает на более низкое положение полугражданства натурализованных лиц, не признаваемых в качестве cives властями морских республик на территории своего домена.

Для более детального изучения статусных категорий проанализируем гомогенный источник. Таковым является первый картулярий венецианского нотария, канцлера в Тане Бенедетто Бьянко. Первый картулярий интересен тем, что это дошедший до нас целиком фонд нотариальных минут, не содержащий лакун и охватывающий полный календарный год. Кроме того, в указанный период Бенедетто Бьянко был *единственным* официальным нотарием Таны и подавляющее большинство заключаемых контрактов оформлялось именно им. Небольшой процент составляют лишь акты корабельных нотариев, также включенные в нашу базу данных. В актах Бьянко отражена вторая волна колонизации Таны, после перерыва, вызванного войной с татарами, полной эвакуацией фактории и длительного перерыва в истории поселений в 1343 – 1358[12]. Лишь накануне приезда Бьянко в Тану, в 1358 г., венецианцы (и генуэзцы) по договору с ханом Золотой Орды Бердибеком[13] смогли возвратиться на Дон. Отчасти и поэтому контакты венецианцев с местными жителями (исключая греков, которые издавна были их посредниками[14]) не были ни продолжительными, ни прочными.

Бенедетто Бьянко было составлено 210 актов с 1 сентября 1359 г. по 31 августа 1360 г. Среди 27 греков, участников сделок, 6 *cives* Венеции, из 3 иудеев – 2, из 9 армян – 1, из 11 аланов – 1. Ни одного мусульманина. Очевидно, что даже греки среди граждан Венеции редкое меньшинство, а всего на долю граждан « восточных » этносов в Тане приходится менее 10% (10 из 101). Среди 18 *cives* Генуи и Перы в Тане только итальянцы, главным образом – лигурийцы, за одним исключением – Iacfero de Narenzan condam Antonii, принадлежность которого к какой-то этно-региональной группе не ясна. Гражданство редко предоставлялось неитальянцам. А итальянцам? Здесь ситуация весьма интересна. Среди *cives* Венеции мы находим выходцев из многих городов и областей (см. Таблицу).

ГОРОД	CIVES	ВСЕХ
Верона	3	6
Венеция	52	200

Тревизо	1	1
Романья	1	1
Пистойя	4	4
Пьяченца	1	3
Падуя	2	3
Лукка	5	7
Фриуль	1	1
Флоренция	5	10
Фано	2	2
Кремона	1	2
Болонья	1	4
Анкона	1	1

Высокий процент граждан Венеции среди итальянских купцов, выходцев из разных областей (в целом – 38,4%, исключая саму Венецию) очевиден. Это значит, что, вероятно, значительная часть эмигрантов из Италии в Тану фактически переселялась не из этих городов непосредственно, как предполагалось, а из Венеции, где они владели домами во многих приходах столицы Адриатики. Таким образом, «итальянская» колонизация Таны в очень большой степени «опосредована» Венецией, и это значительная корректива в привычные подсчеты и суждения о ее природе.

Среди граждан Венеции заметно также присутствие выходцев из Латинской Романии, итальянцев по происхождению. Среди 15 *cives* Венеции, жителей Кандии, Константинополя, Эноса, Филадельфии, Негропонта, Таны и Фессалоники 6 греков, 6 итальянцев, 1 иудей, 1 армянин и 1 лицо неясного происхождения. Таким образом, итальянцы составляют 40 %. Но примечательно их распределение: 6 из 5 – жители Крита.

Статус *burgenses* Каффы, Перы, Хиоса и Таны (1 случай) закреплен только за итальянцами (половина из них – генуэзцы). Их число вообще невелико – всего 6 лиц. Как мне представляется, это следствие начального этапа « второй » венецианской колонизации Тана, а также отсутствием тогда в Тане укреплений вокруг факторий или кварталов, образующих « бурги », как в Каффе.

Напротив, число *habitatores* велико. Этот термин обозначает, однако, скорее не статус, а длительность пребывания в фактории (резиденты как противопоставление лицам, приезжавшим на короткий срок для ведения сезонной или ярмарочной торговли). Число *habitatores*

разных мест – 135, в их числе 99 жителей самой Таны. Остальные – жители Латинской Романии и Византии (Кандия, Корон, Константинополь и Пера, Фамагуста, Месемврия, Симиссо, Синоп, Трапезунд), владений Золотой Орды в Крыму, на Дону и Кубани (Колколико, Кубако, Порто Пизано, Солгат) или даже ее столицы – Сарая. Географическая широта, охватывающая все Восточное Средиземноморье очевидна. Но есть особые случаи. Иногда купцы называют себя *habitatores* Венеции. Таковыми являлись, например, Орландо Дельфин, происходивший из Вероны, купец в Тане и житель в Венеции в сестьере Сан Леоне[15], Джакомелло Дзанкаруолло из Кандии, именуемый к тому же *cives* Венеции[16], Буого Тассо из Кьоджи, живший в Венеции в сестьере Св. Марины[17]. Подобные случаи встречаются и в актах других венецианских нотариев в Тане и Трапезунде, например, применительно к чистокровному венецианцу Николетто Микьелю, купцу в Трапезунде[18], к венецианскому канцлеру в Тане Николо де Варсису в его собственном картулярии[19]. Можно с большой степенью вероятности считать эти случаи обозначением статуса *civis,* в применении к венецианцам, постоянно проживавшим в Венеции (а не в факториях или владениях Республики), но не к иностранцам, которые приобрели статус гражданина республики.

Таким образом, политика Венеции, как и Генуи, значительно отличалась в Тане и Северной Анатолии от той, что они проводили на территориях под их прямой властью, *dominium directum,* где *habitatores,* скажем, Кандии, могли легче и быстрее становиться *cives* Венеции. Но и в Тане ситуация будет меняться по мере расширения венецианского суверенитета на эту территорию, признания ее владением Венецианской Сеньории, а не простой концессией хана Золотой Орды [20]. Но это уже предмет другого исследования и ситуация не ранее второй четверти XV в....

[1] *Saraceno P.* L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del Mar Nero dal 1261 al 1453 // Rivista di Storia del diritto italiano. 1969 – 70. T. 42 – 43. P. 177 – 266; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978. T. 1. P. 327 – 334; *idem.* Les milieux dirigeants dans les comptoirs génois d'Orient (XIIIe – XVe ss.) // *Balard M.* La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe – XVe siècles). London, 1989, art. N III (первоначально опубликовано в: La Storia dei Genovesi, T.1. Genova, 1981.P. 159 – 181); *Maltezou Chr.* Παρατηρήσεις στον θεσμό της βενετικής υπηκοότητας. Προστατεύομενοι της Βενετίας στον λατινοκρατούμενοι ελληνικό χώρο (13ος-15ος αι.) // Σύμμεικτα. 1981. Τ.4. Σ.1 – 16; *eadem.* Venetian *Habitatores, burgenses* and merchants in Constantinople and its hinterland (twelfth –

thirteenth centuries) // Constantinople and its Hinterland / ed. C. Mango, G. Dagron. Aldershot, 1995. P. 233 – 241; *Jacoby D.* Les Vénitiens naturalisés dans l'Empire byzantin: un aspect de l'expansion de Venise en Romanie du XIIIe au milieu du XVe siècle// Travaux et Mémoires, 1981. T. 8. P. 217 – 235; *idem.* Les Génois dans l'Empire Byzantin: citoyens, sujets et protégés (1261 – 1453) // La Storia dei Genovesi. T. IX. Genova, 1989. P. 245 – 284; *Pistarino G.* I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 116 – 130; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С.317 – 324.

[2] См. об этом: *Климанов Л.Г.* "Quod sunt cives nostri": статус венецианского гражданства в XIV в. // Культура и общество Италии накануне нового времени. М., 1993. С. 28 – 38.

[3] *Balard M.* Les orientaux à Caffa au XVe siècle // Byzantinische Forschungen. 1987. T.XI. P. 235.

[4] *Чиперис А.М.* Внутреннее положение и классовая борьба в Каффе в 50 – 70 гг. XV в. // УЗ Туркменского ГУ. 1962. Вып. 21. С. 264 – 265 (перевод на ит. яз: Čiperis A.M. Situazione interna e lotta di classe a Caffa tra gli anni '50 e '70 del XV secolo // Storici sovietici del Levante Genovese / a cura di A.Prefumo. Genova, 1985. P. 223 – 257); *Airaldi G.* Etnie e strati sociali negli insediamenti medievali italiani del Mar Nero // Byzantinobulgarica. 1981. T. VII. P. 249.

[5] *Карпов С.П.* Генуэзцы в городах Понта (XIII – XV вв.) // ВО.1991. С. 142 – 149; *idem.* Genovesi e Piemontesi nell' Impero di Trebisonda (secc. XIII – XV) // Atti del Congresso Internazionale "Dai feudi monferrini e dal Piemonte ai nuovi mondi oltre gli Oceani". Alessandria, 2 – 6 aprile 1990. Alessandria, 1993. P. 373 – 374.

[6] *Барабанов О.Н.* Новые материалы о статусе burgenses генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. М., 1998. Вып. 3. С. 117 – 125.

[7] *Malowist M.* Kaffa – kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453 – 1475. Warszawa, 1947; *Balard M.* La Romanie Génoise...T.1 – 2; *Pistarino G.* Genovesi d'Oriente. Genova, 1990; *idem.* I Gin ...; *idem.* I Signori del mare. Genova, 1992; *Еманов А.Г.* Образование городской коммуны Кафы (до сер. XV в.). Автореф. докт. дисс. Екатеринбург, 1997.

[8] *Thiriet F.* La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959 (repr.: 1975); *Lock P.* The Franks in the Aegean, 1204 – 1500. London; NY, 1995; *Карпов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000.

[9] Ссылки на главнейшие источники см. ниже. Работа по составлению базы данных продолжается.

[10] Archivio di Stato di Genova. Archivio Segreto, 3021 – 3058. Diversorum, Filze,1 – 38. Регесты: *Карпов С.П.* Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века Вып.3 М. – СПб, 1998. С. 9 – 81; *idem.* Причерноморье в XV веке по материалам собрания Diversorum, Filze Секретного Архива Генуи // Причерноморье в средние века Вып.2. М., МГУ, 1995. С. 9 – 19; *idem.* New Documents on the Relations between the Latins and the Local Populations in the Black Sea Area (1392 – 1462) // Dumbarton Oaks Papers. 1995. T. 49. P. 33 – 41.

[11] См.: *Карпов С.П.* Итальянские морские республики... С. 318; *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction du M.Balard. Lyon, 1989. P. 252 – 253.

[12] См., напр.: *Papacostea Ş.* "Quod non iretur ad Tanam". Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // RESEE. 1979.T.XVII. N 2. P. 201 – 217;

Kedar B. Z. Merchants in crisis. Genoese and Venetian men of affairs and the fourteenth-century depression. New Haven; London, 1976; *Карпов С.П.* Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ.1994. Т. 55(80). Ч.1. С. 121 – 126; *он же.* Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220 – 238.; *Balard M.* La lotta contro Genova // Storia di Venezia dalle origini alla caduta della Serenissima. Roma, 1997. T. III. P. 87 – 126.

[13] См.: *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Ярлык Бердибека от 1358 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1995. Вып. XVI. С. 24 – 66.

[14] *Matschke K. – P.* Byzantinische Politiker und byzantinische Kaufleute im Ringen um die Beteiligung am Schwarzmeerhandel in der Mitte des 14. Jh. // Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsintitutes in Österreich. 1984. N 2/ VI. S. 75 – 96; *Laiou-Thomadakis A.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, XIIIth-XVth Centuries // DOP, 1982, T. 34 – 35. P. 177 – 222; *eadem.* Byzantium and the Black Sea, 13th-15th Centuries: Trade and the Native populations of the Black Sea Area, in: Bulgaria Pontica, II. Sofia, 1988. P. 164 – 201; *eadem.* Byzantine Traders and Seafarers // The Greeks and the Sea / ed. by Sp.Vryonis, Jr. New Rochelle, NY, 1993. P. 79 – 96; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики... С. 276 – 291.

[15] Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, 19, 1 cart., Benedetto Bianco (далее – BBL) N188:1360.08.14.

[16] BBL, N11: 1359.09.06.

[17] BBL, N121: 1360.05.26.

[18] Archivio di Stato di Venezia, Miscellanea, Notai Diversi, 3: Gabriele di S.Bartolomeo, N 4, частичная публикация: *Manussacas M.* Ο ποητής Λεονάρδος Ντελλαπόρτας διερμηνέας του Βενετού βαΐλου στην Τραπεζούντα (1371 – 1372) // Thesaurismata.1991. T. 21. P. 17 – 18: 1371.10.15.

[19] Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, 231. Nicolò de Varsis, N2: 1436.05.21.

[20] Ср.: *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction de M. Balard. Lyon, 1989. P. 251 – 266.

Глава 16

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРАВОСЛАВНОМ ПРИХОДЕ В АЗОВЕ В XIV – XV вв.[1]

Церковная история «Приазовской Руси» в годы после татаро-монгольского завоевания изучена крайне слабо из-за узости источниковой базы. Известно, что золотоордынский полукочевой город Азак был одним из важнейших экономических и административных центров улуса Джучи и играл роль в крупной международной торговле в регионе. На его периферии, на перекрестье торговых путей из Причерноморья на Волгу и в Среднюю Азию, в конце XIII в. возникает генуэзская, в начале XIV в. – венецианская торговые фактории. С ними соседствовала Джудекка – еврейский квартал. Но в какой мере там сохранялось православное, греческое и славянское население, исследователи знали мало, и в основном сведения носили косвенный характер. Обнаруженные нами итальянские архивные источники позволяют отчасти прояснить эту проблему и показать значение и роль православного населения и православной церкви в этом далеком уголке ойкумены, заслужившем репутацию даже у хорошо его знавших итальянцев «пасти врагов наших»[2]. Со времен античности и в византийский период район Таны был по сути греческим анклавом, снабжавшим византийскую столицу важнейшими для нее продуктами – зерном, рыбой, солью, не говоря уже о многочисленных транзитных товарах, как пушнина, шелк, пряности или драгоценные металлы и камни[3]. Греческое население не покинуло его и после татаро-монгольского завоевания.

Для Руси Азов/Тана были воротами в Византию и Средиземноморье. Через Азов, спускаясь вниз по Дону, ехали

паломники к Святым местам, митрополиты – для рукоположения патриархом в Константинополе, купцы и ремесленники – в надежде на встречу с караванами с Востока и конвоями венецианских «галей линии» или генуэзских парусников[4]. Но своей славой Тана была обязана еще и процветавшей в ней работорговлей. Среди продаваемых в ней рабов большинство составляли татары, черкесы, закавказские этносы, но постепенно, особенно со времен «Великой замятни» (1357 – 1380) и на протяжении первой половины XV в. неуклонно росло количество русских рабов.

Несмотря на крайнюю ограниченность ресурсов, предстоятели русской православной церкви, такие как митрополиты Феогност или Алексий, не могли не понимать важность миссионерской деятельности в Орде и, в частности, в Приазовье, тем более, что на их глазах протекала интенсивная «работа» католических миссионеров францисканского и доминиканского орденов. Сами поездки русских митрополитов и епископов в Орду, их пастырское служение там уже можно считать миссионерской деятельностью, а известия о крещении татарских царевичей показывают нам на результат, особенно ценный в условиях торжества ислама в Орде в правление хана Узбека (1312 – 1341). Ведь именно крещение татарского царевича, наследника престола, было одной из причин кровавого переворота Навруза в Орде в 1359 г.[5]

Первым шагом к обнаружению прихода является выявление свидетельств о русском православном населении. Чаще всего исследователи, желающие проследить историю русского населения в Тане в XIII – XV вв., останавливаются лишь на проблеме русских рабов там[6]. Это лишь одна из сторон картины, на которой мы еще остановимся подробнее. Археологи находят в Тане русские изделия[7], а имена русских купцов и ремесленников удается, хотя и редко, обнаружить в венецианских нотариальных актах, но чаще всего лишь тогда, когда русские выступают контрагентами итальянцев. В этом специфика источников. Вот несколько любопытных примеров из картулярия нотария XV в. Пьетро Пеллакана. Римская католичка Мария Грасса выходит замуж за русского по имени Федор. В ее завещании небольшая сумма денег, 26 безантов, оставлена ее духовному отцу монаху Эразмо Саломоно, канцлеру генуэзской фактории. Деньги эти предстояло получить у некоей Фетинкии, жены другого русского по имени Феодор. Семья Марии и Феодора не была бедной: Мария оставляет единственному

сыну Андреа свою рабыню Олиту, возможно, также славянского происхождения. Ее душеприказчица – Магдалина, жена грека Яниса, пристава (plazarius) фактории, была из той же смешанной латино-православной среды. Среди наследовавших (она получила шелковую рубаху) встречаем и некую Перину, дочь Марины и Гульельмо[8].

Целая семейная история восстанавливается при сопоставлении нотариальных актов и фонда завещаний Венецианского государственного архива. Русский по имени Куна, брат Минки, женился на Катерине Ландо, дочери Джованни Мурари, лучника – баллистария венецианского замка в Тане. Неплатежи и хронический дефицит бюджета были повальным явлением в итальянских факториях Причерноморья XV в. Долг баллистарию администрации равнялся 800 безантам и эта сумма составляла приданое Катарины. Консул признал этот долг в судебном порядке в 1439 г. Однако, он не был погашен и после смерти баллистария, через 13 лет[9]. В 1450 отчаявшийся Куна составляет завещание с упоминанием долга[10] а два года спустя поручает своему агенту добиваться возвращения приданого жены, именуемой им совсем по-русски – Тина[11].

В нотариальных актах мы неоднократно встречаем упоминания о рабах не русского происхождения, но принимавших в святом крещении русские имена. В 1363 г. проданная в Тане татарка Караза (Charaza) в крещении названа Настасьей (Nastaxia). В 1385 г. привезенная в Венецию из Причерноморья (скорее всего – Таны) татарская рабыня сохраняет данное ей в крещении русское имя Ульяны[12]. В тоже время большинство татарских рабынь в Генуе и Венеции носят исключительно одно «католическое» имя[13]. Двойное именование указывает на недавнее время крещения. Такие имена не давались при крещении по католическому обряду. Тем более, что сохранившиеся свидетельства касаются рабынь, попадавших в итальянские дома. Для этих рабынь было более выгодным, если бы речь шла о выгоде, принимать крещение от латинских священников. Поскольку этнос определяется нотариями достаточно точно, все это свидетельствует о крещении рабов по православному обряду именно в месте покупки, Тане или около нее. Впоследствии рабыни-татарки с православными именами могли быть заново крещены по католическому обряду уже в Венеции. Вот свидетельство венецианского нотария Ветторе Помино, специализировавшегося на

оформлении сделок с рабами: «рабыня родом татарка... на своем (так!) языке Наталья, и в святой купели крещения должна называться Катарина»[14].

Русские имена у татарских рабов из Таны позволяют предполагать, что в Тане русские священники совершали обряд крещения. Однако, русские православные храмы в тот период в Тане пока не обнаружены, хотя есть упоминания о греческой церкви св. Николая XV в. и еще об одной, существовавшей ранее, в XIV в.[15] Греческие приходы Таны были в церковной юрисдикции митрополита Алании[16], резиденция которого во второй половине XIV – XV вв. была в Трапезунде[17], столице империи Великих Комнинов, кстати, поддерживавшей тесные связи с русскими землями. Трапезундские митрополиты нередко посещали Русь[18]. Не исключено, что русские миссионеры могли использовать греческую церковь для окормления своей паствы и проповеди Евангелия. Возможно также, что нам еще предстоит найти свидетельство о русской церкви или часовне в Азове XIV – XV вв.

Но есть и иные примеры. Некий Лука Чиврано (носитель чисто венецианского, притом знатного, фамильного имени) называет себя *ruthenus sive russicus, habitator eiusdem loci Tane.* Вероятно, это указание на его происхождение от рабов, принадлежавших роду Чиврано, давшего им, как это бывало, свое имя[19]. Наш Чиврано, без сомнения, интегрирован в латинскую среду и, скорее всего, католик. Все его душеприказчики – итальянцы. Его жена, Магдалина, – латинянка. В завещании он отдает 3 дуката католическому капеллану на службу месс свв. Марии и Григорию, *pro missis sancte Marie et sancti Gregorii dicendis per dictum capellanum..* Он владеет мастерской, где и проживает, на территории католической скуолы св. Марии и Антония, которой он завещает 50 дукатов[20]. Казалось бы, все ясно. Но... ту же сумму он завещает на возобновление, и ремонт православного греческого храма св. Николая. Это может показаться странным, если забыть, что это было время сразу после Флорентийского собора и в условиях тотальной угрозы всем христианам от турок, да и от татар, в далекой фактории. Лука сумел разбогатеть. Слугам и на благотворительные цели он завещал более 52 дукатов, он имел 3 рабов: черкеса по имени Иоанн и двух русских: Орину и ее сына Костю, которых он отпускает на волю сразу или через определенный срок, при условии, что они останутся слугами у его вдовы.

Пропорция русских рабов, вывозимых из Причерноморья, увеличивается в конце XIV – XV вв.[21] Далеко не всегда, видимо, они могли найти защиту в приходе русской или греческой православной церкви. Вот любопытный пример. Русский раб, Иван, 20 лет, был слугой некоего татарина (*saraceni*) Сары Ходжи, называемого в документе *clibanarius et habitator* Таны. Иван бежал от господина и нашел убежище в католическом храме. Там он был крещен францисканцем, уже нам известным, Эразмо Саломоно. Ивану было дано имя Франциск. Позднее, в 1450 г., генуэзский консул в Тане Джованни Спинола повелел составить документ манумиссии раба (возможно, уплатив хозяину или договорившись с ним)[22]. Могло ли быть, чтобы русские рабы, православные христиане, были заново крещены по католическому обряду до (или как условие) манумиссии? Или же Иван стал францисканским монахом, что более вероятно? Но вот и другие примеры: «sclava de genere russorum in lingua latina vocata Maria»[23]; русская рабыня Федосья (*sclava de genere ruthenorum sive rossiorum... Theodosia)* названа: *et in latinam Agneta*[24] . Другие русские рабыни также переименованы. Одна «vocata in sua lingua Chimia et in lingua latina Marta», другая «in sua lingua Ticiana, et in lingua latina Blasia» , третья – Анка (Ancha) становится Маргаритой[25]. Они-то отнюдь не приняли монашества. Аналогичный случай переименования в 1359 рабыни-гречанки по имени Baracoma, притом в Тане, месте существования греческой общины и прихода, а не в Италии, получившей латинское имя Катерина, встречается в акте канцлера венецианской фактории Бенедетто Бьянко[26]. Что это: повторное крещение слуг хозяевами или просто присвоение слугам более привычного для итальянского уха имени? Вероятно, было и то, и другое, хотя в каждом случае больше вопросов, чем ответов. К примеру, русский раб в Венеции (sclavus de genere russorum), на своем языке Coscholdin (явно искаженный мусульманский антропоним) на латинском языке поименован Андреем (et in lingua latina Andreas)[27]. Следы ли здесь недавнего татарского порабощения, заимствование ли это имени предыдущего владельца, как и у Чиврано, или же простая путаница нотария, не отличившего татарина от русского? Подобные случаи встречаются и у другого нотария, работавшего уже не в Венеции, а в самой Тане, и хорошо знавшего местную ситуацию, канцлера венецианского консулата Донато а Мано. Он определяет русскую рабыню так: «sclava de genere rossorum vocata in lingua sua

Tovalath»[28]. Другой русский раб назван Cotuluboga[29] (хорошо известное татарское имя Кутлубуга[30]). Снова неопределенность этноса? Не слишком вероятно, при том, что этническая принадлежность, как и возраст, были, как известно, факторами, значительно влиявшими на цену раба или рабыни и всегда фиксировались в нотариальных актах сделок с рабами[31]. Тот же а Мано совершенно точно транскрибирует имя русского раба Юрия (Iorai) и приводит «франкский» вариант его имени – Георгий (in lingua autem franca Georgium)[32], другого русского раба он именует Никитой (sclavus de genere rossorum vocatus in eius lingua Nicheta)[33]. Венецианский канцлер Таны нотарий Анджело Нигро совершенно точно, по слуху, записывает имя русского раба – Семен (Semen)[34]. Ранее мы уже видели близкое к произношению написание русских имен Анки, Настасьи, Федосьи, Кости... Но вот вдруг в актах двух разных нотариев возникают имена русских рабынь называемых по-латыни(!) Ульяна: «in lingua latina Uliana», «in lingua nostra Uliana»[35]. Черкешенка по-латыни названа Настасьей (in lingua latina Nastasia)[36]. Что же происходило на самом деле? Полагаем, что то, что происходило можно назвать культурной диффузией в полиэтничной среде, где антропонимы могли заимствоваться и прилагаться к этносам, для которых они были изначально чужды, под влиянием среды, моды или ради лучшей адаптации, добровольно или насильственно. Но само длительное и устойчивое бытование русских православных имен в этой среде, принятие русских имен татарами и другими этносами в Тане или поблизости от нее, есть косвенные свидетельства значительного русского влияния на этно-демографическую ситуацию в регионе, поддержания православной церковности и ее распространения, в том числе, возможно, и через различные формы миссионерской деятельности. Мы видим складывание православного прихода и, вместе с тем, его слабость. Мы находим следы миссионерской деятельности и, вместе с тем, они размыты и нам пока не даны возможности установить имена и деяния этих подвижников веры. Свое служение православные пастыри в течение длительного времени могли осуществлять и в греческих храмах, при условии достаточно мирных, деловых отношений с «латинским» населением и властями итальянских факторий.

==========

ASV, CI, Notai, 148/2, N.13

13. Tana, 21/X 1447

Die dicto

Catarina Lando relicta Iohannis Murarii condam Antonii et nunc uxor Cune russii, habitatrix Tane rogavit fieri comissionem venerabili viro domino presbitero Nicolao de Varsis ecclesie sanctorum Apostolorum de Venetiis, olim capelano Tane ad petendum, exigendum et recipiendum omne id totum et, quicquid dictus condam Iohannes habere debet et restat, a camera comunis Venetiarum de et occasione sui stipendii balistarie in Tana, quod totum eidem Caterine spectat usque videlicet sumam bixantiorum octingentorum de Tana, que bixantia sunt restum sue repromisse, de qua obtinuit sentenciam coram domino consule Tane contra bona dicti condam Iohannis in 1439 mensis septembris die XVIo indicione 3a Tane, vivam adhuc in manibus dicte Catarine de dicta dumtaxat quantitate bixantiorum 800, et a me notario visam et lectam, que sententia est completa et roborata manu domini presbiteri Ambrosii condam Viti, plebani sancti Vitalis Venetorum notarii necnon capelani et cancelarii Tane, tam a dicta camera, quam a quocumcque alio offitio seu loco quoquo modo, et de receptis cartam securitatis rogandi, et si opus fuerit dicta de causa tam coram serenissimo domino principe et inclita dominatione Venetiarum {quamque} quecumque alio officio comparendi, placitandi, agendi et respondendi, advocandi et advocatos tollendi, summandi, apellandi, necnon in animam suam iurandi, item paciscendi, transigendi et componendi, translatan(di) seu translatari et scribi faciendi, alienandi et etiam donandi tam partem, quam totum dicte restantis pecunie, necnon baratandi et vendendi tam ad terminos, quam ad contatos, tam ad denarios, quam ad quaslibet merces; item substituendi et revocandi et generaliter omnia alia et singula faciendi, exercendi et procurandi in premissis et circa, sicut ipsamet separaliter adesset, etiam si talia forent, que mandatum exigerent speciale. Promittens etc.

Testes magister Iohanes Nigro marangonus et Fantinus Briti.

31. Tana, 10/IX 1448

Die dicto, Tane.

Catarina Lando rel(icta) Iohannis Murarii condam Antonii et nunc uxor Cune russii habitatrix Tane rogavit fieri comissionem magistro Iohanni Nigro marangono ad petendum et cetera omnia alia faciendum prout

continetur et superius leg(itur) in comissione per eammet rogata domino presbitero Nicolao de Varsis sub die XXI mensis octobris 1447.

Testes Dominicus Begdoloto et Antonius de Bernardo tabernarius in Tana.

ASV, Notarili Testamenti 826
PIETRO PELACAN

N 11. Tana, 28/X 1447

1447, mensis octobris die XXVIIIo indicione XI Tane.

Ego, Maria Grassa uxor Fedoris rutheni sive russici languens corpore et mente sana cogitans etc. et nolens etc. ad me vocari feci presbiterum Petrum Pelacan notarium Venetiarum nunc capelanum et cancelarium in Tana, quemque rogavi ut hoc meum scriberet testamentum cum clausulis etc., salvis etc. in quo instituo meam solam fideicomissariam Magdalenam uxorem Iohannis greci plazarii, ut secundum, quod hic ordinavero darique iubsero, sic exequutioni mandet.

In primis, dimitto domino fratri Herasmo sive vulgariter nuncupato fratri Theramo Ianuensi ordinis minorum paterno meo bixantios XXVI de illis scilicet bixantios centum, que mihi tenetur Fetinchia uxor alterius Fedoris. Item demicto pur(e) de illis bixantios centum notario suprascripto in presentia testium infrascriptorum ducatum unum pro suo labore. Reliqua bixantia volo expendi in meam sepulturam secundum discretionem dicte mee commissarie. Item dimicto Perine filie Marine et condam Guielmi unam de meis camisiis sirico laboratam. Interrogata de pietate et Nazareth locis de Veneciis respondi non *me*[37] de his locis longuinquis impedire. Residuum vero omnium aliorum meorum bonorum mobilium et immobilium et specialiter Olitam sclavam meam, lectum et vestes ac omnia alia bona mea dimitto Andree filio meo. Et si ante legiptimam etatem decederet deveniat totum in dictam Magdalenam comissariam meam, cui animam mea recomitto. Preterea etc.

Testes Dominicus Begdoloto trucimanus.

Iacobus magistri Antonii calegarii filius.

N 12. Tana, 4/IX 1450

1450, die IIIIo septembris, ind(ictione) XVa Tane.

Cum vite sue terminum etc. Quapropter ego, Chuna ruthenus sive russicus frater Minche, sanus corpore et mente adivi presbiterum P(etrum) Pelacan notarium Venetorum ipsumque rogavi, ut hoc meum scriberet testamentum pariter et compleret cum clausula etc.

In quo instituo meum solum fideicomissarium ser Filipum Diclai, ut secundum quod ordinavero exequutioni mittat. Interogatus de postumis dixi(t) uxori non fore spes filiorum quia uxor antiqua. Residuum omnium aliorum pro meorum bonorum[38]etc. dimitto medietatem ecclesie sancti Nicolai grecorum de Tana et aliam medietatem dispensari pro anima mea secundum discretionem dicti mei commissarii, cui animam meam recomitto preterea etc.

Trucimano Nicolao Butario rutheno.

Testes Iacobus Rizzo et Benedictus Malipiero.

Dixit habere in manibus dicti ser Filepi ducatos 30, item martires 29, et de ratione dicti fratris sui[39]martires 20. Item in manibus uxoris Roma(ni) rutheni ducatos 30. Item, in manibus Ceni de ratione dicti sui fratris b(esantios) 400.

N 48. Tana, 5/XII 1450.

In nomine Dei eterni, amen. Anno ab incarnatione Domini nostri Yhesu Christi milesimo quadrigesimo quinquagesimo, mensis decembris, die quinto indicione XIIIIa Tane.

Divine inspirationis domini Dei est et provide mentis arbitrium, ut antequam superveniat mortis iudicium, quilibet se et bona sua sit ordinare solicitus. Igitur ego, Lucis Civrano, ruthenus sive russicus, habitator eiusdem loci Tane infirmus corpore sanam tamen per Dei graciam habens mentem integrumque consilium cogitans quam fragilis sit hominium vita nolensque ab intestato decedere et bona mea inordinata derelinquere, ad me vocari feci presbiterum Petrum Pelacan sancte Marie Formose de Veneciis, Venetiarum notarium et nunc capelanum et cancellarium in eo loco Tane ipsumque rogavi, ut hoc meum scriberet testamentum, pariter et compleret cum clausulis necessariis et opportunis per morum Venetiarum, salvis semper statutis et consuetudinibus comunis Venetiarum. In quoquidem meo testamento instituo et esse volo meos fideicomissarios ser Galeatium Dragano ad presens in Tana ad stipendium balistarium, Iohannem Metuo habitatorem in eo loco Tane et Magdalenam uxorem meam, ut secundum, quod hic ordinavero darique iubsero, sic adimplere debeant.

In primis, dimitto pro missis sancte Marie et sancti Gregorii dicendis per dictum capellanum ducatos auri tres in presentia infrascriptorum testium.

Item, dimitto scole sancte Marie et sancti Antonii de Tana meam fabricam, in qua nunc habito, sitam super terreno eius scole, et bixantia quinquaginta. Item, dimitto pro reparatione, aptatione aut edificatione ecclesie sancti Nicolai grecorum de Tana bixantia quinquaginta. Item, dimitto Margarite, quam presentiale in domo teneo bixantia quinquaginta. Item, dimitto pro exoneratione consciencie mee nobili viro domino Francisco Cornario condam domini Bonati ducatos auri quatuor, quia alias a quodam domus sue quem suspectum habeo eo precio emi et solvi peciam brunate. Item dimitto Iohannem geticum sive zerchassium servum meum liberum et franchum ab omni vinculo servitutis et ultra hoc sibi dimitto omnes suos pannos et bixantia quinquaginta. Item dimitto Costam filium Orine ruthene servum meum liberum et franchum et in gubernatione dicte uxoris mee. Atque Orinam similiter servam meam postquam servierit dicte uxori mee annis octo liberam et francham dimitto, verum si ante completum dictum tempus annorum octo deficere contingerit dictam uxorem meam et filias ex eam et me nascituras, volo quod tunc ipsa Orina sit libera et francha et ultra hoc habeat secundum discretionem meorum comissariorum aliquid de residuo meo. Si in pias causas dispensare contingerit eccl(esie) M(arie) dicte Nazareth et pietatis de Venetiis respondi nescire de his rebus. Residuum vero omnium aliorum meorum bonorum mobilium et immobilium, presentium et futurorum, caducorum inordinatorum et pro non scriptorum et, quicquid ad caducum inordin(atum) et pro non scriptum posset quolibet devenire, dimitto equaliter dicte uxori mee et filiis aut filiabus uni vel pluribus ex nobis nascituris et decedente uno aut pluribus ex eis tam mascul(is), quam feminis sine testamento et absque heredibus pars sua aut partes deveniat seu deveniant in superstitem aut superstites ex eis, decedentibus vero omnibus suprascriptis absque testamento et sine heredibus vero quod dictum res(iduum) dispensetur in missis et aliis orationibus ac piis elimosinis secundum discretionem meorum comissariorum, quibus animam meam comitto. Preterea do, tribuo etc. prout in primo huius folii testamento. Signum suprascripti Luce Civrano, qui hec fieri rogavit.

+ Ego Dominicus Bedelotto testis manu mea subscripsi.

+ Ego Petrus de Baldasare testis manu mea subscripsi.

Ego presbiter Petrus Pelacan sancte Marie Formose de Venetiis Venetiarum notarius et presentialiter capelanus et cancelarius in Tana complevi et roboravi.

Testis Dominico Begdoloto, trucimanus curie Tane et Petrus Baldasaris calafatus ad stipendium balistarium Tane.

ASV, CI, Notai, 148/2
64 – 67. Tana, 29/VI 1451

f.64.

MoCCCCoLImo die martis vigesimonono mensis iunii indicione XIIIIa.

Catarina Iustiniano relicta Georgii Iustiniano presentialiter comorans in castro Tane illustrissime dominationis Venetiarum pro bixantiis de Tana ducentis viginti, que nomine finiti et conventi precii confessa fuit recepisa domino Francisco Cornario condam domini Donati nobile de Venetiis ad presens negociatore Tane suprascripte faciente et solvente, ut asseruit[40] nomine pape Tatulii greci beneficiati in ecclesia sancti Nicolai grecorum eiusdem loci Tane noviter

f.65. / ab hinc reccessi, renuncians exceptioni non numerate peccunie et non soluti pretii tempore cont....s omnique alii suo iuri eidem pape Tatulio licet absenti, ut supra tangitur, seu dicto domino Francisco eius nomine agenti, prout superius, dedit, cessit, vendidit, tradidit atque mandavit iure proprii quoddam territorium seu terrenum positum in eodem castro Tane ad montem, cui coheretur a mane Dominicus Begdoloto trucimanus curie Tane suprascripte et est longum pichi quindecim de Tana usque murum comunis dicti castri, computata calle, que discurit aut discurere debet secundum usum per prope eum murum a sero[41] via publica, que vadit ad eum montem et est similis longitudinis pichorum[42] quimdecim, computata calle, ut supradictum est in confinio a mane, a meridie cum eo muro comunis seu calle predicta, que discurit aut discurere debet inter eum murum et territorium predictum et est latitudinis terrenum predictum picorum VIII de Tana a septentrione, cum eamet venditrice et est latitudinis pichorum septem et quartarum trium de Tana; et cum territorium seu terrenum ei dedit et cum nobilem dicto nomine recuperationem investivit de territorio seu terreno predicto cum accessione et ingressu, cum introitu et exitu, cum via et servitutibus, cum superioribus et inferioribus et cum omnibus suis adiacentiis et pertinentiis, atque cum omni iure, actione et ratione, reali et personali ipsi territorio seu terreno pertinenti sibi cumque propterea competenti et integrum, ut admodo ipse papa Tatulius eiusque heredes[43]et cui dederint, debeant habere, tenere atque possidere predictum territorium aut terrenum omnemque suam voluntatem et utilitatem ex eo iure proprii facere, asserente dicta Catarina dictum territorium seu terrenum nulli alteri fore datum, venditum, donatum, alienatum, obligatum

vel aliquo modo obroxiatum, nisi predicto pape Tatulio. Et si plus valeret de dicto precio ab inde pure et irrevocabilis donationis titulo, que dicitur inter vivos, ei emptori dedit et remisit, propterea dicta Catarina dedit, cessit, tradidit atque mandavit dicto pape Tatulio seu ipsi nobili dicto nomine omne ius, omnes actiones et rationes reales et personales, quod et quas ipsa habet et videbatur habere in suprascripto territorio aut terreno et adversus quemlibet tenentem/

f.66. / vel possidentem aut impedientem ipsum territorium sive terrenum ipsum procuratorem *fidelem* in rem suam constituens, ut a modo possit agere et placitare adversus omnem partem et se defendere pro ipso terreno sive territorio, quemadmodum dicta venditrix poterat. Ad huc autem memorata Catarina iam dicto pape Tatulio seu dicto nobili agenti, ut supra fertur, eius nominis et stipulanti promisit ipsum territorium seu terrenum per se et suos heredes eidem pape eiusque heredibus aut successoribus cuive dederit varentare et defendere ab omni homine cum ratione sub pena dupli, sicut pro tempore fuerit melioratum aut in consimili loco valuerit suis expensis cum obligatione suorum bonorum presentium et futurorum se pro emptore possidere constituens. Insuper dicta Catarina predictum terrenum pro iam dicto papa Tatulio se precario possidere constituit donec tenutam et possessionem dicti territorii fuerit adeptus; quam preccariam possessionem in presenti ei remisit et refutavit. Hoc acto et inter dictas partes convento, quod idem papa Tatulius a die prima septembris proxime futuras et non ante habere incipiat pensionem seu fictum territorii predicti[44] superius venditi[45] per eam Catarinam Iustiniano. Et hec omnia acta et rogata fuerunt trucimanante eo Dominico Begdoloto.

Acto insuper per pactum expressum solempni stipulatione valatum et firmatum inter eum papam Tatulium licet, ut supra tactum est, absentem seu dictum dominum Franciscum Cornario eius nomine presentem asserentemque in presentia mei notarii et testium infrascriptorum[46] ab eo papa Tatulio habere libertatem omnia infrascripta pagendi et rogandi, necnon de rato et rati habitione promittentem et ipsummet dominum Franciscum uti, ut omnibus fere notum est, patronum dicte ecclesie sancti Nicolai ac Mapheum Marcoffo uti gostoldionem scole sancte Marie et sancti Antonii de Tana pro se dicto nomine et nomine suorum sociorum dicte scole, a quibus dixit habere bailiam hec omnia faciendi, quod si casus daret, quod idem papa Tatulius habeat cum effectu institutionem liberam de ea ecclesia sancti Nicolai, ad quam obtinendam modo Trapesundam perexit ad reverendissimum dominum archiepiscopum Alanie institutorem, ut fertur, ecclesie predicte. Ex nunc prout ex tunc sepe dictus papa sive idem nobilis

eius suprascripto asserto nomine[47] titulo donationis, que dicitur causa mortis, dat et donat eidem ecclesie sancti Nicolai sive dicto domino Francisco stipulanti et recepienti vice et nomine ecclesie prelibate territorium sive terrenum predictum cum omnibus iuribus actionibus et rationibus realibus et personalibus, que et quas habet in predicto territorio[48] seu quibus emptum est, ut in presenti supra instrumento per ordinem legitur. Si autem institutio ipsa de eo papa Tatulio debitum non sortiatur effectum in et/

f.67. / de iam dicta ecclesia sancti Nicolai ex nunc prout ex tunc et ergo dictus Mapheus Marcoffo uti gastaldio pro se et nomine sociorum suorum iam dicte scole asumpsit et assumit in scolam predictam territorium seu terrenum predictum, promittens nomine antelato sub obligatione bonorum omnium et singulorum predicte scole[49] eidem pape Tatulii vel de eo ius habenti de bonis dicte scole debitam et integram solutionem eorum bixantiorum ducentorum viginti facere cum effectu per se dicto nomine et successorum suorum, qui pro tempore in dicto offitio fuerint, de quo territorio aut terreno ex nunc supradictus dominus Franciscus vice dicti pape Tatulii iam dicte scole adveniente causa venditionem facit cum omnibus iuribus, rationibus et actionibus et aliis omnibus et singulis clausulis et articulis coniunctim et particulariter ac divisim contentis et annotatis supra in hoc presenti emptionis instrumento de eo territorio ab ea Catarina sibi pape Tatulio vendito et tradito dans et concedens tunc scole iam pluries dicte iammet[50] auctoritatem et vigorem per supradictum emptionis instrumentum de eo territorio, quam et quem qualem et quantum habet, aut visus fuerit habere idem papa Tatulius in terreno predicto[51] vel quemadmodum a principio in scolam (predicta)m instrumentum ipsum confectum fuisset. Que omnia et singula promiserunt ipsi nobilis et Mapheus predictis nominibus sibi invicem et vicisim perpetuo firma, rata et grata habere, tenere, attendere et observare et in nullo contrafacere vel venire per se vel alium seu alios aliqua ratione vel causa de iure vel de facto sub pena dupli totius eius in quo vel de quo questio mota fuerit seu contrafactum in quolibet huius instrumenti articulo[52] per solempnem stipulationem promissa, et insuper refectionis et emendationis dampnorum, expensorum et interesse litis et extra. Qua pecunia soluta vel non et expensis dampnis et interesse reffectis vel non nichilominis presens instrumentum et omnia et singula in eo contenta robur obtineant. Et pro observationem suprascriptorum omnium et singulorum dictus nobilis bona dicte pape obligavit sibi ecclesie et idem gastoldio bona dicte scole ipsi pape obligavit tam presentia, quam futura. Renuntiantes ipsi ambo contrahentes exceptioni non sic vel aliter celebrati contractus non sic geste rei et omnibus et singulis exceptis privilegiis, auxilio et beneficio per

quas vel que promissis vel aliquibus premissorum possent quolibet excipi, obici vel opponi.

Actum in dicto loco Tane circa ipsum terrenum presentibus Iohanne Memo apothecario et Petro de Baldasare calafato ad soldum balistario, testibus ad hec habitis, vocatis, rogatis et aliis.

Petrus Pelacan, notarius suprascriptus.

[1] Первая публикация в сб.: Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 21 – 25.

[2] *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.С. 29.

[3] Монографии по истории Таны пока не существует. Разные ее аспекты наиболее полно представлены в следующих работах: *(Байер Г.З.)* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. Изд. 3 – е. СПб., 1782; *Ковалевский М.М.* К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т. 2. С. 109 – 174; *Verlinden Ch.* La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // Studi in onore di Gino Luzzatto. Milano, 1950. Vol. 2. P. 1 – 25; *Nystazopoulou – Pélékidis M.* Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle // Thesaurismata. 1970. Vol. 7. P. 15 – 51; *Скржинская Е.Ч.* История Таны (XIV – XV вв.) // Барбаро и Контарини о России ...С. 29 – 64; *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siècle) // Turcica, 1976. T.VIII/1. P. 110 – 201; *Balard M.*, La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978. T.I. P. 151 – 156; *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen âge et à la Renaissance / sous la direction du M.Balard. Lyon, 1989. P. 251 – 266; idem. Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle. // Le Moyen âge. 1988. T. 94. N 3 – 4. P. 363 – 379; *Martin M.* Some aspects of trade in Fourteenth Century Tana // България Понтика II. София, 1988. С. 128 – 139; *Карпов С.П.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 191 – 216; Очерки истории Азова. Вып. 1 – 2. Азов: Азовский краеведческий музей, 1992, 1994.

[4] См. подробнее: *Тихомиров М.Н.* Пути из России в Византию в XIV – XV вв. // *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 48 – 77; *Он же.* Средневековая Россия на международных путях. М., 1966; *Прокофьев Н.И.* Русские Хождения XII – XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. УЗ МГПИ им. В.И.Ленина. № 363. М., 1970. С. 3 – 264; Карпов С.П. Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38. С. 40; *Majesca G.P.* Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984 [DOS,XIX]. P. 76 – 87.

[5] Сообщение о перевороте и его причинах содержится в картулярии нотария Бенедетто Бьянко, канцлера венецианского консулата в Тане: Archivio di Stato di Venezia (далее – ASV), Cancelleria Inferior, 19, f.1r.

[6] *Doumerc B.* Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle... P. 370 – 371; *idem,* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie... P. 259.

[7] См., напр.: *Перевозчиков В.И.* Классификация археологического материала Золотоордынского времени, поступающего на хранение в фонды Азовского краеведческого музея (по материалам раскопок и сборов 1960-х – первой половины 1990-х гг.). Порядок систематизации, упаковки и описания. Методические рекомендации. Азов, 1996.

[8] ASV, Notarili, Testamenti, 826. N 11: 28/X 1447.

[9] ASV, CI, 148/2, c.N 13: 21/X 1447. ASV, CI, 148/2, c.N 31. Tana, 10/IX 1448.

[10] ASV, Notarili, Testamenti, 826. N 12: 4/IX 1450.

[11] ASV, CI, 148/2, c.N 76: 11/III 1452; ASV, CI, 148/2, c.N 77 – 78: 27/III 1452.

[12] *Карпов С.П.* Документы по истории венецианской фактории Тана... С. 193, 198 – 201.

[13] См.: *Gioffrè D.* Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. Genova, 1971. Tabelle.

[14] ASV, CI, 149/1, f.35r: « sclava de genere Tartarorum... in lingua sua Natalia et in sacro fonte baptismatis vocari debet Catarina». – 26/XI 1436.

[15] См.: *Фомичев Н.М.* Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака – Таны в XIV – XV вв. // Очерки истории Азова. Вып. 2. С. 5 – 18.

[16] *Miklosich Fr., Müller I.*, Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. T. 1. Vindobonae, 1860 (далее – MM). N 162. P. 356 – 363; N 221. P. 477 – 478; Le Patriarcat Byzantin. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I, fasc.V: 1310 – 1376 / ed. J. Darrouzès. Paris, 1977. N 2308, 2369, 2379 – 80, 2383, 2392 – 93, 2423, 2502, P. 250 – 251, 305 – 306, 315 – 316, 318, 322 – 325, 349 – 350, 420 – 422; *Nicephori Gregorae* Historiae Byzantinae libri postremi / ed. I.Bekker. Bonnae, 1855. [T. 3]. P. 532 – 539; *Matschke K. – P.* Byzantinische Politiker und byzantinische Kaufleute im Ringen um die Beteiligung am Schwarzmeerhandel in der Mitte des 14. Jh. // Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsintitutes in Österreich. 1984. N 2/ VI. S.83 – 84.

[17] MM, T.II, 1862. P. 483 – 484, 541 – 543; Le Patriarcat Byzantin. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I, fasc.VI: 1376 – 1410 / ed. J. Darrouzès. Paris, 1979. N 3121. P. 367 – 368; N 3198. P. 423 – 424; N 3236. P. 457 – 458; ASV, CI, 148/2, c.N 64 – 67: 29/VI 1451.

[18] См.: Карпов С.П. Трапезундская империя и русские земли...

[19] См.также: *Doumerc B.* Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle... P.259.

[20] ASV, Notarili, Testamenti, 826. N 48: 5/XII 1450.

[21] *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. T. 2: Italie. Colonies italiennes du Levant latin. Empire Byzantin. Gent, 1977; *idem* La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // Studi in onore di Gino Luzzatto. Milano, 1950. Vol. 2. P. 1 – 25; *idem.* Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XIVe siècles) // Miscellanea historica in honorem Leonis van der Essen. Bruxelles-Paris, 1947. P. 287 – 298; *idem.* Orthodoxie et esclavage au bas Moyen âge // Mélanges E.Tisserant. T.V. Studi e Testi, 235. 1964. P. 427 – 456; *Gioffrè D.* Il mercato degli schiavi a Genova... P. 17 – 21; *Карпов С.П.* Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV – начало XV в.) // Византийские очерки (4). М., 1982. С. 191 – 207.*Он же.* Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // ВВ 1986. Т. 46. С. 139 – 145; *он же.* Документы по истории венецианской фактории Тана... С. 191 – 216; *Balletto L.* Stranieri e forestieri a Genova: schiavi e manomessi (sec.XV) // Forestieri e stranieri nelle città basso-medievali. Atti del

Seminario int. di studi. Firenze, 1988. P. 263 – 283; *Balard M.* La femme esclave à Gênes à la fin du Moyen âge // La femme du Moyen âge. Paris, 1990. P. 299 – 310.

[22] ASV, CI, 148/2, c.N 58 – 59: 16/XII 1450.

[23] ASV, CI, 149/1, f. 11v: 15/II 1435. Аналогичные случаи: ibid., f.26r: 3/I 1436 – «sclava de genere rossorum vocata in lingua latina Elena»; f.29v:25/V 1436: sclava de genere russorum vocata in lingua latina Agnes; f.50v: 4/VII 1438: «sclava de genere russorum... vocata in lingua latina Anastasia».

[24] ASV, CI, 148/2, c.N 60: 20/IV 1451.

[25] ASV, CI, 149/1, f.28r: 27/II 1436; f.29r:29/IV 1437; f.49v:9/VI 1438.

[26] ASV, CI, 19, N 7, I cart., f. 5v N 38: 19/IX 1359 (a regesta in: *Verlinden Ch.* Le recrutement des esclaves à Venise aux XIVe et XVe siècles // Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome. T.XXXIX, 1968. N 22, P. 104).

[27] ASV, CI, 149/1,cart. 2, f.3v: 27/VII 1439.

[28] ASV, CI, 121/2, f.12: 27/VII 1415.

[29] ASV, CI, 121/2, f.13: 9/VIII 1415.

[30] Ср.: Григорьев *А.П., Григорьев В.П.* Ярлык Джанибека от 1347 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.,1995. Вып. XV. С. 79.

[31] *Gioffrè D.* Il mercato degli schiavi a Genova... P. 127 – 143; *Balard M.* La Romanie... T. 2. P. 810 – 815.

[32] ASV, CI, 121/2, f.14: 30/IX 1415.

[33] ASV, CI, 121/2, f.13: 30/VII 1415.

[34] ASV, CI, 133/2, лист не нумерован: 29/IV 1444.

[35] ASV, CI, 149/1, cart. 1, f.50v: 12/VII 1438 (Венеция); CI, 121/2, f.12: 27/VII 1415 (Тана).

[36] ASV, CI, 149/1, cart. 5, f.6v: 8/I 1442.

[37] Зачеркнуто: se, над строкой вставлено: me.

[38] Следует, зачеркнутое: di.

[39] sui – вставлено над строкой.

[40] et solvente, ut asseruit – вставлено на полях.

[41] Следует, зачеркнутое: in.

[42] Следует, зачеркнутое: quinque.

[43] Следует, зачеркнутое: atque ei.

[44] territoriorum predictorum исправлено на: territorii predicti

[45] venditorum исправлено на: venditi.

[46] in presentia mei notarii et testium infrascriptorum – вставлено на полях.

[47] sepe dictus papa sive idem nobilis eius suprascripto asserto nomine – вставлено на полях.

[48] territoribus исправлено на territorio.

[49] sub obligatione bonorum omnium et singulorum predicte scole – вставлено на полях.

[50] eammet – вставлено над строкой.

[51] in terreno predicto – вставлено на полях.

[52] in quolibet huius instrumenti articulo – вставлено на полях.

Глава 17

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ВЕНЕЦИАНСКОЙ ФАКТОРИИ ТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.[1]

На территории современного города Азова с конца XIII в. и до 1475 г. существовали две итальянские фактории: генуэзская и венецианская[2].

Условия жизни в Тане не были легкими. Помимо постоянного соперничества венецианцев с генуэзцами обитатели поселений испытывали угрозу со стороны кочевников степи, нередко и врагов, и торговых партнеров одновременно. Не раз фактории подвергались полному уничтожению. Так, в 1343 г. хан Джанибек изгнал итальянцев из Таны сроком на 5 лет после вспыхнувшей в городе и закончившейся убийством татарина ссоры, в 1395 г. Тана была сожжена Тимуром, а в 1410 г. разгромлена ханом Пуладом. Однако вплоть до османского завоевания (1475 г.) Тана неоднократно отстраивалась. Существуя рядом с золотоордынским городом Азаком[3], фактории были тесно связаны с ним экономическими взаимоотношениями.

Саму жизнь факторий обеспечивала их роль в системе торговых связей средневековья. Тана возникла и развивалась сначала как центр транзитной коммерции Западной Европы со Средней Азией, Китаем, Индией, Персией, Русью; в Тану по караванным дорогам поступал шелк-сырец, специи, пушнина. Из Таны шли пути к двум крупнейшим городам Золотой Орды – Сараю и Астрахани и далее на Восток. Со смутой в Орде (1357 – 1380 гг.), походами Тимура в конце XIV в. и затем распадом Улуса Джучи с 20-х годов XV в. значение этих торговых путей ослабевает. Но вместе с тем усиливается роль Таны в местной торговле как центра экспорта ценных сортов осетровых рыб, икры, хлеба и особенно рабов. Во все времена своей истории, при всех

поворотах ее торговой судьбы Тана оставалась крупнейшим рынком рабов[4].

Роль Таны для Венеции и Генуи не была одинаковой. Если Генуя располагала в Черноморском бассейне целой сетью факторий, опиравшихся на такие мощные города, как Каффа (Феодосия), Солдайя (Судак), Пера на Босфоре, то Венеция имела лишь 2 значительные фактории – в Тане и Трапезунде. Они поддерживались как звенья одной цепи, протянутой от Адриатики через острова Эгеиды к Константинополю и Причерноморью, как пункты, где выходили к морю крупнейшие караванные пути восточной торговли. Потеря одного из этих пунктов грозила крахом всей системе торгового обмена и торговой навигации, которые с большим напряжением сил венецианцы организовали в регионе. Поэтому Венеция стойко, несмотря на явные убытки от ведения торговли в Тане в отдельные периоды, ухудшение торговой конъюнктуры и сокращение притока туда товаров, все же стремилась удержаться там, а Генуя, напротив, всеми силами добивалась того, чтобы лишить венецианцев доступа в Азовское море, связать Адриатическую республику запретами осуществлять навигацию своих судов в Тану, хотя бы на небольшие (пятилетние) сроки[5]. И все же в XV в. ситуация менялась: после захвата и разграбления города татарами в 1410, а затем и 1418 г. генуэзцы и венецианцы были вынуждены проявлять солидарность и взаимную помощь перед внешней угрозой. Это не исключало рецидивов враждебности, но они все более локализовались не как конфликты между Венецией и Генуей, которые раньше приводили к войнам между этими республиками, а как локальные столкновения Каффы с венецианской Таной или довольно ограниченные по масштабам стычки между жителями двух факторий в самой Тане[6].

* * *

Публикуемые ниже документы содержат новые данные по истории Таны. Два из них являются примером типичных нотариальных актов, оформлявших торговлю людьми, в нашем случае – продажу рабынь. Интересно сопоставление таких источников из разных собраний.

Первый из документов хранится в Венецианском государственном архиве в составе фонда так называемой Нижней канцелярии (Cancel-

leria Inferior), куда после смерти и прекращения деятельности публичных нотариев в обязательном порядке поступали книги имбревиатур (протоколов) составленных ими документов. Указанный акт был составлен в Тане в 1363 г. работавшим там с 1359 по 1364 г. венецианским нотарием, пресвитером церкви св. Эуфимии на Джудекке, Бенедетто Бьянко. Это отдельный, ненумерованный лист пергамена в собрании актов Б. Бьянко, один из немногих подлинных документов (instrumenta), среди картуляриев нотария, являющихся краткими протоколами в форме минут. Акты Бенедетто Бьянко известны исследователям, изучавшим работорговлю в Тане[7]. Ш. Верлинден опубликовал сжатые регесты минут Бьянко, относящихся к работорговле[8]. Ниже следуют издание и перевод пергаменного акта Бьянко, содержащего не суммарную, а полную формулярную запись осуществленной сделки.

Второй документ того же типа хранится в западноевропейской секции Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. В основе этого богатейшего собрания средневековых документов лежит коллекция академика Н.П. Лихачева[9]. Среди подлинников венецианских нотариальных актов имеется instrumentum, написанный на пергамене размером 112 х 266 мм. итальянским нотариальным курсивом XIV в. (карт. 194, № 18). Акт, фиксирующий продажу рабыни-татарки в возрасте 24 лет одним жителем Венеции другому, был составлен не в Тане, а в самой Венеции. Однако он явно касается рабыни, прибывшей из черноморских областей и принявшей в крещении имя Ульяны (т. е. православной). Большинство татарских рабынь, тем более принимавших в крещении славянские православные имена, доставлялись в Венецию именно из Таны и прилегавших к ней районов[10]. Такой же случай мы встречаем и в первом из публикуемых актов, где рабыня-татарка по имени Караза была крещена и приняла имя Настасьи.

По наблюдениям Ш. Верлиндена, в Тане продавалось значительно больше рабынь, чем рабов, причем возраст подавляющего большинства из них не превышал 20 лет[11], в то время как в самой Венеции в актах работорговли абсолютное преобладание остается за рабынями в возрасте от 11 до 30 лет[12]. Таким образом, оба наших акта отражают довольно типичную ситуацию.

Стоимость рабыни в акте 1363 г. – 200 аспров Таны. Так как в то время 1 аспр приравнивался к 1 венецианскому гроссу[13], эта сумма эквивалентна 8,3 дуката. В 1359 – 1360 гг., по актам Бенедетто Бьянко,

рабыни-татарки в Тане стоили дороже: в среднем 600 – 700 аспров, но в 1363 г., вероятно, с притоком большего их числа, цена упала до 200 – 350 аспров в среднем. В самой Венеции в 1363 – 1365 гг. за рабынь в возрасте от 16 до 19 лет платили наивысшие цены, а рабыни-татарки 16 – 17 лет стоили от 20 до 35 дукатов[14]. Разница цен, как видим, довольно значительна. Большой разрыв цен на рабов существовал между Таной и Константинополем[15], а тем более между Таной и Италией. И все же Настасья была куплена в Тане по довольно умеренной цене.

С 80-х годов XIV в. приток рабов в Италию из Причерноморья начал сокращаться[16]. Сказывались последствия торгового кризиса середины XIV в., так называемой «Черной смерти», Кьоджской войны между Генуей и Венецией (1378 – 1381) с последующим запретом для обеих сторон на 5 лет плавать в Тану, смуты в Золотой Орде. Сокращается и число документов, фиксирующих сделки работорговли. В сводной таблице Ш. Верлиндена вовсе нет сведений о продаже рабынь-татарок в Венеции в 1385 г. Документ 1385 г. из Архива СПФИРИ частично восполняет лакуну. Примечательно, что оба документа сообщают о продаже крещеных рабынь, принявших православные, русские имена и, видимо, крестившихся в русской церковной общине в Причерноморье.

За 20 лет (1360 – 1380) цена на рабов в Венеции несколько повысилась. В 1386 – 1389 гг, рабыни в возрасте от 18 до 36 лет (значительное увеличение возраста!) стоили от 40 до 46 дукатов[17]. Сорок пять дукатов, уплаченные в 1385 г. за Ульяну, – в том же интервале цен.

Оба нотариальных акта, составленных в Тане и в Венеции, предусматривают отказ владельцев от всех прав и сервитутов на рабынь и свидетельствуют об их здоровье и благонравии, что несколько повышало цену и вместе с тем давало возможность опротестовать сделку, если покупатель обнаруживал явные или скрытые пороки.

Третий из публикуемых нотариальных актов также является подлинником (instrumentum) из западноевропейской коллекции Архива СПФИРИ. Он написан на большом листе пергамена размером 404 х 685 мм. нотариальным курсивом начала XV в. с большим числом традиционных и нетрадиционных сокращений (карт. 195, № 6). В тексте есть потертости, особенно на сгибах и в конце, где местами текст нечитаем. На обороте пергаменного листа имеются едва читаемые дорсальные надписи: одна из них сделана почерком XVII в.,

датирована 1612 г. и кратко информирует о содержании документа Другая, датированная 9 августа 1421 г., практически нечитаема. Угадываются лишь отдельные буквы и части слов. Видимо, это пометы судебного исполнителя.

Акт, составленный в Венеции 17 июня 1421 г., является протокольной записью судебного разбирательства с решением суда по иску прокураторов св. Марка, которым было вверено попечительство над имуществом покойного венецианского нобиля сера Пьетро Сторнелло, против душеприказчика и доверенного лица также покойного венецианца Марко Делланаве, Николо Липпамано. В конце документа 30 марта 1422 г. была сделана дополнительная запись о передаче, по решению суда, части имущества ответчика истцам. Инициатором иска был, видимо, сын Пьетро Сторнелло, Марко. Документ информирует о торговых операциях венецианцев в Тане в 1380 и 1391 – 1392 гг. В первом случае, видимо, речь шла о семейной комменде[18], предоставленной Пьетро Сторнелло своему более бедному родственнику Марко Делланаве. Нам известна сумма комменды – 21 лира, 7 сольди, 1 денарий гроссов (213,5 дуката) или 939 безантов 9 танго (аспров) в монете Таны. Указанную сумму получатель комменды вложил в покупку тканей и других товаров. Расчет по комменде, как утверждали истцы, не был произведен. Возможно, долг мог быть погашен но завещанию Катаруции Делланаве, жены Марко и наследницы части имущества Пьетро Сторнелло; однако истцы не признали правомочность этого погашения, так как не были выплачены предусмотренные в завещании П. Сторнелло легаты третьим лицам.

Во втором случае спор шел относительно целой серии торговых операций в Тане в 1391 – 1392 гг. Пьетро Сторнелло, прибыв в Тану, желал отправиться далее в Хаджитархан (Астрахань) для торговли, что он с успехом и сделал (перед нами, таким образом, свидетельство открытости путей через степь от Таны к Каспию накануне похода Тимура и упомянутого в акте сожжения им Таны в 1395 г.). В пожаре погибли и купеческие документы, хранившиеся в курии консульства.

Сторнелло закупил товары как для себя, так и для своих торговых партнеров, на чей счет он вел операции (ими были венецианцы Бернардо Дзордзи, Марино Моро и сам Марко Деланаве). Марко Делланаве, родственнику и компаньону, Пьетро оставил перед отъездом для реализации или для отправки 24 карателла меда, 1770 штук осетров и 12 тюков бумаги. Бумага восточного происхождения пользовалась тогда широким спросом в Византии, да и на всем Леванте. В нашем

документе зафиксирована ее продажа в Тане. Это, безусловно, транзитный товар, тогда как мед и осетры – традиционные предметы местного экспорта. Осетры были проданы за 482 безанта, стоимость бумаги не указана (1 тюк Делланаве оставил для себя), а недостача по операциям Делланаве с медом составила крупную сумму: 772 безанта. По всем видам операций иск к наследникам Делланаве, представленный через много лет после смерти Пьетро Сторнелло (ум. в 1393 г.) и через 1,5 года после кончины Марко Делланаве (ум. в 1420 г.), составил около 90 соммов (около 1980 безантов, или 450 дукатов). После того как были заслушаны показания ответчика, рассмотрены все обстоятельства дела, изучены счетные книги Пьетро Сторнелло, материалы завещаний и свидетельских показаний, в том числе бывшего в 1393 г. вице-консулом в Тане Франческо Фоскарини, знавшего об условиях соглашения Сторнелло и Делланаве о выплате долга, суд приговорил ответчика к уплате 45 соммов, сочтя доказанным сам факт долга и определив его бесспорную часть. В 1422 г. судьи конфисковали и передали наследнику Пьетро Сторнелло дом, некогда принадлежавший Марко Делланаве, в счет уплаты этого долга.

Публикуемый документ показывает, сколь значительными были инвестиции венецианских купцов в торговлю в Тане в конце XIV в. Он проливает свет на систему денежного обращения Таны в 80 – 90-е годы XIV в. Основной счетной единицей Таны был сомм (соммо, саум), делившийся на безанты и аспры (называемые также дангами, даниками, отсюда итальянский вариант – танго). Сомм равнялся примерно 22 безантам. Установить количество аспров в сомме по данному документу невозможно. Обычно серебряные аспры, весившие около 1 г. (по сравнению с нормативным весом 1,56 г. до 760 г.хиджры (1358/59 г.)[19], приравнивались к 1/200 – 1/202 части сомма[20], но встречались значительные колебания курса[21]. По курсу Таны сомм приравнивался к 5 золотым венецианским дукатам (10 сольди)[22]. Акт 1421 г. – свидетельство высокого уровня коммерческого делопроизводства венецианцев, а также широты торговых связей Таны в конце XIV в.

Archivio di Stato di Venezia. Cancelleria Inferior.
Notai, Busta 19, Notaio Benedetto Bianco (1359 – 1363)

13 мая, 1363 г., Тана

In nomine dei eterni, amen. Anno ab incarnatione domini nostri Yhesu Christi millessimo trecentesimo sexagesimo tertio, mensis madii, die tercio decimo intrante, prima indicione, Tane.

Manifestum facio ego, Victor Baxeio de confinio Sanctorum Appostolorum de Venetiis, nunc habitator in Tana, quia in Dei nomine do, vendo atque transact(o) cum meis heredibus tibi, Tixio Ziriolo filio ser Bartholomei Ziriolo de confinio Sancte Agnetis de Venetiis et tuis heredibus et pro heredibus quandam meam sclavam ortam progenie tart(arorum), annorum circa sexdecim, quam emi in Tan(am), nomine Charaza, et deinceps in baptismo vocatam Nastaxiam, sanam omnibus suis corpore et membris ab omnibus malis magagnis, tam ocultis quam manifestis, et cum omni jure, servitutis, polizis et scripturis, que et quas in dicta habeo, a modo in antea cum plenissima virtute et potestate predictam sclavam intromitendi, habendi, tenendi, dandi, donandi, dominandi, comutandi, vendendi, franchandi, pro anima judicandi, et in perpetuum possidendi, ac quicquid deinceps tibi magis placuerit faciendi, tamquam de tua propria, nemine tibi contradicente, quia me per omnia for(is) fatio et ipsam in tua plenissima virtute et potestate relinquo, promictens in meis heredibus tibi, Tixio suprascripto, et tuis heredibus dictam sclavam tuam ab omni homine et persona, que inde te impedire et molestare voluerit, coram quocunque judice, legis magistratu vel dominio fuerit oportunum, fideli(ter) defensare et guarentare. Quod si noluero vel facere non potero, tune pretium infrascriptum a te, Tixio suprascripto, quo infra, receptum, tibi integre satisfacere promicto. Pretium alitem suprascripte sclave secundum pactum et conventionem inter Tixium suprascriptum et me ortum fuit in totum asprorum ducentorum bonorum de Tana, quos quidem a(uri) duc(atos) a te Tixio suprascripto integre habui et recepi, unde tam de suprascripta sclava, quam de eius pretio suprascripto inde securus et quietus permaneas in perpetuum, quia nihil inde remansit unde te amplius requirere aut compellere valeam per ullum ingenium {ingenium} sive modum. Si igitur contra hanc manifestationis, promissionis et securitatis cartam ire temptavero, tunc emendare debeam cum meis heredibus tibi Tixio suprascripto et tuis heredibus auri libras quinque qua,

solutione vel non, hec manifestationis, promissionis et securitatis carta in sua permaneat perpetuum firmitate.

Signum suprascripti Vict(oris) Baxeio qui hec fieri rogavit.

Ego Francischus Bachino testis subscripsi.

Ego Boncipius de Martino testis subscripsi.

Ego Benedictus Blancho confinie Sancte Heuphimie de Judecha de Veneciis, presbiter, incliti ducatus Veneciarum publicus notarius, et nunc curie Venetorum in Tana canzelarius scripsi, complevi et roboravi.

Перевод:

Во имя Бога вечного, аминь. Год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа 1363, месяца мая, 13 дня, первого индикта, в Тане.

Я, Виктор Баксейо из прихода Святых Апостолов в Венеции, ныне житель в Тане, объявляю, что именем Бога даю, продаю и передаю, вместе с моими наследниками, тебе, Тиксиусу Цириоло, сыну сера Бартоломея Цириоло из прихода св. Агнессы в Венеции, и твоим наследникам мою рабыню, по происхождению татарку, около 16 лет, которую я купил в Тане, по имени Караза, а затем в крещении названную Настасией, здоровую всем своим телом и всеми своими членами, лишенную всяких болезней, пороков, как тайных, так и явных, и со всеми правами, сервитутами, расписками и документами, которые я на нее имею, отныне и впредь, с полнейшей возможностью и властью вышеуказанную рабыню принять, иметь, держать, отдать, подарить, повелевать (ею), обменять, продать, освободить, за душу судить и навечно ею владеть и делать впредь все, что тебе заблагорассудится, как с твоей собственностью, безо всякого противодействия с чьей-либо стороны, так как я всецело ее отчуждаю и предоставляю в твое полнейшее распоряжение и в твою власть, обязуясь за моих наследников тебе, вышеуказанному Тиксиусу и твоим наследникам, указанную твою рабыню преданно защищать и охранять от любого лица, которое бы пожелало затем тебе препятствовать и вредить, перед лицом любого судьи, судебного магистрата или правителя, как это будет необходимо.

Если же я этого не пожелаю или не смогу сделать, то обязуюсь тебе полностью возместить нижеуказанную цену, которую я получил от тебя, вышеуказанного Тиксиуса. А цена же вышеуказанной рабыни, по договору и соглашению между вышеуказанным Тиксиусом и мною, была определена в целом в 200 доброкачественных аспров Таны,

каковые со своей стороны, от тебя, вышеуказанного Тиксиуса, я полностью получил, как за вышеуказанную рабыню, так и за ее вышеуказанную стоимость. Вследствие этого ты можешь навсегда оставаться уверенным и спокойным, ибо впредь ничего не существует такого, на основании чего я бы мог что-либо дополнительно требовать или обвинять (тебя) каким-либо способом или образом. Если же я посмею пойти против этого документа объявления, обязательства и гарантии, то тогда я, вместе с моими наследниками, должен буду уплатить тебе, вышеуказанному Тиксиусу, и твоим наследникам 5 либр золота, и вне зависимости от их уплаты этот документ объявления, обязательства и гарантии останется навечно в своей силе.

Знак вышеуказанного Виктора Баксейо, который просил составить этот документ.

Я, Франциск Бакино, свидетель, подписал.

Я, Бонципий де Мартино, свидетель, подписал.

Я, Бенедикт Бланко, священник прихода св. Эуфимии на Джудекке в Венеции, публичный нотарий прославленного Венецианского дуката, а ныне канцлер курии венецианцев в Тане, составил и скрепил (документ) (по просьбе) вышеуказанного.

Архив СПФИРИ, западноевропейская секция, Венеция, карт. 194, № 18

14 марта 1385 г., Венеция

In nomine Dei eterni, amen. Anno ab incarnatione domini nostri Yhesu Christi millessimo trecentesimo octuagesimo quinto, mensis martii, die quarto decimo, int(rante), indicione octava, Rivoalti.

Manifestum facio ego, Stephanus de Monte de confinio Sancti Iuliani, quia in Dei nomine cum meis heredibus do, vendo atque transacto vobis, ser Domenico de Iohanne Bartole de confinio Sancti Leonis et eius heredibus[23] unam meam sclavam de genere Tartarorum ortam, etatis annorum viginti quatuor vel circa, vocatam ad sanctum baptisma Ulianam, sanam de persona omnibus magagnis et a morbo caduco sinceram. Amodo in antea cum plenissime virlute et potestate ipsam sclavam habendi, tenendi, dandi, donandi, dominandi, vendendi, alienandi, comutandi, imperpetuum possidendi et pro anima iudicandi, et quicquid vobis melius placuerit et videbitur faciendi, tamquam de re vostra propria, nemine vobis contradicente, quia exinde me per omnia foris facio et in vestra plen(issima)

virtute et potestate relinquo. Precium autem, quod fuit iusta nostre conventionis pactum, ducatis quadraginta quinque boni aur(i) et iusti ponderis a vobis integraliter habui et recepi, un(de) tam de dicta sclava, quam de eius pretio securus et quietus per(m)aneatis imperpetuum, quia nichil inde remansit unde vos requirere valeam per ullum ingenium sive modum. Insuper promitto vobis ipsam sclavam deffendere, guarentare, auctorare, disbrigare, ab omni homine et persona cum ratione omnibus meis propriis, omnibus sumptibus interesse et expensis. Si igitur contra hanc manifestationis, vendicionis, securitatis et promissionis cartam ire temptavero, tunc emendare debeam cum meis heredibus vobis vestrisque heredibus auri libras quinque. Et hec mea manifestationis, vendicionis, securitatis et promissionis carta in sua permaneat firmitate.

Signum suprascripti ser Stephani de Monte, qui hec rogavit fieri.

+ Ego Thomasius de Thomasio notarius, testis subscripsi.

+ Ego Nicholetus Seraçarolus testis subscripsi.

+ Ego Petrus Sancto, notarius Veneciarum complevi et roboravi.

Перевод:

Во имя Бога вечного, аминь. Год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа 1385, месяца марта, дня 14, индикта 8, на Риальто.

Я, Стефан де Монте из прихода св. Юлиана, объявляю, что именем Бога, вместе с моими наследниками, даю, продаю и передаю вам, серу Доменику, сыну Иоанна Бартоле из прихода св. Льва, и его наследникам мою рабыню, по происхождению татарку, 24 лет или около того, во святом крещении названную Ульяной, здоровую, без каких-либо изъянов и (не страдающую) падучей болезнью, непорочную, отныне и впредь, с полнейшей возможностью и властью эту рабыню иметь, держать, отдать, подарить, повелевать (ею), продать, отчуждать, обменять, навечно (ею) владеть, быть судьей за ее душу и делать все, что вам будет угодно и заблагорассудится, как с вашей собственной вещью, безо всякого противодействия с чьей-либо стороны, так как затем я всецело ее отчуждаю и в ваше полнейшее распоряжение и власть предоставляю. Плату же, которая была по справедливости установлена нашим соглашением, 45 дукатов из хорошего золота и узаконенного веса, я от вас полностью получил, как за указанную рабыню, так и за ее цену. Вы можете навсегда оставаться уверенными и спокойными, ибо впредь ничего не остается такого, на основании чего я бы мог что-либо от вас требовать каким-либо способом или образом.

Кроме того, я обещаю вам эту рабыню решительно защищать, охранять, освобождать от любого человека или лица всеми моими собственными средствами, со всеми расходами и издержками. Если же я посмею идти против этого документа объявления, продажи, гарантии и обязательства, то тогда я должен буду вместе с моими наследниками вам и вашим наследникам уплатить 5 либр золота. И этот мой документ объявления, продажи, гарантии и обязательства останется в своей силе.

Знак вышеуказанного сера Стефана де Монте, который просил составить этот документ.

+ Я, Томмазо де Томазио, нотарий, свидетель, подписал.

+ Я, Николето Серацаролус, свидетель, подписал.

+ Я, Петр Санкто, нотарий венецианцев, составил и скрепил.

Архив СПФИРИ, западноевропейская секция, Венеция, карт. 194, № 6

17 июня 1421 г., Венеция

In nomine Dei eterni, amen. Anno ab incarnatione Domini nostri Yhesu millessimo quadringentesimo vigesimo primo, mensis junii die decimo septimo, indicione quarta decima, Rivoalti.

Presentibus ibidem Iohanne Totario et Petro Valentino curie preconibus testibus ad infrascripta vocat(is), h(ab)it(is) et rogat(is) et aliis. Super questione vertente inter spectabiles viros dominos procur(atores) Sancti Marci constitutos super commissariis de citra canale, tamquam commissariis ser Petri Stornelo, ex una parte, petentes; et nobilem virum ser Nicholaum Lipamano solum commissarium ser Marci Anave, ut patet per cartam sui ultimi test(amen)ti scriptam, completam et roboratam manu ser Andree Rizo notarii Venec(iarum) in millessimo quadringentesimo ... mensis ...die ... indicione ...[24] Rivo(al)ti, parte ex altera se defendentem.

Ibique nobilis vir ser Iohannes Aymo, advocatus d(ict)or(um?) dominorum procur(atorum) commissar(iorum) et pro eis legittime script(us) in curia, sic allegando dicebat, quod cum prefatus condam ser Petrus Stornello de millessimo trecentesimo octogesimo ex(iste)ns Veneciis et videns dictum ser Marcum pauperem et ammisisse conditionem sue facultatis et habere filios, pro conviando ipsum dedit dicto ser Marco certos denarios et sibi emit pannos et alias multas res et eum Tanam destinavit cum rebus predictis, que omnia in totum ceperunt libr(as) viginti unam, sold(os) septem, denar(ium) unum grossorum auri, sicut apparet in libro dicti ser Petri Stornelo ad cartas

viginti quinque, que quantitas reducta est ad sumos et bisantia, et capit bisantia novem centum et triginta novem, tang(os) 9 monete Tane, de qua quantitate dictus ser Marcus nunquam dedit aliquid predicto condam ser Petro nec aliquam sibi consignavit rationem, sicut clare apparet per libros ipsius ser Petri. Et si de ratione predicta dictus ser Petrus aliquod recepisset, illud ad computum multum bene posuisset dicti ser Marci, sicut posuit alias eorum amborum rationes. Et sic evidenter apparet ipsum ser Marcum debitorem remansisse et esse quantitatis predicte. Et pro maiori declaratione iudicii dicebat qualiter dona Catarutia Anave, olim uxor ipsius condam ser Marci clarius informata de denariis et rebus, quos et quas dictus ser Petrus dederat suprascripto condam ser Marco eius attinenti per suum test(amentu)m scriptum de milleximo quadringentesimo sexto decimo ad cautellam eiusdem ser Marci viri sui, de dicta quantitate ordinando, declaravit quod dictus ser Marcus non posset rnollestari de libris viginti quinque grossorum auri de quibus apparet debitor per librum condam[25] ser Petri prefati, et ipsi ser Marco eam quantitatem remisit per ipsum suum testamentum tamquam persona succedens bona dicte condam sue matris, que fuit succetrix bonorum dicti condam ser Petri Stornelo; et sic verificatur per testamentum dicte condam done Catarutie, eum condam ser Petrum fuisse creditorem ipsius condam ser Marci de quantitate superius declarata et scripta in libro dicti condam ser Petri. Et si quis vellet allegare, quod ipse condam ser Marcus fuisset a dicto debito absolutus per eam donam Catarutiam succetricem ex tenore sui testamenti, respondetur, quod mater dicte condam done Catarutie non potuit succedere aliqua bona dicti condam ser Petri nisi ea, que forent ultra legata contenta in suo testamento, nec fieri pot(uit) residuum per consuetudines et decreta patrie, nisi primo solut(is) legatis in tali testamento declarat(is). Et cum deficiant solvi legata trium summarum capientium ultra ducatos mille auri et ultra eas summas solvi deficiat unum legatum annualle ducatis[26] vigintiquinque, ergo clare sequitur, quod absolutio facta ipsi condam ser Marco per eam suam uxorem de dicto debito tenere non potest, nec aliqualiter nocere dictis actoribus et sic dictus condam[27] ser Marcus remanet tantum obligatus dictis actoribus. Ulterius eo, quod ser Petro reperienti[28] se esse Tane de millessimo trecentesimo nonagesimo primo et se habere multas mercantias de sua et aliorum ratione, et volente ire in Zitercanum infra terram et non valente secum portare tute dimisit in manibus dicto condam ser Marci Anave rationabilem rationem partim de ratione propria ipsius condam ser Petri et partim de ratione suorum sotiorum, inter quas sibi dimisit caratellos viginti quatuor melis de ratione condam ser Bernardi Georgio et ipsius condam ser Petri. Et cum dictus

condam ser Marcus vendiderit ipsum quantitatem melis et male distribuerit denarios ipsius melis in superfluis expensis. Insuper occurerit quod reverso prefato condam ser Petro Stornelo de millessimo trecentesimo nonagesimo secundo, et eo suam volente videre rationem cum ipso condam ser Marco de ipsa quantitate mellis repererit de ea ratione deficere bisantia septem centum septuaginta duo, de quibus ad eum ser Bernardum tangebant per sua dimidia parte bisantia trescentum nonaginta sex. Et sic idem ser Petrus per suas litteras avisavit eum ser Bernardum et sibi de ipso melle computum designavit consignando eidem ser Bernardo dictum ser Marcum pro debitoris ipsius dimidie partis, qui ser Bernardus dicto computo contradixit, nolens ipsum ser Marcum pro debitore aliqualiter acceptare. Et de facto ipsius ser Petri commissaria fuit similiter coniucta ad scontanduin prefato ser Bernardo dicta bisantia trescentum octuaginta sex pro ipso debitore, que summa est incisa penes eos actores et quantitas ipsius summe fuit per eos actores persoluta de bonis eorum commissi ipsi ser Bernardo. Ex qua causa ipse ser Marcus venit restare debitor suprascripti condam ser Petri et eius commissarie in tota illa sorte eorum bisantiorum setincentorum septuaginta duorum monete Tane.

Item dicebat, quod in millessimo trecentesimo nonagesimo primo remanserant in manibus dicti condam ser Marci schinalia inter sortam de sansserio et de ratione suprascripti condam ser Petri propria et ser Marini Mauro et ipsius ser Petri Stornelo in totum mille setingenta setuaginta, de quibus scinalibus dictus condam ser Marcus vendidit et traxit de ratione eorum ser Marini Mauro et ser Petri Stornelo bisantia quadringenta octuaginta duo, de quibus {quibus} tangebant dicto ser Petro Stornelo pro sua dimidia parte bisantia ducenta quadraginta unum, sicut videri poterit per unum quaternum dicti condam ser Petri.

Item balle duodecim cartarum de propria ratione suprascripti condam ser Petri, de quibus ballis suprascriptus condam ser Marcus per se tenuit unam et reliquas misit dicto condam ser Petro et remansit creditor de expensis[29] per eum ser Marcum factis in dictis ballis undecim, quas destinavit suprascripto condam ser Petro, sicut per librum condam ser Petri prefati ad computum dicte rationis cartarum liquide apparet.

Item dicebant ipsi actores, quod reverso prefato condam ser Petro Tanam de dictis partibus Zitricani de millessimo nonagesimo secundo et eo volente suas videre rationes cum ipso condam ser Marco ac vidente qualiter ipse ser Marcus secutus fuerat de premisses per modum predictum et qualiter ea malisissime dispensaverat ac calculat(iones) ipsis rationibus, dictus ser Marcus remansit debitor prefati ser Petri Stornelo de summis nonaginta

monete Tane, sicut offerebant ipsi actores se juditio probaturos per nobilem virum ser Franciscum Justiniano condam domini Federici, qui tunc temporis erat Tane et vidit fieri rationes predictas inter eum condam ser Marcum et prefatum condam ser Petrum Stornello, et est informatus de eo, quod idem ser Marcus dare restavit suprascripto condam ser Petro Stornello, qui ser Petrus post predicta recessit de partibus Tane et ivit in San Marcadante, ubi vitam suam finivit. Et sic idem ser Petrus non valuit uti aliquo suo jure contra eum ser Marcum, et ea propter petebant ipsi domini procuratores commissarii sive ipse eorum advocatus eum ser Nicholaum Lipamano commissarium in bonis dicte commissarie prefati condam ser Marci summari eis actoribus pro resto predictorum omnium in bisantiis mille novem centum septuaginta quatuor et tangis duobus ad rationem soldorum decem pro summo, sicut tunc valebat quilibet summus, aut pro eorum damno petebant libras quadraginta quatuor, solidos sexdecim denarios 11 grossorum auri salvis et reservatis omnibus aliis iuribus eorum actorum contra eam commissariam dicti ser Marci quo(s)cumque et qualitercumque. Et petebant expensis cause presentis.

Ex adverse autem dicte petitioni predictorum dominorum procuratorum annotate manu Marci Stornelo respondebat prefatus ser Nicolaus Lippamano solus commissarius suprascripti condam ser Marci Anave ex tenore sui ultimi testamenti, facti, completi et roborati manu condam ser Ang(e)li condam ser Andreierii notarii Veneciarum in millessimo quadringentesimo ... mensis ... die...indicione, respondenti, quod, sicut est manifestum judicatui presenti et sicut cavetur in petitione predicta, sunt anni viginti octo vel circa, quibus prefatus ser Petrus Stornello suum diem ultimum clausit, a quo tempore citra quaterni suprascripti ser Petri quibus sit predicta petitio continuo steterunt in manibus dominorum procuratorum de citra predecessorum predictorum dominorum procuratorum, qui fuerunt commissarii ipsius ser Petri et fuerunt plene informati de omni eo, quod in eis quaternis annotatum est, sicut domini judices poterunt clare cognoscere et etiam[30] possunt videre iam pluribus annis preteritis, prefatus Marcus Stornelo, qui est bone discretionis continuo ivit per palatium, sicut est manifestum prefatis dominis commissariis ipsius ser Petri Stornello, vidit et examinavit dictos quaternos et de premissis fuit et est bene avisatus et continuo informatus, ut a dictis dominis procuratoribus et a ser lohanne Aymo eorum advocato domini indices poterunt persentire. Et dum dictus condam ser Marcus Anave vixit, qui obiit die... mensis ianuarii elapsi, quod tempus est anni viginti sex a die mortis dicti condam ser Petri Stornello, usque in die mortis dicti condam ser Marci Anave, et dum ipse ser Marcus

Anave stetisset per totum ipsum terminum Veneciis et in Trivisana ad casallem, dictus ser Nicolaus, commissarius ignorat causam quare predicti domini procuratori commissarii predicti sive dictus Marcus Stornello, qui cum tanta anxietate et festinantia petunt de presenti, non petierint et non solicitaverint in preteritum in vita suprascripti ser Marci, cum et (iam) habuerint ipsi domini procuratores et prefatus Marcus Stornello ad demostrandum et probandum illud, quod in petitione predicta continetur. Et dicit ipse commissarius[31] nulla alia cum fuit, nisi quia ipse Marcus Stornello sciebat, dicens, quod ser Marcus Anave fuisse de suis iuribus et probationibus per optime informatum et bene clarificavit mentem predictorum dominorum procuratorum preteritorum cum quibus, ut clarissime comprehendendum est, debuit ser Marcus Anave remansisse concors. Et maxime respectu testificationis ser Francisci Fuscareno annotate in hac curia, que testificatio erat eisdem dominis procuratoribus manifesta et cuius continentia inferius annotabitur, propter que dictus ser Marcus Stornello permisit preterire annos viginti octo.

Videlicet quousque dictus ser Marcus Anave mortuus est, qui ut predicitur de omnibus suis iuribus et probationibus erat clare informatus, de quibus iuribus, ut[32] est superius dictum, prefatus ser Nicholaus Lippamano est totaliter nudus, et maxime quia aliqua eius scriptura, ideo quaternus, sicut scit[33] prefatus Marcus Stornelo, non pervenerunt ad manus prefati ser Nicolai, per quas scripturas credit idem ser Nicholaus sine dubio si habeatur quod contrarium, demonstraretur eius quod continetur in petitione predicta, sed ex causa eius condam ser Marcus est optime informatus, quod penes dictum ser Nicolaum non est aliqua scriptura dicti sui commisi seu aliqua informatione, idem ser Marcus Stornelo sero movit in faciendo fieri predictam petitionem, et cum in predicta petitione fiat mentio, quod pars adversa probare velit per nobilem virum ser Franciscum Iustiniano illud, quod in ipsa petitione continetur, respondebat suprascriptus ser Nicolaus[34] commissarius, quod iura dicti sui commissii certe perire potuissent, nisi esset illud, quod mediante gratia Dei, qui Deus non permittit perire[35] iura alicuius, quod secutum fuit, videlicet quod loquente dicto ser Nicolao casualiter cum dicto ser Marco Stornelo super presenti causa, et ser Nicolao se gravante de dicto Marco et de modis ab eo observatis, idem Marcus retulit suprascripto ser Nicolao non considerans sua verba, quod per[36] alia tempora preterita ducta fuerit in presenti iuditio quedam testificatio faciens claram mentionem super hac causa. Et volente dicto ser Nicolao scire tempus ipsius testificationis pro habendo aliquam informationem et querendo multos libros presentis iudicationis tandem pervenit ad manus prefati ser Nicolai unus

quaternus testificationum de millessimo trecentesimo nonagesimo sexto super quem ad postam dominorum procuratorum de citra est annotata testificatio nobilis viri ser Francisci Fuscareno vice consulis Tane de millessimo trecentesimo nonagesimo tertio ad cuius manus pervenerunt omnes quaterni et scripture suprascripti ser Petri Slornelo immediate post ipsius ser Petri obitum, per quam testificationem clare cognoscitur esse oppositum eius, quod continetur in predictam peticionem, et quam testificationem dictus ser Nicolaus dominis judicibus demonstravit. Et sic de novo requirebat judicium, quatenus dignaretur eam testificationem videre, quam dictus ser Nicholaus producit in favorem commissarie dicti ser Marci, cum in ipsa testificatione contineatur, quod in millessimo trecentesimo nonagesimo secundo factum fuit saldum concorditer inter eum condam ser Marcum Anave cum eo condam ser Petro Stornelo in Tana et qualiter de ipso resto scriptum fuit quidam instrumentum visum per ipsum ser Franciscum Fuscareno, quod restum remanserat in minima quantitate, de qua ipse condam ser Marcus apparet debitor per quaternos dicti condam ser Petri Stornelo, sicut in testificatione dicti ser Francisci Fuscareno clarius continetur quod restum scriptum concorditer cum ipso ilistrumento scriptum fuit tempore recessus prefati ser Petri Stornello a Tana pro eundo infra terram, qui ser Petrus paulo post obiit.

Et sic celebrato dicto instrumento prefati condam ser Petrus et ser Marcus nunquam fuerunt amplius insimul nec insimul amplius agere habuerunt in aliquo, quod multum bene clarificatur per predictam petitionem cum in ea contineatur, quod omnes partite factorum dicti condam ser Marci Anave annotate super libros prefati ser Petri Stornelo scripte fuerunt in millessimo trecentesimo nonagesimo primo in (T)anam, et dictum instrumentum scriptum fuit de millessimo trecentesimo nonagesimo secundo, sicut predictum est. Ex quibus concludendo prefatus ser Nicholaus dicebat sapientiis dominorum iudicum, quod attento, quod tam clarum probatum fuerit presenti iuditio per eam testificationem dictam commissariam ipsius ser Marci non teneri in eo, quod in dicta petitione continetur, non debeat acceptari, nec autenticari alia[37] probatio cum probatio contra probationem, quod patria nostra non patitur ullo modo posse in aliquo juditio taliter praticari. Et per multas alias rationes a respectu v(idelicet)[38], quod dictus ser Nicolaus non curavit anotare, cum satis clarum appareat dicto ser Nicolao commissario per illud, quod superius allegavit reverentias dominorum judicum[39] remanere claras. Et dato ad huc quod dicta testificatio ipsius ser Francisci Iustiniano potuisset acceptari, quod negat idem ser Nicolaus Lippamano multis causis et respectibus, ut est superius dictum,

nichilominus dicebat illud non obstare, nec obstare posse intentioni eiusdem ser Nicolai, quia idem ser Marcus Anave fuit concors predictorum debitorum cum ipso ser Petro Stornelo, de quo concordio processit unum instrumentum, sicut apparet per depositionem ipsius ser Francisci Fuscareno superius allegatam. Et sic requirebat judicium quatenus absolvere dignaretur eam commissariam ser Marci Anave a petitione predicta et predictos actores in expensis huius absolutionis condemnare, salvis omnibus iuribus ipsius commissarie ser Marci Anave contra ipsos dominos procuratores commissarios ipsius ser Petri Stornello et contra quamlibet aliam personam quocumque et qualitercumque.

De unde prefati domini judices procuratores, videlicet domini Fantinus Magno et[40] Nicholaus Pizamanus, domino Ieronimo Girardo tertio eorum sotio non ente cum eis, in consciam, visis et auditis petitionibus, responsionibus partium predictarum, et quicquid partes ipse dicere et allegare voluerunt, et carta testamenti dicti condam ser Marci Dela Nave condam ser Stefani scripta, completa et roborata manu ser Andree Rizo notarii Venec(iarum) millessimo quadringentesimo decimo nono, mensis octobris die decimo octavo indicione tertia decima Rivoalti, visis libr(is) condam ser Petri Stornelo, ubi sunt antedicte rationes dicti ser Petri cum eo ser Marco Dela Nave, et visa testificatione nobilis viri ser Francisci Fuscareno alias in iuditio producta, publicata et annotata, continente in effectu, quod fuit scripta ta(me)n una carta inter eum ser Petrum et dictum condam ser Marcum de omnibus que simul agere habuerant, et quod per eam cartam apparebat eum ser Marcum Anave teneri in multo minori quantitate denariorum ipsi condam ser Petro Stornelo, quam annotatum esset super libros ipsius condam ser Petri; et viso[41] quodam precepto scripto ipsis dominis procuratoribus super productione carte predicte in iuditio annotato et attento, quod liquide apparet per depositionem ipsius testis, eum ser Marcum fuisse debitorem ipsius ser Petri de quantitate ipsius carte, que carta cum protocolo eius propter combustionem Tane postea secutam, nullo modo apparere pot(uit), et consideratis omnibus que circa premissa merito consideranda fuerunt, primo dato sacramento ipsi domino Bertutio Quirino, procuratori et commissario, et eo secundum suam et dicti domini Francisci Foscari, socii sui conscientiam, iurante verum esse, et commissaria ipsius ser Petri habere debere, ut infra conclusum est per summam laudandum et arbitrium per iustitiam, et eorum offitium exuerundo, posuerunt in debitum commissariam ipsius ser Marci Anave sive dominum Nicholaum[42] Lipamanum, solum nunc suum commissarium, ad dandum et ad solvendum de bonis dicte commissarie ipsis dominis procuratoris Sancti Marci de citra,

commissariis dicti ser Petri Stornello summos quadraginta quinque monete Tane occasione premissorum, condemnantes eum ser Nicolaum Lippamanum, commissarium sive commissariam ipsius ser Marci Dalanave in expensis huius cause que sunt adiecta taxatione presente summe ducatos tres auri, dantes eisdem dominis procuratoribus actoribus commissariis prelibatis ad intromittendum omnia bona et havere ipsius commissarie condam ser Marci Anave, mobilia et immobilia, usque ad integram satisfactionem, salvis iuribus dictorum dominorum procuratorum commissariorum, si pro tempore appareret quante quantitatis esset restum conclusum per eam cartam inter eum ser Petrum et dictum ser Marcum in quantum ipsi domini procuratores plures dicta quantitate summorum habere restarent a commissaria dicti ser Marci. Et similiter omnibus juribus utriusque partium predictarum, et presertim juribus commissarie dicti ser Marci contra quamlibet personam. Et hec sententie carta in sua permaneat firmitate.

Ego Fantinus Magno, judex, prochur(ator) m(anu) m(ea) subscripsi.

Ego, Nicolaus Pizamano, judex, procurator, m(an)u m(e)a subscripsi.

MCCCCXXII, die XXX marcii indicione XV, nos Nicolaus de Musto et Ieronimus de Mualli iudices pro al. abs(ente) d(omino) Petro Dandulo, tertio eorum sotio, dederunt ad proprium pro quantitate huius summe unum domum predicti condam ser Marci Anave prout ipsa per totum contras ... dit positam in ... naba eum uno hospitio posito ad pedem planum versus super pan ... um atrabatura unius ... re dicte domus inferior debere murari una porta per quam intrat ... de dicto hospitio in unum aliud quid est de reliquo[43].

Ego presbiter Gasparinus Canonicus Castellan(i) et Venet(iis) notarius complevi et roboravi.

Nos ser Nicolaus Pizomano et socii procuratorium iudices, exstimavimus ducatos duos cum dimidio.

Перевод[44]*:*

Во имя Бога вечного, аминь. Года от воплощения Господа нашего Иисуса 1421, 17 июня, 14 индиктиона, Риальто[45].

(Разбирательство) в присутствии Иоанна Тотарио и Петра Валентино, глашатаев курии, свидетелей, ради нижеследующего призванных, явившихся и испрошенных, и иных, по делу между почтенными мужами господами прокураторами Св. Марка,

утвержденными для (надзора) за доверенностями по ту сторону Канала[46] действующими в качестве комиссариев[47] сера Петра Сторнелло, истцов, с одной стороны, и благородным мужем сером Николаем Липамано, единственным комиссарием сера Марка Анаве, как явствует из акта его завещания, написанного, составленного и скрепленного рукой сера Андреа Рицо, венецианского нотария, в году 14... месяца... дня... индиктиона... на Риальто, ответчика, – с другой стороны.

И об этом благородный муж сер Иоанн Аймо, адвокат указанных господ прокураторов, комиссариев, и от их имени законно зарегистрировавшийся в курии, так утверждая, говорил. Когда вышеуказанный покойный сер Петр Сторнелло в 1380 г. был в Венеции и увидел, что указанный сер Марк в бедности и потерял свое состояние и обременен детьми, то для вспомоществования он дал указанному серу Марку определенную сумму денег и купил ему ткани и много других товаров и отправил в Тану с означенными товарами, и все это в целом стоило 21 лиру, 7 сольди, 1 денарий гроссов золотом, как записано в книге указанного сера Петра Сторнело на странице 25, каковая сумма переведена в соммы и безанты и составила 939 безантов 9 танго[48] в монете Таны, из каковой суммы указанный сер Марк ничего не выплатил вышеуказанному покойному серу Петру и не представил ему какого-либо расчета, как с очевидностью явствует из книг этого сера Петра. И если бы по вышеуказанному расчету указанный сер Петр что-либо получил, то он бы обязательно записал это на счет указанного сера Марка, как записывал прежде их расчеты друг с другом. И таким образом, с очевидностью явствует, что этот сер Марк остался должником на вышеуказанную сумму. И для большего прояснения тяжбы он сказал, что дона Катаруция Анаве, являвшаяся супругой покойного сера Марка, более точно осведомленная о деньгах и товарах, которые указанный сер Петр дал вышеуказанному покойному серу Марку, своему свойственнику, в своем завещании, написанном в 1416 г., для большей гарантии (прав) ее мужа сера Марка, давая предписание относительно этой суммы, заявила, что указанному серу Марку нельзя вчинять иск на 25 либр гроссов золотом, которые он был должен, как явствует из книги вышеуказанного покойного сера Петра, и последний сам по своему завещанию уступил эту сумму серу Марку как лицу, наследующему имущество ее покойной матери, которая была наследницей имущества указанного покойного сера Петра Сторнело. И таким образом, по завещанию указанной покойной доны Катаруции

выясняется, что покойный сер Петр был кредитором покойного сера Марка на вышеобъявленную и записанную в книге указанного покойного сера Петра сумму. И если кто-либо пожелал бы представить в качестве доказательства то, что сам покойный сер Марк был освобожден от указанного долга, по содержанию ее завещания, этой покойной доной Катаруцией, его (сера Петра. – *С. К.)* наследницей, то будет дан ответ, что мать указанной покойной доны Катаруции не могла наследовать какого-либо имущества указанного покойного сера Петра, кроме того, что было сверх легатов[49] содержащихся в его завещании, а значит, по обычаям и законам отечества, не могла использовать остаток, не уплатив ранее легатов, объявленных в таком завещании. И так как (денег) не хватило, чтобы уплатить легаты трем получателям на суммы свыше 1000 золотых дукатов, и сверх этих сумм не хватило уплатить один легат – 25 дукатов в год, то из этого ясно следует, что освобождение от уплаты, сделанное покойному серу Марку его женой по указанному долгу, не может быть признанным и никоим образом не может препятствовать указанным истцам. И таким образом указанный покойный сер Марк остается должником указанных истцов на такое же количество (денег).

Далее он сказал, что в 1391 г. сер Петр был в Тане и имел много товаров, принадлежащих ему и иным лицам, и, желая идти в Зитеркан[50], в глубь территории, и не имея возможности вести с собой (их) в безопасности, оставил указанному покойному серу Марку Анаве с точным расчетом, как те (из них), что были (записаны) на собственный счет покойного сера Петра, так и те, что были на счет его компаньонов. И среди товаров он ему оставил 24 карателла меда на счет покойного сера Бернардо Георгия и на счет самого покойного сера Петра. И указанный покойный сер Марк продал это количество меда и плохо распорядился деньгами за этот мед, (произведя) лишние траты. Вдобавок случилось, что когда вышеуказанный покойный сер Петр Сторнело в 1392 г. вернулся и пожелал увидеть свои расчеты с этим покойным сером Марком относительно этого количества меда, то оказалось, что в этих расчетах не хватает 772 безантов, из которых серу Бернарду причиталось за его половину 396[51] безантов. И таким образом, сер Петр своим письмом уведомил сера Бернарда и составил ему счет на этот мед, указав, что упомянутый сер Марк является должником сера Бернарда на 1/2 часть. Каковой сер Бернард опротестовал этот счет, никак не желая принять сера Марка в качестве должника. И в действительности было сделано соответствующее

поручение сера Петра выплатить вышеуказанному серу Бернарду указанные 386 безантов за этого должника, какова сумма была выделена истцами, и это количество денег было этими истцами выплачено серу Бернарду из вверенного им имущества. По этой причине этот сер Марк остался должником вышеуказанного покойного сера Петра и его комиссариев на всю эту долю в 772 безанта в монете Таны.

Он также сказал, что в 1391 г. в руках указанного покойного сера Марка остались сортовые осетры, (записанные) на сансерию[52] и на собственный счет вышеуказанного покойного сера Петра и на (совместный) счет сера Марина Мауро и сера Петра Сторнело, в целом 1770 (штук). Каковые осетры указанный покойный сер Марк продал и перевел на счет сера Марина Мауро и сера Петра Сторнело 482 безанта, из которых указанному серу Петру Сторнело причитался за его половину 241 безант, как можно удостовериться по книге счетов указанного покойного сера Петра. Также 12 тюков бумаги (записанные) на собственный счет вышеуказанного покойного сера Петра, один из которых вышеуказанный покойный сер Марк оставил себе, а остальные отправил указанному покойному серу Петру, как явственно следует из книги вышеуказанного покойного сера Петра в (записи) счетов на бумагу.

Также эти истцы сказали, что когда вышеуказанный покойный сер Петр вернулся в Тану из этих земель Зитрикана в 1392 г. и пожелал увидеть свои счета с покойным сером Марком, и, увидев, как сер Марк вел дела с порученным ему (товаром) вышеуказанным способом и как он им распоряжался наихудшим образом, указанный сер Марк остался должником указанного сера Петра Сторнело на 90 соммов в монете Таны. Так утверждали истцы, опираясь на показание благородного мужа сера Франциска Юстиниано, сына покойного господина Федерика, который в то время был в Тане и видел вышеуказанные расчеты между покойным сером Марком и вышеуказанным покойным сером Петром Сторнелло и осведомлен о том, что сер Марк остался должен вышеуказанному покойному серу Петру Сторнелло. И сер Петр после вышеуказанного отбыл из района Таны и уехал в Сан Маркаданте, где и окончил свою жизнь. И таким образом, этот сер Петр не смог использовать какое-либо свое право в отношении сера Марка. И по этой причине эти господа прокураторы, комиссарии и их адвокат просили сера Николая Липамано, комиссария по имуществу указанной доверенности вышеупомянутого покойного сера Марка, выплатить

этим истцам в качестве остатка всего вышеуказанного (долга) 1974 безанта и 2 танго, из расчета 10 сольди за сомм, по курсу сомма тех лет, или в качестве возмещения за ущерб просили 44 либры, 17 сольди, 9 денариев гроссов золотом, сохраняя все иные права этих истцов против комиссариев указанного сера Марка каким бы то ни было образом. И они требовали возмещения расходов на указанном основании.

От противной стороны на иск вышеуказанных господ прокураторов, заверенный рукой Марка Сторнело, ответствовал вышеупомянутый сер Николай Липпамано, единственный комиссарий вышеуказанного покойного сера Марка Анаве, в соответствии с содержанием завещания последнего, которое было составлено и скреплено рукой покойного сера Ангела, сына покойного сера Андрейерия, венецианского нотария, в 14... месяца... дня... индикта... Он ответил, что, как известно настоящему суду и как определено в вышеуказанном иске, прошло уже около 28 лет с тех пор, как вышеупомянутый сер Петр Сторнелло скончал свои дни; и с тех пор счетные книги вышеупомянутого сера Петра, о которых идет речь в вышеуказанном иске, постоянно находились в руках господ прокураторов по ту сторону (Канала), предшественников вышеуказанных господ прокураторов, которые были комиссариями этого сера Петра и были в полной мере осведомлены обо всем том, что записано в этих счетных книгах, как это господа судьи могут в точности выяснить, а также они могут убедиться, что еще в течение многих предшествующих лет вышеуказанный сер Марк Сторнело, который хорошо осведомлен (об этом), постоянно приходил в палаццо, как известно вышеуказанным господам комиссариям сера Петра Сторнелло, видел и изучал указанные счетные книги и относительно вышеупомянутого был и есть хорошо осведомлен и постоянно информирован, как господа судьи могут удостовериться у указанных господ прокураторов и у сера Иоанна Аймо, их адвоката. И так как указанный покойный сер Марк Анаве еще был в живых, а умер он в день... прошлого января, то есть прошло 26 лет со дня смерти указанного покойного сера Петра Сторнелло до дня смерти указанного покойного Марка Анаве, и так как сам сер Марк Анаве пребывал в течение всего этого срока в Венеции и в Тривизане, в казалии[53], то указанный сер Николай, комиссарий, не знает причины, почему вышеуказанные господа прокураторы, комиссарий вышеуказанного, или указанный Марк Сторнелло, которые с такими настойчивостью и

поспешностью вчиняют иск в настоящее время, не вчиняли его и не возбуждали в прошлом, при жизни вышеуказанного сера Марка, когда эти господа прокураторы и вышеуказанный Марк Сторнелло имели для представления и освидетельствования то, что содержится в вышеуказанном иске. И этот комиссарий сказал, что не было ничего иного, кроме того, что, как знал сам Марк Сторнелло, сер Марк Анаве был относительно своих прав и доказательств информирован наилучшим образом и хорошо разъяснил это вышеуказанным господам предшествующим прокураторам, с которыми, как совершенно очевидно, сер Марк Анаве должен был пребывать в согласии. И особенно приняв во внимание свидетельские показания сера Франциска Фускарено, записанные в этой курии, которые были представлены этим господам прокураторам и содержание которых записано ниже, почему указанный сер Марк Сторнелло позволил пройти 28 годам?

Таким образом, до тех пор, пока сер Марк Анаве не умер, он, как сказано выше, был точно информирован обо всех своих правах и доказательствах, и относительно этих прав, как сказано выше, вышеуказанный сер Николай Липпамано не имеет никаких сведений, прежде всего потому, что какие-либо его бумаги, а также и счетные книги, как известно вышеуказанному Марку Сторнело, не дошли до указанного сера Николая. Этот сер Николай полагает, что, без сомнения, если бы в этих бумагах имелось бы какое-либо противоречие, то оно было бы использовано для доказательства того, что содержится в вышеуказанном иске. Но по той причине, что сер Марк прекрасно осведомлен, что у указанного сера Николая нет каких-либо бумаг его указанного поручителя или какой-либо информации, указанный сер Марк Сторнелло медлил с распоряжением о составлении вышеуказанного иска. И так как в вышеуказанном иске было упоминание, что противоположная сторона желает представить в качестве доказательства того, что содержится в этом иске, (показания) благородного мужа сера Франциска Юстиниано, вышеуказанный комиссарий сер Николай ответил, что права указанного его поручителя могли бы безусловно исчезнуть, если бы не было того, что, благодаря милости Божьей, Бог не позволяет исчезать чьим-либо правам, что и воспоследовало. А именно, когда указанный сер Николай случайно беседовал с указанным сером Марком Сторнело об этом деле и сер Николай жаловался на указанного Марка и на способы, которые тот применял, этот Марк обратился к вышеуказанному серу Николаю, не

обдумывая своих слов, (сказав), что как-то ранее в настоящий суд было представлено некое свидетельство, дающее четкое разъяснение этого дела. И когда указанный сер Николай пожелал узнать время этого свидетельства ради получения какой-либо информации и запросил многие книги настоящего суда, то вышеуказанному серу Николаю попался в руки один реестр свидетельских показаний 1396 г., в котором для господ прокураторов по ту сторону (Канала) записано свидетельское показание благородного мужа сера Франциска Фускарено, вице-консула Таны 1393 г., в руках которого оказались все счетные книги и бумаги вышеуказанного сера Петра Сторнело сразу после кончины этого сера Петра. И этими свидетельскими показаниями ясно устанавливается противоположность тому, что содержится в вышеуказанном иске и каковые свидетельские показания указанный сер Николай предъявил господам судьям. И таким образом, суд вновь потребовал рассмотреть эти свидетельские показания, которые указанный сер Николай привел в пользу доверенности указанного сера Марка, ибо в свидетельском показании содержалось, что в 1392 г. в Тане при взаимном согласии сторон был произведен расчет между покойным сером Марком Анаве и покойным сером Петром Сторнело, и что относительно этого остатка (долга) был составлен нотариальный акт, который видел этот сер Франциск Фускарено, и что остаток, который покойный сер Марк был должен по счетным книгам покойного сера Петра Сторнело, остался в минимальном количестве. Как ясно содержится в свидетельском показании указанного сера Франциско Фускарено, остаток, записанный при взаимном согласии в этом нотариальном акте, был записан во время отъезда вышеупомянутого сера Петра Сторнелло из Таны в глубь территории, вскоре после чего сер Петр умер. И таким образом, заключив указанный акт, вышеупомянутые покойный сер Петр и сер Марк никогда более одновременно не были вместе и никогда более одновременно не вели дел, что очень хорошо разъясняется в вышеуказанном иске, так как в нем указывается, что все виды дел покойного сера Марка Анаве, записанные в книгах вышеупомянутого сера Петра Сторнело, были записаны в 1391 г. в Тане, а указанный нотариальный акт был написан в 1392 г., как сказано выше. Из чего заключая, вышеупомянутый сер Николай сказал, (обращаясь) к мудрости господ судей, что, принимая во внимание, что было ясно доказано настоящему суду этим свидетельским показанием, то, что содержится в указанном иске, не относится к указанной доверенности этого сера Марка, и что не следует

принимать или признавать подлинным какое-либо другое доказательство, как доказательство против доказательства, ибо для нашего отечества недопустимо в каком-либо следствии вести дело подобным образом. Что касается многих иных доказательств, то упомянутый сер Николай не пожелал (о них) говорить, так как указанному серу Николаю, комиссарию, кажется достаточно ясным из того, что выше он привел в доказательство, чтобы милости господ судей это осталось ясным. И даже учитывая, что указанное свидетельское показание этого сера Франциска Юстиниано могло бы подтвердить, что отрицает сер Николай Липпамано, во многих случаях и отношениях (иск), как сказано выше, тем не менее он говорил, что оно не противоречит и не может противоречить доказательствам этого сера Николая, так как сер Марк Анаве договорился о вышеуказанных долгах с сером Петром Сторнело, о каковом соглашении был составлен нотариальный акт, как явствует из показания сера Франциска Фускарено, приведенного выше. И таким образом, он просил суд, чтобы суд соизволил освободить этого комиссария сера Марка Анаве от вышеуказанного иска и вышеуказанных истцов приговорить к уплате расходов по этому освобождению, с сохранением всех прав этой доверенности сера Марка Анаве против этих господ прокураторов, комиссариев этого сера Петра Сторнелло, и против любого другого лица.

Отсюда вышеуказанные господа судьи прокураторы, а именно господа Фантин Магно и Николай Пицамано, без участия третьего их сотоварища господина Иеронима Гирардо, совместно рассмотрев и выслушав иски, ответы вышеуказанных сторон, и все, что эти стороны пожелали сказать и привести в качестве доказательства, и документ завещания указанного покойного сера Марка Дела Наве, сына покойного сера Стефана, написанный, составленный и заверенный рукой сера Андреа Рицо, венецианского нотария, в 1419 г. 18 октября, 13 индиктиона, на Риальто, рассмотрев книги покойного сера Петра Сторнело, где находятся вышеуказанные счета указанного сера Петра с сером Марком Дела Наве, и рассмотрев свидетельское показание благородного мужа сера Франциска Фускарено, ранее представленное в суд, преданное гласности и содержащее в самом деле (сведение) о том, что между сером Петром и указанным покойным сером Марком был составлен документ относительно всех дел, которые им приходилось совместно вести, и что по этому документу оказалось, что сер Марк Анаве удерживал деньги покойного сера Петра Сторнело во много

меньшем количестве, чем было обозначено в книгах покойного сера Петра; и рассмотрев некое разъяснение, написанное этими господами прокураторами относительно составления вышеуказанного документа, отмеченного в суде, и удостоверившись, что ясно следует из показаний этого свидетеля, что сер Марк был должником сера Петра на сумму (указанную) в этом документе, который, вместе с его протоколом, из-за последовавшего затем сожжения Таны, никак не мог быть представлен, и рассмотрев все, что заслуживало рассмотрения относительно предпосланного, приведя сначала к присяге господина Бертучио Квирино, прокуратора и комиссария, относительно его и указанного господина Франциска Фоскари, его компаньона, осведомленности, а он поклялся, что (это) действительно правда и что комиссарии сера Петра должны получить, как определено ниже, на достойном похвалы основании и справедливым решением, и исполняя свою должность, обязали комиссария сера Марка Анаве, то есть господина Николая Липамано, ныне его единственного комиссария, уплатить из имущества указанной доверенности этим господам прокураторам Св. Марка по ту сторону (Канала), комиссариям указанного сера Петра Сторнелло, 45 соммов в монете Таны, по случаю вышеизложенного, приговорив сера Николая Липпамано, комиссария, или доверенность этого сера Марка Дала Наве к уплате издержек на это дело в сумме трех золотых дукатов, которые присоединены к исчислению указанной суммы, предоставив этим господам прокураторам, истцам упомянутой доверенности, для передачи все имущество этой доверенности покойного сера Марка Анаве, движимое и недвижимое, вплоть до полного удовлетворения, с сохранением прав указанных господ прокураторов, комиссариев. Если бы по истечении времени обнаружилось, какое количество (денег) являлось остатком (долга), подтвержденным этим документом, совместно (составленным) сером Петром и указанным сером Марком, тогда то, насколько больше указанное количество соммов эти господа прокураторы пусть будут должны получить из доверенности указанного сера Марка. И равным образом, относительно всех прав обеих вышеуказанных сторон, и особенно прав доверенности указанного сера Марка против какого-либо лица. И документ этого приговора пусть останется в силе.

+ Я, Фантин Магно, судья, прокуратор, собственноручно подписал.

+ Я, Николай Пицамано, судья, прокуратор, собственноручно подписал.

XXX

1422, 30 марта, 15 индиктиона, мы, Николай де Мусто и Иероним де Муалли, судьи... в отсутствие господина Петра Дандуло, третьего их сотоварища, передали в качестве собственности, в счет вышеуказанной суммы, один дом вышеуказанного покойного сера Марка Анаве. Так как он в целом... расположенный в... с одним госпицием[54], стоящем на ровном месте к... указанного дома необходимо прорубить одну дверь, через которую (проходят) из указанного госпиция в другой, который остался.

+ Я, пресвитер Гаспарин, каноник Кастелланский, венецианский нотарий, составил и скрепил.

+ Мы, сер Николай Пицамано и сотоварищи, судьи прокуратории, взыскали два с половиной дуката.

[1] Первая публикация в сб. Причерноморье в средние века. М., 1991. Вып.1. С. 191 – 216. В настоящем виде издается с поправками и небольшими изменениями.

[2] См. подробнее выше, гл. 13.

[3] Об этих отношениях см. особо: *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siècle) // Turcica, 1976. T.VIII/1. P. 110 – 201; *Ciocîltan V.* Mongolii şi Marea Neagră în secolele XIII – XIV. Bucureşti, 1998.

[4] См. подробнее: *Karpov S.P.* Le comptoir de Tana comme le centre des rapports économiques de Byzance avec la Horde d'Or aux XIIIe-XVe siècles // Byzantinische Forschungen. 1999. Bd XXV. S.181 – 188; *Verlinden Ch.* La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // Studi in onore di G. Luzzatto. Milano, 1950. T. 2. P. 1-25; *Idem.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. Gent, 1977. T. 2: Italie, colonies italiennes du Levant, Levant Latin, Empire Byzantin; *Idem*, Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XIVe siècle) // Miscellanea historica in honorem L. van Essen. Bruxelles; Paris, 1947. P. 287 – 298; *Idem.* Le Recrutement des esclaves à Venise aux XIVe et XVe siècles // Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome. 1968. T. 39. P. 83 – 202; *Laiou A.* Un notaire Vénitien à Constantinople: Antonio Bresciano et le commerce international en 1350 // Les Italiens a Byzance. Paris, 1987. P. 91 – 102.

[5] *Papacostea Ş.* "Quod non iretur ad Tanam". Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // RESEE. 1979. T.XVII. N 2. P. 201 – 217; *idem.* La Mer Noire: du monopole byzantin à la domination des Latins aux Détroits // Rev.Roum.d'Hist. 1988. XXVII, N 1 – 2. P. 49 – 71; *Balard M.* Gênes et la mer Noire (XIIIe – XVe siècles) // Revue Historique. 1984. T. 270. N 1. P. 32 – 54.

[6] *СкржинскаяЕ.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 34 – 38; *Dupuigrenet Desroussilles F.* Vénitiens et Génois à Constantinople et en Mer Noire en 1431 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1979. T.XX(1). P. 111 – 122.

[7] *Verlinden Ch.* La colonie... P. 4 – 24; *Idem.* Le recrutement....; *idem.* Le commerce en Mer Noire des débuts de l'époque byzantine au lendemain de la conquête de l'Egypte par les

Ottomans (1517) //XIIIe Congr. Int. des sciences historiques. Moscou, 1970. P. 6; *Скржинская Е.Ч* Барбаро и Контарини... С. 53 – 56; *Martin M.* Some aspects of trade in Fourteenth Century Tana // България Понтика II. София, 1988. С. 128 – 139.

[8] *Verlinden Ch.* Le recrutement....P. 185 – 202.

[9] См.: Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР. М. – Л., 1958; Из коллекций Н.П. Лихачева. Каталог выставки. СПб, 1993.

[10] *Verlinden Ch.* Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire .. См. также прим. 7 и гл. 16.

[11] *Verlinden Ch.* Le recrutement... P. 97; *idem.* La colonie... P. 12 – 13.

[12] *Verlinden Ch.* Le recrutement...P. 127.

[13] *Fenster E.* Zur Fahrt der venezianischen Handelsgaleeren in das Schwarze Meer // BS, 1978. Bd 39. S. 187. Дукат равнялся, таким образом, 24 аспрам. По иным данным, в Тане в 60-е годы XIV в. дукат приравнивался к 25,92 или 30 аспрам (ibid.), следовательно, стоимость рабыни по курсу Таны была от 6,7 до 7,7 дуката.

[14] *Verlinden Ch.* Le recrutement... P. 118 – 125, 127; *idem.* La colonie... P. 7, 13.

[15] *Laiou A.* Un notaire... P. 94.

[16] *Verlinden Ch.* Le recrutement... P. 126.

[17] *Verlinden Ch.* Le recrutement... P. 118 – 125; По данным Б. Крекича, полученным на основании изучения актов венецианского нотария Марко ди Раффанелли (1388 – 1398 гг.), в 1388 – 1389 гг. рабыни в возрасте от 11 до 44 лет стоили от 26 до 60 дукатов. Средняя цена рабыни-татарки – 44,3 дуката. В 1388 – 1389 гг. она колебалась от 39,3 до 42,2 дуката, т. е. в том же интервале, что и цена за рабыню Ульяну. Средняя цена рабынь от 21 до 30 лет была максимальной по всем этническим категориям – 45,6 дуката (*Krekic B.* Contributo allo studio degli schiavi levantini e balcanici a Venezia (1388 – 1398) // Studi in memoria di F. Melis. Napoli, 1978. T. 2, P. 379 – 394).

[18] См. о комменде (с указанием литературы вопроса): *Карпов С.П.* Контракт комменды в итальянской торговле в Южном Причерноморье (XIII – XV вв.) // ВВ. 1987. Т. 48. С. 23 – 32.

[19] См.: *Пономарев А.Л.* Монетное обращение Золотой Орды в XIV в. (методика анализа) // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 154.

[20] *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (по данным Франческо Пеголотти) // СА. 1958. № 3. С.65 – 72; Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. N 590. 1227. Caffe Massaria ad annum 1410, f. LVIIr; 1 comm=200 аспрам; N 590. 1229. Caffe Massaria 1420 – 21, f. LIIIr: 1 comm=202 аспрам; f. CLr: 1 comm=200 аспрам и т. д.

[21] Так, например, в 1386 г. в Каффе курс сомма был 145 аспров (мы не знаем, правда, идентичны ли более полновесные аспры Каффы тех лет, видимо, новой чеканки после реформы хана Тохтамыша в 1380 г., тем аспрам, которые обращались тогда в Тане). В 1381 г. в Каффе 1 comm=133 аспрам: Archivio di Stato di Genova, San Giorgio. N 590. 1226. Caffe Massaria 1381, f. CCCCXXVIIIv; N 590, 1226bis Caffe Massaria 1386, f. 400v. Ср. N 590. 1230. Caffe Massaria 1422, f. CXIXr: 1 comm = 225 аспрам; N 590. 1231. Caffe Massaria 1423, f. CXXXIIr: 1 comm=202 аспрам; f. CXLVIIr: 1 comm=225 аспрам. В начале XV в. одновременно существовали разные обменные курсы аспра по отношению к сомму.

[22] Такой же курс устанавливался венецианским государством для уплаты фрахта на галеях «линии» Венеция – Тана (см., например: Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XXXI, f, 5r-v, 59v – 60v, 95v – 97v (1363 – 1365 гг.).

[23] et eius heredibus – пропущено и затем вставлено в конце текста.
[24] Лакуны в тексте здесь и далее отмечены многоточием.
[25] condam – вставлено над строкой.
[26] Зачеркнуто: quinqua.
[27] condam – вставлено над строкой.
[28] Reperienti – написано на полях.
[29] Et remansit creditor de expensis – вставлено над строкой.
[30] Etiam – вставлено над строкой.
[31] Следует зачеркнутое: quod.
[32] Ut – вставлено над строкой.
[33] Вставлено над строкой – scit.
[34] Следует зачеркнутое: Iustiniano.
[35] Perire – вставлено над строкой.
[36] Следует зачеркнутое: per.
[37] Aliqua исправлено на: alia.
[38] v(idelicet) – вставлено над строкой.
[39] Judicum – вставлено над строкой.
[40] Et – вставлено над строкой. Зачеркнуто: et d(omi)n(u)s.
[41] Следует зачеркнутое: computo.
[42] Следует зачеркнутое: per.
[43] Текст стерт, восстанавливается фрагментарно.
[44] Перевод текста по возможности максимально приближен к языку оригинала, сохраняя его стилистические особенности. Документ написан типичным для подобного рода актов канцелярским языком с использованием многочисленных итальянизмов. Так издание преследует прежде всего конкретно исторические, а не филологические цели, языковые особенности текста не комментируются. Имена собственные переданы в их латинской, а не итальянской форме, так как они встречаются в тексте (Петр, а не Пьетро, Фускарено, а не Фоскарини, Юстиниано, а не Джустиниан и т. д.). Часто в написании одного и того же имени в оригинале встречаются различия, они сохранены и в переводе (Сторнело и Сторнелло, Липамано и Липпамано, Анаве и Дела Наве, Дала Наве и др.). Технические термины оставлены без перевода и разъясняются во вступительной части и комментарии. Издатель благодарит Б. А. Макеева за проверку транскрипции и перевода текста.
[45] Риальто здесь – древнее название Венеции. Современное название в XIII – начале XV вв. употреблялось параллельно с древним.
[46] Прокураторы Сан Марко – комиссия нобилей, которой было поручено собирать и расходовать средства на содержание базилики Св. Марка, а также хранить деньги, собранные для коммуны различными венецианскими оффициями. Постепенно этой комиссии стали доверять хранение ценных бумаг и денег и частные лица. Она защищала интересы этих лиц, в том числе, и перед судом, по опеке, исполнению особых финансовых поручений, вела дела по особым доверенностям, распоряжалась ценностями, вверенными ей по завещаниям, выступая в качестве попечителя наследников и принимая на себя долговые обязательства, а также заботу по взиманию долгов. Весьма почетной должности прокураторов добивались знатнейшие нобили. Число членов комиссии увеличилось с двух (ок. 1259 г.) до 6 (1319 г.) и 9 (1443 г.). В Венеции было 6 городских районов – сестьери. В соответствии с этим делением избирались прокураторы «по эту сторону Канала» (de citra), т. е. для районов Канареджо

и Кастелло, «по ту сторону Канала» (de ultra) – для районов Санта Кроче, Сан Поло, Дорсодуро и с 1319 г. «над Каналом» (supra) – для района Сан Марко, центральной части города. Материалы архива прокураторов Сан Марко содержат богатейшее собрание документов коммерческого делопроизводства. См. подробнее: *Mueller R.* The Procurators of San Marco in the Thirteenth and Fourteenth Centuries; a Study of the Office as a Financial and Trust Institution // Studi Veneziani. 1971. T. 13. P. 105 – 220.

[47] Комиссарии – лица, имевшие особого рода поручение (доверенность) на ведение дел, часто – душеприказчики и опекуны имущества своих покойных партнеров, действующие от их лица и от лица их наследников. Предоставление такого поручения с широкими финансовыми и судебными правами оговаривалось в завещании или в специально составляемом документе.

[48] Танго (даник, аспр) – мелкая серебряная монета, обращавшаяся в Тане, ордынского чекана. Безант – счетная денежная единица, название которой восходит к византийскому золотому перперу (безанту). Основной счетной денежной единицей Таны был сомм, в конце XIV в. равный 22 безантам.

[49] Легат – по римскому праву завещательное распоряжение, обычно безвозмездное, о выдаче наследником известных сумм или вещей какому-либо лицу. Невыдача легатов, как в нашем случае, могла вести к утрате части прав наследника на наследство (*Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 200 – 203).

[50] Зитеркан – Хаджитархан, совр. Астрахань.

[51] Ошибка подсчета. Должно быть 386 безантов, как в этом же тексте ниже.

[52] Сансерия – налог, обычно взимавшийся со сделок, совершаемых при посредничестве специального маклера. В ряде случаев такое посредничество считалось обязательным, а сансером (маклером) был государственный чиновник. Сансерией могло именоваться также ведомство, взимавшее налог и производившее освидетельствование товара (см.: *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв. М., 1990. С. 224 – 234).

[53] Казалия – деревня, сельское поселение.

[54] Слово «госпиций» означает приют, гостиница, убежище, харчевня, а также принадлежность данному дому или роду. Здесь, видимо, пристройка к дому.

SUMMARY

The Black Sea area in the middle ages was one of the principle zones of contact between different civilizations. The Byzantine world encountered the people of the steppe, populations in the process of adopting the Islamic faith; Italian merchants made efforts to establish trading stations at cue points of international commerce, dealing with Greeks, Armenians, Turks, Jews or Russians. The events of the 13th – 15th centuries form the chronological center of the book, while its geographic centers will be two: North-Eastern Anatolia and the Northern shores of the Sea of Azov. Their main capitals, Trebizond – Tana (Azov) plus Caffa (Theodosia in the Crimea) – Constantinople, formed a triangle of maritime trade routes and the principle directions of political aspiration in the area.

There are three meanings of the word "Pontos": 1) the Black Sea as a whole, *Pontos Euxeinos*; 2) the provinces bordering on the Black Sea; 3) the coast of Northern Anatolia between Sinope and the River Çoruh with Trebizond as its capital.We are, for the most part, using this term in its second and third senses.

The medieval Pontic state came into existence as the Empire of Trebiziond, or of the Grand Komenoi, its only ruling dynasty (1204 – 1461). Various problems of its history and pre-history are considered in the book: the main lines of the ancient and Byzantine past of the Pontos, the attempts to create a semi – independent state under the Gabrades in the late 11th and 12th centuries (Chapter 1), the foundation of the Empire (Ch. 2), its relationship with Nicaea and Byzantium after 1204 (Ch. 3), with the principalities of Old Rus' (Ch. 4). A special section (Ch. 5) is dedicated to the culture of the Empire of Trebizond, its art, literature, science, everyday life.

Italian colonization produced a considerable impact on the political, social and economic development of Black Sea towns. Both positive and negative aspects of the Genoese and Venetian activity in Trebizond and elsewhere are studied in Chapter 6. Privileges granted to Italians by local rulers (Ch. 8) are of particular interest when evaluating the real importance of the "Latins" on the Pontos. An analysis was undertaken in regards to the various taxes paid by Italians in different ports of the Black Sea and it aids in estimating the general volumes of commodity circulation (Ch. 7). It is clear now that the "golden period" for Italian trade was the first half of the 14th century. The deep economic crisis of the 1340s – 50s, surveyed in Chapter

11, profoundly affected international commerce, cut main routes from Trebizond and Tana to the Orient (Chs. 11 and 14). After this, trade declined for some time and from the 1360s onwards underwent a gradual restructuring with the replacement of staple goods – silk, cotton, spices brought from Central Asia, China and India – with local wares, alum, copper, timber, fish, caviar, wine, salt, and increasingly – slaves. The crisis resulted in diminished main trade tax income, paid by Italians in Trebizond (unlike in Byzantium, where Venetians and Genoese were exempt from taxation). As a result of decreasing commerce and increasing attempts of emperors to augment taxation, tensions grew between the Empire of Trebizond and Venice (as well as Genoa). The greatest conflict that between the Republic of Saint Marc and the Grand Komnenoi in 1374 – 1376, is studied through the rich documentation in the State Archives of Venice, as well as Greek chronicles (Ch. 9).

Archival sources from Venice, Genoa, St. Petersburg, etc., explored in the book provide a new picture not only of Italian trade and colonization, but also of the history of Pontic Hellenism and intercultural contacts in the area. A large set of documents from the State Archives of Genoa (*Archivio Segreto, Diversorum, Filze*) was for the first time examined in its integrity in Chapter 12. Petitions collected therein reveal the main claims of Italian merchants and officials within the Black Sea settlements and their relationships with the surrounding, multi – ethnic world. Of course, the documentation of Italian trading stations in the area was completely lost *in situ* due to Ottoman conquest and destruction, and may be traced mainly through documents in the archives of Genoa and Venice. Still it is possible to "reconstruct" notarial archives of Pontic towns and to discover new names of notaries working there. An example of such methodology is given in Chapter 10, dealing with the activities of a Genoese notary in Trebizond Guirardo di San Donato (1288 – 1290).

The study of the Empire of Trebizond has revealed its deep ties with Northern Black Sea areas. From the time of the Pontic King Mithridates VI (121 – 63 B.C.), the North and the South of the Black Sea were either integrated into larger empires (the Hellenistic, Roman, Byzantine, Ottoman), or well connected economically (Ch. 1). The city of Tana, Azak in the estuary of the Don and its periphery were of great importance for Trebizond as a supply source for grain, salt and fish. From Trebizond, wine and olive oil were largely exported to Tana. Azak, a great nomadic "city" with unclear frontiers, neighbored Venetian and Genoese trading stations created in the late 13th and early 14th centuries as well as Jewish and Russian settlements.

Nearly all local ethnic groups were to be found there. Pontic Hellenism, supported by the Empire of Trebizond, and the commercial activities of Italians produced mostly characteristic features of the syncretic culture created in this Tatar-dominated province. Chapter 13 considers a debated question of the time and circumstances surrounding the creation of Italian Tana. New documents and different approaches were combined to reveal the various phases of the foundation and functioning of the trading stations within the territory of the Golden Horde (Chs. 13 and 17). Axes of commerce running through Tana, their directions and importance are studied in Chapter 14. The civil status and ethnic composition of Tana's population may be statistically verified through the large dossier of a Venetian notary and chancellor in Tana, Benedetto Bianco (1359 – 1363) (Ch. 15). A newly discovered feature is the existence in Tana of an Orthodox parish with Greek and Slavonic worshippers (Ch. 16). Gradually, the metropolitans of Trebizond became the main religious authority in Tana, replacing the bishops of Alania.

Thus, Pontic Hellenism and Italian colonization form the general framework of this book, consisting partly of previously published and revised articles, partly of new entries. Numerous distinguished scholars from many countries, among whom are J. Fallmerayer, G. Finlay, W. Heyd, F.I. Uspenskij, W. Miller, A.A. Vasiliev, E. Skrzhinskaya, N. Iorga, G. Bratianu, O. Lampsides, A. Bryer, M. Balard, G. Pistarino – and so many others – contributed to a better knowledge of medieval Pontos. This work is a modest continuation of their efforts, under new aspects and with a wider treatment of Italian archival sources.

I am grateful to Edwin Mellen Press Ltd. and to Professor G.M. Bongard-Levin for their proposal to have this book published. I am also indebted to the Open Society for a grant supporting this research (RSS, No.: 297/1999)

S.Karpov

Именной указатель

Index of Names

А

а Мано Донато, 385, 386
Абага ильхан, 135
Абу Саид ильхан, 314
Абу-л Касим Салтук, 49
Абульфида, 123
абхазы, 269, 337
авасги, 34, 40
Август Октавиан, римский император, 25, 26, 27
Аверулино Антонио, 227
Авиньон, 366
Авксентий св., 33
Агосто А., 338
Агрикола, 32
Агриппа Марк Випсаний, 26
Агриппа римский наместник Амасии, 33
Адонц Н., 69, 80
Адорно Бальдасаре, 318
Адрамиттий, 100
Адриан римский император, 27, 30
Адриан Халд, 41, 56
Адрианополь, 146, 150, 170, 222
Адриатика, 32, 312, 320, 377, 398
Азак, 343, 347, 350, 364, 381. *См.* Азов, Тана
Азербайджан, 96, 290
Азия Средняя, 364, 369, 381, 397
Азов, 1, 180, 188, 314, 343, 344, 345, 346, 347, 349, 364, 374, 381, 384, 397. *См.* Тана, Азак
Азовское море, 9, 315, 345, 352, 353, 398
Айральди Г., 374
Акакий Савваит, 157
Акампсис, 11, 34, 37, 39. *См.* Чорох
Акарнания, 141, 142
Акила св., 32, 160, 212
Аккерман. См. Белгород Днестровский
Ак-Коюнлу, 9, 157, 172, 187, 244
Акра, 351
Ала ал-Дин Кай Кубад, 105
ал-Азими, 53
Алания, 128, 138, 152, 153, 256, 384
аланы, 49, 128, 375
албанцы, 313
ал-Гарми, 40
Александр I царь Грузии, 209, 336
Александр Великий Комнин, 154, 155
Александр Македонский, 16, 21, 205, 213, 223
Александрия, 132, 214
Алексей великий стратопедарх, 161
Алексей княжич Мангупский, 219
Алексей князь Мангупский, 243, 334, 335
Алексей I Великий Комнин трапезундский император, 47, 48,49, 86, 87, 88, 90, 93, 95, 96, 97, 99, 102, 105, 106, 107, 109, 122, 123, 125, 133, 163, 204, 218, 240, 242
Алексей I Комнин император Византии, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 56, 57, 83, 90, 110, 122, 161, 218
Алексей II Великий Комнин

трапезундский император, 136, 137, 138, 139, 142, 196, 205, 212, 213, 214, 229, 230, 231, 233, 235, 238, 240, 248, 280
Алексей II Комнин император Византии, 55
Алексей III Ангел император Византии, 95, 161, 211
Алексей III Великий Комнин трапезундский император, 94, 112, 139, 143, 144, 145, 146, 148, 153, 159, 160, 161, 162, 169, 170, 172, 178, 183, 204, 207, 212, 215, 217, 235, 236, 237, 238, 243, 275, 277, 280, 285, 288, 290, 291, 292, 295, 296, 298, 299, 301
Алексей IV Великий Комнин трапезундский император, 147, 149, 154, 160, 173, 175, 204, 209, 210, 211, 218, 243, 280, 281
Алексей V Мурзуфл император Византии, 110
Алексей Апокавк, 142, 143
Алексей Великий Комнин сын имп. Василия, 139
Алексий митрополит Московский, 382
Аллегро, д'Доменико, 209
Алмалык, 365, 367. *См.* Бишкек
Алпано Николо, 305
ал-Умари, 181
Аль Ашраф ильхан, 314
Альберт монах, 337
Альдебрандин, 120
Амальрик католический патриарх Иерусалимский, 124
Амасия, 8, 9, 10, 13, 17, 19, 22, 25, 30, 32, 33, 35, 37, 38, 47, 50, 51, 54, 69, 138, 139, 149, 150, 152, 168, 187, 210
Амастрида, 8, 10, 17, 26, 31, 39, 43, 68, 71, 95, 100, 103, 107, 118, 180, 269, 329, 374
Амида, 142, 230
Амир Гази Данишмендид, 50, 51, 52, 53, 56
Амис, 8, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 35, 39, 40, 54, 55, 60, 62, 63, 65, 68, 69, 82, 121, 156, 329, 374
Амитцантаранты род, 169
Аммиан Марцеллин, 31
Амний, 9. *См.* Гёк су
Амр эмир, 39
Анакопия, 30
Анания Ширакаци, 228
Анатолия, 2, 6, 9, 13, 15, 16, 17, 27, 30, 31, 38, 42, 52, 54, 55, 80, 104, 121, 122, 134, 149, 167, 196, 254, 306, 344, 375, 378
Анатолия Восточная, 290
Анатолия Северная, 54, 94, 374
Анатолия Северо-Восточная, 1
Анатолия Северо-Западная, 107
Анатолия Центральная, 203
Ангелы династия, 55, 86, 90, 92, 93, 95, 109, 114
Андреа, 383
Андрееску Ш., 339
Андрей Первозванный, апостол, 30, 68, 195
Андрей Ливадин, 68, 139, 212, 214, 215, 216, 217, 230, 242
Андрей Палеолог, 165
Андроник I Гид трапезундский император, 122, 125, 133, 180, 197, 204
Андроник I Комнин император Византии, 54, 55, 57, 86, 88, 90, 95, 109, 113, 197, 218
Андроник II Великий Комнин

трапезундский император, 133
Андроник II Палеолог император Византии, 137, 139, 150
Андроник III Великий Комнин трапезундский император, 139, 168
Андроник III Палеолог император Византии, 139, 141, 151
Андроник IV Палеолог император Византии, 298
Андроник Великий Комнин, 294
Андроник Гид, 102
Андроник Палеолог Кантакузин великий доместик, 156
Андроникопул, 173
Аникет, 28
Анка рабыня русская, 385
Анкира, 8, 53, 152, 244. *См.* Анкара
Анна Анахутлу трапезундская императрица, 142, 143, 144, 158, 214
Анна Кантакузина, 243
Анна Ксилалоя, 164
Анна Савойская императрица Византии, 143, 297
Анна Филантропина, 149
Антигон, 16
Антиох III, 17
Антиохийское княжество, 50
Антиохия, 103, 132, 157, 218
Антиохия на Меандре, 103
Антипатр, 18
Антоний игумен мон.Панагиу, 176
Антоний игумен мон.св.Евгения, 43
Антоний митрополит Ираклийский, 161, 185
Антоний IV патриарх Константинопольский, 161
Аполлон, 29, 30, 66
Аполлоний Родосский, 11
Аполлония, 62
Аппиан, 16, 63, 64, 65, 218
Апсар, 27, 30, 69
арабы, 38, 40, 41, 43, 43, 80, 123, 233, 238
Арагон, 315
Аракс. *См.* Фасис
Аран, 167
Араратская долина, 96
Араурака, 33
Арвейлер Э., 75, 94
Ардебиль, 209
Арес, 29, 66
Ариарат, 16
Ариарат IX, 21
Аримондо Фантино, 296
Ариобарзан, 17, 21
Аристарх, 24
Аристотель, 6, 13, 15, 218
Арменiак фема, 39, 40, 47, 53, 56, 57, 72, 73, 74
Армения, 22, 25, 27, 28, 35, 36, 38, 42, 44, 49, 54, 56, 73, 200, 201
Армения Великая, 22, 38, 69, 74, 82
Армения Малая, 18, 21, 24, 25, 26, 39
армяне, 12, 34, 40, 41, 42, 51, 72, 76, 89, 257, 320, 367, 374, 375, 376, 377
Арриан, 30
Арта, 132
Артемида, 29, 66
Архелай, 26
Арцруниды династия, 44
Аршак, 25
Асандр, 25
Асклепий, 29, 66
Асклепиодот, 33
Асолик, 42
Аспург, 26
Ассерето Франко, 337
Ассизи, 366
Ассини А., 338

Астерий Амасийский, 32
Астрахань, 181, 312, 365, 371, 397, 401, 426
Атини, 38, 69
Атра, 48
Атталия, 103, 120
Афанасий Александрийский св., 176
Афанасий Афонский св., 157, 176, 178, 228
Афанасий Демонокаталит митрополит Трапезундский, св., 43, 176
Афанасий Панагиот, 157, 176
Афины, 15, 19, 61, 93, 116, 198, 205, 223, 243, 250
Афины (Пазар), 30
Афон, 122, 151, 153, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 191, 203, 204, 212, 217, 228, 237, 243
Африка, 15, 16
Африка Северная, 320
Ахантос, 209
Ахеменидыдинастия, 15, 16, 21, 23
Ахилл, 223
Ачи, 176, 237
Аччайуоли род, 315
Аччайуоли Франко, 223
Ашот князь Тарона, 46

Б

Багдад, 106, 230
Баграт, 208. *См.* Панкратий
Баграт V царь Грузии, 162
Багратиды династия, 44, 46, 88, 90, 110, 114, 115
Бадоэр Джакомо, 280
Байбурт, 199. *См.* Пайперт
Байер Г.З., 344
Байоль, де Руссель, 47
Балаклава, 329, 344. *См.* Чембало
Балар М., 271, 304, 325, 326, 348, 349, 353, 374
Балдуин I Фландрский император Латинской империи, 351
Баливе М., 94
Балканы, 31, 85, 100, 132, 133, 204, 312, 313
Баллетто Л., 338
Бар Эбрайя. *См.* Бар Эбрей
Бар Эбрей, 13
Барабанов О.Н., 374
Баракома рабыня гречанка, 385
Бараний лоб мыс, 9
Барбариго Витторе, 280, 291, 294, 297
Барбаро Иосафат, 316
Барди, 315
Бартикян Р.М., 54
Бартоломей купец, 351
Бартоломео из Кьявари, 353
Басиан, 96
Басили, 96
Бассо Э., 338
Батуми, 6, 8. *См.* Вати
Бафра, 50, 54, 55, 81
Бахрам Тараноблуси, 105
Баязид I, 265
Бека Жакели, 137
Белгород Днестровский, 181, 329
Белоброва О.А., 193
Бембо Джованни, 318
Бендиан, 268
Бенедикт кардинал, 98
Бердибек, 314, 376
Бериндей М., 348
Бесса, 37
Бишкек, 365
Ближний Восток, 237, 279
Боз Тепе гора, 236. *См.* Митрион
Болгария, 52, 131, 132, 313
Болгарское царство, 85
болгары, 35, 100, 120

Бонаккорси, 315
Бонгард-Левин, Г.М., 3
бораны, 30, 31
Борис Александрович вел. кн.Тверской, 185
Борчка, 75
Боспор, 20, 23, 25, 26, 31, 32, 62
Боспорское царство, 18, 23, 26
Босфор, 11, 66, 88, 103, 298, 398
Ботеро Джованни, 344
Ботье Р., 348
Бош У., 169
Боэмунд Тарентский, 50
Брагадин Бернардо, 292
Брагадин Джакомо, 368
Брайер Э., 49, 50, 54, 61, 68, 81, 91, 93, 111, 135, 139, 169, 175, 179, 183, 198, 243, 258, 271
Бри, де Симон, 167. *См.* Мартин IV, папа
Бродель Ф., 309
Броссе М., 86
Бруни Аретино Леонардо, 227
Брэтиану Г., 304, 347, 349, 358
Булак, 52
Бургундия, 155, 335
Бьюри Дж., 73
Бьянко Бенедетто, 376, 385, 394, 399

В

Вавилон, 230
Ваврин, де Жан, 180, 335
Ваддинг Л., 165
Вазанис. *См.* Юстианополь
Вакалопулос А., 91
Валансьенн, де Анри, 103
Валахия, 156, 330, 336
Валент император Византии, 35
Валериан св., 32, 160, 212
Варда Воила, 41, 56
Варда Склир, 45
Варда Фока, 45, 208
Вардан Турок, 40
Варнава, 158
Варнава митрополит Трапезундский, 233
Варсис, де Николо, 378
варяги, 39, 45
Василий еп. Амасийский, 33
Василий патрикий, 42, 75
Василий I император Византии, 41, 44, 176, 234
Василий II император Византии, 42, 44, 45, 56, 75, 6, 208, 238, 239
Василий Великий Комнин трапезундский император, 139, 140, 143, 168, 170, 211, 212, 215, 235, 237, 238, 244
Василиск св., 33
Василиу В., 338
Васильев А.А., 73, 90, 91, 92, 93, 121
Васильевский В.Г., 71, 180
Васпуракан, 44
Васпуракан фема, 44
Вати, 8, 287, 329, 336, 340, 375
Вашингтон, 251
Везиркёпрю, 35
Вейнстейн Ж., 348
Великие Комнины династия, 2, 57, 91, 94, 95, 97, 99, 104, 107, 109, 111, 112, 115, 116, 119, 127, 129, 134, 135, 136, 141, 142, 145, 148, 149, 152, 154, 156, 157, 158, 167, 168, 175, 179, 180, 183, 188, 196, 197, 198, 199, 201, 204, 205, 206, 207, 210, 211, 214, 217, 218, 220, 228, 232, 236, 238, 239, 242, 254, 259, 276, 279, 282, 283, 294, 299, 306, 332, 384

Велисарий, 37
Веллей Патеркул, 64
Венгрия, 149, 155, 315
венецианцы, 10, 85, 148, 173, 253, 254, 256, 257, 258, 259, 260, 264, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 282, 283, 284, 285, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 300, 301, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 335, 344, 345, 346, 347, 348, 351, 352, 353, 355, 359, 369, 371, 373, 374, 376, 377, 378, 385, 397, 398, 401, 402, 405, 407,
Венеция, 1, 2, 148, 205, 206, 254, 256, 257, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 275, 281, 282, 283, 289, 293, 295, 296, 298, 299, 300, 303, 311, 312, 313, 315, 316, 319, 320, 328, 329, 333, 335, 345, 347, 348, 352, 354, 355, 358, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 368, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 383, 385, 396, 398, 399, 400, 401, 404, 405, 407, 415, 418, 424, 425
Веньеры род, 351
Верлинден Ш., 399, 400
Вернер Йоханн, из Нюрнберга, 220
Верона, 378
Весконте Пьетро, 361
Веспасиан Тит Флавий, римский император, 28
Вижан. *См.* Юстианополь
Виллардуэн, де Жоффруа, хронист, 100, 101,120
Виллани Джованни, 318, 320
Вирдий Гемин, 28
Вирт П., 165, 166, 171
Виссарион Никейский, 10, 61, 97, 152, 195, 196, 197, 217, 218, 222, 238, 255, 260
Витаутас вел.кн.Литовский, 333
Вителлий Авл, римский император, 28
Вифиния, 19, 21, 22, 23, 27, 31, 35, 53, 60, 97, 99, 100, 136, 165
Вифинское царство, 23
Вифлеем, 214
Виченца, 375
Владимир I вел.кн.Киевский, св, 42, 188
Волга, 181, 351, 365, 367
Воспоро, 329. *См.* Керчь
Врана, 233
Вринги род, 57
Всеволод кн., 179, 188
Вукеларии фема, 72

Г

Гавра Григорий, 49
Гавра Иоанн, 82
Гавра Ирина, 83
Гавра Катакалон, 82, 111
Гавра Константин, 48, 52, 53, 81
Гавра Михаил, 54
Гавра Феодор, св., 46, 48, 49, 50, 52, 56, 78, 83, 95, 111, 158, 206, 235
Гавры род, 46, 48, 49, 53, 54, 56, 57, 78, 94, 99, 158, 206, 233
Газан-хан, 228
Газария, 8. *См.* Крым
Газна, 365
Галата, 146, 294, 375. *См.* Пера
Галатия, 26, 35, 38, 47, 49
галаты, 17
Галис, 5, 6, 8, 9, 11, 15, 34, 39, 60. *См.* Кызыл Ырмак
Галлиполи, 336, 337
Гангры, 38, 50, 52, 53, 72, 81
Гарднер А., 119

Гаррони Оберто, 335
Гаттилузи Дорино I, 154
Гаттилузи Мария, 154
Гейд В., 346, 348, 349, 351, 357, 361
Гёк су река, 9
Генесии род, 56, 82
Генесий, 74
Генрих I Фландрский латинский император, 100, 103, 107, 120
генуэзцы, 10, 134, 144, 146, 173, 181, 253, 254, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 265, 266, 268, 269, 273, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 287, 288, 290, 291, 293, 294, 297, 298, 304, 305, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 328, 329, 330, 332, 335, 336, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 352, 353, 355, 374, 376, 377, 397, 398
Генуя, 1, 2, 155, 222, 257, 259, 261, 262, 263, 270, 272, 275, 276, 280, 281, 282, 288, 289, 290, 295, 296, 298, 303, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 346, 347, 348, 363, 364, 365, 373, 374, 375, 376, 378, 383, 398, 400
Георгий св., 56, 109, 110, 111, 176, 187, 237
Георгий царь Восточной Грузии, 155
Георгий I царь Грузии, 44
Георгий III царь Грузии, 90
Георгий Акрополит, 92, 98, 118, 123, 124, 135
Георгий Амируци, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 247, 248
Георгий Бранкович, 156, 175
Георгий Великий Комнин трапезундский император, 112, 131, 133, 134, 165
Георгий Гемист Плифон, 219
Георгий Евгеник, 219
Георгий из Трапезунда, 262
Георгий Кипрский, 135. *См.* Григорий II, патриарх
Георгий Месопотамит, 49
Георгий Пахимер, 135, 136, 137, 166, 167
Георгий Синкелл, 62
Георгий Сфрандзи, 147, 148, 155, 156, 171, 172, 175
Георгий Схоларий, 145, 154, 207, 222. *См.* патриарх Геннадий II
Георгий Трапезундский, 231
Георгий Хрисококк, 218, 230
Геракл, 12
Гераклея Понтийская, 15, 17, 21, 23, 31, 63. *См.* Ираклия Понтийская
Герасим инок, 214
Гервасий, 193
Гервасий иерей, 187
Герзе, 60
Герман II патриарх, 128
Гермес, 29, 30
Геродот, 11, 218
Герце, 14
Гетум, 113
Гиббон Э., 86
Гийом Тирский, 55
Гийяс ал-Дин, 54
Гийяс ал-дин Кай Хусрау I, 99
Гилас, 99
Гиресун, 14. *См.* Керасунт
Гольф, 293, 320. *См.* Адриатика
Готия Крымская, 210
Готфрид Бульонский, 344
готы, 30, 31, 238, 349
готы-тетракситы, 349

Готье П., 79
Градениго Андреа, 294
Грасса Мария, 382
Грегуар А., 167
греки, 3, 6, 9, 11, 12, 14, 28, 34, 36, 50, 52, 59, 61, 89, 90, 133, 141, 185, 193, 207, 221, 225, 236, 256, 261, 278, 282, 287, 320, 332, 336, 345, 351, 352, 360, 366, 374, 375, 376, 377, 381
Греция, 14, 16, 22, 198, 201
Григорий митрополит Трапезундский, 215
Григорий II патриарх Константинопольский, 135
Григорий III Мамм патриарх Константинопольский, 154
Григорий Абульфарадж, 13. *См.* Бар Эбрей
Григорий Мицомат, 142, 143
Григорий Назианзин, 216
Григорий Пакуриан (Бакуриани), 57
Григорий X папа, 132
Григорий Хониад, 213, 228, 229, 230, 235, 248
Григорий Чудотворец св.,еп. Неокесарийский, 31
Грилло Дарио, 333, 335
Грилло Джованнино, 306
Гриманьи Мануил, 337
Гроссетто, 165
грузины, 51, 53, 87, 117, 157, 375
Грузия, 37, 53, 54, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 95, 96, 97, 114, 115, 119, 162, 163, 200, 201, 237, 243, 312, 330
Грузия Восточная, 134, 237
Грузия Западная, 237
Грюмель В., 165
Гуюк, 128
Гюмюшхане, 8

Д

Dazinas Антонио, 369
Даватин, 50, 51
Давид царь Имеретии, 135
Давид царь, библейский пророк, 110, 111, 213
Давид Великий Комнин, 86, 88, 90, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 109, 110, 111, 118, 121, 122, 123, 163, 167, 206, 242
Давид трапезундский император, 156, 187, 219, 234, 243
Давид Куропалат, 45
Дазимон, 8, 35
Дакозара село, 33
Далассины род, 57
далматинцы, 375
Дальсана, 277, 278
Данбровска М., 205, 242
Дандоло Андреа, 292, 294
Дандоло Андреоло, 367
Даниил игумен, 160
Данишмендиды династия, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 79
Дарий сын Фарнака II, 25
Дарий I, 15, 16
Даррузес Ж., 130, 151, 173
Двин, 38, 49
Дегирмен дере, 8, 13
Дейотар, 24
Декан Георгий, 49
Дели, 365, 370
Делланаве Марко, 401, 402
Делос, 12, 19
Дельфин Орландо, 378
Демосфен, 218
Демус О., 241
Деппан Ж.Б., 345, 357
Дербент, 181
Дердзин, 45
Дестунис Г., 233

Джалаириды династия, 279, 290
Джанибек, 316, 318, 319, 362, 397
Джаник, 5, 45, 46, 54
Джанит, 104, 106, 122, 124, 128, 134. *См.* Джаник
Джилл Дж., 247
Джудекка, 381
Джустиниан Марко, 294, 296, 298, 299, 302
Джустиниан Пьетро, 355, 362
Джустиниан Франческо, 291, 292
Джучи улус, 381. *См.* Орда, Золотая
Дзаккариа Бенедетто, 305
Дзаккариа Мануеле, 305
Дзанкаруолло Джакомелло, 378
Дзено Андреа, 355
Дзордзи Бернардо, 401
Диаватины род, 57
Дигенис Акрит, 233
Димитрий правитель Навплия, 221
Димитрий св., 48
Димитрий Кидонис, 217, 226
Димитрий Ятропул, 136
Динамия, 26
Диоклетиан римский император, 27, 32, 33, 68
Дионис, 29
Дионисий купец, 212
Дионисий св., 153, 159
Дионисий Периигит, 195
Диоскора, 33
Диоскурия, 30
Диоскуры, 32
Диофант, 20
Дмитрий Иванович Донской вел.кн.Московский, 181
Добротица, 148, 294
Докианы род, 57
Дон, 180, 181, 315, 343, 344, 346, 348, 349, 350, 351, 353, 355, 356, 364, 376, 378, 381
Дораниты род, 288
Дориа Джорджо, 304
Дориа Паолино, 304, 305
Дорофей митрополит Трапезундский, 152, 184, 185
Дорофей св., 82
Досифей митрополит Монемвасийский, 185
Досифей митрополит Трапезундский, 217, 221, 243
Досси, 291
дрилы, 11, 14
Дрюз Р., 61
Дуки династия, 42, 109
Думер Б., 320, 348, 349
Дэльгер Ф., 119, 151, 165, 166, 167, 171
Дюканж Ш., 86
Дюран Ж., 205

Е

Евагрий Схоластик, 349
Евархон, 60
Евгений св., 7, 30, 32, 33, 37, 43, 44, 45, 47, 56, 66, 67, 68, 111, 112, 158, 160, 163, 195, 198, 199, 200, 201, 204, 208, 211, 212, 219, 228, 229, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 248, 250
Евдокия Великая Комнина, 138, 146, 147, 204, 243
Евдокия дочь Мануила III, 204
Евдокия Ингерина, 239
Евдокия Палеологина, 135, 165, 204
Евклид, 219
Евмен, 16, 17
Евпатория, 65
Евсевий Кесарийский, 13
Евстафий Солунский, 57, 60, 124, 195

Евстратий св., 33
Евфимий Сардский, 130
Евфрат, 5, 23, 36, 41
Евхаита, 38, 69, 83
Египет, 8, 216, 231, 314, 320
Егоров В.Л., 348
Елевферий св., 110, 111, 206
Елена Кантакузина, 146, 148, 156
Елленопонт, 27, 35, 36, 69
Епифаний, 30
Ефрем хронист, 124
Ехансон Михаил, 49

Ж

Жаворонков П.И., 104, 120, 123
Жансан Э., 91
Жерфаньон Г., 121
Жуанвиль Ж., 242

З

Задар, 312
Закавказье, 35, 42, 256
Закифинос Д., 91
Закос Г., 110
Зевакин Е.С., 349
Зевс, 16, 30, 66
Зела, 8, 19, 25, 32, 69
Зигана, 5
Зиганский проход, 5, 8
Зила, 35
зихи, 364
Зихия, 152, 329
Зонара Иоанн, 208
Зосим, 26, 31, 32

И

ибн ал-Асир, 99
ибн ал-Факих, 40
ибн Биби, 104, 105, 106, 122, 180, 190
ибн Хордадбех, 72
Ибрахим Инал, 45
Иван раб русский, 385
Иван III вел.кн.Московский, 186
Иван V русский царь, 193
Ивирия, 8, 42, 44, 46, 75, 91, 95, 152, 154, 156, 164, 239. *См.* Грузия
Ивирия фема, 44
ивиры, 40, 76, 136
Ивора, 35
Игнатий игумен Студийского монастыря, 243
Игнатий Смолнянин, 180
Игорь вел.кн.Киевский, 71
Иерусалим, 9, 95, 124, 149, 157, 158, 186, 214, 232
Из ал-дин Салтук, 54
Изз ал-дин Кайкаус I, 104
Изола, ди Ланфранко, 305
Иконий, 53, 54, 99, 150, 167
Иконийский султанат, 54, 55, 99, 254
Иллирик, 35
Иллирия, 110
Илличе, 329. *См.* Лериче
ильханы, 3, 134, 135, 163, 228, 229, 254, 289, 290, 306, 314, 320
Инджебурун, 12. *См.* Сириада
Индикоплейст Косма, 363
Индия, 344, 365, 397
Инеболу, 329
Иней, 8, 54, 55, 81, 82, 102, 138, 142
Иннокентий III папа, 100

Иоаким патриарх Иерусалимский, 186
Иоанн архиеп. Болгарский, 52
Иоанн раб-черкес, 384
Иоанн I Великий Комнин трапезундский император, 112, 122, 125, 133
Иоанн I Цимисхий император Византии, 41, 157
Иоанн II Великий Комнин трапезундский император, 53, 133, 135, 136, 137, 166, 204, 228
Иоанн II Комнин император Византии, 51, 52, 53
Иоанн III Ватац никейский император, 128
Иоанн III Великий Комнин трапезундский император, 143, 144, 145, 146, 170, 288, 294
Иоанн IV Великий Комнин трапезундский император, 154, 155, 156, 160, 173, 184, 204, 209, 210, 222, 243, 244, 280, 288, 336
Иоанн V Палеолог император Византии, 142, 145, 146, 147, 148, 162, 172, 178, 294, 297, 298
Иоанн VI Кантакузин император Византии, 142, 143, 144, 146, 152, 153, 156, 159, 211, 217
Иоанн VIII Палеолог император Византии, 152, 154, 155, 185, 218, 219, 221, 224, 243
Иоанн XIV Калека патриарх Константинопольский, 140, 142
Иоанн Ангел, 166
Иоанн Андроникопул, 148
Иоанн Аргир, 232
Иоанн Векк патриарх Константинопольский, 165
Иоанн Дамаскин св., 229, 232
Иоанн Доранит, 143
Иоанн Дука Фессалийский, 132
Иоанн Евгеник, 174, 196, 217, 219, 220, 221, 222, 231, 238
Иоанн Златоуст св., 68, 225
Иоанн Зонара, 56, 239
Иоанн из Трапезунда, 262
Иоанн Киннам, 54
Иоанн Креститель, 234
Иоанн Ксифилин патриарх Константинопольский, 42, 44, 56, 66, 75, 76, 195, 212
Иоанн Леонтостет, 145
Иоанн Мавропод, 83
Иоанн Макродука, 184
Иоанн Милостивый св., 161
Иоанн Халд, 41, 56
Иоанн Хортасмен, 217
Иоасаф Кокка патриарх Константинопольский, 223
Иона митрополит Киевский, 184
Ионополь, 34, 69
Иосебидзе Д.Г., 176
Иосиф, 153, 183, 186, 208, 213, 230
Иосиф протосинкелл, 186
Иосиф экзарх, 152
Иосиф II патриарх Константинопольский, 151
Иосиф Гимнограф, 68
Иосиф Флавий, 66
Ипомония монахиня. *См.* Елена Кантакузина
Ипполита легендарная царица Амозонок, 12
Ирак, 290
Ираклий император Византии, 38, 71, 72, 107, 248
Ираклион, 38
Ираклия Понтийская, 68, 95, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 111, 119, 151, 192, 193

Иран, 31, 35, 37, 38, 70, 134, 228, 229, 234, 290, 314. *См.* также: Персия
Иран Западный, 291
Ирина Никифора Хумна дочь, 137
Ирина Кантакузина, 175
Ирина Палеологина трапезундская императрица, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 169, 170, 211, 235
Ирина Сирикена, 164
Ирина Трапезундская, 139, 204, 235
Ириний епископ Трапезундский, 37
Ирис, 6, 8, 53, 60. *См.* Йешил Ырмак
Исаак II Ангел император Византии, 55
Исидор митрополит Киевский, 184, 185
Исмаил Гази Данишмендид, 50, 51
Исократ, 218
Испир, 8, 199
Истамбул, 242. *См.* Константинополь
Истрия, 20
Италия, 13, 28, 259, 309, 310, 311, 312, 315, 316, 320, 328, 377, 385
Итальяно Амброджо, 269
итальянцы, 256, 258, 284, 320, 343, 345, 377, 381, 382, 397
иудеи, 364, 375, 377

Й

Йешил Ырмак, 5, 10
Йовханнэс-Смбат царь Ани, 44
Йорга Н., 91, 93, 297

К

Кабира, 18, 19, 25
Кавад, 35
Каваллари, 329
Каваситы род, 57, 141, 209, 210, 243, 287
Кавказ, 9, 38, 41, 42, 90, 157, 231, 237, 254, 257, 314
Кавказ Западный, 36
Кавказ Северный, 128
Каждан А.П., 40, 74, 80, 116, 124, 311
Казань, 181
Каир, 214
Каламита, 329, 335
Каллист, 161
Каллист митрополит Амасии, 138
Калоян царь Болгарии, 100
Камаха, 38, 42, 46, 52
Камица Евстафий, 49
Кампис, ди Франческо, 353
Кампофрегозо Лудовико, дож Генуи, 221, 222
Кампофрегозо Томмазо, дож Генуи, 332
Канале, да М., 346
Кандия, 377, 378
Канидий св., 32, 160, 212
Кантакузины династия, 144, 145, 153, 156
Капаний, 209
каппадокийцы, 11
Каппадокия, 11, 12, 16, 20, 21, 22, 24, 26, 31, 32, 35, 49, 59, 72, 79, 201
Кара Капан. *См.* Понтийские ворота
Караза, 399, 404
Караза (Настасья), 383
Каракорум, 128
Караман, 157, 187
Карамбис мыс, 9, 14

Карамзин Н.М., 345
Каратегин. *См.* Каратык
Каратык, 47
Карин. *См.* Феодосиуполь
Карл I Анжуйский, 131, 132, 134, 167
Карольдо Джанджакопо, 302
Карс, 96
картвелы, 11, 34, 96, 236. *См.* грузины
Каруса, 14
Карфаген, 19
Каспийское море, 367
Кассиан, 53, 56
Кастамон, 52, 53, 54, 57, 81, 83, 265
Кастамону, 52
Кастильоне, ди Паоло, 265
Катакалон Кекавмен, 56
каталанцы, 375
Каффа, 1, 146, 154, 186, 187, 209, 257, 262, 264, 265, 266, 269, 270, 271, 273, 281, 283, 287, 288, 289, 304, 305, 306, 312, 314, 317, 326, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 344, 345, 347, 348, 352, 353, 364, 365, 374, 375, 377, 398, 424. *См.* Феодосия
Каффараино Буонсеньоре, 305
Квирини Джованни, 362
Кедар Б., 310
Кей Хюсреу I иконийский султан, 123
Кекавмен, 163, 232, 244
Кекавмены род, 56, 82
Келькит, 5, 9
Кельн, 367
Кельтцина, 42, 152
Керасунт, 14, 18, 26, 29, 32, 35, 36, 38, 55, 69, 95, 104, 137, 214, 248, 262, 288, 304, 313
Керимберди, 319
Керчь, 23, 329, 344
Кесария, 8, 12, 38, 49, 79, 152, 186
Кёседаг, 9, 128
Киев, 190, 351
Кизик, 101, 151, 152
Кизлингер Э., 140
Килия, 257
киммерийцы, 12
Киноли, 329. *См.* Инеболу
Кипр, 201, 231, 338, 370
кипчаки, 180. *См.* половцы
Кир, 11, 14, 15
Китай, 309, 314, 320, 321, 364, 365, 366, 367, 370, 397
Китиора, 95
Китор, 124
Ковалевский М.М., 346, 348, 349
Колколико, 378
Колония, 9, 32, 35, 36, 38, 40, 41, 46, 47, 51, 54, 56, 72, 73, 152, 304
Колония фема, 39, 40
колхи, 11, 14, 34, 52, 59, 60, 80
Колхида, 11, 14, 18, 20, 21, 23, 24, 25, 30, 49, 86, 88, 91, 97, 113, 146, 157
Комана, 18, 19, 30, 31, 33, 35, 69
Комнин Адриан. *См.* Иоанн архиеп.Болгарский
Комнин Алексей, стратопедарх, 47
Комнин Иоанн, 55
Комнин Исаак, 53
Комнин Исаак, севастократор, 49
Комнин Мануил, 46, 55, 88, 197
Комнин Маврозом Иоанн, 167
Комнина Анна, 47, 48, 49, 51, 80
Комнина Мария, 49, 50
Комнина Феодора, 55
Комнины династия, 47, 56, 57, 86, 87, 88, 90, 91, 93, 94, 96, 97, 98, 99, 101, 103, 104, 108, 109, 110, 111, 114, 119, 134, 138, 139, 155, 158, 163, 206, 214, 218, 236, 238, 258, 290

Кондратьев С.П., 68
Константин протоспафарий, 41
Константин I, 27, 29, 33, 213
Константин IX Мономах император Византии, 45
Константин VI император Византии, 39
Константин VII Багрянородный император Византии, 39, 42, 72
Константин VIII император Византии, 42
Константин XI Палеолог император Византии, 147, 155, 156, 234
Константин Далассин, 46, 48
Константин Деянович, 172
Константин Доранит, 141, 143
Константин Драгаш, 147
Константин из Керасунта, 262
Константин Ксифилин, 82
Константин Лукит, 66, 138, 195, 211, 212, 213, 214, 228, 229, 230, 248
Константин Тих царь Болгарии, 165
Константинополь, 1, 2, 9, 10, 32, 35, 40, 42, 45, 47, 49, 50, 51, 53, 55, 57, 71, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 109, 110, 116, 120, 121, 127, 130, 133, 134, 135, 137, 138, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 147, 149, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 162, 165, 167, 168, 170, 172, 173, 174, 176, 181, 183, 188, 198, 203, 207, 208, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 219, 220, 223, 228, 229, 230, 233, 234, 243, 248, 253, 265, 270, 288, 289, 291, 294, 295, 296, 298, 300, 312, 313, 328, 329, 335, 343, 345, 351, 352, 354, 365, 366, 368, 369, 375, 377, 378, 382
Контарини Амброджо, 181
Коппа, 329, 332, 339
Кордила, 32, 159, 191, 209
Коринф, 150
Корнаро. *См.* Корнер
Корнер Пьетро, 294, 297, 299
Коробейников Д.А., 49, 50, 53, 81, 111, 119, 138
Корон, 221, 378
Корсини, 315
Кос, 18
Костя раб русский, 384
Котиора, 14, 18, 24, 28
Котиэй, 44
Котта Аврелий, 22
Красносельцев Н., 182
Крез царь Лидии, 15
Крекич Б., 424
Криспин, 47
Крит, 147, 231, 375, 377
Критовул, 97, 220, 227
Криуметопон. *См.* Бараний лоб
Кромна, 124
Крым, 1, 8, 14, 26, 28, 54, 62, 128, 145, 163, 167, 180, 181, 190, 215, 231, 243, 259, 284, 289, 314, 320, 334, 344, 345, 346, 348, 357, 359, 366, 375, 378
Крымское ханство, 319
Крюйс К., 344, 357
Ксанфин, 233
Ксенофонт, 11, 14, 15, 59, 61, 195, 215, 218
Ксеркс, 15
Ксифилины род, 56
Куба, 329
Кубако, 378
Кубань, 332, 378
Кудама ибн Джафар, 40
Куна русский, 383
Куник А.А., 88, 90, 92, 93, 114, 179

Курдистан, 230
Куркуас, 41
Куркуас Иоанн, 41, 56
Куркуас Феофил, патрикий, 41
Куркуасы род, 41, 57
Куршанскис М., 91, 93, 105, 116
Кутб ал-дин, 54
Кутлубей Фахреддин, эмир, 244
Кутлубек хан Ак-Коюнлу, 172
Кутлубуга, 386
Кызыл Ырмак, 5
Кылыч Арслан II султан Икония, 54
Кьоджа, 183, 258, 298, 300, 400
Кьявари, 287, 353
Кьявари, ди Дж., 287
Кэролл М., 172

Л

Лаврентий архимандрит, 187, 193
Лазарев В.Н., 122, 241
Лазаропул Иоанн (Иосиф), 41, 43, 44, 45, 47, 75, 76, 140, 143, 153, 170, 183, 195, 208, 211, 212, 213, 230, 231, 235, 236, 239
Лазика, 34, 35, 36, 37, 69, 95, 104
Лазистан. *См.* Лазика
Лазистанский хребет, 5
Лазия, 33
лазы, 6, 11, 28, 34, 35, 37, 52, 88, 96, 128, 141, 167, 236, 237
Лайош король Венгрии, 312
Лайу А., 168
Лалаки род, 57
Ла-Манш, 315
Лампсидис О., 31, 91, 158, 178, 219, 243
Ландо Витале, 293, 294
Ландо Катерина, 383
Ландо, ди Гульельмо, 281
Лаодика, 20
Лаодикея, 18, 25
Лаоник Халкокондил, 97, 146, 147, 148, 171, 208, 209, 210
Ласкари династия, 93, 109
Латинская империя, 100, 101, 102, 104, 107, 116, 131, 132, 242, 351
Латинская Романия, 3, 85, 253, 310, 321, 373, 374, 377, 378
Ле Гофф Ж., 311
ле Лонг Жан, 363
Лебо Ш., 86
Лев II Кавасита, 282
Лев V император Византии, 39, 56
Лев VI император Византии, 42, 150
Лев Клид, 163
Левант, 170, 256, 257, 258, 401
Лека Тцатцинский великий дука, 168
Лемерль П., 74
Лёнертц Р., 134, 146, 147, 165, 349
Леонтокастрон, 277
Леонтополь, 69, 138. *См.* Юстианополь
Лериче. *См.* Илличе
Лесбос, 154
Ливаний, 218
Ливия, 215
лигурийцы, 277, 337
Лигурия, 337, 345
Ликий, 9, 26. *См.* Келькит
Лимнии, 138, 139, 143, 146, 149, 152
Лимон, 95
Липпамано Николо, 401, 418, 419, 421, 422, 425
Липшиц Е.Э., 73, 74
Лисий, 32, 33
Литаврин Г.Г., 115
Литва, 181, 330, 333

Лихачев Н.П., 110, 111, 399
Лихский хребет, 117. *См.* Сурамский хребет
Лициний, 33
Ломбардо А., 347
Ломеллини Карло, 334
Ломеллини Терами, 337
Ломеллини Франко, 332
Ломоури Н.Ю., 17, 22
Лондон, 110
Лоньон Ж., 121
Лопадий, 136
Лопец Р., 320, 347, 349, 358
Лоран В., 100, 111, 146, 147
Лордкипанидзе М.Д., 90
Лофетти, 329
Лош, де Тьерри, 101
Лудовико еп. Солдайи, 334
Лука Цатис, 235
Лукулл Луций, 22, 23, 24, 29
Лунин Б.В., 347, 349
Лызлов А., 344
Львов, 336
Людовик IX Святой король Франции, 242
Людовик Благочестивый Франкский император, 73

М

Маврикий император Византии, 38
Мавропод Иоанн, 82
Мавроподы род, 57
Магдалина жена Яниса, 383
Магдалина черкешенка, рабыня, 337
Маизано Р., 172
Макарий митрополит Анкирский, 146
Макарий (Булгаков) митрополит Московский, 179
Макарий Мелиссин, 175
Македония, 178, 212, 312
Македонская династия, 41, 44, 57, 236, 238, 239
макроны, 11, 18, 60
Максимиан римский император, 33, 110
Максимова М.И., 17, 18, 22, 27, 29, 30
Малала Иоанн, 35
Малатья, 52. *См.* Мелитина
Малек-шах, 48, 52
Малипьеро Андриоло, 368
Мальфанте Филиппо, 305
мамлюки, 134, 214
Маназкерт, 96. *См.* Манцикерт
Мангуп, 54, 219, 334. *См.* Феодоро
Мандевиль Джон, 176, 363
Мануил клирик, 230, 231
Мануил I Великий Комнин трапезундский император, 53, 55, 112, 128, 129, 133, 164, 199, 204, 205, 242
Мануил I Комнин император Византии, 53, 54, 119, 205, 345
Мануил II Великий Комнин трапезундский император, 139
Мануил II Палеолог император Византии, 146, 154
Мануил III Великий Комнин трапезундский император, 147, 149, 153, 154, 183, 204, 205, 242, 243, 279, 299, 300
Мануил Венетикус, 351
Мануил Вриенний, 249
Мануил Палеолог, 146
Мануил Христоним, 223
Манфрони К., 320
Манцикерт, 46
Мара, 156, 175
Марага, 228

Маргоне Андреа, 305
Мардарий св., 33
Мареша. *См.* Мерзифон
Мари, ди Габриэле, 333
Мари, ди Ингвето, 281
Марин К., 298, 345, 346, 357, 417
Мария дочь князя Феодоро Алексея, 243
Мария Великая Комнина, 154, 172, 218, 219, 243, 244
Мария Палеологина, 165
Марк митрополит Эфесский, св., 185, 221, 222
Марк Аврелий, 27
Марк Антоний, 25
Марко папский посол, 133
Марко, сер, 293
Марсель, 336, 337, 375
Мартин М., 348, 349
Мартин IV папа, 167
Мартина, 38
Марчелло Николо, 279, 285
Марчето папский посол, 133
Мас'уд султан Икония, 53
Матрега, 329, 351. *См.* Тамань
Матфей патриарх Константинопольский, 153
Махар, 23
Махмуд-паша, 222
Мацука, 169, 199, 201, 223, 234
Мачка Дере река. *См.* Дегирмен дере
Меганом мыс, 332
Мегас Г., 234
Мегрелия, 268
мегрелы, 269, 337
Мела Помпоний, 26, 60
Мелетий – Макарий монах, 217
Мелиарис, 209
Мелик-Гази Данишмендид, 50
Меликшах, 47
Мелиссин Никифор, 46
Мелитина, 27, 39, 41, 46
Мемнон, 17
Мемо Марино, 294, 297, 299
Меотида, 28, 66
Мерзифон, 50
Месемврия, 20, 378
Месопотамия, 42
Мехмед II, 9, 155, 156, 187, 210, 223, 227
Миани Джованни, 292
Мидия, 25
Микьель Николетто, 378
Милан, 213, 227, 280, 328, 331, 333
Милет, 12, 30, 61, 121
Миллер У., 88, 89, 137
Милнер-Галланд Р., 179, 183
Минка, 383
Мириокефал, 54
Мирон протосинкелл, 149
Мисия, 22
Мистра, 156, 219
Митилена, 154, 155. *См.* Лесбос
Митра, 29, 30, 32, 66, 67
Митридат I, 17
Митридат II, 17
Митридат III, 18, 61
Митридат IV Филопатор Филадельф, 19
Митридат V Евергет, 19
Митридат VI правитель Малой Армении, 18
Митридат VI Евпатор, 2, 11, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 34, 64, 65
Митридат Ктист, 17
Митрион гора, 29, 236
Михаил митрополит Киевский, 188
Михаил патриарх Антиохийский, 149
Михаил патрикий, 42
Михаил II император Византии, 40, 73
Михаил IV Авториан патриарх, 103, 106

Михаил VI Стратиотик
император Византии, 46
Михаил VII император Византии, 46
Михаил VIII Палеолог император Византии, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 144, 165, 166, 168, 345
Михаил Александрович вел.кн.Тверской, 185
Михаил Апостолий, 226, 231
Михаил Великий Комнин, 138
Михаил трапезундский император, 142, 143, 144, 145, 170
Михаил Генуэзец, 351
Михаил из Трапезунда, 262
Михаил Мицомата, 143
Михаил Палеолог, 148
Михаил Панарет, 86, 87, 88, 90, 92, 95, 110, 114, 122, 136, 145, 146, 147, 153, 162, 164, 167, 206, 207, 208, 243, 297
Михаил Сириец, 8, 13, 79, 81
Мицоматы род, 57, 141, 288
Могилев, 345
Молдова, 201
Монголия, 309
монголы, 128, 321, 345, 365
Монгольская империя, 314
Монкастро, 181, 329, 334, 336. *См.* Белгород Днестровский, Аккерман
Монтальдо, ди Леонардо, 146
Моранте Пьетро, 281
Моро Марино, 401
Морозини Пьетро, 292
Мороццо Делла Рокка А., 347
Москва, 179, 180, 181, 182, 184, 186, 187, 193
моссинойки, 11
Мосул, 230
мосхи, 11
Мунд, 35
Мурад I, 155, 294, 298
Мурад II, 155, 156, 210
Мурари Джованни, 383
Мургули, 39
Мургул-су река. *См.* Мургули
Мурена Луций, 22
Муса-бей, 337
Муска Лука, 334
Мусси Г., 324

Н

Навплий, 221
Навруз, 382
Нальдо, ди Джованни, 280
Нальдони Н., 349
Насир ал-дин Мухаммад султан Египта, 214
Наср (Феофоб) патрикий, 43
Настасья рабыня черкешенка, 386
Нафанаил экзарх, 153
Негро, ди Андриоло, 305
Негро, ди Джироламо, 287
Негро, ди Джованни, 281
Негро, ди Джованни Паолино, 305
Негро, ди Джованни Урбано, 265
Негропонт, 300, 377. *См.* Эвбея
Некрасов А.М., 349
немцы, 375
Неокесария, 9, 25, 31, 32, 35, 47, 49, 50, 69, 104, 151, 152
Неро, ди Л., 310
Нерон римский император, 26
Нигро Анджело, 386
Никейская империя, 99, 116
Никея, 89, 97, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 119, 123, 124, 127, 128, 130, 131, 133
Никита раб русский, 386
Никита Севаст, 262
Никита Схоларий, 142

Никита Хониат, 51, 54, 55, 81, 88, 92, 97, 99, 100, 102, 114, 120
Никитин Афанасий, 185, 186, 187
Никифор Эпирский, 132
Никифор II патриарх, 129
Никифор II Фока император Византии, 157, 233
Никифор Василики, 52
Никифор Влеммид, 59
Никифор Григора, 92, 132, 139, 170, 171, 213
Никифор Кантакузин, 144
Никифор Палеолог, 82
Никифор Хумн, 137
Никол Д., 91, 133, 165, 166, 349
Николай III папа, 132
Николай Месарит, 86, 98, 101, 103, 104, 106, 107, 121, 123, 124
Николай Пизанец, 351
Никомидия, 50, 99, 100, 101, 102, 119, 120
Никополь, 32, 33, 35, 36, 38
Никострат софист, 29
Никсар, 8, 50, 51. *См.* Неокесария
Нил Керамевс патриарх Константинопольский, 149
Нимфей, 20, 62, 352
Нистазопулу-Пелекидис М., 348, 349
Новгород, 179, 181, 182
Новый Афон. *См.* Анакопия
Ногай, 354
Нодеро, ди Франческино, 367
Ноли, 375

О

Огерий, 132, 133, 134, 165
Ока, 180
Оливерио Антонио, 334
Олита рабыня, 383
Олсхаузен Е., 67
Ольвия, 20, 62
Ольджати Дж., 338
Оргельс П., 121
Орда Золотая, 3, 134, 145, 149, 312, 314, 315, 320, 330, 347, 348, 351, 355, 376, 378, 397, 400
Орду, 14, 315, 352, 365, 382
Орентий св., 33
Орест св., 33
Орина русская рабыня, 384
Орхомены, 22
Османская империя, 330
османы, 2, 3, 153, 155, 156, 162, 186, 187, 188, 201, 210, 223, 233, 237, 244, 263, 273, 313, 314, 315, 320, 336, 365, 368, 397
Острогорский Г.А., 73
Отрар, 365

П

Павел апостол, 343
Павел папский легат, 152
Павел Тагарис, 148, 173
Павра. *См.* Бафра
Пайперт, 7, 9, 41, 43, 44, 45, 46, 50, 56, 76, 235
Палама Григорий, св., 313
Палеокастрон, 234
Палеолог Михаил, 294
Палеолог Никифор, 46, 55
Палеологи династия, 127, 129, 139, 142, 144, 145, 148, 149, 154, 202, 214, 310
Палестина, 182, 214, 216, 231
Пальмерио Риккобоно, 353
Памфилия, 103
Панайотакис Н., 239, 251
Панареты род, 206

Панкратий, 208
Панкратий (Баграт), 45
Пантикапей, 20, 23, 62. *См.* Керчь
Пападимитриу С.Д., 81
Пападопул, 136, 167
Пападопуло-Керамевс А.И., 60, 79, 212
Пападрианос Я., 175
Папакостас, 332
Папакостя Ш., 347, 349
Папарригопуло П., 118
Париадр, 5, 8. *См.* Лазистанский хребет
Париж, 205
Парфия, 25, 27
Пасхалий монах св.Виктора, 366
Пафлагония, 8, 10, 11, 16, 17, 20, 21, 23, 35, 38, 39, 40, 47, 53, 54, 55, 57, 60, 72, 73, 75, 82, 88, 90, 95, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 112, 118, 123, 124, 375
Пафлагония фема, 40, 72
пафлагонцы, 11, 57, 60, 83
Пеголотти Франческо Балдуччи, 256, 347, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370
Педалион мыс, 12
Пекин, 365
Пеллакан Пьетро, 382
Пелопоннес, 151, 219
Пенчко Н.А., 349
Пера, 144, 146, 257, 258, 262, 265, 266, 288, 298, 329, 336, 337, 338, 375, 376, 377, 378, 398
Ператия, 136, 167
Пергам, 19, 21
Пердикка, 16
Перикл, 15, 62
Перина, 383
Перисад V царь Боспора, 20
Перо Тафур, 155
Персармения, 45, 208
Персия, 8, 14, 15, 16, 17, 35, 38, 74, 181, 186, 228, 254, 261, 279, 290, 314, 320, 344, 367, 397
персы, 9, 14, 15, 36, 37, 38, 40, 43, 75, 80
персы-хуррамиты, 43
Перуцци, 315
Петр I Великий российский император, 193, 344
Петра, 37, 414, 415, 416, 417, 418, 420, 421, 423
Петрона, 39
Петрос каталикос Армении, 44
Пиги, 150
пизанцы, 353
Пий II папа, 227
Пиманион, 100
Пимен митрополит Киевский, 180
Пино, ди Антонио, 337
Пирей, 15, 63
Пистарино Дж., 338
Питиунт, 30, 31, 32, 33, 36, 69
Пифагор, 219
Пифодорида, 26
Пицунда. *См.* Питиунт
Плано Карпини Джованни, 351, 363
Платана, 209
Платина, 62
Платон, 218, 219, 225, 228
Плевсты род, 56
Плиний Младший, 26
Плусиада, 98, 99, 101, 102, 111
Плутарх, 16, 17, 65, 218
Подосинов А.В., 62
Полемон I, 25, 26, 27
Полемониды династия, 25
Полемоний, 32, 35, 69
Полибий, 61
Поло Марко, 314, 363, 365
Поло Маттео, 281
половцы, 180, 343, 344

Полоцк, 181
Польша, 181, 205, 328, 330, 336
Помино Ветторе, 383
Помпей Гней, 23, 24, 25, 35, 60, 65, 238
Помпейополь, 65
Понт, 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 66, 68, 69, 76, 77, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 102, 104, 108, 111, 112, 113, 122, 127, 130, 133, 134, 135, 140, 142, 144, 149, 155, 157, 158, 161, 163, 180, 184, 198, 199, 201, 206, 207, 210, 211, 212, 214, 218, 228, 229, 231, 233, 234, 237, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 263, 264, 275, 277, 279, 281, 282, 283, 284, 289, 290, 300, 312, 313, 315, 320, 346, 375
Понт Эвксинский. *См.* Черное море
Понт Полемониак, 32, 35, 36, 59, 69
Понтийские Альпы, 45
Понтийские ворота, 5, 8
Понтийские горы, 5, 7, 94
Понтийское царство, 17, 18, 19, 21, 23, 25, 26, 28, 59, 63, 64, 65
Понтираклия, 329, 337. *См.* Ираклия Понтийская
Порденоне Одорико, 176, 363
Порто Пизано, 378
Порфир, 233, 234
Посон, 39
Поти, 30
Пределли Р., 298
Приазовье, 1, 2, 49, 256, 329, 343, 344, 346, 347, 351, 375, 381, 382
Примоде, де Э., 345
Прицак О., 349
Причерноморье, 1, 2, 3, 10, 11, 18, 19, 36, 89, 195, 268, 270, 303, 304, 311, 312, 314, 319, 320, 321, 323, 325, 327, 328, 330, 331, 332, 335, 337, 346, 349, 351, 373, 375, 381, 383, 385, 400
Причерноморье Восточное, 30, 69, 329, 334
Причерноморье Западное, 20
Причерноморье Северное, 12, 18, 19, 20, 26, 30, 62, 180, 254, 257, 259, 312, 329, 344
Причерноморье Северо-Восточное, 329
Причерноморье Северо-Западное, 20
Причерноморье Юго-Восточное, 11, 263
Причерноморье Юго-Западное, 269
Причерноморье Южное, 17, 19, 21, 25, 26, 28, 30, 39, 61, 254, 256, 263, 265, 269, 270, 289, 306, 329
Проб, 31
Прованс, 134
Провато, 314
Прокопий Кесарийский, 9, 34, 68, 218, 349
Прокопий Хантзам, 232
Пропонтида, 8, 11, 85
Прохор Кидонис, 217
Пруссий, 102
Птерия, 15
Птолемей, 16, 60, 223, 229, 230
Птолемей Сотер, 16
Пулад, 397
Пумезана, ди Антонио, 335

Пьяццалунга, ди Паскуале, 305
Пьяченца, 375

Р

Рабино Гульельмо, 305
Рагуза, 375. *См.* Дубровник
Радич Р., 169, 172
Рамадан, 314
Ранович А.Б., 23
Ратони Николо, 337
Раффанелли, ди Марко, 424
Рейнальдо О., 165
Ремигий св., 100
Рестле М., 202, 203
Ризе, 8, 36, 37, 38, 68, 69
Рим, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 32, 64, 149, 167, 223
Римская империя, 8, 11, 26, 32, 86
Ришар Ж., 363
Робелло, ди Антонио, 281
Родос, 12, 18, 313, 338
Розенквист Я.О., 75, 76, 212, 213, 235, 245, 251
Роман патрикий, 41
Роман I Лакапин, император Византии, 41, 56, 158
Роман IV Диоген император Византии, 46
Романо Р., 312
Ромила отшельник, 158
Ромул, 13
Россия, 152, 181, 345
Ростовцев, М.И., 12, 63
Рубрук В., 351, 363
Рукн ал-дин султан Икония, 54
Рум, 134. См. Румский султанат
Румский султанат, 54, 96, 119, 134. *См.* Иконийский султанат
русские, 1, 39, 42, 179, 180, 181, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 191, 337, 382, 383, 384, 385, 386, 400
Русское государство, 344
Русудань из Ивирии, 164
Русь, 150, 155, 162, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 192, 193, 201, 381, 384, 397
Русь Северо-Восточная, 181
Руф Квинт Курций, 16
Рязань, 190

С

Сава трапезундец, житель Венеции, 262
Сава Неманя св., 131
Савва Асиден, 103, 118, 121
Савва Освященный св., 232
Савва Скоппа из Трапезунда, 262
Саввидис А., 72
Савона, 375
Садаг, 27. *См.* Сатала
Сайф ад-даула Хамданид, эмир, 41
Саккерио Лука, 336
Саличето Франческо, 353
Саломоно Эразмо, 382, 385
Салтон Залихион, 35
Самастро, 269, 273, 329, 339, 374. *См.* Амастрида
Самбучето, ди Ламберто, 304, 307, 317, 347, 352, 358
Самосата, 27, 41
Сампсон, 103, 121
Самсун, 8, 12, 13, 55, 65, 95, 265, 329, 335, 375
Самцхе, 137
Сан Донато, ди Гирардо, 304, 305, 306, 307
Сан Донато, ди Джованни, 332

Сангарий, 10, 98, 100, 101, 102, 107, 111
Санксену, 201
санны, 60. *См.* чаны
Сан-Ремо, 305
Сан-Ремо, из Симоне, 305
Санудо Джованни, 264
Сапрыкин С.Ю., 17, 59
Сарай, 181, 311, 348, 353, 354, 365, 366, 369, 378, 397
Сарайчик, 365, 367
Сарды, 15, 152
Саркел, 356
сарматы, 20, 30
Сары Ходжа татарин, 385
Сасаниды династия, 31
Сатала, 9, 27, 31, 32, 33, 35, 36, 38
Саули Манфредо, 331, 332
Сафаргалиев М.Г., 347
Святая гора. *См.* Афон
Себастополис, 27, 30
Себеос, 38
Севаст Цанихита, 141
Севастия, 31, 32, 35, 46, 49, 51, 79
Севастополь, 35, 36, 69, 266, 268, 269, 329
Селевк I, 17
Селевкиды династия, 17, 21, 79
Селивестр архимандрит, 193
сельджуки, 9, 45, 46, 47, 49, 50, 53, 54, 55, 78, 81, 87, 88, 93, 96, 97, 99, 103, 104, 106, 107, 123, 128, 167, 180, 196, 197, 206, 208, 238
Сельджукиды, Великие династия, 48
Семен раб русский, 386
Сенекерим Арцруни царь Васпуракана, 44
Сербия, 131, 152, 156, 201, 313
сербы, 162, 313
Серра Дж., 345
Серравале, 337
Серры, 150
Серторий, 22
Сестренцевич-Богуш С., 345
Сивас, 35, 50, 80, 99, 104, 119, 187
Сида, 138
Сидена, 13, 29
Силей, 138
Сильвестр Сиропул, 184
Симеон митрополит Трапезундский, 154
Симеон Суздальский, 184
Симиссо, 257, 265, 306, 329, 331, 374, 378
Синадин, 100
Синадин Андроник, 119
Синай, 182
Синоп, 2, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 35, 39, 40, 43, 46, 47, 48, 50, 60, 61, 62, 63, 68, 69, 78, 82, 93, 95, 102, 104, 105, 106, 107, 112, 122, 123, 128, 134, 138, 146, 157, 180, 181, 199, 269, 265, 266, 272, 329, 334, 336, 375, 378
Сиракузы, 68
Сириада полуостров. *См.* Инджебурун
Сирикена великая дукиня, 168
Сирия, 71, 230, 314
Сирмена, 7, 41, 56
сицилийцы, 336
Сицилия, 131, 334, 337
Скантарий, 154, 155, 209, 211. *См.* Александр Великий Комнин
Скардон П., 352
Скидрофемид, 16
Скилица Иоанн, 208
Скифское царство, 20
скифы, 20, 32, 42
Скржинская Е.Ч., 181, 348, 349

Слуцк, 181
Смоленск, 181
Солгат, 145, 329, 335, 365, 378. *См.* Старый Крым
Солдайя, 329, 332, 333, 334, 347, 348, 351, 352, 360, 364, 398
Соловьев С.М., 179
Соранцо Дж., 349, 357
Сотирополь, 152
Софроний, 158
Спинола Джованни, 385
Спинола Мервальдо, 287, 336
Спинола род, 336
Средиземноморье Восточное, 10, 300, 311, 316, 320
Средиземный Понт, 27
Станерио Донато, 293
Старый Крым, 329. *См.* Солгат
Стелла род, 337
Стефан воевода Валахии, 336
Стефан Афинский, 248
Стефан Сгуропул, 214, 239
Стефан Скилица митрополит Трапезундский, 53
Сторнелло Пьетро, 401, 402, 415, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 425
Страбон, 11, 12, 13, 18, 21, 26, 29, 72
Стржиговский Й., 232
Стрыйковский М., 343
Сугдея, 104, 348, 352. *См.* Солдайя, Сурож, Судак
Судак, 329, 347, 398
Сулла, 22
Султания, 256, 289, 337
Сулусарай, 35
Сумела, 157, 158, 159, 191, 200, 203, 204, 205
Сурамский хребет, 117
Суриков И.Е., 62
Сурож, 180. *См.* Солдайя, Судак
Сусурмена, 68
Сухуми, 27, 30, 35, 266, 329
Схоларии род, 57, 141, 142, 143, 209, 215, 243, 288
Схоларий великий дука, 216, 288
Сьена, 309

Т

Тавриз, 229, 230, 254, 256, 279, 289, 290, 314. *См.* также: Тебриз
Таврия, 345. *См.* Крым
Тадж ал-дин Челеби, 146
Талаура, 18
Талбот-Райс Д., 201
Талбот-Райс Т., 200
Тамань, 181, 329, 351
Тамар царица Грузии, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 97, 113, 115, 119
Тамерлан, 162, 243, 244, 319, 369, 397, 401
Тана, 1, 180, 181, 188, 259, 273, 289, 291, 297, 306, 312, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 325, 326, 330, 335, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 352, 353, 354, 355, 357, 358, 359, 361, 362, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 374, 375, 376, 377, 378, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 394, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 404, 405, 415, 416, 417, 420, 422, 424, 426. *См.* Азов
Танаис, 26, 32, 343, 344, 345, 349, 351
Тангерони М., 310
Тао (Тайк), 44, 45
Тарон, 46
Таронит Григорий, 45, 50, 51, 56, 80, 81, 83
Таронит Иоанн, 51, 83

Таронит Михаил, 46
Тароните род, 46, 56, 57, 78
Тарс, 41, 110
Тарсия, 111
Тассо Буого, 378
Татария, 231, 337, 354
татаро-монголы, 9, 310, 314
татары, 180, 182, 315, 316, 318, 319, 332, 335, 343, 345, 346, 350, 353, 364, 367, 375, 376, 384, 386, 398
Татищев В.Н., 344, 348
Тацак, 41
Тацит император, 31
Тацит Корнелий, 16, 28
Тбилиси, 116
Тверь, 185
Тебриз, 148
Тексье К., 204
Тенедос, 215, 298
Терджан. *См.* Дердзин
Термодонт, 12, 15, 107
Тиана, 31
тибарены, 11, 14, 18
Тивенна, 51
Тивериадское озеро, 202
Тигр, 41
Тигран II, 22
Тимесилай, 15
Тимофей, 16
Тимур. *См.* Тамерлан
Тиннефельд Ф., 323
Тиос, 31
Тира, 62
Тиреболу, 8
Тирье Ф., 348, 349
Тит Ливий, 63
Тиха, 29
Тихик, 228, 248
Тихомиров М.Н., 194
Тмутаракань, 351
Тогрул-бек, 45
Токат, 8, 35, 187
Торик, 62
Тохта, 353
Тохтамыш, 182, 369, 424
Траллы, 21
Трансторн Гонсальво, 366
Трапезунд, 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 59, 61, 62, 68, 69, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 95, 96, 97, 99, 104, 106, 109, 110, 112, 113, 116, 119, 122, 123, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 166, 167, 168, 170, 173, 174, 176, 178, 179, 180, 181, 183, 185, 186, 187, 188, 193, 195, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 236, 237, 238, 239, 243, 247, 248, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 264, 265, 269, 270, 275, 277, 279, 280, 281, 283, 285, 286, 287, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 303, 304, 305, 306, 308, 312, 313, 314, 317, 318, 320, 329, 330, 332, 339, 346, 347, 348, 364, 369, 374, 375, 378, 384, 398
Трапезундская империя, 1, 2, 5, 6, 11, 33, 34, 54, 55, 57, 79, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 102, 104, 106, 107, 110, 112, 115, 116, 117, 119, 128, 129,

131, 132, 137, 138, 142, 145, 152, 157, 158, 160, 161, 162, 163, 179, 180, 183, 184, 185, 187, 188, 191, 195, 197, 201, 202, 204, 205, 206, 208, 211, 214, 217, 219, 220, 221, 229, 230, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 242, 255, 256, 258, 259, 262, 263, 264, 270, 275, 277, 278, 279, 281, 282, 283, 284, 285, 288, 289, 294, 297, 298, 300, 303, 304, 305, 306, 313, 310, 330, 335, 340
Траян, римский император, 26, 32, 68
Триполи, 8, 204, 262
Тротис, ди Тома, 280
Трояна, 33
Трэдголд У., 72
Туба, 329
Туманов К., 90, 115
Туркестан, 367
турки, 46, 107, 128, 156, 162, 187, 335, 336, 337, 384
туркмены, 49, 51, 55, 87, 93, 141, 142, 207, 210, 214, 216, 285, 289
Турция, 156
Тцампа великий доместик, 168
Тырново, 109, 152
Тьерри М., 101, 205
тюрки, 128

У

Увайс I, 290
Угра, 186
Узбек, 345, 346, 347, 354, 355, 358, 362, 367, 382
Узо ди Маре Оберто, 304, 305, 306
Узун Хасан, 172, 187, 234, 244
Уинфилд Д., 201
Улус Джучи, 314, 315, 497. *См.* Орда, Золотая
Ульяна, 383, 399
Ургенч, 363, 365, 366, 367, 369
Урош (Стефан) II Милутин сербский король, 138
Урсето Франческо, 304
Успенский Ф.И., 89, 90, 92, 115, 166, 169
Уццано, 315

Ф

Фальмерайер Я., 38, 86, 87, 93, 169
Фамагуста, 339, 378
Фанария, 8
Фарнак, 17, 18, 19, 23, 25, 26, 63, 64
Фарнак I, 18
Фарнакия, 18
Фасис, 9, 11, 30, 31, 32, 34, 41, 97, 114
Фассо, 181. *См.* Поти
Фатинанти Дж., 287
Федор русский, 382
Федосья рабыня русская, 385
Фемискира, 8, 12, 13, 29
Феогност митрополит Ивирский, 161
Феогност митрополит Киевский, 382
Феогност митрополит трапезундский, 162, 179, 181, 182, 183
Феодор епископ, 128
Феодор русский, 382
Феодор св., 48
Феодор таксиарх, 36
Феодор I Ласкарь никейский император, 97, 98, 99, 101,

103, 105, 106, 107, 111, 121, 123, 144
Феодор II Ириник патриарх, 106
Феодор из Керасунта, 262
Феодор Иртакин, 213
Феодор Ксифилин, 135, 166
Феодор Панарет, 152, 206
Феодор Продром, 53, 81
Феодор Севастийский, 239
Феодора Великая Комнина, 172, 234, 244
Феодора Кантакузина, 49, 144, 149, 204, 209, 218, 243
Феодорит Киррский, 34
Феодоро, 54, 243, 328, 329, 330, 334, 335, 338, 340
Феодосий митрополит Киевский, 184, 186
Феодосий митрополит Московский, 180
Феодосий митрополит Трапезундский, 153, 158, 159, 161, 162, 183, 217, 398
Феодосий I император Византии, 35
Феодосиуполь, 9, 36, 38, 41, 42, 45, 49
Феодул митрополит Трапезундский, 179, 182, 191
Феофан Агаллиан митрополит Мидийский, 226
Феофана Продолжатель, 40, 73
Феофил император Византии, 43, 75
Феофилакт архиепископ Охридский, 49, 50, 79, 80
Фернек деревня. *См.* Ясон, мыс
Феррара, 337
Фессалия, 132, 133
Фессалоники, 141, 150, 153, 198, 313, 377
Фетинкия, 382
Филабонит, 8. *См.* Харшит
Филадельфия, 52, 377
Филельфо Франческо, 218, 227
Филиппополь, 49
Филон, 219
Филофей Коккин патриарх Константинопольский, 149, 153, 159, 183, 217
Финлей Дж., 87, 88, 113
Фландрия, 336
флорентийцы, 344, 368
Флоренция, 227, 309
Фока Варда, 42
Фока св., 32, 45, 68, 159, 209, 216
Фокея, 255
Фома апостол, 202
Фома инок, 185
Фома Аквинат, 226
Фома Славянин, 40
Фомичев Н.М., 356
Фонкич Б.Л., 178, 179, 180, 182, 191, 220
Фоскарини Франческо, 402
Фоссье Р., 309
Фотий митрополит Киевский, 182, 191
Фракия, 20, 85, 130, 312
Франко ди Пагано Джованни, 268
Франкское королевство, 74
Франция, 155, 205, 242, 328
Франческина, 367
Фрегозо род, 336. *См.* Кампофрегозо
Фрескобальди Лионардо, 368
Фригия, 20
Фригия Великая, 19
Фридманн Э., 347, 349
Фукидид, 213
Фьески Теодоро, 333

X

Хаджитархан, 311, 365, 401, 426. *См.* Астрахань

хазары, 356
Халдия, 7, 33, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 53, 54, 55, 56, 72, 74, 75, 82, 96, 99, 127, 169, 195, 233, 235, 282
Халдия фема, 39, 40, 41
халды, 18, 43, 52, 72
Халды род, 56
халибы, 11, 12, 18, 52
Халивия, 11
халивы, 52, 72. *См.* также халибы
Халкедон, 9, 22
Ханбалык, 365. *См.* Пекин
Хариуполь, 239
Харсиана фема, 39
Харфф, фон Арнольд, 367, 368
Харшит, 8
Хериана, 7, 56
Херонея, 22
Херсон, 180, 217
Херсонес, 18, 20, 23, 28, 59, 104, 128, 132, 344
хетты, 11, 12
Хиос, 336, 338, 377
Хитир-бей, 210
Хлат, 96
Хопф К., 118
Хоффманн Й., 94
Хрисанф (Филиппидис), 162, 191
Хумиала село, 33
Хунгер Г., 162

Ц

Цаниха, (Цанха), 8, 11, 60
Цанихиты род, 11, 57, 169
Цезарь Гай Юлий, 24, 25, 26
Цицерон, 21

Ч

Чака, 61
Чакерис, 61
чаны, 11, 28, 34, 36, 37, 60, 89
Чембало, 329, 333, 334, 335, 336, 338
Черепнин Л.В., 179, 182
черкесы, 384
Черное море. passim
Чесси Р., 347
Чиврано Лука, 384
Чигалла Марино, 269
Чиперис А.М., 374
Чиприко, 305
Чобан, 180
Чордванел, 45
Чорох, 2, 5, 10, 11, 27, 37, 39, 45, 107

Ш

Шамс ал-дин ал-Бухари, 229
Шахид И., 71
Шебин Карахиссар, 35, 304
Шейне Ж.-К., *56*, 76, 80, 125
Шемаха, 181
Шломберже Г., 76, 82
Шолохов Л.Г., 349
Шпулер Б., 349
Штэкле Д., 320
Шукуров Р.М., 105, 122, 124, 211, 231, 249

Щ

Щапов Я.Н., 179

Э

Эбора, 69
Эгеида, 12, 18, 19, 32, 85, 311, 320, 336, 375, 398
Эдра. *См.* Атра
Энос, 377
Эпир, 85, 132, 133, 141, 313
Эрегли, 329. *См.* Ираклия Понтийская
Эрзерум, 9, 41, 45, 49, 89
Эрзинджан, 42, 187
Эрс Ж., 273, 310
Эфес, 21, 151, 152

Ю

Юрий раб русский, 386
Юстианополь, 36, 38
Юстин I, 34
Юстиниан I, 27, 35, 36, 37, 197, 349

Я

Яги Басан, 81
Якоб Реверий, 351
Якубовский А.Ю., 190
Ян Казимир Ваза король Польши, 205
Янис пристав, 383
Ярмук, 38
Ясон мыс, 18
Ятропул, 167